

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

История внешней политики России

Конец XV — XVII век
(От свержения
ордынского ига
до Северной войны)

«Парадигма»
Москва, 2018

«Академический проект»
Москва, 2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

*Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Редакционный совет:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор) — член-корр. РАН;
А.В. Игнатъев (заместитель ответственного редактора) — д-р ист. наук;
О.В. Орлик — д-р ист. наук; *Г.А. Санин* — д-р ист. наук;
В.М. Хевролина — д-р ист. наук

Редакционная коллегия тома:

Г.А. Санин (ответственный редактор) — д-р ист. наук; *В.Б. Михайлов*
(ответственный секретарь); *А.В. Игнатъев* — д-р ист. наук;
А.А. Преображенский — д-р. ист. наук

История внешней политики России: В 5 т. Т. 1. Конец XV – XVII век
И90 (От свержения ордынского ига до Северной войны). — М.: Академический
проект; Парадигма, 2018. — 436 с. — (Концепции).

ISBN 978-5-8291-2364-2 (Академический проект)

ISBN 978-5-902833-45-1 (Парадигма)

ISBN 978-5-8291-2365-9 (Академический проект. Т. 1)

ISBN 978-5-902833-46-8 (Парадигма. Т. 1)

Эта книга начинается первое в отечественной науке обобщающее 5-томное издание по истории внешней политики России до 1917 года. Она охватывает внешнюю политику Древней Руси и доводит исследование до конца XVII века. Перед Россией в то время стояли задачи воссоединения русских, украинских и белорусских земель, борьбы за выход в Балтийское море, обороны южных и восточных рубежей от вторжений кочевых народов, последующего продвижения к берегам Тихого океана и Черного моря.

В книге даются яркие портреты исторических личностей, монархов и дипломатов России и мира. В работе использованы и часто по-новому осмыслены уникальные архивные материалы.

Книга рассчитана на специалистов, студентов, преподавателей и всех интересующихся историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-2364-2
ISBN 978-5-902833-45-1
ISBN 978-5-8291-2365-9 (Т. 1)
ISBN 978-5-902833-46-8 (Т. 1)

© А.Н. Сахаров, А.В. Игнатъев,
Г.А. Санин и др., 2018
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2018
© «Парадигма», 2018

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателя труд отвечает назревшей потребности в изучении и обобщении внешней политики дореволюционной России. Эта политика была сложной и противоречивой, но первостепенную роль в ней играли отстаивание жизненных интересов страны, связанных с ее геополитическим положением, борьба за достойное место среди других государств, стремление к сотрудничеству с ними на обеспечивающей эти цели договорной и правовой основе.

Исследование открывает глава I, содержащая анализ истоков русской внешней политики с древнейших времен и до конца XV века.

В XV веке Русская земля сбросила ордынское иго, восстановила свою самостоятельность. Исследование доведено до Октябрьской революции, в корне изменившей всю жизнь страны и во многом ее место на мировой арене. Изложение разбито на пять томов, каждый из которых соответствует определенному периоду в развитии внешней политики России.

В первом томе (до конца XVII в.) внешняя политика России рассматривается в связи со становлением и укреплением многонационального Русского государства. Том посвящен трудному пути его вхождения в систему международных отношений. Второй том охватывает XVIII век — период, когда Россия укрепила связи с государствами Центральной и Западной Европы, вышла к морям, превратилась в великую европейскую державу и многонациональную империю. Третий том характеризует международное положение и внешнюю политику России в первой половине XIX века, ее борьбу против наполеоновской агрессии, важную роль в европейской «венской системе», тщетные усилия решить в своих интересах Восточный вопрос. В следующем томе (вторая половина XIX в.) раскрыты сложные коллизии между стремлением царского правительства к проведению активной внешней политики и потребностью страны в мире для осуществления назревших внутренних преобразований. В заключительном томе, посвященном концу XIX — началу XX века, исследуются изменения внешнеполитического курса страны в начале новой исторической эпохи, когда противоречия между державами вылились в конечном счете в тяжелейшую мировую войну.

Новизна исследования состоит, разумеется, не только в широте хронологического охвата, позволяющей восстановить общую картину, основные направления и тенденции развития внешней политики России. Велик и пространственный спектр, охватывающий все театры международной активности России — Европу, Ближний, Средний и Дальний Восток, Америку. Это дало возможность выявить влияние страны на судьбы других

государств и международные отношения в целом, а главное — увидеть последовательность, логику исторических усилий России в определении характера отношений с окружающим ее миром.

Авторский коллектив стремился к созданию непредвзятой, взвешенной работы, способной выдержать испытание временем. Они опирались на предшествующие достижения исторической науки, труды таких крупных историков, как Б.В. Ананьич, Н.Н. Болховитинов, С.А. Тихвинский, А.А. Фурсенко, В.С. Мясников, В.Т. Пашуто и многих других. Вместе с тем авторы, как правило, использовали первоисточники и привлекали новый архивный материал и публикации.

Большое место в работе уделяется механизму принятия и осуществления внешнеполитических решений, борьбе политиков и дипломатов при выработке подходов к решению злободневных международных вопросов.

Внешняя политика России тесно связана как с ее геополитическим положением, так и с внутренней эволюцией страны. Отсюда большое внимание уделено изучению влияния общественного мнения на внешнеполитическую деятельность правительства.

Обобщающая коллективная работа по внешней политике России была задумана в Институте истории СССР, ныне Институте российской истории, еще в 80-е годы. Сотрудники института и стали ее главными исполнителями. В период, когда сектор истории внешней политики России возглавлял академик А.А. Нарочницкий, известный специалист по международным отношениям, был разработан проект очерков, охватывавших XIX — начало XX века. В дальнейшем замысел был расширен до масштабов сегодняшнего издания. Его активно поддержал директор института, член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров, который и возглавил редколлегия всего пятитомника. В нее вошли также доктора исторических наук А.В. Игнатьев (заместитель ответственного редактора), О.В. Орлик, Г.А. Санин и В.М. Хевролина. Они же были ответственными редакторами отдельных томов. Работу ответственных секретарей томов проделали кандидаты исторических наук Е.Г. Кострикова, В.Б. Михайлов, В.Н. Пономарев и Ю.Ф. Субботин.

Авторы выражают глубокую благодарность сотрудникам архивов и библиотек, помогавшим им в поисках материалов, коллегам по Институту российской истории и другим институтам РАН, участвовавшим в обсуждении рукописей томов, работникам издательства «Международные отношения» и прежде всего генеральному директору издательства Б.П. Лихачеву и нашему бессменному редактору, кандидату исторических наук Л.А. Завальной.

Особую признательность хотелось бы выразить МИД России и Российскому гуманитарному научному фонду, оказавшим изданию финансовую поддержку.

Предисловие

Сформировавшееся к IX веку Древнерусское государство восприняло, последовательно развило и через систему полусамостоятельных, а то и полностью самостоятельных восточнославянских княжеств периода феодальной раздробленности передало потомкам целый комплекс сложных внешнеполитических проблем.

Эти проблемы в основных своих чертах начали формироваться еще в процессе великого переселения народов. Славяне, оттесненные в глубь Восточной и Центральной Европы, вынуждены были в процессе своего развития отвоевывать побережье Балтийского и Черного морей. Так появилась южная и северо-западная проблемы.

Находясь на стыке европейского и азиатского типов цивилизации, наши предки стояли перед дилеммой: либо погибнуть под жестокими ударами степных кочевников, либо отразить эти удары, укрепиться на волжском торговом пути, чтобы позднее, в XVI и XVII веках, продвинуть далее восточные рубежи России (восточная проблема).

В процессе складывания Древнерусского государства зародилось и западное направление внешней политики, определившее естественные геополитические рубежи Руси в IX–XIII веках в Европе, позднее вылившееся в задачу воссоединения Украины и Белоруссии с Россией. Выход к этим рубежам создавал предпосылки для усиления политического влияния Руси и России в Центральной Европе. Политика на Балканах, на Кавказе, на Ближнем Востоке и в зоне черноморских проливов тоже уходит своими корнями во времена Древней Руси.

В истории России, как и Европы в целом, вторая половина XV века была переломным периодом. Но если на западе континента в это время появились первые ростки буржуазного общества, то на востоке шли процессы собирания национальной территории вокруг Москвы и освобождения от векового чужеземного ига. В 1480 году «стояние на Угре» ознаменовало восстановление самостоятельности Русского государства. Страна приняла на себя величие и бремя православного царства — объединителя древнерусских земель. Внешнеполитические задачи приходилось решать одновременно с преодолением отсталости, являвшейся следствием двухвекового чужеземного ига, неблагоприятных геополитических условий. Несмотря на все трудности, а порой и жестокие потрясения, Россия шла избранным путем, оказывая все большее влияние на международные отношения, а в XVIII веке превратилась в великую державу всевропейского масштаба.

В зарубежной историографии имеет давнюю традицию трактовка внешней политики Русского государства как имперской чуть ли не на всем ее протяжении, начиная с завоеваний Ивана Грозного. В такой оценке

проявлялась характерная для западного мировоззрения русофобия, обусловленная отчасти непониманием (цивилизационные отличия), а в еще большей мере страхом перед возможностями огромной и быстро растущей страны. По справедливому наблюдению академика Д.С. Лихачева, «ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия, и ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский» (Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире).

Думается, что в действительности предпосылки к превращению России в великую державу общеевропейского ранга стали складываться лишь во второй половине XVII века, когда России удалось вернуть большую часть западнорусских земель и государство на широком фронте вышло к границам расселения великорусской народности. До этого времени, несмотря на порой значительное расширение территории на восток, основные силы и внимание были сосредоточены на решении национальных задач воссоединения и отстаивания независимости. Кроме того, требовалось признание страны равным партнером в новой европейской системе отношений, заложенной Вестфальским миром 1648 года. Ибо западные творцы и толкователи этого мира склонны были относить окраинную Московию к «варварским державам», которые, как они полагали, Европе предстоит осваивать (наряду с Китаем или империей Моголов).

Первые шаги к вхождению в европейскую систему были сделаны во второй половине XVII века, когда после участия в войне со Швецией (1656–1661 гг.), Андрусовского перемирия (1667 г.) и «Вечного мира» с Польшей 1686 года, закрепив за собой Левобережную Украину и Киев, Россия вступила в Священную лигу против Турции. Этот опыт оказался для нее малоудачным. Союзные страны, и прежде всего Австрийская империя, в предвидении назревавшей войны за испанское наследство пошли на сепаратное урегулирование с Турцией. России ничего не оставалось, как последовать их примеру.

Она тем не менее не остановилась в своем движении к европейской системе. Петр I и его сподвижники изучили новые возможности в ходе Великого посольства, в результате чего решено было изменить направление усилий и обратиться к борьбе против Шведской державы в коалиции с Саксонией и Данией. В ходе длительной Северной войны (1700–1721 гг.) цели России менялись: от первоначально скромных задач вернуть «отчины и дедины», примыкавшие к восточной части Финского залива, до широкого участия в разделе шведского наследства и превращения России в равного партнера на Балтике. Имперские замыслы относятся уже к другому историческому периоду. Таким образом, как минимум XV и XVI века были тем временем, когда во внешней политике России преобладало решение национальных задач, а во второй половине XVII века возникают лишь предпосылки к новому качеству, реализованные далеко не сразу. Последовал еще целый период перерастания в имперскую политику, о чем речь пойдет в следующей книге.

Внешняя политика России на протяжении XV и XVI столетий проходит ряд последовательных этапов. Правительство Ивана III сосредоточило главные усилия на объединении под своей властью древнерусских земель. Решался вопрос, какая из двух крупных держав региона — Россия или Литва — станет центром этого прогрессивного процесса, и пальма первенства склонялась в сторону Москвы. Русскому государству приходилось противостоять претензиям на восстановление вассальных отношений со стороны наследников Золотой Орды — поволжских ханств, Больших Ногаев, Крыма, за которыми стояла могущественная Османская империя. Политика Ливонского ордена, посягавшего на соседние русские земли и препятствовавшего развитию русской торговли, а также территориальные притязания Швеции поставили на повестку дня балтийский вопрос. При Иване III значительно упрочился международный авторитет Русского государства, расширились его связи. Формировалась новая внешнеполитическая идеология.

Основные линии русской внешней политики, наметившиеся в царствование Ивана III, продолжались его преемниками. Совершенствование дипломатической службы привело, в частности, к созданию специального центрального правительственного учреждения, ведавшего сношениями с иностранными государствами, — Посольского приказа. Внутриполитическая и внешнеполитическая борьба достигли крайнего напряжения во второй половине XVI века при Иване IV. В правление Грозного Москва добилась определенных успехов на восточном и юго-восточном направлениях, присоединив Казанское и Астраханское ханства и начав завоевание Сибири. Но главные усилия были обращены на борьбу за Прибалтику с Ливонским орденом, которая переросла в тяжелую затяжную войну. Почти 25-летняя неудачная война и крайнее обострение внутренней борьбы (опричнина) повергли Русское государство в состояние глубокого кризиса.

В правление Бориса Годунова, несмотря на принимавшиеся меры и некоторые внешнеполитические успехи, России не удалось преодолеть тяжелых последствий царствования Грозного. В начале XVII века внутреннее положение в стране вновь обострилось. Соседние государства — Польша и Швеция — воспользовались этим для реализации своих захватнических планов. В результате внутренней смуты и иностранной интервенции Русское государство временно утратило свое международное значение и было отброшено далеко назад. Возникла угроза самостоятельности России.

Задачу спасения страны взяли на себя патриотически настроенные слои народа, возглавленные служилым дворянством и торгово-промышленной городской верхушкой. Лидерам 2-го ополчения, а затем правительству Михаила Романова удалось, не без тяжелых потерь, отстоять независимость государства. Но после Смутного времени понадобилось еще столетия, чтобы укрепиться на достигнутых позициях. Только во второй половине XVII века Русское государство смогло стать одной из ведущих

политических сил в Восточной Европе, восстановить и укрепить свое место в общеевропейской системе международных отношений. Россия далеко продвинулась на восток, где встретила с Китаем. Но ни балтийская, ни южная проблемы не получили разрешения. Права решающего голоса в европейских делах еще предстояло добиваться. Сказывалось отставание от западноевропейских стран, особенно в области науки и в военном деле. Ощущалась необходимость решительных перемен.

В предлагаемом томе не рассматриваются взаимоотношения России со странами Кавказа и Средней Азии в XVII веке. Объясняется это тем, что после неудачной попытки расширить свои владения на Кавказе в конце XVI века Россия временно ослабляет активность в этом направлении: глубокий национальный кризис начала века и последующие войны за Украину с Речью Посполитой и Османской империей отвлекали силы страны.

Исследователи отмечают рост культурных и торговых связей России с Кавказом, но и для России, и для кавказских народов эти связи носили второстепенный характер. Противодействуя агрессии Ирана и Османской империи, народы Закавказья постепенно усиливают ориентацию на Россию, но ее реальные возможности оставались еще весьма ограниченными.

Отношения России со среднеазиатскими ханствами носили в XV–XVII веках спорадический характер, дипломатические связи поддерживались нерегулярно, но тем не менее и торговые и политические контакты со странами Кавказа и Средней Азии крепились*.

Таковы ключевые моменты предлагаемого вниманию читателя труда. Авторский коллектив стремился раскрыть историю внешней политики России конца XV–XVII века, используя современную методологию и теорию международных отношений. Едва ли не наиболее важным представлялось выявление нового, с позиций научной объективности, создание не конъюнктурной однодневки, а исследования, которое могло бы выдержать испытание временем.

Авторами книги являются: член-корреспондент РАН *А.Н. Сахаров* (глава I), д-р ист. наук *М.Е. Бычкова* (глава II, раздел 6 — совместно с *А.В. Виноградовым*), *А.В. Виноградов* (глава III), канд. ист. наук *Е.И. Кобзарева* (глава IV), д-р ист. наук *Г.В. Мелихов* (глава V), д-р ист. наук *Н.М. Рогожин* (глава VII), д-р ист. наук *Г.А. Санин* (предисловие, глава VI, заключение).

---

* См.: *Новосельцев А.П.* Освободительная борьба народов Закавказья в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 116; *Преображенский А.А.* Из истории сношений Русского государства со странами Средней Азии в XVII в. // Исторические записки. Т. 36. М., 1951. С. 270; *Устюгов Н.В.* Научное наследие: экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве XVII века. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII–XVIII вв. М., 1974. С. 238.

Глава I. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века

Истоки внешней политики России, как и любого другого крупного государства на территории Европы и Азии, восходят к глубокой древности. Именно в глубинах индоевропейских цивилизационных процессов, протекавших на огромных пространствах Евразии, формировались первые, пока еще смутные и быстро меняющиеся контуры геополитических интересов предков будущих здешних народов. Распространение индоевропейцев в III тысячелетии до н. э. из районов Юго-Восточной Европы — от Атлантики на западе до Урала на востоке и от скандинавии и берегов Белого моря на севере до Иранского нагорья, долин рек Инда и Ганга и предгорьев Гималаев на юге — резко изменило тогдашнюю карту Евразии. Клин индоевропейских переселений прошел Восточно-Европейскую равнину до Урала и рассек поселения живших здесь предков угро-финских народов. Индоевропейские вторжения наложились на территорию будущей России, где со времен палеолита обитали аборигены.

В районах Южной Сибири, к юго-востоку от Урала, локализовались носители алтайских языков, а еще далее на восток формировались предки тюркских народов. Таким образом, в ходе древнейших цивилизационных демографических, этнических процессов складывались три основные группы населения Евразии, которым суждено было сыграть решающую роль в позднейших исторических процессах: индоевропейцы, угро-финны, тюрки. Уже в ту пору Евразия геополитически дифференцировалась от регионов Месопотамии, Северной Африки, Юго-Восточной Азии, где ранее, чем на Европейском и Североазиатском континентах, зарождались и развивались очаги цивилизации.

Несмотря на то что население в те далекие времена было малочисленным по сравнению с позднейшими веками и вольно расселялось на евразийских просторах, в руках археологов имеется немало свидетельств кровавых драм, которые сопровождали один из первых «переделов» Европы в период «неолитической революции» и первых столетий железного века. Следы сожженных стоянок, останки убитых индоевропейцев, предков угро-финнов, тюрков, многие из которых предстали перед археологами с проломанными каменными топорами черепами и пронзенными стрелами и копьями грудными клетками, — такова была плата за «обустраивание»

компактных групп людей, говорящих на одном наречии, на новых территориях¹.

Прекрасные плодородные земли, богатые зверем лесные угодья, полные рыбой прозрачные озера и плавно текущие реки брались людьми друг у друга с бою. Раздел природы — это не изобретение нашей эры. Он появился с того времени, когда человеческие существа объединились в первые коллективы. И чем совершеннее становилось человеческое общество, тем полнее использовало оно природные ресурсы и овладевало преимуществами географо-климатической среды, тем яснее осознавало важность этих приобретений и защиты выгодных территорий, тем изощреннее вело за них борьбу, видело в этом средство к выживанию, а в дальнейшем к процветанию, ставя эту борьбу порой в центр своей деятельности.

Вся последующая история человечества в части межэтнических отношений и в догосударственный, и в государственный периоды была в известной мере борьбой за передел природы, в какие бы цивилизованные формы это порой ни облекалось.

В то же время наивно было бы думать, что жизнь человеческая проходила и проходит лишь в неустанной и непрекращающейся борьбе на уровне как отдельных людей, так и целых народов. Сама жизнь, сама геополитика в течение долгих веков регулировали и уровень и ярость этой борьбы, и естественные на этом пути компромиссы, которые в течение веков также находили свое воплощение.

Конечно, со временем уже в развитых государственных образованиях Евразии, да и остальных частей мира, плоды этого передела, результаты этой борьбы и этих компромиссов в значительной степени доставались господствовавшим в обществе классам или сословиям, так как именно они были инициаторами этой борьбы, носителями геополитических устремлений общества.

Было бы ошибкой считать, как это делала в недалеком прошлом марксистская историография в ее догматическом, сектантском выражении, что именно их так называемые классовые интересы диктовали народам и государствам геополитическую волю. Здесь, в угоду идеологизированной догме, следствие принималось за причину, а подлинная причина, истинная пружина действий народов и государств по отношению к своим ближним и дальним соседям отодвигалась в исторических исследованиях в тень. Из этой тени они выходили лишь при объяснении неких патриотических военных свершений, когда враг грозил захватом родных земель, лишением народа тех природных сокровищ, которые обеспечивали его жизнеспособность, когда тем самым под вопрос ставилось существование Родины и все силы общества напрягались в борьбе с этим врагом.

Поэтому понятно, что в истории России с древнейших времен до нынешних дней геополитические цели народов, обитавших на про-

сторях Восточно-Европейской равнины, и их этнический, а позднее и государственный лидер — восточное славянство — от Древней Руси через систему древнерусских и средневековых восточнославянских государств, через Московскую Русь, Российскую империю, Советский Союз выражались с неуклонной последовательностью и преемственностью. Проходили века, менялись цивилизационные ориентиры, иные общественные слои и их лидеры — от великих князей киевских, позднее литовско-русских, владими́ро-суздальских, черниговских, галицко-волинских, смоленских, новгородской госпо́ды, а еще позднее тверских, московских, нижегородско-суздальских князей до государей всея Руси, российских императоров, большевистских вождей — приходили на смену друг другу. В затейливо бурлящем мире менялись не только государственные облики восточного славянства, но и государственный и этнический облик его соседей, а геополитические цели народов и государств, передававших друг другу историческую эстафету в этом регионе Евразии, оставались во многом близкими, как близкими были и внешнеполитическая активность, концепции, приемы, защищавшие эти цели. А главное: недвижно стояли в этом мире Кавказские, Карпатские и Уральские горы, неизменно текли на юг Днепр и Волга, а на север — Западная и Северная Двина; все так же безразлично были раскинуты по периметру восточноевропейской ойкумены Балтийское, Белое, Черное и Каспийское моря. Все так же завлекательно доступным оставался для пришельцев из глубин Азии проход между южными отрогами Урала и северным берегом Каспия. Все так же мягок и комфортен для жизни людей оставался овеваемый теплыми ветрами Средиземноморья и Гольфстрима Западноевропейский регион, а карпатские склоны и долины Паннонии все так же притягивали к себе и отдельных людей, и целые народы. Природа Евразии с каждым веком цивилизационного развития открывала здешнему человечеству все новые свои прелести и сокровища, лишь подчеркивая притягательность тех или иных регионов и усложняя, обогащая геополитические интересы и мечты.

В этом величественном и незыблемом окружении и разворачивалась жизнь многих и многих поколений индоевропейцев, в том числе и предков восточных славян, которые то сосредоточивали свои интересы в рамках единых государств, и тогда они приобретали масштабные и грозные очертания, то дробили их на части в отдельных государственных и этнических закоулках, и тогда эти интересы также дробились, мельчали, стусеживались, порой резко противоречили друг другу, но никогда не исчезали окончательно, а воскресали вновь в другие эпохи, крепили в руках иных социальных сил и иных лидеров.

Особенно очевидно это стало уже в пору распада индоевропейского единства народов, который проходил в течение двух тысячелетий на про-

странствах Евразии, а потом увенчался Великим переселением народов в IV–VII веках.

Распад индоевропейского единства народов начался в III тысячелетии до н. э., в ходе которого, например, германская языковая общность отделилась от балто-славянской, а к началу I тысячелетия до н. э. уже определилось, что предки, скажем, германских народов заняли основную часть Западной и Северной Европы. Праславяне постепенно овладели восточно-европейскими пространствами от Карпат и Балкан на юге до Балтийского моря на севере и до междуречья Оки и Волги на востоке. Именно в это время произошло отделение праславян от балтов. Одновременно такие же процессы проходили с угро-финскими народами. Определялись места проживания предков финнов, передвинувшихся в северо-восточную часть Европы, и венгров, которые концентрировались в Приуралье, откуда они уже в середине I тысячелетия начали свой знаменитый исход в Европу.

В начале I тысячелетия этническая карта Европы от Атлантики до Урала и от берегов северных морей и Ледовитого океана до Кавказского хребта и южных морей была вчерне определена. На этой карте праславянам, а в дальнейшем их восточной ветви судьба отвела не лучшую часть Европейского континента: восточные славяне расселялись в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы. Это был регион, характеризующийся в сравнении с остальной Европой суровым климатом: снежной зимой, когда на несколько месяцев природа погружалась в оцепенение, с прочно замерзающими озерами и реками, холодной весной, коротким жарким летом и ранним приходом осени. Дожди, болота, сумрачные леса, редкие прогретые солнцем поляны дополняли эту общую природно-климатическую картину².

Расселение в этих местах восточных славян было не прихотью, а жесткой необходимостью, поскольку в течение всего периода распада индоевропейской общности части бывшего братства отчаянно бились за лучшие земли. В ту пору люди не знали еще цену выходам в океан и к проливам, им неведомы были сокровища, таящиеся в недрах земли, но они прекрасно осознавали цену теплу и плодородным землям, чистым, теплым, незамерзающим рекам и озерам, прогретым солнцем пастбищам с сочной травой и лесами.

Расселение предков восточных славян в лесной и лесостепной зоне объяснялось не только давлением со стороны других индоевропейцев — прагерманцев и празападных славян, но и постоянным соседством со степью, где размещались уже в I тысячелетии до н. э. отколовшиеся от общей индоевропейской массы иранцы и куда позднее через урало-каспийские ворота стали подтягиваться тюрки. Обширные степные пространства между Нижней Волгой и Дунаем, Северное Причерноморье стали в течение долгих веков проходной дорогой кочевников, которые

превратились для восточных славян в такую же историческую данность, как климат, почвы, течение рек.

Постоянное отбрасывание локализованного здесь местного населения на север — в места, сравнительно малоудобные для жизни, но безопасные от степных нашествий и сопутствовавших им насилий, грабежей, увода людей в плен, принуждения мужского населения участвовать в дальнейших опустошительных набегах степняков на запад или в обороне их южных границ — все это стало также тем геополитическим фактором, который надолго определил судьбы восточных славян.

В I тысячелетии до н. э. причерноморские степи заняли киммерийцы, кочевники индоиранского происхождения. Восточнославянский фольклор отразил драматическую борьбу праславян с кочевниками³.

Через несколько столетий на смену киммерийцам пришли новые кочевники. От Алтая до Дуная в VII–III веках до н. э. скифы — также одна из индоиранских ветвей — заволокли пространства Евразии. И снова нашествие кочевников затронуло значительные районы праславянского населения, превращая его в ходе этого насильственного синтеза в составную часть новых этнических и государственных структур. Население уходило на север, а если и оставалось на старых местах, то попадало в зависимость от пришельцев. Однако демографические и хозяйственные процессы, протекавшие в эти столетия на землях будущей Руси, были уже настолько мощными и необратимыми, что предки восточного славянства выказывали способность выстоять перед натиском иноязычной кочевнической среды и даже навязать ей свой хозяйственный, а порой и этнический облик⁴. Но это требовало огромных сил и невосполнимых жертв, которые также с веками становились исторической данностью для населения Восточно-Европейской равнины.

Вместе с тем, откатываясь на север и восток, праславяне, в свою очередь, периодически теснили сравнительно малочисленных в этих краях угро-финнов и балтов, ассимилировали их, делили с ними обширные земли, особенно в районах северо-востока и северо-запада. И это также влияло на формирование геополитического фона древности.

Затем, в III веке до н. э., сюда с востока из-за Дона хлынули новые орды кочевников — сарматы (племена, родственные скифам), которые продвинулись на юг Восточно-Европейской равнины через те же уралокаспийские ворота с территории нынешних Казахстана и Туркмении. Сами они были вытеснены с прежних мест неведомыми ордами кочевников, возможно первыми складывающимися этногосударственными образованиями прототюрков.

Сарматы сокрушили скифов и стали наследниками их территорий, а вместе с этим и сюзеренами жившего здесь населения. И снова восточнославянский эпос воспел смертельную борьбу с пришельцами, и снова

археология подтвердила отброс праславянского населения на север и торжество цивилизационных процессов в этом регионе⁵.

Геополитические акценты, проставленные европейскими народами в глубокую древность, в том числе и восточными славянами, приняли еще большую определенность в период Великого переселения народов в IV–VII веках, когда произошел поистине второй «раздел» Европейского континента.

К этому времени на территории Восточной Европы обитали представители так называемой черняховской культуры — индоевропейское население, распространившееся на территории от Карпат до Северского Донца и к северу до Балтики и вобравшее в себя потомков прежнего, еще доскифского и досарматского населения этих мест, затем наследников скифской и сарматской культуры, ассимилированных быстро растущим местным населением. Иранцы, фракийцы, славяне и стали, видимо, основой быстро прогрессирующих и растущих численно «черняховцев»⁶. Но кто бы они ни были в этническом отношении, сконцентрированное здесь население и стало фундаментом для формирования восточнославянских племен, а главное — наследников геополитической эстафеты этого региона, переданной предками наследникам уже новой эры. Великое переселение народов это прекрасно подтвердило.

Кто участвовал в нем? Что подвигло народы на дальние и рискованные перемены мест? Причин здесь было несколько. Одной из них стал демографический взрыв, вызванный прочным переходом от примитивных методов хозяйствования к систематическому земледелию, скотоводству, основанных на новых орудиях труда железного века. Другой — изменившиеся социальные отношения в обществе, шагнувшем в эру «военной демократии», а значит, и в предгосударственную, с появлением дружин, вооруженных более современным, чем прежде, оружием, вождей, жаждущих новых земель, богатств, рабов, которых можно было приобрести лишь в далеких походах. Кроме того, возросшая мощь исторических нуворишей все чаще обращалась туда, где полнее всего можно было утолить возросшую жажду приобретений материальных ценностей и удовлетворить духовные варварские комплексы неполноценности (о чем у нас ранее было не принято говорить), — на земли иных, более высоких цивилизаций: блестящего, но дряхлеющего Рима, набирающей силу Византийской империи. Вполне вероятно, что среди этих причин были и космогонические, нетрадиционные и пока еще не объяснимые для историков, но, видимо, имеющие право на жизнь, потому что порой перемещение огромных масс людей на гигантские расстояния не могут быть объяснены какими-либо «земными» мотивами.

Уже в III веке ряд племен Евразии сдвинулись с места и направились в путь, влияя на изменение этнической и политической ситуации на пространствах от Атлантики до Урала. Первыми из районов Южной Прибалтики двинулись в путь германские племена готов. Готы прошли через

территорию нынешней Белоруссии в степные пространства современной Украины, где провели более двух столетий и откуда вместе с другими мигрирующими народами наносили удары по римским владениям на Балканах, в Малой Азии, на островах Эгейского моря.

Результатом первой волны переселений стало появление на землях будущих восточных славян политического объединения готов, которое превратилось в доминирующую силу и наложилось на этническую сетку местного населения, не оказав, однако, на нее серьезного влияния в материальном, духовном или в этническом смысле, так как готы стояли на более низком, чем здешнее население, цивилизационном уровне. Но факт такого доминирования иноязычной среды был налицо, увеличив долгий ряд вторжений на земли будущих восточных славян.

Синхронно германские племена заняли территорию Западной Европы, продолжив этот процесс, начатый еще в I тысячелетии до н. э. их предками, а славяне из района Повисленья и Карпат распространились по Восточно-Европейской равнине от Одера до Днепра и верховьев Волги, также продолжив прежние миграции праславян в этот регион.

Затем последовала волна гуннского нашествия, которое началось еще в I–II веках на огромных пространствах от Монголии до Волги, когда гунны, этнические прототюрки, гонимые китайцами, двинулись на запад. В IV веке, разгромив Аланский племенной союз, гунны перешли Волгу, затем Дон и обрушились на земли «черняховцев», где господствовали готы. Готы стали откатываться на запад, где уже под именем визиготов, или вестготов, в V–VI веках прошли Балканы, вторглись в пределы Римской империи, а затем оказались в Галлии и Испании. Другая их часть — остrogоты, или остготы, — подчинилась гуннам, а впоследствии воевала в Европе, создав свое государственное объединение на Апеннингах.

Одновременно с движением готов снимались с мест и другие племена и народы. Так, часть аланов оказалась в Испании и Северной Африке. Тогда же, видимо, часть кавказцев в лице басков появилась за Пиренеями.

Волна «великого переселения» нарастала вместе с продолжающимся вторжением гуннов в пределы Европы, но до этого гунны, по данным археологии, подвергли население Восточно-Европейской равнины, и в первую очередь ее южные районы, страшному разгрому. Люди уходили в леса, за непроходимые болота и там продолжали свою нелегкую жизнь. Солнечные черноземы юга и прогретые теплом дубравы оставались в руках кочевников.

В своем дальнейшем походе в Паннонию, где жили славяне, потомки сарматов, кельты, германцы» гуннская держава Атиллы увлекла часть готов, аланов, славян и многие другие племена.

Это нашествие Востока на Запад было остановлено после разгрома гуннов в 451 году на Каталаунских полях в Северной Франции, где рим-

ская армия, состоящая также из многонациональных отрядов, преградила путь кочевникам.

С тех пор никогда кочевые орды Востока не заходили так далеко в глубь Европы.

В связи с нашествием гуннов четыре крупных геополитических урока преподала история и восточным славянам, и другим европейским народам. Эти уроки впоследствии получили четкие внешнеполитические ориентиры.

Первый заключался в том, что степные кочевники, вышедшие из глубин Азии, становились для восточного славянства постоянным внешнеполитическим фактором, зародившимся в I тысячелетии до н. э. и унаследованным последующими столетиями уже новой эры.

Второй урок состоял в том, что вместе с восточными славянами этот внешнеполитический фактор оказывал глубокое влияние и на других обитателей Восточно-Европейской равнины, постоянно вовлеченных в сферу воздействия кочевых структур. К ним относились балты, западные и южные славяне. Поэтому они в полной мере являлись вместе с восточными славянами историческими противниками восточных нашествий и кочевого ига. И зачастую по мере ослабления восточнославянских структур или их вынужденного подчинения воле насильников брали на себя историческую инициативу в противостоянии степи.

Третий урок виделся в том, что подобные нашествия, разоряя земли восточного славянства, балтов, западных и южных славян, вовсе не останавливались на этом рубеже, а, опираясь на него, устремлялись на запад вплоть до Атлантики. С тех пор «Восток» (а более конкретно — государственные образования, складывающиеся на Восточно-Европейской равнине) воспринимался в Центральной и Западной Европе как угроза послеримской, позднее католической и протестантской европейским цивилизациям. Русь, Россия, СССР, как постоянно затронутые восточными цивилизационными процессами, в первую очередь тюркизированными, евразийскими, неизменно представляли перед Западом как носители угрожающе отсталых форм жизни, от которых было необходимо не только отгородиться любой ценой, но и как можно далее на восток продвинуть западные территориальные, материальные и духовные интересы в виде противовеса Востоку. И речь здесь, конечно, должна идти не о примитивных формах феодального, а позднее буржуазного захватов, получения дополнительной феодальной ренты с подвластного населения или дополнительных доходов в казну папской курии, хотя отрицать эти сопутствующие явления не приходится, а о нечто большем: о противостоянии двух уже обозначившихся цивилизаций — европейской и евразийской. Волею исторических судеб, восходящих к индоевропейской древности, восточное славянство стало центром этих событий.

Наконец, четвертый урок состоял в том, что каждый раз после такого нашествия и неисчислимых бед, им причиненных, праславяне, а затем уже восточные славяне и население Руси медленно, но верно поднимали из руин свои разгромленные земли и сами восстанавливались как субъект истории. Это восстановление из пепла (причем неоднократно) восточных славян было поразительным, что говорило об огромной потенциальной жизнеспособности народа.

В дальнейшем, уже в период новой эры, славяне, используя мирные передышки в два-три столетия, не только восстанавливались как народ, не только воссоздавали из руин свои села и начинающие возникать укрепленные городки, но и в условиях «военной демократии», а затем в ранний государственный период сами неоднократно предпринимали активное наступление на обетованные для них земли — южный берег Балтики, Северное Причерноморье, Таманский полуостров, Крым, Балканы, Малую Азию, Северный Кавказ, Закавказье, Прикаспий и, наконец, на земли Византийской империи. Примером таких «выходов» стали масштабные военные действия Антского союза племен в VI веке против Византии, которые на востоке Европы модифицировали общее наступление развивающегося варварского мира на территории древних цивилизаций.

Но если натиск германских племен на земли Римской империи оказался необратимым и привел в конце концов не только к захвату Рима, но и к падению Римской империи и созданию на ее руинах новых молодых варварских государственных образований, на востоке Европы рождающаяся восточнославянская государственность и ее молодая экспансия вновь и вновь срезались очередными волнами нашествий степных кочевников.

Как оказалось, гунны стали не только не первыми, но и далеко не последними степняками, двинувшимися на покорение Запада. В VI веке на пространстве от Монголии до Волги возникло новое кочевое государственное образование — Тюркский каганат. Результатом существования этого объединения стал массовый отход на запад и в Восточную Европу других тюркских племен, что постепенно приводило к тюркизации всей степной части Восточно-Европейской равнины, тогда как лесостепная часть оставалась под контролем восточных славян, а также балтов и угро-финнов, которых славяне, как демографически более мощное, а в социально-экономическом отношении более продвинутое на то время население, последовательно либо ассимилировало, либо превращало в своих данников.

После распада Тюркского каганата на Северном Кавказе севернее Кубани в низовьях Волги выдвинулся новый этнический лидер этих мест — тюрки-булгары, которые в VI веке создали Великую Булгарию, взявшую под контроль огромные территории юга России.

Уже в первой половине VII века булгары, теснимые выходящей через тюркские степи новой ордой — аварами, среди которых были и угры, прорвались на запад и оказались в степях нынешней Украины.

Авары в VI — начале VII века, пройдя сквозь тюркскую среду и расколов ее, сами продвинулись на запад. По пути они нанесли жестокий удар все по тем же многострадальным районам славянской лесостепи и уничтожили восточнославянский Антский племенной союз. И несмотря на то что срок жизни Аварского каганата был сравнительно недолог — его разгромила на полях Европы армия Карла Великого, — авары оставили глубокие шрамы на славянской земле.

Последним в этой серии кочевых вторжений стало появление на Восточно-Европейской равнине хазар, а позднее венгров.

В течение всей середины VII века шла борьба между вышедшими из глубин Азии тюрками-хазарами и булгарами за гегемонию на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье, в причерноморских степях. В союзе с аланами хазары одержали верх и вытеснили булгар далее на запад. Их кочевья подошли вплотную к Дунаю, а вскоре и перешли его, дав начало быстро ославянившемуся на Балканах Болгарскому государству. Другая часть булгар продвинулась к северу и осела в среднем течении Волги и вдоль Камы, дав начало Волжской Булгарии, которая стала на долгие века восточным соседом славянских племен, а позднее Руси.

Хазарская агрессия вновь затронула восточнославянские земли. Часть восточнославянских племен в течение VIII—IX веков уплачивала хазарам дань.

Как и прежние кочевники, хазары вовлекали славян в свои военные предприятия. Так, славянские отряды сражались на стороне хазар в 30-е годы VIII века, во время их войны с Арабским халифатом⁷. Два века хазарское иго тяжким бременем лежало на славянских землях, и никакие экономические выгоды вроде приобщения славянской торговли к азиатским рынкам через посредство Хазарии не способны оправдать очередной удар степного государства по славянским пределам.

Историк может лишь удивляться, как в условиях непрекращавшихся вторжений, разгромов, различного рода зависимости в лесостепной полосе Восточно-Европейской равнины, сгибаясь, как тростник под ветром, но не ломаясь, вырос и сформировался в VIII—IX веках новый этнический лидер — многочисленные оседлые восточнославянские племена. Они создали сначала свои племенные конфедерации, а на исходе IX века образовали на основе слияния северо-западного государства с центром в Новгороде и южного государства с центром в Киеве единое древнерусское государство.

Все геополитические проблемы прошлой истории Восточно-Европейской равнины достались в наследие этому первому в истории восточного славянства государственному образованию.

* * *

Русь как первое восточнославянское государство стала итогом долгого и драматического развития славянства в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э.

К тому времени, когда на киевских горах Олег утвердил свои стяги, восточное славянство уже прошло долгий исторический путь, полный тяжкого опыта борьбы с иноязычными вторжениями, откатов населения на север, возвращения на прежние пепелища, восстановления своих мест обитания, постепенного собирания материальных и духовных сил, перехода в наступление на слабых соседей в лесостепной зоне и даже проведения масштабных экспансионистских предприятий далеко за ее пределами.

Говоря об этом догосударственном времени истории восточных славян (не касаясь уже времени древней Руси), следует напрочь отказаться от расхожих мифов о том, что и наступление славянского Антского племенного союза на Балканы, и последующие походы на Византию славяно-русских дружин во время всего IX века, а также прорывы славянских отрядов на восток — на Северный Кавказ, Закавказье, Прикаспий — были «грабительскими» предприятиями неких норманнских «находников». Говорить так можно, лишь полностью абстрагируясь от всей предшествующей тысячелетней истории региона.

Между тем, если рассматривать как единое целое историю восточных славян в VI–IX веках, становится очевидными непрерывность славянских геополитических интересов, интересов жизнеобеспечения народа, борьбы за освоенные уже к V–VI векам восточноевропейские территории и продиктованная этим освоением необходимость их обеспечения уже сложившимися к тому времени торговыми речными и морскими путями. К ним относились известный с древности путь из варяг в греки, волжский торговый путь, пути по Западной Двине и Дону, сухопутные дороги из Среднего Поднепровья в Центральную Польшу и Чехию и из Среднего Поднепровья же через воронежские леса в междуречье Волги и Оки и, наконец, постоянно входивший в орбиту внимания восточных славян, позднее Руси, путь от устья Дуная и далее по реке в глубь Европы. При этом, как показывает история восточных славян второй половины I тысячелетия, местное население (лесостепь нынешней Украины, Подонье, Среднее Поднепровье, бассейн реки Десны, части современной Белоруссии, Волжско-Окское междуречье, северо-западные земли, примыкающие к озеру Ильмень) сохранило историческую память о местах своего прошлого обитания, где размещались те, кого древние авторы называли венетами. Именно отсюда, как и из районов Повисленья, тремя основными потоками расселялись славяне на восток: с южных берегов Балтики — в районы русского северо-запада (сюда же следует отнести и славяно-варяжские связи, то есть связи славян северо-запада и южнобалтийских руссов,

чи мощные племенные конфедерации, а позднее и государственные образования располагались в течение сотен лет на южном берегу Балтики и кого русские летописи определяли обобщенно как варягов), с Дуная и Карпат — в районы Среднего Поднепровья и из района Повисленья — на восток (вспомним летописные легенды о происхождении радимичей и северян от «ляхов»)⁸.

Конечно, в ту пору не было теоретических обоснований внешнеполитических устремлений первых восточнославянских государственных образований. Однако теорией для славян была сама жизнь, но сводить ее к узкому прагматизму (грабежи, жажда наживы) было бы слишком опрометчиво.

Ко времени образования Руси как государства в основном определилась этногосударственная карта Европы, которая продолжала существовать в течение всего Средневековья и Нового времени. Прорыв венгров через северопричерноморские степи в IX веке на свою новую историческую родину в Паннонию был последним всплеском «Великого переселения народов, затрагивавшим Европейский континент.

Ближайшими соседями Руси к исходу IX — началу X века были на северо-западе («за морем») славянские государственные образования на южном берегу Балтики по нижнему течению Эльбы, Одера, Вислы (бодричи, лютичи, поморяне, руяне). Между ними и русскими землями располагались владения угро-финских племен — эстов, чуди и балтских племен — латгалов, земгалов, пруссов, литовцев. На западе с Русью граничило формирующееся Польское государство, на юго-западе — молодая Венгерская держава. За Дунаем шли владения Болгарского царства. С Византией Русь не имела непосредственной границы, но путь из варяг в греки накрепко связывал ромеев и Русь. Византия практически долгое время была политическим, а позднее и церковным лидером восточноевропейского региона и стояла у истоков большинства внешнеполитических комбинаций в этой части Европы. В низовьях Волги, Подонье, на Северном Кавказе простирались владения Хазарского каганата, а далее на север по Средней Волге и Каме располагалась Волжская Булгария. Между Булгарией и Русью шла буферная зона из угро-финских племен (мордва, буртасы, черемисы). Далее на север по периферии русских владений шли земли финских племен — чуди заволочской, корелов, а на северном берегу Финского залива располагались владения финских же племен суми (на западе) и еми (на востоке).

Вторым эшелонам выступали за спинами ближайшего окружения Руси другие государства: на северо-западе — Швеция и Дания, где к середине IX века лишь брезжили первые контуры государственности, в отличие от уже существовавших государственных структур южнобалтийских и восточных славян; на западе грозной силой возвышалось Германское

королевство (с середины X в. Германская империя), там же формировали свою государственность чехи; еще далее шли Франция и Англия, пережившие бурный период становления своей государственности, и итальянские королевства с Ватиканом как мощным религиозным и политическим центром Средневековья, ставшим после официального раскола церквей сильным противовесом всему некаатолическому, в том числе византийскому и русскому православным мирам и языческому миру прибалтийских племен и народов, среди них и южнобалтийским славянам.

На Северном Кавказе по-прежнему продолжал существовать выдержавший многие нашествия и войны племенной союз аланов. Прикаспийские области, а значит, и торговые пути в Закаспий и Среднюю Азию контролировались мусульманскими ханствами Закавказья, ставшими вассалами Арабского халифата и влиявшими на расстановку сил на Кавказе и в Передней Азии. Наконец, южные и юго-западные регионы Евразии находились в руках и в сфере интересов Арабского халифата, ставшего в раннем Средневековье наряду с Византией, империей франков, а позднее с Германской империей распорядителем судеб Европы и Передней Азии.

Все эти государства в силу своего географического положения находились в прямых или опосредованных контактах друг с другом. Комбинации этих контактов постоянно менялись в зависимости от конкретных внешнеполитических событий. Что касается Древней Руси, то она, занимая уже в то время срединное положение в Евразийском регионе, вынуждена была достаточно активно взаимодействовать со всеми государствами как Восточной и Центральной Европы, так и Передней Азии. Лишь такие отдаленные страны, как Англия, Франция, королевства Италии (за исключением Сицилийского королевства и Ватикана), находились вне этого активного взаимодействия.

Характерной чертой внешней политики Древней Руси со времени образования единого государства в конце IX века и до его политического раздробления в середине XII века стало то, что отдельные племенные конфедерации восточных славян как бы делегировали единой Руси свои геополитические цели. Так, Новгородская Русь ориентировалась в своей политике в основном на северный — Северо-Западный регионы; поднепровские племенные союзы — на взаимоотношения с Хазарией, с одной стороны, и западными славянами — с другой; племена юго-западного региона — на контакты с Венгрией, южнопольскими племенными конфедерациями; северо-восточные племена — на взаимодействие с той же Хазарией и Волжской Булгарией. Общим, пронизывающим их интересом были международные торговые пути, такие как путь из варяг в греки, в котором были одинаково заинтересованы и новгородские словене, и поляне, и другие племенные союзы Среднего Поднепровья и Юго-Западной Руси.

Наконец, следует упомянуть и о существовании так называемых буферных зон, окружающих Русь со всех сторон: земли балтов и угро-финнов на севере и северо-западе, племена мордвы и буртасов в Окско-Волжском междуречье, различного рода некрупные кочевые конгломераты на границе со степью. Издревле восточные славяне вели борьбу за эти буферные зоны с соседями, взаимодействовали с ее обитателями. Впоследствии народы этих зон стали важным фактором, влияющим на взаимоотношения Руси с соседними крупными государствами.

Со времени же образования единого государства Русь все бывшие племенные интересы как бы аккумулировались во внешней политике нового государственного образования, которое, по существу, унаследовало идущие из глубины веков, если не тысячелетий, геополитические доминанты праславян, а позднее восточных славян.

Наиболее полно это проявилось в отношении северных и южных русских земель. Почти за 50 лет до их объединения под главенством Олега новгородские словене совместно с кривичами, а также соседними балтскими и финно-угорскими племенными союзами противостояли на балтийском направлении натиску варяжских дружин. Эта борьба носила драматический, кровопролитный характер. Речь, конечно, шла не столько о «находнических», грабительских целях, сколько о коренных интересах противоборствующих сторон в крае. Неслучайно, едва утвердившись на престоле объединенной Руси, Олег в первую очередь обезопасил свои северо-западные границы. Русские летописи совершенно четко отмечают заключение договора между Олегом и варягами как крупную и долговременную внешнеполитическую акцию: Олег «устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославе даяще варягомъ»⁹. А это значит, что с тех пор на период более 150 лет Русь обезопасила свои северо-западные границы, приобрела здесь долговременного союзника (вспомним, что варяги неоднократно выступали в составе войска Руси в X–XI веков в противоборстве с соседями), получила свободу рук в контроле над буферной зоной и в продвижении к берегам Балтики, Финского залива, где уже позднее ее интересы столкнулись с интересами немецких крестоносцев, Швеции, формирующегося Литовско-Русского государства.

Аналогичная ситуация сложилась и на юге, где южнорусские вожди (совершенствуя геополитические цели еще антских времен) освободились в конце VIII века или в начале IX века от хазарской зависимости и определили свои преимущественные внешнеполитические интересы: Северное Причерноморье, Крым, малоазиатское побережье Черного моря, Северный Кавказ и Закавказье. Одновременно был проявлен упорный интерес к установлению равноправных отношений с Византийской империей, завязыванию отношений с Германской империей — и все это задолго до появления объединенного государства Русь. Об этом говорит удар русских

дружин по крымскому побережью в начале IX века, который византийский источник приписывает новгородцам, но который, судя по последующим военным и дипломатическим акциям Южной Руси, вероятно, принадлежал выходцам из Поднепровья. Херсонес, центр византийских владений в Крыму, Судак, Керчь уже стояли в повестке дня русских притязаний. Об этом же свидетельствует нападение русской рати на малоазиатское побережье Византии в 30-е годы IX века.

Обрушившись на Крым, русские дружины прошли неподалеку от границ своего недавнего сюзерена — Хазарии, что стало многозначительным событием. А удар по малоазиатским владениям империи явился, по существу, рекогносцировкой перед походом на столицу империи, о чем ранее помышляли лишь «сильные мира сего» — Болгария, Аварский каганат. Теперь настала очередь мужающей Руси. Это подтверждалось посольством Руси в Византию и в Германскую империю в 838–839 годах и, наконец, масштабным походом Руси на Константинополь в 860 году, который вызвал большой резонанс в тогдашнем мире.

События 60-х годов IX века — нападение Руси на Константинополь 18 июня 860 года, последующее перемирие и дальнейшие мирные переговоры, заключение мирного договора между Русью и империей — знаменовали собой практическое признание Византией Руси, рост ее престижа.

В это время появились первые мотивы, связанные с крещением Руси, состоялось первое официальное крещение руссов, что означало включение Руси в большую внешнеполитическую игру, в которую ранее уже включились Франкское королевство, испанские вестготы, английские королевства и — одновременно с Русью — Болгария.

Синхронно с давлением на Византию Русь обозначила свой интерес к политике в отношении Северного Кавказа и Закавказья, где русские дружины появились в те же 60-е годы, нанеся удар по владениям, находившимся под контролем вассалов Арабского халифата, то есть врагов Византии, что соответствовало мирному договору между Русью и Византией¹⁰.

Создание объединенного государства Русь после завоевания северной коалицией во главе с новгородцами Киева¹¹ подняло на новую ступень предшествующие внешнеполитические усилия первого поднепровского восточнославянского образования.

На исходе IX века Русь столкнулась с двигавшимися на запад венграми, которых теснили с востока орды печенегов. Если варяги были первыми, с кем единая Русь установила долговременные договорные отношения на севере, по существу, развязав руки будущим поколениям древнерусских лидеров в овладении землями по восточным берегам Балтийского моря, то венгры и позднее Венгерское государство стали вторым таким внешнеполитическим партнером, а само это партнерство, как и в случае с варягами, вытекало из жестокого противоборства будущих союзников.

Под 898 годом «Повесть временных лет» сообщает о вторжении угров в русские земли¹². Олег проиграл сражение в чистом поле и заперся за киевскими стенами. Угры же разграбили близлежащую местность и осадили русскую столицу. Здесь, под стенами Киева, и состоялось историческое соглашение между Русью и венграми, которое, как показывает последующая история взаимоотношений двух государств, действовало в течение почти двух веков¹³. В основе заключенного мира лежали договоренности о выплате Русью уграм откупа и последующих ежегодных даней. Судя по дальнейшим событиям, венгры обязались, как и варяги на севере, поддерживать военно-политические усилия Руси на юго-востоке Европы. Это видно из того, что в течение X и XI веков мы встречаем неизменно военно-союзные отношения между уграми, обретшими на юго-востоке Европы новую родину, и Русью. Совместно, а порой и синхронно они выступали против Византийской империи, вели общую линию по отношению к Болгарскому царству, правящие династии Руси и Венгрии имели тесные матримониальные связи.

На ранних этапах своей истории дружеские политические, церковные, культурные контакты связывали Русь с Болгарией, ставшей в IX — первой половине X века, до ее разгрома Византией в 70-е годы X века, одним из сильнейших государств на юго-востоке Европы. К тому времени, когда Русь обратила свои взоры на юг и попыталась развить первый успех русских дружин в бассейне Черного моря, Болгария, где правил Симеон Великий, находилась в зените своего могущества, штурмуя владения Византии на Балканах и угрожая самому Константинополю.

Русь в то время еще не помышляла о серьезной территориальной экспансии на западных берегах Черного моря и в Подунавье; она стремилась добиться от Византии известных уступок политического и экономического характера, и в этом интересы Руси и Болгарии, имевших общие славянские этнические корни, тесные культурные связи, совпадали. Вот почему русские дружины — конная и морская — времен Олега легко и в полной тайне проходили как по болгарской территории, так и по болгарским «территориальным водам» к стенам византийской столицы.

Одновременно Русь попыталась решить свои задачи на ближних юго-восточных рубежах, где плотным заслоном на пути русских внешнеполитических и торговых интересов стояла Хазария, которая после освобождения из-под ее ига ряда русских земель (радимичей и северян) продолжала властвовать над землями вятичей на славянском северо-востоке. Однако, по ряду свидетельств, упорные войны Олега с Хазарией коренным образом не изменили общей ситуации, хотя Хазарии и пришлось отказаться от претензий на славянские земли Среднего Поднепровья¹⁴.

Несмотря на растущую внешнеполитическую активность Руси на ближних рубежах, главным направлением древнерусской внешней политики

в конце IX — начале X века оставались взаимоотношения с Византией. Именно в Константинополе Русь видела воплощение всех своих развивающихся государственных и внешнеполитических притязаний. Через самоутверждение в Константинополе Русь сразу же восходила на новый уровень как внутри-, так и внешнегосударственной политики.

Идя на византийскую столицу, Русь, как это показали позднейшие события, стремилась заручиться поддержкой своих действий на восточном побережье Черного моря, на Северном Кавказе и в Закавказье, искала ключи к дальнейшему противоборству с Хазарией и, наконец, надеялась обеспечить беспрепятственное подчинение восточнославянских племен, еще не вошедших в состав Руси (вятичи, уличи, тиверцы).

Поэтому поход Руси на Константинополь в 907 году, последующий за этим всеобъемлющий выгодный как Руси, так и Византии политический договор 907 года, его дальнейшее развитие и новое юридическое оформление в 911 году в совершенно мирных и добрососедских условиях (никакого военного противоборства между двумя государствами на этот раз не было, как ошибочно считали и считают некоторые историки) показывают, что прежняя импульсивная, спорадическая политика Руси в отношении одной из сильнейших держав того времени — Византии — приобретает в рамках новой русской государственности черты последовательности, преемственности, начинает строиться на международных стереотипах. Русь становится союзницей Византии и направляет свой отряд на помощь империи против критских арабов, предпринимает в 909–910 и в 912–913 годах удары по противникам Византии в Закавказье. Тем самым Русь стремится стеснить в регионе Северного Причерноморья, в Приазовье и на Северном Кавказе влияние Хазарии, которая долгие годы была здесь верной союзницей Византии. Теперь позиция Хазарии, поставленной силой обстоятельств между Русью и империей, приобретает все большую двусмысленность. При помощи военных успехов и активной дипломатии Русь стремится перехватить инициативу в регионе¹⁵.

Эта общая внешнеполитическая линия продолжает развиваться в течение всего X века, который становится временем, когда вырабатываются стратегические внешнеполитические приоритеты на века последующей истории Древней Руси, русских княжеств в период феодальной раздробленности и на время воссозданной русской государственности уже в иные дни и с другими политическими центрами — Московской Русью и Российской империей.

В 20–30-х годах X века значительно изменилось международное соотношение сил в Восточной Европе. Византия сумела приостановить натиск арабов на свои владения и создала сильную армию. Болгария, раздираемая внутренними смутами и подорванная многолетней борьбой с Византией, слабела с каждым годом, ее непоследовательная во внеш-

ней политике правящая верхушка после смерти царя Симеона все более склонялась к провизантийскому курсу, к которому умело подталкивали болгар искушенные византийские политики. Это ставило Болгарию на позиции исторического противоборства с Русью, продолжавшей свое наступление на юго-западном направлении.

Хазария также вступила в острые противоречия с империей на религиозной почве: византийский император Роман I Лакапин проводил политику преследования иудеев, и это отразилось на отношениях с Хазарией, принявшей к тому времени иудаизм в качестве государственной религии. Византия направила всю силу своей дипломатии на создание враждебной Хазарскому каганату коалиции народов Северного Кавказа. Покинутая империей Хазария дожидалась того часа, когда ей придется один на один встретить удар Руси.

В этом сложном раскладе сил свою роль сыграло появление в причерноморских степях новых орд кочевников с востока — печенегов, которые стали с начала X века более чем на 100 лет доминирующей силой в Северном Причерноморье. Русь вынуждена была отныне постоянно учитывать печенежскую опасность, особенно в связи со стремлением Византии в течение десятков лет использовать печенегов против Руси. В середине X века византийский император Константин Багрянородный, тонкий политик и дипломат, в своей знаменитой работе «Об управлении империей» откровенно поучал сыновей, как следует использовать печенегов против Руси, постоянно держа этот внешнеполитический нож у русского горла¹⁶.

Однако появление печенегов, в отличие от прошлых вторжений степняков в эти места, совпало с быстро идущей централизацией Руси, наращиванием ею экономической, военной, политической мощи. Это был первый случай в истории восточного славянства, когда оно сумело противостоять кочевникам и не сломаться перед их устрашающей силой.

Все более определенный и активный характер приобретает стремление Руси овладеть Северным Причерноморьем, сокрушить византийские опорные пункты в Крыму, прочно утвердиться на восточных торговых путях и в первую очередь в Приазовье, Поволжье, Закавказье. К началу 40-х годов X века Русь сумела овладеть опорными пунктами на Таманском полуострове, в Нижнем Поднепровье, в других районах Северного Причерноморья. Под угрозой оказался центр византийских владений в Крыму — Херсонес, куда уже подступала русская рать в начале IX века.

Эта политика опиралась на постепенную консолидацию под властью Киева восточнославянских земель. Подчинение восточнославянских племенных конфедераций переходит из сферы внешнеполитической во внутривнутриполитическую. На два с половиной столетия внешнеполитические устремления отдельных русских земель в основном переходят в руки центрального древнерусского правительства, хотя никогда сепаратистские

тенденции таких регионов, как новгородские, волынские земли, русский северо-восток, окончательно не исчезали.

Одинаково успешно продвигаться по всем направлениям у Руси еще не хватало сил. В середине X века Русь выбрала наиболее перспективное направление — юго-западное: Византия, Подунавье, Балканы. Тогдашние русские лидеры, и в первую очередь великий князь Игорь, его жена Ольга и их наследники, видимо не без оснований, полагали, что именно под стенами Константинополя можно успешно решить все остальные внешнеполитические проблемы.

В обострившейся борьбе за Северное Причерноморье, за выходы к Дунаю Русь после первых столкновений с печенегами заключила соглашение «мира и любви» с контролирующими ближайшие степи печенежскими ордами, и они становились военными союзниками Киева в будущем противостоянии с Византией. Опираясь на дружественный договор с варягами, Игорь получил военную помощь со стороны варяжских дружин. Венгры, постоянно враждовавшие в это время с Византией, также превращались в потенциальных союзников Руси, а Хазария занимала в наступающем конфликте нейтральную позицию. По существу, впервые в своей истории Русь начинала участвовать в крупных для того времени международных политических комбинациях.

Во время Русско-византийской войны 941–944 годов Русь кроме своего конного и пешего войска, посаженного на корабли, вела на Балканы варягов и печенежскую конницу. В момент противоборства двух сторон венгры совершили набег на византийские владения. Добавим, что, как и в случае с нападением Олега на Византию, Русь выбрала для военной кампании удобный момент, пользуясь отвлечением основных сухопутных и морских сил империи на борьбу с арабами.

Яростный и длительный, но неудачный в своем исходе поход Руси на Константинополь и далее вдоль южного побережья Черного моря, где уже побывали русские дружины в 30-е годы IX века, сыграл важную, если не решающую роль в политическом урегулировании, которое Русь и Византия предприняли в 944 году, после того, как Игорь повел вновь на Константинополь сильное коалиционное войско, а венгры до этого предприняли удар на Фессалоники.

Византия сама предложила мир, и ее послы встретили русское войско уже на подходах к Дунаю. К тому же к этому времени Византия заключила мир с венграми, пообещала «злато» и «паволоки» печенегам и тем самым поколебала их решимость идти с Русью до конца. Таким образом, империя добилась в 944 году нового мирного договора с Русью, проявив немалую изворотливость и потратив значительные средства.

Новый русско-византийский договор подтвердил прежние соглашения 907–911 годов, ликвидировал ряд торговых преимуществ Руси, поставив

ее в ординарные для того времени международные условия, но главное — он развивал идеи равноправного политического, экономического, юридического, военного сотрудничества двух государств. Попытки Руси закрепить за собой устье Днепра завершились компромиссом: Византия, по сути, признала за Русью преобладающую роль в освоении края, но ограничила здесь пребывание русских аванпостов лишь периодом навигации. Согласилась империя и с присутствием Руси в районах Северного Причерноморья, примыкающих к Крыму, и на Таманском полуострове. Военный союз предполагал совместные действия против Хазарии и против сателлитов Арабского халифата на Кавказе. Это подтвердилось ударом русских дружин по Закавказью уже в 945 году.

Новый договор стал взаимовыгодным, равноправным военносоюзным соглашением, действие которого простиралось на огромные территории — от Северного Причерноморья и Поволжья до сирийской границы, от Каспия до Сицилии.

Несмотря на поражение, которое потерпел великий князь Игорь от греков в 941 году, его роль в продвижении русских интересов как на юге, юго-западе, так и юго-востоке, думается, до сих пор недооценена. Устье Днепра, значительные области Северного Причерноморья, подступы к Крыму, Керченский пролив попадали в сферу влияния Руси. Именно в то время Черное море получило в восточных источниках название «Русское море».

Несмотря на бесславную гибель князя в древлянских лесах в 945 году, великая княгиня Ольга, его жена, энергично и целеустремленно закрепила позиции Руси в Северном Причерноморье. По существу, во время ее посольства в Константинополь был подтвержден и детализирован русско-византийский договор 944 года и предприняты новые контакты в церковной сфере. Крещение княгини Ольги также способствовало укреплению взаимоотношений Византии и Руси. Одновременно Ольга продвинула свою активность в Центральной Европе. При ней Русь после первого, во многом случайного, контакта еще с Франкской империей в IX веке возобновила контакты на вполне рассчитанной политической основе уже с Германским королевством, ставшим вскоре Германской империей Оттона I. И хотя они носили в основном конфессиональный характер (переговоры в Германии шли главным образом по поводу направления на Русь мессийного посольства), имеющаяся информация позволяет говорить о том, что речь шла и о попытке Руси установить с Германией регулярные дипломатические и торговые отношения, которые она уже имела с другими странами, например с Византией¹⁷.

Таким образом, к середине X века Русь определила и стабилизировала свои отношения с ближайшими соседями в регионе. Дальнейшее продвижение здесь древнерусского государства грозило прежде всего

столкновением с Хазарией, границы которой уже были со всех сторон обложены русскими аванпостами, и с Византийской империей, для которой борьба против усиления русского присутствия в регионе была лишь вопросом времени¹⁸. В эти конфликты неизбежно должны были быть вовлечены другие народы и государства, чьи интересы в регионе также были уже определены и которые были связаны между собой разного рода соглашениями, союзами и т. п.

Русь к этому времени прочно перешла к размежеванию своих внутривнутриполитических (взаимоотношения с различными русскими землями) и внешнеполитических вопросов и уже предпринимает попытки перейти от решения отдельных внешнеполитических задач (договор с варягами, договор с уграми) к комплексной политике, учитывающей множественность международных факторов. С каждым десятилетием расширяются и те задачи, которые выдвигало растущее древнерусское государство.

60–70-е годы X века, годы правления и военных походов, внешней политики и дипломатии князя Святослава, знаменуют в этом движении новую качественную ступень. Приходится признать, что мнения, высказанные рядом отечественных и зарубежных ученых о том, что Святослав был лишь князем-воином, относятся к разряду мифов. К таким же мифам, но с долей невежества и полного непонимания и незнания истории Древней Руси, относятся и мнения о варяжском, «находническом» характере завоеваний Святослава. Возможно, преувеличением звучит и характеристика Святослава как «Александра Македонского Восточной Европы». В реальности же военные предприятия Святослава явились хорошо организованными, тщательно подготовленными военными операциями раннего средневековья, которые охватывали действительно огромную территорию — от Северного Кавказа до Фракии, от Окско-Волжского междуречья до Северного Крыма. В их основе лежали долговременные и традиционные государственные расчеты Руси, осуществляемые с учетом конкретной расстановки сил в восточноевропейском регионе того времени.

Вместе с тем Святослав и его правительство поставили перед Русью новые, дерзкие внешнеполитические задачи, решать которые московские и петербургские политики будут еще целое тысячелетие.

Поразительно, что и на исходе XX века задачи, поставленные Древней Русью для обеспечения своей жизнедеятельности и жизнеспособности, решены лишь частично, а некоторые из них не решены и поныне.

Поход Руси на восток в 964–965 годах, разгром Хазарии и ее сателлита — Волжской Булгарии, военное давление на крымские и северопричерноморские впадения Византии, завоевание Приазовья и Нижнего Поволжья, а также Нижнего Подунавья, контролировавшего русские торговые пути на Балканы и в Южную и Центральную Европу, неудачная попытка поддержать антивизантийскую группировку болгарской элиты, опира-

шуюся на антивизантийские настроения болгарского народа, наконец, действия Руси с целью нанести решающий удар Византийской империи, посадить на императорский престол своего ставленника и ограничить территорию Византии лишь Малой Азией — все это характеризует последовательность и масштабность действий Руси в осуществлении своей внешней политики этого периода.

Удар по Волжской Булгарии, землям буртасов, Хазарскому каганату был нанесен Русью в удобный для нее момент соперничества Византии и Хазарии в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе и был обеспечен действием союзного (944 г.) договора с Византией и благожелательным нейтралитетом со стороны империи к этому решительному военному предприятию Руси.

Затем наступает второй этап этой внешнеполитической эпопеи. Окончательное, вопреки договору 944 года, овладение Русью устьем Днепра, подчинение своей власти славяно-русских племен, живших по Днестру и Бугу, установление протектората над греческими климатами (полузависимыми территориями) на севере Крыма создали серьезную угрозу Византии в Северном Причерноморье, и в первую очередь Херсонесу. В связи с этим последовала серия дипломатических мер, которыми Византия стремилась отвлечь Русь от давления на Крым: в их число входили дары (золото), предоставление Руси свободы рук в Подунавье против Болгарии, проявившей несговорчивость в своих отношениях с Византией.

Одними из главных задач юго-западного похода Руси в 967 году стали овладение Подунавьем, закрепление этого района за Русью, перемещение центра восточнославянской государственности на историческую родину восточного славянства. Слова, приписанные летописцем Святославу по поводу Переяславца на Дунае: «Здесь середина земли моей»¹⁹, — выглядят вовсе не случайными, так как связаны со всей внешнеполитической линией правительства Руси в 50–60-е годы X века.

Разгром Болгарии, соглашение с Византией относительно нового статуса Руси в этом районе, кажется, решили для Руси эту историческую задачу. Но лишь на время. Византия включает на полную мощь весь свой политический аппарат для выдворения с Балкан опасного соседа. Следует активизация антирусских действий печенегов (их набег на Киев в 968 г.), подталкивание Болгарии на новую войну с Русью, которая увела значительную часть своего войска на борьбу с печенегами. В ответ Святослав укрепляет отношения с венграми, вероятно и с поляками, помогает своим сторонникам в Болгарии. Во время закономерно разразившейся русско-византийской войны 970–971 годов Русь выступает во главе грозной коалиции: вместе со Святославом на Константинополь шли отряды венгров, болгар и печенежская конница. Это уже были контуры достаточно широкой восточноевропейской политики. Империя лишь огромным напряжением

сил, стягиванием к стенам своей столицы армий из Малой Азии и других мест, мобилизацией своих лучших полководцев сумела остановить войска коалиции, а затем после мирной передышки и вероломного нарушения мирного соглашения оттеснить руссов на Дунай и там осадить их в крепости Доростол.

Новый договор между Русью и Византией, заключенный в 971 году, несмотря на поражение Святослава и его гибель, вернул оба государства к исходной точке. У Руси не хватило силового потенциала для утверждения на Балканах и в Крыму. Но и потрясенная русским нашествием Византия уже была не в состоянии остановить русскую экспансию в Северном Причерноморье и на Таманском полуострове. Устье Днепра, земли между Днепром и Днестром, Керченский пролив остались за Русью. Тем самым Русь впервые в своей истории попыталась поставить внешнеполитические задачи поистине восточноевропейского масштаба и оставить будущим поколениям русских политиков рискованные, но четкие ориентиры²⁰.

* * *

Новый этап становления внешней политики Руси пришелся на период последней четверти X — первой половины XI века, совпавший с временем правления выдающихся представителей древнерусской государственности — Владимира I Святославича и его сына Ярослава Владимировича. Этому процессу не смогли помешать ни тяжелейшие внутривнутриполитические смуты, ни временная победа сепаратистских тенденций, ни распад государства на части, потрясшие Русь в начале 80-х годов X века и в 1015–1019 годах, ни драматическое изменение обстановки в степных районах Северного Причерноморья и Приазовья, куда последовательно в X–XI веках вторгались новые орды степных кочевников — сначала печенеги, а затем половцы. Исторически цивилизационно Русь набирала силы, и ее поступательное движение в социально-экономической, политической, культурной, демографической сферах стало той прочной опорой, на которой формировались внешнеполитические ориентиры, а сами внешнеполитические действия, естественно, оказывали влияние на многие сферы древнерусской жизни.

Однако это выявилось лишь позднее. В начале же 70-х годов X века, после гибели Святослава, казалось, в очередной раз мгла окутает Русь. Ее поражение в войне с Византией, гибель великого князя, активизация печенегов в северопричерноморских степях осложнили внешнеполитическое положение Руси, а ослабление центральной власти вызвало усиление сепаратистских тенденций. Попытку отделиться от Киева сделали древляне; самостоятельную линию в отношениях с Киевом занимал Новгород, где набирал силу Владимир, соперник великого киевского князя Ярополка; неспокойно было в землях вятичей, которые лишь недавно вошли в со-

став Руси. А это означало, что единая внешняя политика, разрываемая местным сепаратизмом, могла уступить место разрозненным действиям отдельных земель, что привело бы к ослаблению Руси как государства с уже оформившимися к середине X века геополитическими интересами.

На этот раз внутренний кризис власти был преодолен достаточно быстро. Ярополк силой оружия сумел вновь объединить государство, подавил мятеж древлян и на восемь лет обеспечил устойчивость своей власти. Этого было достаточно, чтобы продолжить внешнеполитические усилия, предпринятые предшественниками. Однако Ярополк в условиях хотя и мирных, но по своей сути враждебных отношений с Византией попытался, пожалуй, более определенно, чем прежние русские князья, повернуть Русь в сторону Запада. По существу, это была третья попытка со времени известного посольства к франкам и миссии княгини Ольги завязать отношения с Центральной Европой. Русские послы появились в 973 году на имперском съезде в Кведлинбурге, а через шесть лет в Киеве принимали послов от папы римского Бенедикта VII. Совершенно очевидно, что новое киевское правительство стремилось отдать политический и религиозный приоритет папскому Риму и Германской империи. Столь откровенный поворот во внешней политике Руси, к тому же одобренной христианскими симпатиями Ярополка, видимо, тайно принявшего крещение под влиянием своей бабки Ольги и жены-христианки, оказался для великого князя трагическим. Эта единственная в своем роде попытка Руси войти в более тесный контакт с западной, ставшей позднее католической цивилизацией закончилась гибелью великого князя. Христианских склонностей ему не простил языческий Север во главе с Новгородом, где мужал честолюбивый Владимир Святославович, прекрасно понимавший, что его господству в Новгороде вскоре придет конец. Против Ярополка поднялась и языческая партия Киева, а также, видимо, те слои, которые долгими десятилетиями были экономически связаны с Византией, Балканами восточными торговыми путями. Запад для всех них оставался *terra incognita*. Последовавшая вскоре короткая и яростная междоусобица между Владимиром и Ярополком, Новгородом и Киевом, могучим еще язычеством и нарождающимся христианством закончилась победой Владимира, Новгорода, язычества. Евразийские тенденции впервые открыто взяли верх в формирующейся Руси.

Продолжая дело своих предшественников, Владимир вновь огнем и мечом собрал готовую было распасться во время междоусобицы Русь.

К середине 80-х годов X века единое древнерусское государство практически включало все основные восточнославянские земли. На севере Русь (через свои новгородские земли) еще не встала прочно на берегах Финского залива и Балтики, но уже находилась в тесных контактах с жившими здесь угро-финскими и балтскими племенными конфедерациями. На

северо-востоке ее граница охватывала земли Волжско-Окского междуречья, где по соседству с вятичами жили мордва, бургасы и другие угрофинские племенные союзы, бывшие буфером между Русью и Волжской Булгарией, ставшей на место разгромленной Святославом Хазарии на волжском торговом пути. На Западе еще во времена Ольги установилась русско-польская (мазовецкая) граница, а позднее хорваты, дулебы, тиверцы признали власть Киева²¹. Здесь сохранялось неустойчивое равновесие, которое в ближайшее время должно было быть нарушено в связи с тем, что и Польша, и Русь шли к возвышению своей мощи и к определению своих политических и экономических приоритетов на всем протяжении русско-польской границы. Русские владения шли по Южному и Западному Бугу, Днестру и далее на север по Неману. На юге такими ограничителями были устье Днепра, северная часть Крыма, владения на Таманском полуострове, где формировалось будущее Тмутараканское княжество. Под давлением печенегов, а позднее половцев южные земли временами выходили из-под контроля Руси, но в основном эти границы просуществовали вплоть до монголо-татарского нашествия.

Однако наиболее крупная внешнеполитическая цель Руси того времени — овладение дунайским устьем и нижним Подунавьем, выход на Балканы — оставалась ко времени прихода Владимира к власти все так же неуловимой жар-птицей.

Уверенный в стабильности северо-западной границы и обезопасивший себя на северо-востоке, Владимир предпринял ряд решительных внешнеполитических действий на юго-западе и юге. Под 981 годом летопись упоминает войну с поляками за земли так называемой Червенской (хорвато-дулебской) Руси²². Тем самым завязался сложный узел русско-польских противоречий в этом регионе Восточной Европы, который обе стороны стремились развязать с переменным успехом в течение последующего времени. На исходе X века Русь открыла для себя юго-западное геополитическое направление и окончательно, уже в борьбе с Польшей, определила свой прочный интерес к Закарпаты, который на века стал одним из существенных аспектов русской внешней политики. Одновременно состоялись походы Руси на прусское племя ятвягов: началось противоборство с Польшей по всему периметру границы.

Продолжил Владимир и линию своего отца на овладение устьем Дуная. Под 985 годом летопись отмечает поход Владимира на болгар²³, направленный против враждебного Византии Западно-Болгарского государства. По сути, в нарастающем противоборстве болгарского царя Самуила с Византией Василия II Владимир повторял политику своего отца. Пошел он по стопам Святослава и далее: под 986 годом византийские и сирийские источники упоминают о состоянии войны между Византией и Русью²⁴. Это была все та же внешнеполитическая линия, начатая походом на Дунай.

Поход окончился безрезультатно, за исключением того, что Русь еще раз подкрепила свои претензии на червенские земли. В этом же контексте следует оценивать и крупные внешнеполитические шаги Владимира, связанные с крещением Руси. Вновь сферой его интересов стали Подунавье и Крым.

Поход 984 года, русско-византийская война 986 года явились прологом последующего крещения Руси — не только значительного культурно-религиозного и внутриполитического события для нее, но и важной внешнеполитической вехи.

Принимая крещение, Русь шла по пути большинства стран Европы I тысячелетия. Одновременно в Передней Азии, Северной Африке, Восточном Средиземноморье шло мощное наступление мусульманства. Победа монотеистических религий знаменовала переход от «военно-демократических обществ» к государственным образованиям, к появлению новой социально-экономической структуры общества, к созданию централизованных монархий. Две великие мировые религии как бы поделили сферы влияния в соответствии с военными и политическими успехами своих основных носителей. Свое место в этом мировом процессе заняла и Русь, принявшая к концу 80-х годов X века христианство по византийскому образцу. При этом христианизация Руси проходила во многом по международным стереотипам, что определяло важность внешнеполитического аспекта этого события.

Во-первых, христианизация Руси, как и других стран, не была актом единовременным, а растянулась на долгие десятилетия, если не на столетия. События 987–989 годов стали на этом пути лишь важным, но промежуточным этапом. Во-вторых, христианизация во всех случаях являлась отражением в первую очередь внешнеполитических влияний и расчетов — наряду с культурными, религиозными, внешнеэкономическими влияниями; во всех случаях она становилась актом, привнесенным извне. Применительно к Руси речь может идти о влиянии прежде всего Византии, христианизированной ранее Болгарии, о христианах-варягах, о христианах Херсонеса и Хазарии, о влиянии папского Рима, Германской империи, моравов, чехов, поляков. Двери Руси как евразийской державы были открыты всем религиозным течениям, и каждое из них накладывалось на общую восточнославянскую социально-экономическую и политическую канву. В борьбе за выбор веры невозможно исключать и влияния окрестных стран, уже принявших мусульманство и иудаизм.

Подобное происходило во всем мире. Так, франкский король Хлодвиг, принимая крещение по римскому образцу на исходе V века, обеспечивал себе поддержку в первую очередь со стороны папского Рима, а также галло-римской аристократии в борьбе со своими врагами — бургундами и вестготами, исповедовавшими в те годы арианство. Принятие христианства польским королем Мешко I в X веке по римскому образцу было тесно

связано с его борьбой против язычников Западного Поморья — волинян и ратарей, а также против поддерживавших их саксонцев. В Чехии IX века обращение в христианство сопровождалось вмешательством немецких феодалов в междоусобную борьбу чешских правителей, давлением франкского императора Людовика Благочестивого. Болгаро-немецкий союз против Великоморавского королевства обратил Ростислава Моравского в сторону Византии: он пытался крестить народ по византийскому образцу. Его планы были впоследствии разрушены немецким католическим духовенством. Болгария приняла крещение по византийскому образцу под нажимом империи в условиях острейшего военного конфликта. Христианизация Венгрии также являлась орудием политической борьбы между папским Римом и Византией. Если Арпады ориентировались на Рим, то трансильванские вожди — на Византию. Королю Стефану Святому в его политике христианизации помогали немецкие рыцари. Этот ряд внешнеполитических влияний в деле крещения европейских стран можно было бы продолжить.

Заметим, что после обращения в христианство Русь сама стала оказывать соответствующее влияние на сопредельные народы и государства (печенегов, Волжскую Булгарию), пытаясь найти в этом средство своего внешнеполитического давления. Но это было позднее, а пока же Русь активно использовала церковные и, естественно, политические расчеты Византии в своих собственных интересах. Крещение Руси стало средоточием всех ее основных геополитических и государственно-престижных интересов; оно как бы подвело итог всем внешнеполитическим усилиям Руси в X веке, когда закладывались основы русской государственности, а вместе с ней и основы русской внешней политики.

Ярким отражением этих процессов стали так называемые «посольства о вере», о которых подробно и красочно рассказала «Повесть временных лет». История появлений в Киеве ходатаев из других стран с предложением своей веры и ответных посольств Руси в поисках «истинной религии» как на Запад, так и на Восток, по мнению ученых, выявила в легендарной форме активные внешнеполитические усилия Руси в период введения новой государственной религии, учитывающей весь спектр отношений с окружающими странами.

Но наиболее ярко внешнеполитический аспект отразился в событиях 987–989 годов, то есть периода крещения Руси, выросшего из ее геополитических целей.

После итогов похода против Болгарии и русско-византийского противоборства очередная угроза русского нашествия совпала для Византии с антиправительственным мятежом 987 года, который буквально потряс Константинополь. Власть императора-автократа Василия II оказалась под угрозой, что и заставило его направить послов к Владимиру с просьбой

о мире и помощи. Закрепиться в Подунавье Руси вновь не удалось, но появилась идея династического брака русского великого князя и византийской принцессы, сестры императора Василия II и внучки Константина VII Багрянородного, который заклинал византийских правителей не родниться с варварами и не поднимать тем самым их государственный престиж, к чему страстно стремились русские князья. На этот раз Русь торжествовала победу: Византия согласилась отдать порфирородную принцессу за русского великого князя. Это был для Руси подлинный внешнеполитический, цивилизационный прорыв.

В свою очередь, император поставил условие: обращение в христианство самого Владимира и «всего народа»²⁵. Крещение Руси, таким образом, становилось для Византии своеобразным внешнеполитическим реваншем, поскольку империя рассчитывала, как в случае и с другими обращенными народами, держать Русь в русле своей политики. Как показали последующие события, Владимир, согласившись на крещение из рук Константинополя, преследовал свои далеко идущие цели, которые продолжали бы общую линию на возвышение государственного престижа Руси, укрепление ее суверенитета.

Большинство историков относит этот договор к 987 году, когда и могло состояться обращение в христианство (или оглашение по этому поводу) самого Владимира.

Владимир послал военный корпус в Византию, и русская помощь спасла Василия II в его борьбе с мятежниками. Однако затем в реализации договора наступила заминка. Принцесса не прибыла в русскую столицу, а Владимир не дал ход крещению Руси. Потребовался новый удар русского войска по владениям Византии, чтобы договор заработал вновь. На этот раз удар был направлен на Крым. Владимир взял Херсонес, центр византийских владений в Крыму, и пригрозил двинуть свои дружины на Константинополь. Именно в это время в Херсонесе появились легаты Рима: папский престол не отказывался от идеи втянуть Русь в лоно своего влияния. Однако событиям был уготован иной исход. Анна прибыла в поверженный Херсонес, а Владимир там же принял обряд крещения, подчеркнув тем самым мощь и независимость Руси в этом щепетильном внешнеполитическом вопросе. Продолжением этой линии стала и попытка Руси создать свою церковную организацию, независимую от константинопольского патриархата. В этих условиях Византии не удалось навязать Руси свое решение проблемы обращения, равно как и Русь не сумела добиться того ранга и той степени независимости создающейся русской церкви, каких ей хотелось.

Необходимо видеть и связь похода русского войска на Херсонес с другими международными событиями. В то время на Византию вели наступление западные болгары, взявшие штурмом византийскую крепость

Веррию. Империя вновь оказалась на краю пропасти, что и сопутствовало успеху русской внешней политики.

Таким образом, принятие Русью христианства происходило в условиях, когда она стала участницей крупных международных событий своего времени, в которые были втянуты Византия, Болгария, Рим, союзники Византии, Сирия и арабы, поддержавшие византийских мятежников²⁶.

Постоянным внешнеполитическим фактором существования Древней Руси оставалась опасность со стороны степи. Многое изменилось со времени появления печенегов в северопричерноморских степях, их первого мирного контакта с Русью в 915 году и первого военного противостояния в 920 году. Ко второй половине X века восемь печенежских колен объединяли 40 родов. Печенеги завладели огромной территорией от Волги до Прута. Постепенно к 80-м годам X века печенежская орда исламизировалась, и это стало дополнительным фактором в противостоянии Руси и печенегов. Степняки быстро набирали силу, но к концу X века и Русь представляла собой грозную опасность для степи. Это был уже новый внешнеполитический феномен. Возникла определенная система равновесия, когда у печенегов не было сил сокрушить Русь, как некогда делали это другие кочевые орды, а у Руси не хватило ресурсов для полной ликвидации степной опасности в быстротечной войне, как это было осуществлено Святославом по отношению к Хазарин. Это изнурительное противостояние растянулось почти на 100 лет, стоило тысяч жизней и нанесло большой ущерб цивилизационному развитию обеих сторон.

Отмечено, что опустошительные набеги печенегов привели к уходу значительной части восточнославянского населения на северо-восток — в земли вятичей²⁷. Пик этого противостояния пришелся как раз на время правления Владимира, а именно на 90-е годы X в., а всего Русь и печенеги воевали между собой 16 раз, не говоря уже о мелких стычках. Сразу же после принятия Русью христианства началась длительная русско-печенежская война (988–997 гг.). Некоторые исследователи считают, что кроме традиционных ее причин — захвата добычи, новых пастбищ — этот натиск был реакцией мусульманского мира на христианизацию Руси. Владимир ответил беспрецедентной для Руси мерой: созданием мощной оборонительной системы на своих южных рубежах, состоящей из сети городов-крепостей по рекам Десне, Остеру, Стугне, Ирпени, Трубежу, Суле. Под военный контроль были взяты все броды, разработана система сигнализации, оповещающая о приближении степняков. В крепости были направлены «мужи лутши» из разных мест.

Победы русских дружин над печенегами под Переяславлем, Василивом, Белгородом, тем не менее, не ликвидировали эту угрозу, хотя и сдерживали ее. Постоянная печенежская опасность объясняет нам, почему с такими трудностями шло освоение Русью Таманского полуострова, Северного

Причерноморья, закрепление плодородных земель на юге, прокладывание торговых путей на восток.

Этот внешнеполитический фактор, действовавший уже в пору создания Древнерусского государства, положил начало милитаризации русской жизни, укреплению раннефеодальной монархии на Руси, все чаще требовавшей жертв со стороны личности в пользу общего дела — защиты от внешнего врага. Этот же фактор определил и начало такого губительного для Руси явления, которое позже стало бичом русской политической жизни, — постоянного вмешательства кочевников во внутрирусские политические дела, использования князьями сил кочевников для борьбы за власть. Не Олег Гориславич впервые привлек степняков к себе на помощь в борьбе за черниговский престол во второй четверти XI века, намного раньше вели печенегов на Русь сторонники Ярополка — соперника Владимира, а затем соперник Ярослава Владимировича Святополк.

Неслучайно в условиях печенежских нашествий, в начале 90-х годов, вновь обострилась борьба с Польшей за Червенскую Русь, и Владимир вынужден был идти в поход на хорватов. Противоборство с Польшей закончилось «любами» с Болеславом I и стабилизацией границы. Дочь польского короля стала женой Святополка, старшего сына Владимира.

Новое обострение в русско-польских отношениях приходится на конец правления Владимира, когда Польша заключила мир с Германией и более не нуждалась в спокойном восточном тыле, а Владимир стремился заручиться в борьбе с Польшей поддержкой Чехии.

Русско-польские отношения, таким образом, развивались в европейском контексте. Стороны учитывали позиции Германии, Венгрии, Чехии. Уже в это время Польша превращается, хотя еще контурно, в буферную зону между германским и восточнославянским мирами. Дальше германских земель интересы Руси еще не идут, но и это уже являлось определенным продвижением русских внешнеполитических устремлений. Фрагментарно они также проявлялись на арабском Востоке и в Италии: русские наемники служили в Египте, а торговцы создавали свои подворья не только в Византии, но и в Каире, Палермо и других известных городских центрах. Становятся теснее отношения Руси с Норвегией, Швецией, особенно в период приобщения этих стран, как и Руси, к христианству.

Поводом же для очередной русско-польской войны стали выступление Святополка против отца и заключение сына в тюрьму вместе с женой-полькой. Болеслав помог зятю, направив против Руси войско, подкрепленное немецкими и печенежскими наемниками. Но дело было не в родственных чувствах: начинавшуюся неурядицу на Руси Польша тут же решила использовать для отвоевания спорных территорий. На этот раз русско-польская граница устояла. Но ненадолго.

Начавшаяся после смерти Владимира четырехлетняя междоусобица отбросила Русь от прежних внешнеполитических достижений. За четыре года борьбы между Святополком Окаянным и братьями*, в первую очередь с Ярославом, страна буквально развалилась на части. Это был один из тех драматических распадов Руси, которые станут одной из характерных черт российской жизни в течение столетий. И с каждым распадом происходили откат и измельчание внешнеполитических ориентиров. Так было и на этот раз. Польша поддержала Святополка, и войска Болеслава I вошли в русскую столицу. А вместе с этим были надолго утрачены завоевания Владимира на юго-западе: Червенская Русь отошла к Польше. В междоусобицу вмешались и печенеги. И хотя в дальнейшем Ярославу Владимировичу удалось одолеть брата, но досталось это дорогой ценой. Русь была отброшена от своих западных и юго-западных границ, печенеги хозяйничали вблизи русских городов. В довершение Русь раскололась на две части. Вновь, как и на заре древнерусской государственности, на просторах Восточно-Европейской равнины появилось два восточнославянских государства. Одно охватывало правобережье Днепра и северо-западные области бывшей единой Руси. Центром его был Киев, где правил Ярослав Мудрый. Другое простиралось на днепровском левобережье, включало Чернигов и другие города, а также Северо-Восточную Русь. Его владения доходили до Тмутаракани, которая и была их центром, а возглавлял это образование Мстислав Владимирович, разгромивший в 1024 году Ярослава под Листвином и заставивший его заключить в 1026 году договор о разделении страны. Любопытно, что в «челе» Мстиславова войска стояли северяне.

И сразу же на Руси заработали рычаги политического сепаратизма, и, как следствие этого, отсутствие единства проявилось и в русской внешней политике. За несколько лет до раздела страны внешнеполитические интересы тмутараканского властелина сосредоточились на Северном Кавказе. Мстислав воевал с касогами. А затем, уже опираясь на помощь хазар и побежденных касогов, Мстислав двинулся на Киев. В дальнейшем, пытаясь создать мощную державу от днепровского левобережья до Северного Кавказа, Мстислав Владимирович в союзе с аланами нанес в начале 30-х годов XI века несколько ударов по владениям ширваншаха; русские рати вторгались в Закавказье²⁸. Это было всего лишь малой частью восточной политики ранее единой Руси.

Внешнеполитические интересы киевского князя сосредоточивались также на традиционных направлениях: на западной и юго-западной границах (поход на Берестье на границе с Польшей), на обретении земель на балтийском побережье. Именно здесь после победы над чудью (эстами)

---

* Заметим, что Святополк не являлся сыном Владимира. Его отцом был убитый Владимиром брат Ярополк, а матерью — плененная греческая монахиня.

в 1030 году был заложен город Юрьев* (нынешний Тарту), что положило начало балтийской политике России на долгие века.

Одновременно Ярославу пришлось подавлять мятеж Полоцкой земли. Дробилась Русь — дробилась и ее внешняя политика.

Лишь на короткий срок в начале 30-х годов XI века помирившиеся братья выступили единым фронтом: они использовали смерть Болеслава I и начавшуюся в Польше междоусобную борьбу для возвращения всех тех же червенских городов. Поход объединенного русского войска был успешным, и червенские города надолго, вплоть до нового распада Руси уже во второй половине XIV века, вошли в ее состав.

Лишь после смерти бездетного Мстислава Русь снова объединилась под эгидой Киева, и сразу же начался подъем внешней политики вновь единого государства.

Период правления Ярослава Мудрого с 1036 года для древнерусской внешней политики стал временем сбора урожая: взошли, несмотря на пронесшиеся над Русской землей бури, зерна, брошенные в почву предшествующими правителями. В сущности, правительство Ярослава Мудрого не только во многом повторило и попыталось восстановить былые, уже намеченные прежде внешнеполитические приоритеты, но и предприняло качественный прорыв в этой области.

Прежде всего следует сказать о мобилизации всех сил страны на борьбу с печенегами. В 1036 году у самых стен Киева русское войско наголову разбило печенегов. Это был последний из серии набегов степняков. Они обложили город. Ярослав повел в бой киевлян, новгородцев, союзных варягов. Летопись отмечает, что «бысть сеча зла, и одва (едва. — *Авт.*) одоле к вечеру Ярославъ». Печенеги бежали «разно», тонули в окрестных реках. Позднее их кочевья передвинулись к Дунаю. Часть их была «интернирована» Византией и поставлена на службу империи.

С тех пор печенежская орда как мощный фактор степной политики практически перестала существовать. В.Т. Пашуто справедливо заметил, что «Русь одолела печенегов с помощью дипломатии, войн и продуманной системы обороны»²⁹.

Эта решающая победа как итог всех предшествовавших усилий Руси пришлась как раз на время нового возрождения Древнерусского государства. Впервые в своей истории Русь в ходе длительного противоборства сломала хребет степной кочевой державе. Через год на месте победы был заложен знаменитый храм Святой Софии.

Логическое продолжение получила польская политика Ярослава. Давление на западной границе продолжалось. Это продемонстрировали походы русских ратей против ятвягов. Теперь в совокупности с прежними

* Назван в честь Ярослава: его христианское имя — Георгий (Юрий).

успехами в Закарпатье и Прибалтике древнерусская западная политика выстраивалась достаточно определенно. Русь при Ярославе Мудром по-прежнему опиралась на долговременный союз с Венгрией (который был поколеблен в период междоусобицы, так как венгры поддерживали легитимного князя Святополка) и стремилась заручиться поддержкой германских императоров Генриха II, а потом и Генриха III в борьбе с Польшей. Однако Германия была союзницей дальней и ненадежной. Империя сама стремилась продвинуть свои интересы на восток за счет не только польских территорий, но и русского влияния.

Таким образом, несмотря на отсутствие общей границы Руси и Германии, уже в то давнее время зарождается геополитическое соперничество двух государств, ставшее на долгие столетия доминантой в системе международных отношений в Восточной Европе.

В 1039 году в связи с окончанием смуты в Польше и появлением на польском престоле Казимира I Пяста в отношениях Руси с Польшей намечается поворот. Германия также была заинтересована в стабилизации Польши как противовеса и Чехии, и Руси. По договору около 1042 года Казимир признал новую русско-польскую границу, согласился с русскими интересами в Мазовии, добился отказа от наступления Руси на земли ятвягов. Сестра Ярослава Добронег, Мария, стала женой польского короля, а Гертруда, сестра последнего, стала женой русского наследника престола князя Изяслава Ярославича. На долгие 20 лет отношения с Польшей были урегулированы.

В эти же годы в русской истории появляется еще один долговременный внешнеполитический сюжет. Под 1040 годом в летописи сказано: «Ярославъ иде на Литву»³⁰: начинается противоборство с литовскими племенами, в недрах которых идут бурные демографические и общественные процессы, которые через несколько десятилетий сделают борьбу за литовские земли заметным внешнеполитическим фактором в Восточной Европе. Пока же речь шла лишь о попытках превращения Литвы в данников Руси и овладении землями на побережье Балтики.

И еще одна внешнеполитическая линия единой Руси определяется при Ярославе: вновь возникает балканский вопрос. Кончался срок действия «глубокого», 50-летнего мирного договора с Византией, включавшего, как показали все последующие события конца X — первой половины XI века, и военно-союзные статьи. Он, видимо, был заключен с Византией Владимиром по уже устоявшейся традиции на исходе 80-х годов X века. К началу 50-х годов XI века отношения с империей вновь обострились и не только в силу экономических и церковных разногласий, как об этом принято думать. Русь, окрепнув и стабилизировав свои отношения с ближайшими соседями, а также освободившись от печенежского давления, попыталась вновь пробиться в Подунавье и на

Балканы. В разгоравшемся конфликте Ярослав хотел обеспечить себе поддержку Польши и Германии³¹. Продолжали действовать и русско-венгерский, и русско-чешский союзы. Знаменательно, что все русское войско, включая и союзников, прежде чем двинуться на Константинополь, вновь собралось на Дунае. Во главе военной кампании встал старший сын Ярослава, Владимир.

Жестокая война 1043 года закончилась поражением Руси. Лишь в 1046 году Русь и Византия заключили новый мирный договор, вернувший обе стороны к исходному положению. Шестнадцатилетний четвертый сын Ярослава, Всеволод, получил в жены дочь императора Константина Мономаха. Но этот факт уже не стал внешнеполитической европейской сенсацией, как некогда брак Владимира и Анны, так как Русь к этому времени прочно и легитимно вошла в круг ведущих держав Восточной Европы. Избрание (без участия Константинопольского патриарха) в 1051 году новым митрополитом русина Иллариона, возгласившего горделивую мысль о политической и религиозной независимости и исторической самодостаточности Руси³¹, лишь подчеркнуло общее внешнеполитическое укрепление древнерусского государства, несмотря на неудачу в недавнем противоборстве с Византией.

Продолжалось и продвижение русских интересов далее на запад. Это проявлялось в обмене посольствами со странами Северной, Центральной и Западной Европы, установлением с рядом стран династических связей. Анна Ярославна стала королевой Франции, женой Генриха I, другие дочери Ярослава направились в Норвегию, Венгрию, а сестра — в Польшу. Возникли фрагментарные отношения с Англией, которые позднее найдут выражение в браке внука Ярослава Владимира Мономаха и дочери последнего англосаксонского короля Гиты. Неудачные попытки Ярослава Мудрого породниться с германским императорским домом (Генрихом III) в конце концов закончились браком третьего сына Ярослава, Святослава, и дочери одного из владетельных домов Германии, а внука Ярослава, Евпраксия Всеволодовна, сестра Владимира Мономаха, стала женой германского императора Генриха IV; она сыграла странную и роковую роль в его судьбе и сгорела в пламени западных государственных и религиозных интриг.

Все эти факты указывают на то, что после разгрома печенегов ось древнерусской внешней политики все более склоняется в сторону Запада. С этого периода и до конца XI века евразийский характер Руси все явственнее окрашивается в западные тона.

В этом же направлении идет и церковная политика древнерусского государства. Окончательный раскол в 1054 году между папским Римом и Византией не взволновал ни русскую церковь, ни древнерусскую правящую элиту. Тесные политические связи со странами Европы, принявшими христианство по римскому образцу, заставляли Русь проявлять

в этом вопросе гибкость. Впрочем, для русских правителей это было не внове: со времен Ольги, а позднее при Ярополке и Владимире Русь умело лавировала между двумя крупными христианскими центрами, упрочивая свою собственную церковную линию и на этом основании добиваясь все новых внешнеполитических дивидендов. Православный фундаментализм, носителем которого стали позднее греческие митрополиты в Киеве, их окружение, а также руководители и идеологи Киево-Печерского монастыря, на Руси еще не сложился, религиозно-идеологический изоляционизм еще не поразил Русскую землю, и она оставалась открытой всем цивилизационным ветрам континента.

* * *

Во второй половине XI века Русь еще по инерции продолжала общеевропейскую политику Ярослава Мудрого, став к этому времени поистине европейской державой. С ее политикой считались Германская империя, Византия, Швеция, Польша, Норвегия, Чехия, Венгрия, другие европейские страны. На востоке вплоть до низовьев Волги у нее теперь практически не было соперников. Союзником Руси оставались аланы. Ее границы простирались от Карпат до Камы, от Балтийского моря до Черного. Периметр территории Древней Руси равнялся 7 тыс. км. К середине XI века там жили около 4 млн человек. Ее города во главе с Киевом были крупнейшими городскими центрами Восточной Европы. Пути русской внешней торговли простирались от Лондона до Багдада и от Хорезма до Испании.

Однако вторая половина XI века и начало XII века вплоть до времени вступления на общерусский престол Владимира Мономаха ознаменовались и некоторыми новыми явлениями во внешней политике Руси.

Во-первых, с середины XI века в южнорусских степях появились новые кочевые орды. Сначала это были торки. К 60-м годам Русь успешно справилась с беспокойными соседями: их набег на южнорусские земли были отбиты, последовавший в 1060 году поход в степь объединенных русских сил привел к разгрому и распаду орды, часть которой ушла прочь, а оставшая стала вассалом Руси в приграничной степной полосе. Но на следующий год Русь столкнулась с новой, более серьезной опасностью: в этот год «придоша половцы первое на Русьскую землю». Новое нашествие показало, что враг был многочислен и силен. Рать Всеволода Ярославича, княжившего в то время в Переяславле, была разгромлена, и половцы пошли «загоном» по русским землям. Так качалось новое долговременное противостояние Руси и степи.

Придя из глубин Азии тем же путем, что некогда и печенеги, половецкие орды перешли Волгу, появились на Дону, заняли бескрайние степи между Доном и Днепром. Они отогнали печенегов на запад и, преследуя их, дошли до византийских крепостей на Дунае. Часть их передвинулась

на север и вплотную подошла к русским границам. Их напор на западе ослабел, и они принялись обживать огромные пространства, раскинувшиеся между Доном и Дунаем, причем главные их кочевья располагались между Дунаем и Днестром.

Половецкий фактор впоследствии оказал мощное влияние на формирование древнерусской внешней политики. Это противостояние расширялось и ужесточалось с каждым десятилетием и просуществовало вплоть до монголо-татарского нашествия на исходе 30-х годов XIII века.

Во-вторых, вопреки попытке Ярослава предотвратить в будущем междоусобицы между сыновьями, закрепив за каждым из них наследственный стол при сохранении общегосударственной власти за старшим в роду, после смерти великого князя началась перманентная междоусобная борьба между Рюриковичами, сопровождавшаяся ослаблением центральной власти и усилением внешнеполитического сепаратизма отдельных земель.

Борьба за киевский престол между сыновьями Ярослава Мудрого вылилась в конце концов в серьезный международный конфликт, в котором участвовали Польша, Германия, папский престол. Появление изгнанного братьями из Киева Изяслава с сыном Ярополком сначала в Польше, потом при дворе императора Генриха IV, а затем уже одного Ярополка в Риме у папы Григория VII Гильдебранда осложнило русско-польские отношения, активизировало попытки Генриха IV использовать Русь в своих интересах в борьбе против саксонских князей и вселило надежду в сердце неукротимого Григория VII на то, что Русь повернется наконец лицом к папскому престолу. Однако восточноевропейское статус-кво нарушено не было. Попытка Польши вернуть себе червенские города, используя княжеские междоусобицы на Руси, не удалась, и в 1074 году стороны заключили мир. От имени Руси успешные переговоры на юге провел юный Владимир Мономах. Русско-польский союз продолжал действовать, и в 1076 году войско во главе с Владимиром Мономахом и Олегом Святославичем оказало полякам помощь в борьбе с Чехией. Четыре месяца руссы победоносно воевали в центре Европы, о чем с гордостью поведал в своем «Поучении» Владимир Мономах³³. Таким образом, Германская империя не сумела добиться от Киева поддержки в борьбе с Польшей. Что касается расчетов Рима, то, видимо, есть основания говорить о стремлении Григория VII получить от князей-эмигрантов в обмен за помощь в возвращении престола Изяславу согласие на политическую и религиозную зависимость от папы. Так, задолго до попыток окатоличить юго-западные земли в XIII веке, до крестоносной католической агрессии против Северо-Западной Руси и до Флорентийской унии папский престол, используя политические трудности на Руси, стремился ввести русские земли в лоно католической церкви.

Одновременно перипетии с участием европейских сторон в русской междоусобице говорят о тесной привязанности Руси к тогдашней европейской политике и еще раз свидетельствуют, что, несмотря на начавшиеся политические неурядицы, древнерусское государство и в послеярославово время продолжало оставаться единым и достаточно прочным. В конце концов, Европа помогла возвратить престол на Руси легитимному русскому монарху, старшему Ярославичу — Изяславу.

Но вместе с тем внутренняя непрочность державы Рюриковичей, разрывающие ее центробежные силы социально-экономического характера, рассмотрение которых не входит в нашу задачу, способствовали зарождению местного сепаратизма и, как следствие этого, регионализации внешней политики. Здесь следовало бы назвать в первую очередь пограничную с Польшей и Венгрией Волынскую землю, все те же червенские города, прошедшую искус независимости при Мстиславе далекую Тмутаракань и отчасти постоянно стоящий в оппозиции к центральной власти Полоцк.

Именно отсюда пришли первые сигналы неповиновения и поиски собственного решения внешнеполитических проблем.

В 60-е годы XI века внук Ярослава Мудрого, Ростислав, первым бросил с Волыни вызов Киеву. Затем он бежал в Тмутаракань. Эту линию продолжали его сыновья Ростиславичи, укоренившиеся на Волыни, и другие местные князья. Отстаивая самостоятельность Волыни или отдельных ее частей (Владимира-Волынского, Перемышля, Теребовля), они пытались проводить собственную политику в отношениях с половцами, используя их помощь в своих региональных интересах, постоянно находились в противоборстве с Польшей и Венгрией и даже претендовали на Подунавье. Великим киевским князьям Всеволоду, потом Святополку Изяславичу стоило большого труда сдерживать эту сепаратистскую вольницу волынских князей.

Другим центром сепаратизма становится Тмутаракань, где, кстати, периодически укрывались волынские князья, стремясь избежать киевского давления. Там же в 70-е годы оказался и мятежный Олег Святославич, сын черниговского князя Святослава, который занял общерусский престол в 1072 году, но вскоре умер и оставил своих сыновей Ольговичей, буйное и неукротимое племя, на вторых ролях в политической жизни России. Тмутараканские беглецы входили в тесные контакты с половцами и неоднократно водили их конницу на Русь. Они имели контакты с хазарами, греческими колониями в Причерноморье. Ростислав, продолжая политику Мстислава, активизировал действия Тмутараканского княжества на Северном Кавказе, в частности продолжал подчинение касогов, что противоречило византийским интересам (впоследствии Ростислава отравили)³⁴.

Все более определяются (вернее, возрождаются) собственные внешнеполитические интересы Полоцка. С середины 60-х годов и в течение нескольких

десятилетий полоцкие Брячиславичи, в первую очередь энергичный, воинственный, непредсказуемый князь Всеслав, стремятся оторвать Полоцкое княжество от Киева. У Полоцка складываются свои внешнеполитические ориентиры, связанные с овладением северо-западными русскими землями. Полоцк атакует новгородские земли, владения подвластных Новгороду и всей Руси балтских и угро-финских народов. С большим трудом, в том числе и путем военных походов и карательных экспедиций, киевским князьям удается сдерживать сепаратизм полоцких князей. В этом начавшемся противоборстве, равно как и активизации литовских племен, уже угадывается будущее противостояние литовско-русской общности против остальной Руси и проглядывают контуры Литовско-Русского государства.

Наконец, с каждым десятилетием нарастает роль половецкого фактора во внешней политике Руси. К концу XI века половецкая опасность отодвинула в сторону все остальные внешнеполитические устремления Руси, хотя по-прежнему сохранялись дружеские и союзные отношения с Польшей, Венгрией, Византией, проявлялась заинтересованность во взаимной поддержке Германии Генриха IV и Руси Всеволода Ярославича (1078–1093 гг.), поддерживались отношения с различными германскими землями, с Равеннской церковью. Русь в это время также находилась в дружественных отношениях со Швецией, Норвегией, Данией, не прерывались контакты с Францией. Однако половецкая опасность все более склоняет внешнеполитический вектор Руси к востоку. Особенно усилился натиск половцев с 90-х годов XI века, когда произошло объединение и координация действий «Черной Кумании»*, кочевавшей на днепровском правобережье, и «Белой Кумании», располагавшейся между Днестром и Доном.

Десятки походов на Русь, на отдельные русские земли и города принимали половцы в это время. Именно тогда у Руси были отторгнуты огромные массивы плодородных земель. Они превратились в половецкие пастбища. Здешнее население либо погибло, либо было уведено в плен и продано в рабство на невольничьих рынках юга, либо бежало на север под защиту лесов и болот. Русские княжества жили в постоянном военном напряжении. Колоссальные народные средства, как и во времена печенежских набегов, продолжали уходить на дело обороны страны. Русь все более превращалась в постоянно воюющую державу, что не могло не отразиться на ее общей цивилизационной судьбе.

Постоянное присутствие половцев на южных рубежах Руси, многогранное — не только военное, но и мирное — экономическое сотрудничество половецкой степи и Руси превращало взаимоотношения половцев и Руси в фактор не только внешней политики, но и внутренней жизни русских земель. Их династические браки с русскими владетельными домами, союзы

---

* На Западе половцев именовали куманами.

и противоборство с отдельными князьями влияли в сильной степени на отношения внутри русских земель. А если учесть, что в подобном же качестве половцы выступали по отношению к Венгрии, Византии, в меньшей степени — к Польше, можно говорить о неотделимости истории Руси от истории половецкой степи, в том числе и в области внешней политики.

Отношения с половцами стали для Руси историческим феноменом вооруженного сосуществования, когда у кочевников, как в свое время у печенегов, не хватало сил сокрушить Русь и превратить ее в своего постоянного вассала и данника, а Русь не могла опрокинуть половцев, как, скажем, торков. В результате началась изнурительная борьба за выживание, сплетенная воедино порой с экономическими и политическими интересами. Любопытно, что в ходе этого соперничества-сотрудничества русские князья нередко заключали династические браки с половецкими ханами: первым взял себе в жены знатную половецкую женщину после смерти «грекини», дочери Константина Мономаха, великий князь Всеволод. За ним последовал великий князь Святополк Изяславич, женившийся на дочери владыки левобережных (приднепровских) половцев Тугоркана, который, кстати, был убит во время одного из своих набегов на земли зятя. Владимир Мономах и его соперник, черниговский князь Олег Святославич, женили своих сыновей на ханских дочерях, так женой Юрия Владимировича, будущего основателя Москвы Юрия Долгорукого, была половецкая женщина. Нечто символическое, типично евразийское было в этом выборе судьбы.

Почти во всех этих случаях русские князья либо нейтрализовали этими браками враждебные половецкие намерения, либо приобретали себе союзников. Это непростое сосуществование стало трагедией для обоих народов, особенно с того времени, когда Русь сама перешла в наступление на Степь.

Русские князья нередко привлекали на службу в приграничной полосе торков и печенегов, выбитых половцами со своих прежних мест обитания. Такую же роль играли печенеги на византийско-половецкой границе.

Конец XI и начало XII века принесли коренные сдвиги в борьбе Руси с половцами. Четырежды русские князья собирались на общерусские княжеские съезды для того, чтобы выработать общую линию борьбы с губительными набегами половцев, и хотя практического результата эти съезды не принесли, был выработан механизм противоборства с княжескими междоусобицами, создано, как мы сказали бы сегодня, общественное мнение в пользу лидеров объединительных процессов, и прежде всего переяславского князя Владимира Мономаха, чье княжество в первую очередь выносило на своих плечах тяжесть борьбы с половцами. Те, кто уклонялся от борьбы, отсиживался по своим городам или, хуже того, потворствовал половецким набегам, как это не раз случалось с князем Олегом Черниговским, подвергались осуждению.

Симптоматично, что попытки русских князей создать единый фронт в борьбе против кочевников совпадают с крестоносным движением в Западной Европе. Еще при жизни Всеволода западные церковные круги делали попытки втянуть Русь в намечавшийся первый крестовый поход против арабов. Западные страны были все более озабочены наступлением на Византийскую империю турок-сельджуков, которые, овладев Малой Азией, поставили империю на грань катастрофы. Сами западные правители, рыцари, купцы с их хищническими интересами мечтали о сокрушении Византии и овладении ее ценностями. В 1091 году на весь тогдашний мир прозвучал отчаянный призыв византийского императора Алексея Комнина к спасению Византии силами западных христиан. Его не пугала даже перспектива предаться «латинянам»³⁵.

В то время как крестоносцы в ходе первого крестового похода (1096–1099 гг.) овладели Иерусалимом и создали Иерусалимское королевство, на Руси был созван первый объединительный съезд князей (Любеч, 1097 г.) для выработки противодействия степнякам.

Таким образом, Запад и Русь действовали синхронно против наступления Востока. Заметим, что в Первом крестовом походе принимал участие граф Гуго Крепи, сын Анны Ярославны и двоюродный брат Владимира Мономаха. В самом походе, по некоторым данным, участвовал и русский отряд³⁶. А еще через несколько лет игумен Даниил, в дальнейшем сподвижник того же Мономаха, побывал во время своего паломнического «хождения» в Иерусалиме и даже участвовал в 1106 году в походе короля Балдуина в Сирию. Круг замыкался: Россия превращалась в восточный фланг выступления христиан против агрессии Востока, хотя это все более и более отдаляло ее от цивилизационных процессов Запада.

Особенно это стало очевидно в начале XII века, когда возобладала военная стратегия Владимира Мономаха, заключавшаяся не в оборонительной борьбе против половцев, а в нанесении им серии наступательных ударов с проникновением в глубь их кочевий.

Первые такие походы по ближним становищам половцев Мономах предпринял еще в 90-е годы XI века. После консолидации сил князей они предприняли серию походов в степь в 1103, 1109, 1111, 1116, 1120 годах.

Инициатором этих походов был Владимир Мономах, сначала переяславский, а с 1113 года — великий киевский князь. Он сам возглавлял походы, посылал в степь своих воевод, а позднее и сына Ярополка, талантливого полководца.

Пиком этих военных предприятий стал, конечно, поход 1111 года и не только потому, что русская рать впервые за долгие годы вышла на берега Дона и что впервые были взяты крупные города — становища степняков и разгромлено их войско во главе с ханом Шаруканом, владыкой Подонья, но и потому, что русские князья придали этому походу крестовый характер.

Православное духовенство освящало и провожало воинов, шло с ними в степь и даже выносило крест и проводило молебны и песнопения перед войском в канун битвы и штурма вражеских городов («И князь Володимерь пристави попы своя, едучи предъ полкомъ, пети тропари коньдакы хреста честнаго и канунъ святой богородици»³⁷). Неслучайно победу в решающей битве на одном из притоков Дона тогдашние русские идеологи объяснили вмешательством божественных сил, а после похода весть о победе над язычниками «с божьею помощью, молитвами святыхъ богородица и святыхъ ангель»³⁸ была донесена до Византии, Венгрии, Польши, Чехии, Рима. И это было не просто церковно-летописной риторикой, а отражением сущности, всеевропейского масштаба, религиозного обеспечения этого крупнейшего в истории Древней Руси военного предприятия, ставшего русским крестовым походом на восток.

После таких ударов половцы долго не могли оправиться. Их результатом стали откат степняков к югу, юго-западу и юго-востоку, возврат под контроль Руси плодородных земель, укрепление международных позиций Руси при Владимире Мономахе (1113–1125 гг.) и его сыне Мстиславе Великом (1125–1132 гг.). Русь в это время продолжала поддерживать широкие международные связи как с католическим, так и с мусульманским миром. Продолжали действовать союзные договоры с Венгрией и Польшей, были заключены династические браки с владетельными домами Швеции, Византии, Польши, Венгрии, Германии и других стран. Усилилось влияние Руси на Северном Кавказе.

В период правления Владимира Мономаха были ликвидированы все признаки местного сепаратизма: задавлена оппозиция Новгорода (новгородские заговорщики оказались в оковах в киевской тюрьме), полностью замирены Воынь и Тмутаракань, сломлена гордыня черниговских князей, ставших послушными подручными Киева.

И как всегда бывало в пору наивысших внутри- и внешнеполитических успехов Руси, ее усилившегося единства, централизации власти, вновь всплыли претензии древнерусского государства на Подунавье. Под 1116 годом в летописи говорится о том, что Владимир Мономах «посажа посадники по Дунаю»³⁹. Другие источники раскрывают подробнее борьбу Руси за Подунавье: появление там русской рати, использование Русью внутривосточных противоречий в Византии и т. д. Именно с тех пор получила хождение версия о «шапке Мономаха», то есть о дарах Византии, в том числе «венце», русскому великому князю в обмен на оставление дунайских городов. Руси и на этот раз не удалось удержаться на подступах к Балканам, но попытка такая была предпринята. А это значит, что и в первой трети XII века Русь, подавив внутренние мятежи, подорвав половецкую опасность, представляла собой сравнительно монолитную и грозную силу, к которой еще совершенно неприменимы понятия

о феодальной раздробленности, политической децентрализации и т. д. Неслучайно безымянный автор знаменитого «Слова о погибели русской земли» в восторженных тонах характеризует международную роль Руси в тогдашнем мире: «Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелов, от корелов до Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все покори́л бог народу христианскому поганые страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам господин Мануил Цареградский, страх имея, затем и великие дары посыпал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял» (дано в переводе)⁴⁰.

* * *

Положение в русских землях стало кардинально меняться с 30-х годов XII века. С этого времени и на долгие три с лишним столетия Русь вступает в сложный и крайне противоречивый период так называемой феодальной раздробленности, смысл которой заключался в бурном росте экономики русских княжеств, развитии городов, расцвете культуры, резком изменении социальных отношений в обществе, появлении новых социальных слоев как на высших ступенях феодальной иерархии, так и на ее низших ступенях. Именно эти обстоятельства вкупе с раздорами князьями своих владений между сыновьями разрывали скорлупу старых общественных структур, приводили к политической раздробленности русских земель, ослаблению их обороноспособности, кровопролитным междоусобным войнам между князьями, активным вторжениям иноплеменников во внутренние дела Руси⁴¹.

Менялись и общерусские внешнеполитические ориентиры. От десятилетия к десятилетию по мере политической дезинтеграции, обособления отдельных княжеств внешняя политика единой Руси размывалась, локализовалась, приобретала региональный характер. Вместе с тем один из парадоксов периода феодальной раздробленности состоял в том, что даже в этом региональном и локализованном виде все прежние внешнеполитические приоритеты, которым следовали отдельные княжества по отношению к своим соседям, не только были сохранены, но даже развиты и упрочены. К тому же эта внешняя политика печально обогатилась включением в ее орбиту не только взаимоотношений отдельных русских

княжеств с иностранными государствами, но и их отношений между собой. Внешнеполитические контакты, расчеты, войны, мирные договоры переплетались с внутрикняжескими отношениями, с политикой отдельных княжеств, создавая причудливый орнамент, который был свойствен и другим странам Европы и Передней Азии, вступившим в полосу политической дезинтеграции. Некоторые из них, бывшие ближайшими соседями Руси (Польша, Венгрия), переживали те же общественные процессы, что и Древнерусское государство⁴².

Особо следует сказать о неизбежных спутниках русской внутренней и внешней политики в этот период — половцах. Трагическое сосуществование этих противостоящих друг другу социумов и этносов продолжало нарастать.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что советская историческая наука, говоря о внешней политике Руси — Московского государства — России, в качестве точки отсчета брала внешнеполитические ориентиры единого Древнерусского государства, а затем уже Владимиро-Суздальского княжества и Московской Руси. Но с точки зрения объективного анализа столь же оправданным представляется обращение и к другим русским княжествам, историческая судьба которых, увы, не сложилась столь блестяще. Однако восхождение Северо-Восточной Руси началось на исходе XIII и XIV веков, а в период второй половины XII — первой трети XIII века каждое из крупных русских княжеств (Киевское, Галицко-Волынское, Черниговское, Новгородское, Смоленское, Владимиро-Суздальское, Полоцкое и некоторые другие) являлось полноправным и «полномочным» носителем как социально-экономического, культурного, конфессионального, так и внешнеполитического наследия Древней Руси. И неслучайно каждое из них на определенных этапах своей истории становилось претендентом на новое объединение русских земель, базирующееся на более высокой цивилизационной основе, на безусловном лидерстве среди русских земель, которое не состоялось по различным, в том числе и внешнеполитическим, причинам.

Это может быть подтверждено всей внешнеполитической историей русских княжеств в течение 100 лет, следующих за политическим распадом Руси в 30–40 годах XII века.

Во-первых, следует сказать о внешнеполитическом положении Киевского княжества. Для Киева ушли в прошлое европейские цели, громкие союзы, блестящие династические связи, дальние победоносные походы. Из поля зрения Киевской земли постепенно выпадают европейские, византийские, северо-западные, кавказские направления внешней политики, то есть все то, что принесло международную славу Руси в прошлом. Со всех сторон Киевское княжество было окружено новыми, достаточно сильными русскими княжествами, которые встали на пути прежних общерусских

внешнеполитических направлений. Киевской земле остались внешнеполитические интересы, связанные в основном с Половецкой степью и ее грозными соседями — Волынским (позднее Галицко-Волынским) княжеством и юго-западе и Ростово-Суздальским (позднее Владимиро-Суздальским) княжеством на северо-востоке, хотя нельзя было сбрасывать со счетов давнее соперничество с Черниговом (отчаянная борьба за первенство между потомками Владимира Мономаха — Мономаховичами и потомками его двоюродного брата Олега Святославича — Ольговичами), Полоцком, а позднее со Смоленском.

Уже в 40-е годы XII века начинается борьба с Галичем, и в это же время развивается соперничество киевских князей (Ольговичей) сначала с ростово-суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким (Мономаховичем), а потом с его сыном Андреем Боголюбским. Киев проиграл борьбу на обоих направлениях: северо-восточному княжеству — ранее, юго-западному — позднее. В 50-е годы Юрий Долгорукий при поддержке союзников дважды овладевает киевским престолом и умирает великим князем Киевским в 1157 году. Его сына, Андрея Боголюбского, Киевское княжество интересуется лишь как традиционный противник, и не более того. Андрей Юрьевич берет штурмом Киев в 1169 году, но продолжает княжить на северо-востоке и является великим князем Владимиро-Суздальским. Причем на Киев Андрей Боголюбский вел коалицию князей-союзников при поддержке литовцев, поляков и венгров.

Несмотря на эти удары, Киев сохраняет свой исторический, культурный, церковный авторитет. Киевское княжество, как находящееся на главном направлении половецкого давления, продолжает оставаться одним из организаторов общерусских усилий в борьбе с половцами, хотя все чаще Владимиро-Суздальское княжество, нашедшее себе союзника в лице враждебной Киеву Волынской земли, привлекает половецкие рати на помощь в борьбе с бывшей «матерью городов русских».

Именно на 1183 год приходится победоносный поход объединенных русских сил во главе с киевским князем Святославом Всеволодовичем, внуком черниговского князя Олега Святославича. Именно Святослава Киевского воспел автор «Слова о полку Игореве» как радателя за Русскую землю. А через два года, в 1185 году, его двоюродный брат Игорь Святославич, новгород-северский князь, тоже внук Олега, предпринял поход против половцев Кончака и потерпел сокрушительное поражение. Это был рядовой грабительский и плохо подготовленный поход русской рати в половецкие степи. Поэтический талант автора «Слова» поднял его на величайшую эпическую высоту. Особенно трагичными результаты похода выглядели по сравнению с основательной, хорошо продуманной стратегией киевского князя.

В конце XII — начале XIII века Киевское княжество все более ощущает давление со стороны Владимиро-Суздальского и Волынского княжеств.

В конце XI — начале XII века сепаратизм волынских князей был задавлен киевскими князьями, в том числе железной рукой Владимира Мономаха и его сына Мстислава. Но уже в 50-е годы XII века начинается длительное противоборство Галича с Киевом, когда на стороне Киева начали выступать Польша и Волынь, а на стороне Галича — Юрий Долгорукий. Роман Мстиславич Галицко-Волынский в 1202 году в ходе длительной борьбы, в которой участвовали Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, стремящийся овладеть киевскими землями, Польша, на первых порах Галич, Черниговское княжество, степные вассалы Киева — «черные клобуки», в конце концов со второго захода овладел киевским престолом. Объединение Волыни, Галича и Киева позволило Роману активизировать антиполовецкую политику и организовать крупный поход в степь. Однако на следующий год противная сторона, в первую очередь черниговские Ольговичи, совместно с половцами нанесли ответный удар⁴³. После смерти Романа Мстиславича длительную и отчаянную борьбу за овладение Киевом ведут группировки смоленских и черниговских князей.

Так, на примере Киевского княжества переплетались внутри- и внешнеполитические факторы русской жизни.

Такая же картина складывалась в это время применительно к Галицко-Волынской земле. Однако там, в юго-западном углу Руси, на границе с Польшей, Венгрией, византийскими владениями, ярче проявляли себя отношения с окрестными государствами и в меньшей степени внутрирусские политические противоречия, хотя, как мы видели, и они занимали значительное место.

В ту пору начинается все более активное вовлечение Юго-Западной Руси в восточноевропейские дела. Волынские войска сражались в те годы на стороне Польши против германского императора Фридриха I Барбароссы. Союз с Польшей становится на долгие годы краеугольным камнем внешней политики Волыни.

В середине XII века в связи с обособлением Галича интересы русской стороны на Дунае стали представлять именно галичские князья. Теперь здесь Византии противостоял Галич, а не Русь. В дальнейшем в союзе с Венгрией галичский князь Ярослав Осмомысл уже прочно утвердился на Дунае, что не могло не беспокоить Византию, которая искала на Руси союзника против Галича и, кажется, нашла его в лице сначала киевских, а позднее — и не без трудностей — владимиристо-суздальских князей.

В конце XII века Юго-Западная Русь уже определенно участвовала в двух противоборствующих коалициях: Галич выступал в союзе с Венгрией и Суздальской землей против другой коалиции — Волыни, поддержанной Киевом и Польшей. За спиной первого союза стояли германские интересы против Польши и Византии, за спиной второго — внешнеполитические расчеты Византийской империи и Венгрии, хотя в определенные периоды

страны, участвовавшие в этих коалициях, искали компромиссы, вызванные тактическими соображениями.

Польша и Венгрия внимательно следили за развитием событий в Юго-Западной Руси. Вступая в различного рода союзные отношения с Галичем и Волинью, они стратегически поощряли сепаратизм этих русских княжеств и содействовали их отъединению от Киева. Позднее, после смерти Ярослава Осмомысла, Венгрия пыталась сокрушить своего союзника — Галицкое княжество, на галицкий престол даже был посажен сын венгерского короля. Лишь вмешательство Германии и Польши привело к восстановлению местной династии в лице Романа Мстиславича. При этом существенную помощь ему оказали князья Малой Польши, нуждавшейся в сильном союзнике во внутриусобной борьбе⁴⁴.

В 1199 году произошло объединение Волини и Галича, чему отчаянно мешала та же Венгрия, но помогала Малая Польша. После этого Галицко-Волинская Русь, держава Романа Мстиславича, куда вскоре (1202 г.) вошла и Киевская земля, стала огромным и мощным государством, равным по величине Священной Римской империи. В Ипатьевской летописи по этому поводу говорилось: «Начало княжения великого князя Романа, самодержца бывша всей земли Русской...»⁴⁵. И для такого пассажа были определенные основания.

И вот на долгие десятилетия Галицко-Волинское княжество, несмотря на временные неудачи и даже политический распад в начале XIII века, стало одним из мощных центров объединительных общерусских тенденций.

После объединения Галицко-Волинская Русь пытается, с одной стороны, диктовать свою волю ближним соседям, с другой — использовать их внутренние неурядицы в своих интересах (союз с Малой Польшей), а порой и противопоставить их друг другу. Одновременно нарастает стремление поддержать традиционные русские интересы на подступах к Балканам как путем давления на Византию, так и за счет договорных с ней отношений перед лицом нарастающей для империи опасности со стороны турок-сельджуков и крестоносцев.

Роман Мстиславич участвовал в борьбе между Германией и Польшей, вмешался в междоусобную борьбу в Германии после смерти Фридриха I Барбароссы и даже покушался на Саксонию. Одновременно он нормализует отношения с Венгрией и Византией и поддерживает изгнанного из Константинополя и атакуемого крестоносцами (1204 г.) византийского императора Алексея III Ангела, предоставив ему убежище в своей земле. Тем самым Роман выступал против политики Германской империи и папства. Погибает великий галицко-волинский князь во время одного из европейских походов⁴⁶.

Так причудливо меняются контуры внешней политики Юго-Западной Руси, хотя ее существо остается прежним: стремление к лидерству в русских землях и попытки объединить под своей рукой остальные, хотя бы

ближние, русские княжества, овладение Подунавьем, продвижение своих интересов в Восточной и Центральной Европе.

Во второй половине XII — первой трети XIII века Ростово-Суздальское (позднее Владимиро-Суздальское) княжество определило свою внешнеполитическую специфику, бывшую осколком внешней политики единой Руси. Лидерами этой новой сепаратной внешней политики Северо-Восточной Руси стали Юрий Долгорукий, один из младших сыновей Владимира Мономаха, а позднее его сыновья и внуки. При Юрии Долгоруком элементами внешней политики Северо-Восточной Руси стали: во-первых, борьба за Киев в союзе с Волынью и Польшей, противоборство со Смоленском и Новгородом за Подвинье; во-вторых, прочный союз с половцами, с кем он был, как известно, связан династическими узами и неоднократно водил половецкую конницу на Киев; в-третьих, вмешательство в дела Юго-Западной Руси на стороне Волыни и, наконец, продвижение своих интересов в Окско-Волжском междуречье.

Любопытно, что так называемое основание Москвы 4 апреля 1147 года (а вернее, первое ее упоминание в русских источниках) как бы символизирует всю внешнюю политику тогдашней, только что отделившейся Северо-Восточной Руси. Пир в маленькой порубежной военной крепостице Москве Юрий Долгорукий устроил своему союзнику черниговскому князю, троюродному брату Святославу Ольговичу после собственного удачного похода на Новгород и удара Святослава по смоленским землям. Москва как политическое понятие родилась в глуши междоусобных войн, во мгле тяжелой, междоусобной ненависти, олицетворявших во второй половине XII века, по сути своей, уже прошлую, выродившуюся внешнюю политику отдельных русских княжеств.

Внешнеполитическую линию Ростово-Суздальской Руси продолжали великие владими́ро-суздальские князья Андрей Юрьевич Боголюбский и его брат Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.

Андрей Боголюбский активизировал борьбу за киевский престол, предпринимал походы на Новгород и стремился сокрушить влияние Волжской Булгарии в Окско-Волжском междуречье. Заметим, что и Новгород, и Волжская Булгария были соперниками Владимиро-Суздальской Руси в борьбе за Подвинье, низовье реки Сухоны, то есть за территории, бывшие одним из связующих звеньев между Волжским и Балтийским торговыми путями. Интересы Булгарии также простирались от Белого моря на западе до бассейнов Печоры и Оби на востоке⁴⁷.

В 1173 году Андрей Боголюбский пытался организовать поход на болгар, подняв против них также муромские и рязанские войска⁴⁸. Этот, правда, неудавшийся, поход стал предтечей мощного давления Владимиро-Суздальского княжества на Волжскую Булгарию в конце XII века. Именно в это время Всеволод Большое Гнездо организовал серию походов против

Волжской Булгарин, причем в победоносный поход 1183 года он вовлек отряды из всех регионов Руси, которые находились под его влиянием, — из Киева, Переяславля Южного, Смоленска, Муром, Рязани⁴⁹. Потом последовал поход 1186 года. Военное давление Руси в Окско-Волжском междуречье сопровождалось усиленной русской колонизацией края. Русские поселенцы вклинивались в земли мордвы и других здешних народов. Активно использовали русские князья и исконную половецко-булгарскую вражду, натравливая половцев на своих соседей. Постепенно буферная зона между Северо-Восточной Русью и Волжской Булгарией, состоящая из земель мордвы, буртасов и других народов, трагически сжималась. В этом бурлящем котле решались и будущие судьбы этих народов, и судьбы самой Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарин, и половцев, которые, истощая друг друга, расчищали путь фантастическому успеху монголо-татарского нашествия.

К концу XII века Всеволод практически распоряжался Рязанским княжеством, имел владения в Киевской земле. Он по-прежнему поддерживал противников киевских князей, оказывал постоянное давление на Новгород. Сохранились сведения о связях непрерывно усиливавшегося Владимиро-Суздальского княжества с Германией в их противодействии Византии⁵⁰.

И все же, несмотря на все успехи и стремительное возвышение Владимиро-Суздальской Руси, ее внешняя политика носила в основном региональный характер. Однако из этих локальных интересов в Поволжье, Подвинье, на западных — смоленских, киевских, черниговских — рубежах стали со временем выкристаллизовываться контуры внешней политики преемников Владимиро-Суздальской Руси, в первую очередь Твери и Москвы, как в домонгольский, так и в послемонгольский периоды.

Рано определились и особые внешнеполитические приоритеты Новгородского княжества. Прежде всего — это овладение районами Восточной Прибалтики, землями финнов, распространение своего влияния на восток — до Урала и в Зауралье, попытка поставить под контроль балтийско-волжский торговый путь. Земли чуди, еми, перми, печеры, югры, корелов, вожан и др. уже вошли в сферу интересов Новгорода, составили причудливую внешнеполитическую канву его истории. Форпостами Новгорода в иноязычных землях утвердились крепости Псков, Ладога и др.

Что касается политики Новгорода в общерусских делах после 30-х годов XII века, когда Новгородское княжество стало фактически самостоятельным, то здесь следует отметить определенный «изоляционизм» Новгорода. Его элита была против вовлечения, скажем, в южнорусские дела (попыток вмешаться в борьбу за киевский престол) или активной политики в отношении Ростово-Суздальской Руси. Вместе с тем Новгородская республика внимательно следила за попытками своего опасного и постоянно усиливающегося соседа — Владимиро-Суздальской зем-

ли — поставить под свой контроль Подвинье, пограничные с Новгородом области и давала здесь решительный военный отпор.

С течением времени Новгород все настойчивее старался отгородиться от русских дел и все чаще обращал свои взоры на Запад. Прибалтика, Южная Скандинавия, торговые пути в Северную и Центральную Европу — вот что стало реальным внешнеполитическим интересом Новгорода, как и сохранение контроля над северной частью балтийско-волжского торгового пути.

В борьбе за Прибалтику и за финские земли уже с середины XII века Новгород столкнулся со шведской агрессией, а позднее с наступающей немецко-крестоносной силой, которая начала перемалывать южнобалтийское славянство еще с XI века и продвигалась все далее на восток. С XIII века в «концерте» здешних государств все громче стал слышаться и голос мужающей Литвы.

В этом смысле Новгород активно продолжал дело некогда единой Руси, которая даже в бытность своего наивысшего расцвета практически отдала северо-западное направление своей внешней политики (однако тогда еще под своим контролем) в руки Новгорода, а также Полоцка (который рано стал действовать по собственной инициативе). При этом, как и в других пограничных с Русью районах, на северо-западе со временем складывалась буферная зона, состоящая из угро-финских и балтских народов, за которую испокон веку шла борьба между здешними крупными державами — Швецией, Данией, позднее крестоносцами, Литвой и Русью.

Не следует, однако, думать, как это было привычно для советской историографии, что с самого начала Русь в этом районе была «страдающей» стороной под натиском варягов, датчан, шведов, а позднее немцев и Литвы. Думается, что, скорее, она оказалась их равноправным партнером в борьбе за здешние территории и сферы влияния и, даже более того, в силу своего выгодного географического положения, непосредственных контактов (через новгородские и полоцкие земли) с местными иноязычными землями значительно раньше своих соседей проявила свою внешнеполитическую активность и попыталась овладеть всем восточнобалтийским побережьем и прилегающими к нему землями.

Подчинение местных земель новгородским и полоцким князьям сопровождалось лишь установлением даннических отношений при сохранении прежних родо-племенных порядков и сотрудничестве с племенной знатью в крае, отсутствии постоянных гарнизонов и строительства крепостей, хотя основание Юрьева в землях эстов уже указывает на попытку укорениться в этом районе.

И еще один существенный корректив следует сделать, говоря о ранних этапах внешней политики Руси и расположенных на северо-западе

русских княжеств. Постоянный натиск на здешнюю буферную зону, на местные языческие земли земеголов (земгалов), ливов, чуди, куршей со стороны Полоцка и той же чуди, а также еми, корелов, вожан и др. со стороны Новгорода также осуществлялся не только при помощи меча, втягивания их в торговые интересы, но и креста. Христианство грозно надвигалось на эти земли: с востока — православие, с запада — католичество. Особенностью проникновения сюда православия стал его сугубо добровольный, не принудительный характер, в отличие от жестких насильственных действий западных крестоносцев. К тому же и шведская, и немецкая администрации стремились в ходе этой борьбы и овладения местными землями, в отличие от русской стороны, установить в Восточной Прибалтике жесткий военно-административный контроль, который в совокупности с действием католического духовенства придавал этой обычной для региона экспансии и с востока, и с запада резко агрессивный, насильственный характер.

Следует также заметить, что если Русь, овладев первой большинством здешних территорий, в борьбе со шведами и немцами стремилась сохранить свои завоевания, то впоследствии это противоборство переросло в стремление Швеции, Дании и немецких орденов использовать политическое раздробление Руси, ослабление ее военного могущества не только для овладения буферной зоной, но и для захвата непосредственно русских земель, на которые крестоносцы также намеревались распространить режим насильственной христианизации, рассматривая русских православных как язычников, неверных отступников от истинной веры и т. д.⁵¹ Это по мере развития крестоносной агрессии делало русские княжества и местные угро-финские и балтские народы зачастую естественными союзниками, хотя порой под влиянием острейшей политической борьбы в крае эти союзнические отношения испытывали большие колебания.

Сказанное выше подтверждается многочисленными фактами.

К 30-м годам XII века, когда Новгородская земля обособилась от остальной Руси, в результате частых походов новгородских дружин практически весь север Восточной Европы был подчинен Новгороду⁵². Данью было обложено финское племя емь, заселявшее внутренние области Южной Финляндии, а также район центральных финских озер, и только западные финны-сумь сохраняли независимость. Емь неоднократно пыталась сбросить русское владычество, но походы новгородцев против непокорных восстанавливали прежнее положение. Со времен Древней Руси корелы стали данниками, а позднее составной частью Новгородской земли и постоянными союзниками Новгорода. Данниками Новгорода оставались и близлежащие земли чуди-эстов и ряда других племен.

С 50-х годов XII века ситуация в этой части Европы начинает существенно меняться: именно с этого времени прослеживается активная

экспансия Швеции в Восточной Прибалтике, которая сразу же стала приобретать крестоносный характер.

Шведы в течение долгих десятилетий поэтапно и методично стремились подчинить себе сначала земли суми, юго-западной Финляндии, потом овладеть побережьем Эстонии, берегами Невы и Волхова, поставить под контроль торговые пути, которые вели из русских земель по Балтике в Северную и Центральную Европу. На этом пути Швеция и Новгород неизбежно должны были столкнуться в смертельной борьбе. Для Новгорода, вначале боровшегося за удержание бывших завоеваний, это противоборство со временем стало битвой за выживание.

Первые военные столкновения шведов и Новгорода относятся к 40–60-м годам XII века. В ответ на шведское проникновение в Финляндию новгородские войска в союзе с корелами и вожаками наносят ответные удары⁵³. В 1164 году, за 70 с лишним лет до знаменитой Невской битвы, новгородские дружины опрокинули десант из 55 шведских судов, пытавшихся с боя взять Ладогу. В 1178 году корелы нанесли удар по шведским владениям в землях финнов. В 1186 и 1191 годах в летописи упоминаются походы новгородских войск в земли племени емь, которое, используя противоборство Швеции и Новгорода, попыталось выйти из-под новгородской власти. В 80-е же годы русские совместно с корелами нанесли удар непосредственно по шведской территории. Речь идет о масштабном нападении корельского войска, поддержанного русскими отрядами, в 1187 году на один из крупнейших торговых городов Швеции — Сигтуну: он был взят штурмом, а упсальский архиепископ убит⁵⁴.

Говоря о складывании внешней политики раздробленной Руси, следует упомянуть о Полоцком княжестве. Полоцкая земля издревле соседствовала с землями Новгорода на северо-востоке, Смоленска на востоке, киевскими и черниговскими владениями на юге и балтскими племенами — земиголами, литвой, латгалами, ливами, ятвягами — на западных границах. Через нижнее течение Западной Двины Полоцкая земля получала выход в Балтийское море.

Такое геополитическое положение Полоцкого княжества во многом определило его внешнеполитические устремления, которые сформировались достаточно рано не столько как часть общерусской внешней политики, а скорее как сепаратистские тенденции.

Уже во второй половине XI века Киеву стоило больших усилий держать в узде своевольный Полоцк, где постоянно витал мятежный дух убитого Владимиром I полоцкого князя Рогволда. После этого насилия, кажется, навсегда разошлись пути Киева и Полоцка, даже несмотря на то, что на престоле последнего сидели Рюриковичи. Открытая вражда, нескончаемая война пролегли в отношениях этих двух русских центров. Ни сыновьям, ни внукам Ярослава Мудрого, даже могучему Владимиру Мономаху не

удалось окончательно замирить Полоцк, и в 30-е годы XII века Полоцкая земля, включая княжества Минское, Витебское, Друцкое и др., окончательно обособилась от остальной Руси.

Полоцкие князья постоянно атаковали новгородские земли и даже пытались подчинить своей власти сам Новгород; шла борьба за Западное Подвинье; Полоцк стремился установить контроль над соседними прибалтийскими племенами, на владения которых претендовал и Новгород. Неоднократно полоцкие дружины нападали и на Псков.

Ко времени окончательного обособления Полоцкой земли от остальной Руси ее внешнеполитические приоритеты сложились достаточно определенно: противостояние Киевскому княжеству на юге и Новгороду на северо-востоке, оборона от натиска смоленских и владими́ро-суздальских князей на востоке, овладение близлежащими районами Восточной Прибалтики.

В сущности, в этом районе Восточной Европы Полоцкое княжество стало наследником активной балтийской политики Древней Руси.

Особые отношения складывались у Полоцка с литовскими племенами. Со второй половины XII века перевес сил явно был на стороне полоцких князей, и литовские племена после многочисленных столкновений и взаимных вторжений в конце концов признали свою вассальную зависимость от Полоцка. К концу века по мере усиления центростремительных тенденций среди литовских племен их натиск на полоцкие земли возобновляется, однако к 80-м годам XII века в связи с укреплением великокняжеской власти в Полоцке столкновения прекращаются и положение стабилизируется⁵¹.

Половецкая опасность по-прежнему остается актуальной, особенно для южных и юго-западных русских княжеств. Половцы не скоро оправились после потрясений в связи с походами Владимира Мономаха, его воевод и сыновей. Но уже с 30-х годов XII века в связи с усилившейся борьбой русских княжеств между собой и с соседями их активность начинает нарастать. Однако степняки, потрясенные русскими ударами и постоянной изнурительной борьбой с Волжской Булгарией и с русскими князьями в течение всей второй половины XII века, на первых порах играли лишь вспомогательную роль в русских междоусобицах, обогащаясь за счет грабежей русских земель. Русские князья, в первую очередь постоянный союзник половцев владими́ро-суздальский князь Юрий Долгорукий, а также черниговские князья стали на этом этапе не меньшим несчастьем для русских земель, чем сами половцы. Для сведения взаимных счетов они приглашали к себе в помощь и других «поганных» — берендеев, «черных клобуков», торков⁵⁶. В связи с этим можно с полным основанием говорить о предательской эгоистичной, собственно антирусской политике отпрысков Рюрикова дома.

Вместе с тем русские князья никогда не оставляли попыток продолжить антиполовецкую линию Владимира Мономаха по организации масштабных объединенных походов в степь. Инициатором таких предприятий выступал, как правило, великий князь киевский — не только как представитель еще действующей политической традиции, но и как руководитель наиболее страдающего от половецких набегов княжества. Такой поход предпринял в марте 1170 года великий князь Мстислав, собравший под свои знамена 13 влиятельных русских князей и «инии мнози». Русское войско вышло в степь, разгромило половецкие вежи, захватило огромный полон, в том числе «колодников», освободило немало русских пленников. Однако начавшиеся несогласия, а затем и усобица между князьями помешали развитию этого успеха⁵⁷. Через два года объединенное половецкое войско нанесло ответный удар по киевским и переяславским землям. А в 1174 году объединенные силы ханов Кобыяка и Кончака, одного из персонажей «Слова о полку Игореве», вновь вторглись в русские пределы.

Фигура хана Кончака представляется здесь знаковой для эпохи. Он неоднократно участвовал в княжеских междоусобицах. Так, в 1180 году совместно с половцами Кобыяка и Игорем Новгород-Северским, своим будущим противником, он напал на Киев, был разбит и спасся бегством в одной лодке с Игорем. В 1185 году Кончак во главе большого войска вновь двинулся на Киев при благожелательном нейтралитете Черниговского княжества, но был разбит киевским князем Святославом Всеволодовичем, которого так славит «Слово» за высокий русский патриотизм. В этом же году Святослав вновь организовал масштабный поход объединенной рати против половцев⁵⁸.

Междоусобицы с участием половцев, походы объединенных русских и половецких войск друг против друга перемежались мирными переговорами, недолговременными, быстро нарушаемыми договорами. По некоторым подсчетам, в 60–80-е годы XII века было предпринято шесть походов русских князей против половцев, девять походов половцев на русские земли, шесть раз русские князья приглашали половцев для участия в своих междоусобицах и было заключено два мирных договора между враждующими сторонами⁵⁹.

Подобные тенденции во взаимоотношениях Руси и половцев продолжались и далее, вплоть до монголо-татарского нашествия. Еще раз пагубные результаты вековой борьбы Руси и половцев проявились во время первого появления в Восточной Европе туменов Чингисхана. Даже перед натиском общего и могучего врага половецкие и русские князья, полные недоверия друг к другу, лишь с большим трудом и весьма условно сумели объединить свои силы. Непрочность этого союза и продолжающаяся эгоистическая политика русских князей привели к разгрому русско-половецкой рати на реке Калке в 1223 году. А за два года до появления

войск Батыя в половецких степях и русских землях в Поросье произошло крупное сражение между войском Даниила Галицкого и половцами: Русь и половцы продолжали истощать друг друга в незатихающей войне.

Итоги этого противостояния были катастрофическими для обеих сторон. Русь не только потеряла часть плодородных черноземных земель на юге, но и лишилась в конце концов самого южного из своих княжеств — Тмутараканского на Таманском полуострове. Началось перемещение населения под спасительный покров северо-восточных лесов, что хотя и содействовало процветанию этого края, но безвозвратно отбрасывало Русь в цивилизационном плане от путей развития остальной Европы. Подъем Владимиро-Суздальской, а позднее Тверской, Московской Руси и других здешних русских княжеств означал перемещение центра русской цивилизации в далекое Окско-Волжское междуречье и замедление общецивилизационных процессов. Степняки также отрезали русские земли от выходов к Черному и Азовскому морям, нарушали торговые связи с Балканами, Южной Европой и Востоком. За время противоборства с половцами Русь понесла огромный демографический урон. Оно содействовало обособлению русских земель друг от друга и особенной ярости их междоусобных войн. Наконец, половецкий фактор во многом определил социально-экономические и политические процессы в русских землях: милитаризацию Руси, замедление ее экономического движения, специфику социальных процессов. Эти исторические потери не могли компенсироваться ни ускоренным ростом национального самосознания, ни быстрым формированием древнерусской народности, ни формированием под ударами тяжелых обстоятельств стойкого, негибкого русского национального характера.

Борьба с Русью оказала губительное влияние и на половецкое степное сообщество, которое так и не включилось в цивилизационные процессы Восточной Европы, как, к примеру, ранее болгары или венгры, а осталось на уровне родо-племенных отношений с экстенсивным характером хозяйства.

* * *

Начало XIII века вплоть до монголо-татарского нашествия русские княжества-государства встречают в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке. Во-первых, продолжается их отчаянная борьба между собой и сохраняется стремление наиболее крупных и сильных из них к общерусскому лидерству. Эта борьба является безусловным фактом уже не внутри-, а внешнеполитического порядка. Вместе с тем сохраняются и некоторые общие факторы, объединяющие восточноевропейские государства: единая религия и влияние русской митрополии, общая опасность со стороны половцев.

В конце XII — начале XIII века наряду с усилением мощи литовских племен и шведской агрессией на положение русских северозападных княжеств стал влиять новый внешнеполитический фактор — продвижение немецкой и датской крестоносной агрессии далее к востоку. Германские крестоносцы разгромили в Поморье племенной союз лютичей, позднее бодричи, другой славянский союз, признали над собой власть Германии. Датчане в это же время захватили религиозную колыбель южнобалтийского славянства — остров Рюген. Вскоре все полабско-прибалтийские земли оказались в руках немцев и датчан. С основанием в землях ливов, земгалов, латгалов Риги и других крепостей в Прибалтике закончилась историческая сага варягов, и упоминания о них теряются на дорогах истории. Укреплению здесь немцев и датчан способствовало появление в Прибалтике крестоносных ордена меченосцев и Тевтонского ордена. Теперь опасность со стороны немецких крестоносцев нависла уже над полоцкими и новгородскими землями.

Во-вторых, русские княжества продолжают наступление на земли соседних народов (в Прибалтике, Приуралье, Окско-Волжском междуречье).

В-третьих, те из них, кто граничил с государствами Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы, продолжают строить с ними внешнеполитические комбинации, стремясь усилить свои позиции как внутри русских земель, так и на международной арене.

Все это создавало исключительно сложный, запутанный, быстро меняющийся, во многом исторически уникальный внешнеполитический фон жизни русских княжеств, осложненный огромными их размерами, большой протяженностью границ, вовлечением в орбиту их внешнеполитических интересов десятков других народов и государств.

В течение первых десятилетий XIII века во внешней политике Киевского княжества, которое продолжало оставаться крупным экономическим, политическим, культурным и религиозным центром и обладание которым было заветной мечтой других крупных русских князей, наблюдается переплетение внутрирусских и международных аспектов. После распада Галицко-Волынско-Киевской державы в начале XII века за Киев ведут борьбу черниговские и смоленские князья. После утверждения на киевском престоле представителя смоленской династии Мстислава Романовича намечается союз Киева и Галича, где престол занимает Мстислав Удалой, двоюродный брат и союзник киевского князя. Но после гибели Мстислава Романовича в битве на Калке амбиции Киева были вновь значительно подорваны. В 1235 году Киев был атакован объединенными черниговскими и смоленскими силами. В результате киевский престол занял суздальский князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. Таким образом, несмотря на временную консолидацию Киевское княжество не стало ядром централизации русских земель, а его внешняя политика все более

увязала в мелких внутрирусских расчетах, которые крутились далеко от былых русских границ.

Как известно, Галицко-Волынская Русь после взлета при Романе Мстиславиче погрузилась в пучину междоусобных войн, осложненных внешними силами. Бывшее могучее государство распалось сразу же после гибели Романа при малолетнем его наследнике Данииле Романовиче. Киевское княжество обособилось немедленно и сразу же при поддержке половцев повело наступление на Галич. Затем в борьбу за галицко-волынские земли включились Венгрия, позднее малопольский князь Лешко, Черниговское и Смоленское княжества, поддержанные Владимиро-Суздальским княжеством; черниговские Ольговичи и смоленский князь даже вели на Галич половецкую конницу. В ходе этой борьбы к середине второго десятилетия XIII века Венгрия и Польша, пользуясь политической сумятицей на Руси, фактически разделили сферы влияния в Галицко-Волынской земле: Венгрия установила контроль над Галицким княжеством, а краковский князь — над Волынью.

Так закончилась первая попытка Южной Руси объединить под своей властью огромный регион и воссоздать, хотя бы частично, бывшее единство Руси. Отколовшаяся часть Руси оказалась под иностранным владычеством. Однако это доминирование соседних государств над Галицко-Волынской Русью было непрочным; время для поглощения Южной Руси соседями еще не наступило.

Одной из новых попыток Южной и Юго-Западной Руси объединиться стало совместное участие князей этого региона при активной роли в коалиции смоленского князя в битве с татаро-монголами на Калке в 1223 году. Но и на этот раз сепаратистские тенденции дали о себе знать и определили поражение русских сил, хотя следует более внимательно отнестись к самому факту создания мощной русской коалиции. Это указывает на то, что внешнеполитический фактор определенно имел большое значение в интеграционных общерусских политических процессах. Участие в противостоянии татарским туменам волынского князя Даниила Романовича, галицкого Мстислава Удалого, киевского Мстислава Романовича, занимавшего и смоленский престол, черниговского Мстислава Святославича и других князей указывает на всю серьезность русских намерений и на глубокий раскол между Южной и Юго-Западной Русью, с одной стороны, и Северо-Восточной Русью — с другой, не откликнувшейся на призыв южных князей⁶⁰. По существу, в битве на Калке выстроилась линия поведения русских князей в их дальнейшем противостоянии с монголо-татарами: борьба общерусских и сепаратистских тенденций. Поражение на Калке дало и еще одну общеисторическую проекцию: ослабление центростремительных тенденций в потерпевших поражение княжествах, усиление мощи боярских группировок, возрастание влияния в делах региона соседей, прежде всего Венгрии и Польши⁶¹.

Лишь к концу 20 — началу 30-х годов, уже после смерти Галицкого князя Мстислава Удалого, использовавшему междоусобицы в Польше Даниилу Романовичу удалось частично вернуть былую мощь Галицко-Волынской земле. Опираясь на союз с мазовецким князем и помощь половцев Котяня, с которыми он вместе рубился на Калке против монголо-татаров, Даниил сумел противостоять венгерскому натиску, захватить Галич и отбить коалицию черниговско-смоленских князей. Но борьба продолжалась, причем черниговский князь в борьбе против Даниила заручился помощью Венгрии. И лишь на исходе 30-х годов, когда уже монголо-татары триумфально шли по Северо-Восточной Руси, Даниилу удалось вновь объединить Галич и Волынь и тут же предъявить свои претензии на Киев. Но было уже поздно.

Владими́ро-Сузда́льская Русь встретила начало XIII века как сильнейшее русское княжество. Всеволод Большое Гнездо властно вмешивался в дела Южной Руси, не оставляя претензий на земли Киевского княжества и в первую очередь стремился сохранить за собой «родовое гнездо» Мономаховичей — Переяславль Южный, куда направил юного Ярослава, своего четвертого сына, будущего отца Александра Невского. Он постоянно поддерживал Галич, стоя за спиной смоленских князей, поддерживая их претензии на киевский престол, влиял на позицию черниговских Ольговичей. Одновременно Всеволод властной рукой держал в узде своевольных и драчливых рязанских князей, продолжал оказывать давление и на донецких половцев, что привело в восторг еще автора «Слова о полку Игореве». И конечно, в сфере внимания Владимиро-Суздальского княжества оставался Новгород. Всеволод стремился влиять на вольный город, посылая своих ставленников на место новгородского князя, разоряя новгородские земли в период открытого противоборства (так был сожжен город Торжок), а позднее стал вмешиваться и во внутренние дела Новгородского княжества и направил туда на княжение своего старшего сына Константина.

Таким образом, на северо-востоке Руси, как и на юго-западе, появилась сила, способная со временем объединить значительную часть русских земель.

На этом этапе жизни Северо-Восточной Руси внешнеполитические ориентиры применительно к другим русским княжествам стали вновь перерастать во внутриполитические. Конечно, этому способствовали династические связи князей, ведь все они были ближними или дальними родственниками и продолжали придерживаться архаического принципа старшинства (часто формально). Но решающую роль играли, естественно, хозяйственная и военная мощь владими́ро-сузда́льского князя, его способность блокировать Новгород с юга, наказывать рязанских князей, воздействовать военными и дипломатическими средствами на юго-западные и южные русские княжества.

Однако и на северо-востоке, и на юго-западе эти процессы как внутренней, так и внешней централизации русских земель не были завершены. Несмотря на доминирование Владимиро-Суздальской Руси в отдельных русских регионах, бывшее политическое сцепление так и не состоялось. Смерть Всеволода Большое Гнездо и последующие события ярко высветили эту незатейливую истину. Четыре года (1212–1216 гг.) длилась междоусобная борьба между сыновьями Всеволода Великого.

За это время внутрикняжеские распри вновь приняли более четкие формы межгосударственных отношений. Сразу же резко обособился от Владимиро-Суздальской Руси Новгород. На юге Руси блистал Мстислав Удалой, который также вывел ее из-под влияния Севера. К тому же борьба сыновей Всеволода Юрия и Ярослава против старшего Константина втянула в свой водоворот и другие русские княжества. В решающей Липицкой битве 1216 года новгородское войско сражалось на стороне Константина против Юрия и утеснявшего Новгород переяславского князя Ярослава Всеволодовича. На стороне младших Всеволодовичей выступала также коалиция князей. Жестокость Ярослава, с которой он душил Новгород, его неуступчивость объясняют нам всю силу антиярославовой партии в Новгороде. Такое отношение к Новгороду позднее перешло и к его сыну Александру Ярославичу Невскому, имевшему столь же жесткий характер, что и его отец. Добавим, что по матери Александр был внуком Мстислава Удалого.

Победа в этой битве Константина не столько определила перевес в общерусских делах Владимиро-Суздальской Руси, сколько подчеркнула, напротив, ее ординарный характер среди других русских княжеств. И когда победитель через два года скончался, Владимиро-Суздальскому княжеству пришлось, как и Галицко-Волынскому на юге, все начинать сначала.

За время междоусобицы Владимиро-Суздальское княжество не только потеряло преимущество в русских делах, но и утратило инициативу на востоке, в Окско-Волжском междуречье. В 1217 году болгары захватили Устюг, отказались от русского суверенитета часть мордовских земель и другие народы Поволжья. Только в 1220 году новый владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович возобновил борьбу с Волжской Булгарией: в тот год великий князь вместе со своими братьями нанес по булгарам мощный удар.

Ожесточенная война закончилась миром в Городце. Стороны остались при своих интересах. Однако владимирский князь не отказался от своей «восточной политики»: в 1221 году в землях мордвы на Дятловых горах, при впадении Оки в Волгу, Юрий заложил крепость Нижний Новгород, а затем в течение 20-х годов (1226, 1227, 1228 гг.) предпринимал походы с целью покорения мордовских племен⁶². Появление Нижнего Новгорода на карте Северо-Восточной Руси стало значительным событием в ее

внешней политике. Владимиро-Суздальская Русь настойчиво продвигалась к контролю над волжским путем.

В конце 20-х годов восстановившаяся Владимиро-Суздальская Русь пытается вернуть себе позиции на юге и вновь прибрать к рукам Переяславль Южный. Кое-что сделать удалось, но пришлось разделить там власть с усилившимися черниговскими князьями.

Как следствие этого общего поворота политики владимиросуздальских князей на восток и северо-запад стало их неучастие в битве на Калке. Интересы Южной Руси все далее отодвигались от Владимира-на-Клязьме, как бы предreshая долгую потерю этого важнейшего направления русской внешней политики. И даже участие владимиросуздальского князя в 1231 году в общерусском съезде князей, где обсуждались судьбы Киева, Новгорода и противодействие Венгрии на юге, не всколыхнуло энергию русского северо-востока. Владимиро-Суздальское княжество выразило лишь дружественный нейтралитет Волыни, бьющейся при поддержке Киева и Польши с венграми и их союзниками на Руси — Черниговом и Смоленском — над новым объединением Южной Руси⁶³.

Зато постепенно нарастает противоборство с поднимающимися литовскими племенами. Продолжает складываться новое внешнеполитическое направление русских земель.

В первой трети XIII века набеги литовских дружин все сильнее тревожат владения Волыни, Новгорода, Полоцка, Смоленска, Чернигова и других русских городов. Литовцы не только начинают покушаться на русские владения в Эстонии, Латвии, Пруссии, но и все чаще атакуют непосредственно русские земли. Постепенно перевес Полоцка в этом районе сходит на нет, и русские княжества либо переходят к обороне от литовцев, либо стремятся установить с ними союзные отношения. Все чаще литовцы участвуют в русских междоусобицах, выступая на стороне то одной, то другой враждующей стороны. На западе русских границ возникает парафраз отношений русских князей с половцами.

Однако в отношениях с литовскими союзами племен имелась одна существенная особенность: сами они испытывали с конца XII века, а особенно активно в первой трети XIII века все возрастающее давление со стороны немецких крестоносных орденов. Собственно, это давление (захват литовских земель, насильственная христианизация Литвы, блокада ее с моря и оттеснение от балтийского побережья) в известной мере способствовало объединению литовских племенных союзов в единое и сильное государство⁶⁴.

Литва постоянно вела кровопролитную борьбу с натиском немцев в Подвинье, а позднее на Вислу, в Пруссию, Понеманье. В этих условиях литовским князьям был нужен спокойный тыл на юге, где вновь набирала силу Волынь, во главе которой формально стояли юные князья — сыновья

Романа Мстиславича — Даниил и Василько. В 1219 году Волынь подписала союзный договор с литовскими князьями Аукштатии и Жемайтии. Кончились распри Литвы и Волыни, кончились литовские набеги на волынские земли вплоть до Червеня. Теперь новый союз облегчил создание единого Галицко-Волынского государства. Этот союз поумерил и антиволынскую политику мазовецкого князя, который блокировался с Тевтонским орденом против Литвы и Волыни. Отношения между Литвой и Польшей были в этот период недружественными именно в силу пронемецкой и пропапской политики мазовецких князей. Волынско-литовский договор был направлен и против тех русских князей, которые в союзе то с Венгрией, то с Польшей стремились помешать объединению Галицко-Волынской земли⁶⁵.

Таким образом, внешнеполитические интересы поднимающейся Литвы и возрождающегося Галицко-Волынского княжества совпадали.

Одновременно литовские князья ведут наступление и на востоке, все чаще тревожа смоленские земли. Именно на 20–30-е годы XIII века приходятся первые военные столкновения Владимиро-Суздальской Руси с Литвой. Между ними еще нет прямой фаницы, но литовские князья подвергают набегами и опустошениям земли союзного Владимиру Смоленска, и русские летописи отмечают, что брат великого владимиросуздальского князя воинственный Ярослав Всеволодович, защищая смоленские земли от литовцев, вторгался в пределы Литвы, «смольняны оурядивъ»⁶⁶. А это означало, что в канун и в период нашествия монголо-татар как у Галицко-Волынской Руси, так и у Владимиро-Суздальского княжества зарождается новое внешнеполитическое направление — литовское, которое вскоре станет одним из основных для русских земель.

Изменившаяся геополитическая обстановка на северо-западе русских земель (натиск шведов, датчан, немецких крестоносцев, Литвы) значительно переориентировала внешнеполитические акценты Новгородского и Полоцкого княжеств.

Особенно сложным было положение Новгородского княжества. Считается, что Новгородская Русь со временем должна была обороняться от наступающих с запада орденских сил и Литвы, а на востоке иметь в виду постоянную монголо-татарскую опасность. Однако такая традиционная точка зрения нуждается, на наш взгляд, в коррективах: за несколько десятилетий до того, как Батый потребовал от новгородцев дани, а затем и переписи населения, Новгород был вынужден бороться на несколько фронтов, и один из них — восточный — представлял собой неустанное давление со стороны владимиросуздальских князей. В тех случаях, когда они помогали Новгороду в борьбе против немцев, это одновременно, как правило, означало втягивание вольного города в орбиту политики Владимиро-Суздальской Руси, что не устраивало новгородскую верхушку. Отсюда таким непростым было отношение Новгорода к этой помощи

и такими напряженными оставались отношения с Ярославом Всеволодовичем, а позднее и с Александром Ярославичем Невским.

Эти мучительные противоречия в дальнейшем перешли на отношения Новгорода с Тверью и Москвой.

Однако в начале XIII века все эти драматические события для Новгорода были еще далеки и Новгородское княжество имело определенную инициативу в Прибалтике и Финляндии, особенно после разгрома шведов в борьбе за Сигтуну.

На исходе XII века новгородцы предприняли серию походов на запад, в земли финских племен, в шведские владения. Неоднократно новгородцы в содружестве с псковичами громили и чудь-эстов, причем однажды (в 1190 г.) на Чудском озере. Походы против финнов и эстов носили характер карательных экспедиций. Именно на этих путях Новгород и столкнулся с датчанами и шведами. В 1198 году новгородская союзная рать нанесла удар по шведским владениям в Финляндии; был взят и сожжен город Або.

В начале XIII века эта активность стала затухать в связи с постоянной опасностью, которая грозила Новгороду со стороны Владимиро-Суздальской Руси. Всеволод Большое Гнездо, а позднее Юрий без конца вмешивались во внутренние дела Новгорода, стремились подчинить его своему влиянию, формировали там партию своих приверженцев. В Липицкой битве — сугубо внутренней борьбе владимирских князей — участвовали и втянутые в нее новгородцы. Все это спасло шведские поселения на юго-западе Финляндии от полного уничтожения. Именно эти территории послужили плацдармом для последующего наступления шведских рыцарей на финские и русские земли⁶⁷.

В 20-е годы XIII века начинается новая волна шведского наступления не только на земли западных финнов, но и на земли, находившиеся во владении Новгорода, — области центральной Финляндии, Водскую и Ижорскую земли. Активизацию здесь шведов племена емь восприняли как возможность выйти из подчинения Новгороду и прекратили уплату дани. Это вызвало масштабный зимний поход против финнов, который возглавил Ярослав Всеволодович. Под 1226 годом Лаврентьевская летопись дает подробное описание этого похода, отмечая, что новгородцы «всю землю их плени»⁶⁸. Однако уже через год большой отряд еми напал на русские приладожские села. Борьба за центральную Финляндию продолжалась. Для того чтобы закрепиться в западных областях Карелии, Новгород пошел на чрезвычайные меры и провел на исходе 20-х годов XIII века массовое крещение здешнего населения⁶⁹. Прошло лишь несколько лет, а источники уже сообщают о мощном восстании еми в 1237 году против шведского владычества, насильственного внедрения христианства, разрушения языческих капищ. Новгородцы в союзе с корелами и емью

возобновили борьбу со шведами. На этот раз во главе Новгорода стоял 17-летний Александр Ярославич⁷⁰. К концу 30-х годов XIII в. Новгороду удалось восстановить свое влияние в земле еми.

Одновременно в Восточной Прибалтике разворачивается наступление немецких орденов. Захватив земли ливов и латгалов, которые находились ранее под контролем Полоцка, немцы вплотную подошли к землям чудизов, находившимся во владении Новгорода. Практически в первой трети XIII века Новгородскому княжеству приходилось бороться на четыре фронта: против шведов — на северо-западе, против немцев — на западе, против притязаний Владимиро-Суздальской Руси — на юго-востоке и против литовцев — на юго-западе.

Новгород отчаянно защищал свои эстонские владения. Неоднократно новгородская рать во главе с призванными на службу князьями, среди которых был и знаменитый Мстислав Удалой — наемная сабля нескольких княжеств, предпринимала походы в земли чуди. Но к концу второго десятилетия XIII века немцам при поддержке датских рыцарей удалось на какое-то время покорить всю Эстонию, хотя чужь неоднократно поднимала против завоевателей восстания, как, впрочем, до этого она так же отчаянно сопротивлялась русскому давлению.

В 20-е годы Новгород, опираясь на антинемецкие настроения эстов, начал возвращать свои прибалтийские утраты. Решающую роль сыграл в этом процессе выдающийся политик и полководец переяславский князь Ярослав Всеволодович, ставший с согласия великого владимирского князя, своего брата Юрия, новгородским князем. В 1223 году, в год битвы на Калке, он с 20-тысячным войском двинулся через Эстонию на Ригу, чтобы нанести удар в сердце немецкой агрессии, однако поход споткнулся на неудачной осаде Ревеля. Через год немцы захватили Юрьев и установили границу по берегу Чудского озера и реке Нарове. В 1228 году Ярослав снова предпринял попытку похода на Ригу, но новгородская верхушка, связанная с Ригой торговыми отношениями, не поддержала его. Кстати, после этого очередного конфликта с новгородцами Ярослав уехал в свой Переяславль и оставил на новгородском престоле своих двух сыновей: 8-летнего Федора и 7-летнего Александра.

В 1234 году Ярослав организовал успешный поход в Ливонию, однако отбросить немцев на старые рубежи ему не удалось⁷¹. Мир, заключенный в том же году Новгородом с немцами, лишь приостанавливал агрессию, но не выкорчевывал ее корни.

Однако смелые рейды Ярослава Всеволодовича значительно охладили пыл рыцарей и остановили их на русском рубеже.

К этому времени относятся и первые попытки Новгорода использовать немецко-литовские противоречия. Еще ранее Новгород заключил мирный договор с Литвой, который таил в себе угрозу ордену меченосцев.

В 1221 году суздальско-новгородская рать при поддержке литовского отряда нанесла удар по немецкой крепости Венден.

В середине 30-х годов, когда во главе Новгорода уже стоял Александр Ярославич, крестоносцы провели с новгородской верхушкой переговоры относительно антилитовского союза. Александр не пошел на этот союз, и новгородская дружина не поддержала немецкий удар по литовским землям. Причиной тому, возможно, было нежелание окончательно решить вопрос в пользу немцев и стремление сохранить литовско-немецкое противостояние, а также отвлечение сил на подавление восставших финнов. Вместе с тем Александр не препятствовал псковской дружине в поддержке немцев. На северо-западе русских границ начиналась большая международная игра, в центре которой стояли Литва, Новгород и Орден меченосцев. За их спинами высились, с одной стороны, Германская империя, папский Рим, а с другой — Владимиро-Суздальское княжество.

Поход крестоносцев против Литвы в 1236 году завершился сокрушительным поражением немцев. В битве под Шяуляем литовское войско наголову разгромило орден меченосцев; на поле боя пали магистр и 48 рыцарей, не считая пехоты⁷².

Практически после этого поражения орден меченосцев так и не смог оправиться. Именно победоносная Литва привела к слиянию этого ордена с Тевтонским в 1237 году.

Что касается Новгорода и его юного лидера, то они праздновали крупную дипломатическую победу: и Литва, и крестоносцы, взаимно ослабленные, на время оставили в покое русские рубежи. Но только на время.

Аналогично Новгороду складывались внешнеполитические связи у Полоцкого княжества, оно также испытывало давление со стороны Литвы и крестоносцев. В то же время полоцкие князья, как и новгородцы, стремились использовать растущие литовско-немецкие противоречия. Уже в 1203 году союзная полоцко-литовская рать нанесла удар по Риге. Совместные действия русских и литовцев против Тевтонского ордена отмечались в начале второго десятилетия XIII века и (при поддержке суздальского князя) в начале третьего десятилетия.

Одновременно стороны этого восточноевропейского треугольника — Русь (Новгород, Полоцк), Литва и Тевтонский орден — с течением времени связываются между собой серией мирных торговых и даже союзных договоров. Ошибочно было бы думать, что война стояла плотной завесой на русских северо-западных границах: эту завесу разрывали мирные, добрососедские, торговые отношения. Хозяйственные связи порой диктовали свою волю политикам. К тому же орденские власти стремились использовать экономическую заинтересованность русского купечества в экономических связях с Северной Европой через Ригу в своих политических целях, препятствуя литовско-русскому сближению. Отсюда целая

серия договоров немцев с русскими землями: договор Полоцка с Ригой (1212 г.), союзный договор Пскова с Тевтонским орденом (1228 г.), договор Смоленска, Полоцка, Витебска с Тевтонским орденом (1229 г.)⁷³.

Говоря об обстановке на северо-западе Руси, следует отметить выдающуюся роль Литвы в противостоянии немецкой крестоносной агрессии. В лабиринте международных отношений в Восточной Европе противостояние Литвы и крестоносцев становилось стержневым. Это во многом определяло все более тесные отношения северо-западных русских княжеств с Литвой и последующее образование Литовско-Русского государства.

* * *

Монголо-татарское нашествие на Русь, а затем и на Восточную Европу, с одной стороны, коренным образом изменило всю систему внешнеполитических связей русских земель между собой и со своими соседями, а с другой — подчеркнуло и высветило прежние (ранее лишь намеченные контурно) отношения. В ходе нашествия (1236–1242 гг.) монголы-татары уничтожили государство Волжскую Булгарию, стерли с лица земли половцев. Остатки их во главе с уже знакомыми нам ханом Котяном ушли в 1239 году в пределы Венгрии. Завоеватели подчинили себе русские княжества Северо-Восточной, Южной и Юго-Западной Руси. В ходе дальнейшего наступления войска Батыя вторглись в Польшу, взяли Краков, разгромили армию венгерского короля, взяли штурмом столицу Венгрии Пешт, razорили Словакию, с боями прошли по Чехии и Хорватии. Наступление монголо-татарских туменов захлебнулось лишь на побережье Далмации, у самых границ Италии.

В ходе этого нашествия ярко выявились ставшие уже стабильными некоторые черты внешней политики как русских княжеств, так и их соседей.

Былая разобщенность и вражда Северо-Восточной Руси с Волжской Булгарией, остальных русских княжеств с половцами, соперничество Юго-Западной Руси с Венгрией и Польшей, наконец, постоянные междоусобные войны, несмотря на объединяющие эти силы периодические союзы, миры, коалиции, и привели Восточную Европу к катастрофе в борьбе с монголо-татарами. В 1236 году Владимиро-Суздальская Русь отказалась поддержать атакуемую монголо-татарами Волжскую Булгарию, буртасов и мордву, в 1237 году неслышанной осталась мольба рязанских князей объединить силы против надвигающихся полчищ Батыя, и в том же году Владимиро-Суздальская земля сама стала жертвой нашествия. Призывы князей Северо-Восточной Руси к юго-западным русским княжествам о помощи также не встретили отклика с их стороны. Как в свое время Владимиро-Суздальская Русь, рязанские князья остались глухи к просьбам о помощи в 1223 году, во время появления в Южной Руси полчищ Джэбе

и Субудая, так на этот раз ни Киевское, ни Черниговское, ни Галицко-Волынское княжества, занятые своими внутри- и внешнеполитическими проблемами, не откликнулись на призывы из Владимира.

Верхом сведения старых счетов, новых междоусобиц, бесконечных межкняжеских интриг в стане Руси стали события в марте 1238 года, когда на реке Сить встретились основные силы Батыя и войско великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича. Напрасно ждал князь Юрий подхода ратей из Киева и Новгорода во главе с тогдашним великим князем Киевским и князем Новгородским, своим братом Ярославом Всеволодовичем и его сыном Александром Невским, представлявшим отца в Новгороде. Их отсутствие было необъяснимо и трагично для Руси. Последующие события, возможно, проливают некоторый свет на этот поступок русских князей.

После разгрома войска Северо-Восточной Руси на реке Сить и гибели в сече великого князя Юрия Всеволодовича великим князем Владимирским становится старший из оставшихся в живых Всеволодовичей — Ярослав. Его сын Александр наследует удел отца — Переяславское княжество — и становится наместником Ярослава в Новгороде. Татарские рати, взяв в середине марта штурмом Торжок, останавливаются в 300 км от Новгорода.

В историографии этот неожиданный поворот в монголо-татарском наступлении на Русь в 1238 г. объясняется, как правило, начавшейся весенней распутицей, усталостью и большими потерями войска Батыя. Однако факт отсутствия на реке Сить Ярослава Всеволодовича и Александра, последующее вокняжение на владимирском престоле Ярослава, его особые дружеские отношения с Батыем, как и вовлечение Александра Невского в орбиту личных отношений с владыкой Орды, могут указать и на то, что между опытным политиком и дипломатом Батыем и князьями Северо-Западной Руси, располагавшими огромным военным опытом, мощными дружинами, большими материальными возможностями, мог состояться сговор, платой за который и стало впоследствии возвышение дома Ярослава Всеволодовича и его сыновей.

К тому же в источниках нет никаких указаний на то, что татары предполагали движение к Новгороду. Напротив, по данным Рашид-ад-Дина, на военном совете они решили повернуть на юг свои тумены и идти «облавой» по южным русским городам, что и было сделано⁷⁴.

В результате случайного совпадения событий или возможного сговора, но Северо-Западная и Западная Русь — княжества Новгородское со Псковом, Полоцкое, Смоленское (частично) — не была затронута монголо-татарским нашествием, как обошло оно стороной и литовские земли.

В дальнейшем такое состояние северо-западного региона Руси и Литвы стало одним из определяющих факторов во внешнеполитическом развитии всех русских земель.

Нашествие, разгром Северо-Восточной, Южной, Юго-Западной Руси, образование Золотой Орды как постоянного мощного военизированного государственного конгломерата, чье владычество в той или иной форме распространялось на огромные территории русских земель, повлекли за собой дальнейшее их разъединение и прежде всего окончательный и долгий разрыв исторических судеб Северо-Восточной и остальной Руси. Именно Северо-Восточная Русь стала в полной мере «улусом» Орды, попала в вассальную зависимость от нее. Это означало, во-первых, политическую зависимость с ее системой ярлыков, а во-вторых, даннические отношения, союзные обязательства Руси по отношению к Орде.

Вместе с тем русские княжества сохранили свое внутреннее социально-политическое, экономическое и религиозное устройство. Те из них, что были в наибольшей зависимости от Орды, в первую очередь земли Северо-Восточной Руси, а также Новгород, признавший власть Орды, сохраняли за собой в течение долгого времени военную поддержку ордынских сил в борьбе с внешними врагами. Тем самым Орда обеспечивала прежде всего свои собственные внешнеполитические интересы. Но факт остается фактом: в борьбе против Литвы, крестоносного натиска Владимиро-Суздальская, Новгородская, а затем и Московская Русь в полной мере опирались на поддержку Орды.

Временами, а позднее все более часто эта поддержка оказывалась тому или иному русскому княжеству в противовес другому или другим. Тем самым ордынские правители стремились поддержать на Руси определенный баланс сил и воспрепятствовать возвышению какого-либо одного княжества. Точно так же они действовали в отношении отдельных наиболее ярких и активных русских князей, противопоставляя их друг другу, а порой и убирая их с политической арены. На это же были нацелены периодические татарские карательные экспедиции, обрушивавшиеся на русские земли. Такие экспедиции лишь против Северо-Восточной Руси предпринимались в 1252, 1281, 1293 годах, не считая вмешательства в межкняжеские усобицы и разного рода несогласия. Все это еще более привязывало внешнюю политику русских земель к ордынскому диктату.

Такая политика со времени установления монголо-татарского ига с каждым десятилетием мельчала, становилась все более локальной, теряла свои общерусские очертания. Прежняя чисто прагматическая и хищническая зависимость русских князей от половцев в борьбе друг с другом отныне становится трагической и властной данностью. Это все более превращает многих русских князей, развращенных цинизмом половецких вмешательств, в безропотных и угодливых исполнителей ордынской воли в обмен на ярлыки, влияние и т. п.

Подобное унижительное состояние Северо-Восточной Руси стало возможно еще и потому, что и военный, и экономический потенциал ока-

зались подорванными, многие цивилизационные процессы, в частности центристские тенденции, грубо подрезанными. Русь окончательно потеряла свободный выход на Волгу, утратила в пользу Орды свои вассальные владения в Окско-Волжском междуречье, Среднем и Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе.

Общее ослабление Руси привело к активизации ее противников на юго-западе — Венгрии и Польши, на северо-западе — Тевтонского ордена, Швеции, Дании, Литвы, которые методично и настойчиво оттесняли русские княжества от балтийского побережья.

Одним из результатов нашествия и последующей зависимости русских земель от Орды стали не только локализация и измельчение внешнеполитических ориентиров русских княжеств, но и их дифференциация и, как следствие, тот факт, что на каждом из направлений своей внешней политики русские земли выходили теперь зачастую в одиночку. Время былых, пусть непрочных и драчливых коалиций уходит в прошлое. Мрак изоляции накрывает внешнюю политику Руси. И в этом мраке постепенно, мучительно долго Русь теряет одну внешнеполитическую позицию за другой, становясь, особенно на западе и юго-западе, жертвой своих более сильных, независимых от Орды соседей, пока, наконец, не растворяется в их победоносной и ликующей государственности. Так было с Галицко-Волынской землей, княжествами Киевским, Черниговским, Смоленским и рядом других. Северо-Восточная Русь устояла под натиском западных соседей, но платой за это была зависимость от Орды. И лишь Новгород сумел отстоять себя в эти суровые десятилетия.

Особо следует сказать о свободной от ордынской зависимости Полоцкой земле, которая на период почти в полутора столетия стала ядром независимой литовско-русской православной государственности.

Все это находит подтверждение в конкретной внешнеполитической истории русских земель.

* * *

Ко времени монголо-татарского нашествия казалось, что Юго-Западная Русь вновь поднимется под рукой Даниила Романовича Галицкого. Ему удалось захватить Киев, где еще недавно княжил Ярослав Всеволодович. Захват Киева был облегчен тем, что пал Чернигов и его извечный противник черниговский князь Михаил Всеволодович, в то время бывший киевским князем, бежал в Венгрию. Но потом последовало нашествие войск Батыя на Юго-Западную Русь. Киев был, в свою очередь, взят штурмом, а путь татар в Западную Европу пролегал уже через Галицко-Волынское княжество, многие города которого были захвачены и разорены.

Симптоматично, что после ухода монголо-татарских войск в Европу вновь вспыхнула борьба за первенство на русском юго-западе между

Михаилом Черниговским и Даниилом Галицким — скорбный отзвук былых баталий под похоронный звон поверженной Юго-Западной Руси. Борьба эта закончилась печально для соперников. Михаил был убит в Орде, когда казалось, что он вот-вот получит от Батыя права и на Чернигов, и на Киев, и на Галицко-Волынскую землю. Что касается Даниила, то он в конце концов добился в Орде прощения за свою давнюю вражду с татарами и попытку противостоять им, опираясь на Польшу и Венгрию, но это прощение и право Даниила на Галицко-Волынскую Русь было куплено ценой вассальной зависимости Даниила от Орды. И пусть она была не столь жесткой, как у Северо-Восточной Руси, — дальность расстояний и близость этой части Руси к Европе смягчали характер зависимости, но факт оставался фактом: это был дальний, автономный, но все же улус Золотой Орды. Отсюда и вся внешняя политика этой части Руси со второй половины 40-х годов XIV века должна рассматриваться сквозь призму этой зависимости⁷⁵.

Дальнейшая внешняя политика Галицко-Волинского княжества — это медленное угасание былого величия, отчаянные попытки Даниила и его сыновей удержать на государственном «плаву» Юго-Западную Русь. На этом пути Даниил вел переговоры с папой, противодействовал усилению Литвы в период Миндовга, стремился нейтрализовать агрессию со стороны Венгрии.

Особо следует сказать о взаимоотношениях Галицко-Волинского княжества с Литвой и Полоцким княжеством.

В середине XIII века Литва под руководством Миндовга, а позднее Гедимина превращается в сильное восточноевропейское государство, уже в ту пору в его состав входили некоторые русские западные земли (часть современной Западной Белоруссии с Новогрудком). Такой синтез стал возможен благодаря компромиссу, достигнутому между литовской знатью и западнорусским боярством. Языческая Литва и православная Новогрудщина мирно соседствовали под властью литовского князя. К тому же западные русские земли укрывались под литовской властью от натиска Орды. Нельзя не сказать и о позиции новогрудского князя Войшелка, сына Миндовга, истового православного христианина, к тому же отдавшего свою сестру за одного из сыновей, Даниила Галицкого⁷⁶.

Таким образом, со времени своего образования Литва являлась bipolarным балто-славянским государством.

Первые столкновения Галицко-Волинской Руси и Литвы закончились в 1254 году мирным договором, чему в сильнейшей мере способствовали постоянная агрессия против Литвы немецких крестоносцев, поддержанных германским императором и Ватиканом, а также стремление Даниила развязать себе руки в борьбе против венгерского и польского давления. Мир Галицко-Волинской Руси с Литвой означал и для Даниила, и для

Миндовга отказ от флирта с папской курией и обеспечил Галицко-Волынской Руси покой на северо-западной границе. И Литва теперь могла не беспокоиться за свой южный фланг в борьбе с рыцарями.

Однако такое усиление как Литвы, так и Галицко-Волынского княжества не входило в расчеты Орды, которая в 50–60-е годы нанесла несколько ударов по владениям Даниила (походы темников Бурундая, палача Юго-Западной Руси, и Куремсы).

К тому же в 1261 году Миндовг отрекся от католичества и вновь обратился к старой вере.

Прекращению литовско-русского конфликта во многом способствовала и активная политика Полоцкого княжества, где с конца 40-х годов в качестве великого князя Полоцкого при помощи Даниила утвердился Товтивил, племянник Миндовга. Между Галицко-Волынским и Полоцким княжествами намечалось перспективное союзное сотрудничество. Но этому в значительной степени мешало то, что Юго-Западная Русь была зависимой от Орды, а Полоцк был свободным русским княжеством. Именно это обстоятельство, по-видимому, стало решающим в вековом споре Галицко-Волынского княжества с другими юго-западными и западными княжествами за гегемонию в русских землях. Объединение с ордынским «улусником» и грозило собственной независимости, и приостановило возможный более тесный альянс Полоцка и Галицко-Волынского княжества, но ничто не мешало дальнейшему сближению двух независимых от Орды сил — Литовско-Русского государства и Полоцкого княжества⁷⁷.

Орда, как известно, ответила на усиление Галицко-Волынского княжества карательными походами, а позднее Бурундай потребовал участия галицко-волынских сил в борьбе с Литвой, и Василько, брат Даниила, повел рать против Литвы. Вскоре последовали и ответные удары со стороны Литвы и Полоцка по землям союзников Даниила. Союз Юго-Западной Руси с Литовско-Русским государством и Полоцким княжеством ушел в небытие⁷⁸.

В 1264 году Даниил Галицкий сошел с исторической арены. Его сыновья пытались проводить активную внешнюю политику отца, но, несмотря на личные таланты, так и не вышли за рамки западного направления (Венгрия, Польша). С каждым десятилетием Галицко-Волынская Русь, по-прежнему зависимая от Орды, теснимая Литвой, имевшая в лице Венгрии и Польши прежде всего соперников, несмотря на временные союзные отношения то с одной из них, то с другой, безнадежно теряла внешнеполитическую инициативу по всем направлениям. Одновременно быстрыми темпами шли централизация и усиление Польши, которая к концу второго десятилетия XIV века стала угрожать самому существованию Галицко-Волынского княжества. В начале XIV века галицко-волынские князья еще имели отдельные контакты с брянскими, смоленскими, турово-пинскими кня-

зьями, Киевской землей, но их влияние на русские дела катастрофически уменьшалось.

Постоянная борьба с Литовско-Русским государством заставила потомков гордого Даниила Галицкого пойти на поклон в Орду, к хану Узбеку, и в Галиче появляется ордынский наместник. Галицко-Волынская Русь первой из русских княжеств, зависимых от Орды, показала, что под давлением сильных соседей в решающий момент сохранить свою государственность можно было лишь опираясь на помощь Орды, которая в то же время обеспечивала свои собственные внешнеполитические интересы. Это была подлинная драма русских земель.

Утверждение татар в Галиче еще более осложнило отношения княжества со своими свободными от власти Орды соседями.

С конца 20-х годов XIV века Галицко-Волынская Русь становится объектом ожесточенной борьбы между Польшей, Венгрией и Литвой, которая завершается на исходе XIV века разделом земель этого княжества между соседними государствами. Тем самым на долгие столетия была утрачена для остальной Руси ее бывшая активность на юго-западном направлении, поддерживавшаяся после распада древнерусского государства именно Галицко-Волынской Русью.

Подобную судьбу испытали и другие княжества Юго-Западной и Центральной Руси — Киевское, Черниговское, а позднее Смоленское.

В частности, Киевское княжество, разгромленное нашествием, уже не поднялось к самостоятельной государственной, а значит, и к внешнеполитической активности, став до известной степени игрушкой в руках галицко-волыньских и черниговских князей. Киев еще играл некоторую роль в общецерковных делах, оставаясь центром русской митрополии, но после перемещения митрополичьей кафедры во Владимир потерял и эту роль. В дальнейшем Киевская земля стала частью Литовско-Русского государства, кстати, усилив именно славянский и православный элементы в его составе.

Похожей была история и Чернигово-Северской земли. После гибели Михаила Всеволодовича в Орде Черниговское княжество перестает фигурировать в летописях как самостоятельная и влиятельная политическая сила. Чернигов стал объектом как внешнеполитических притязаний Литовско-Русского государства, так и централизаторских тенденций внутри самой Чернигово-Северской земли. На первое место в начале XIV века среди чернигово-северских городов выходит Брянск, который становится средоточием объединительных тенденций в масштабах Западной и Центральной Руси и одним из основных противников Литвы на западных русских рубежах.

Будучи в течение долгого времени буферной зоной между Ордой и Литовско-Русским княжеством, Чернигово-Северские земли во главе с Брянском отчаянно сопротивлялись натиску своих опасных соперников. В дальнейшем по мере ослабления Орды и усиления Великого княжества

Литовского Чернигово-Северская Русь все более подпадает под влияние Литвы, а с середины XIV века превращается в ее часть, еще более усилив славянскую и православную составляющую этого восточноевропейского государства, становящегося с каждым десятилетием все более ярким центром притяжения антиордынских русских сил.

Что касается Смоленского княжества, расположенного в центре русских земель, то после монголо-татарского нашествия оно утрачивает свою внешнеполитическую инициативу на юго-западном направлении. Претензии смоленских князей на Киев, Галицко-Волынское княжество уходят в прошлое. Теперь для этого княжества, остающегося менее зависимым от Орды, чем, скажем, Северо-Восточная Русь, основными внешнеполитическими приоритетами становятся западное и северо-западное направления, а также отношения с поднимающимся из руин северо-восточным соседом — Великим княжеством Владимирским.

Укрепляются отношения Смоленска с Ригой. В XIII–XIV веках Смоленск неоднократно вступал в договорные отношения с Ригой и Готландом⁷⁹.

Но наиболее тесными и противоречивыми были отношения Смоленского княжества с Литовско-Русским государством. С одной стороны, литовская граница все ближе подходила к смоленским землям. Особенно это стало очевидно после присоединения Полоцка к Великому княжеству Литовскому. Таким образом, часть бассейна Западной Двины, по которой проходил смоленско-рижский торговый путь, попала в руки Литвы. С другой стороны, как уже отмечалось, русские земли все более определенно тяготели к Литовско-Русскому государству как центру собирания общерусских и антиордынских сил. К тому же Литва в своем наступлении на Южную и Юго-Западную Русь нуждалась в спокойном смоленском тыле. Это вело к неуклонному сближению Литвы со смоленскими князьями в течение всего XIV века⁸⁰. И в этом смысле небезупречным является традиционный тезис о прогрессивности борьбы тесно связанного с Ордой Владимирского княжества, а затем поднимающейся Москвы за смоленские земли. Этот тезис правомерен лишь для того времени, когда уже окатоличенное Литовско-Русское государство, а позднее Речь Посполитая удерживали в своей узде русские православные земли. Но для всего XIV века, когда Литва совместно с русскими землями противостояла Орде, а также орденскому давлению, он кажется исторически сомнительным. Об этом ярко говорят участие русских отрядов в борьбе с крестоносцами (вспомним хотя бы знаменитую Грюнвальдскую битву 1410 года и роль в ней смоленского и полоцкого полков) и общее противостояние Руси и Литвы татарам (на Куликовом поле вместе с ратниками Дмитрия Донского сложили свои головы и литовско-русские князья, в отличие от уже склонявшегося к Польше и к принятию католичества Ягайлы). И чем ближе становились отношения Смоленска и Литвы, тем

острее развертывалось противостояние Смоленска с Ордой. Это было логичным внешнеполитическим феноменом XIV века.

По данным русской летописи. Орда организует поход на Смоленск брянского князя, дав ему татарский отряд⁸¹. Вряд ли такое давление могло в то время проходить без одобрения Москвы, где влияние хана Узбека в эти годы особенно усилилось⁸². Неудача этого похода привела к тому, что Орде так и не удалось восстановить контроль над Смоленском. Уходил он и из-под влияния тесно связанного с Ордой Московского Великого княжества, возглавляемого в те годы Иваном Калитой.

После этого, в 40–50-е годы, происходит дальнейшее сближение Смоленска и Литвы и ухудшение смоленско-московских отношений. В то же время Смоленское княжество стремится не попасть в вассальную зависимость от Литвы. Такая, в общем-то обреченная, внешнеполитическая линия Смоленского княжества не могла встретить сочувствия ни в Москве, ни в Вильно. Отсюда и те удары, которые попеременно наносили центральному русскому княжеству оба соперника. Вопрос решался так: Смоленск отойдет к тому, кто окажется на данном историческом отрезке времени сильнее⁸³.

Вторая половина XIV века стала наиболее драматичной в истории Смоленского княжества, стремившегося сохранить свою независимость как от Литвы, так и от Москвы.

Литовский князь Ольгерд Гедиминович все более усиливал натиск на Смоленск. С другой стороны, шло давление Дмитрия Ивановича Московского. В этой борьбе сильнее оказался Ольгерд, при котором Литовско-Русское государство достигло апогея могущества и который претендовал на объединение всех русских земель. В его состав вошли уже Южная и Юго-Западная Русь, Киевская земля. В этих условиях Смоленск заключил договор о своем полувассальном положении уже в составе Польско-Литовской конфедерации, обращенной к католицизму⁸⁴.

В 1404 году новый литовский князь Витовт с бою взял многотрадальный Смоленск. Так закончилась сага о попытках проводить независимую внешнюю политику одним из княжеств Центральной Руси. Вместе с падением Смоленска русское население Великого княжества Литовского еще более возросло, но это было уже время обращения Литвы в католичество и начала наступления ее верхушки на русские национальные и религиозные ценности. Одновременно именно Москва становится центром собирания русских сил на антиордынской основе, что изменило всю внешнеполитическую ситуацию в регионе.

* * *

В этой же плоскости происходит изменение внешнеполитического положения Полоцкого княжества, осуществлявшего с глубокой древности вместе с Новгородом контроль над северо-западным направлением

русской внешней политики. Со второй половины XIII века оно все более глубоко вписывается в систему взаимоотношений с усиливавшейся Литвой. Особенно активно это происходит после вокняжения в Полоцке представителя литовской династии Товтивила. Следует еще раз подчеркнуть, что литовский князь на полоцком троне проводил самостоятельную — полоцкую — внешнюю политику. Об этом говорит его антилитовская линия в период противостояния Галицко-Волынского княжества и литовского князя Миндовга. Опираясь на Юго-Западную Русь, Полоцк в те годы сумел отстоять свою независимость от Литвы. Одновременно Полоцк в середине XIII века сумел сохранить независимость и от Галицко-Волынского княжества, слишком тесная связь с которым означала бы для Полоцка превращение в вассальное от Орды государство. В сущности, Полоцкое княжество в известной мере как буферное между Литвой, Ордой, Тевтонским орденом и Северо-Восточной Русью повторяло судьбу других русских земель, ставших такими же буферными зонами с некоторой долей разнообразия с точки зрения набора противников и союзников: земли Смоленская, Новгородская, Чернигово-Северская, Галицко-Волынская.

Однако в отличие, скажем, от Южной и Юго-Западной Руси, Полоцкое княжество больше, чем другие русские княжества, было заинтересовано в союзе с Литвой: этот союз давал Полоцку защиту от крестоносной агрессии, гарантировал свободу от ордынской неволи при сохранении полного религиозного и этнического равноправия местного русского населения с литовцами.

И здесь следует сделать небольшое отступление относительно сущности Литовско-Русского государства.

Во второй половине XIV века, в период своего расцвета, Великое княжество Литовское и Русское (таково было официальное его название) занимало огромную территорию — от Балтики до Черного моря, от границ Польши и Венгрии до Подмоскovie. Русские земли в его составе представляли $\frac{9}{10}$ всей территории, и русское население было в нем подавляющим большинством. По существу, под властью литовской династии (которая была, кстати, ничем не хуже и не лучше варяжской) оказалась большая часть бывшего Древнерусского государства: за его пределами остались лишь новгородские и псковские земли и княжества Северо-Восточной Руси.

В составе Литвы русские земли сохранили свое единство, свой федеративный политический статус, некоторые из них — свои княжеские династии, традиции, материальную и духовную культуру, религию, судопроизводство. Языком Великого княжества Литовского и Русского был русский, на нем писались все государственные документы, летописи, а религией подавляющей части населения было православие, официально признанное и поддержанное великокняжеской властью. Великие князья Литовские одним из основных своих принципов применительно к землям,

вошедшим в состав Литвы, провозгласили принцип «старины не рухати»⁸⁵. Само население этих $\frac{9}{10}$ территории Литвы называло себя русскими. Глава Литовского государства носил восходящий к древнерусскому титулу «осподаря»⁸⁶.

В историографии существует спор: можно ли оценивать Литовско-Русское государство наряду с Московским княжеством как равнозначный потенциальный центр объединения русских земель? Скажем, В.Т. Пашуто отрицательно отвечал на этот вопрос, считая, что нельзя отождествлять, например, политику Дмитрия Донского и Ольгерда Гедиминовича, что Ольгерд был не объединителем, а разорителем русских земель и выразителем экспансии молодого Литовского государства, а русские земли, вошедшие в состав Литвы, «попали под ее власть» и тяготели к Великодержавии⁸⁷.

И.Б. Греков, напротив, отстаивая еще дореволюционную исследовательскую концепцию, отвечал на этот вопрос положительно⁸⁸. Эта точка зрения сегодня получает развитие в ряде работ российских, белорусских и литовских историков.

Нам представляется, что сам этот спор беспредметен, потому что задолго до того, как Ольгерд в середине XIV века повел решающую борьбу с Москвой, Литовско-Русское государство в послемонгольский период уже проводило политику объединения русских земель (на условиях договорного вассалитета, добровольного вхождения, подчинения, завоевания и т. д.), что во многом напоминало политику великих киевских князей X–XI веков по созданию древнерусского государства, в состав которого вошли и балтские народы. Литовско-Русское государство укрывало русские земли от натиска Орды, защитило их от крестоносной агрессии. И неслучайно в русских княжествах, не вошедших в состав Литвы (Новгородское, Псковское, Тверское), были так сильны пролитовские тенденции.

Необходимо помнить и о том, что в условиях резкого ослабления Северо-Восточной и Юго-Западной Руси в ходе и после монголо-татарского нашествия роль политического лидера на новом витке объединения восточного славянства могли взять на себя западные русские княжества, а также Литовско-Русское государство. Именно Литва задолго до объединения русских земель вокруг Москвы стала наследником Древней Руси и создателем сильного, независимого от Орды балто-славянского государства. Тем самым появлялась возможность приблизить русские земли к общеевропейской цивилизационной модели развития на антиордынской, антикрестоносной, абсолютно суверенной основе, как это уже было в период древнерусского государства с центром в Киеве. Однако такая возможность была исторически упущена.

К тому же необходимо помнить, что во главе Литовско-Русского государства стояли в основном православные князья, бравшие себе в жены

русских княжон. Так, первой женой Ольгерда была Мария, витебская княжна, а второй — Ульяна, тверская княжна. И лишь после Кревской унии 1385 года, объединившей Польшу и Литву, в Великом княжестве Литовском начались необратимые изменения: поворот к католицизму, выдвижение на основные государственные позиции представителей литовской знати, дискриминация русского и православного населения. Но этот процесс был длительным и медленным и в XV веке еще не затрагивал коренных устоев русских земель. И все же Литва поворачивалась к Западу, а Русь оставалась на Востоке.

Все это необходимо учитывать, говоря как о внешнеполитических устремлениях западных, северо-западных и центральных русских княжеств, так и о внешней политике Великого княжества Владимирского, а позднее Московской Руси.

Что касается дальнейшей истории внешнеполитического развития Полоцкой земли, то оно медленно, но определенно шло в сторону сближения с Литвой. В 40–50-е годы XIII века литовцы и полочане вместе «воевали Смоленскую землю»⁸⁹. И уже на этом этапе Полоцкое княжество вступает в противоречия с Великим княжеством Владимирским, стоявшим в те годы за спиной Смоленска. В отражении первых литовских набегов на земли Центральной Руси и Новгорода принимал участие Александр Невский. Одновременно, будучи зятем полоцкого князя, он постоянно вмешивался в дела Полоцка и препятствовал его сближению с Литвой.

Характерно, что севший на великокняжеский престол после гибели брата на реке Сить Ярослав Всеволодович, особенно после переговоров в Орде с Батыем в 1243 году, сразу же показал себя противником Литовского княжества. В том же году, как сообщает Новгородская летопись, он победоносно бился с литовцами около Торжка и Бежицы. На помощь отцу пришел Александр Невский с новгородцами⁹⁰.

Однако позднее, после гибели отца в Каракоруме, великий владимирский князь Александр Невский, контролировавший и Новгород, заключил мир с Миндовгом и координировал свои военные действия с Полоцким княжеством. А это значит, что Полоцк был на внешнеполитическом распыте, лавируя между Литвой и Великим княжеством Владимирским, но постоянно имел основного противника в лице Тевтонского ордена.

В 1307 году, после того как Литва в очередной раз оказала полочанам помощь в борьбе с немцами, Полоцкое княжество вошло в состав Литовско-Русского государства на правах унии. Смыслом этой унии стало появление на полоцком престоле литовского ставленника при сохранении Полоцким княжеством широкой политической, культурной, конфессиональной автономии. Полоцкая земля стала одной из центральных составных Литовско-Русского государства с его тенденцией к объединению всех восточнославянских земель на антииордынской и анти немецкой основе.

Потерю Полоцком самостоятельности исследователи относят к концу XIV века, когда там появился наместник великого литовского князя⁹¹.

Вхождение Полоцкого княжества в состав Литвы привело к трансформации западного направления внешней политики Руси. Ее наследником стала, с одной стороны, Литва, объединившая все русские земли до Можайска, а с другой — Великое княжество Владимирское, а позднее Москва, которая, постоянно сбрасывая с себя внешнеполитические ордынские путы, начала практически с нуля осваивать и развивать это внешнеполитическое направление.

Кардинально иначе сложились в послемонгольское время внешнеполитические реалии Новгородской земли.

Новгород, как уже отмечалось, избежал монголо-татарского нашествия. Он не испытывал военного и экономического давления со стороны Орды, как другие русские земли. В историографии многократно отмечалось, что это было связано с особыми отношениями с Батыем сначала великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича, а затем Александра Невского с тем же Батыем и его наследником на золотоордынском троне ханом Берке.

В то время как остальная Русь буквально истекала кровью от монгольско-татарских разгромов, насилий и поборов, Новгород, формально (через Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича) признав свою вассальную зависимость от Орды и обязавшись уплачивать «выход», продолжал оставаться по сути своей полузависимым государственным образованием, напоминая в этом смысле Галицко-Волынскую Русь при Данииле Галицком. В то же время, в отличие от Галицко-Волынского княжества, предоставленного самому себе в море русских междоусобиц, Новгород постоянно чувствовал свою зависимость от Великого княжества Владимирского. Это была зависимость и экономическая (хлеб в новгородские земли шел с юга; торговые пути на юг проходили через земли Северо-Восточной Руси), и военно-политическая (в критические моменты своей истории Новгород неизменно обращался за помощью к северо-восточному сюзерену и, как правило, получал ее).

С 30-х годов XIII века на новгородском престоле (хотя и с согласия Новгорода) непременно находились представители дома Всеволода Большое Гнездо. Поэтому новгородскую внешнюю политику в XIII–XIV веках следует, видимо, рассматривать в двух плоскостях: во-первых, как отражение непосредственных экономических и политических интересов Новгородской земли; во-вторых, как отражение общерусских интересов на северо-западном направлении, которое от древнерусского государства перешло по наследству к Северо-Восточной Руси. С этих пор Владимир не расставался даже с частичным контролем над Новгородом. Вот в таком сложном и противоречивом виде и представляла внешняя политика Новгородского княжества.

В связи с этим по-иному выглядит и влияние монголо-татарского нашествия и последующего ига на внешнеполитические судьбы Новгорода. С одной стороны, эти события, безусловно, заметно ослабили все русские земли, и прежде всего Северо-Восточную Русь, а также Новгородскую землю, что вызвало заметную активизацию западного крестоносного мира по отношению к русским владениям в Прибалтике, Финляндии, а также непосредственно к русским территориям. С другой стороны, за спиной Новгорода стояло Владимирское княжество — вассал Золотой Орды, которая рассматривала покушение на земли Северо-Восточной и Северо-Западной Руси со стороны немцев, шведов, датчан, Литвы как покушение на собственные владения. И Новгород, и Владимирское княжество, а позднее и Москва нередко в этих противоборствах с западными противниками имели весьма значительную военную поддержку Орды. Это тоже было внешнеполитической реальностью русской истории XIII–XIV веков, о которой не следует забывать.

Первой пробой сил на северо-западных и западных русских границах в послемонгольский период стал натиск литовцев, которые в 1239 году захватили Смоленск и готовили удар по Новгородской земле. Княживший в то время в Новгороде Александр Ярославич поставил против Литвы оборонительные городки по реке Шелони, а его отец Ярослав Всеволодович выбил литовцев из Смоленска, тем самым предотвратив их поход на новгородские владения⁹².

Затем последовал натиск шведов в 1240 году, что было продолжением уже начавшейся ранее борьбы, в которой Новгород постепенно сдавал свои позиции. На этот раз целью шведского десанта являлся захват исконно русских территорий — низовья Волхова, берегов Невы и Ладоги. Сооружение крепости в устье Невы — стратегически важном месте, овладение этими территориями окончательно отрезали Новгород, а через него и Северо-Восточную Русь от моря, а шведы тем самым могли установить контроль над русскими торговыми путями на северо-западе. Успех давал возможность шведам окончательно выдавить новгородцев из Финляндии и подчинить себе емь. Однако этим надеждам не суждено было осуществиться. Разгром шведов на берегу Невы Александром Ярославичем надолго остановил их наступление в крае и практически вывел из строя одного из союзников католической агрессии против балтов и славян⁹³.

Думается, правы те историки, которые писали, что натиск на Русь с запада был хорошо скоординирован папской курией. И действительно, через полтора месяца после Невской битвы соединенные силы Тевтонского ордена, датчан, дерптского епископа неожиданным ударом взяли Изборск, осадили Псков, который вскоре сдался крестоносцам.

Отъезд в это время Александра Невского из Новгорода окончательно развязал немцам руки. Зимой 1240/41 года они захватили чудские и водские владения Новгорода и их дозоры появились в более чем 30 км от Новгорода.

В марте 1241 года Александр вернулся в Новгород, а в начале 1242 года к нему с владимирскими полками подошел брат Андрей. В этом факте усматривается прямая связь с политическим статусом Новгорода как полувластного от Владимира княжества.

Таким образом, в начале апреля 1242 года на льду Чудского озера решалась не только судьба Новгородской и Псковской земель, но и дальнейшая судьба Северо-Восточной Руси. Зависимая от Орды, она вместе с тем в лице Батия имела прочную опору в борьбе с Литвой и крестоносцами, что блестяще использовали Ярослав Всеволодович и Александр Невский. Такова была трагическая закономерность борьбы Новгорода за свою независимость. По мирному договору, заключенному с Александром, орден отказывался от своих завоеваний в Новгородской земле⁹⁴.

Десять лет было спокойно на новгородско-немецком рубеже, а в 50-е годы немцы снова напали на Псков и опустошили его округу. Только новгородская помощь позволила снять осаду города. После этого новгородская рать при поддержке корелов двинулась в Ливонию и, одержав ряд побед, опустошила немецкие земли. А в начале 60-х годов русские князья в союзе с Литвой нанесли удар по Дерпту. Так что версия об оборонительном характере войны Новгорода против крестоносцев требует уточнения. При малейшей возможности новгородцы переходили в наступление и против немцев, и против шведов, порой опираясь на своих постоянных или временных союзников: Литву, емь, корелов, ижору, воедь, чюдь.

Несмотря на ощутимые удары, полученные от Новгорода, ни шведы, ни немцы не отказывались от дальнейшей экспансии. К тому же с юга Новгородской земле постоянно угрожали литовцы, и Александру Ярославичу сначала как новгородскому князю, а позднее как великому князю Владимирскому приходилось использовать вражду ордена и Литвы в целях обеспечения безопасности русских северо-западных границ.

В 50-е годы литовцы не раз вторгались в пределы Новгородской земли, брали на шит Смоленск, атаквали Торжок. В начале 60-х годов Александр заключил мирное соглашение с Миндовгом.

Это, однако, не успокоило новгородско-литовское и немецкое приграничье. В 1267 году по Литве нанесли удар псковичи. Через год (1268 г.) объединенные силы Новгорода и Пскова при поддержке великого князя Владимирского вторглись в Ливонию и под Раковером дали бой орденским силам. Эта битва на немецкой земле прошла мимо внимания отечественных исследователей, видимо, потому, что инициаторами похода в немецкие земли были русские князья. Победа в битве под Раковером, которая по количеству участвовавших в ней войск намного превосходила Ледовое побоище, не стала славным достоянием отечественной исторической традиции, поскольку «не работала» на оборонительный вариант войны

в русском национальном сознании. Через год немцы нанесли ответный удар по русским землям и осадили Псков.

В 1275 году русские князья совместно с татарами снова вторглись в пределы Литвы и взяли большой полон. Война на этих рубежах шла нескончаемая, с переменным успехом при несомненной опоре с русской стороны на поддержку Орды. Это была суровая борьба за выживание как для Руси, так и для литвы, чуди, других здешних народов в сложных международных условиях продолжавшегося после монголо-татарского нашествия передела Восточной Европы⁹⁵.

Что касается шведов, то их натиск на русские владения возобновился на исходе 40-х годов XIII века. В 1249–1250 годах они организовали очередной крестовый поход. На этот раз объектом захвата стали области Центральной Финляндии, подвластные Новгороду. Несколько месяцев крестоносное войско под началом ярла Биргера сражалось в землях еми. В результате зимой 1250 года Центральная Финляндия была покорена. Это был серьезный удар и по новгородскому влиянию в крае⁹⁶.

В 50-е годы, опираясь на свои базы и крепости в Финляндии, шведы продолжали наращивать давление на русские земли: в 1256 году они попытались овладеть устьем реки Наровы. Момент для нападения был выбран исключительно удачно: Новгород вновь оказался без князя, так как в это время новгородская господа изгнала из города сына Александра Невского Василия, бывшего в Новгороде наместником отца. В ответ Александр направил против мятежного города владимирские полки и восстановил там свою власть. Позднее именно помощь великого князя Владимирского решила судьбу противостояния: узнав о том, что в город прибыли силы Александра, шведы покинули устье Наровы, а Александр двинулся на Капорье, затем через замерзший Финский залив повел русское войско в землю еми, захваченную семь лет назад шведами.

Одновременно вспыхнуло восстание еми против шведского владычества с его насильственной христианизацией. Опорные пункты шведов в центральной Финляндии были разгромлены. Тем не менее поход, на четверть века притормозив дальнейшее наступление шведов в регионе, не остановил овладение ими земель Центральной Финляндии: Александр был далеко, а шведы были рядом⁹⁷.

Однако давление на русский северо-запад со стороны католического мира на этом не закончилось. Борьба за Балтийское побережье, за торговые пути в Северной Европе продолжалась. Причем шведы постоянно меняли направление ударов. В 80-х годах XIII века они неоднократно вторгаются в Карелию, атакуют берега Ладожского озера. В 1293 году шведы организовали очередной крестовый поход на Карелию и заложили в здешних местах крепость Выборг, закрепившись в западной части Карелии. Через два года они атаковали Приладожье, а в 1300 году вновь высадили крупный

десант в устье Невы и zaloжили здесь крепость. Однако новгородская рать вновь выбила шведов с важного стратегического участка.

Начало XIV века проходит в постоянных попытках Новгорода вернуть утраченную инициативу: новгородские рати вторгаются в земли еми, атакуют шведские форпосты, берут штурмом крепость Або. В 20-х годах шведы наносят ответные удары на Карельском перешейке. Борьба идет с переменным успехом, пока, наконец, в дело не вмешивается северо-восточный сюзерен Новгорода великий московский князь Юрий Данилович, внук Александра Невского. Именно Юрий силами Новгорода и Москвы организовал поход на главную шведскую крепость на Карельском перешейке — Выборг, но не смог взять ее, а затем вновь отвлекся на борьбу с Тверью. По мирному договору 1323 года, заключенному Русью со Швецией в крепости Орешек, построенной Юрием в устье Невы, Карельский перешеек и берега Невы остались за Русью, но шведы сохранили свои владения в Финляндии⁹⁸.

Таким образом, на северо-западном направлении Новгород в течение второй половины XIII и в XIV веке медленно, но верно терял одну позицию за другой. В одиночестве он должен был, как и другие русские земли, поддерживать свои внешнеполитические приоритеты. Помощь Владимира, а затем и Москвы сулила защиту, но и стеснение новгородских вольностей. И все же Руси ценой длительной, суровой и драматической борьбы, в центре которой стояли Ярослав Всеволодович, Александр Невский, его сыновья и внуки, удалось отстоять свои основные позиции на берегах Балтики и Финского залива.

* * *

Внешняя политика Владимиро-Суздальского княжества (позднее Великого княжества Владимирского) после монголо-татарского нашествия и разгрома Северо-Восточной Руси строилась, естественно, с учетом постоянного давления со стороны Золотой Орды. В этой политике причудливо переплетались как непосредственные интересы самой Владимиро-Суздальской земли, особенно на сохранившихся для нее внешнеполитических направлениях (отношения с Литвой, с Тевтонским орденом и Швецией), так и внешнеполитические задачи Орды: противостояние Литве и ордену и поддержание определенного баланса сил в самой Северо-Восточной Руси, с тем чтобы предотвратить появление в этом регионе сильного и объединенного русского княжества в качестве соперника.

Думается, прав был В.А. Кучкин, отметивший, что формирование территорий княжеств Северо-Восточной Руси, а значит, и их внешнеполитических устремлений «проходило под опосредованным, а иногда и прямым воздействием Орды»⁹⁹.

Следует иметь в виду и уже отмеченную выше антиордынскую политику Литовско-Русского государства (впоследствии Великого княжества

Литовского) как инициатора объединения всех русских земель на принципах создания нового балто-славянского, восточноевропейского единого антиордынского государства.

Что касается южной границы Владимиро-Суздальской Руси, то здесь на огромных пространствах Поднепровья, верховьях Дона и среднего течения Оки существовала буферная зона, нейтральная полоса. Практически эти земли были выведены из юрисдикции Руси и возглавлялись администрацией, зависимой от Орды. Но это не были ордынские территории. Порой эта зона доходила до Коломны¹⁰⁰, и первая задача владимирских, а позднее московских князей состояла в том, чтобы, используя складывавшуюся ситуацию, как можно дальше отодвинуть эту зону на юг, что одновременно означало расширение границ русских княжеств и постепенное изменение баланса сил в пользу Руси.

В таких условиях великие князья владимирские, а позднее и московские, прекрасно понимая историческую реальность второй половины XIII века и всепобеждающую мощь Сарая, по крайней мере до времени первой большой «замятии» в Орде, делали все для того, чтобы сохранить стабильные отношения с ордынскими владыками для упрочения своих позиций среди русских земель и для продвижения внешнеполитических интересов Руси на оставшихся в ее ведении западном и северо-западном направлениях.

Первыми это блестяще продемонстрировали Ярослав Всеволодович и особенно Александр Невский, чье истинное величие заключалось, может быть, не столько в его военных предприятиях как новгородского князя — замечательных победах над литовцами, шведами, немцами, а также в позднейшем уникальном зимнем походе в Финляндию, сколько в осторожной, дальновидной, хитрой политике по отношению к Орде и достижении своих целей как в общерусской политике, так и во внешнеполитической сфере на западных и северо-западных русских рубежах, что, видимо, в конце концов разгадали и в Сарая, и в Каракоруме.

Ярослав Всеволодович стал жертвой этих вполне резонных подозрений. Если отношения с Батыем у него сложились вполне удачно (в 1243 г. он был принят великим монгольским воителем в своей ставке, почтен и отпущен «с великою честью»), то в самой Монголии было не все так просто: Ярослава вызвали в Каракорум в 1246 году, и вскоре он был там отравлен. Следом за этим из монгольской столицы пришел приказ прибыть туда уже ставшему легендарным на Руси и широко известному в соседних странах Александру Невскому. Однако он не выполнил указание Каракорума и остался в Новгороде, дожидаясь тела отравленного отца. На похороны Ярослава во Владимир Александр прибыл во главе сильного отряда, показав, кто на Руси является подлинным хозяином. И только после этого он отправился, но не в Каракорум, а к Батые, в Орду, с тем чтобы, опираясь на его

поддержку, занять великокняжеский престол, на который претендовали и его братья — вскоре погибший Михаил и Андрей.

Русские источники описывают встречу двух великих полководцев и подчеркивают, что Батый хорошо принял Александра. В свете прошлых событий, когда Ярослав и Александр не явились на реку Сить, а также в силу известного благородства Батыя и уважения к ярким боевым и полководческим дарованиям, это было неудивительно. К тому же монгольский владыка не без основания мог рассчитывать на то, что, пока во главе Руси стоит такой авторитетный и лояльный к Орде князь, как Александр Ярославич, можно было не опасаться за порядок и поступление дани.

Оба властелина, видимо, понравились друг другу, тем более что Батый, по существу, прикрыл своим авторитетом отказ Александра Невского явиться по первому зову в Каракорум и отправил его туда вместе с братом Андреем в поисках великокняжеского ярлыка лишь тогда, когда люди, отравившие Ярослава, уже отошли от власти в монгольской столице. Тем не менее в Каракоруме были недовольны Батыем, защитившим от расправы своего вассала и союзника¹⁰¹.

Так драматически зародились взаимопонимание и поддержка друг другом Александра Невского и хана Батыя, вассала и сюзерена, жертвы и насильника. Начали складываться отношения, которые стали моделью для нескольких поколений владимирских, а позднее московских и тверских князей, пока наконец Москва, накопившая силы и использовавшая ослабление и распри в Орде, не бросила ей открытый военный вызов во времена Дмитрия Донского.

Последующие события показали, что оба властелина извлекли из этого союза в тогдашних политических реалиях лишь пользу — и для русских земель, и для Орды.

После возвращения из Монголии Александр, продолжая оставаться номинально великим князем Киевским, по-прежнему княжил в Новгороде. Владимирский же престол занял его младший брат Андрей, получивший в Каракоруме ярлык на великое княжение. Этим решением хитроумные политики Монголии противопоставили братьев друг другу и одновременно устранили Александра, старшего брата, от влияния на общерусские дела.

1252 год стал решающим во внешнеполитической идентификации Северо-Восточной Руси. Именно с этого времени Русь начала реализовывать усилиями Александра Невского ту дальновидную политику, которую он вместе с отцом вырабатывал прежде. Приезд Александра в Орду, в то время как Батый был в Каракоруме на выборах нового владыки Монголии, имел одну цель — получение ярлыка на великое княжение. Александр не пошел войной на младшего брата, хотя и имел достаточно сил, не развязал, как это бывало прежде, кровавую межкняжескую разборку, а использовал административный и дипломатический рычаг. Он обвинил брата в том,

что тот не по праву занимает владимирский престол, а главное — ударил в самое больное для него место: заявил, что тот укрывает в свою пользу татарский «выход и тамги». И в это время Андрей вместе с братом Ярославом подняли восстание против Орды, используя отсутствие Батыя и смену власти в Каракоруме. То был преждевременный жест отчаяния, продиктованный, вероятно, не столько строгим учетом сил, сколько желанием использовать единственный шанс в борьбе со старшим братом.

Орда ответила быстро и жестоко. В том же 1252 году на Русь обрушилась «неврюева рать», которая прошла огнем и мечом по мятежным русским градам и весям. Андрей Ярославич бежал, а Александр вернулся из Орды с ярлыком на великое владимирское княжение.

Первыми его действиями стало восстановление разгромленных Неврюем городов, и прежде всего родного Переяславля. Во-вторых, дававшуюся ему власть он использовал для укрепления своих позиций в Новгороде, а затем для обороны его границ от немцев, литовцев и шведов. Именно в это время он совершил свой впечатляющий финляндский поход. Его внешняя политика, его военные предприятия носили абсолютно независимый от Орды характер, хотя он постоянно имел за своей спиной благожелательную поддержку Батыя. В-третьих, он, пожалуй первым из русских князей, даже после возвращения Батыя из Каракорума отстранился от слишком близкой связи с Ордой, не бывал там более при жизни могучего хана, проводил внутреннюю политику без оглядки на Сарай и не давал междоусобицам ослабить русские земли.

Это была определенная тактика великого князя, которая впоследствии послужила моделью для русских властителей. Он не появился в Орде и после смерти Батыя в 1255 году, когда туда в связи с интронизацией нового хана — малолетнего Улагчи — потянулись другие русские князья. Лишь в 1257 году Александр побывал в Орде вместе с вернувшимся на Русь Андреем и выпросил в Сарае для него прощение, тем самым консолидировав русскую политическую власть, что было совершенно нетрадиционно для самолюбивых, завистливых и коварных отпрысков Юрикова дома¹⁰².

И еще два ярких факта подчеркнули внешнеполитическую линию Александра Ярославича. В 1257 году в связи с восстанием Новгорода против введенной татарами переписи населения Александру пришлось вести русские войска совместно с татарами для восстановления порядка. Пора для такого сопротивления еще не наступила, и Александру самому пришлось брать в руки всю операцию, чтобы не наводить на Русь очередную татарскую карательную экспедицию. Его сын Василий, возглавивший мятеж, был снят с престола и послан в другую волость. Только через год вмешательство Александра остановило новые волнения в этом городе, который не хотел идти в ярмо переписи. А в начале 60-х годов он тайно

поддержал взрыв возмущения в ряде русских городов против откупщиков, собиравших татарский «выход»¹⁰³.

Это была политика балансирования на лезвии ножа. Один неверный шаг мог стоить жизни великому князю и привести к новым неисчислимым бедствиям для Русской земли. Кажется, такой шаг Александр, вызванный в Орду ханом Берке, совершил в 1262 году, отказав ордынскому властелину предоставить русские полки для похода против иранского правителя Хулагу. Александр приказал владимирской рати идти в Прибалтику под Юрьев. Тем самым он решал вопросы укрепления русских северо-западных границ и одновременно уводил войско от губительного иранского похода. Сам Александр отправился с богатыми дарами в Сарай «отмаливать» русских ратников. Эта поездка стала для великого князя роковой. Берке задержал Александра на несколько месяцев и отправил на родину уже тяжело больным. Возможно, Орда наконец решила избавиться от великого русского полководца и политика. Он так и не вернулся во Владимир, скончавшись в ноябрьскую стужу в Городце на Волге. В общей сложности Александр провел в Орде четыре с лишним года¹⁰⁴.

Внешняя политика Северо-Восточной Руси в послемонгольское время, заложенная Ярославом Всеволодовичем и Александром Невским, складывалась по трем основным направлениям. Первое: сложные и напряженные отношения с Ордой, отношения вассала и сюзерена, дрейфующие благодаря искусству князей и сопротивлению народа в сторону все большей автономии при известной опоре на Орду в случае междоусобных конфликтов внутри Руси или внешнеполитических осложнений; второе: все возрастающее противоборство на Западе с усиливающейся Литвой; третье: постоянная борьба с орденом, где временами интересы и Руси, и Литвы совпадали, и со шведской экспансией. Два последних направления осуществлялись зачастую через непосредственное участие в этом противоборстве Новгорода как полузависимой от Владимирского княжества политической структуры.

Эта линия продолжалась, естественно, с некоторыми модификациями, при сыновьях и внуках Александра Невского.

В дальнейшем каждое из этих направлений по мере возрастания роли Московского и Тверского княжеств как бы раздваивалось, потому что оба эти княжества имели во многом сходные цели.

* * *

Конец XIII — начало XIV века совпали со значительными изменениями в Восточной Европе. В Северо-Восточной Руси набирали силу ранее небольшие уделы владимирских князей — княжества Тверское и Московское. Во главе первого встал талантливый и энергичный племянник Александра Невского Михаил Ярославич, во главе второго — его сын

Даниил Александрович, а затем внук Юрий Данилович. Кончилась эра централизованной внешней политики Северо-Восточной Руси, осуществляемой Александром Невским, и наступило время ее дуализма. Остальные княжества с той или иной долей успеха шли в фарватере внешней политики этих двух основных княжеств региона.

Возникает вопрос: можно ли говорить именно о внешней политике русских княжеств того времени? Ответ на него может быть, на наш взгляд, только положительным, так как, несмотря на близкие экономические и матримониальные связи, это были княжества со своими собственными династиями, границами, специфическими внешнеполитическими интересами, куда входили расчеты и на взаимоотношения с иностранными государствами.

Большие перемены произошли и в Литве. Занявший в 1315 году великокняжеский престол Гедимин выдвинул программу объединения под своей короной всей Западной и Центральной Руси. (Юго-Западная Русь частично уже вошла в состав Литвы.) Таким образом, в русских землях образовались практически три центра объединения — Литва, Тверь и Москва, которые начали между собой отчаянную борьбу за лидерство. В этой борьбе особую позицию занимал Новгород, который вовлекался в орбиту политики русских княжеств и временами определял ее результаты. Тверь и Москва, стремящиеся стать полноправными наследниками Владимирской Руси и подчинить себе другие земли Северо-Восточной Руси, в равной степени старались заручиться поддержкой Орды и одновременно консолидировать русские силы в борьбе с ней. Тверь при этом по мере нарастания преимущества Москвы, получившей решающую поддержку Орды, все более склонялась к союзу с Литвой. В Твери и Новгороде образовалась сильная пролитовская партия, что постоянно пугало и раздражало как московских князей, так и ордынских политиков.

Первая половина XIV века стала знаменательной и для Орды. Именно на это время, при ханах Узбеке (1312–1342 гг.) и Джанибеке (1342–1357 гг.), приходится вершина политического, военного и экономического могущества Золотой Орды, не только осуществляющей подавляющее влияние в Северо-Восточной Руси, но и претендующей вновь на решение судеб всей Восточной Европы.

Все эти новые явления в международной жизни того времени наложили отпечаток на внешнюю политику северо-восточных русских княжеств, и в первую очередь Тверского и Московского. Особенно ярко это проявилось во время знаменитой и драматической борьбы между Тверью и Москвой в первой четверти XIV века.

После смерти великого владимирского князя Андрея Александровича, сына Невского, в Орду за ярлыком на великое княжение отправились Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский. Ярлык

получил Михаил. Он был старшим в роду, и такой выбор был для Орды естественным. Кроме того, к этому времени Тверское княжество в экономическом, демографическом, политическом отношении стало реальным лидером Северо-Восточной Руси. Однако это вовсе не означало, что Михаил Ярославич становился «верховным правителем» всей Северо-Восточной Руси, включая Новгород, как полагают некоторые историки¹⁰⁵. Этот ярлык скорее давал лишь некоторое преимущество на инициативу и право на силовое решение в вопросах собирания Руси, которое стало велением времени и против которого активно выступала Орда. Ни о каком «верховном правителе» не могло быть и речи. Это быстро подтвердили и последующие события, когда Юрий Данилович, не будучи «верховным правителем», начал активно присоединять к Москве другие поокские княжества и набирать силу.

Не признал Юрий Данилович и прав Твери на Новгород, и лишь три года спустя после получения ярлыка Михаил утвердил своего наместника в этом городе.

В период противоборства с Москвой, уже будучи великим князем, Михаил дважды ходил походом на Москву, даже пытался взять ее штурмом и посадить на ее престол одного из бежавших к нему братьев Юрия. Но Москва устояла. В противовес этому Юрий овладел Нижним Новгородом. Реальная борьба за первенство в русских землях началась при известном нейтралитете Орды, даже несмотря на появление Михаила в Орде с просьбой выбить из Нижнего Новгорода Юрия¹⁰⁶.

И все же Тверь уверенно набирала силу. Михаила начинают именовать самодержцем и даже царем, он властно вмешивается в дела Новгорода. А в это время Москва подбирает под себя соседние мелкие княжества и готовится к новой схватке¹⁰⁷. И она началась после смены власти на ордынском престоле, когда ханом Золотой Орды стал Узбек.

Согласно традиции Михаил отправился в Орду за ярлыком на великое княжение. Хан продержал его у себя два года. За это время Юрий Данилович, опираясь на своих сторонников, утвердил свою власть в Новгороде. За это самоуправство московский князь был также вызван в Орду, где при дворе Узбека имел длительный спор с Михаилом Тверским. И вновь хан отдал ярлык (1315 г.) Михаилу. Тот вернулся на Русь с татарским отрядом и разбил рать непокорных новгородцев. Однако новгородцы не прекратили сопротивления и лишь в 1317–1318 годах подписали с великим князем договор на прежних условиях.

Таким образом, восхождением к первенству среди русских северо-восточных княжеств Тверь была обязана Орде. Именно ее поддержка стала основой той начавшейся централизации власти в Твери и объединительных тенденций, которые демонстрировал (имея в виду хотя бы Новгород) первым среди княжеств, наследников Владимиро-Суздальской

Руси, Михаил Ярославич. Это был парадокс той эпохи, как парадоксом стало и то обстоятельство, что, подняв и утвердив Михаила, Орда тут же стала склонять чашу политических весов в сторону его соперника — Юрия Московского.

После отъезда победившего в Орде Михаила Ярославича Юрий еще оставался в Орде, женился на сестре хана Узбека Кончаке, ставшей в православии Агафьей, и вместе с ее рукой получил титул великого князя Владимирского. С молодой женой, ханским ярлыком и в сопровождении видного деятеля Орды Кавгадыя с отрядом татар Юрий двинулся на Русь. Началась трагическая эпопея противоборства Юрия при поддержке Орды с Михаилом, Москвы с Тверью.

Несмотря на то что в открытом военном противоборстве с московским князем Михаил Тверской одержал ряд блестящих побед, среди которых был полный разгром войска Юрия под селом Бортенево, в 40 км от Твери, и пленение жены и брата Юрия, а также несмотря на его умелое уклонение от столкновений с отрядом Кавгадыя, Юрий неуклонно вел линию на сокрушение своего противника. Московская интрига в Орде при поддержке Кавгадыя и аититверской позиции Узбека, разгневанного смертью в Твери своей плененной сестры, оказалась сильнее военных талантов тверского князя. Хан Узбек в этой ситуации поддерживал слабейшего, не давая усилиться Твери.

В 1318 году соперники были вызваны в Орду, и там при активном содействии Юрия Данииловича Михаил был казнен.

Однако борьба на этом не окончилась. Последовали вторжение московских войск в Тверскую землю, затем попытки Юрия сохранить за собой дань, собранную для Орды, и передача ханского ярлыка сыну убитого Михаила Дмитрию Михайловичу. Юрий в этой ситуации повел себя примерно так же, как прежде Михаил: не оспаривая ханское решение, он тем не менее стремился сохранить за собой Новгород, атаковал Устюг, то есть действовал как реальный великий князь, вновь нарушая баланс сил, установленный Ордой.

И опять претенденты были вызваны в Орду, где Дмитрий прямо в ханском шатре зарубил Юрия, но вскоре и сам был казнен по приказу Узбека. Ярлык великого князя был передан не в Москву, а снова в Тверь: Орда продолжала внимательно следить за расстановкой сил в Северо-Восточной Руси и не простила Юрию Данииловичу самоуправства и неподчинения. И лишь после того, как Тверь первой из русских земель в 1327 году подняла восстание против Орды не без поддержки своего князя, чего так старательно избегал еще Александр Невский, Москва взяла верх: Иван Калита повел на Тверь татарское войско и превратил Тверское княжество в руины. Тверской же князь Александр Михайлович, второй сын казненного в Орде Михаила, бежал от Калиты и татар в Литву, и это было естественно, так

как именно Литовско-Русское государство во главе с Гедимином давно уже стало оплотом всех антиордынских сил.

В дальнейшем Александр Михайлович был прощен, снова получил Тверское княжество, но в конце концов был казнен в Орде в 1339 году вместе со своим сыном. Одним из пунктов обвинения тверского князя стали его литовские связи¹⁰⁸. Начиная с 1331 года ярлык на великое княжение прочно перешел в руки московского князя Ивана Калиты, проявлявшего полную лояльность Орде.

К этому времени внешнеполитические ориентиры Северо-Восточной Руси окончательно измельчали. Практически они свелись к сложным и противоречивым взаимоотношениям с Ордой, к борьбе Твери с Москвой, в которой принимали прямое или косвенное участие Новгород и некоторые другие русские земли. Руки московских и тверских князей в эти годы уже не доставали до русских северо-западных границ, а немцы и шведы продолжали теснить Новгород. В Окско-Волжском междуречье были потеряны даже мордовские земли. Мордва прочно перешла под сюзеренитет Орды, а на западе литовская граница приблизилась почти к Можайску.

Пока Тверь и Москва боролись за лидерство в землях Северо-Восточной Руси, Великое княжество Литовское прочно взяло внешнеполитическую инициативу на востоке в свои руки. Встал кардинальный вопрос: кто — Литва или Москва, кажется уже бравшая верх в борьбе с Тверью, — станет объединителем восточного славянства?

Эта ситуация еще более обострилась в связи с первой крупной «замятней» в Орде, наступившей в 50–70-е годы XIV века после ухода с исторической арены ее сильных политиков — Узбека и Джанибека. Там начинается долгая и кровавая междоусобица, ставшая отражением времени: Золотая Орда вступила в полосу феодальной раздробленности и ожесточенной борьбы за власть отдельных группировок, стала испытывать сильное давление со стороны отпадавших от нее других ордынских улусов, усиливавшегося натиска осмелевших соседей. В сущности Орда оказалась на грани полного политического развала.

На юго-западе из-под контроля Орды уходит Пруто-Днестровское междуречье, где возникает самостоятельное Молдавское княжество, которое оттесняет монголов за Днепр. В 1363 году литовский князь Ольгерд Гедиминович наносит им ощутимый удар, разгромив объединенное монгольское войско в битве у реки Синие Воды, левого притока Южного Буга. Разгромленного противника литовцы преследовали вплоть до устья Днепра. После этого похода междуречье Днепра и Днестра было полностью освобождено от монголов, и здесь утвердилось влияние Литвы. В это же время северо-восточные русские княжества, в первую очередь Москва, осторожно и неторопливо наступают на буферную зону, разделявшую Русь и Орду, и возвращают себе влияние в мордовских землях. Начинается

борьба между могущественным темником Мамаем и сарайскими ханами. Отдельные улусы перестают подчиняться Орде, что в обозримом будущем приведет к раздроблению некогда единого и мощного государства¹⁰⁹.

В этот период заметно ослабили позиции Сарая на Руси, что привело к парадоксальному внешнеполитическому феномену: с одной стороны, московские князья использовали это в целях подавления своих ближайших соперников — тверских и нижегородско-суздальских князей, установления более жесткого контроля над Новгородом, консолидации сил своего княжества, приращения его территории, зачастую в противовес ордынским интересам, а с другой — ослабление ордынских внешнеполитических подпорок оставило едва поднявшуюся Москву один на один с сильным и опасным соперником — Литвой.

Первые крупные столкновения Москвы и Литвы произошли в начале 40-х годов, когда Иван Калита с татарским отрядом предпринял поход на союзный с Литвою Смоленск, а вскоре Ольгерд нанес ответный удар по Можайску, бывшей смоленской вотчине, отошедшей к Москве.

Но лишь в период ослабления Орды конфликт между Ольгердом и внуком Калиты Дмитрием Ивановичем приобретает характер борьбы «за всю Русь». К этому времени Ольгерд одержал ряд блестящих побед над ордынскими войсками, освободил от татаро-монгольского ига значительную часть русских земель, особенно Юго-Западной и Западной Руси, и включил их в состав Литовско-Русского государства. Одновременно Ольгерд выполнял и другую историческую миссию: вел не на жизнь, а на смерть борьбу с Тевтонским орденом, противостоял Польше в борьбе за Галицкую Русь.

Что касается земель Северо-Восточной Руси, то в борьбе с Москвой Ольгерд пытался опереться на Тверское княжество, откуда была родом его вторая жена. В 50 — начале 60-х годов он усиливает натиск на центральные русские княжества — Брянское и Смоленское, захватывает Ржеву, Торопец (в 1361–1362 гг.). Любопытно, что Ржева была взята полоцкими войсками во главе с тамошним князем — сыном Ольгерда Андреем, русским по матери. В состав Литвы вошли Киевское и Черниговское княжества, завладела она и Брянском. На очереди был Смоленск, который в борьбе Вильно и Москвы склонялся в сторону Литовско-Русского государства. Мы уже отмечали, что после битвы у Синих Вод Ольгерд освободил от Орды Подолию. Некоторые ученые считают это прологом победы на Куликовом поле.

Теперь литовские интересы вплотную приблизились к границам Московского княжества. Причем эти интересы включали не только успешное противостояние Орде, но и борьбу с Орденом: только имея обеспеченный тыл и поддержку на востоке, Литва могла успешно противостоять немцам. Это, в частности, было продемонстрировано после присоединения

Полоцка к Великому княжеству Литовскому, когда полоцкие полки стали существенной частью войск Ольгерда.

Первый крупный поход против Москвы и в поддержку Твери Ольгерд организовал в 1368 году. В составе литовско-русской рати шли и полоцкие полки, возглавляемые князем Андреем Ольгердовичем. Однако взять Москву Ольгерду не удалось, он лишь разорил московские посады. Возможно, для Москвы, для Дмитрия Ивановича, который к этому времени окончательно и победоносно утвердил свою линию на объединение русских земель вокруг Москвы, это был критический момент. Москва не только выстояла, но в ответ сумела сформировать коалицию князей, направленную против Твери, и впервые доказала право на лидерство среди княжеств Северо-Восточной Руси. Тверь капитулировала и вынуждена была разорвать союз с Литвой. Но в 1371 году Ольгерд предпринял новый поход на Москву. Восемь дней город находился в осаде, но снова выстоял. Через год литовский князь в третий раз двинулся на Москву и снова неудачно, что побудило его в конце концов заключить с Дмитрием Ивановичем договор, признающий его права на великое Владимирское княжение.

Однако положение для обеих сторон было неустойчивым. Некоторые русские княжества, в частности Новгород, Псков, Смоленск, колебались в своих симпатиях между Вильно и Москвой; потенциальным союзником Литвы оставалась Тверь. Ольгерд отступил лишь на время. Это неустойчивое положение было подчеркнуто набегом в 1373 году полоцкого князя на московскую «вотчину» — Переяславское княжество¹¹⁰.

И все же исторически необратимое социально-экономическое, политическое, культурное развитие Московского княжества, перемещение центра восточноевропейского православия в Москву, ослабление Золотой Орды и одновременно все более определенная антиордынская политика Москвы, проявившаяся уже во второй половине 70-х годов, а также окончательная победа «литовской партии» во главе с Ягайло в Литве и начавшееся наступление на русские национальные и религиозные ценности, особенно после унии с Польшей и принятия Ягайло католичества, постепенно повернули ось отношений различных земель к Литве и Москве в пользу Московского княжества и превратили Москву и ее великого князя Дмитрия Ивановича в подлинного лидера северо-восточных русских земель. В 1375 году Тверь окончательно признает первенство Москвы, и тверской князь становится «братом младшим» московского князя. В 1377 году московские войска наносят удар по Казани, а через год на реке Воже одерживают победу над карательным корпусом Орды.

Именно в это время наследник Ольгерда Ягайло начинает на антимосковской основе сближение с Ордой, что отражает коренной поворот во всей международной политике Восточной Европы. И как следствие этого крепнет стремление русских православных княжеств Западной и Цент-

ральной Руси уйти из-под влияния Ягайло. Неслучайно на Куликово поле Дмитрий Донской привел войска под стягами всей Русской земли, за исключением Твери и Новгорода, неслучайно изгнанный из Полоцкого княжества Андрей Ольгердович, убежденный противник Орды, переходит на сторону Дмитрия Ивановича, принимает участие в битве на Воже и вместе со своим братом Дмитрием Брянским приводит полоцкую и брянскую дружины на Куликово поле в 1380 году. Это было подлинное признание прав Москвы на объединение всех русских православных сил, на лидерство в русских землях и на главенствующую роль в противостоянии с Ордой.

После победы на Куликовом поле, даже несмотря на неудачу Дмитрия Донского в отражении набега на Москву Тохтамыша в 1382 году и восставление уплаты дани Орде, внешнеполитические позиции московского великого князя укрепляются. Москва продолжает оказывать давление на еще не присоединенные к ней другие русские княжества и уже при преемнике Дмитрия Донского Василии I Дмитриевиче ликвидирует самостоятельный нижегородский престол (1392 г.) и сажает своего наместника в Нижнем Новгороде. Все более притягательной становится позиция Москвы и для Полоцкого княжества, постоянно тянувшегося к ней после вступления в силу политической и церковной унии Литвы с Польшей. В результате Ягайло захватывает Полоцк, берет в плен Андрея Ольгердовича и кладет конец существованию независимого Полоцкого княжества¹¹¹. Москва как новая восходящая государственная звезда славянского мира стала катализатором процессов, происходящих и в сопредельной Литве.

Конец XIV — начало XV века Восточная Европа встречает в бурном потоке событий, сквозь который угадываются, тем не менее, линии, намеченные историей прежде.

В 1391 году армия Тимура достигла Самарской излучины и полностью разгромила войска Золотой Орды во главе с Тохтамышем, который бежал под покровительство Литвы. Это еще раз продемонстрировало всю глубину внешнеполитического антирусского поворота Великого княжества Литовского. Нашествие Тимура в конце XIV века еще более подорвало государственность Орды и положило начало ее распаду на более мелкие политические образования¹¹². Многозначительным свидетельством ослабления Орды стали факт передачи Дмитрием Донским по своей духовной грамоте права на занятие московского престола своему сыну без согласия Орды, а также все более самостоятельная политика Москвы при его преемнике. Но Орда была еще сильна, ее грозная тень еще висела над русскими северо-восточными землями.

Все более крепнущим противником становилась и Литва во главе с воинственным Витовтом, который, несмотря на временные компромиссы с Москвой и династический брак своей дочери Софии и Василия I Дмитриевича Московского, демонстрировал все более непримиримую

антирусскую линию как в рамках своего княжества, так и по отношению к Северо-Восточной Руси. Его союз с Тохтамышем, позднее, после поражения от Тимура, пребывание хана в Литве указывали, что отныне Великое княжество Литовское будет претендовать на лидерство в русских землях уже не на антиордынской, а на проордынской основе, что представляло огромную опасность для Великого княжества Московского и для всех русских земель. Именно на этой основе Витовт присоединил к Литве Смоленск.

В первой четверти XV века Витовт, сохраняя формально дружественные отношения с Москвой, усилил свое влияние в Рязани, Переяславле, Пронске, Воротынке, Одоеве; он предпринимал походы на Псков и Новгород, продолжая подрезать крылья едва оперившемуся Великому княжеству Московскому. Витовт стремится создать в Восточной Европе мощное государство и продолжить осуществление общерусской программы, наметенной его предшественниками¹¹³.

На союз Витовта и Тохтамыша, намерившихся захватить, соответственно, троны в Москве и Орде, московский князь ответил союзным антилитовским и антиордынским договором с Тверью, который ясно показал силу Москвы. В 1399 году коалиция Витовта — Тохтамыша потерпела поражение от золотоордынских сил на реке Ворскла. Это означало конец Тохтамыша как политической фигуры и ослабление натиска Витовта на восток.

Уже в начале наступающего XV века Витовт продолжал оказывать давление на Псков, Новгород, Тверь. Трижды тесть и зять в 1406–1408 годах стояли друг против друга всеми воинскими силами на пограничных рубежах. Причем в одном случае рядом с русским войском находилась татарская конница, что указывало на то, что Москва и Орда координировали свои действия против общей литовской опасности.

В конце концов они заключили мир на прежних условиях. А в декабре 1408 года Северо-Восточная Русь подверглась удару ордынского войска во главе с Едигеем, захватившим власть в Сараях. Все главные города Московского княжества были захвачены и сожжены. Ордынцы увели с собой огромный полон, но Москва, окруженная к этому времени каменными стенами, устояла.

При очередной смене ханов Василий Дмитриевич, как в старину, отправился на поклон в Орду. Это означало, что при всех существенных переменах в Северо-Восточной Руси и в самой Орде, притом что Москва отстаивала свое право на объединение всех русских земель и, безусловно, не только стала лидером Северо-Восточной Руси, но и претендовала на подчинение своей власти центральных русских княжеств, продолжала контролировать Новгород и Псков, она по-прежнему оставалась полузависимой от Орды во внешнеполитическом и военном отношении.

И только в этом своем качестве она и возглавляла русские земли. Сарай, располагавший большими силами и военным опытом, еще достаточно крепко держал в узде своего усиливавшегося и амбициозного вассала.

Таким образом, к первой четверти XV века основные геополитические ориентиры русских земель, как они сложились в XI — первой трети XII века, были утрачены. Внешняя политика Руси по-прежнему оставалась рассредоточенной и не цельной, что являлось наследием ее политической дезинтеграции. Ее параметры оставались крайне измельченными и ограничивались порой лишь взаимоотношениями с ближайшими соседями и даже не инонациональными, а теми же русскими независимыми или полунезависимыми княжествами. Все юго-западные и южные внешнеполитические направления были узурпированы Великим княжеством Литовским, а северо-западные направления защищались зачастую лишь Новгородом и Псковом. Северо-Восточная Русь варилась в котле взаимоотношений и связей внутри региона, и основными для нее представлялись отношения с Ордой, на базе которых пока еще строились объединительные и централизаторские тенденции, осложненные существованием сначала трех основных центров объединения — Твери, Литовско-Русского государства и Москвы, а позднее двух — Вильно и Москвы.

Начавшийся в начале XIII века передел восточнославянских земель, принявший особенно бурный характер после монголо-татарского нашествия, к началу XV века практически завершился. Уже в это время сквозь контуры обозначившегося объединения русских земель вокруг Москвы стал проглядывать возврат к прежним геополитическим восточнославянским ценностям, носителем которых все более определенно становилась Москва. Но на этом пути Московскому государству, России предстояло еще пройти почти четырехсотлетний тяжкий путь испытаний, утрат, трагедий и в конце концов побед.

Глава II. Международные связи России в 70-е годы XV — первой половине XVI века

«Союз с дочерью цезарей, воспитанной в Риме, поставил русских в более частые соприкосновения с Европой и принудил их высказаться в восточном вопросе»¹ — так в конце XIX века оценил последствия брака Ивана III и Софьи Палеолог крупный исследователь этого вопроса П. Пирлинг.

В этом определении сконцентрированы основные моменты политической жизни, оформления межгосударственных союзов, волновавшие политиков в последние десятилетия XV века. После завоевания Константинополя турками в 1453 году идея антитурецкой коалиции стала одним из наиболее стабильных, связующим самые различные государства, но неосуществимым желанием европейских политиков. И восстановление международных связей Русского государства превратило его в одного из самых притягательных союзников в политических альянсах, создание которых замышлялось политиками в различных странах Европы.

С 1469 года по инициативе папского двора начались переговоры о браке московского великого князя Ивана III и воспитанницы «святейшего престола», дочери «деспота аморейского» Софьи Палеолог². Папский двор был центром международной жизни, и двухлетние переговоры о заключении брака сразу ввели московского государя в курс основных политических событий Европы, позволили ему параллельно с Римом обмениваться посольствами, вести переговоры с целым рядом государств.

Появление русских послов при папском дворе привело к знакомству с Россией политиков других государств, повысило интерес к ней; с 80-х годов Москву посещают посольства разных стран. И кроме сватовства решались и другие важные для Руси вопросы.

Русские послы пытались привлечь на службу великому князю европейских ремесленников и архитекторов. Ордынское иго истощило именно эту прослойку общества; были необходимы самые разные мастера, чтобы развивать каменное строительство, артиллерию, вооружение, монетное дело.

Для Средневековья вообще характерна неразрывная связь политического, культурного и торгового общения. К официальному посольству присоединялись торговые караваны. Независимо от чисто политических целей послы и члены миссий знакомились с обычаями чужой страны, новинками культуры и литературы, с общественной жизнью. Именно таким

путем на Русь попадали новые политические трактаты, литературные, публицистические произведения³. Иногда дипломатические поручения выполняли отправлявшиеся за рубеж купцы. Переплетение таких линий общения разных стран было настолько сложным, что не всегда можно выделить и обособить какую-то одну из них.

В современной литературе не очень четко формулируется мысль, что в 1472 году, когда в результате длительных переговоров с Римом был заключен брак между Иваном и Софьей, Русского государства как такового еще не существовало. Софья выходила замуж за великого московского князя, вдовца, имевшего юного наследника престола от первого брака. Как отметил Пирлинг, «когда великий князь у подножия алтаря протянул руку Софье, он был еще татарским вассалом»⁴.

Окончательное освобождение от ига после «стояния на Угре» в 1480 году, присоединение к Москве других русских земель, покорение Новгорода и Пскова — все это произойдет позже.

Говорить о внешней политике и международных связях Русского государства до последней четверти XV века трудно, если исходить из традиционной точки зрения, ведь до 70-х годов на территории будущей России находились независимые великие княжества и земли. Политика великих московских князей, ставших в конце века государями всея Руси, часто состояла из переговоров и контактов с соседними великими князьями Рюриковичами (тверскими, ярославскими, рязанскими и др.), с которыми они находились в довольно близком родстве⁵. Договоры («докончания»), заключаемые с тверскими или литовскими, рязанскими или одоевскими князьями, ничем не отличаются друг от друга с правовой точки зрения, что также позволяет говорить о них как о межгосударственных документах.

Более широкими были международные связи Новгорода и Пскова. Эти независимые земли никогда не имели княжеских династий и приглашали на службу соседних князей, среди которых не было князя московского дома⁶. В XV веке Новгород и Псков сохраняли связи с Прибалтикой, Скандинавскими странами, здесь с XII века был Ганзейский и с конца XIV века Готский дворы — центры купечества других стран. В частности, среди арендаторов Готского двора в XV веке были купцы Готланда, Ревеля, других городов⁷.

Сложившиеся на протяжении веков международные отношения Новгорода московское правительство использовало и после его присоединения к Московскому великому княжеству: до XVII века все переговоры со Швецией вели новгородские наместники.

Иными были отношения московских князей с Тверью. Во второй половине XV века тверские великие князья подобно некоторым удельным московским князьям видели в Литве, соперницу Москвы, центр объеди-

нения русских земель. Иногда, пытаясь сохранить независимость, они прибегали к помощи литовских князей, заключая с ними союзы. Именно в Литву уже в конце XV века «отъезжали» тверские, верейские, некоторые другие князья, когда земли их княжеств присоединялись к Москве.

Объединение русских земель вокруг Москвы вывело московских великих князей на границы других государств — Великого княжества Литовского, Казанского и Крымского ханств, отношения с которыми во многом определяли и другие аспекты внешней политики России.

На отношения московских князей с литовскими серьезно влияло то обстоятельство, что на престолах присоединенных к Великому княжеству Литовскому Черниговских и Смоленских земель частично остались те же Рюриковичи, состоявшие в родстве с московскими князьями⁸. Московские князья весь XV век умело пользовались межкняжескими спорами и войнами в Литве; с начала века к ним на службу начинают приезжать литовские князья. Потомки одного из них — князя Патрикия Наримунтовича — почти сто лет вели дипломатические отношения с Литвой⁹.

Эпизодические контакты с Европой были и у Москвы. Например, представители Москвы и Твери участвовали в заседаниях Ферраро-Флорентийского собора 1438–1445 годов. Приглашение Москвы на этот собор, носивший антиосманскую направленность, говорит само за себя.

Ослабленные, но сохранившиеся в годы ордынского ига контакты русских княжеств с другими странами не могли не сказаться на международных связях Русского государства, особенно в начале его самостоятельной деятельности.

Вскоре после заключения брака Ивана III и Софьи Палеолог, выделившего московского великого князя из ряда других русских князей в глазах Европы, произошло событие, несомненно повлиявшее на положение Москвы, — «стояние на Угре». Победа на Куликовом поле не избавила русские земли от ордынского ига; в иных, иногда более мягких формах вассальные отношения существовали и в XV веке. Именно победа на Угре коренным образом изменила отношение европейских государств к России, и она же сделала московского князя тем правителем среди Рюриковичей, с которым государи Европы хотели установить связи.

Московские великие князья, считавшие себя правопреемниками владимирских князей и киевских традиций, объединяя земли русских княжеств, создавали новое государство. В исторической литературе процесс объединения земель рассматривался как создание Русского государства¹⁰, но для великого князя Ивана Васильевича, при котором процесс завершился, он имел характер межгосударственных отношений и шел различными путями — от войн до заключения договоров с соседними князьями.

В 80-е годы XV века основные интересы Русского государства были направлены на соседнюю Литву и Крым.

Отношения Русского государства с Великим княжеством Литовским с последней четверти XVI века они становятся отношениями с Польско-Литовским государством — вплоть до XVIII века носили особый характер.

Именно Литва была государством, через которое проезжало подавляющее большинство посольств и купцов, направляющихся из Европы на Русь. Сознательно или невольно литовские князья контролировали международные связи русских князей. Обычно направлявшиеся в Москву посольства останавливались по пути в Вильнюсе (особенно послы католических государей), получали здесь последние сведения о событиях в Москве; в результате создавался образ-стереотип Русского государства, иногда влиявший на результаты дальнейших отношений с Россией.

К XV веку подавляющее большинство территории Великого княжества Литовского составляли бывшие русские земли, образовавшиеся после распада Киевской Руси¹¹. Они, в отличие от этнических литовских земель, были заселены православными; лишь в некоторых древнерусских городах, имевших стратегическое значение, где находились литовские гарнизоны, появились места компактных поселений католиков — литовцев и поляков. Определение «русский» (наряду с «литовский», «прусский» и др.) входило в титул великого князя литовского еще в XIV веке, задолго до того, как появилось в титуле московских государей¹². Эти обстоятельства уже давно вызвали в научной литературе споры о том, могли ли литовские князья возглавить процесс объединения русских княжеств в единое государство, столицей которого стал бы Вильнюс.

Но именно наличие на восточных границах Литвы больших территорий, населенных православными и непосредственно примыкающих к русским землям, всегда создавало для литовских государей угрозу «отложения» отдельных земель к Русскому государству; это являлось сдерживающим фактором в отношениях как со своим восточным соседом, так и с собственным православным населением¹³.

В русской политической литературе конца XV века говорится о преемственности власти московских великих князей от киевских, о переходе в Москву регалий власти, когда-то посланных византийским императором в Киев, но конкретно о возвращении каких-либо земель из состава Литвы московские дипломаты говорят лишь при переходе на службу в Москву литовских князей¹⁴: Бельских, Одоевских, Воротынских и др. Война за их владения рассматривалась как возвращение законного наследия новым подданным великого князя московского, а также как возвращение русских земель в состав Русского государства. Особенно остро этот вопрос стоял в 80–90-х годах XV века, когда на русско-литовском порубежье шли бесконечные войны.

У литовских князей были длительные, устоявшиеся десятилетиями отношения с отдельными русскими княжествами и землями, которые

они успешно использовали, организуя свои связи с Москвой. Тесными и длительными (в XIV в. и особенно в XV в.) были такие отношения с Новгородом и Псковом. Боярство этих городов-государств представляло замкнутую сословную группу, в чьих руках была политическая жизнь города; она вела и активную предпринимательскую деятельность¹⁵. У обоих феодальных государств — Новгорода и Пскова — было много общих интересов с Литвой, прежде всего балтийская торговля и борьба с Тевтонским орденом. Кроме того, государственность Новгорода и Пскова складывалась так, что там не было собственной княжеской династии, а с XI века туда приглашали князя, который в основном возглавлял войско. В XIII–XV веках такими приглашенными «служилыми князьями» были русский и литовский князья. В Пскове долго княжил Довмонт-Тимофей, потомок литовского князя Любарта; он успешно воевал с крестоносцами, завоевывал для псковичей новые земли¹⁶. В Новгороде длительное время находились литовский служилый князь Глеб-Наримонт и его сын — это были князья литовской династии Гедиминовичей, принявшие православие¹⁷.

Есть основания полагать, что у Новгорода и Пскова в это время сложились тесные отношения с Литвой. Служилые литовские князья занимались строительством оборонительных сооружений, у них были собственные владения, в их руках находилось войско. Наримонт, считаясь новгородским служилым князем, несколько раз уезжал в Литву, оставляя вместо себя наместника или в этом же качестве своего сына. Наримонт активно участвовал в политической борьбе за литовский престол, которая перманентно вспыхивала между различными Гедиминовичами. В одну из таких поездок он и погиб.

Не исключено, что постоянные упреки в адрес новгородцев и псковичей, что они со своей землей хотели отойти к московскому недругу — Литве, которые часто звучали в русской публицистике и дипломатической переписке конца XV — начала XVI века, имели какое-то основание в событиях более раннего времени.

Иными были отношения между Литвой и Тверью. Тверские великие князья в своей борьбе за первенство среди других русских князей во второй половине XV века часто прибегали к помощи литовских правителей. Но если Новгород и Псков приглашали литовских князей к себе на службу, то в Твери, где правила своя династия, активно использовали межкняжеские браки.

В средневековом обществе, когда в международных отношениях государство персонифицировалось в лице государя, особое значение имели династические браки: они часто скрепляли межгосударственные договоры. Русско-литовские браки с православными князьями безусловно помогали литовским Гедиминовичам и Рюриковичам, чьи владения входили в состав

Литвы, противостоять Тевтонскому ордену и католической церкви¹⁸. Историки придают большое значение браку великого князя Ольгерда и тверской княжны Ульяны, сыгравшему существенную роль в политической жизни Литвы. Из шести детей великого тверского князя Михаила Александровича, соперника московских князей, три сына в конце XV века были женаты на литовских княжнах (один даже дважды).

В московской великокняжеской семье на литовских княжнах женились преимущественно удельные князья. В 1372 году боровско-серпуховской князь Владимир Андреевич женился на дочери великого князя Ольгерда; в конце XV века в этой ветви московского дома преобладают «литовские» браки. В 1400 году галицкий князь Юрий Дмитриевич женился на дочери смоленского князя, его внука Мария Дмитриевна (дочь Шемяки) вышла замуж за князя Александра Чарторыйского. Сестру Юрия Дмитриевича Марию (дочь Дмитрия Донского) выдали замуж за литовского князя Семена-Лугвеля¹⁹. Эти браки создавали реальное противостояние натиску католической церкви, активно действовавшей в Литве именно в то время: создавалась возможность «отложения» отдельных земель.

Но самым важным браком, имевшим большие последствия для истории русско-литовских отношений, был союз великого князя Московского Василия Дмитриевича и дочери великого князя Литовского Софьи Витовтовны (1392 г.). Безусловно, такой союз укреплял позиции Витовта в Литве. Софья постоянно поддерживала дружественные отношения с семьей, возила внуков к деду (чаще всего в Смоленск). В исторической литературе как-то прошло незамеченным, что сыновья и внуки Софьи были единственными мужскими потомками Витовта и по европейским законам — пусть чисто символически — могли считаться претендентами на литовский престол. Не исключено, что это обстоятельство сыграло свою роль во второй половине XVI века, когда правнук Софьи Иван Грозный и его сыновья выдвигались как кандидаты на польско-литовский престол.

Тесные родственные связи между Рюриковичами и Гедиминовичами положили начало родственным отношениям для более широкого круга княжеских и шляхетских семей на территории России и Литвы; они играли большую роль в русско-литовских отношениях, но имели и теневую сторону; шла неофициальная переписка между родственниками, имевшая влияние на дипломатические переговоры, посылались тайные гонцы. Такая сторона всегда существовала и в официальной дипломатии занимала определенное место. Так, русская дипломатическая служба, ведавшая отношениями с Литвой, в XV веке находилась в руках потомков литовского князя Наримонта, выехавших еще в начале века и осевших в Москве. В начале XVI века великий князь Василий Иванович воспользовался переездом в Россию из Литвы князя Михаила Львовича Глинского,

который был лично знаком с императором Максимилианом, и послал его с миссией в Империю*.

Важным обстоятельством, влиявшим на отношения России с Литвой, было их соседство с Крымом, где в последней четверти XV века образовалось Крымское ханство, верный вассал Османской Порты. Набеги крымцев были одинаково опасны и для России, и для Литвы. Оба великих князя иногда использовали эти походы в своих целях, а иногда были вынуждены объединяться в борьбе с Крымом²⁰.

В 80-х годах XV века Великое княжество Литовское вело самостоятельные дипломатические переговоры с Москвой, Тверью, Новгородом. Союзы, скрепленные «докончальными» грамотами, свидетельствуют о том, что каждое из русских княжеств имело собственные интересы и пыталось благодаря своим связям с Литвой усилить свои позиции. Литва была государством, куда отъезжали русские князья, несогласные с объединительной политикой московских князей. К концу XV века здесь находились потомки тверских великих князей, князей московского дома, недавно воевавших за московский престол, — Шемятичей.

В 80-е годы XV века порубежные земли Литвы становятся объектом внешнеполитических претензий московского великого князя. Литва в эти годы вела войны с Молдавией и в Крыму; союзы, заключенные Иваном III с Молдавией, Ливонией, Крымом, развязывали ему руки для активных действий против литовского князя. Поэтому основной характер переписки Москвы с Вильнюсом 80-х — начала 90-х годов — это взаимное предъявление претензий. Литовский великий князь жаловался Ивану III на грабежи во владениях князей Бельских, Воротынских, Одоевских, Белевских; некоторые князья из этих семей как раз в то время отъехали в Москву²¹. Главным в дипломатической переписке был не вопрос о возвращении князей в Литву (литовские феодалы могли свободно уезжать на службу, особенно воинскую, к другим государям), а об их земельных владениях.

Московские великие князья доказывали, что все эти лица приехали служить великому князю «со своими вотчинами», и видели в таких отъездах реальный предлог, чтобы присоединить к России новые княжества; особые претензии касались владений воротынских князей. В то же время московские дипломаты жаловались на грабительские набеги литовских отрядов в вяземско-можайское порубежье, просили отпустить в Москву жену князя Федора Ивановича Бельского, уехавшего из Литвы (эта переписка велась с 1488 по 1494 г., когда княгине разрешили приехать к мужу²²).

Предметом дипломатической переписки между Москвой и Вильнюсом в то время были порубежные споры и грабежи купеческих караванов.

---

* Священная Римская империя германской нации. В настоящем издании дана в сокращенном виде: Империя.

После присоединения к Москве Новгорода предметом спора стал вопрос о «ржевской дани», часть которой шла в Литву. Московская администрация считала неприемлемыми для себя прежние условия платы данн и не пускала в новгородские земли тиунов короля Казимира для ее сбора. Угличский князь Андрей Васильевич постоянно нападал на владения вяземских князей, служивших литовскому князю²³. Но именно эти материалы показывают стабильность торговых путей, которые в XV веке шли через территорию Литвы на русские земли; основными городами на этих путях были Киев и Смоленск, реже упоминается Львов.

Московского великого князя волновал вопрос об охранных грамотах для русских гонцов и послов, возвращающихся через Литву от валашского воеводы Стефана; на дочери воеводы был женат наследник Ивана III — Иван Иванович²⁴.

К 80–90-м годам относится и появление регулярных контактов между обоими государями: с 1487 года в Москве появляются специальные «посольские книги», где фиксируются только документы, относящиеся к дипломатической переписке с Литвой, в Литве с этого же времени в книги великокняжеской канцелярии (Литовская метрика) постоянно делаются соответствующие записи²⁵. До конца XVI века, когда шел интенсивный процесс интеграции Литвы и Польши, отношения с Москвой велись от имени великого литовского князя: Литва соблюдала интересы Польши в связях с восточными странами, а Польша — интересы Литвы в своих контактах с западными государствами. Обычно гонцами из Вильнюса, писарями в составе больших посольств ехали представители православной шляхты — Иван Сапега, Богуш Боговитинович или же представители магнатских семей, связанные родством с такой шляхтой²⁶.

О более ранних переговорах, от которых не сохранилось подлинных документов, известно из русско-крымских дел 70-х годов: Иван III регулярно напоминает Менгли-Гирею, что король Казимир — их общий недруг, и в обмен на поддержку против царя Ахмата, врага Менгли-Гирея, требует поддержки своей борьбы против короля Казимира²⁷.

В 1480 году, когда Казимир пропустил через литовские земли на Угру войско Ахмата, выступившего против Ивана III, а Менгли-Гирей не поддерживал московского князя, Иван сообщил в Крым: «Ахмат пак царь приходил на меня, ино Бог милосердный как хотел, так нас от него помиловал»²⁸. Но с этого времени в дипломатической переписке с Крымом уже нет упоминаний о союзе против Казимира, как это было раньше, а литовские православные князья начинают более активно переходить на службу к московским государям.

В Литве усиливается роль католической церкви: с конца XV века высшие государственные должности в великокняжеском совете стали

доступны лишь католическим князьям и магнатам, что ущемляло интересы православных князей и шляхты на землях, граничивших с Россией²⁹. В Литве, где высшие должности не только давали возможность активно участвовать в политической жизни, но и служили источником дохода, такие ограничения были существенными.

В 1492 году конфликты на пограничье переходят в затяжную войну с Литвой, сопровождавшуюся регулярным обменом посольствами по вопросам о вотчинах выезжавших князей. Периодически в посольствах затрагивался вопрос и об «изменниках» московского князя (тверских, верейских князьях и боярах), находившихся в Литве.

Очевидно, не столько переезд князей в Москву, сколько пограничные конфликты, возможность утраты территорий были причиной просьб великого литовского князя вернуть отъехавших князей обратно. Дело в том, что Литва теряла достаточно большие территории. Постоянные военные действия на границе государств, грабежи и сражения сами по себе разоряли владения местных феодалов, и великий литовский князь должен был возмещать им убытки³⁰. Кроме того, не все местные землевладельцы стремились служить московскому князю: тем, кто остался в Литве и чьи владения перешли к Москве, великий князь был должен предоставить новые земли взамен утраченных.

В 1492 году, после смерти короля Польского и великого князя Литовского Казимира, литовский престол занимает его сын Александр. Летом того же года начинаются активные подготовительные переговоры о заключении мира и связанное с ними сватовство Александра к дочери Ивана III и Софьи Палеолог Елене Ивановне³¹.

Первоначально сватовство было неофициальным: с русской стороны его вел князь Иван Юрьевич Патрикеев, чей дед еще в начале XV века перешел на русскую службу; с литовской стороны — Ян Юрьевич Заберзиский переписывался с новгородским наместником Яковом Захарьиным, а тот уже писал в Москву³². Эти две линии — официальная и приватная — существовали постоянно. Литовская сторона связывала с намечающимся браком заключение мира; Иван III обговаривал гарантии того, что Елена в случае замужества сохранит православие и возможность свободно выполнять обряды православной церкви.

Литовская сторона выдвинула нереальную программу: требование признать права Литвы на Ливонию, Великие Луки, Ржев, Торопец. Чернигов также рассматривался как земля, принадлежавшая Литве. Послы соглашались отказаться от претензий на Новгород, никогда не входивший в состав великого княжества. Московское правительство в ответ потребовало вернуть Смоленск, находившийся в составе Литвы³³.

В документах, связанных с этими переговорами, отразились два любопытных момента: впервые можно явно увидеть роль, которую играла

в приемах посольств Софья Палеолог. О том, что деспина* сама принимала послов и вела с ними беседы, известно из записок иностранцев, но в дипломатических документах эти сведения встречаются редко. Кроме того, впервые в дипломатической переписке с Литвой Иван III в 1493 году стал употреблять титул «государь всяя Руси»³⁴.

Переговоры о заключении мира и брака шли медленно, так как каждая из сторон не хотела уступать своих требований. Толчком, ускорившим решение, стало посольство от польского князя Конрада Мазовецкого (1493 г.)³⁵, приехавшее с предложением заключить союз против детей Казимира, разделивших между собой польский и литовский престолы, и сватавшее великую княжну за своего князя.

В январе 1494 года переговоры с литовскими послами завершились обручением Елены, которое проходило в покоях Софьи в присутствии Ивана III и московских бояр. Священник прочитал молитву, «кресты с чепьми и перстни меняли; и в великого князя Александра место обручал пан Станислав Янович»³⁶.

Летом того же года договор был подписан литовским князем. Русское государство практически получило основные владения, завоеванные за два года, и установило дружественные отношения с Литвой. Были признаны права Москвы на Новгород, Тверь, Псков и права Вильнюса на Смоленск, Брянск и некоторые другие города. Литовский князь даже соглашался признать титул своего тестя — «государь всяя Руси».

В «докончании» была обговорена судьба князей, переезжавших из Литвы в Россию и наоборот. В Литву поехало посольство за женой князя Федора Бельского, в Москве были выпущены из заключения Семен и Петр Мезецкие, захотевшие вернуться обратно в Литву. Была обговорена судьба находившихся в Литве потомков тверских князей и Шемятичей³⁷. В январе 1495 года Елена уехала в Вильнюс.

В донесениях о ее путешествии подробно расписаны приемы великой княжны в разных городах, ее встречи, знакомство с великим литовским князем Александром. Так, в Литве Елена не захотела ехать в карете, присланной женихом, проделав весь путь в московском экипаже. Обряд венчания, который произошел сразу по приезду, был также совершен по русским обычаям: княжне расчесали косу и надели кикку, в таком уборе она пошла в костел, где в обряде участвовали два священника — православный и католический³⁸.

В литовских летописях вскоре появился собственный рассказ о браке Александра и Елены, где дан романтический образ этой супружеской пары³⁹. Автор подчеркивает восторг, с которым литовская шляхта встретила красавицу невесту, описывает надежду на прочный союз с московским

---

* Деспина — дочь деспота, как официально называли иностранные послы Софью.

государем, которую вселил этот брак. Не исключено, что заключение мира на первых порах удовлетворило какую-то часть православной шляхты. Великий князь Литовский, который вел постоянные войны с Крымом, мог также надеяться на мир в своих восточных владениях.

Очень скоро — в 1495–1497 годах — послы из Вильнюса уже ставят вопрос о помощи литовскому князю в войне против турок и татар: просят Ивана разорвать союз с татарами и валашским воеводой, на дочери которого был женат наследник Иван Иванович⁴⁰.

Однако новый отъезд православных князей из Литвы в Москву привел к обострению отношений между государствами и к военным действиям в пограничных районах. Литовские публицисты того времени с обидой писали, что Иван забыл о своем родстве с литовским князем, а Иван III использовал в качестве оправдания своего недовольства зятем новый предлог: по мнению московских дипломатов, Елену вынуждали принять католичество. Вновь появился повод вести военные действия. Исход решила битва при Ведроше (1500 г.), выигранная русскими войсками, после чего начались переговоры о признании за Россией завоеванных земель.

Иван III и Софья постоянно переписывались с дочерью; в первую очередь стоял вопрос о сохранении Еленой православной веры, как это было оговорено в союзе⁴¹. Еще перед отъездом в Вильнюс Елена получила четкие инструкции, как вести себя в вопросах веры, и даже получила запись, по которой всегда могла справиться, как ей поступать. В частности, если бы мать великого князя попросила ее сопровождать свекровь в костел, они должны были дойти вместе до порога, а внутрь костела Елена входить не должна. Любое принуждение Елены к принятию католичества, запрет свободно выполнять обряды вели к жестким посланиям из Москвы великой княгине и ее мужу. Позиция, занятая московским князем по отношению к вероисповеданию дочери, и само присутствие в Вильнюсе православной государыни усиливали позиции православной шляхты. А в последние годы жизни Александра фактически неограниченную власть приобрел князь Михаил Львович Глинский, принадлежавший к православной семье.

В 1503 году посредником в конфликте между Александром и Иваном выступил чешский король Владислав: в Москву приехало посольство с предложением от папы Александра VI вступить в общий союз против турок, помириться с литовским князем и покончить с войной⁴². Весной приехало посольство из Вильнюса с предложением заключить мир старому «докончанию». Елена по просьбе родителей должна была узнать, нет ли за рубежом подходящей невесты для ее брата Василия Ивановича или других сыновей Ивана III.

Налаживаемые отношения были прерваны смертью сначала Софьи Палеолог (1503 г.), затем Ивана III (1505 г.) и литовского князя Александра (1506 г.).

Александр умер вскоре после блестящей победы над татарами литовского войска во главе с Михаилом Глинским под Клецком. Эта же победа сделала Михаила Львовича почти народным героем, но и усилила противодействие литовских магнатов, опасавшихся, что при новом великом князе Сигизмунде Глинский сохранит свое влияние⁴³.

В результате политических интриг после смерти Александра Елена фактически была сослана в один из замков; Василий Иванович, беспокоясь о своей сестре, оставшейся вдовой, также искал союза с православной шляхтой. Приезд в Москву Михаила Глинского (1508 г.) во многом способствовал возобновлению военных действий, которые завершились завоеванием Смоленска⁴⁴.

Литовские документы позволяют проследить всю тайную дипломатию, сопутствовавшую отъезду Глинских. О решении православных дворян объединиться с Михаилом Львовичем, который после смерти Александра был лишен почти всех должностей, находился в немилости у нового литовского князя Сигизмунда, а также требовал королевского суда, чтобы восстановить справедливость, стало известно из доноса князю Константину Острожскому, одному из самых авторитетных православных политиков Литвы; после битвы при Ведроше он находился в плену в Москве. Константин, не вмешиваясь в заговор, следил за событиями. А Михаил Глинский в один из критических моментов военного выступления против великого князя Сигизмунда сам тайно и ненадолго приезжал в Москву к Василию, чтобы договориться об условиях приема к нему на службу⁴⁵.

В Русском государстве Глинские, как и выезжавшие раньше Гедиминовичи, стали служилыми князьями. В 1514 году после военных действий, во время которых Михаил Глинский организовал осаду Смоленска⁴⁶, город был взят. Но сам Михаил к этому времени решил вернуться в Литву и начал переписку с великим князем Сигизмундом. Эти переговоры были раскрыты, Глинский попал в заключение, где находился до 1526 года, когда великий князь Василий Иванович женился на его племяннице Елене Васильевне Глинской.

Взятие Смоленска привело к активным действиям литовских войск, которые закончились победой под Оршей, но дальше развить военный успех литовцам не удалось. Граница между Россией и Литвой, установленная после этого похода, просуществовала, почти не меняясь, до конца XVI века.

После взятия великим князем Смоленска переговоры — официальные между великими князьями и неофициальная переписка между боярами и панами — постоянно сводились к вопросу о том, кто должен владеть Смоленском. Посредником выступал и Сигизмунд Герберштейн — посол императора к московскому князю.

В миссию Герберштейна входила и личная просьба императора, который хорошо знал Михаила Глинского еще по его давней военной службе: император просил освободить Михаила из заключения и отослать в Вену⁴⁷.

В 1522 году между обоими государствами было заключено перемирие на шесть лет, позднее оно неоднократно подтверждалось.

В дальнейшем, вплоть до Ливонской войны, отношения между обоими государствами традиционно сводятся к порубежным конфликтам, грабежам купцов, просьбам о гарантиях для проезжающих через Литву гонцов. В 30-х годах XVI века литовские войска сделали попытку отвоевать Смоленск. Новое в 30–40-х годах — довольно частые отъезды в Литву опальных московских князей и бояр, а также еретиков, что связано с политической борьбой различных боярских группировок при дворе малолетнего Ивана IV. В это время основным направлением русской внешней политики становится восточное.

С русско-литовскими отношениями тесно переплетается еще один круг вопросов внешней политики — отношения со странами Балтийского региона⁴⁸; активные действия здесь начались в 90-х годах XV — начале XVI века.

С момента возникновения Русского государства одним из самых существенных для его государей был вопрос о балтийской торговле; он ставился еще в 1485 году перед папским двором. Вскоре после присоединения Новгорода и Пскова московское правительство стало считать себя преемником существовавшей веками торговли этих городов с Ганзой и стремилось само регулировать торговые союзы. Некоторые, издавна сложившиеся, международные связи Москва не трогала; до XVII века новгородские наместники принимали шведских гонцов и послов, обменивались с ними грамотами, заключали соглашения. Неоднократные обращения шведов с просьбами вести переговоры в Москве оставались без ответа.

Основные проблемы ганзейской торговли с Россией сосредоточивались на отношениях с Данией и Ливонским орденом (Пруссия), а политика ордена была тесно связана с польско-литовскими отношениями. Кроме того, русско-ганзейские отношения косвенно были направлены на ограничение новгородской независимости⁴⁹.

Включение Новгорода в состав Русского государства в XV веке было не единовременным актом, а растянувшимся почти на сто лет процессом, закончившимся в годы опричнины. Поэтому начавшиеся в XV веке отношения России со Швецией, Данией, позднее с Англией, где одним из основных вопросов всегда был вопрос о торговых привилегиях, во многом велись как бы сквозь призму отношений Москвы с Новгородом, которая стремилась ослабить экономические позиции этого города. Заключая в 1487 году договор с Ганзой, Иван III поставил целью изменить порядок торговли новгородцев: в Новгороде ликвидировались привилегии ганзейцев в торговле солью, медом, сукном. Для содействия русской торговле за рубежом вводился институт проводников, сопровождавших русских

купцов, а также давались гарантии безопасного плавания по морю⁵⁰. Этот договор показывал изменения в статусе Москвы для европейских правителей: впервые подобный договор был заключен не с Новгородом, а с Русским государством.

Борясь с привилегиями ганзейских купцов, Иван III в то же время укреплял свои отношения с Ливонским орденом, учитывая все изменения в отношениях ордена и Польши. Русское правительство рассматривало Ливонию и Ганзу как единое целое.

Присоединение к Москве Новгорода и Пскова потребовало новых торговых союзов на Балтике и ускорило войну с орденом. Поход русских войск на Ливонию в 1480–1481 годах прошел успешно для московского князя. После побед на землях Ливонии войско ушло, а в сентябре 1481 года было заключено перемирие на десять лет⁵¹. В ходе этой войны были заключены отдельные ливонско-псковский и ливонско-новгородский договоры, подтверждавшие условия более ранних союзов между этими государствами. Но в конечном счете действительным остался лишь договор с Москвой.

В противовес русскому интересу к балтийской торговле орден выдвигал территориальные вопросы.

В 1491 году для пролонгирования перемирия в Москву приезжал с посольством Симон Борх (Симион Варцмарь русских летописей)⁵². Длившиеся почти два года переговоры сводились к торговым вопросам: московский великий князь требовал гарантий для транзитных купцов, а также восстановления русской церкви в Ревеле. В 1493 году договор был продлен на десять лет.

Союз с Ливонией обеспечивал России хорошие торговые отношения с Ганзой, в чем Иван III был заинтересован, поскольку московский великий князь мог таким образом контролировать стабильные многовековые отношения между Новгородом, Псковом и ганзейскими городами⁵³. Однако вскоре началась новая война с Ливонией, а в XVI веке отношения с орденом приобрели несколько иной оттенок: на них все более сказывались отношения обеих сторон с Польско-Литовским государством. Именно невыполнение Ливонией условий договора 1503 года дало формальный предлог для начала Ливонской войны в 1558 году.

В 90-х годах XV века стали более активными переговоры с Данией. После заключения договора с Ганзой из Дании пришло посольство договариваться «о братстве», и в 1493 году Иван III заключил «докончание» с королем. Этот союз был направлен против Швеции, которая систематически нападала на корельские земли, старинные владения Новгорода, отошедшие к Москве⁵⁴. Кроме антишведской направленности отношения с Данией приобретали и оттенок борьбы с монополией ганзейской торговли, где союзником Дании выступала Англия.

В 1499–1501 годах произошел обмен посольствами между датским королем и Иваном III; в основном на переговорах выяснялись вопросы, связанные с русско-ливонскими отношениями. После смерти Ивана III контакты с Данией на какое-то время почти прекратились, хотя союз 1493 года подтверждался в 1506 и 1516 годах.

Новые переговоры с Данией начались в 1513–1514 годах, когда русские войска осаждали Смоленск. В это время в Россию пришло посольство нового датского короля Хрнстиерна II⁵⁵; ответное посольство из Москвы предложило королю заключить мирный договор-союз против Литвы и Швеции.

Позже других Прибалтийских стран, в 1510 году, Швеция заключила с Россией перемирие на 60 лет, которое затем неоднократно подтверждалось. Всю первую половину XVI века Швеция стремилась установить отношения непосредственно с Москвой; но даже посольство, приехавшее в Москву в январе 1537 года, чтобы задним числом поздравить Ивана IV со вступлением на престол и с просьбой подтвердить договор, было отослано в Новгород⁵⁶. Позднее, в 1553 году, король Густав Ваза также хотел напрямую вести переговоры с царем.

При всем нежелании принимать в Москве посольства из Швеции послания, которые Иван IV отправлял уже во время Ливонской войны шведскому королю, являются, наверное, самыми яркими среди других посланий царя. Иван IV показал себя остроумным автором, хорошо знающим историю Швеции, особенно генеалогию королев, обычаи двора⁵⁷. Уже сам по себе объем таких сведений говорит, что в Москве внимательно наблюдали и очень живо интересовались жизнью северного соседа.

Отношения России с орденом в первой четверти XVI века были связаны с иным кругом вопросов, чем в начале века. Взятие Смоленска в 1514 году стало большим успехом русских войск, и в 1516-м магистр ордена Альберт, очень не любивший поляков, предложил великому князю Василию Ивановичу заключить союз о дружбе; это предложение привез возвращавшийся из Вены русский посол Заболоцкий⁵⁸. А в 1517 году в Москву приехал с посольством Дитрих Шомберг. В ближайшие три года именно он станет вести все переговоры с Москвой. Посольство предложило заключить договор, направленный против Сигизмунда. Московское правительство, постоянно озабоченное вопросами балтийской торговли, требовало свободного проезда для русских купцов и послов через Пруссию. Шомберг просил, чтобы русское правительство финансировало войну ордена с Польшей; последнее соглашалось, но хотело дать деньги лишь после начала военных действий⁵⁹.

В апреле 1518 года деньги были посланы, их довезли лишь до Пскова, а там стали ждать, когда начнется война. Однако вместо военных действий летом того же года через посредников начались переговоры о мире Пруссии с Польшей.

На следующий год Шомберг опять приезжает в Москву, но с миссией от папы римского, который предлагал великому князю Василию корону, а также свое посредничество в переговорах с Польшей, с тем чтобы в дальнейшем заключить союз против турок. Из всех этих предложений великий князь согласился лишь на перемирие с Польшей, куда и отправил с посольством дворянина Константина Замыцкого.

Еще один круг международных проблем связан с отношениями России со Священной Римской империей германской нации. Чаще всего император выступал как посредник в русско-литовских или русско-ливонских переговорах с предложениями союза против турок; такие посольства из Вены обычно приходится на годы, когда ослабевают отношения России с папским двором.

В 1489 году посол императора Николай Поппель привез Ивану III предложение короноваться, а в 1490-м — просьбу выдать одну из великих княжен замуж за императора Максимилиана⁶⁰. Уже в первой грамоте императора Иван был назван «великим государем всея Руси». Великий князь отказался от короны, объяснив, что получил свою державу по наследству от предков, и подчеркнул, что и раньше русские государи имели союзы с прежними римскими царями.

Вопрос о сватовстве, как и в случае с князем Конрадом Мазовецким (несколько позднее, в 1493 г.), обсуждался долго и с трудом, так как московский князь требовал, чтобы его дочь при выходе замуж не меняла вероисповедания. Сватовство к дочерям великого московского князя говорило о растущем авторитете Русского государства на международной арене; с московскими князьями хотели породниться могущественные соседи.

В 1489–1493 годах, когда практически ежегодно шел обмен посольствами с императором, русское правительство, как всегда на переговорах с другими государствами, ставило вопрос о торговле. Московский посол Юрий Траханиот должен был пригласить в Россию мастеров и искать невесту для сына великого князя.

Император, посылавший в Москву частые и не всегда удачные посольства, надеялся на помощь литовских политиков, желая добиться включения России в антитурецкую коалицию. В начале XVI века Империя — союзник Польши — разочаровалась в позиции московского государя; посольства становятся редкими, в основном с посредническими целями — отпуск пленных, взятых во время сражений с Литвой⁶¹.

Война, начатая великим князем Василием Ивановичем с Литвой, чья политика на западе все более становилась единой с политикой Польши, привела к возобновлению связей Москвы с венским двором. Начало было положено посольством Михаила Львовича Глинского к Максимилиану, только что избранному императором (1508 г.).

Выбор посла был очень удачен, так как сам Максимилиан давно знал Михаила Глинского и, очевидно, дружески к нему относился⁶².

Регулярные посольства возобновились с 1514 года; в 1515-м московский государь в грамоте императора назван «императором». Интересы Вены в основном заключались в создании антиосманского союза, именно этот вопрос обсуждался в Москве почти каждым посольством из европейских стран, так или иначе втянутых в союз с Габсбургами⁶³. В 1514 году был заключен договор между Россией и Империей против Польши, который может рассматриваться как крупный успех русской дипломатии.

После заключения этого договора Габсбурги, урегулировав вопрос о венгерской короне, стремятся уговорить Россию заключить союз с Польшей, чтобы привлечь обе страны в антитурецкую коалицию. Этот новый проект не содержал прямых военных обязательств Империи, оставляя ей посредническую роль; он не удовлетворил московского государя, не признавшего пассивной роли Империи.

Среди послов императора в Россию наиболее известен Сигизмунд Герберштейн, оставивший популярное описание Русского государства. Именно его посольство наиболее ярко проливает свет на политику императора, связанную с интересами Польши и Литвы. И сам Герберштейн перед каждой поездкой подолгу жил в Вильнюсе, где не только получал информацию о России, но и согласовывал свои требования московскому князю с литовской стороной⁶⁴. Герберштейн также активно уговаривал великого князя заключить антитурецкий договор.

После 1522 года посольств из Империи уже не было.

Русские государи, не отвергая идеи союза христианских правителей против мусульманской Порты, в своих действиях были очень осторожны. Как и соседнее Польско-Литовское государство, русские южные окраины постоянно подвергались набегам крымцев — союзников Порты. Иван III охотно объявлял себя врагом турок при переговорах с императором, но такой союз привел бы к разрыву с Крымом, с которым у Москвы сложились устойчивые торговые отношения. Как написал еще в начале нашего века П. Пирлинг, в вопросе создания антитурецкой коалиции Иван III «несознательно применял систему невмешательства»⁶⁵.

В 20-х годах XV века для Москвы главным было выяснение обстановки о возможных новых союзах на западе и на востоке. В какой-то степени это оказалось связано с изменением отношений с Крымом и опустошительным набегом крымцев на русские земли в 1521 году, а также активизацией действий турецких войск в европейских странах. В это время были одновременно отправлены два русских посольства; в Испанию — Якова Полушкина и в Стамбул — Ивана Морозова⁶⁶.

В 90-х годах XV века отношения России с Испанией (непосредственные и косвенные) начались, когда Иван III пытался подписать договор о дружбе

и союзе с Максимилианом. Но интересы императора были направлены в сторону Польши и Чехии: надеясь создать антитурецкую коалицию, он тогда же заключил союз с чешским королем Владиславом Ягеллоном⁶⁷. Однако в 1493 году в своей грамоте Ивану Максимилиан признал за ним царский титул.

Русский посол в Турции И. С. Морозов должен был из разных источников — от официальных лиц до «сторонних людей» — получать сведения об отношениях Турции с Крымом, Литвой, Валахией, Венгрией — теми странами, связи с которыми у России возникли еще с последней четверти XV века и не отличались стабильностью.

Именно стремление сблизиться с европейскими государями привело к тому, что в 1528 году был возобновлен союзный договор с Империей (в Толедо, куда приехало русское посольство); этот договор оказал «сдерживающее влияние на ее (Империи. — *Авт.*) европейских недоброжелателей в критическое для нее время — в 1529 году турецкое войско держало в осаде Вену»⁶⁸.

У Русского государства возникали и эпизодические связи с европейскими странами, которые, тем не менее, оказали большое влияние на развитие русской культуры в конце XV века.

В 80-х годах сложился недолгий союз с Молдавией (Валахией), связанный с женитьбой наследника московского престола Ивана Ивановича на дочери валашского воеводы Елене Стефановне (1482 г.).

В середине 80-х годов положение Молдавии ухудшается, на ее территории совершают регулярные наезды турецкие отряды, и после 1485 года молдавский воевода ищет союза с польским королем.

Обмен посольствами между Москвой и Валахией возобновляется в начале 90-х годов. Именно в это время при московском дворе идет соперничество между двумя великими княгинями — Софьей и Еленой. Возможно, Елена искала поддержку при дворе отца⁶⁹.

В дальнейшем сын Елены, еще ребенком венчавшийся на московский престол, попадает в опалу, а после смерти Ивана III великим князем становится сын Софьи Василий Иванович.

В своих отношениях с Молдавией Россия во многом зависела от Крыма и Великого княжества Литовского, так как послы и гонцы из Москвы ехали через их территории; непосредственных границ у обоих государств не было. В переписке с ханом и великим литовским князем постоянно встает вопрос о выдаче охранных грамот русским гонцам «в Волохи».

Очевидно, династический брак между Иваном Ивановичем и Еленой Стефановной не внес ничего положительного в установление связей России с другими странами и в дальнейшем не имел последствий. А в 1512 году был заключен «особый договор» между Молдавией и Турцией, который иногда рассматривается как первый вассальный договор⁷⁰.

В конце XV века особняком, не вписываясь в контакты с другими странами, развиваются и отношения России и Венгрии; во многом это также было связано с политикой Габсбургов.

Первое посольство с предложением заключить мирный договор о дружбе пришло из Венгрии в Москву в 1487 году от короля Матвея Корвина. Вскоре с ответной миссией уехало русское посольство дьяка Федора Курицына⁷¹. Одной из задач этого посольства, впрочем как и многих других, было приглашение на русскую службу мастеров и ремесленников. Кроме того, посольство должно было узнать, нет ли союзного договора между венгерским и польским королями: Россия снова готовилась к войне с Литвой. На обратном пути посольство Федора Курицына было задержано и вынуждено какое-то время прожить в Крыму. Очередное посольство от короля приехало в Москву раньше возвращения русских послов.

Имя Федора Курицына известно не только по этой посольской миссии. Он был одним из образованнейших людей своего времени. Находясь в Будапеште, Курицын не только познакомился с новинками литературы и публицистики, но и составил собственный русский вариант популярных в Европе рассказов о деспоте Дракуле⁷². Притчи о Дракуле (его прототипом был живший в то время и прославившийся своей жестокостью Влад Цепеш) были широко распространены в разных странах. Короткие яркие рассказы скорее давали ответ на вопрос: каким должен быть государь? В притчах говорилось о суде, справедливом, но суровом, отношении государя к церкви, к своим советникам, стремлении искоренить в своем государстве воровство. Все эти проблемы государь решал жесткими методами, и со временем имя Дракулы стало ассоциироваться с дьяволом.

То, что посол московского великого князя собрал различные редакции таких рассказов, перевел их и составил собственное оригинальное произведение, говорит не просто об интересе к литературному творчеству, чужим нравам, но и о том, что русское общество тоже волновал вопрос, каким должен быть современный государь, как должны складываться его отношения с подданными, как он должен править и судить.

Вскоре после возвращения в Москву карьера Федора Курицына обрывается. Он был близок к кружку литераторов и политиков из окружения Елены Стефановны, и после того, как она попала в опалу, во время одного из процессов над «еретиками» его казнили⁷³.

Отношения России с Венгрией отразились и на ее связях с Империей. В 1490 году император Максимилиан стремился установить союз с Иваном III против Венгрии, в которой он видел свое законное наследие. И в этом же году русские послы, находясь проездом в Любеке, писали в Москву пространное послание о состоянии дел в Венгрии и борьбе за ее престол трех королей. Такое же известие было составлено и в следующем, 1491 году⁷⁴. Это интересовало Ивана III, так как на венгерский

трон претендовали Ягеллоны из династии литовских князей; политика Габсбургов здесь могла быть тесно связана с русской политикой в Великом княжестве Литовском.

Позднее венгерский король Владислав, брат польского короля Александра, выступит посредником между ним и Иваном III. На этом активные связи с Венгрией прерываются.

Особое место в русской внешней политике последних десятилетий XV века занимают отношения с папским двором; они не прорисовываются в самостоятельную линию, но постоянно присутствуют на заднем плане во всех контактах с католическими государями Европы.

Нельзя забывать, что первым существенным фактом выхода московского великого князя на международную арену было предложение папского двора вступить в брак с Софьей. Именно с 1469 года, раньше, чем с другими европейскими странами, начинается обмен посольствами с Римом⁷⁵. И это выделение московского князя среди других Рюриковичей могло сыграть определенную роль в выдвижении Москвы как центра объединения русских земель.

Не следует забывать, что Софья Палеолог сама активно занималась дипломатией; это отмечали все посещавшие Москву иностранцы. Даже Сигизмунду Герберштейну рассказывали о дипломатических интересах Софьи. Но здесь стоит отметить и еще один факт: Софья, выросшая в Риме, центре международной политики, была лучше московских политиков того времени знакома с дипломатическими нормами, этикетом, принятым при европейских дворах. И неслучайно среди первых русских послов, которые ехали в Рим и другие столицы, часто встречаются имена Траханиотов, Ралевых — греков, приехавших вместе с Софьей в Москву.

Среди задач, которые ставились русским послам в 80–90-х годах XV века и позже, были поиск и приглашение на службу мастеров и ремесленников, и Италия дала их больше, чем другие страны. Сейчас хорошо известны архитекторы, строившие каменные соборы и стены Кремля в Москве; но итальянским мастером был и гравер, делавший штемпель-матрицы для русских денег и, возможно, первой печати с двуглавым орлом. Путь этих людей в Россию был долгим и трудным, и свидетельство тому — украшенные итальянским мастером каменные двери дворца в Бахчисарае. В 1486 году крымский хан задержал у себя мастера, направлявшегося вместе с русским посольством в Москву, и отпустил его после долгих, настойчивых просьб великого князя.

В 80–90-х годах, когда у России были сложные отношения с Прибалтийскими государствами и шел интенсивный обмен посольствами с Римом, папские послы выступают посредниками в делах Ливонии. Естественно, что папский двор интересовало и волновало положение католического

ордена. В начале XVI века папа Александр VI выступил посредником в русско-литовских конфликтах.

С самого начала дипломатических связей с Римом, как и в отношениях с Габсбургами, важное место в них всегда занимал вопрос об антитурецкой коалиции. Кроме чисто практических целей — отражение походов турецких и крымских войск и свобода торговли на Средиземноморье, — которые преследовались многими государями Европы, здесь присутствовал и вопрос веры. Для папского престола борьба с Портой была борьбой с мусульманским миром, в какой-то степени продолжением традиций, заложенных крестовыми походами.

Но Россия, поддерживая идею антитурецкой коалиции, не шла на заключение каких-либо конкретных договоров, и это в конечном счете ослабило интерес к ней как папы, так и императора.

Наличие большого количества православного населения на землях католической Литвы еще в XV веке поставило вопрос о сближении двух церквей, результатом чего и стала Флорентийская уния. Но русская церковь, как и ряд литовских иерархов, отвергла ее. Кстати, одним из авторов унии был кардинал Виссарион, воспитатель Софьи и ее братьев, основной инициатор брака Софьи и Ивана⁷⁶. Для папского престола вопрос о сближении католической и православной церквей всегда оставался актуальным, престол использовал его для поддержки восточных католических государей и для расширения сферы своего влияния.

Одним из доказательств интереса папы римского к делам православной церкви было то, что в конце XV века, когда в Новгороде шли процессы над еретиками и горели костры, на земли соседнего ордена приехали представители инквизиции, внимательно следившие за этим судом.

Позднее, когда у посла из ордена Шомберга после длительного пребывания в Москве сложилось мнение, что великий князь Василий Иванович склоняется к унии, в Россию тотчас была отправлена булла (ее привез в 1518 году имперский посол Франческо да Колла, которого сопровождал папский легат Антоний де Конти), где великому князю предлагалось перейти в лоно католической церкви и участвовать в крестовом походе против турок⁷⁷. Переговоры снова свелись к вопросам русско-литовских отношений и завершились заключением перемирия на один год.

Поэтому, когда стала ясна степень участия (или неучастия) России в антитурецком союзе, основной задачей послов из Рима (иногда эту роль брали на себя послы из ордена или от императора) было выяснение роли русской церкви в жизни государства: миссионерская деятельность на соседних территориях, обучение православной вере, выявление наиболее популярных в России имен Отцов Церкви, степень знакомства с их трудами и т. д. Такие донесения, чаще относящиеся ко второй половине XVI века, являются ценным источником духовной жизни россиян.

Непосредственные контакты с папским двором, как и с императором, замирают в середине 20-х годов XVI века.

Основным вопросом, уходящим своими корнями в события XIII–XIV веков и в значительной мере влиявшим на отношения России с европейскими странами, был восточный вопрос. Для Русского государства он складывался из отношений с Крымом, Казанью, Нижним Поволжьем, где жили ногаи, и Турцией.

С середины 70-х годов XV века и на протяжении трехсот лет в Крыму обосновывается династия Гиреев, и русско-крымские отношения становятся одним из ведущих факторов внешней политики Москвы.

О том, какое серьезное значение московские великие князья придавали отношениям с Крымом, говорит хотя бы то, что крымские дела стали записываться отдельно и заноситься в специальные посольские книги на тринадцать лет раньше, чем литовские, — с 1474 года⁷⁸. Посольства в Крым направлялись регулярно каждый год с 1482 года; иногда отправлялось несколько посольств в год, а с 90-х годов в Крыму образовалось подобие постоянного представительства: русский посол находился там полтора-два года, затем его сменял другой. И спектр вопросов, обсуждавшихся этими посольствами, был шире и стабильнее, чем у посольств в европейски государствах.

В 80-х годах Иван III успешно пользуется в своих интересах ссорами между различными политическими группами вокруг отдельных представителей семьи Гиреев. В целом он поддерживал союз с Крымом и мир на южных границах, что давало возможность московскому князю завершить присоединение русских княжеств к Москве.

Русские князья в XV веке вообще стремились сохранять постоянный союз с Крымом, вопрос о подтверждении такого союза практически ставился каждым посольством⁷⁹. В крымских посольствах, кроме того, постоянным был вопрос о союзе против польского короля и великого князя литовского Казимира. Менгли-Гирей и Иван III также внимательно следили за отношениями соседа с царем Ахматом. В 1480 году они даже заключили союз против Ахмата, и Менгли-Гирей (если Ахмат начнет войну с Иваном III) должен был выступить «на Ахмата царя с великим князем, как един человек»⁸⁰. Но этого не произошло. Казимир пропустил войско Ахмата на литовскую землю, «стояние на Угре» закончилось победой русских войск, а в 1481 году Ахмат умер.

Через Крым велась активная торговля, в которой была заинтересована Россия; и ханы Гиреи, используя этот интерес, пытались контролировать отношения Ивана III с другими правителями.

Политика Крыма по отношению к России меняется после «стояния на Угре», то есть после свержения монголо-татарского ига: нет такого

жесткого требования отказаться от союза с Казимиром, и круг взаимных интересов становится шире. Крым активнее участвует в русско-турецких отношениях. В 1486 году Иван III благодарит Менгли-Гирея за то, что последний выкупил у султана посольство Федора Курицына; с этим же посольством должны были приехать в Россию мастера — пушечник и каменщик, нанятые в Италии. Кроме того, русские послы выясняли через крымцев возможности союза с Турцией. Ивана интересовало, «каковы дружбы со мною захочет турский»⁸¹. Этот возможный союз беспокоил и Литву; в 1493 году литовцы не пропустили турецкого посла в Москву.

С 1480 года через Крым ехали гонцы в Валахию сватать Елену Стефановну за русского наследника Ивана Ивановича. Причем, как и позднее в переговорах с Литвой, первоначальное сватовство было неофициальным, его вела дочь Ивана Юрьевича Патрикеева Федка. Иван Юрьевич Патрикеев в это время ведал отношениями с Великим княжеством Литовским.

В это время и позже русских послов и гонцов особенно интересовали отношения между Крымом и Литвой. Пока крымский хан по просьбе Ивана III совершал набеги на киевские и подольские земли, московский князь готовился к войне с Казанью. К походу относились серьезно, артиллерией ведал итальянский зодчий Аристотель Фиораванти⁸². В 1487 году Казань была взята, но эта победа не привела к включению ее в состав Русского государства; русское войско сразу ушло, посадив на трон царя Эмина (Аминь царя), пасынка Менгли-Гирея⁸³.

В 80-х годах на русскую службу приходят крымские царевицы, поссорившиеся с ханом, и Иван III ставит это себе в заслугу. Один из них — Нур Доулам (Нурдаулет) — в 90-х годах обосновался в Касимове.

В это же время у московского князя устанавливаются дружественные отношения с ногаями, которые в 1489 году присылают послов с просьбой заключить с ним союз. Это также волновало крымского хана. Стабильные отношения с Ногайской Ордой давали возможность иметь в Москве достаточно объективную информацию о событиях в Крыму и, соответственно, направлять свою дипломатию.

В 1490–1492 годах в Москве были посольства из Чегодая и от грузинского царя Александра, происходили единичные контакты России с Кавказом и Средней Азией⁸⁴. О более стабильных отношениях с такими дальними странами говорить еще рано. Путь в эти страны лежал через земли казанских и крымских татар, а ведь и постоянный обмен посольствами и гонцами с Крымом иногда прерывался, все это делало посольства тутда небезопасными.

Самым большим достижением восточной политики конца XV века было посольство Михаила Плещеева к турецкому султану (1496–1497 гг.). В Москве посол получил четкие инструкции, как себя вести: добиваться признания титула Ивана III «государь всяя Руси», ни в коем случае на

приемах не преклонять колени, не общаться с пашами, а только с самим султаном. Цель посольства: узнать обстановку и попытаться наладить торговые отношения. П. Пирлиг подробно описал это посольство. Ми-хаил Плещеев — «молодой человек лет 35, полный презрения и редкого упорства». «Паши и визири внушали ему посредственное уважение», что дало автору повод назвать его «предтечей Меншикова»⁸⁵. Судя по отзывам крымских послов, Плещеев действительно держался твердо: «Мне с пашами речи нет, яз пашино платье не вздеваю, мне царев человек не надобе...»⁸⁶.

В 1514 году в Москву приехало турецкое посольство. С турками никаких договоров не заключали. Это и последующее посольства скорее были знакомством и взаимным выяснением возможностей дипломатических связей и торговли⁸⁷. Естественно, турецкое правительство знало о попытках европейских государей втянуть Россию в антитурецкую коалицию и выясняло, насколько такой союз реален. Россия уже в 20-х годах XVI века, когда обострились отношения с Крымом, пыталась воспользоваться авторитетом Турции у крымских ханов, чтобы как-то оградить свои южные земли от постоянных набегов.

Устойчивая восточная торговля России с Турцией вела к тому, что, несмотря на конфликты и войны с союзниками Порты, отношения с ней самой у России до середины XVII века были достаточно мирными.

К 20-м годам XVI века намечается новый этап отношений Москвы с Крымом и Казанью. Эти государства — иногда в союзе с Литвой — начинают совершать набеги на южные границы Русского государства. Один из них был в 1515 году⁸⁸, и поехавший в Турцию в том же году русский посол должен был говорить с султаном, чтобы тот заставил Крым воздержаться от таких набегов.

Нейтрализация Крыма была важна для московского князя, чтобы вести активную политику в Казани. В 1515 году умирает Менгли-Гирей, с которым сложились более или менее стабильные отношения; на трон вззошел Мухаммед-Гирей, враг России, организатор недавнего похода на ее южные окраины.

Переговоры с новым крымским ханом о заключении союза шли медленно: Мухаммед-Гирей требовал отдать Крыму южные города, а Смоленск вернуть Сигизмунду⁸⁹. Сложившийся союз с великим литовским князем он соглашался разорвать лишь в том случае, если Москва будет помогать Крыму войсками в походах против ногайцев. А у Василия Ивановича с ногайцами были дружественные отношения.

Хотя крымские войска в последующие годы регулярно нападали на русские земли, борьба различных группировок при дворе хана вела к тому, что Мухаммед-Гирей не прерывал переговоров с Василием Ивановичем, сменившим Ивана III на московском престоле в 1505 году, но и не подписывал договор. Интриги Гиреев в Крыму дали возможность московскому

князю Василию посадить на казанский престол царя Шах-Али (Шигаля), что фактически учреждало протекторат Русского государства над Казанью.

При продолжающейся внутривосточной борьбе в Крыму Мухаммед-Гирей все же заключил договор с литовским великим князем Сигизмундом, одним из пунктов которого была совместная деятельность против московского великого князя.

В 1521 году обстановка вновь переменилась: казанцы выгнали Шах-Али и посадили на трон приехавшего из Крыма Сахиб-Гирея, брата Мухаммед-Гирея. Летом этого года произошел самый опустошительный набег на русские земли: отряды крымского хана подошли к Москве. По записям, сохранившимся в некоторых источниках, его воины пили мед из царских погребов села Воробьева⁹⁰. Василий покинул Москву, но крымское войско быстро ушло, узнав, что к столице идут новгородские и псковские полки.

В это время Казань и Крым, соединенные тесным союзом, стали главными врагами Москвы. Однако Мухаммед-Гирей направил свои силы на борьбу с Астраханью. В 1523 году крымский престол занял его сын Саадат-Гирей, с которым московский князь повел более твердую политику в вопросе о Казани. Примерно до 1533 года русско-крымские отношения были относительно спокойными.

В Крыму это была эпоха серьезных внутривосточных потрясений, связанных с борьбой за престол Ислам-Гирея и Саадат-Гирея. Внутренняя слабость Крыма предоставляла возможность для русской дипломатии вести переговоры, хотя враждебная по отношению к Русскому государству политика правящих кругов Крымского ханства не была преодолена, а лишь притуплена на некоторое время.

На протяжении всего длительного царствования хана Сахиб-Гирея (1532–1551 гг.), свергнувшего Ислам-Гирея I, агрессивность Крыма неуклонно возрастала, что было связано с дальнейшим развитием процессов установления русского господства в Нижнем и Среднем Поволжье. Однако этот процесс развивался постепенно, и русско-крымские отношения прошли в 30–50-х годах XVI века через ряд этапов. В 1533–1537 годах ухудшение русско-крымских отношений еще не приняло необратимого характера и была возможность сдерживать крымскую угрозу дипломатическим путем. В 1538 году антирусские тенденции принимают в политике Крымского ханства более определенные очертания. Вырисовывается плавное требование Крыма — отказ Москвы от борьбы за Казань. Русская дипломатия (миссия Т. Бражникова, Г. Совина, И. Мяснова, В. Квашина) уже не в состоянии политическим путем сдерживать крымскую угрозу.

Крым переходит к вооруженной борьбе, кульминацией которой становится известный поход 1541 года крымцев на Русское государство. Однако период 1538–1541 годов наряду с прямой вооруженной конфронтацией Крыма с Русским государством характеризуется сохранением интенсивных

дипломатических связей. Хан Сахиб-Гирей, проводя военное давление, не упускает возможности политического диалога, о чем свидетельствуют миссии в Москву Дивин-мурзы, князя Сулеша и Тогалды-мурзы в 1538–1540 годах, а также посольство в Крым А.Б. Федцова. Провал прямой агрессии в 1541 году вынуждает хана вновь прибегнуть к политическому диалогу, и в 1542–1545 годах наступает период временной относительной нормализации русско-крымских отношений, связанной с миссией в Крым князя А.И. Кашина-Оболенского и длительным пребыванием в Москве князя Салимши. И наконец, 1545 год открывает период длительной конфронтации с Крымом, совпавший с войной за Казань, то есть с борьбой за присоединение к Русскому государству Среднего Поволжья⁹¹. Успешное решение казанской проблемы Москвой, совпавшее с очередной сменой хана в Крыму (1551 г.), когда там воцарился Девлет-Гирей, открывает период небывалой по масштабам во всей истории русско-крымских отношений военно-политической конфронтации между двумя государствами. Этот период связан с пребыванием в Крыму русского посольства В.П. Борисова и затем с миссиями Аф. Шубина, Н. Козаринова, А. Щепотьева на рубеже 40–50-х годов, о которых, к сожалению, практически отсутствуют исторические источники из-за гибели относящихся к этому периоду материалов посольской документации⁹².

С 20-х годов главной задачей для русской дипломатии становится обеспечение условий для успешной борьбы России за Среднее Поволжье. В 1523 году состоялся первый поход на Казань, в котором принял участие бывший казанский хан, владевший в это время Касимовым, Шах-Али; русское правительство строило новые города — плацдармы для будущих войн с Казанским царством⁹³.

Дальнейшие тридцать лет и правительство Василия Ивановича и его сына Ивана IV ведут по отношению к Казани единую политику: по возможности стараются держать на престоле своего ставленника, если же это невозможно — начинают новые походы. Проведение такой линии осложнялось отношениями с Крымом, ногайцами.

Союз с последними давал русским купцам возможность торговать с Востоком через Астрахань; но Крым также стремился установить здесь свой контроль. В то же время войны крымцев с ногайцами позволяли русскому правительству активнее действовать в Казани. Правда, все это затрудняло проведение активной политики в Европе.

В то же время в 40-х годах московские публицисты все чаще пишут о необходимости завоевания «подрайской земли» на Волге, чтобы обеспечить владениями русских воинов, расширить для царя социальную опору⁹⁴. В этих произведениях звучала идея необходимости защитить православное население пограничных районов от «неверных». Тяготы татарского ига были еще свежи в памяти.

Обстоятельства начала борьбы Русского государства за Казань многократно описаны в исторической литературе. Поэтому мы остановимся только на внешнеполитических условиях решения Москвой казанского вопроса. Десятилетнее правление в Казани хана Сафа-Гирея (1535–1546 гг.) знаменовало торжество так называемой «восточной партии», то есть сторонников тесного союза с Крымом, а также частично с ногайскими мурзами антимосковской ориентации при покровительстве Османской Порты. Таким образом, проводившаяся на протяжении длительного времени политическая линия Москвы в отношении Казани, направленная на установление там дружественного правительства, исчерпала себя. Это наглядно подтвердили события 1546 года, когда Москва, воспользовавшись смещением Сафа-Гирея, вновь посадила на казанский престол своего ставленника Шах-Али. Провал этой попытки показал не только силу антимосковских настроений в Казани, но и заинтересованность Крыма и стоящей за его спиной Османской Порты в ликвидации самой возможности установления московского протектората над Казанью.

Именно тогда и произошел давно назревавший перелом в московской политике: от идеи сохранения ханства во главе с московским ставленником русские правящие круги перешли к планам его полной ликвидации. Столкнувшись с трудностями при открытых столкновениях с казанцами во время походов 1549 и 1550 годов, русское правительство пересмотрело и свои военные планы, и политическую программу. Если в военном отношении был принят план постепенной блокады ханства, захвата всех его речных путей, то в политическом плане было принято решение вновь попытаться посадить на казанский престол русского ставленника.

Династическая ситуация в Казани после смерти хана Сафа-Гирея в 1549 году благоприятствовала таким планам. Особое значение имеет факт, что крымский хан Сахиб-Гирей, опасавшийся сыновей умершего Сафа-Гирея, не отпустил их в Казань. Вообще династические распри в роду Гиреев, приведшие в итоге к перевороту в Крыму в 1551 году, сыграли для Москвы исключительно важную роль⁹⁵. Антимосковская крымско-ногайская коалиция так и не была создана, в Казани не возникло сильного правительства. Все это привело к падению правительства регентши Сююмбеки и к водворению в Казани русского ставленника Шах-Али. Теперь падение Казани стало вопросом времени. Бегство Шах-Али и водворение в Казани представителя астраханской династии Едигера уже не могло изменить ситуацию.

* * *

Восстановление молодым Русским государством ослабленных в годы ордынского ига международных связей в Европе встретили с большим вниманием. В России, веками страдавшей от татарских набегов, видели союзницу для борьбы с Османской Портой: предложения вступить в антиосманскую

коалицию постоянно звучали из уст послов самых разных европейских правителей. Но московские государи твердо проводили свою линию, направленную на укрепление государства, расширение территории, пока — за счет земель с русским населением, и расширение торговых и культурных связей.

Главным для них были отношения с Крымом, сохранение стабильных торговых отношений со странами Востока и охрана южных и восточных границ. На западе центральными оставались отношения с Великим княжеством Литовским, и через него шли посольства и подписывались договоры со странами Прибалтики, удаленной католической Европой.

Основным достижением русской дипломатии XV века следует считать восстановление культурных связей с европейскими странами, прерванных во времена татарского ига. Мастера и ремесленники из Европы, владевшие современными технологиями, знакомство с литературой и публицистикой соседних стран, поток переводной литературы, который хлынул в Россию именно в конце XV века, — все это позволило молодому государству не только довольно быстро приобщиться к европейской культуре, но и накопить потенциал для развития собственной.

Более интенсивным связям России с европейскими странами мешали сложные отношения с восточными соседями — это не только постоянная угроза разрушительных походов из Крыма и Казани, через эти земли в Россию могли не пропустить купцов и посольства других стран, если собственные отношения Крыма с Русским государством были недостаточно дружественными. Кроме того, Крым при содействии Порты мог влиять на отношения России с Великим княжеством Литовским.

Заклячая договоры и устанавливая контакты с другими странами, Россия решала собственные проблемы и не давала себя втянуть в крупные международные коалиции, направленные против Порты. В этом сказывалась мудрость русских политиков, но и это же вело к ослаблению интереса к России государей других стран.

С середины 20-х годов XVI века прекращаются многие из налаженных ранее связей, и с этого же времени Русское государство начинает заниматься в основном решением для себя восточного вопроса. Не исключено, что такое падение интереса связано с личностью Василия Ивановича, который как политик во многом уступал своему энергичному отцу. С Русским государством, как выяснилось, было трудно заключать династические браки: камнем преткновения становился вопрос веры. И вообще вопрос веры играл в то время большую роль в международных связях, которые во многом контролировались папским двором. Но при всем нежелании Москвы обсуждать проблему сближения двух церквей именно она была закулисной стороной во многих международных контактах России; надежда объединить церкви не оставляла папский престол с момента заключения брака между Иваном III и Софьей.

Глава III. Внешняя политика Ивана IV Грозного

В истории внешней политики России 50–80-е годы XVI века по праву занимают особое место как время серьезных успехов и вместе с тем крупных неудач. После присоединения в 1552–1556 годах огромных территорий Поволжья — Казанского и Астраханского ханств — приоритетной для внешней политики страны становится проблема Крыма, отношения с которым приобретают характер перманентной военно-политической конфронтации. Активизация внешней политики страны на южном направлении происходит в условиях сохраняющейся неопределенности в отношениях с западным соседом России — Польско-Литовским государством. Но уже через несколько лет во внешней политике страны происходит крутой поворот. В 1558 году Русское государство вступает в борьбу за Прибалтику. Начавшаяся Ливонская война вскоре вылилась в крупный военный конфликт с сопредельными европейскими государствами — Польшей, Литвой, Швецией. Решение балтийской проблемы тесно переплелось с вопросом о включении в состав Русского государства древнерусских земель, находившихся под властью польских королей и великих князей литовских, — едва ли не основной внешнеполитической задаче московских государей с конца XV века. Вместе с тем с началом Ливонской войны крымский вопрос не был снят с повестки дня. 25-летняя борьба с сильными для того времени государствами Европы за наследство распавшегося Ливонского ордена осложнялась для России постоянной угрозой с юга. Эта угроза выразилась не только в фактически непрерывных крымских набегах в 1558–1573 годах, но и в прямом военном столкновении с могущественным «сюзереном» Крыма — Османской империей. Поход турок на Астрахань 1569 года открыл новую страницу истории русско-турецких отношений. Наконец, в 1571 и 1572 годах орды хана Девлет-Гирея I появляются под самыми стенами русской столицы. Отражение крымско-турецкой агрессии потребовало напряжения всех сил Русского государства, препятствуя тем самым решению балтийского вопроса. В итоге русской дипломатии так и не удалось разорвать кольцо враждебных сил и вывести страну из состояния дипломатической изоляции. Ливонская война была проиграна.

Перед исследователями внешней политики России уже многие десятилетия стоит вопрос: было ли это объективным итогом невыполнимости задач, поставленных Иваном Грозным перед внешней политикой страны, или следствием его собственных ошибок и просчетов, а может быть, как у нас принято было считать долгие годы, выполнить эти задачи помешала борьба внутри правящих кругов Русского государства вокруг приоритетов внешней политики?

1. Внешняя политика России в период присоединения Нижнего и Среднего Поволжья

Закрепление территорий бывших Казанского и Астраханского ханств. 2 октября 1552 года русские войска после ожесточенного штурма взяли Казань и тем самым положили конец существованию в течение почти 112 лет (1438–1552 гг.) этого крупного татарского государственного образования в Среднем Поволжье. Казанский вопрос играл важнейшую роль во внешней политике России на протяжении трех царствований московских государей: Василия II, Ивана III и Василия III, и молодой царь Иван IV мог по праву гордиться своей победой, которая действительно стала одной из наиболее ярких страниц его драматического правления. Завершившаяся взятием Казани война была тринадцатым военным конфликтом между Москвой и ее ближайшим соседом (в 1439, 1445, 1467, 1478, 1487, 1505, 1521, 1523, 1530, 1536, 1545, 1549, 1550–1551 гг.), а осада Казани русскими войсками стала уже пятой по счету¹.

Однако ликвидация Казанского ханства не только не облегчала положения Русского государства, но и создавала для него новые проблемы. Отныне на протяжении долгих десятилетий борьба русской дипломатии за признание необратимости присоединения Среднего, а затем и Нижнего Поволжья к Русскому государству стала главнейшей задачей для внешней политики на южном направлении. Политика включала сношения с сопредельными татарскими государствами — Ногайской Ордой, Крымским ханством, а также с Османской империей — первоклассной военной державой того времени, находившейся в зените своего могущества и, как полагали многие исследователи, призванной защищать «мусульманские юрты» на территории Восточной Европы².

Напомним, что правившие в Казани с перерывами с 1521 по 1550 год представители крымской династии Гиреев опирались на враждебную Москве часть казанской знати и явно держали курс на союз с Крымом и признание над Казанью протектората Османской Порты, то есть стремились поставить Казань в положение, аналогичное Крыму. В известной степени это удалось достигнуть хану Сахиб-Гирею в начале 20-х годов, накануне войны 1524 года, когда турецкий посол в Москве князь Искандер Мангупский сделал официальное заявление правительству Василия III о том, что отныне Казань является «юртом» Османской империи. Русская дипломатия на протяжении долгих лет вела борьбу за влияние в Казани, но ей так и не удалось нейтрализовать тенденцию рассматривать Казань как «юрт» Порты. Само присутствие на казанском престоле династии Гиреев — «вассалов» султана — сохраняло возможность для Порты «назначить» казанского хана.

Большую угрозу в Москве видели в наличии устойчивых династических связей казанских ханов с ногайскими мурзами, в целом еще враж-

дебными Москве. Таким образом, русская дипломатия должна была бороться за закрепление за Москвой вновь завоеванных территорий Казанского ханства. Особая сложность заключалась в том, что Москве одновременно приходилось усиливать свое влияние в Астраханском ханстве, а затем и начать борьбу за его присоединение.

С падением Казани вооруженная борьба против Москвы в Среднем Поволжье далеко не завершилась. Один за другим на территории бывшего ханства появлялись претенденты на казанский престол, пользовавшиеся поддержкой враждебных Москве внешних сил.

Уже в 1553 году в Казанской земле началось крупномасштабное антирусское восстание во главе с одним из бывших казанских правителей³. Восставшие предприняли попытку пригласить в Казань «на княжение» нового правителя из числа ногайских мурз. Им должен был стать мурза Мухаммед, сын нурадина Исмаила, брата и соправителя бия («князя») Ногайской Орды Юсуфа. Восстание представляло серьезную угрозу, поскольку происходило на фоне продолжавшихся с 1551 года планов Порты сколотить антимосковскую коалицию в составе Крыма, Астрахани и всех враждовавших между собой ногайских мурз.

Основой коалиции должен был стать Крым, где весной 1551 года воцарился новый хан Девлет-Гирей I. Уже в 1551 году, после того как стало известно о водворении на казанском престоле московского кандидата Ших-Али (Шигалея), специальный посланец султана Ахмед-чавуш посетил Крым, где заручился твердыми обещаниями нового хана начать решительную борьбу с Москвой, и затем отправился к ногайскому бию Юсуфу и нурадину Исмаилу. Однако это посольство не достигло успеха. Русская дипломатия сумела, сыграв на противоречиях между Исмаилом и его братом и соперником в борьбе за власть над ногаями бием Юсуфом, предотвратить присоединение Исмаила к антимосковской коалиции. Подвластные Исмаилу ногаи не приняли участия в походе Девлет-Гирея I на Русское государство в 1552 году, как это предполагали в Стамбуле и Бахчисарае.

Не достигли успеха и планы Порты и Крыма привлечь Астрахань к антимосковской коалиции. В 1551 году хан Ямгурчей «бил челом» на службу московскому царю. Но уже в начале 1552 года Девлет-Гирей I сумел склонить астраханского хана на свою сторону. Русский посол в Астрахани был задержан и ограблен. Девлет-Гирей I после провала своего летнего похода и падения Казани стал при активной поддержке турок спешно переправлять в Астрахань вооружение и артиллерию. Казалось, что борьба за Нижнее Поволжье в условиях шаткого положения русских во вновь присоединенных землях принимает неблагоприятный для Москвы оборот. Но русская дипломатия сумела весьма успешно воспользоваться новыми обстоятельствами, предложив Исмаилу посадить

на астраханский престол «царевича» Дервиша, его ближайшего родственника. Кандидатура Дервиша была приемлема для Москвы: Дервиш еще в октябре 1551 года был прислан Исмаилом в Москву «бить челом об астраханском юрте». Временно ему был дан Звенигород, но с обещаниями «по времени его юрта ему доставити». Еще в начале 1552 года, накануне выступления в поход на Казань, Иван IV уведомил Исмаила о своем твердом желании посадить Дервиша на астраханский престол. Это сыграло определенную роль в отказе Исмаила от предложения Девлет-Гирея I принять участие в походе на Русское государство, которое было ему передано крымским посольством весной 1552 года. Теперь, в начале 1553 года, Грозный вновь сообщил Исмаилу о своем намерении «делать астраханское дело». В этих условиях Исмаил категорически запретил своему сыну принимать предложения восставших казанских людей стать новым правителем.

Однако отказ Исмаила от участия в антимосковской коалиции не отражал намерений всех ногайских мурз. Его брат и соперник бий Юсуф, связанный к тому же родственными узами с казанскими Гиреями, был опасным противником Москвы. Противоречия между ним и братом не только носили личный характер, но и определялись противоречивыми политическими интересами. Часть Ногайской Орды (правое крыло), подвластная Исмаилу, кочевала у Волги и постоянно сносила с Москвой по делам как торговым, так и политическим. Исмаил был более восприимчив к союзным отношениям с Москвой, хотя первые попытки привести его к «шерти»* Ивану IV, предпринятые в 1552 году, окончились неудачей. Юсуф, кочевья которого были вне прямой досягаемости Москвы, был озабочен перспективой перехода под русский контроль всего Поволжья. Поэтому весной 1552 года крымское посольство нашло у него благоприятный прием. С большим трудом Исмаилу удалось предотвратить участие своего брата в походе Девлет-Гирея I. Однако летом 1553 года в Сарайчике Исмаил не смог помешать поддержке Юсуфом просьбы посольства казанских повстанцев во главе с беком Кули о призвании ногайского мурзы Али-Акрама на казанский престол. Правда, Исмаилу удалось предотвратить отправление к повстанцам сына Юсуфа Али⁴. Вскоре новый претендент на казанский престол со значительным ногайским отрядом прибыл в свою новую столицу — город Чалым, в 160 верстах от Казани вверх по течению Волги.

Формальное восстановление казанской государственности представляло серьезнейшую угрозу для Русского государства. После прибытия Али-Акрама восстание в казанских землях усилилось. Юсуф собирался осенью 1553 года вторгнуться в южные пределы Русского го-

---

* Шерть — присяга на верность договору.

сударства. Однако поход не состоялся. Исмаилу удалось поднять против брата других ногайских мурз, и Юсуф не решился покидать свою столицу Сарайчик. К тому же ожидаемый летом 1553 года поход Девлет-Гирея I на Русское государство не состоялся. В Москве были уверены, что хан повторит прошлогодний поход. 2 июня Иван IV сам со значительными силами двинулся к Коломне, но вскоре пришли известия о том, что хан двинулся в поход на Черкесию, и 16 августа царь вернулся в Москву.

Москва получила время, необходимое для подавления восстания в Казанской земле. Летом 1553 года состоялись карательные экспедиции, а в сентябре в Казанскую землю двинулись крупные русские силы, ранее предназначавшиеся для отпора крымцам. Зимой 1553/54 года основные очаги восстания были локализованы в результате беспримерных по размаху карательных акций. Однако положение оставалось неустойчивым. Летом 1554 года восстание возобновилось. В Москве, очевидно, решили, что медлить с решением астраханской проблемы далее нельзя. Весной 1554 года спустившиеся Волгой на судах русские войска посадили на престол в Астрахани Дервиш-Алея. Однако это не решило вопроса о судьбе вновь присоединенных территорий Среднего Поволжья. Изгнание из Астрахани Ямгурчя обострило положение в Ногайской Орде и привело к консолидации всех антимосковских сил. Бежавший первоначально в Тюмень Ямгурчей очень скоро оказался в Азове. При активной поддержке Девлет-Гирея I осенью 1554 года был подготовлен поход на Астрахань, в котором помимо крымцев участвовал и отряд турецких янычар. К походу присоединились ногайцы Казы-мурзы (так называемая Малая Ногайская Орда, кочевавшая под Азовом) и бежавшие к нему ногайские мурзы, сыновья Юсуфа. Активное участие враждебных Исмаилу ногайских мурз было следствием неуклонно расширявшихся его связей с Москвой. Поход закончился неудачей, но показал, что «астраханское дело» еще далеко не завершено.

Иван IV был лишен возможности отправить в Астрахань крупные военные силы: 1554 год прошел под знаком ожидания крупного похода Девлет-Гирея I на Русское государство. Однако хан вынужден был идти «на дальних черкас» — последовал очередной поход в Кабарду. Следует отметить, что к этому времени военное давление со стороны Крыма на народы Западного Кавказа, прежде всего на адыгов, превратилось в крупномасштабное наступление, что отчасти препятствовало военному давлению на Русское государство. При этом уже начался процесс установления союзных отношений Москвы с Кабардой против общего грозного противника.

Дальновидная политика поддержки сил, враждебных Крыму, была серьезной удачей русской дипломатии.

Однако события следующего, 1555 года крайне неблагоприятно отразились на ходе военно-политической борьбы Русского государства за закрепление вновь покоренных территорий Среднего Поволжья. В этом году состоялся давно ожидаемый поход на Русское государство хана Девлет-Гирея I, который завершился тяжелым поражением русских войск под командованием И.В. Шереметева в битве при Судьбищах.

Одновременно крымские «царевичи» вновь предприняли, с участием турецких янычар, поход из Азова на Астрахань. Астраханский хан Дервиш-Алей к концу года изменил Москве. Это было связано с бурными событиями в Ногайской Орде, где долголетний конфликт между Юсуфом и Исмаилом завершился победой последнего. Исмаил после гибели брата стал бием — верховным ногайским правителем. Но именно это обстоятельство и привело к разрыву его с Дервиш-Алеем.

Перед русским правительством вновь встала проблема Астрахани. Исмаил предлагал на астраханский престол новую «кандидатуру» — «царевича» Кайбуллы, но в Москве отказались от идеи восстановления вассального государства. В марте 1556 года русские войска выступили в поход на Астрахань. Рать Ивана Черемисова заняла покинутый защитниками город, о чем Москва была извещена в сентябре. Хан Дервиш-Алей бежал в окрестные степи и после ряда столкновений с русскими войсками, поддержанными ногайскими отрядами, присланными Исмаилом, бежал в Азов⁵. Астрахань была присоединена к Русскому государству. Таким образом, не был реализован план создания большой антимосковской коалиции. В Ногайской Орде к власти пришел Исмаил, постоянно придерживавшийся промосковской ориентации. Крым, со своей стороны, не смог стать главной ударной силой замышлявшейся коалиции. В те годы, когда восстание в Казанской земле достигло наибольшего размаха (1553–1554 гг.), хан Девлет-Гирей I был занят походами «на черкасы». В 1556 году поход хана на Русское государство также не состоялся из-за начавшихся антикрымских операций на Днестре, подготовленных русским правительством. Было упущено время, когда Крым мог бы серьезно воспрепятствовать закреплению за Русским государством вновь присоединенных казанских земель и покорению Астрахани. Весной и летом 1556 года восстание в Казанской земле было подавлено отрядами П.В. Морозова. Оплот восставших город Чалыма был взят, а претендент на казанский престол Али-Акрам погиб. Вскоре погиб и фактический глава восставших Мамыш-Берды. В 1557 году война в Казанской земле уже не возобновляется. Край окончательно присоединен к Русскому государству⁶.

Таким образом, военно-политическая борьба за закрепление вновь присоединенных казанских земель наряду с присоединением Астрахани привела к серьезному усилению позиций Русского государства в Ногайской Орде и в целом на южных рубежах.

Россия и Польско-Литовское государство. Для международного положения Русского государства, складывающегося после присоединения Казани и Астрахани в условиях острой борьбы с Крымом, важнейшее значение имели отношения с западным соседом — Польско-Литовским государством. Долговременный характер русско-литовских и русско-польских противоречий, обозначившийся еще в конце XV века, привел к формированию устойчивой тенденции использования Крыма королями Польши в качестве союзника в борьбе против Москвы. Хотя после крупномасштабных военных конфликтов с Литвой 1492–1494, 1500–1503, 1507–1509, 1512–1522 годов, в период княжения Ивана III и Василия III, первые годы самостоятельного (т. е. с 1547 г.) правления Ивана IV не ознаменовались новыми войнами с «литовским королем», прочного мира на западных рубежах Русского государства не было. Между Москвой и Вильно официально действовало перемирие 1522 года, продлевавшееся затем в 1526, 1533, 1537, 1542 годах. От начала самостоятельного правления Ивана IV до Ливонской войны перемирие продлевалось еще три раза: в 1549 году — на пять лет, в 1554-м — на два года, в 1556 году — на шесть лет⁷. В этих условиях в Москве не могли не считаться с возможностью формирования польско-литовско-крымского антирусского союза под эгидой или, по крайней мере, с одобрения Османской Порты. При этом следует учитывать, что интересы правящей элиты Короны Польской и Великого княжества Литовского в сфере внешней политики Польско-Литовского государства частично расходились. Великое княжество Литовское понесло крупные территориальные потери в ходе войн с Москвой, которая, естественно, была для него главным противником. Определенные сложности наблюдались и в координации внешнеполитической деятельности двух составляющих Польско-Литовской конфедерации. Отношения с Москвой и Крымом находились в сфере деятельности канцелярии Великого княжества. Коронная канцелярия вела дипломатические отношения с Портой. Посольства в Москву возглавляли поочередно представители и Польши и Литвы. К тому же король и великий князь литовский не обладал правом принятия единоличных внешнеполитических решений. Они осуществлялись им в Польше совместно с сенатом, в Литве с «радой панов». Наконец, правом принимать решения о разрыве перемирия с Москвой и возобновлении войны в Литве обладал только вальный сейм. Все это, наряду с противоречиями между различными группировками магнатории и в Литве и в Польше, настроениями шляхты и личной позицией монарха серьезно влияло на осуществление внешней политики Польско-Литовского государства, в т. ч. и на «московском направлении».

Отношения Польско-Литовского государства с Османской империей и Крымом в 50-х годах XVI века определялись наличием у них об-

щих противников — Габсбургов и Русского государства. В результате изменений в политическом ландшафте Восточной и Центральной Европы, происшедших в первой четверти XVI века, между Краковом, Вильно и Стамбулом установились долговременные мирные отношения, закрепленные договором 1533 года. Отношения, по сути близкие к союзным, установились в 40-х годах и между Крымом и Польско-Литовским государством, что выразилось в обещании сохранить взаимный дружественный нейтралитет сторон в случае конфликтов с Москвой. Однако это не исключало крымских нападений на южные области Польско-Литовского государства.

Начало правления хана Девлет-Гирея I ознаменовалось успешным набегом на город Браславль в 1552 году, хотя при восшествии на престол он обязался не нападать на территории Польско-Литовского государства. Но уже в августе того же года к Сигизмунду II Августу прибыло представительное крымское посольство и были начаты переговоры о заключении очередного договора. Они велись несколько лет посольствами двух государств в обеих столицах. В мае 1555 года хан Девлет-Гирей I принес шерть перед польско-литовским посольством и таким образом был заключен договор, давший впоследствии, в годы Ливонской войны, возможность королю требовать военной поддержки от хана. В ходе переговоров при заключении договора оговаривалось содействие крымской дипломатии в возвращении Великому княжеству Литовскому земель, захваченных у нее Василием III. В дальнейшем политическое сотрудничество Польско-Литовского государства и Крыма продолжалось, несмотря на возникающие между ними противоречия. Осуществлялся регулярный обмен гонцами, происходили размены послов, хан находился в постоянной переписке с королем, о чем свидетельствуют имеющиеся в польской документации (Литовской метрике) их многочисленные послания друг другу. Важно, что, начиная с 40-х годов и даже ранее, король Польши обладал возможностью в случае возникновения каких-либо «разногласий» с крымскими ханами обратиться за поддержкой к их «сюзерену» — турецкому султану. Этой возможностью в 50–80-х годах широко пользовался король Сигизмунд II Август.

В лице хана Девлет-Гирея I Польско-Литовское государство, казалось бы, надолго приобрело потенциального союзника на случай столкновения с Русским государством. Для привлечения Крыма к совместному участию в вооруженном конфликте с Москвой, по мнению исследователя внешней политики России XVI–XVII веков А.А. Новосельского, не требовалось никакой особо сложной дипломатии⁸. Другие исследователи международных отношений считали, что вопрос о координации действий между Польшей и Крымом упирался лишь в регулярную присылку «казны». Действительно, эта проблема играла в польско-крымских отно-

шениях такую же важную роль, как проблема «поминок» в русско-крымских отношениях. Однако сводить все разногласия, возникавшие между Вильно и Бахчисараем при Девет-Гирее I и Сигизмунде II Августе, только к вопросу о количестве «казны» было бы глубоко ошибочным.

Во-первых, интересы правящих кругов двух государств были далеко не тождественны. И в Польше, и в Великом княжестве Литовском, и в Крыму существовали как противники Москвы, так и сторонники мирных отношений с Русским государством. Стремление короля подтолкнуть хана к нападению на «южные украинны» Русского государства в необходимый для него момент не всегда встречало понимание в Крыму. С другой стороны, хан не имел возможности предотвратить самочинные набеги крымских мурз и даже собственных сыновей на южные области Польско-Литовского государства. Наконец, между королем и султаном уже в 60-х годах начались серьезные противоречия, в первую очередь по вопросу о разделе сфер влияния в Дунайских княжествах, что не могло не сказаться и на крымско-польско-литовских отношениях. Для Сигизмунда II Августа существовали также серьезные проблемы внутреннего характера. Польские короли и великие князья литовские не могли не учитывать недовольство населения южных областей государства крымскими набегами. Кроме того, в 50-х годах серьезнейшим фактором, влияющим на позицию польской короны в отношении Крыма, стало усиление борьбы украинского казачества против хана и против Порты.

В этих обстоятельствах определенная часть правящих кругов Польско-Литовского государства проявляла готовность к политическому маневрированию между Москвой и Бахчисараем, стремясь использовать складывающиеся обстоятельства для ослабления как Крыма, так и Русского государства. Это нашло отражение в деятельности князя Д.И. Вишневецкого, ставшего со временем одним из главных действующих лиц в сложном переплетении интересов Турции, Крыма, Польско-Литовского и Русского государств.

Естественно, что отношения с Крымом не являлись центральным пунктом русско-польско-литовских дипломатических связей. У обеих сторон были и собственные интересы, не связанные с Крымом. Главное место занимала проблема признания царского титула Ивана IV Сигизмундом II Августом. Польско-литовская сторона упорно не шла на это, что серьезно осложняло отношения между двумя государствами. Позиция короля Сигизмунда II Августа, впрочем, была логична. Действительно, нельзя не согласиться с неоднократно высказывавшимся в исторической литературе мнением, что признание нового титула московского государя означало бы, по сути дела, признание за Москвой политического первенства в Восточной Европе. Таким образом, это был не просто терминологический спор.

На русско-польско-литовские отношения серьезно влияли и нерешенные территориальные проблемы, перманентно приводившие к пограничным недоразумениям и спорам. Наконец, во второй половине 50-х годов все большее воздействие на развитие этих отношений стала оказывать балтийская проблема.

Польско-литовское политическое влияние в Ливонии усиливалось на протяжении всей первой половины XVI века, но откровенные планы установления протектората в Ливонии стали активно проводиться в жизнь в середине 50-х годов. Только после этого ливонская проблема начала доминировать в русско-польско-литовских переговорах наравне с проблемами Крыма и вопросами о признании царского титула. Ситуация обострилась после того, как договор 1557 года Сигизмунда II Августа с Ливонским орденом фактически перечеркнул все ранее заключенные русско-ливонские соглашения. До этого времени Москва, занятая решением казанской и астраханской проблем, предпочитала не обострять противоречия.

В целом в период борьбы за Нижнее и Среднее Поволжье русско-польско-литовские отношения казались вполне удовлетворительными для правительства Ивана IV и не мешали выполнению первоочередных тогда внешнеполитических задач. Ситуация стала меняться с началом конфликта между Москвой и Ливонским орденом.

Превращение балтийского вопроса в приоритетный во внешней политике страны. Первопричиной нараставшего в течение 50-х годов конфликта между Ливонским орденом и Русским государством были, как известно, вопросы, связанные со свободой торговли русских купцов через Ливонию, и острый конфликт из-за так называемой Юрьевской дани, взимавшейся великими князьями московскими на основании договора 1503 года. Вопросы эти были тесно взаимосвязаны и находились в центре русско-ливонских переговоров 1554 года.

Поводом для этих переговоров послужило продление истекшего в 1553 году 30-летнего перемирия с Ливонским орденом. К этому времени русско-ливонские отношения были достаточно обострены. Русская сторона помимо естественной защиты своих интересов в Ливонии преследовала еще одну цель: связать орден такими обязательствами, которые сделали бы невозможным его союз с Польско-Литовским государством. Отсюда та настойчивость, с которой находившиеся в то время «на первых ролях» в осуществлении внешней политики Москвы А.Ф. Адашев и И.М. Висковатый во время переговоров добивались включения в русско-ливонское соглашение статей, исключавших заключение договора между орденом и Сигизмундом II Августом. Как известно, впоследствии магистр фон Гален, заключив Позвольский мир с королем в 1557 году,

нарушил это обязательство, что и повело за собой дальнейшую эскалацию русско-ливонского конфликта.

И раньше, в 1551 году, русская сторона поднимала вопрос о притеснениях русских купцов в Ливонии. Теперь это стало одним из главных пунктов переговоров. А.Ф. Адашев и И.М. Висковатый приводили конкретные факты захвата и разорения русских купцов в городах Риге, Ревеле, Дерпте, Тарту и Нарве. Особое внимание привлекалось к фактам осквернения и разорения русских церквей протестантами. Иван IV обнаружил нетерпимость к последователям Лютера. Был поставлен вопрос о свободе судоходства. Наконец, было заявлено, что перемирию препятствует позиция епископа Дерптского, который отказывается от выплаты Юрьевской дани. С точки зрения русской стороны, это было нарушением известных исторических традиций, закрепленных перемирием 1503 года.

Требования русской дипломатии были приняты. Последовало новое перемирие сроком на 15 лет с условием выплаты Юрьевской дани с недоимками за три года. Была гарантирована свобода судоходства и торговли русским купцам. Ливонская сторона обязалась восстановить разрушенные «русские концы» в своих городах. Это был несомненный успех русской дипломатии. Иван IV, занятый решением казанского и астраханского вопросов, рассчитывал на мирное урегулирование⁹. Однако Москва недооценила всю глубину существовавших в ордено противоречий и его внутреннюю слабость. Хотя договор и был ратифицирован властями ордена в 1555 году, выполнение всех его основных положений было фактически сорвано.

Епископ Дерптский категорически отказывался выплачивать дань. Все крупные ливонские города — Ревель, Рига, Дерпт — не признавали свободу торговли русских купцов. Церкви в «русских концах» не были возвращены православным, притеснения православного населения продолжались. Серьезные последствия могли иметь нарушения ливонской стороной международных статей договора. В правящих кругах ордена зрело убеждение в необходимости обратиться за поддержкой к Швеции.

Это было тем более опасным, что в том же 1554 году у Русского государства со Швецией начался военный конфликт, продолжавшийся до 1557 года. К войне короля Густава I явно подталкивала дипломатия Ливонского ордена. Однако создать антирусскую коалицию под эгидой Швеции не удалось. Конфликт в конечном счете носил ограниченный характер и был локализован в районах спорных территорий. Тем не менее конфликт со Швецией был опасен, так как мог стать началом активного вовлечения сопредельных Скандинавских стран в борьбу за Ливонию.

В целом балтийский вопрос приобретал все большее значение для России. Однако только после 1557 года он привлек к себе пристальное

внимание Ивана IV. До этого времени Москва надеялась на сохранение статус-кво при условии выполнения ливонской стороной своих обязательств.

Итак, русской дипломатии удалось закрепить успехи борьбы за Нижнее и Среднее Поволжье. Но ввиду обострившихся отношений с Крымом перед ней встали новые задачи. Важнейшей была дальнейшая борьба за усиление влияния в Ногайской Орде и в Восточной Черкесии. Необходимо было не только нейтрализовать угрозу возможного крымскопольско-литовского военного союза против Москвы, но и выдвинуть альтернативный план польско-литовско-русского союза против Крыма.

2. От противостояния с Крымом к борьбе за Ливонию

Присоединение Поволжья и отношения Русского государства с Крымом и Османской империей. Присоединение Нижнего и Среднего Поволжья привело к резкому обострению русско-крымских отношений. Обеспечение безопасности южных границ страны от крымской угрозы снова выдвигается на первый план в русской дипломатии.

Во второй половине 50-х годов окончательно сложился регион, в котором сталкивались интересы Крымского ханства и Русского государства. Утвердившись в Нижнем Поволжье, русские усилили свое влияние на Кавказе, создав серьезную угрозу крымским интересам и в Восточной и в Западной Черкесии. Особенно упрочились русские связи с Кабардой. Это выразилось в том, что участились обращения к Москве за помощью и поддержкой в борьбе против Крыма со стороны адыгских князей. Борьба с русским влиянием на Кавказе для хана Девлет-Гирея I превращается в серьезную проблему на протяжении всего его длительного правления. Еще большую опасность для Крыма представляли союзные отношения Москвы с ногаями, находящимися под властью бия Исмаила. Наконец, уже в середине 50-х годов вырисовывается перспектива использования Москвой антикрымских акций приднепровского казачества. Таким образом, зона прямых столкновений Москвы и Крыма расширяется, охватывая огромные территории южных регионов Восточной Европы.

В это время произошел массовый приход в Крым представителей казанской эмиграции из знати крымского происхождения, занявшей видное положение при дворе Девлет-Гирея I¹⁰. В Крыму постоянно находились ногайские мурзы, враждебные бию Исмаилу, а также представители многочисленных адыгских князей из Западной Черкесии, настроенных против союзников Москвы на Кавказе. В Крыму сложился

влиятельный общественный слой, кровно заинтересованный в борьбе с Москвой и подталкивающий к ней Девлет-Гирея I. Кроме того, представители казанской эмиграции постоянно внушали хану мысль о недолговечности русского господства в Поволжье, активно занимаясь организацией антирусских восстаний. Все это серьезно ослабило позиции той части крымской знати, которая была заинтересована в поддержании мира с Москвой. У нее были давние связи с русскими государями, что выражалось главным образом в получении щедрых подношений — «жалования» в обмен на политическую лояльность. Наиболее ярким представителем этой части крымской знати являлся в 50–70-х годах бек Сулеш Яшлавский, бывший при дворе Девлет-Гирея I «амиятом» Ивана IV, то есть посредником в дипломатических отношениях между двумя правителями. «Амият» занимал при крымском дворе официальное положение, являясь главным советником хана по московским делам. Он, в частности, вел предварительные переговоры с прибывающими в Крым русскими гонцами и послами, представлял их хану и т. п. С начала XVI века «амиятство» было наследственной привилегией рода мурз Яшлавских, а сам «князь» Сулеш успел уже в 1539–1540 годах побывать крымским послом в Москве. Однако вплоть до начала 60-х годов влияние Сулеша и его сторонников в Бахчисарае было незначительно. В конце 50-х годов русско-крымские дипломатические связи фактически оказались прерваны исходя из непримиримых позиций обеих сторон¹¹.

Дипломатические контакты Москвы с Крымом поддерживались регулярно и в годы борьбы Русского государства за присоединение Поволжья (1552–1556 гг.). С лета 1553 года в Крыму находился русский посол Ф.Д. Загряжский, происходил ежегодный обмен гонцами. Но по мере усиления крымских нападений на южные рубежи Русского государства дипломатические связи ухудшались. С 1555 года Иван IV не отпускал обратно в Крым гонцов Девлет-Гирея I, прибывших в Москву. Исключение было сделано лишь для гонца Караджана, прибывшего в декабре 1556 года, который в январе был отправлен обратно. Грозный отказывался от размена послов, а также от уплаты «поминок», что было главным условием поддержания русско-крымских отношений. И хотя Девлет-Гирей I практически с каждым гонцом требовал решения этого вопроса, Грозный отказывался определить размер «поминок», отправляемых обычно с новым послом. Вопрос о «поминках» имел принципиальное значение. Русская сторона была весьма чувствительна в вопросе сохранения уровня отношений Москвы с Крымом как равноправных партнеров. В то время крымская сторона настойчиво стремилась представить себя законным наследником ханов Золотой Орды и истолковывала «поминки» как былую дань. В Москве понимали, что «поминки» в известной степени содействовали лояльности определенной части крымской знати

и могли частично удовлетворить их аппетиты, тогда ежегодные нападения крымцев на московские «украины» не принимали бы столь разрушительного характера. Одной из своеобразных особенностей русско-крымских отношений в условиях почти ежегодных нападений на южные границы Русского государства было то, что для получения «поминок» крымские ханы стремились к поддержанию регулярных дипломатических связей с Москвой.

Многие набеги хан Девлет-Гирей I объяснял именно несвоевременным поступлением «поминок». Аналогичные мотивы он представлял королю Сигизмунду II Августу, требуя присылки «казны» в обмен на обещания не нападать на южные земли Польско-Литовского государства. Кроме того, Девлет-Гирей I часто требовал и от польского короля, и от московского государя, чтобы количество «казны» и «поминок» было равно друг другу, что, например, имело место в декабре 1557 года в грамоте Ивану IV, доставленной гонцом Тутаем Черкашениным. И русской, и польско-литовской дипломатии приходилось, по меткому выражению С.М. Соловьева, вести «крымский аукцион», обещая «бóльшие суммы», чем соперник. Конечно, вопросами о «поминках» русско-крымские противоречия не исчерпывались. Столкнувшись в период борьбы за Поволжье с прямой враждебностью Крыма, Грозный отказался от поддержания регулярных дипломатических связей, не желая посылать «поминки».

В январе 1558 года в Москву вернулся русский посол Ф.Д. Загряжский вместе с новым крымским послом Джан-Болды (Ян-Болдуем). В послании хана Ивану IV, привезенном новым послом, содержалось предложение о размене послов и урегулировании дипломатических отношений на условии уплаты «поминок» в размере «Мухаммед-Гиреевских», то есть относящихся к периоду правления хана Мухаммед-Гирей I (1515–1521 гг.). Однако Грозный счел это требование неприемлемым. Он был прекрасно осведомлен об антимосковских замыслах Девлет-Гирей I. Крымская сторона настаивала также на отпуске находившихся в Русском государстве ханских гонцов, задержанных по распоряжению Ивана IV. С ответом к Девлет-Гирею I был отправлен служивый татарин Г. Темирев.

Вообще следует отметить, что с момента вступления Девлет-Гирей I на престол в 1551 году вплоть до начала 60-х годов с русской стороны в Крым ездили только служивые татары, а не полномочные гонцы, что отражало общий уровень русско-крымских отношений. С конца 1557 года по лето 1563 года русского посла в Крыму не было, а прибывший в Москву посол Джан-Болды (Ян-Болдуй) был отправлен в Ярославль, где он находился в последующие годы фактически на положении почетного пленника. Следующий приезд крымского гонца в Москву состоялся только в январе 1560 года.

Ухудшение русско-крымских отношений, столь ярко проявившееся в прекращении дипломатических связей, было вызвано не только собственно русско-крымскими противоречиями, но и позицией могущественного «сюзерена» Крыма — Османской империи.

Исследуя политику Русского государства на Кавказе, советский историк Е.М. Кушева отмечала, что если формально мирные отношения между Турцией и Москвой не были нарушены в 40–50-х годах, то фактически русско-турецкие интересы реально сталкивались в дипломатической области¹². Можно указать на три основных фактора, вызвавших во второй половине 50-х годов серьезную озабоченность Османской Порты успехами русского оружия и дипломатии: переход под русский контроль Нижнего Поволжья, усиление русского влияния на Кавказе и возросшую угрозу турецким базам в Восточном Причерноморье, в первую очередь Азову, возникшую после успехов русских войск в борьбе против крымцев в 1555–1556 годах. Все три фактора в Стамбуле справедливо связывались воедино. Усиление русского влияния в Нижнем Поволжье, завершившееся в конечном счете покорением Астрахани, могло создать для Турции принципиально новую расстановку сил в условиях ее затяжного конфликта с Ираном. Неслучайно в разгар русской экспансии в Нижнее Поволжье в 1555 году Сулейман I заключил мир с шахом. Усиление русского влияния на Кавказе вело к ослаблению там позиций Крыма. Наконец, хан столкнулся с военной угрозой непосредственно своим владениям. Намеченный Иваном IV в 1556 году поход на Крым вслед за летними боями 1555 года вынудил хана просить помощи в Стамбуле. Наконец, возникла угроза непосредственно турецким укрепленным пунктам в Тамани, обложенным союзными Москве черкесскими войсками князя Сибока. И хотя до крупномасштабного похода Ивана IV на Крым дело не дошло, угроза турецким интересам в Причерноморье и на Кавказе была весьма реальной.

Султан Сулейман I в этот момент не имел возможности отправить на помощь Крыму крупные силы. Порта предпочла бы самостоятельное выступление Девлет-Гирея I против своих противников на Кавказе.

В российской историографии существует точка зрения, согласно которой завоевание Астрахани первоначально не вызвало серьезного беспокойства Порты и османы стали вынашивать планы в отношении установления своего контроля над низовьями Волги только в середине 60-х годов XVI века. Это справедливо только отчасти. Действительно, в течение достаточно длительного периода Порта была не склонна задействовать для противодействия усилению Москвы значительные военные силы.

Вместе с тем присоединение Астрахани к Русскому государству вызвало серьезное беспокойство султана Сулеймана I. Однако втянутый

в затяжной конфликт с Габсбургами, он пока воздерживался от прямого вмешательства в дела бассейна Волги и на Кавказе. Даже в момент успешных действий князя Д.И. Вишневецкого под Азовом в 1561 году помощь Порты Девлет-Гирею I оказывалась явно недостаточной. В донесении французского посла де Пьетремоля королю Карлу IX от 30 августа 1561 года говорилось: «Пять дней назад вернулись галеры, которые ходили по Черному морю к Тане (Азову) против черкесов и московитов. Турки были в недостаточном количестве и плохо знали страну, и их можно было убить при высадке на землю»¹³. Практически во всех донесениях французских дипломатов указывалось также, что силы, посылаемые по просьбе Девлет-Гирея I к Азову, с трудом выделялись султаном ввиду тяжелого военного положения в Средиземноморье и на венгерском театре военных действий. Например, в донесении французского посла от 5 февраля 1561 года указывалось, что Сулейман I смог отправить к Азову лишь 10 галер из своего флота, насчитывавшего до 100 галер. Вместе с тем султан не отказывался от политической поддержки хана.

Усиление русского влияния на Кавказе и в Большой Ногайской Орде. Начало сношений черкесских племен с Москвой относится к 1552 году. Оно обстоятельно изучено Е.Н. Кушевой в работе «Политика Русского государства на Северном Кавказе». Отметим, что в результате успешного посольства Андрея Щепотьева в 1553–1555 годах Москва заручилась поддержкой адыгских князей в борьбе против Крыма. Уже тогда в официальной великокняжеской летописи недвусмысленно указывалось, что «князи Черкесские били челом» Ивану IV, «чтобы государь пожаловал, дал им помочь на Турского города и на Азов и на иные города и на Крымского царя»¹⁴. С 1557 года начинаются сношения Москвы с Кабардой. Таким образом, Русское государство приобретает союзников, живущих буквально под самым Крымом в непосредственной близости от османских владений.

Напряженную дипломатическую борьбу вела Москва за влияние в Большой Ногайской Орде*. Ход ее подробно рассмотрен А.А. Новосельским в работе «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» и В.В. Трепавловым в труде «История Ногайской Орды». Отметим, что политическое подчинение ногаев было достигнуто русской дипломатией в два этапа. На первом этапе, в 1552–1556 годах, русским послам М. Бровичину и Т.И. Загряжскому не удалось добиться от Исмала принесения «шерти», хотя в 1554 году, вероятно, Исмаил предполагал составить «шерть», но она оказалась «не добре верна». По-

* Наименование этого государственного образования с 50-х годов принято в отечественной историографии.

ложение изменилось после покорения Астрахани и начавшегося в середине 50-х годов процесса упадка Большой Ногайской Орды. Для русско-крымских отношений большое значение имел уход под Азов так называемой Малой Ногайской Орды Казы-мурзы, на долгие годы ставшей верным союзником Девлет-Гирея I. Борьба с Казы-мурзой, опиравшимся на поддержку Крыма, побудила Исмaила принести наконец «шерть» Ивану IV. Это произошло в 1557 году в результате успешного посольства П. Совина. С этого года началась зависимость Исмaила от Русского государства. Однако серьезным союзником в борьбе против Крыма Исмaил так и не стал. Но в Москве в конце 50-х годов преувеличивали успехи в достижении политического контроля над ногаями, а между тем, как правильно отмечал А.А. Новосельский, подчинение их «не было полным и прочным». К аналогичному выводу пришел в своих трудах В.В. Трепавлов. Подвижность Большой Ногайской Орды, отсутствие какого-либо административного контроля даже со стороны Исмaила за своими услугами, постоянные распри между его сыновьями и племянниками, ежегодные уходы отдельных мурз со своими улусами «под Крым» делали Большую Ногайскую Орду весьма ненадежным союзником. Но для того, чтобы осознать это, правительству Ивана IV нужно было испытать всю безрезультативность своих попыток привлечения ногаев к операциям против Крыма в конце 50 — начале 60-х годов.

Формально бий Исмaил с момента своего водворения в качестве главы всей Большой Ногайской Орды изъявлял готовность участвовать в борьбе против Крыма. В январе 1558 года в Москву прибыл его очередной посол Байтерек вместе с послами «от иных мурз». Послы били челом в том, чтобы московский государь «на крымского царя пособ учинил». Однако в том году активность Исмaила была скована началом очередной распри среди его детей. В конце года от астраханского воеводы И. Выродкова стало известно, что «от Исмaила князя дети отступили, Танбай-мирза да Инбай-мирза, и с улусы да пошли в Крым ко царю, и многие мурзы в Крым пошли служить и улусы с ними»¹⁵. Это показало, что привлечение Большой Ногайской Орды к борьбе против Крыма будет не таким простым делом, как представлялось ранее Ивану IV.

Переход части ногайских улусов «под Крым» явился несомненным успехом хана. Грозный отписал Исмaилу и «велел дела своего да и его головы поберечь от Крымского».

В 1559 году попытка Грозного поднять Исмaила против Девлет-Гирея I возобновилась в ходе готовившихся на Дону антикрымских операций. Последовала миссия Е. Мальцева. Исмaил был информирован о предполагаемых на Дону действиях воеводы И.М. Вешнякова с целью положить конец переходу «на крымскую сторону» реки Волги враждебных Исмaилу ногайских мурз. Кроме того, Е. Мальцев должен был со-

общить Исмаилу, что «город хочет государь поставити на Дону того для, чтоб из того города близко ходити к Крыму воевати и твоим бы улусам бережение было»¹⁶. Не вызывало сомнений, что в Москве готовы подтолкнуть Исмаила к решительным действиям. Почти одновременно с миссией Мальцева отпущенный посол Исмаила Амангидей повез с собой грамоту государя, где прямо было сказано о продолжении походов русских войск «на крымские места». Активные действия с участием ногаев Исмаила планировались осенью 1559 года. Летом того же года И.М. Вешнякову удалось установить связь с находившимися в Крыму сыновьями Исмаила, которые, рассорившись с ханом, «утекли» к отцу. Одновременно И.М. Вешнякову удалось предотвратить переход «под Крым» враждебных бию Исмаилу мурз. Однако крупномасштабные действия опять не имели места, хотя в марте 1560 года в Москву прибыли очередные ногайские послы и одновременно известие из Астрахани от воеводы И.Г. Выродкова об успешном зимнем набеге сына Исмаила Тинбай-мурзы на крымские улусы.

Исмаил «к государю прислал послов своих бити челом на жалование, чтоб из Астрахани ему на Крым помочь была, и впредь бы государь помочь им на Крым учинил, на Дон казаков прислал». Помощь была незамедлительно обещана. К Исмаилу отправлялся П. Совин с очередными планами операций против Крыма. Предвидя отказ Исмаила идти на Крым «самому», Грозный предлагал ему «отпустить детей своих и племянников всех со всеми своими людьми». Интересно, что П. Совин должен был предлагать Исмаилу участие в операциях против Крыма «накрепко», грозя «государевым гневом» в случае отказа. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Иван IV фактически предложил Исмаилу установить его контроль над ногайскими улусами, которые принадлежали к Малой Ногайской Орде.

В июле посол Исель-бахты привез ответ Исмаила, содержащий принципиальное согласие идти «под Крым». Грозный, однако, неодобрительно отнесся к этому и рекомендовал «стать близко от Астрахани» с основными силами и ждать до зимы успешных действий украинских казаков и черкесов со стороны Дона и Днепра. Однако Исмаил вновь не выступил в поход. Дело ограничилось лишь набегом Урус-амирзы, одного из его сыновей, на крымские улусы. Невыполнение ногаями своих обязательств вызвало раздражение Ивана IV. В ноябре 1560 года был отправлен гонец В.И. Вышеславцев, затем в апреле 1561 года — Н. Сююндюков.

Но вплоть до лета 1561 года от Исмаила не приходило четких известий о выполнении им своих союзнических обязательств. Только в июле 1561 года посол Тягрибердей привез послания, в которых Исмаил фактически отказывался от активных действий против Крыма, объясняя это возросшим давлением на него со стороны Малых ногаев: «А которым

людем нашим воевать Крыма и Казы-мирзы тем людем нашим ходить не дает». После этого вопрос о действиях ногаев Исмала против Крыма уже не стоял. Сам бий Исмал просил поддержки Москвы против Казы-мурзы. В январе 1562 года Иван IV получил с послом Темирем очередную его грамоту, в которой говорилось, что «Казы-мирза с крымским заедин», и содержалось пожелание, чтобы московский государь «ныне помышлял о том, чтобы Казы-мирзы на том месте не было». Одновременно в другой грамоте, врученной гонцом Кульчаном, Исмал прямо поставил вопрос о возможности сколь-либо успешной борьбы против Крыма в зависимости от оттеснения орды Казы-мурзы от мест ее кочевий: «И ты с того промежа Казыя згони... и как с того промежа Казый сойдет и отдаст бог Крым взять»¹⁷.

В Москве поняли, что рассчитывать на содействие ногаев нереально. И тем не менее вплоть до смерти Исмала в 1563 году Большая Ногайская Орда в целом оставалась лояльной Москве и выступала определенным фактором сдерживания крымцев в их походах на Русское государство. В дальнейшем положение изменилось, хотя наследник Исмала бий Дин-Ахмед (князь Тинехмат) (1563–1578 гг.) в первое время, по крайней мере формально, признавал власть Москвы. Во всех инструкциях русским гонцам и послам в Крым после 1563 года содержались одинаковые указания: говорить хану и его приближенным о том, что «ногаи государю нашему послушны», что постепенно становилось весьма далеким от действительности.

Во второй половине 60-х годов Дин-Ахмед занял антимосковскую позицию, и его подданные приняли активное участие в крымских походах на Москву в 1571–1572 годах. Более того, ногаи не только вели борьбу с Москвой вплоть до окончания Ливонской войны, но и продолжали ее в дальнейшем уже независимо от Крыма. Причина этого кроется в сложных внутренних процессах в Орде. Признание Москвой их суверенитета и в то же время отчетливо выраженная тенденция к установлению над ними политического контроля не содействовали ни укреплению государственности, ни расширению торговых связей ногаев. В итоге ногайские мурзы совместно с крымцами искали в набегах на «московские украины» источник своей власти и материального благополучия. Отход от конфронтации с Москвой обозначился только к середине 80-х годов.

Военно-политическое давление на Крым. Обострение русско-крымских отношений носило, как мы видели, объективный характер. Борьба против Крыма была логическим продолжением внешней политики Ивана IV, успешно реализованной на восточном направлении со взятием Казани и Астрахани. У Грозного возникало сомнение в возможности ис-

пользования союзных ногаев в борьбе против Крыма, как это уже имело место при покорении Астрахани.

Уже в 1556 году в Москве вырисовывается перспектива серьезных антикрымских операций. При получении известий о предполагаемом набеге Девлет-Гирея I Иван IV отправляет отряды дьяка Ржевского через реку Полу на Днепр, а Даниила Чуйкова — на Дон. Это была первая военная акция Москвы, угрожающая непосредственно крымским улусам. Успехи Ржевского, добравшегося к лету 1556 года до Очакова и после погрома крымцев вернувшегося по Днепру назад, привели не только к срыву намеченного Девлет-Гиреем I набега на «московские украины», но и к отказу от задуманной им экспедиции в Восточную Черкесию после получения известия о сосредоточении русских войск на реке Оке. Одно время даже прошел слух о том, что летом сам Иван IV собирается «под Крым». Тем же летом успешными действиями атамана Черкашенина, спустившегося с Дона, создается угроза Керчи. И наконец, осенью на острове Хортица на Днепре объявляются отряды князя Дмитрия Вишневецкого, откуда он посылает «бить челом» Ивану IV. Создаются условия для проведения широких антикрымских акций из трех районов: с Днепра, с Дона и из Западной Черкесии. Однако осуществление крупных антикрымских акций было возможно только в условиях по меньшей мере благожелательного нейтралитета со стороны Польско-Литовского государства.

Срок перемирия между Москвой и Польско-Литовским государством, истекавший в 1562 году, ставил срок и для осуществления «крымского дела». Неслучайно поэтому в 1556–1559 годах намечается новый этап русско-польско-литовских переговоров об антикрымском союзе. В 1557 году Девлет-Гирей I отказался от нападений на «московские украины». Хан дважды (в мае и в конце лета) подступал к острову Хортица, где он осаждал Вишневецкого, и в конце концов вынудил его бежать в Черкасы. В начале осени князь уже прибыл в Россию, где Иван IV «пожаловал его своим великим жалованием».

Иван IV и его окружение намерены были продолжать военно-политическое давление на Крым и в условиях начавшейся в январе 1558 года Ливонской войны. Вторжение русских войск в Ливонию совпало с «отпуском» Д. Вишневецкого на Днепр. Правда, этот поход не привел к заметным результатам. Его отряд, спустившийся было по Днепру и направившийся к Перекопу, вскоре повернул назад. Вишневецкий расположился на Монастырском острове на Днепре. Иван IV направил туда Н.А. Карпова. Операции на Днепре продолжались. Велась активная подготовка к привлечению к борьбе против Крыма ногаев, подвластных бию Исмаилу.

Иван IV и его советники явно стремились использовать в своих целях польско-литовско-крымские противоречия. Открытое участие под-

данных Польско-Литовского государства в действиях Вишневецкого создавало впечатление, что речь идет о каких-то совместных планах относительно Крыма. Такое же впечатление складывалось и в Стамбуле. В донесении французского посла при Порте своему королю от 18 июня 1558 года прямо говорилось, что «татарам, живущим в Таврии» угрожает совместный поход «поляков и московитов»¹⁸.

Летом 1558 года и в Москве, и в Вильно получили сведения о выступлении хана из Крыма. Одновременно до короля дошли тревожные известия о сборе турецких войск на южных границах Польско-Литовского государства. Казалось, что русская политика достигает своих целей. Однако надежды на конфликт между Портой и Сигизмундом II Августом оказались преждевременными. В Стамбуле прошли польско-турецкие переговоры, и Порта после «разъяснений» польской стороны дала «гарантии», что набега хана не будет. 3 декабря 1558 года в Вильно прибыли крымские гонцы, а в марте 1559 года — посольство Аккуш-улана, привезшее послание Девлет-Гирея I королю с обещанием вести решительную борьбу против «московского» при условии уплаты «упоминок». 1558 год, таким образом, не привел к войне между Крымом и Польско-Литовским государством. Правда, осенью состоялся набег калги (наследника крымского хана) Мухаммед-Гирея на южные области Великого княжества Литовского. Что касается самого хана, то он так и не решился выступить в крупный поход. Зато в 1559 году планировалось нападение крымцев на Русское государство. Уже в январе сведения, доставленные крымскими перебежчиками, позволяли предположить, что речь идет о серьезной угрозе. Орда якобы достигала численностью до 100 тысяч кочевников. Во главе ее стоял калга. Планы нападения строились в расчете на сосредоточение русских войск в Ливонии. Однако Иван IV двинул «на берег» значительные силы, и калга повернул назад.

Далее события в 1559 году разворачивались весьма быстро. Еще в феврале состоялся одновременный «отпуск» Д.И. Вишневецкого на Донец для нападения на Керчь и другие крымские улусы и Д.Ф. Адашева — на Днепр. Затем на Дон был послан воевода И. Вешняков. Предполагался сбор русских войск во главе с Иваном IV для движения «под Крым». Речь шла о подготовке крупного фронтального столкновения русских и крымских сил. Поход носил явно наступательный характер. Русские войска должны были концентрироваться в верховьях Дона. Между тем в предшествующие годы главное внимание для разведывания «дороги на крымские улусы» уделялось именно бассейну Днепра. Можно предположить, что в Москве ожидали там выступления войск Польско-Литовского государства, надеясь на благоприятный исход проходивших тогда в Москве русско-польско-литовских переговоров, а также на то, что действия Вишневецкого все же спровоцируют конф-

ликт между «литовским королем» и ханом. Однако неблагоприятный исход переговоров привел к отказу от похода. Можно предположить, что несколько месяцев весны и лета 1559 года Иван IV и его советники подумывали о большой войне против Крыма¹⁹. Операции на Днепре и Дону развивались успешно. Русское государство, казалось, намеревалось проводить политику «активной обороны», что могло бы исключить ежегодные крымские набеги.

Таким образом, второй год Ливонской войны ознаменовался пиком военно-политической конфронтации между Москвой и Крымом. Однако антикрымская политика зависела от отношений Москвы с Польско-Литовским государством и от успеха одновременного решения балтийской проблемы.

Отношения России с Польско-Литовским государством и план союза против Крыма. Отношения с Польско-Литовским государством на протяжении всего XVI века играли ключевую роль во внешней политике России. В 50-х годах они имели особое значение. Перед русской дипломатией стояла трудная задача: с одной стороны, воспрепятствовать возможному сближению Сигизмунда II Августа с Девлет-Гиреем I и по возможности создать предпосылки для политического сотрудничества в борьбе против Крыма; с другой стороны, нейтрализовать возможное вмешательство Польско-Литовского государства в балтийский вопрос, что для Москвы могло иметь самые тяжелые последствия. Причем эти задачи русская дипломатия должна была реализовать в условиях, когда основная проблема русско-польско-литовских отношений — вопрос о судьбе западнорусских земель, входивших в состав Польско-Литовского государства, — продолжала вызывать наиболее острые противоречия и стороны были далеки от компромисса. Внешним проявлением неопределенности русско-польско-литовских отношений являлся, как известно, вопрос о признании королем Сигизмундом II Августом царского титула Грозного. Так было во время русско-польско-литовских переговоров 1552 года, когда вопрос о продлении перемирия был поставлен русской стороной в зависимость от признания королем царского титула Грозного. Однако в середине 50-х годов в условиях острого противоборства с Крымом русская дипломатия начинает поиск путей к союзу с великим княжеством против «неверных». Б.Н. Флоря аргументированно показал, что начало этих попыток относится к 1554 году²⁰. Вслед за ратификацией в апреле 1554 года Сигизмундом II Августом договора о перемирии на шесть лет русским посольством был поставлен пока еще в неопределенной форме вопрос о союзе против турок. Однако польско-литовская сторона не изъявила готовности к обсуждению этих вопросов. В сентябре 1554 года в Вильно был отправлен гонец с извещением

о переходе под русский протекторат Астрахани. Ему предписывалось вновь неофициально поднять этот вопрос. В январе 1555 года при приеме посланника Ю. Тышкевича в Москве вопрос был поставлен в официальном порядке. Однако и на этот раз польско-литовская сторона, по существу, уклонилась от переговоров.

Следующий дипломатический демарш был предпринят в январе 1556 года при переговорах об очередном продлении перемирия. Однако польско-литовская сторона опять уклонилась от обсуждения этих вопросов. Король не намерен был отказываться от своих тесных связей с Крымом. Настойчивые попытки русской дипломатии вызывали недоверие в Вильно. Русская дипломатия вновь подняла вопрос о союзе против Крыма с Польско-Литовским государством в 1558 году, но международная обстановка уже изменилась. В январе того же года началась Ливонская война. Предвидя как угрозу вмешательства в этот конфликт Польско-Литовского государства, так и опасность вмешательства татар в Ливонскую войну, а тем более их союз с «литовским королем», правящие круги Русского государства приходят к мнению о необходимости новых дипломатических шагов. Набег калги Мухаммед-Гирея на южные области Польско-Литовского государства зимой 1557/58 года, казалось, давал возможность русской дипломатии достичь успеха.

Уже 19 февраля 1558 года к Сигизмунду II Августу был послан гонец Р.В. Алферьев (Олферьев), который должен был предложить королю «помощь против наступающих против него крымских татар». Миссия Р.В. Алферьева на первый взгляд продемонстрировала благожелательное отношение ведущих политиков к московским предложениям. Однако, возможно, это было частью дипломатической игры, с тем чтобы выиграть время для нормализации отношений с Бахчисараем, как полагает датский историк К. Рамуссен, точка зрения которого разделяется в современной белорусской историографии А.Н. Янушкевичем²¹. В любом случае, как показали последующие события, начало Ливонской войны привело к усилению в правящих кругах Польско-Литовского государства позиции противников антикрымского соглашения с Москвой. Но тогда, в начале 1558 года, Москва еще испытывала определенные надежды в отношении возможности такого соглашения.

Миссия Р.В. Алферьева вызвала при дворе Ивана IV оптимистические настроения, тем более что крупные магнаты украинских земель явно благосклонно отнеслись к возможности русско-польско-литовского союза против Крыма. Отражением этих настроений явилась картина преувеличенных успехов Р.В. Алферьева, содержащаяся в официальной великокняжеской летописи. Мнение украинских феодалов было в ней представлено как мнение всей польской знати, якобы заявившей русскому гонцу, что «король добре хочет добрым миром мирится и на

крымского стоять». В действительности ответ Сигизмунда II Августа Ивану IV не содержал ничего конкретного, кроме обещания вскоре прислать посольство для переговоров. Тем не менее, по мнению Б.Н. Флори, общий итог переговоров Р.В. Алферьева в Вильно был положительный, так как русские предложения о союзе формально не были отклонены²².

Представляется, однако, что Сигизмунд II Август и ведущие польские и литовские политики хотели выиграть время. По настойчивости, с которой польские и литовские паны радные выпрашивали русского гонца о прибытии в Москву нового крымского посла, можно было судить об озабоченности в Вильно возможностью русско-крымского «замирения». В скором времени, при переговорах с Москвой, не отвергая формально возможности антикрымского союза, польско-литовская дипломатия обращается для нейтрализации Крыма к своему традиционному средству — принесению жалоб султану. Хотя Р.В. Алферьев и отвечал польским и литовским вельможам, что «царь и великий князь для христианства с царем миру не похотел и посла своего не послал», опасения польско-литовской стороны имели под собой основания, ибо литовская разведка доносила о прибытии в Москву нового крымского посла. Кроме того, Р.В. Алферьев вынужден был подтвердить факт «отпуска» Д. Вишневецкого на Днепр. В этих условиях король счел нужным активизировать дипломатические контакты с Крымом.

В апреле 1558 года Сигизмунд II Август направил с отпущенным крымским гонцом Мухеддином инструкции своему послу в Крыму Довкирду, в которых содержалось указание принять ряд срочных мер для смягчения крымско-польско-литовских противоречий. Так, посол должен был продемонстрировать стремление польско-литовской стороны возложить ответственность за набег калги Мухаммед-Гирея в конце 1557 года исключительно на действия Д. Вишневецкого «з людьми московского». Сигизмунд II Август готов был также проявить понимание возможных активных действий крымцев в низовьях Днепра против этого «слуги московского». Таким образом, польско-литовская сторона считала, что действия Вишневецкого создают излишние трудности на южных рубежах страны. Не верили в Вильно и в готовность Ивана IV пойти на серьезный конфликт с Крымом. Там были прекрасно осведомлены о том, что, столкнувшись с действиями Вишневецкого на Днепре, Девлет-Гирей I попытается отчасти смягчить противоречия с Москвой. В этих условиях «литовский король» не давал явно отрицательного ответа на предложения Ивана IV, стремясь использовать их при переговорах о продлении перемирия, что ярко проявилось летом 1558 года. Тем не менее русская сторона была настойчива. Для Москвы оказалось жизненно важным вовлечь Польско-Литовское государство в конфликт. Определенные предпосылки для этого складывались в результате дей-

ствий Вишневецкого на Днестре. Явное участие подданных короля в его походах не могло не отразиться на польско-литовско-крымских отношениях. К тому же в окружении Ивана IV создавали опасность обострения русско-польско-литовских противоречий в Ливонии. По мере того, как они усиливались, русская дипломатия все более активно стремилась навязать польско-литовской стороне обсуждение вопросов войны против врагов христианства.

Перелом в попытках русской дипломатии достичь антикрымского союза с Польско-Литовским государством произошел в марте 1559 года, когда в Москву прибыло «великое посольство» во главе с подьяшским воеводой Василием Тышкевичем. Противоречия между двумя государствами по балтийскому вопросу к тому времени достигли такой остроты, что делали невозможным политическое соглашение, направленное против Крыма. Но переговоры все же состоялись, их ход показал нереальность планов русской дипломатии. А.А. Новосельский указывал, что во время переговоров польские и литовские дипломаты выдвинули два возражения против антикрымского союза с Москвой, которые оказались в конечном счете непреодолимыми: возможность вмешательства Порты в польско-литовско-крымский конфликт и нереальность в этом случае эффективной помощи Короне и Великому княжеству со стороны Русского государства. Исследуя ход переговоров, А.А. Новосельский указал на объективную незаинтересованность Москвы в успешной борьбе Польши и Литвы против Крыма, что изначально обрекало на неудачу любую попытку заключения союза между двумя государствами²³. Иной точки зрения придерживается Б.Н. Флоря. Он считает, что главной причиной срыва переговоров явилась незаинтересованность литовской магнатории в ослаблении или даже уничтожении Крымского ханства, которое она рассматривала «как возможного союзника в борьбе за сохранение своего господства над белорусскими и украинскими землями»²⁴.

Однако, на наш взгляд, все эти причины имели в конкретных обстоятельствах 1559 года второстепенный характер. Первопричиной срыва русско-польско-литовских переговоров, в успех которых мало кто верил, явился балтийский вопрос. Ведь польско-литовское посольство отвергло не только проект союза против «неверных», но и предложения «вечного мира». Польско-литовская сторона справедливо расценила эти предложения как стремление Москвы связать ей руки в преддверии начала решающей фазы борьбы за Прибалтику. Провал переговоров 1559 года, во время которых польские и литовские послы впервые с окончания последней войны подняли вопрос о возвращении Смоленских земель, стал симптомом усиления русско-польско-литовских противоречий. Отказ Польско-Литовского государства от антикрымского союза был оправдан. Русская дипломатия выдвигала эти вопросы еще

в 1560 году, но без всякой надежды на успех. Неудача русской дипломатии серьезно сказалась на дальнейшем ходе антикрымских операций на рубеже 50-х и 60-х годов.

Отказ от активной политики на юге. Отход Ивана IV от проведения активных операций против Крыма осуществлялся не одномоментно, а постепенно, по мере того, как становилась нереальной перспектива русско-польско-литовского соглашения против Крыма, вырисовывалась ненадежность Большой Ногайской Орды и происходила потеря баз для проведения антикрымских акций на Дону, Днепре и в Западной Черкесии. В начале 1560 года намечался ряд крымских операций. В феврале «на черкасы» был отпущен Д. Вишневецкий, которому было поручено «промышляти над крымским царем». По мнению Е.Н. Кушевой, обстоятельства его отправления позволяют судить, что речь шла об установлении военно-политического контроля над Западной Черкесией для организации действий против Крыма²⁵. Это подтверждается анализом инструкций, данных русскому послу П. Совину к бию Исмаилу, где речь идет об организации нападения на Крым с трех сторон: с Днепра, Дона и Северного Кавказа. В мае состоялся отпуск на Дон Тягрибердея-мурзы. Вместе с ним был послан Даниил Чулков в сопровождении «казаков многих», с тем чтобы промышлять «крымские улусы». В отличие от прошлого года антикрымские операции не принесли сколь-либо значительных результатов, за исключением успешных набегов И.Д. Вишневецкого под Азов зимой 1560/61 года. В результате в течение 1560 года прекратились значительные крымские набеги. Для Ивана IV это было исключительно важным в момент возобновления в начале года крупных военных операций в Прибалтике (Ливонская война), продолжавшихся вплоть до поздней осени.

Но одновременно возрастала внешнеполитическая изоляция Русского государства. На 1560 год пришлось неудачные акции русской дипломатии, старавшейся предотвратить вступление Польско-Литовского государства в Ливонскую войну. Фактически операции против Крыма на Днепре в этих условиях становились малореальными. Кроме того, уже в конце 1560 — начале 1561 года появились признаки того, что возможности для проведения антикрымской политики на юге могут быть подорваны, что было главным образом связано с отказом бия Исмаила от выполнения своих союзнических обязательств. Его осеннее выступление против Крыма не состоялось, и в 1561 году ярко проявилась тенденция к отказу Больших ногаев от участия в борьбе против крымских татар.

В 1561 году операции против Крыма проводились только укрепившимся в Западной Черкесии Д. Вишневецким. Однако развитие событий вынудило его осенью покинуть Западную Черкесию. В сентябре он уже находился на Днепре на Монастырском острове. Затем планы Вишневецкого меняются:

он собирается вернуться на службу к Сигизмунду II Августу. 1561 год ознаменовался постепенной потерей всех баз для проведения операций против Крыма. В Прибалтике приближалось вступление Польско-Литовского государства в войну. Срок перемирия с ним истекал в начале 1562 года, и все попытки продлить его были заведомо обречены на провал, что наглядно показали русско-польские переговоры 1561–1562 годов. Напротив, в этот период у Сигизмунда II Августа и ведущих политиков Польско-Литовского государства все более рельефно просматривается тенденция использовать угрозу крымских набегов для облегчения борьбы за Ливонию.

Таким образом, военно-политическое давление на Крым в 1556–1561 годах стало уменьшаться по причинам объективного характера. К концу 1561 года в условиях угрозы начала войны с Сигизмундом II Августом Ивану IV необходимо было пересмотреть свою политику в отношении Крыма.

* * *

Итак, Русское государство стояло перед необходимостью радикально пересмотреть цели своей внешней политики на южном направлении. Вплоть до начала 60-х годов развертывание военно-политической конфронтации с Крымом в целом осуществлялось в рамках реальных возможностей русского оружия и дипломатии. Существовали потенциальные союзники в лице дружественных черкесских князей и ногайских мурз. Можно было опираться на поддержку сил, заинтересованных в борьбе против Крыма, в Польско-Литовском государстве. По мере втягивания страны в конфликт из-за Ливонии крымский вопрос приобретал все более опасный характер. Объективные условия мешали правительству Ивана IV поддерживать свое влияние в сопредельных с Крымом регионах, использовать территории Польско-Литовского государства для проведения антикрымских операций. Политика «активной обороны» против Крыма исчерпала себя и должна была уступить место методам дипломатического урегулирования. Вместе с тем перед русской дипломатией по-прежнему стояла задача поддержания своего влияния на Кавказе и в Большой Ногайской Орде. Однако отныне главной целью внешней политики России на южном направлении стало предотвращение вмешательства Крыма в ход Ливонской войны в интересах Польско-Литовского государства. В этих условиях особое значение должны были неизбежно приобрести отношения с Османской Портой, которые все более отчетливо шли к обострению.

3. Дипломатическая подготовка Ливонской войны

Борьба в правительстве Ивана IV по вопросам внешней политики. Легенды и действительность. Русское государство вступило в тяжелейшую борьбу за Прибалтику в условиях, когда военно-политическая

конфронтация с Крымом, обострившаяся до предела после присоединения Нижнего и Среднего Поволжья, могла привести к вмешательству крымского хана в Ливонскую войну. В исторической литературе давно общепризнано, что именно борьба на два фронта — на западе и на юге — явилась одной из важных причин поражения России в Ливонской войне. В историографии неоднократно предпринимались и предпринимаются попытки переложить персональную ответственность за провалы во внешней политике страны на царя и его ближайшее окружение. Проблема персональной ответственности за внешнеполитические провалы, приведшие к серьезным последствиям для Русского государства и сопровождавшиеся ужесточением внутривластного курса, безусловно, отражает реальные противоречия в правительстве Ивана IV.

Со временем в историографии, как в советской, так и в зарубежной, все более пристальное внимание стало уделяться вопросам, связанным с ролью отдельных деятелей т. н. «Избранной рады» в принятии внешнеполитических решений. Это позволило по-новому взглянуть на те обвинения в «национальной измене», которые были так уверенно предъявлены в работах В.Д. Королюка, С.В. Бахрушина, П.А. Садикова и других советских историков 40-х годов XX века²⁶.

Разрыв царя со своими ближайшими соратниками был вызван не только принципиальными расхождениями по вопросам внешней политики; он отражал общее недовольство Грозным тяжелой ситуацией, в которой оказалось Русское государство в начале 60-х годов XVI века. Отсюда столь ярко проявившееся в первом послании Грозного А.М. Курбскому стремление подвести итог всей деятельности Алексея Адашева, неформального главы т. н. «правительства Избранной рады», и протопопа Сильвестра, бывшего своего рода «идейным вдохновителем» этого правительства. Это была своеобразная реакция царя на ускользающие от него успехи в Ливонии. Но ведь именно А.Ф. Адашев вместе с И.М. Висковатым, будучи ответственными за проведение внешней политики, призывали к решению конфликта дипломатическими путями. Грозный был уверен в обратном: в 1564 году, в момент, когда страна прочно увязла в войне на два фронта, царь считал, что, если бы не трусость и нерешительность воевод, не желавших действовать активно, к моменту опалы Адашева (1560 г.) «уже бы вся Германия была за православием». Я.С. Лурье усиленно проводил в своих трудах мысль о «супротисловии» Сильвестра по поводу Ливонской войны, о противодействии планам царя со стороны Курбского, что следует из посланий Ивана Грозного, приговора Земского собора 1560 года и фрагментов крымской посольской документации.

Полнота данного круга источников для аргументации тезиса о сопротивлении деятелей Избранной рады планам решения балтийского

вопроса была взята под сомнение историком С.О. Шмидтом²⁷. Он предложил рассматривать соотношение балтийского и крымского аспектов внешней политики Ивана Грозного в плане ее эволюции под воздействием конкретных изменений в системе международных отношений. С.О. Шмидт рекомендовал также более осторожно подходить к оценке ряда правительственных деятелей тех лет, в частности А.Ф. Адашева, в период подготовки Ливонской войны²⁸. Действительно, и во время русско-ливонских переговоров 1557–1558 годов, и во время русско-датских переговоров 1559 года А.Ф. Адашев фактически разрабатывал и проводил в жизнь согласованные с царем планы русского правительства в отношении Ливонии. В дальнейшем, рассматривая роль Адашева как одного из руководителей русской дипломатии, С.О. Шмидт пришел к однозначному выводу о том, что он «отнюдь не был противником активизации борьбы России за выход к Балтийскому морю и само назначение его воеводой на фронт военных действий не воспринималось первоначально как опала»²⁹. Мало того, есть все основания полагать, что А.Ф. Адашев, в отличие от Ивана IV, обладал большей дальновидностью в оценке возможностей Русского государства вести длительную борьбу на два фронта с несколькими противниками. Адашев не выступал за немедленную войну с Крымом, но был, безусловно, сторонником политики «активной обороны» на юге страны. По мнению С.О. Шмидта, «победоносный поход брата Адашева Даниила на крымские земли может рассматриваться не как начало якобы желанной А. Адашевым войны с Крымским ханством, а как способ обезопасить в период напряженных отношений на западе южные границы государства»³⁰.

Мало оснований и для того, чтобы делать Сильвестра противником активизации западной политики России. Труды И.В. Курукина показали, что Сильвестр был лично заинтересован в деловых связях с Ливонией и крайне неприязненно относился к ущемлению там русских торговых интересов. Сильвестр не выступал, да и не мог выступать против войны с Ливонией из религиозных соображений. Вспомним, что именно в окружении митрополита Макария, из которого он вышел, было особенно сильно критическое отношение к ливонским еретикам-лютеранам³¹.

Наконец, в работах А.И. Филюшкина вообще было поставлено под сомнение не только наличие принципиальных расхождений в окружении Ивана Грозного по вопросам внешней политики, но и вообще существование группы лиц, способных «корректировать» внешнеполитические и вообще все государственные решения государя³².

Разумеется, все это не означает, что противоречий между Иваном IV и его ближайшим окружением не существовало. Наоборот, 1560 год ознаменовался вполне реальным конфликтом Грозного с Адашевым, но

он носил совершенно иной характер, нежели борьба между царем и противниками борьбы за Прибалтику. Будучи приверженным осторожной политике и осознавая всю опасность вовлечения России в длительный конфликт с сопредельными европейскими странами при наличии крымской проблемы, А.Ф. Адашев стремился к заключению какого-либо соглашения с орденом до тех пор, пока последний окончательно не распался и его прерогативы не перешли к Сигизмунду II Августу. Возможно, что А.Ф. Адашев рассчитывал и на противопоставление сторонников престарелого гроссмейстера Фюрстенберга откровенной пропольской группировке нового командующего войсками Г. Кетлера. Об этом и свидетельствуют попытки переговоров, которые Адашев предпринял в Феллине в 1560 году. Это было логическим продолжением его внешнеполитической линии. Всегда спешивший Иван IV, раздраженный возможностью из-за вступления в войну Польско-Литовского государства потерять плоды всех ливонских побед, требовал решительных военных успехов. В сознании царя осторожная политика Адашева теперь связывалась с ускользающими от него успехами и в Ливонии, и в борьбе против Крыма. Отсюда та озлобленность и язвительность, с которой он вспоминает об Адашеве и Сильвестре в посланиях к Курбскому. Реальные противоречия в правительстве Ивана IV, безусловно назревавшие по мере усложнения внешнеполитической ситуации и проявившиеся в 1560 году в связи с опалой А.Ф. Адашева и удалением Сильвестра, должны быть отделены от последующих легенд, сочиненных, с большей долей вероятности, самим Иваном Васильевичем Грозным и имевших целью в значительной мере взвалить на других лиц его внешнеполитические просчеты. Знаменательно, что эти обвинения с готовностью были восприняты самим князем Андреем Михайловичем Курбским и не только нашли отражение в его переписке с Грозным, но и стали одной из главных составляющих его знаменитой «Истории Великого князя Московского»*.

Что же касается «персональной ответственности» за вступление страны в тяжелейшую войну на два фронта, то ее разделяют и Иван IV, и все его окружение.

Тенденция переложить эту ответственность только на «эгоизм» и «неадекватность» лично Ивана Васильевича, проявившаяся в отечественной историографии в конце XX века, не имеет, на наш взгляд, конструктивного характера и не способствует объективному изучению внешней политики России³³.

При этом необходимо отметить, что многие процессы, благодаря которым успешно начатая Ливонская война превратилась в затяжной кон-

---

* См. комментарии К.Ю. Ерусалимского к последнему изданию этого труда князя Андрея Михайловича Курбского.

фликт, носили объективный характер. Многие опасности, которые грозили России в борьбе за Прибалтику, проявились в балтийском секторе русской внешней политики еще задолго до ее начала. Но они не были приняты в расчет правительством Ивана IV в момент начала конфликта.

Внешнеполитические условия вступления Русского государства в борьбу за Ливонию. Развитие балтийского вопроса привело уже в 1557 году к необходимости принятия правительством Ивана IV решительных мер для защиты своих интересов в Ливонии. Это было продиктовано ярко выраженной тенденцией к аннексии ордена Польско-Литовским государством, что могло поставить под угрозу формальное сохранение перемирия 1554 года. Между тем соблюдение русских торговых интересов было более чем когда-либо чувствительно для Грозного и его окружения. Только что благодаря миру со Швецией открылась возможность свободы сообщения с европейскими странами через шведские владения. Весной 1557 года началось строительство Ивангорода. Планы выхода к Балтике стали претворяться в жизнь. Сознавали ли в руководящих кругах Русского государства все последствия конфликта с орденом? Думается, что на первой стадии конфликта — едва ли. Ведь вплоть до весны 1558 года речь шла, по сути, о военной демонстрации с целью заставить орден выполнить свои обязательства по договору 1554 года. В правительстве Ивана IV по этому вопросу было полное единодушие.

Главное внимание было привлечено к продолжавшей сохраняться угрозе со стороны Крыма. Могла ли Москва предвидеть возможность вмешательства и конфликт с орденом сопредельных государств? В момент начала конфликта угроза такого вмешательства со стороны Польско-Литовского государства явно вырисовывалась, но тема Лифляндских земель еще не превалировала на польско-литовско-русских переговорах. К тому же формально Ливония находилась под протекторатом Священной Римской империи. А именно в момент обострения отношений с Крымом, когда Москва выдвигала проекты уже и антитурецкого соглашения с Польско-Литовским государством, руководители русской дипломатии рассчитывали на понимание Габсбургами русских интересов в Ливонии.

Сопредельные Скандинавские страны не внушали особых опасений. Со Швецией только что был достигнут мир, отношения с Данией оставались традиционно дружественными. Словом, внешнеполитические предпосылки для начала борьбы за Ливонию представлялись весьма благоприятными. К тому же Грозный и его окружение первоначально не ставили целью аннексию каких-либо территорий Ливонии.

В целом положение России в канун конфликта с орденом представлялось достаточно благоприятным. С Вильно продолжались переговоры о перемирии и даже о «вечном мире». Нижнее Поволжье было наконец

прочно покорено. Девлет-Гирей I в 1557 году, занятый осадой Вишневецкого на острове Хортица, не смог организовать сколько-нибудь значительного набега на русские земли. К тому же в 1557 году Грозный принял серьезную попытку получить подтверждение своего царского титула константинопольским патриархом, отправив к нему архимандрита Феодорита с важной миссией. Историк И.Б. Греков предполагает, что Иван IV при этом имел целью выяснить отношение Порты к перспективе развертывания борьбы за Ливонию³⁴. Однако, скорее всего, тема борьбы против «протестантской ереси» в обращении Грозного к вселенскому патриарху была затронута именно для получения права «быти и зватися царем законно и благочестиво».

Итак, правительство Ивана IV, втягиваясь в конфликт с орденом, не предвидело будущих внешнеполитических осложнений. Вряд ли кто-либо тогда мог предполагать, что он выльется в ожесточенную 25-летнюю войну — одну из труднейших за всю историю государства Российского.

Кризис, назревавший в русско-ливонских отношениях, разразился, как известно, в конце 1557 года. Еще в феврале ливонское посольство в Москве настаивало на отсрочке в выплате Юрьевской дани. Однако русская сторона (переговоры вел А.Ф. Адашев) ответила категорическим отказом. В марте, не получив даже аудиенции у Ивана IV, посольство уехало. События в Ливонии в течение 1557 года окончательно убедили Ивана IV в том, что орден не будет выполнять условий договора 1554 года. В ноябре были собраны войска, которые отправились к ливонской границе. Но военные действия еще не были открыты. В такой обстановке в ноябре–декабре 1557 года в Москве состоялись новые переговоры со срочно прибывшим новым ливонским посольством.

Вопрос о характере этих переговоров остается дискуссионным в историографии, что во многом связано с ролью, которую сыграли в их ходе А.Ф. Адашев и И.М. Висковатый. Тем не менее необходимо отметить, что за формальным прекращением переговоров в декабре 1557 года последовало их продолжение. Как известно, в принципе русская сторона согласилась на последние ливонские предложения, заключавшиеся в предоставлении единовременной суммы за счет прошлых недоимок. Но когда выяснилось, что деньги не будут присланы в ближайшее время, переговоры были прекращены. Когда посольство уже ехало домой, была, правда, сделана попытка продолжить переговоры через сопровождающего послов пристава. Инициатива явно исходила от русской стороны. Послам было предложено отдать в залог свои драгоценности и остаться в Москве до присылки дани. Ливонцы колебались и требовали в любом случае разрешения на выезд. Тогда переговоры были окончательно прерваны, и в январе 1558 года послы уехали ни с чем.

Русская сторона до последней возможности искала пути к соглашению. Такая политика продолжалась и в ходе начавшейся войны. Исследователи давно обратили внимание на «странный характер» военных действий в Прибалтике зимой 1558 года³⁵. Русские войска не ставили целью захват городов. Воеводы по приказу Ивана IV посылали магистру ордена грамоты о присылке послов для заключения нового договора. Но ливонская сторона не торопилась, ясно рассчитывая на затягивание в конфликт Швеции и Польско-Литовского государства. Магистр на ландтаге в Вольмаре выступил за сбор требуемой Москвой дани с целью выиграть время, необходимое для сбора войск и укрепления городов. А русские войска все больше и больше затягивались в военные действия. Была взята Нарва. Складывались условия для продвижения русских войск в глубь Ливонии. Русское командование приняло решение планомерно наступать на территорию противника, закрепляя ее за собой.

В такой обстановке в начале июня 1558 года в Москве начались переговоры с новым ливонским посольством. Позиция русской стороны изменилась. А.Ф. Адашев и И.М. Висковатый, которые и на этот раз вели переговоры, уже требовали для заключения нового договора с орденом прибытия магистра в Москву и, конечно, с данью. Нарва в любом случае должна была остаться в составе Русского государства. Магистр, по мнению русской стороны, должен был поступать по примеру «царей казанского и астраханского», то есть у Москвы были планы превратить Ливонию в вассальное государство. После того как в 1557 году определилась угроза аннексии ордена Сигизмундом II Августом, ливонская сторона категорически отвергла русские требования. Летом 1558 года русские войска предприняли новое наступление.

Кампания 1558 года привела к захвату значительной части территории ордена. Однако целью военных операций все же оставалось подтолкнуть орден к договорному урегулированию. В течение всей кампании 1558 года русские воеводы рассылали грамоты с призывом к переговорам. К концу года русскими войсками было взято 20 городов и замков в Восточной Ливонии, но орден на переговоры не шел. Перед русским правительством встала трудная задача — определить дальнейшую политическую линию в конфликте с орденом.

* * *

Итак, русская дипломатия не смогла в 1558 году использовать военное давление на орден. Конфликт разрастался. Ход событий показал, что правители ордена рассчитывают на вмешательство внешних сил. Это грозило серьезными осложнениями для Русского государства, так как дестабилизировало бы его отношения с Вильно и Краковом и, следова-

тельно, исключало во многом успешную борьбу против Крыма. В таких условиях руководители русской дипломатии А.Ф. Адашев и И.М. Висковатый пошли на прекращение военных действий против ордена, что стало важным рубежом в ходе конфликта.

4. Русская дипломатия на начальном этапе борьбы за Прибалтику

Перемирие 1559 года и новые задачи русской дипломатии. В марте 1559 года при посредничестве датского посольства с орденом было заключено перемирие сроком до ноября того же года. Перемирие 1559 года представляло своеобразный рубеж в ходе Ливонской войны. До этого конфликт разворачивался между Москвой и орденом. После истечения срока перемирия в конфликт втянулись и сопредельные державы. Орден попал под их протекторат и фактически прекратил свое существование как самостоятельное государственное образование. Внешнеполитические условия борьбы с Ливонией к концу перемирия явно усложнились. Представляется закономерным вопрос: содействовал ли этот шаг русского правительства в конкретных условиях 1559 года борьбе за Прибалтику или этот шаг был направлен к перенесению активной внешней политики на юг и знаменовал собой начало «наступления на Крым» по инициативе т. н. «Избранной рады»?

В историографии попытки решения данной проблемы в рамках противопоставления «реакционной и антинациональной» внешнеполитической линии, то есть «Избранной рады», и «прогрессивной» внешнеполитической линии Ивана IV страдают известной односторонностью, на что неоднократно обращалось внимание в новейших исторических трудах. Как уже указывалось, есть не много оснований делать Сильвестра и особенно А.Ф. Адашева, действительно игравшего в тот период ведущую роль в определении приоритетности внешнеполитических задач, убежденными поборниками «крымского дела» и противниками борьбы за Прибалтику. Необходимо, однако, отметить, что угроза серьезного крымского нападения на южные границы Русского государства весной 1559 года была действительно реальна. Набег должен был возглавить калга Мухаммед-Гирей «со многими крымскими князьями и ногайскими мурзами». Предполагаемая численность орды доходила до 100 тыс. человек. Только угроза сосредоточения крупных русских военных сил во главе с Иваном IV «на берегу» предотвратила готовившееся крымское нападение. В этих условиях (когда конфликт с Крымом продолжался) логичными и оправданными выглядели антикрымские операции на Дону и Днепре, представлявшие собой политику «активной обороны» (единственное средство борьбы против угрозы ежегодных крымских нападе-

ний). Реальная угроза требовала прекратить военные действия в Ливонии.

В этих условиях настойчиво поднимавшийся русской стороной вопрос об «антикрымском союзе» на переговорах с польско-литовским посольством в марте 1559 года также выглядит вполне оправданным. Он должен был показать силам, не заинтересованным в конфликте Русского и Польско-Литовского государств в раде Сигизмунда II Августа, серьезные намерения Москвы в достижении компромисса. Перемирие, демонстрировавшее «миролюбие» Грозного в Прибалтике, в этих условиях было более чем своевременным.

В Москве, безусловно, сознавали, что быстрые успехи русского оружия все более отодвигают цели, стоявшие перед Русским государством в начале конфликта. Вопрос о развале ордена как государственного образования был фактически предreshен. Дальнейшие удары по Ливонскому государству лишь могли ускорить конфликт с силами, которые претендовали на раздел ливонского наследства, — Польско-Литовским государством, Данией и Швецией. Перемирие 1559 года было призвано сохранить орден как единое государство и не допустить переход отдельных его частей под протекторат сопредельных государств. Об этом наглядно свидетельствуют переговоры с датским посольством.

Как известно, целью датского посольства было не само по себе посредничество в заключении перемирия Москвы с орденом, а лишь распространение перемирия на те области Ливонии, на которые претендовала Дания. Только вслед за этим датское посольство, ссылаясь на соответствующие полномочия от ливонских властей, подняло вопрос о распространении перемирия на остальную часть Ливонии. Подобная позиция вызывала резкий отпор русской стороны, которая не намерена была содействовать расчленению территории ордена. Проводившие переговоры Адашев и Висковатый, ясно сознавая эту опасность, отвергли притязания Дании на особый статус территории, которая должна была перейти под ее «покровительство» и в принципе согласилась на перемирие, но только при условии прибытия самого магистра и епископов для его заключения.

Перемирие в дальнейшем должно было быть использовано для заключения мира на русских условиях. Они были весьма жесткими. Орден фактически переходил под протекторат Русского государства. В ряд городов и замков посылались наместники с русскими гарнизонами. Русская сторона пользовалась всеми преимуществами в свободе судоходства и осуществлении торговых операций. Правда, структура государственной власти в Ливонии оставалась неизменной, но все владения магистра и епископов оставались за ними лишь пожизненно. В дальнейшем, как видно, предусматривалось упразднить орден как государст-

венное образование. Эти условия были приняты датской стороной, но, уверив Адашева и Висковатого в скором прибытии ливонцев, датчане настояли на немедленном прекращении военных действий. Знаменательно, что сами датчане расценили заключение перемирия как успех русской дипломатии, указывая, между прочим, на опасность крымских набегов весной и летом при продолжении русскими военных действий в Прибалтике. Итак, само по себе перемирие 1559 года не заключало в себе никакого ущемления интересов Русского государства.

Однако Адашев и Висковатый, вероятно, не учли масштабов развала ордена и стремления части его правителей во главе с Кетлером к принятию польско-литовского протектората. Своекорыстна была и позиция Дании. 31 августа 1559 года последовало Виленское соглашение, по которому Сигизмунд II Август принимал орден под свой протекторат, распространённый 15 сентября и на архиепископа Рижского. 17 сентября был низложен престарелый магистр Фюрстенберг, выступавший против расчленения Ливонии. Новым магистром стал Кетлер. В этих условиях 26 сентября последовало установление датского протектората над Эзелем. По существу, это был конец ордена как государства, хотя формальный его распад был зафиксирован только Виленским соглашением 28 ноября 1561 года, а юридически орден прекратил свое существование после Рижских соглашений в феврале–марте 1562 года между королем Сигизмундом II Августом и магистром Г. Кетлером и архиепископом Рижским*.

Почему же в этих условиях русская сторона возобновила активные военные действия только в начале 1560 года? Ответ, вероятно, следует искать в неоднократно высказывавшемся в историографии мнении о том, что правительство Ивана IV рассчитывало на противодействие Габсбургов явной аннексии Ливонии Сигизмундом II Августом. Ведь формально император Священной Римской империи считался протектором ордена. Однако эти расчеты не оправдались. Габсбурги не высказали на раннем этапе Ливонской войны стремления к посредничеству между участниками конфликта и спокойно взирали на распад ордена.

Борьба русской дипломатии против вступления в войну Польско-Литовского государства. Начало 1559 года ознаменовалось напряженными дипломатическими переговорами, которые должны были определить отношение Польско-Литовского государства к балтийской пробле-

---

* Вопрос о этапах включения ордена в состав Польско-Литовского государства остается дискуссионным. См.: Дзярновіч Алєг. «Прускі» сцэньвы для Інфлянтаў: да пытаньня выкарыстаньня катэгорыі «інтэграцыя» і «інкарпарацыя» у двачыньні да XVI ст. // Праблемы і інтэграцыі ў развіцьці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Мінск, 2010. S. 92.

ме. 8 марта в Москву прибыло представительное посольство во главе с В. Тышкевичем, и начались переговоры, во время которых был в очередной раз поднят вопрос о заключении «вечного мира» между двумя государствами. Однако выдвинутое послами требование об уступке Смоленска и вообще всех территорий, захваченных в период правления Василия III, изначально делало какое-либо соглашение нереальным. Предлагаемый формальный союз против Крыма был обусловлен польско-литовской стороной такими претензиями к Москве, которые повлекли бы за собой прекращение дипломатических связей с Бахчисараем без каких-либо гарантий поддержки Вильно против угрозы крымских нападений. В ходе переговоров выяснилась вообще незаинтересованность Польско-Литовского государства в борьбе против Крыма. Но главным на переговорах был, безусловно, балтийский вопрос. Послы требовали гарантий, чтобы «российский государь жил мирно с лифляндцами». Речь шла о выводе русских войск из Ливонии и вообще о прекращении войны. В крайнем случае польско-литовская сторона была готова согласиться с сохранением на неопределенный срок перемирия Москвы с орденом.

Однозначно вырисовывалась перспектива перехода еще не занятой русскими войсками части Ливонии под власть Сигизмунда II Августа. Ранее, в феврале 1559 года, в Краков прибыло ливонское посольство и начались польско-ливонские переговоры. Правда, в польском сенате не было единства мнений. Часть коронных политиков была склонна прежде всего втянуть в конфликт Литву, взвалив на нее все тяготы войны. Этому содействовала агрессивная позиция части литовских магнатов во главе с Николаем Радзивиллом Черным.

В этих условиях фактический ультиматум, предъявленный в Москве польско-литовским посольством, отражал изменение в соотношении сил в окружении короля в пользу сторонников войны. «Заступничество» короля за орден Москва отвергла, переговоры о «вечном мире» закончились провалом, но перемирие было сохранено³⁶. Обе стороны оказались неготовыми к немедленному разрыву. Пока отношение Кракова и Вильно к ордену не было окончательно определено, Москва могла попытаться предпринять новые дипломатические маневры. Усилия русской дипломатии сосредоточились на урегулировании пограничных проблем. 12 июня к королю был направлен посланник Р. Пивов, который должен был провести переговоры об организации посольского съезда на границе с целью урегулирования ряда пограничных проблем. Ответ на эту инициативу пришел только в ноябре, но к этому времени она уже потеряла свою актуальность.

В августе 1559 года в Вильно состоялся «вальный сейм», на котором было принято решение о принятии ордена под покровительство Литвы. Польша до времени формально оставалась в стороне. 31 августа

1559 года договор с магистром Кетлером был подписан. Орден перешел под протекторат Сигизмунда II Августа, который формально получил правовые основания для вмешательства в русско-ливонский конфликт. Собственно, одним из главных условий договора и было обязательство короля немедленно начать переговоры с Иваном IV о прекращении военных действий русских войск в Ливонии. Планировались их вывод и возвращение ордену всей ранее занятой территории. Кроме того, русская сторона должна была возместить убытки. Юрьевская дань упразднена.

Король отправил в Москву посланника Андрея Хоружева, который прибыл туда 11 ноября 1559 года. Королевский посланник безуспешно пытался настоять на переговорах с комиссией Боярской думы о прекращении военных действий. Не помогло и письмо Радзивилла к думным чинам. Они ответили, что «ежели король не отстанет от Лифляндии, то без кровопролития не пройдет».

Провал миссии Хоружева вынудил короля к военной демонстрации. В ливонские замки были введены литовские гарнизоны. В начале 1560 года, когда в Ливонии возобновились военные действия, король отправил туда отряд И. Ходкевича, но тот не решился вступать в столкновения с русскими войсками. В течение летней и осенней кампании 1560 года литовское посполитое рушенье также не открывало военных действий и осенью было отведено обратно в Литву и распущено. Сигизмунд II Август явно не был готов начинать большую войну.

В течение всего 1560 года между Москвой и Вильно продолжались напряженные дипломатические переговоры. Перед началом летней кампании Грозный опасался соглашений короля с Крымом. Поэтому наряду с ливонской проблемой русская сторона вновь подняла вопрос о «союзе противу турок». В июле посланник Н. Суцов, отправленный к королю, повез грамоту, где Иван IV красочно распространялся относительно «добра христианского» и настаивал на приезде очередного «великого посольства», чтобы «о добре христианском промышляти заодин». Однако притом Грозный резко высказывался против вмешательства короля в ливонские дела и отрицал его права «протектора» ордена. Инициатива Грозного была заведомо обречена на провал. Уже 15 июля прибыл литовский посланник Андрей Станиславович с недвусмысленным требованием вывода русских войск из Ливонии. При этом посланник ссылался на права короля на основании Виленского договора 1559 года. Было предъявлено также требование немедленного отпуска пленных ливонских рыцарей во главе с бывшим магистром Фюрстенбергом. В сентябре, накануне осенней кампании, король повторил эти требования через посланника М. Гарабурду. Последовал резкий отпор русской стороны. И.М. Висковатый, проводивший переговоры, заявил о непризнании

Москвой Виленского договора и возложил ответственность за возможное нарушение перемирия на литовскую сторону.

Казалось, что русско-польско-литовские отношения приближаются к развязке. Но перемирие все же было сохранено. Литовские войска в Прибалтике так и не открыли военных действий. Нежелание короля немедленно вступать в войну во многом объяснялось его неудовлетворенностью позицией Крыма. Непосредственно перед летним раундом русско-польско-литовских переговоров Сигизмунд II Август направил туда посольство во главе с С. Тышкевичем, который должен был нарисовать перед ханом впечатляющую картину нарушения перемирия «великим князем московским», его действий «в земле Ифлятской». Король добивался организации набега на московские «украины», обещая немедленно прислать «упоминки».

Однако набега не последовало, что было связано с успешным проведением русскими в этом году антикрымских операций. Тем не менее польско-литовская дипломатия продолжала активно действовать в Крыму, что серьезно беспокоило Москву. Там отлично понимали, что король вступит в войну только при условии договоренности с Крымом. Показательно, что в 1560 году русская дипломатия предпринимает настойчивые попытки уверить литовскую сторону в стабильном характере русско-крымских дипломатических связей. Так, в датированной августом наказной памяти послу Ф.И. Сукину предписывалось уведомить короля о происшедшем в январе того же года обмене грамотами между Иваном IV и Девлет-Гиреем I: «Крымский прислал ко государю нашему с грамотами государя нашего татар, которые были задержаны у царя за посла его Ян-Болдуя, а письмо государю нашему о дружбе и государь послал ко царю татар же»³⁷.

Уведомить короля об этом тем более было важно, что посольство Ф.И. Сукина ставило перед собой большую задачу: начать переговоры о женитьбе овдовевшего Ивана IV (после скоропостижной кончины его жены Анастасии Захарьиной-Юрьевой) на одной из королевских сестер — Екатерине Ягеллонке. Этот брак, по мысли окружения Ивана IV, мог предотвратить неуклонно назревавший конфликт. Речь шла о передаче вновь приобретенных владений «литовского короля» в Ливонии Грозному в качестве приданого. На остальной части Ливонии планировалось сохранить государство, возможно, под совместным протекторатом. Грозный рассчитывал также решить наконец вопрос о признании своего царского титула. В дальнейшем должен был быть заключен «вечный мир» и покончено с территориальными спорами.

Разработанный в Москве план был изначально нереализуем: король и ведущие политики и Короны, и Великого княжества не намерены были отказываться от притязаний на Ливонию. Перспективы нового брачно-

го союза Ивана Васильевича с представительницей династии Ягеллонов также не вызвали положительной реакции. В 1561 году начался новый этап русско-польско-литовских переговоров. Прибывшее в феврале польское посольство во главе с Я. Шимковичем привезло требования: подтвердить условия перемирия с его распространением на Ливонию, затем провести переговоры о заключении «вечного мира» на условиях, уже предложенных польской стороной в 1559 году, то есть отдачи Смоленска и всей занятой русскими войсками части Ливонии, а также Новгорода и Пскова, и только потом приступить к обсуждению вопроса о сватовстве царя. При такой позиции короля, разделявшейся польской и литовской политической элитой, провал переговоров был неизбежен. В этих условиях затронутый формально на переговорах вопрос о Крыме уже выглядел анахронизмом. Несомненно, в преддверии приближавшейся войны проблема отношений с Крымом имела для обеих сторон еще более острый характер, чем в 1557–1559 годах. В правящих кругах Русского государства вообще не сомневались, что Сигизмунд II Август замышляет поднять хана на Москву. Впоследствии, при переговорах с польско-литовским посольством в июне 1570 года, Иван IV в речи к послу Яну Скратошину напомнил, что король «в кою пору послал посла своего Яна Шимковича, а в те поры послал к крымскому к Девлет-Кирею царю гонца своего с тем, что он с ним нас для не раскинет и с ним всегда на христианство будет; то нам гораздо ведомо»³⁸. Действительно, в октябре 1560 года король отправил в Крым своего гонца Г. Кайдаша с очередным «листом», в котором вновь сожалел, что не состоялся обещанный крымский набег, и выражал уверенность, что он состоится в будущем году. Провал переговоров предопределил, как известно, дальнейшее участие Польско-Литовского государства в разделе «ливонского наследства» летом и осенью 1561 года.

В течение 1560 года агония ордена продолжалась. Успехи русских войск привели к его фактическому распаду. 4 июня 1561 года Ревель признал власть шведского короля. Влиятельные силы в Польско-Литовском государстве требовали решительных мер по полному подчинению ордена. Последовал поход Николая Радзивилла Черного к Риге, завершившийся подчинением последней осенью 1561 года. В ноябре в Вильно открылся сейм для окончательного утверждения условий подчинения. Магистр Кетлер принес на нем присягу королю в присутствии представителей ливонского рыцарства и городов. 28 ноября был подписан акт о присоединении Ливонии к Польско-Литовскому государству.

В сентябре 1561 года начались открытые столкновения с русскими войсками (взятие Торваста отрядами Радзивилла). Вступая в войну, Польско-Литовское государство не имело надежных союзников. Отношения с Девлет-Гиреем I оставались весьма неопределенными. Габс-

бурги достаточно прохладно отнеслись к только что осуществленной аннексии Ливонии. Серьезным конфликтом грозило соперничество со Швецией. Позиция Дании была также откровенно враждебной. Поэтому начало военного конфликта с Москвой ознаменовалось и в дальнейшем поисками дипломатических решений: все понимали необходимость оттянуть серьезное военное столкновение.

Ключевую роль в начавшемся конфликте для обеих сторон играла позиция Крыма. Очень многое зависело теперь от того, на южные рубежи кого именно из двух воюющих соседей направит свои набеги хан Девлет-Гирей. Это предопределило новый этап в развитии русско-крымских отношений.

Русско-крымские отношения в начале Ливонской войны. Принятие акта о присоединении Ливонии к Польско-Литовскому государству сделало войну неотвратимой. В условиях приближающегося конфликта Иван IV прекрасно понимал, что продолжать активную антикрымскую политику невозможно. Назревала необходимость принимать меры к установлению дипломатических отношений с Крымом. 16 декабря 1561 года из Москвы был отпущен находившийся в Русском государстве с декабря 1557 года крымский гонец Тутай Черкашенин. Вместе с ним в Крым был отправлен служивый татарин Девлет-Хозю Рязанов «с товарищи», который повез грамоту Ивана IV Девлет-Гирею I. Великокняжеская летопись крайне скупое говорит о содержании грамоты, ограничиваясь тем, что речь в ней шла о «дружбе меж государств» и о том, чтобы «гостям дорога отворилась»³⁹.

Б.Н. Флоря, опираясь на материалы крымской посольской документации, пришел к выводу, что в грамоте Ивана IV речь шла о предложении хану прислать задержанному крымскому послу Джан-Болды (Ян-Болдую) инструкции для заключения мирного договора. Исследователь имел в виду, очевидно, следующие послания Ивана IV Девлет-Гирею I, отправленные уже в 1562–1563 годах, где действительно есть упоминания о грамоте, отправленной с Девлет-Хозю Рязановым. В случае благоприятного ответа Девлет-Гирея I Грозный намеревался осуществить размен послов. Новым послом в Крыму предполагалось назначить Г.И. Нагого, который впервые за много лет должен был повезти туда «великие поминки». В Крыму не откликнулись на инициативу Москвы. Иван IV не получил ответа на свое послание. Таким образом, по мнению Б.Н. Флори, декабрь 1561 года является «не только фактической, но и формальной датой прекращения русского наступления на Крым»⁴⁰. С этим выводом можно согласиться только отчасти. Завершающий эпизод антикрымской политики Грозного относится к апрелю 1562 года, когда Д. Вишневецкий был последний раз послан на Днепр. 1562 год

ознаменовался крупным крымским набегом. Нападение крымцев нанесло серьезный урон Русскому государству⁴¹. А.А. Новосельский высказал мнение, что летопись смягчает картину татарского набега, ссылаясь на послание Девлет-Гирея I Сигизмунду II Августу, в котором крымский хан называет разоренными не только Мценск, но и города Одоев, Новосильск, Болхов, Белёв⁴².

Набег 1562 года, несомненно, оказал сильное влияние на дальнейшие внешнеполитические решения Ивана IV, продемонстрировав всю опасность польско-литовско-крымского согласия. Практически одновременно с этим царь получил известие об измене Д. Вишневецкого. Посланный в апреле на Днепр «недружбу делати» польскому королю и крымскому хану предприимчивый князь, уже давно связанный с королем, в июне-июле 1562 года отъехал в Литву к «польскому королю со всеми своими людьми, которые с ним были на поле». Хотя, по летописным данным, ушло в Литву только 300 человек, а часть каневских атаманов осталась на службе «у царя и великого князя», значение измены Д. Вишневецкого выходило за чисто военные рамки и было фактором большого политического значения. Отъезд Вишневецкого показал, что стремление Ивана IV использовать «украинных людей» для борьбы не только с Крымом, но и с Польско-Литовским государством не могло быть реализовано. Таким образом, была похоронена перспектива сочетания антикрымской политики с действиями против короля руками «украинных людей» для разжигания польско-литовско-крымских противоречий. Это явилось для Грозного еще одним аргументом в пользу замирения с Крымом.

Угроза внешнеполитической изоляции Русского государства и его дипломатия. В начале 1562 года внешнеполитическое положение Русского государства оставалось крайне неопределенным. Срок перемирия с Сигизмундом II Августом истекал, и не оставалось сомнений в том, что к лету на западных рубежах страны начнутся военные действия. В Прибалтике они уже открылись в сентябре 1561 года взятием Торваста. Однако и Сигизмунд II Август со своей стороны в начале 1562 года не был уверен в благоприятной для себя позиции Крыма. Неопределенность позиции Крыма наряду с проявившимися летом 1561 года польско-шведскими противоречиями также серьезно осложняли внешнеполитическое положение Польско-Литовского государства накануне начала войны. Внутриполитические осложнения, а также несовершенная военная организация Польско-Литовского государства явились важнейшими факторами в той сдержанной позиции, которую занял король в начале 1562 года.

6 марта 1562 года в Москву прибыл польский посланник Б. Корсак. В послании («листе»), доставленном Ивану IV, король возлагал на Гроз-

ного всю ответственность за ливонский конфликт и требовал прекращения войны. Король, впрочем, не исключал возможности новых переговоров. Сигизмунд II Август явно стремился выиграть время и предотвратить военное столкновение с Москвой до летних месяцев, когда он рассчитывал на набег Девлет-Гирея I. Однако смысл подобных демаршей короля был слишком ясен в Москве. Миссия Б. Корсака была заведомо обречена на провал. Сам характер королевского «листа» показывал, что польско-литовская сторона не намерена идти на уступки и в дальнейшем. Прекращение войны на условиях польско-литовской стороны фактически закреплявшее статус-кво в Прибалтике, не могло быть принято Иваном IV, ибо сводило на нет все многолетние усилия Русского государства в борьбе за Ливонию. В конечном счете ведущие переговоры члены комиссии думных чинов заявили Корсаку, что не только Ливония, но и сама Литва является «отчиной» московских государей. Тем самым вопрос о переговорах по ливонскому вопросу был снят с повестки дня. Вместе с тем миссия Б. Корсака окончательно «подвела черту» и под разговорами о каком-либо антикрымском соглашении между Москвой и Вильно. Именно в этом заключался смысл предъявления литовским дипломатам перехваченных в 1561 году Д. Адашевым посланий короля хану Девлет-Гирею I, отправленных с М. Гарабурдой. Русские дипломаты, таким образом, давали понять польской стороне, что в Москве прекрасно осведомлены о подстрекательской роли польско-литовской дипломатии. В апреле 1562 года Б. Корсак был отпущен. Это была последняя польско-литовская дипломатическая миссия в Москву до начала войны между двумя государствами.

Еще во время переговоров в Москве с Б. Корсаком правительство Ивана IV начало активную подготовку к военным действиям на западных рубежах страны. К Смоленску было отправлено большое войско под командованием бывшего казанского хана Шах-Али «для литовских людей приходу». Одновременно начались столкновения в Белоруссии, где отдельные русские отряды развернули военные действия в окрестностях Витебска, Дубровны и Орши. Начало военных действий на западных рубежах страны настоятельно потребовало отвлечения главных русских военных сил из Прибалтики. Поэтому первостепенное значение приобретало урегулирование отношений со Швецией и Данией. Перед русской дипломатией встала задача не допустить объединения всех соперников Русского государства в Прибалтике. Используя противоречия между противниками, в 1562 году она достигла больших успехов.

7 августа 1562 года в Можайске был заключен договор с датским посольством, по сути разграничивающий сферу интересов двух государств в Ливонии. За королем Фредериком II признавались права на часть Эстонии с Эзелем, за Иваном IV оставались все уже захваченные русскими войсками территории и, кроме того, признавались его права на

Лифляндию, находящуюся в руках Сигизмунда II Августа. Дания обязывалась также не оказывать помощь Польше и Швеции в войне против Русского государства. Договор носил, таким образом, отчетливо антипольский характер и обеспечивал Ивану IV относительно устойчивый тыл на прибалтийском театре военных действий. В том же году был ратифицирован договор с королем Швеции Эриком XIV, предусматривающий 20-летнее перемирие. Отношения со Швецией приобретали особое значение в условиях постепенно разгорающегося конфликта между Эриком XIV и Сигизмундом II Августом, хотя Грозный до времени и недооценивал возможности, открывавшиеся для него этим конфликтом.

Но если безопасность вновь приобретенных прибалтийских земель была отчасти обеспечена успешными действиями русской дипломатии, то безопасность «украинных» земель самого Русского государства находилась под угрозой, что показал набег крымцев летом 1562 года.

Между тем в преддверии осенней кампании в правящих кругах Польско-Литовского государства возлагали на предполагаемый новый крымский набег большие надежды, что проявилось в посланиях короля хану после получения известий о «фортунах» крымцев в их летнем походе. Однако когда вновь прибывший в Вильно посол хана Тагир аталык стал настаивать на отправлении «казны», король поставил условием первоначальную организацию нового набега. Отъезд нового литовского посла в Крым А.И. Владыки был отложен. В этих условиях возобновление в ноябре 1562 года русско-крымских дипломатических связей оказалось весьма своевременным. Царь спешил покончить с «крымским делом» накануне своего выступления в поход на Полоцк.

К осени 1562 года у Ивана IV по-прежнему находились отправленные в Ярославль крымский посол Джан-Болды (Ян-Болдуй) и два гонца — Джан-Мухаммед (Ян-Магмет) и Акинчей. Джан-Мухаммед (Ян-Магмет) был вызван в Москву и после аудиенции у государя отпущен в Крым. Впервые за долгие годы сношений Ивана IV с Крымом крымский гонец должен был ехать из Москвы к хану без сопровождения русского гонца, причем ему доверялось самому везти грамоты Ивана IV. В Москве решили не отправлять нового гонца до возвращения задержанного Рязанова. Тем самым, проявляя мирную инициативу, Москва «сохраняла лицо», не желая идти на односторонние уступки. В грамотах, которые вез Джан-Мухаммед, Иван IV выражал желание возобновить дипломатические отношения, провести обмен послов и после прибытия ответного гонца сразу же направить в Крым «большого посла» с поминками. После прибытия нового крымского посла должно было быть отпущено посольство Джан-Болды. Интересно, что, по летописным данным, Грозный обещал отпустить крымское посольство и в случае, если хан «не похочет доброго дела». Гонец повез также грамоту Ивана IV к «кня-

зю» Сулешу, где подтверждались все привилегии московского «амията» и предлагалось содействие в возобновлении дипломатических отношений. В грамоте Сулешу указывалось также, что на тех людей, которые «нас с братом нашим ссорили», наложена опала. Это замечание отражало стремление Грозного при «ссылках» с Крымом отнестись ответственность за антикрымские акции 50 — начала 60-х годов на «изменников». В целом главная цель гонца заключалась, по словам летописи, в восстановлении «дружбы и братства»⁴³.

30 ноября 1562 года Грозный отправился из Москвы в поход на Полоцк. Русская дипломатия весьма содействовала его успешному исходу. Она максимально использовала противоречия между Польско-Литовским государством, Данией и Швецией, приняла меры по «замирению» с Крымом. Тем самым была ликвидирована угроза полной внешнеполитической изоляции Русского государства.

В феврале 1563 года Полоцк был взят. Это событие серьезно подняло внешнеполитический престиж Русского государства.

Однако перед дипломатией России стояла теперь труднейшая задача — поддерживать противоречия в стане противников Русского государства, препятствовать созданию враждебных Москве коалиций и прежде всего не допустить военно-политического сотрудничества Польско-Литовского государства и Крыма. Требовалось, во-первых, поддерживать польско-шведские противоречия; во-вторых, не допускать вмешательства Порты в ход событий в Восточной Европе. Предстояло также всячески препятствовать ослаблению русского влияния там, где оно было достигнуто с таким большим трудом: на Кавказе и в Большой Ногайской Орде. Однако главные усилия предстояло употребить на решение балтийского вопроса, не допуская ни малейшей возможности упускать инициативу в дипломатических контактах с Польско-Литовским государством. Проблема заключалась в исключительно сложном и «многоуровневом» характере самой Ливонской войны. В связи с этим следует отметить точку зрения А.И. Филюшкина, который предлагает разделить балтийский вопрос как борьбу за доминирование на Балтике и ливонский вопрос как территориальный раздел бывших владений Ливонского ордена. А.И. Филюшкин полагает, что Ливонская война как таковая происходила, собственно, в 1558–1561 годах, а в дальнейшем происходила т. н. серия балтийских войн, включающая в себя русско-литовскую войну 1561–1570 годов, датско-шведскую войну 1563–1570 годов, «Баториеву войну» Русского государства и Речи Посполитой 1578–1582 годов и русско-шведскую войну 1578–1583 годов⁴⁴. Мнение А.И. Филюшкина, которое он отстаивает в своей монографии «Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков», бесспорно имеет под собой серьезную

аргументацию, однако в современной отечественной историографии понятие «Ливонская война» в настоящее время относится к периоду 1558–1583 годов и в этом смысле используется автором.

5. Русская дипломатия в разгар Ливонской войны

Дипломатические переговоры с Польско-Литовским государством. 1563–1567 годов. Успешное проведение зимней кампании 1562/63 года позволило правительству Ивана IV прибегнуть к дипломатическим маневрам с целью поиска компромиссов с Сигизмундом II Августом. Возможности таких компромиссов в принципе никогда не исключались русской дипломатией на всем протяжении Ливонской войны. Между двумя государствами переговоры, по существу, не прекращались все 60-е годы. Но их содержание, естественно, менялось в зависимости от международной обстановки и соотношения сил в зонах конфликтов.

Взятие Полоцка, явившееся тяжелым ударом для короля и правящих верхов Великого княжества, побудило его просить перемирия. Уже 21 февраля 1563 года в Полоцк явился гонец П. Бережицкий с предложением о заключении перемирия до Успеньева дня (15 августа). Грозный, сознававший необходимость закрепить вновь захваченные территории и, главное, стремившийся решить вопрос с Крымом, дал согласие. Обе стороны приступили к напряженной подготовке возобновления войны. Иван IV отправил в апреле посольство А.Ф. Нагого в Крым. Сигизмунд II Август собрал в мае литовский «вальный» сейм, на котором было принято решение о сборе войск. Одновременно король решил отправить, наконец, в Крым посольство А. Владыки. Но эта мера уже запоздала. К моменту его прибытия там полным ходом шли успешные переговоры о заключении русско-крымского мирного соглашения с посольством А.Ф. Нагого.

Не достигли успеха и попытки короля спровоцировать русско-шведский конфликт. Плохо обстояло дело и со сбором новых войск.

Тем временем истекал срок перемирия. Король и литовские политики приняли решение затягивать переговоры с Москвой, максимально продлевая срок перемирия, но откладывали отправку в Москву «великого посольства» для заключения перемирия на определенный срок.

13 июня 1563 года в Москву прибыл гонец Ю. Быковский. Переговоры с ним показали, что польско-литовская сторона тянет время, а на границе продолжались стычки небольших отрядов. Вообще перемирие плохо соблюдалось обеими сторонами. 10 июля к королю был послан А. Клобуков, заявивший протест против нарушения перемирия, но уведомивший польскую сторону о согласии продлить перемирие до 1 ноября. Грозный ждал известий из Крыма. Они пришли в сентябре и сразу

вызывали ужесточение русской позиции. Почти одновременно с гонцом Джан-Мухаммедом, привезшим вести об успешном ходе переговоров с ханом, 2 сентября прибыл королевский гонец В. Карнофель с предложением очередного продления перемирия до Благовещения (25 марта 1564 года). Однако на этот раз Грозный ответил решительным отказом. Гонцу было заявлено, что русская сторона продлевает перемирие только до Николина дня (6 декабря) и, если к этому сроку «великие послы» не придут, военные действия возобновятся. Соответствующая грамота была отправлена королю и возымела действие.

5 декабря 1563 года в Москву прибыло посольство во главе с Ю.А. Ходкевичем, Г. Воловичем и М. Гарабурдой. В пути польско-литовское посольство «обрадовали» известием о размене послов между Грозным и Девлет-Гиреем и сообщили, что «царь и великий князь с царем крымским в дружбе». Переговоры с посольством в Москве проходили крайне напряженно. Обе стороны предъявляли друг другу такие претензии, что вопрос о мире, по существу, был сразу же снят. Комиссия думных чинов, ведшая переговоры, потребовала сделать условием мира передачу России всех находящихся в составе Польско-Литовского государства древнерусских земель (Приднепровье с Киевом, Подолия, Волынь, Галич), не говоря уже о полном отказе от всех включенных в состав России прибалтийских земель и о признании царского титула Грозного. В свою очередь послы потребовали отдачи Новгорода, Пскова, не говоря уже о Полоцке, и отказа от русских завоеваний в Прибалтике. Переговоры кончились провалом. В историографии в целом признается неизбежная безрезультативность переговорного процесса исходя из непримиримости позиций сторон⁴⁵. Военные действия возобновились.

1564 год прошел в ожесточенных боях. Он начался сокрушительным разгромом русских войск в битве на реке Уле, где погиб князь П.И. Шуйский. Это сорвало план русского похода на Литву. Лето было заполнено мелкими пограничными столкновениями, но польская дипломатия использовала его для срыва русско-крымского соглашения. В сентябре–октябре 1564 года состоялся поход польско-литовских войск на Полоцк, совпавший с осенним набегом Девлет-Гирея I. Хотя поход и не увенчался успехом, он показал, что при координации польских усилий с Крымом Русское государство может оказаться в очень неустойчивом положении. Ответные действия русских в зимнюю кампанию 1564/65 года привели лишь к относительному успеху.

1565 год тоже прошел в мелких стычках. Сигизмунду II Августу не удалось ни собрать значительную армию, ни заручиться твердыми обещаниями Крыма на организацию набега. Более того, попытки короля обратиться за поддержкой в Стамбул с просьбой, чтобы Порты повлияла на крымскую позицию, не увенчались успехом.

В 1565 году возобновляются дипломатические переговоры между Москвой и Вильно. Первоначально они носили характер крайне осторожного и неопределенного прощупывания позиций друг друга, но отражали необходимость политического диалога, что сознавали обе стороны. Выиграть войну при существующем соотношении сил было малореально, расчет на помощь в лице Крыма не оправдался ни для одной из сторон, попытки привлечь новых союзников также не удались. Внимание Габсбургов было привлечено к подготавливаемому Портой новому наступлению в Центральной Европе. Скандинавские страны пока не намеревались вновь вступить в конфликт. В августе 1565 года гонец Узловский приехал в Москву просить о прекращении военных действий и поставил вопрос о возможности прибытия нового польского «великого посольства». Такое согласие было дано, и в ноябре 1565 года русский гонец отправился в Литву с «опасной» грамотой для послов. Он вернулся в феврале, однако посольство запаздывало. Тем не менее весной 1566 года военные действия не возобновлялись.

В апреле гонец Федор Юрага известил Ивана IV о скором прибытии посольства. Оно прибыло 30 мая, и в июне начались переговоры. Польскую сторону представляли Ю.А. Ходкевич, Ю.В. Тышкевич и М. Гарабурда. Русскую — комиссия думных чинов во главе с князем И.Д. Бельским. Ход переговоров неоднократно исследовался в отечественной историографии⁴⁶. Были ли переданные посольством мирные предложения дипломатическим маневром или отражали действительное желание короля прекратить войну — в историографии нет единства мнений по этому вопросу. Во всяком случае, на этот раз польско-литовская сторона проявила большую готовность к компромиссу. На первом этапе переговоров позиции сторон казались столь же далеки друг от друга, как и в 1563–1564 годах. Выдвигались прежние требования. Однако затем русская сторона отказалась от требований признания царского титула и согласилась уступить часть вновь завоеванных полоцких земель, Курляндию и некоторые спорные территории Белоруссии, причем на этих территориях находилось более 20 городов. Литовская сторона в итоге отказалась от притязаний на Полоцк, но настаивала на возвращении полоцкого Задвинья. Ливония должна была быть разделена на условиях *uti possidetis* (кто чем владеет в настоящее время). Последнее предложение литовской стороны и привело к неудачному исходу переговоров. Суть литовских предложений сводилась к тому, чтобы Россия не получила выхода к морю. Ведь в момент переговоров захваченные русскими войсками внутренние эстонские области отделялись от побережья частично польско-литовскими, частично шведскими владениями. Правда, в руках у русских оставалась Нарва. Но она, по мнению Грозного, не могла заменить собой Ригу, которая оставалась у короля. Русская сторона по-

требовала передачи ей городов по соседству с юрьевскими и псковскими владениями. Речь шла о Вендене, Вольмаре, Ронненбурге, Кокенгаузене. Но главным требованием Грозного была Рига.

Переговорам Грозный, как известно, придавал принципиальное значение. Был созван Земский собор, который отклонил польские предложения. Собор потребовал отдать Москве всю Ливонию и полоцкие земли за Двиной. Во второй половине июня посольство покинуло Москву. Однако предстояли новые переговоры. Официального перемирия заключено не было, но договорились, что до завершения переговоров «на границе быти тишине».

В историографии существует много точек зрения относительно того, насколько мнение Земского собора 1566 года отражало действительное положение вещей. Несомненно, однако, что Иван IV был летом 1566 года уверен в возможности завершить покорение Ливонии. Он расценивал литовские мирные предложения как доказательство слабости позиций короля. К тому же после приезда в августе крымских гонцов у Грозного вновь появились надежды на заключение соглашения с Крымом. Осенью 1566 года действительно последовал набег Девлет-Гирея I на южные области Польско-Литовского государства, о чем царь узнал в январе после приезда ханского гонца с извещением об уроне, нанесенном крымцами землям «недруга нашего». В этой обстановке в феврале 1567 года в Литву отправилось посольство во главе с опричным боярином Ф.И. Умным-Колычевым, Г.И. Нагим и дьяком В.Я. Щелкаловым.

Зимой 1566/67 года состоялся вальный сейм в Гродно. На нем в принципе было решено создать «посполитное рушение». Король начал подготовку к большой войне. Однако ему вновь, в который уже раз, требовалось дополнительное время. На границе обе стороны проводили спешные работы по укреплению старых и сооружению новых крепостей, но в принципе к крупным военным действиям в 1567 году ни в Москве, ни в Вильно не были готовы.

Переговоры русского посольства, продолжавшиеся до осени, завершились неудачей. В октябре 1567 года гонец Ю. Быковский потребовал прекращения переговоров. Однако международная обстановка к концу года стала меняться не в пользу России. На южном направлении назревали серьезные осложнения, вызванные активизацией антирусской политики Османской Порты и новым обострением русско-крымских отношений.

Дипломатические переговоры с Крымом. С началом войны с Польско-Литовским государством отношения с Крымом приобретают для Ивана IV особое значение. Не урегулированная в предыдущий период

крымская проблема грозила обернуться серьезными осложнениями на южных рубежах страны. В период Ливонской войны крымские набеги следовали практически ежегодно.

Вместе с тем с 1562 года русско-крымские дипломатические связи возобновляются, и перед Иваном IV появляется возможность добиться нейтрализации Крыма дипломатическим путем. Возможность эта, как известно, не была реализована. Вплоть до 1567 года русская дипломатия могла еще сдерживать угрозу южным рубежам страны. Это было связано с дипломатической миссией в Крым А.Ф. Нагого, отправленного туда в апреле 1563 года и находившегося там до осени 1573 года.

Формальным поводом для русского посольства в Крым явилось взятие Полоцка русскими в феврале 1563 года. Русский посол должен был в давних традициях русско-крымских отношений времен Менгли-Гирея I и Ивана III явиться «сеунчеєм», то есть вестником победы, и передать хану дары из трофеев, захваченных при взятии Полоцка. Главной задачей миссии А.Ф. Нагого было заключение мирного соглашения с Крымом. Девлет-Гирей I должен был принести «шерть» на основании «договорной грамоты», разработанной в Москве, которую русское посольство привезло с собой. Далее произошел бы обмен послов. А.Ф. Нагой возвращается с новым крымским послом в Москву, где Иван IV должен был «целовать крест» на договорной записи, после чего она считалась бы вступившей в силу. Далее из Москвы в Крым отправляется новый русский посол вместе с отпущенным прежним крымским послом Джан-Болды (Ян-Болдуем).

Речь шла, таким образом, о долгосрочном урегулировании русско-крымских отношений. Составленный в Москве проект мирного соглашения предусматривал восстановление русско-крымского союза против Польско-Литовского государства, запрет крымским татарам производить набеги на южные области страны. Говорилось там и о свободе передвижения для «торговых людей» двух договаривающихся сторон. Со своей стороны, Иван IV обещал воздерживаться от враждебных действий. Русскому послу надлежало сообщить об уходе от государя Д. Вишневецкого, «который собакою притек так собакою и утек».

Вместе с тем в инструкциях А.Ф. Нагому содержались четкие указания подтвердить окончательный характер присоединения к Русскому государству Казани и Астрахани, показать прочный характер связей Москвы с адыгскими князьями, «находившимися под рукой государя», и с Большой Ногайской Ордой Исмала. Подобный проект мирного соглашения неизбежно вызывал противодействие враждебных Русскому государству сил в Крыму, в первую очередь представителей казанской эмиграции и враждебных Исмаилу ногайских мурз, а также противников союзных Москве адыгских князей. Однако Грозный надеялся

нейтрализовать их, обратившись за политической поддержкой к представителям промосковской части крымской знати во главе с Сулешем, которому А.Ф. Нагой вез богатые дары и еще более щедрые обещания. Русским дипломатам было дано указание «переписать» всех представителей крымской знати, изъявивших готовность «служить государю», но одарить их Иван IV предполагал только после установления «доброго дела», то есть после заключения окончательного мирного соглашения. Русским дипломатам в Крыму предписывалось по мере возможности нейтрализовать деятельность польской дипломатии.

В июле 1563 года русское посольство во главе с А.Ф. Нагим прибыло в Крым. Практически одновременно туда прибыл и новый польский посол А. Владыка, с тем чтобы сорвать возможное русско-крымское соглашение. Начался многолетний «крымский аукцион» между польской и русской дипломатией, где почти все зависело от того, сколь велика будет сумма предполагаемой королевской «казны» по сравнению с московскими «поминками».

Начало деятельности А.Ф. Нагого в Крыму было удачным. На июльских аудиенциях у хана он добился решения вопроса о размене послов. Девлет-Гирей I назначил нового посла в Москву. Им стал Мурат-мурза — сын бека Сулеша, что явилось результатом предварительной договоренности А.Ф. Нагого с кланом Яшлавских. Однако вопрос о сумме поминок оставался открытым. Девлет-Гирей I стремился воспользоваться благоприятной ситуацией. Польскому послу А. Владыке было высказано недовольство хана длительным отсутствием «казны». Вместе с тем Девлет-Гирей I использовал прибытие польского посла для давления на Ивана IV, что нашло отражение в его послании московскому государю. До решения вопроса о количестве «поминок» русско-крымское соглашение было отложено. В Москву с посланием хана вновь отправился гонец Джан-Мухаммед вместе с последним русским гонцом, еще задерживаемым в Крыму, — служивым татаринном Девлет-Хозя Рязановым. В сентябре 1563 года они прибыли в Москву. Грозный согласился на требования Девлет-Гирей I, определившего количество «поминок» в размере, посланном с посольством князя А. Кашина-Оболенского к хану Сагиб-Гирею в 1542 году. Новым русским послом в Крым назначался Ф.И. Салтыков-Морозов. «Шертовать» Грозный предложил Девлет-Гирею I перед А.Ф. Нагим еще до приезда нового посла. Грамоту с этим предложением повез в Крым новый русский гонец Е. Ржевский вместе с отпущенным Джан-Мухаммедом. Грозный, прислав с новым послом большие «поминки», надеялся достичь соглашения до размена послов. Сам он обязывался «целовать крест» на «докончальной грамоте» при новом после Мурат-мурзе. «Поминки» должны были прибыть в Крым только после достижения мирного соглашения и превращались в средство давления на правящие круги Крыма.

Таким образом, недоверие сторон друг к другу сразу нарушило установление нормальных дипломатических отношений, чем не замедлили воспользоваться враждебные Москве силы в Крыму и за его пределами.

После прибытия гонца Е. Ржевского для А.Ф. Нагого начался период трудной борьбы за оформление русско-крымского соглашения, завершившийся 2 января 1564 года принесением «шерти» Девлет-Гиреем I. Заключительная фаза переговоров происходила на фоне усиливавшегося давления на хана со стороны польской дипломатии, которое было частично парализовано после получения в Крыму известия о русско-польском перемирии. Однако несмотря на принесение «шерти», договор фактически не имел силы. Девлет-Гирей I «шертовал» один, а «шерть» должна была быть утверждена «всей землей», то есть «большой думой» крымской знати. Но именно этого и не мог сделать Девлет-Гирей I, так как усиление в результате русско-крымского соглашения позиций Сулеша и его сторонников привело к активизации антимосковской группировки в Крыму. Расстановка сил была такова, что «большая дума» — курультай крымской знати — не одобрила бы русско-крымское соглашение. Девлет-Гирей I пошел на уступки. Ратификация соглашения «большой думой» не состоялась под предлогом того, что Иван IV должен был, по мнению крымской знати, «целовать крест» не перед новым крымским послом Мурат-мурзой, а перед старым — Джан-Болды. В итоге размен послов не состоялся. А.Ф. Нагой остался вместе с русским посольством в Крыму, а в Москву вместо нового крымского посла отправился гонец Ашибаш вместе с отпущенным Е. Ржевским. В послании к Ивану IV, отправленном с Ашибашем, Девлет-Гирей соглашался на размен послов только после принесения присяги Иваном IV в Москве. Таким образом, силам, враждебным Москве в Крыму, удалось вновь выиграть время и не допустить окончательного урегулирования русско-крымских отношений.

Между тем Иван IV надеялся на размен послов уже осенью 1563 года, придавая ему большое значение накануне прибытия в Москву польского посольства во главе с Ю.А. Ходкевичем и И.Г. Воловичем. В наказной памяти Г.И. Нагому, отправленному встречать польское посольство, от 4 декабря 1563 года говорилось о том, что поляков следует информировать о размене послов между Грозным и Девлет-Гиреем, и вообще сообщалось, что «царь и великий князь с царем крымским в дружбе». Крымскому послу надлежало быть на церемонии утверждения «правды» Иваном IV вместе с новым гонцом Девлет-Гирей I Ашибашем, который одновременно с Е. Ржевским 17 февраля 1564 года прибыл в русскую столицу.

Переговоры с Ашибашем проходили трудно. Крымскому гонцу были даны три аудиенции. На первой из них Ашибаш передал грамоту

Девлет-Гирея I Ивану IV, где хан указывал, что окончательная «шерть» возможна только после приезда в Крым большого посла с «великими поминками», а до того просил утвердить договорную запись по «шертной грамоте» от 2 января 1564 года (в ней фактически отсутствовали твердые обязательства «стоять заедин» против литовского короля). На второй аудиенции у Ивана IV Ашибаш дал разъяснения, что эта формулировка будет внесена в текст «шертной грамоты» только после получения в Крыму «поминок» в размере «Саип-Гиреевских» с новым «большим послом». Иван IV стремился уяснить, «люб или нелюб» Девлет-Гирею I список с «шертной грамоты», посланный с А.Ф. Нагим и содержащий русский проект соглашения, но крымский гонец так и не дал четкого ответа. Грозному стало ясно, что речь идет пока о предварительном соглашении, не утвержденном к тому же «большой думой» крымской знати. Но выбора не было. В итоге Иван IV «приговорил с бояры» послать в Крым «поминки» в размере, посланном с князем А. Кашиным в 1542 году при Сагиб-Гирее, и учинить «правду» перед Джан-Болды и Ашибашем.

5 марта состоялась торжественная аудиенция, во время которой Иван IV в присутствии митрополита «целовал крест» соглашению с Крымом. В договорной записи было указано, что на «Жигимонта Августа короля польского и великого князя литовского нам быти заедин». Кроме того, обе стороны обязывались «людям нашим нашего брата земле убытку не чинити». На основании этого списка должна была быть составлена «шертная грамота», которую после принесения «шерти» Девлет-Гиреем I следовало отправить в Москву с новым послом Мурат-мурзой. Там должна была быть составлена «докончальная грамота», на которой Иван IV будет опять «целовать крест», и с новым русским послом Ф.И. Салтыковым-Морозовым она будет отправлена в Крым. Таким образом, выработка окончательного соглашения с Крымом отодвигалась на неопределенный срок. По сути дела, в Москве и в Бахчисарае были заключены лишь предварительные соглашения, к тому же не совпадающие по многим пунктам, что отражало непримиримость позиций сторон. Так, если в «шертной грамоте» от 2 января 1564 года отсутствовали обязательства Девлет-Гирея I о военном союзе против Польско-Литовского государства, то в договорной записи 5 марта 1564 года не было точного определения размера «поминок». Русская сторона отвергла их, ссылаясь на то, что размер «поминок» в прежние договорные записи не вносился. Заключенное соглашение не стало надежной гарантией от крымских нападений, но это был определенный шаг вперед в урегулировании русско-крымских отношений. Заключением предварительных соглашений ознаменовалось окончание первого этапа деятельности посольства А.Ф. Нагого. Теперь необходимо было придать соглашению окончательный характер и закрепить его разменом послов.

Новому русскому посланнику Г. Злобину не удалось добраться до Крыма: он скончался в пути. Вместо него в Крым был послан Ф.А. Писемский, прибывший туда в мае 1564 года. В данных ему инструкциях содержались дополнения к «шертной записи», которые должны были быть включены в окончательный текст русско-крымского соглашения. Предлагалось внести в текст перечень русских городов, которые не мог «воевати» крымский хан. Список включал Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Стародуб, Почеп, Трубчевск, Чернигов, Брянск, Козельск, Белёв, Одоев, Тулу, Пронск, а также города рязанской и мещерской «украины». Русская сторона стремилась максимально расширить «зону безопасности» на своих южных рубежах.

Тем временем А.Ф. Нагой в Крыму продолжал дипломатическую борьбу за закрепление достигнутого предварительного соглашения. Хотя Девлет-Гирей I и выражал готовность до лета 1564 года пойти на мирное соглашение с Москвой, но по-прежнему не хотел вносить в текст «шертной записи» твердые обязательства о совместной борьбе с Сигизмундом II Августом. Для русских дипломатов это стало очевидно, когда в начале мая, обеспокоенный длительным отсутствием Акинчея, Девлет-Гирей I отправил в Москву нового гонца — бека Караша. Ему был дан список с «шертной грамоты», в котором, как выяснил А.Ф. Нагой, вновь не было упоминания о войне с королем. Караш прибыл в Москву в июне 1564 года, подвергнувшись в пути нападению «каневских» казаков. Его бумаги были утрачены, и Грозный оказался в известной мере дезинформирован о степени готовности Девлет-Гирея I идти на соглашение с Москвой. Обратный бек Караш отправился 16 августа 1564 года вместе с русским гонцом А. Мясным, не предполагая, что днем позже сам хан выступит с набегом на московские уkraine. Отпуск крымского гонца накануне набега вызвал красочный рассказ официальной великокняжеской летописи о вероломстве Девлет-Гирея I. В действительности, посылая князя Караша в Москву, Девлет-Гирей еще не предполагал отправляться в набег на московские уkraine.

Решающий поворот в крымской политике произошел уже после отъезда в Москву князя Караша, в мае–августе 1564 года. В конце мая 1564 года в Крым прибыл Ф.А. Писемский. В правящих кругах Крыма вновь разгорелась ожесточенная борьба по вопросу об отношениях с Москвой, в которой победили сторонники антимосковского курса. Анализируя ход этой борьбы, А.А. Новосельский указывал, что «в основе разрыва мирных переговоров с московским правительством лежали соображения политического характера». С этим утверждением историка нельзя не согласиться, хотя и вопросы «материального порядка» сыграли в летних событиях 1564 года свою роль. Помимо настроений, подогреваемых польско-литовской дипломатией, на позицию Девлет-Ги-

рея I в отношении Русского государства повлияли еще и такие факторы, как недовольство младших «царевичей» недостаточным, по их мнению, размером предназначавшихся им «поминок», привезенных Ф.А. Писемским, а также отказ А.Ф. Нагого удовлетворить претензии ряда крымских мурз на получение «жалованья» от Ивана IV, что предопределило их поведение в июле 1564 года на «большой» и «обычной» думах. Кроме того, в «обычной думе» против соглашения с Москвой выступили представители казанской эмиграции Ямгурчи-Ази и Ахмет-улан, а также «князь» Спат Черкасский — давний противник сторонника Москвы «князя» Темрюка. За ними стояли влиятельные круги ногайской и адыгской знати, кровно заинтересованные в разрыве с Москвой.

Сторонники разрыва с Москвой неуклонно укрепляли свои позиции благодаря активной поддержке польской дипломатии. Если на первом этапе рассмотрения «московского дела» в июне 1564 года они вынуждены были считаться с твердыми намерениями хана «замириться» с «московским» и на первый план выдвигали вопросы о незначительном размере «поминок» младшим «царевичам» и представителям знати, то по мере активизации польско-литовской дипломатии в ход были пущены аргументы более серьезного порядка. Анализ возражений участников «обычной думы» против союза с Москвой был проведен А.А. Новосельским⁴⁷. Из них следует выделить глубокий характер русско-крымских противоречий на Кавказе, прежде всего в Карарде, о чем неоднократно напоминал на совещаниях у хана «князь» Спат, четкое осознание реальности нового наступления на Крым в случае победы Ивана IV в войне против «литовского короля» и, наконец, угрозу Азову. Свою роль, несомненно, сыграли и напоминания казанской эмиграции крымского происхождения об утрате «Казанского юрта». В конечном счете, несмотря на сопротивление сторонников московской ориентации, вопрос о соглашении с Москвой был вынесен 28 июля на «большую думу», которая «приговорила» новые условия «замирения» с Москвой: уплата «поминок» в размере, присылаемом при хане Мухаммед-Гирее I, и, самое главное, уступка Казани и Астрахани. И хотя в первые дни у Нагого и Писемского еще оставались надежды исправить положение, после приезда 5 августа очередного литовского гонца с известием, что король посылает в Крым двойную «казну» и, сверх того, обещает взять на себя оплату «Сагиб-Гиреевских поминок», вопрос был решен окончательно. Уже 5 августа русским дипломатам объявили о желании хана мириться с Москвой на условиях «большой думы». Кроме того, Девлет-Гирей I распорядился фактически взять под арест русское посольство. 17 августа 1564 года хан выступил в набег на южные области Русского государства.

Девлет-Гирей I явно рассчитывал, что основные военные силы Русского государства будут находиться в Ливонии. Набег был, несомненно,

согласован с Сигизмундом II Августом. Летопись недвусмысленно связывает крымское нападение с походом короля под Полоцк в сентябре–октябре 1564 года. По летописным сведениям, «польские гонцы в Крыму совет учинили в одно королю Польскому притти со всеми людьми к Полоцку и Полоцка доставити, а Девлет-Кирею царю притти, перечи Ока-река и воевати коломенские места и к Москве итти». Как известно, Девлет-Гирей I не пошел к Оке. Получив от «языков» сведения о том, что Иван IV не отправился, как предполагали крымцы, в Ливонию, хан решил изменить направление набега. В первых числах октября крымцы силами примерно в 60 тыс. человек двинулись на рязанские места. Девлет-Гирей I стал под Рязанью, защищаемой воеводой И.А. Басмановым, и «распустил людей на войну». Во время стояния под Рязанью хан неожиданно предпринял попытку вступить в контакт с воеводой, чтобы передать послание Ивану IV. После ухода крымцев воевода незамедлительно известил об этом Грозного. На второй или на третий день осады к стенам Рязани неожиданно подъехали Мустафа «Черкашенин» и бывший крымский гонец в Москве Джан-Мухаммед, которые передали высланному к ним сыну боярскому В. Измаилову послание Девлет-Гирея I Ивану IV. В нем хан объясняет мотивы нарушения мирного соглашения и предъявляет Грозному требование немедленно отпустить из Москвы посольство Джан-Болды и выплатить «поминки» в размере «Мухаммед-Гиреевских». Об уступке Казани и Астрахани в грамоте не было ни слова. Однако Иван IV не знал конкретной обстановки в Крыму и сразу же после ухода татар отправил в Крым нового гонца с грамотой к А.Ф. Нагому, где требовал выполнения мирных соглашений и отказа хана от новых условий.

После возвращения Девлет-Гирея I в Крым из набега в ноябре переговоры с русскими дипломатами не возобновляются. В отсутствие хана в Крым прибыл русский гонец А. Мясной с «поминками». «Поминки» были отобраны, но гонец не получил аудиенции; не был принят калгой и гонец от царевича Ивана — служивый татарин Бейберя, прибывший в Крым в декабре 1564 года. Девлет-Гирей I вообще не поддерживал длительное время никаких контактов с русским послом.

Фактически с осени 1564 года до лета следующего года дипломатические контакты между Москвой и Бахчисараем отсутствовали. Тот факт, что в Крыму находилось русское посольство, препятствовал полному разрыву русско-крымских отношений, тем более что А.Ф. Нагой и его товарищи не были изолированы. Они поддерживали контакты с князем Сулешем и промосковски настроенными мурзами и постепенно добились возобновления переговоров с ханом. Набег 1564 года не привел к радикальному улучшению крымско-польско-литовских отношений, а, наоборот, усилил недовольство хана: обещанная «казна» не поступа-

ла. Сторонники сближения с Москвой постепенно восстанавливали свои позиции, тем более что Сигизмунд II Август вновь предпринял в начале 1565 года дипломатический демарш в Стамбуле, с тем чтобы побудить Девлет-Гирея I к летнему нападению на московские уклады. Но хан предпочел сначала дипломатическим путем выяснить возможность выполнения своих требований.

Хотя аудиенция А.Ф. Нагого и Ф.А. Писемского у хана так и не состоялась, Девлет-Гирей I пошел на возобновление дипломатических связей с Москвой. В мае 1565 года он отправил туда своего гонца Акинчей вместе с отпущенными русскими гонцами А. Мясным и Бейберем. Хан хотел до выступления в летний поход выяснить перспективы принятия Иваном IV новых крымских требований. Акинчей и русские гонцы прибыли в Москву в июне. На аудиенции у Ивана IV 5 июля 1565 года ему был передан категорический отказ вернуть Казань и Астрахань. Тем не менее гонец был незамедлительно отпущен вместе с русским гонцом С.А. Бертеневым и новым гонцом от царевича к калге Г.А. Темиревым. Столь быстрый отпуск крымского гонца показывал заинтересованность Ивана IV в поддержании регулярной связи с Крымом. И все же время опять было упущено. С.А. Бертеневу не удалось достичь Крыма до выступления Девлет-Гирея I в новый набег. Впрочем, содержание ответной грамоты Ивана IV к хану вряд ли могло удовлетворить враждебные Москве круги крымской знати. В грамоте Иван IV вновь отвергал крымские требования, а присылку «великих поминок» откладывал до размена послов. Задачи русской дипломатии в Крыму в новых условиях были определены в царской грамоте А.Ф. Нагому, где также содержались категорические указания не обсуждать с ханом вопросы об уступке Казани и Астрахани.

16 сентября 1565 г. Девлет-Гирей I и «царевичи» вышли из Крыма и вскоре повстречали С. Бертенева и возвращающихся крымских гонцов. Впоследствии в своей грамоте Ивану IV А.Ф. Нагой сообщил, что после встречи С. Бертенева Девлет-Гирей I якобы хотел приостановить поход, но «на царя и на царевича пришли земли со всем войском, что им воротиться немочно, потому что многие люди пошли на войну, а лошадей покупали заимья».

По сведениям разрядов, Девлет-Гирей I подошел к Волхову 7 октября 1565 г. и в тот же день отступил. Набег уступал по масштабам нападению предшествующего года. Ежегодно повторявшиеся набеги в условиях относительно регулярных дипломатических связей показывали двойственность политики Девлет-Гирея I, которую подчеркивали многие исследователи внешней политики России.

1566 год ознаменовался определенным улучшением русско-крымских отношений. Впервые за последние годы не состоялось нападение татар на

московские украины. Это было связано с началом военного конфликта Порты с Габсбургами, отвлекшего значительные крымские силы во главе с калгой в Венгрию. Одновременно происходит очередное ухудшение крымско-польских отношений. Девлет-Гирей I был недоволен военно-политическим сотрудничеством с королем в борьбе против Русского государства. Набег 1565 года не сопровождался одновременными действиями Сигизмунда II Августа на западных рубежах Русского государства. Вместе с тем этот набег в очередной раз отодвинул вопрос о размене послов с Иваном IV и о получении «великих поминок». Присланной королем «казны», как всегда, оказалось значительно меньше, чем ожидалось. В апреле 1566 года Девлет-Гирей I направил королю послание, в котором содержались резкие претензии относительно того, что король его с «Московским» ссорит, а когда крымцы совершают поход, то «сам туда и не хаживает». Девлет-Гирей I требовал обещанной выплаты компенсации за московские «поминки», однако король ответил отказом.

Постепенно хан предпринимал шаги по нормализации русско-крымских отношений. Не отказываясь формально от ранее выдвинутых требований уступки Казани и Астрахани, он, по существу, снял их в качестве первоочередных и ограничился требованием присылки «Мухаммед-Гиреевских поминок». Это впервые проявилось во время приема в Москве в марте 1566 года уже хорошо известного гонца Джан-Мухаммеда (Ян-Магметя), прибывшего вместе с отпущенным С. Бертеновым. Хотя и в посланиях хана, и в «речах», которые произнес на аудиенции у государя крымский гонец, требование Казани и Астрахани присутствовало, Джан-Мухаммед дал понять, что оно необходимо хану для оправдания своих набегов и он не рассчитывает на его выполнение. В Москве стало складываться впечатление, что крымцы не исключают дальнейших переговоров. Джан-Мухаммед был незамедлительно отпущен вместе с русским гонцом Я. Змиевым. В посланной через него грамоте Иван IV в крайне уклончивых выражениях обещал хану прислать «Магмет-Киреевские поминки» с новым послом Ф.А. Салтыковым-Морозовым. До этого хан должен был наконец подтвердить мирную «шерть», отложенную с 1564 года. Вопрос о Казани и Астрахани Грозный в грамоте не затрагивал.

Получив формальные подтверждения готовности Ивана IV выплатить «Магмет-Киреевские поминки», Девлет-Гирей I возобновил переговоры с А.Ф. Нагим и Ф.А. Писемским о заключении мирного соглашения. Но тексты 1564 года, ранее утвержденные в Москве и Бахчисарае, больше не устраивали хана. Он стремился убрать оттуда вообще все обязательства о войне с королем.

Обе стороны явно не доверяли друг другу. На приеме А.Ф. Нагого 16 июля 1566 года Девлет-Гирей I заявил ему: «И яз де з государем вашим ныне доброго дела хочу прямо. Только де государя вашего опасую-

ся и дважды о том ссыпаться не хочу. Государь де ваш не верит мне, а яз не верю государю вашему»⁴⁸. Тем не менее, используя то обстоятельство, что часть противников русско-крымского соглашения из числа крымской знати вместе с калгой находились «за морем», участвовали в венгерской кампании 1566 года Сулеймана I, Девлет-Гирей I выразил готовность принести «шерть», но на своих условиях. Последние исключали твердые обязательства крымцев воевать с Сигизмундом II Августом. Соглашение должно было утратить силу в случае, если Иван IV заключит мир с королем. Подобные условия вызвали протесты А.Ф. Нагого. Тем не менее Девлет-Гирей I вместе с царевичем Али-Гиреем и частью знати принесли «шерть». На этот раз он «шертовал» «всей землей» в присутствии русских послов. Но А.Ф. Нагой отказался признать эту «шерть». Переговоры опять зашли в тупик. Тогда было решено отправить в Москву нового гонца, Куремши, чтобы урегулировать все спорные вопросы. Куремши прибыл в Москву в сентябре 1566 года. Иван IV подтвердил ему готовность согласиться на уплату «Мухаммед-Гиреевских поминок». В Крым вместе с Куремши был отправлен гонец А. Новосильцев с предложением о мирном соглашении на условиях 1564 года, но с уплатой «Мухаммед-Гиреевски поминок». Гонец, однако, уже не застал хана в Крыму. Девлет-Гирей I совершал набег на южные земли Польско-Литовского государства. По возвращении хан отправил в Москву своего очередного гонца, который известил Грозного о крупном уроне, нанесенном королем татарами. В феврале 1567 года в Крым был отправлен очередной гонец С. Олябьев. Иван IV торопился заключить соглашение с Крымом, ибо не без основания предполагал, что в политике Девлет-Гирея I возможен очередной поворот.

Интенсивный обмен гонцами между Москвой и Бахчисараем фактически не привел к сколь-либо ощутимому результату. Несмотря на все усилия русских дипломатов, судьба соглашения находилась под угрозой.

Новый поворот в политике Крыма в сторону обострения отношений с Москвой, которого так опасался Иван IV, произошел летом 1567 года, причем его последствия оказались серьезными. Несмотря на многие общие черты с кризисом русско-крымских отношений 1564 года, события 1567 года отразили гораздо более глубокие противоречия между двумя государствами. Перелом в крымской политике почувствовался с начала 1567 года, когда в Крым стали возвращаться мурзы, участвовавшие в венгерской кампании султана.

Однако решающие события развернулись в летние месяцы: перед ханом встал вопрос о том, в каком направлении следует предпринять традиционный летний набег. Приезд гонца Олябьева в апреле 1567 года с «поминками» послужил сигналом для активизации всех сил в правящей верхушке Крыма, заинтересованных в разрыве с Москвой. В июле

хан отказался от размена послов и выдвинул новые требования. Вопрос о мирном соглашении был снят с повестки дня. Все усилия русской дипломатии в 1563–1567 годах добиться урегулирования отношений с Крымом не принесли успеха.

Курс на сближение со Швецией и план создания вассального Ливонского государства. После того как в 1562 году орден прекратил свое существование, территория бывшей Ливонии стала яблоком раздора между рядом стран. Территория бывшей Ливонии в конечном итоге представляла собой четыре зоны оккупации: русскую, польско-литовскую, шведскую и датскую. В руках Ивана IV оказалась Нарва, у Эрика XIV — Ревель, Сигизмунд II утвердился в Риге, в руках датского принца Магнуса оказались Аренсбург и Пернов. После поглощения остатков ордена Польско-Литовским государством к русско-польско-литовскому соперничеству добавилось польско-литовско-шведское. Перед русской дипломатией открывалась возможность использовать противоречия между участниками дележа Ливонии.

По мере ухудшения внутривосточных позиций Эрика XIV его стремление к миру с Москвой приобретало все более определенные очертания. Еще летом 1561 года в Москве со Швецией было заключено перемирие на 20 лет. Годом позже перемирие было подтверждено, а еще через год Эрик XIV предпринял новый шаг к соглашению с Россией. Лишь в 1564 году Москва пошла навстречу королю, и осенью было подписано перемирие. За Швецией признавались Ревель, Пернов, Виттенштейн и Каркус. Шведские и русские купцы получали свободу судоходства. В 1566 году начался новый раунд русско-шведских переговоров, и в феврале следующего, 1567 года был заключен союзный договор. Москва признавала все шведские завоевания в Прибалтике⁴⁹. Гарантировалась свобода торговли купцам в обеих странах. Шведы обязались снять блокаду Нарвы, обе стороны не заключали сепаратного мира с Польско-Литовским государством. Мало того, шведский король сделал Ивану Грозному заманчивое брачное предложение в виде руки Екатерины Ягеллонки, сестры короля Сигизмунда II Августа, жены своего брата Юхана, герцога Финляндии. То обстоятельство, что «жених» и «невеста» в то время состояли в браке, обе стороны не смущало. В историографии традиционно рассматривается этот план как «бредовая идея», однако в нем был определенный смысл: если бы брак состоялся, потомство от него могло претендовать на польско-литовский престол. Своеобразие характеров обоих монархов и их оригинальные представления о брачных отношениях делали план вполне реальным, несмотря на его кажущуюся абсурдность. Однако в сентябре 1568 года Эрик XIV был свергнут. На престол возшел супруг Елизаветы Юхан III, и русско-шведскому сближению был

положен конец. Договор 1567 года, который Иван Грозный в ожидании реализации своего «брачного проекта» не успел утвердить, потерял силу.

В 1568–1569 годах уменьшилась возможность России продолжать успешную борьбу за Ливонию. Неизбежно было возобновление войны как со Швецией, так и с Польско-Литовским государством. В правящих кругах Москвы постепенно вызревал план создания в Ливонии формально независимого государства, дабы облегчить решение балтийского вопроса. Как известно, на Люблинском сейме 1569 года правобережная Ливония перешла под совместное владение Великого княжества Литовского и Короны Польской. Курляндское герцогство стало вассалом Речи Посполитой. Это стимулировало планы Ивана Грозного.

После того как выяснилось отсутствие подходящего кандидата в правители из числа бывших руководителей ордена, внимание привлек принц Магнус Датский. Эта кандидатура могла укрепить союзнические отношения с Данией. Датская сторона после завершения конфликта 1563–1570 годов со Швецией (Штеттинский мир 1570 года) проявляла инициативу в обмене посольствами с Москвой для переговоров о том, чтобы внести ясность в вопрос о судьбе остатков своих «ливонских владений». Проблема заключалась в том, что почти все они находились в руках шведов, которые обязаны были по Штеттинскому миру вернуть их Дании, но, судя по всему, этого не намеревались делать. Король Фридерик II рассчитывал на помощь Ивана Грозного в этом вопросе взамен на посредничество в урегулировании конфликта со Швецией. Кандидатура брата Фредерика II — Магнуса, казалось, была весьма кстати. Большие надежды Иван IV возлагал на благожелательность австрийских Габсбургов.

В мае 1570 года Магнус прибыл в Москву, где был торжественно провозглашен наследственным королем Ливонии. Условия соглашения, по которому России оставалась свобода торговли и путей сообщения через Ливонию, а русские войска обязывались «оказать помощь» новому королю для овладения теми ливонскими городами, которые не признают его власти, наглядно показали, что Москва решила вновь начать борьбу за Прибалтику. Однако летом 1571 года Москве пришлось столкнуться со страшным крымским набегом. Развитие событий на юге страны на время лишило возможности вести активную борьбу за Ливонию.

Договор о перемирии с Речью Посполитой 1570 года. Инициатива с Магнусом осуществлялась в тесной связи с переговорами о перемирии с Речью Посполитой. Причины начала переговоров в историографии, как отечественной, так и зарубежной, трактуются как явное желание обеих сторон обеспечить «мирную передышку» ввиду абсолютной бесперспективности продолжения военных действий в условиях истощения

ресурсов. Как известно, вопрос о месте и начале переговоров был согласован в ходе обмена посланиями государя Ивана Васильевича с королем Сигизмундом II Августом. В феврале 1569 года Иван Грозный отправил к королю гонца Ф.И. Мясоедова с «опасной» грамотой для проезда «больших послов». В сентябре 1569 года литовский гонец А. Халецкий доставил «лист» короля Ивану Грозному, извещающий о скором прибытии посольства. Длительный перерыв в получении ответа польско-литовской стороны был связан прежде всего с напряженными переговорами в период люблинского сейма 1569 года об окончательном объединении Короны Польской и Великого княжества Литовского в единый государственный организм — «Речь Посполитую обоих народов». Польско-литовское посольство в составе Яна Скртошина (Яна Кротовского из Кротошина), воеводы инновроцлавского, Миколая Тальвоша, каштеляна минского, Рафаил Злешня (Лещинского), старосты радзиевского, и писаря Андрея Ивановича было подготовлено еще в августе 1569 года в Люблине, но прибыло в Москву только 3 марта 1570 года⁵⁰. Переговоры начались 10 мая и шли до 22 июня. Изложение хода переговоров имеется во всех классических трудах отечественной историографии XIX века, советской историографии и современной отечественной историографии⁵¹. Все исследователи выделяют ключевые направления действий польско-литовской дипломатии — стремление вести переговоры не только от имени своего монарха, но и шведского короля и сохранение принципа *uti possidetis* (кто «чем владеет») в территориальном разграничении между Великим княжеством Литовским и Русским государством при крайне жесткой позиции относительно возврата практически всей завоеванной Ливонии. Одновременно был проведен зондаж относительно возможности выдвижения кандидатуры Ивана Грозного на польско-литовский престол. Эта инициатива польско-литовской дипломатии имела далеко идущие последствия. Русская сторона занимала жесткую позицию по вопросу возвращения захваченных территорий в Ливонии. Одновременно шли переговоры и с шведским посольством Павла Юстена, что сыграло определенную роль в частичном изменении жесткой позиции польско-литовской стороны в вопросе о Ливонии. В конечном итоге был достигнут устраивавший обе стороны компромисс. 24 июня 1570 года состоялось утверждение договора Иваном Грозным — церемония крестоцелования государя с приложением печатей польско-литовских послов к «припеси». Таким образом, прекращение войны между Польско-Литовским и Русским государствами было зафиксировано Московским договором 24 июня 1570 года. Помимо договора о перемирии польско-литовское посольство заключило 22 июня 1570 года в Москве т. н. «Протокол (запись), приложенный к перемирию 1570 г.» о территориальном разграничении⁵².

Значение договора о перемирии, и в частности зафиксированного в договоре территориального разграничения 1570 года, остается предметом острых дискуссий и в отечественной, и в зарубежной историографии. В советской историографии восторжествовала точка зрения о том что перемирие было компромиссом. Так, А.А. Зимин оценивал его как «приемлемый для польской и русской стороны»⁵³. Новейший исследователь польский историк Иероним Грааля считает, что «перемирие, столь важное и желательное для обеих сторон, в том виде, в каком оно было заключено, не отвечало чаяниям ни Речи Посполитой ни России»⁵⁴. Польский историк аргументирует свой вывод незначительностью территории, остававшейся под контролем Русского государства в Ливонии (Дерптское епископство, восточная Эстония, замки Феллин, Оберфален, Нойхауз, Мариенбург и Эзель), и в то же время наличием исключительно удачного для Москвы пограничного разграничения непосредственно с Великим княжеством Литовским (оставление в ее руках Полоцка, контроль над большей частью спорных пограничных замков, в том числе таких важных пунктов, как Озерище и Сокол). И Грааля обратил внимание на то, что такое положение было чревато созданием благоприятных условий для дальнейшей экспансии Москвы на территории Великого княжества Литовского⁵⁵. А.А. Хорошкевич считает, что заключенное перемирие «ясно и четко продемонстрировало полное фиаско внешней политики Грозного на западном направлении»⁵⁶. Напротив, весьма позитивно оценивает итоги переговоров 1570 года для Русского государства Б.Н. Флоря: «Хотя по этому договору земли в Ливонии (в частности, в нижнем течении Западной Двины), занятые литовскими войсками, оставались на время действия договора за Речью Посполитой, русские власти получали запас времени, чтобы попытаться подчинить себе всю остальную Ливонию с ее главными портами»⁵⁷. В целом договор 1570 года отражал существующее соотношение сил между Речью Посполитой и Русским государством. Территориальное разграничение зафиксированное московским договором 1570 года оставалось в силе на протяжении всего «великого бескоролья», то есть с лета 1572 года по лето 1576 года и первые годы правления Стефана Батория вплоть до возобновления войны между двумя государствами летом 1579 года.

Договор был утвержден в Варшаве 2 мая 1571 года крестоцелованием короля Сигизмунда II Августа в присутствии послов князя И.М. Канбара и князя Г.Ф. Мещерского. Переговоры послов в Варшаве показали, что для политической элиты Речи Посполитой на первый план выходит проблема сохранения действия перемирия в случае кончины бездетного короля и начало «бескоролья» с непредсказуемыми последствиями. В связи с этим польско-литовской стороной был начат осторожный зон-

даж относительно возможности кого-либо из сыновей Грозного взойти на польско-литовский престол. Это увязывалось с заключением союза против Крыма. Предусматривался и компромисс в разделе Ливонии на антишведской основе. Однако Иван Грозный пока воздерживался от активизации контактов с Речью Посполитой. Возвращение посольства Канбарова и Мещерского произошло непосредственно перед крымским вторжением 1571 года. Крымская проблема становилась ключевой.

Урегулирование конфликта со Швецией в 1569–1572 годах. В сентябре 1569 года с целью урегулирования конфликта между Москвой и Стокгольмом, возникшего после государственного переворота в сентябре 1568 года и повлекшего за собой детронизацию короля Эрика XIV и вступление на престол Юхана III, в Новгород Великий прибыло посольство Павла Юстена. Для Ивана Грозного смена монарха на шведском престоле помимо расчетов на союз с Швецией в борьбе против Речи Посполитой означала крах его матримониальных планов, связанных с пресловутой историей его «сватовства» к Екатерине Ягеллонке, супруге нового короля Юхана III. К тому же государственный переворот в Стокгольме сопровождался насилиями против московского посольства. Озлобленность лично государя срывом его очередного брачного проекта и свержением союзного монарха привела к жестким действиям в отношении посольства, подвергшегося в Новгороде откровенному насилию, инспирированному лично Грозным.

Однако уже в следующем году пребывание шведского посольства на территории Русского государства было использовано как фактор давления на польско-литовских послов в связи с переговорами о заключении перемирия. Переговоры со шведскими послами шли в Москве в мае–июле 1570 года, одновременно с переговорами с поляками и литовцами. Однако руководители русской дипломатии и в первую очередь посольский дьяк А.Я. Щелкалов явно не придавали им серьезного характера. Когда на переговорах с польско-литовским посольством обозначился прогресс, шведские дипломаты были выпровожены в Углич. С сентября 1570 года по ноябрь 1571 года посольство находилось в Муроме. Переговоры со шведами были возобновлены в Новгороде в декабре 1571 года, где пребывал тогда Иван Грозный, и шли под его личным контролем. В условиях, когда после успешного летнего похода 1571 года главной внешнеполитической проблемой для Москвы стала крымская угроза, Иван Грозный пошел на заключение перемирия. Сил для одновременных наступательных действий против шведских владений в Ливонии и против шведской Финляндии в условиях сохраняющейся крымской угрозы явно не доставало. Однако «официально» целью пребывания Ивана Грозного в Новгороде была именно подготовка к походу против «непослушника

его, швейского короля». Швеция, с трудом выйдя из тяжелого конфликта с Данией, также была не готова к возобновлению войны. 7 января 1572 года был заключен русско-шведский договор, который был результатом дипломатического давления при переговорах. Швеция обязывалась выплачивать 100 000 ефимиков компенсации за бесчестие русского посольства в Швеции и прислать специалистов по горному делу. Предусматривалась присылка 200 конных воинов для отражения крымского нападения. В ответ русская сторона декларировала беспрепятственность взаимной торговли. Перемирие устанавливалось до 25 мая 1572 года, после чего должны были начаться новые переговоры.

В условиях угрозы нового крымского вторжения Иван Грозный рассматривал заключение договора как реальный успех. Однако после отражения похода хана Девлет-Гирея I летом 1572 года царь отказался от продления перемирия и последовало возобновление конфронтации со Швецией.

6. Русская дипломатия в период конфронтации с Крымом и Османской империей

Провал дипломатических переговоров посольства А.Ф. Нагого в Крыму. К 1569 году ситуация на южном направлении внешней политики Русского государства серьезно осложнилась. Началась открытая военная конфронтация Москвы с Портой, в которой, естественно, активное участие приняло Крымское ханство. Сами по себе отношения Москвы и Бахчисарая определялись все более настойчивыми требованиями со стороны хана «уступки» Казани и Астрахани, о чем сообщалось Ивану Грозному в посланиях, доставляемых со всеми прибывающими в течение 1567–1568 годов гонцами.

К 1567 году были окончательно прекращены шедшие с 1563 года переговоры русского посла А.Ф. Нагого с крымцами о возможности русско-крымского мирного соглашения. Крымская сторона помимо «уступки» Астрахани и Казани выдвинула требование сноса «городка» на Тереке, которое было отвергнуто. Иван Грозный проявил жесткость, так как уже в 1568 году начался зондаж польско-литовской дипломатии о заключении перемирия. К началу 1569 года перспективы переговоров о заключении перемирия отчетливо прослеживались, что лишило возможности Девлет-Гирея I шантажировать Москву угрозой заключения союза Крыма с Речью Посполитой в случае начала крупноформатных вооруженных действий в Ливонии и на западных рубежах Русского государства. Однако осенью 1568 года хан получил возможность оказывать давление на Москву, сообщая о предписании Порты участвовать в готовящемся походе османов на Астрахань.

Первые сведения о подготовке похода русские дипломаты в Крым получили еще в 1567 году. Летом 1568 года планы похода приобрели отчетливые очертания. Осенью 1568 года был заключен очередной договор Польско-Литовского государства с Портой, согласно которому польско-литовская сторона обязывалась выплатить «упоминки» Крымскому ханству безо всяких условий. Готовность Порты защищать интересы хана Девлет-Гирея I обуславливалась его активным участием в подготавливаемом походе.

Османский поход на Астрахань. Формальным поводом для астраханской экспедиции в изложении хана Девлет-Гирея I в его послании Ивану Грозному являлось недовольство Порты «закрытием дороги» половецким-мусульманам в Мекку: «И из Астрохани, и из Бухар, и из Шамархани, и из Ташкенти, и из Бухар, и из Шамархани, и из Ташкенти, и из Озямских земель хаживали к Мекке азеи, и дорога им была то. И наперед сего в той стороне которые ни приходили азеи, ничего не бывало. А ныне всем мусульманам насильство и лихо учинилось»⁵⁸. В случае полного успеха, при отказе Москвы от борьбы за возвращение Нижнего Поволжья, и дальнейших наступательных действий вверх по Волге, по сведениям хорошо информированного французского посла в Стамбуле, предполагалось восстановление «мусульманских юртов» (Астраханского и Казанского ханств) под турецким протекторатом⁵⁹. Однако в реальности речь шла о захвате османами Астрахани с целью прекратить постепенно разворачивающиеся дипломатические и торговые контакты Москвы с Сефевидами и прекратить усиление Москвы на Кавказе. Основной целью, судя по всему, была не экспансия вверх по Волге, а подготовка «удобного стратегического плацдарма для удара на сефевидский Иран заклятого врага османов на востоке»⁶⁰.

Ход военных действий в Нижнем Поволжье неоднократно освещался в историографии⁶¹. Провал экспедиции помимо просчетов османского командования, скрытого противодействия хана Девлет-Гирея I и, главное, своевременного подхода к крепости русской рати воеводы князя П.С. Серебряного был вызван и внешнеполитическими факторами. Дипломатическая подготовка похода оказалась недостаточной: Порте не удалось получить согласие польского короля на пропуск турецких войск через Подолию. Посольство Ибрагим-бея, прибывшее в Люблин, где проходил в то время «объединительный» сейм, не смогло сразу решить эту задачу. Затягивание решения этого вопроса задержало выступление турецких сил на Астрахань. При этом стала очевидна нереальность создания антимосковской коалиции с участием Речи Посполитой и Крыма под эгидой Порты, что показал фактический провал миссии в Стамбуле польского посла А. Тарановского.

Тем не менее следовало учитывать повторение похода османов. С целью выяснения планов Порты и хотя бы частично разрешения конфликта в Стамбул было отправлено посольство И.П. Новосильцева⁶². В Москве полагали, что главной причиной похода на Астрахань была не только постройка города на Тереке, но и в целом усиление влияния Москвы на Кавказе. Это тем более беспокоило Стамбул в условиях активизации контактов Москвы с Сефевидами. Русская сторона стремилась показать понимание обеспокоенности Порты и готовность к уступкам. В вопросе уступки Казани и Астрахани Москва заняла гибкую, но твердую позицию. Русскому послу И.П. Новосильцеву в Стамбуле удалось достигнуть определенного успеха, выразившегося в формальном отказе Порты от требования немедленной передачи Астрахани, а также в нежелании Стамбула оказывать давление на Москву в пользу отпуска задержанного крымского посольства Джан-Болды и выплаты очередных «поминок».

Между тем хан Девлет-Гирей I, участвуя в турецкой экспедиции на Астрахань, преследовал собственные цели, идущие вразрез с османской политикой. Для хана было неприемлемо ни установление прямого контроля Порты над Астраханью в случае ее захвата, ни восстановление там какого-либо государственного образования во главе с потомком династии астраханских ханов. Девлет-Гирей рассчитывал «посадить» там одного из своих сыновей. Это целиком и полностью лежало в русле династической традиции Гиреев, традиционно претендовавших на «астроханский юрт».

В конечном счете это вызвало недовольство Порты. Над ханом нависла угроза его смещения с престола. Миссию И.П. Новосильцева в Стамбул (а русский посол следовал туда и обратно через Кафу) Девлет-Гирей I воспринял крайне болезненно, справедливо полагая, что переговоры об Астрахани в Стамбуле шли за его спиной. В сложившихся обстоятельствах крупная военная экспедиция против России стала для Девлет-Гирея I единственно возможным выходом из тяжелого положения, в котором он оказался. Неоднократно высказываемая в отечественной историографии точка зрения о том, что крымское нападение 1571 года было инициативой Порты, находит подтверждение в источниках.

Знаменитый поход крымского хана, приведший к сокрушительным поражениям русских войск, страшному пожару Москвы и фактическому бегству Ивана IV в северные районы страны, был не только логическим завершением кризисных явлений, нараставших в русско-крымских отношениях с 1550-х годов и серьезно обострившихся в результате вмешательства Порты и Польско-Литовского государства, но и прежде всего результатом личных амбиций хана Девлет-Гирея I. Естественно, что, начиная кампанию, хан не мог предполагать ее результатов, однако им были четко определены требования русской стороне.

15 июня 1571 года последовала аудиенция у Ивана Грозного в селе Братошино крымских гонцов, во время которой в «речи» ханского гонца Девлет-Килдея был предъявлен фактический ультиматум хана об уступке Казани Астрахани. «И похочеш брат наш, с нами в дружбе и братстве бытии, и ты ныне нам Казань и Астрохань отдай»⁶³. Аналогичные требования содержались и в доставленном гонцом послании хана московскому царю. Однако в ходе аудиенции и при контактах приказных людей и толмачей с крымскими гонцами 16 июня стало ясно, что требование «уступки» Казани носит «ритуальный характер». 17 июня на второй аудиенции Иван Грозный в своей «речи» дал ответ крымским гонцам. Он в принципе согласился «для доброго дела» «поступиться» Астраханью, вместе с тем указав, что подобные «великие дела» не решаются гонцами и вопрос может быть решен только после того, как «мы с братом своим послы обошлются»⁶⁴. Таким образом, реальные условия и сроки «передачи» Астрахани Иван Васильевич затягивал на неопределенный срок — до нового «посольского размена». При этом с «передачей» Астрахани Иван Васильевич увязывал заключение долговременного военного русско-крымского союза, направленного против Речи Посполитой. Кроме того, саму «передачу» Астрахани крымским Гиреям Грозный представлял как создание нового государственного образования, аналогичного Касимовскому царству. Предполагалось, чтобы правитель восстановленного «астроханского юрта» назначался московским государем по представлению крымского хана. В Астрахани по-прежнему находились бы русские воеводы со «служилыми людьми». Все это было изложено Грозным в слегка «закамуфлированном» виде в грамоте хану, отправленной с гонцом Севрюком Клавшовым⁶⁵. Для Девлет-Гирея I это было неприемлемо. Хан рассчитывал после своего успешного похода получить согласие Порты на водворение в Астрахани одного из своих сыновей, естественно, при условии создания там сильной османской крепости, контролировавшей устье Волги, что по понятным причинам было абсолютно исключено для Ивана IV. Тем не менее осенью 1571 года хан в своем послании султану представил дело как безусловное согласие Грозного «на уступку Астрахани, при условии, у направят людей, облеченных полномочиями и к которым он может иметь полное доверие для переговоров»⁶⁶. Таким образом, ситуация, сложившаяся после «признания» Грозным возможности «передачи» Астрахани, неизбежно вела к новой русско-крымской конфронтации. В этих условиях Иван Грозный предпринял ряд военно-дипломатических комбинаций. В январе 1572 года, как уже говорилось, был заключен договор о перемирии со Швецией. В Стамбул было отправлено посольство А. Кузминского для прояснения намерений Порты. С осени 1571 года началась активная подготовка к отражению возможного нового крымского вторжения.

При этом Иван Васильевич не хотел ожидать крымского вторжения ни в Александровской слободе, ни тем более в Москве. Царь был намерен заранее отправиться в Новгород. Предлогом была организация очередного похода в Ливонию. Иван Грозный также планировал максимально затянуть переговоры с Крымом.

Дипломатические переговоры с Крымом накануне вторжения 1572 года. В декабре 1571 года, накануне своего отбытия в Новгород, Иван Грозный принял в селе Братошине очередных крымских гонцов. Место аудиенции было то же, что и в июне 1571 года. Важно, что Иван IV, по понятным причинам не желая пускать крымцев в сожженную Москву, не допускал их и в Слободу. Это было не случайно. Еще в октябре 1571 года он был извещен о прибытии в Путивль, через который шли в то время «ссылки» с Крымом, большой группы крымских гонцов во главе с Джан-Мухаммедом (Ян-Магметем), опытным крымским дипломатом, неоднократно бывавшим в Москве. Из сведений, сообщенных до приема крымцев прибывшим одновременно с Джан-Мухаммедом русским гонцом С. Клавшовым, было ясно, что крымская сторона потребует конкретной реализации озвученного летом 1571 года Иваном Грозным при приеме крымских гонцов согласия на «уступку» Казани и Астрахани. Эти требования были оглашены Джан-Мухаммедом на аудиенции у Ивана Грозного в селе Братошине. Крымский гонец заявил буквально: «Девлет-Кирей царь велел тебе брату своему говорити: недружба меж нас с тобою стоит для Казани и Асторохани, что те юрты были мусульманские дядь и дедов наших, и ты б нам те юрты Казань и Астрохань, не отнетываючися, дал нам»⁶⁷. Девлет-Гирей I в послании Ивану Васильевичу с гонцом Джан-Мухаммедом также потребовал конкретизировать сроки передачи Астрахани и вновь поставил вопрос об «уступке» Казани. К лету 1572 года хан предлагал провести посольский размен у Путивля с предварительным принесением там «шерти» (клятвы) своего эмиссара бека («князя») Сулеша и представителя Ивана IV, то есть проведения посольского съезда. Возможность такой формы дипломатических переговоров уже давно рассматривалась в переписке между московскими государями и крымскими ханами, но стала реализовываться только с 1578 года. В случае отказа хан недвусмысленно угрожал повторным нападением. Таким образом, решающий поворот в сторону русско-крымской конфронтации обозначился именно в декабре 1571 года, когда Иван Грозный принимал в селе Братошине крымских гонцов во главе с Джан-Мухаммедом, что определило линию государя при его пребывании в Новгороде Великом. Иван Грозный еще до аудиенции принял решение затягивать отпуск гонцов до завершения своего пребывания в Новгороде Великом. Об этом он лично известил крымцев в ответ-

ной «речи» на аудиенции в Братошине: «Ныне и вас отпустить неколи, что идем для своего дела в свою отчину в Великий Новгород»⁶⁸. При этом в своей речи Иван Васильевич подчеркивал, что в Новгороде Великом подготавливается крупномасштабная акция не только против Шведской Короны, но и против Ливонии: «...которые немецкие люди у нашей отчины были. Да те ныне поворовали-поотложились»⁶⁹. Таким образом, пребывание Ивана Грозного в Новгороде Великом было не «бегством», а хорошо продуманным решением, имевшим огромное значение для последующих событий. Иван Грозный прибыл в Александровскую слободу и 21 января 1572 года дал указание отправить крымских гонцов к селу Братошину, где им была назначена отпускная аудиенция. Отпускная аудиенция крымцев действительно состоялась в Братошине 5 февраля 1572 года Иван Грозный лично дал «объяснения» невозможности немедленного выполнения требования «уступок» Казани и Астрахани в объемной «речи» перед крымцами. Главный аргумент государя заключался в организации нового посольского размена, после чего должны были последовать переговоры о заключении договора об условиях передачи Казани и Астрахани: «А просит у нас царь [хан. — А. В.] Казани и Астрохани, и без договору и без послов как такому великому делу сстаться, что нам Казани и Астрохани поступитися?»⁷⁰ Таким образом, Иван Васильевич не дал ясного ответа на крымские требования, вновь предлагая осуществить «посольский размен», о чем он известил хана с отправленным в феврале 1572 года вместе с отпущенным Джан-Мухаммедом гонцом Иваном Судаковым-Мясным в своей грамоте к Девлет-Гирею. Тактика Ивана Грозного была направлена на затягивание переговоров. Однако было очевидно, что вопрос о крымском нападении после фактического отклонения ханских требований был решен. После аудиенции крымцев в Братошине Иван Грозный вернулся в Новгород Великий. Там он встретил известие о разгроме крымской орды в битве при Молодах. Все современники прекрасно сознавали значение этой победы не только для отношений Москвы с Крымом, но и для общего развития ситуации в межгосударственных отношениях в Восточной Европе.

Русское государство и Крым после провала крымского вторжения 1572 года. 4 сентября 1572 года в селе Лучанском Иван Грозный принял крымских гонцов, отправленных «с обратного пути» ханом Девлет-Гирем I. На этот раз Иван Васильевич, выслушав «речь» ханского гонца Шах-Али, содержащую прежние требования «уступки» Казани и Астрахани, не дал крымцам никакого ответа⁷¹. Гонцы были задержаны. Неизбежное задержание русских послов и гонцов в Крыму царя не смущало. Ему желательно было на время прекратить все связи с Крымом для прояснения стремительно меняющейся политической ситуации в Восточной Европе.

Фактически одновременно с крымскими гонцами в Москву прибыл литовский гонец Ф. Воропай, привезший уже известное Грозному официальное извещение рады панов Великого княжества о смерти короля Сигизмунда II Августа. Начавшееся «бескоролевье» в Речи Посполитой, помимо всего прочего, делало невозможным на неопределенный срок какое-либо соглашение Крыма с Польско-Литовским государством, направленное против Москвы. Между тем, выступая в поход из Перекопа в июне 1572 года, хан Девлет-Гирей I направил послания королю Сигизмунду II Августу о начале своего похода против Москвы, фактически предлагая разорвать перемирие с «общим недругом».

Расчеты Грозного на этот раз оправдались. Крымская сторона вынуждена была по прошествии года сделать «первый шаг» в восстановлении «ссылок» с Москвой.

29 ноября 1573 года в Москву прибыло посольство А.Ф. Нагого: «Приехали ко государю, царю и великому князю из Крыма Офанасий Федорович Нагой да Федор Андреевич Писемский да Иван Мясной да Никифор Свечников и служивые татары, которые вместе с ними в Крыму были. А грамот с ними Девлет-Кирея царь ко государю царю и великому князю не прислал, ни словом с ними ко государю царю и великому князю не приказал»⁷². Выдворение всех без исключения дипломатических представителей Русского государства из Крыма, включая служивых татар без посольского размена с задерживаемыми в России крымскими дипломатами и даже без предварительного уведомления русской стороны об отпуске посольства было из ряда вон выходящим случаем, который не имел аналогов, по крайней мере исходя из сведений, содержащихся в сохранившейся русской посольской документации по связям с Крымом в XVI веке. Впрочем, послы «сказывали», что вслед за ними едут крымские гонцы «Мустофа с товарищи». Гонцы были приняты 30 января 1574 года «на стану под Москвою» вместе с задержанными послами и гонцами Джан-Болды, Ших Али и другими. Обширная «речь» Ивана Васильевича содержала крайне жесткий ответ на все крымские требования относительно «уступки» Казани и Астрахани. При этом Иван Грозный четко указал, что Крым всегда являлся «одной саблей», угрожающей Москве, Казанская земля — «другой», Астраханская — «третьей», Ногайская Орда — «четвертой», а Литва — «пятой», правда, с многозначительной оговоркой, что с ней, возможно, «помирится». Были вспомнены все «недружбы» Крымского ханства. Хан Девлет-Гирей I обвинялся в нарушении принесенной им шерти на русско-крымском договоре 1564 года. Царь особо отметил факт «выбивания» русских послов из Крыма «не по прежнему обычаю»⁷³.

Прием гонцов и послов помимо конфликта «протокольного характера» — ханский гонец Мустафа имел неопределенный статус (в пути назывался купцом, на аудиенции представлен как гонец) показал тупикивость

ситуации, возникшей в «ссылках» между Москвой и Бахчисараем. Крымская сторона, не желая отказываться от своих требований «мусульманских юртов», не имела возможности для военного давления на Русское государство. «Бескорольевье» привело к активизации действий против османских владений в Причерноморье приднепровского казачества, затрагивающих и Аккерман — единственный порт в Крыму, который контролировался крымскими ханами. Нападениям подвергались и непосредственно улусы крымских ногаев (мангытов), чей карача-бек Дивей попал в плен при Молодях. Тем не менее Иван Грозный считал целесообразным отпустить часть гонцов во главе с Мустафой. Одновременно было отпущено многострадальное крымское посольство Джан-Болды, который непосредственно перед этим скончался в мае 1574 года. В Крым отправлялся гонец Иван Мясоедов. Он не имел полномочий на переговоры, и главной целью его миссии было выполнение задач разведывательного характера, в том числе относительно возможной смерти хана Девлет-Гирея I, слухи о тяжелой болезни которого уже давно доходили из Крыма. После этого «ссылки» между Москвой и Бахчисараем были прерваны до весны 1576 года.

Итак, крайне опасный для Русского государства период военных действий с Крымом был завершен осенью 1572 года, когда орда Девлет-Гирея I была разбита в битве при Молодях. С 1573 года на южных рубежах страны установилось относительное спокойствие. Одновременно Ивану Грозному удалось переломить опасную тенденцию к прекращению со стороны Бахчисарая дипломатических переговоров с Русским государством как с равноправным партнером. Иван Грозный приступил к давно задуманному «окончательному» завоеванию Ливонии.

На 1572–1577 годы приходится наиболее удачный период борьбы Русского государства за Прибалтику. Москва вышла из международной изоляции и, впервые за долгие годы обеспечив относительную безопасность южных рубежей и долговременное прекращение военных действий на западных границах, смогла сосредоточить усилия на северо-западном направлении. Однако этот период сменился полосой серьезных поражений, приведших к неудачному исходу войны. Главными факторами столь радикального изменения были «бескорольевье» в Речи Посполитой и последовавшие политические осложнения.

7. Русская дипломатия в заключительный период борьбы за Ливонию

Переговоры о продлении перемирия с Речью Посполитой и зондаж выдвижения кандидатуры Ивана Грозного на польско-литовский престол в начальный период «великого бескорольевья». С июня 1572 года, то есть после смерти короля Сигизмунда II Августа, по июнь 1576 года,

то есть до элекции короля Стефана Батория, в Речи Посполитой имело место т. н. «великое бескорольевье», прерванное лишь кратковременным пребыванием там с января по июнь 1574 года короля Генриха Валуа («Валезия»). «Великое бескорольевье» в Речи Посполитой в корне изменило ситуацию с перемирием. Формально перемирие истекало к маю 1574 года, однако обе стороны прекрасно сознавали правовую и фактическую неопределенность ситуации. В Великом княжестве, наиболее заинтересованном в сохранении перемирия, реальной властью в период «бескорольевья» обладала рада панов, в Короне Польской — сенат во главе с архиепископом Гнезинским, который по Люблинскому соглашению должен был включать в себя представителей Великого княжества Литовского, но в условиях «бескорольевья» фактически состоял только из представителей Короны. Интересы обоих государств, составляющих Речь Посполитую, далеко не совпадали, в том числе и по вопросам внешней политики. Расколоты были и верхи, и вообще весь «политический народ» (шляхта) и Короны, и Великого княжества Литовского. Вопрос о сохранении и продлении перемирия оказался неразрывно связан с «предвыборной борьбой».

Позиции литовской рады панов и коронного сената по необходимости продления перемирия в целом совпадали, однако между ними сохранялись огромные противоречия относительно того, как связать сохранение перемирия с возможной элекцией Ивана Грозного или его сына Федора на польско-литовском престоле. В целом проблема взаимоотношений Речи Посполитой с Русским государством в период «великого бескорольевья» оказалась тесно связанной с элекционной ситуацией и вообще с вопросом о будущем польско-литовской конфедерации. Эти вопросы всесторонне рассмотрены в дореволюционной отечественной историографии, а также в современной отечественной и польской историографии⁷⁴. Сохранение перемирия де-факто формально до прибытия новых «великих послов» обговаривалось в период «первого бескорольевья» при приеме гонца Ф. Воропая в сентябре 1572 года и посланника М. Гарабурды в январе–феврале 1573 года. При этом это было связано с возможностью элекции Ивана Грозного или царевича Федора на польско-литовский престол. После переговоров с Гарабурдой последовала кампания 1573 года в Ливонии, направленная против шведов, но затрагивающая и владения Речи Посполитой. Тем не менее, как констатирует В. Новодворский, «цель, с которой Гарабурда ездил к Иоанну, была достигнута: перемирие не было нарушено, хотя и не вполне»⁷⁵. После элекции Генриха Валуа («Валезия»), до его прибытия в Речь Посполитую с посланником А. Тарановским в июле 1573 года польско-литовская сторона предлагала сохранить перемирие до обмена послами с новым королем. Грозный согласился продлить перемирие до августа 1574 года.

Между тем общая ситуация в Речи Посполитой, несмотря на избрание нового монарха, оставалась неопределенной. В борьбу за польско-литовский престол вступил император Максимилиан II, что придало новый импульс отношениям Москвы с австрийскими Габсбургами.

В июле 1573 года в Новгороде Великом перед ним предстал эмиссар «кесаря» Максимилиана II М. Паули с важным посланием. Император дал понять, что не возражает против «разделения» Речи Посполитой при условии заключения антиосманского союза. Габсбурги претендовали на элекцию в Короне Польской, «оставляя» Москве Великое княжество Литовское⁷⁶. Иван Грозный не исключал, что «Валезий» не будет пропущен Габсбургами в Краков к назначенному при элекции сеймом Речи Посполитой сроку. На такое развитие событий намекал государю и прибывший для продления перемирия посланник А. Тарановский⁷⁷. Однако к началу 1574 года стало ясно, что «Валезий» водворится в Кракове.

В период кратковременного правления «Валезия» Иван Грозный занимал выжидательную позицию как в отношении продления перемирия, так и в плане дальнейшего развития событий в Речи Посполитой. После бегства «Валезия» во Францию, где ему предстояло занять королевский престол после кончины его брата короля Карла IX, польско-литовская сторона просила продлить перемирие до элекционного сейма. Все это сопровождалось зондажом о выдвижении кандидатуры Грозного на польско-литовский престол.

15 августа 1574 года в Старицу прибыл вернувшийся от императора гонец Константин Скобельцин. Итоги его миссии, рассмотренные Я.С. Лурье, при всей непрочности московско-габсбургского сближения показали перспективы сотрудничества двух сторон в условиях возобновления «бескорольев» в Речи Посполитой⁷⁸.

В начале августа 1574 года границу перешло польско-литовское посольство Б. Завацкого и М. Протасьевича, принятое затем государем в Старице. В сентябре отпущенные послы благополучно перешли рубеж. В историографии существует предположение, что послам удалось продлить перемирие до Успеньева дня 1576 года (август)⁷⁹. Косвенным подтверждением этого является фрагмент послания объединенного («спольного») Сената Речи Посполитой Грозному от 8 июня 1575 года доставленное Ф. Ельчаниновым⁸⁰. Русская сторона, как известно, ставила сохранение перемирия в зависимость от исхода «предвыборной борьбы» в Речи Посполитой. «Бескорольеве», таким образом, давало Москве временную «свободу рук» в Ливонии. Шведская корона не могла не учитывать возможность появления Ивана Грозного или его сына на престоле Речи Посполитой. В результате в 1575 году, в разгар «элекционной борьбы» в Речи Посполитой, шведская сторона пошла на мирные переговоры.

Русско-шведский конфликт 1573–1577 годов. Договор 1572 года со Швецией утратил силу после возобновления по инициативе Ивана Грозного военных действий в Прибалтике.

Иван Грозный в 1573–1575 годах предпринял успешное наступление против шведов в Ливонии. Ответом на него могли стать действия шведов в направлении Орешка и Корел. Однако для организации военной кампании у Юхана III не хватало военных ресурсов. В итоге было решено начать переговоры. В январе–мае 1575 года в ходе обмена гонцами через Орешек стороны договорились провести посольский съезд на Сестре. Необходимость заключения нового русско-шведского договора о перемирии определялась для обеих сторон неготовностью к возобновлению крупномасштабного военного конфликта.

6 июля русское посольство прибыло к реке Сестре, и 8 июля начались переговоры, продолжавшиеся до 13 июля. Переговоры со шведами шли, как всегда, непросто. Шведская сторона вновь подняла вопрос об отмене унижительного посольского обычая сношения с Русским государством через Новгород Великий. Вновь встал вопрос о равноправности сторон. Жесткая реакция шведской стороны касалась требований дать 200 вооруженных всадников для борьбы против Крыма, непризнания Иваном Грозным Юхана III в качестве брата. Однако общая заинтересованность достигнуть перемирия возобладала. При этом обе стороны старательно обходили вопрос о Ливонии. Формально договор касался прекращения военных действий на финско-карельской границе и в Ингрии (Ингерманландии). Главным содержанием договора было обязательство шведской стороны не делать нападений в направлении Новгорода Великого, Орешка и Карелы.

Договор был заключен 13 июля 1575 года⁸¹. Срок его был определен в два года от Дня святого Ильи, то есть от 20 июля 1575 года до 20 июля 1577 года.

В августе 1575 года текст договора был доставлен к Ивану Грозному в Старицу. Государь не спешил с ратификацией, выжидая развитие ситуации. В июне 1576 года ратифицированная государем «перемирная грамота» была отправлена с гонцом И. Скальмом. Одновременно Грозный в послании королю выражал согласие на новый посольский съезд. Повторно это предложение было направлено в ноябре, причем Грозный уже предлагал провести переговоры не на границе, а в Москве. Это «сенсационное» изменение после 1569–1570 годов порядка русско-шведских дипломатических «ссылок» должно было содействовать согласию шведов на переговоры в условиях военного давления на их владения в Ливонии. Шведская корона, как известно, не дала на это согласие. К этому времени в результате русской военной кампании 1576 года в Ливонии в руках Юхана III оставался только Таллин с окрестностями. Последова-

ла новая русская военная кампания 1577 года в Ливонии. Формально она не затрагивала русско-шведского конфликта, так как была направлена против владений Речи Посполитой, на деле речь шла о конфронтации со Швецией. Находясь в эйфории от захвата почти всей Ливонии, Иван IV угрожал Юхану III войной на финской границе, но затем отказался от этих намерений. В июне 1577 года Иван Грозный в послании к королю информировал, что «войны и рати всчинати не велели до Николина дни осеннего 7086 г.». В конечном итоге в результате обмена посланиями было установлено перемирие сроком на девять месяцев до мая 1578 года. Иван Грозный твердо рассчитывал на удержание большей части Ливонии. Даже в случае возобновления войны против Речи Посполитой при невмешательстве в события Шведской короны. Однако в отношении Швеции он недооценил противника. Дальнейшее развитие событий показало, что уверенность Грозного в невозможности борьбы Шведской короны за утраченные ливонские владения оказалась иллюзорной.

Русская дипломатия на завершающем этапе «бескорольевья» в Речи Посполитой. В конце лета 1575 года Иван Грозный стал рассматривать варианты своего выдвижения на престол Речи Посполитой. Идея своего водворения и в Кракове и в Вильно, возможно, изначально отвергалась царем как нереалистичная, однако при контактах, как официальных, так и неофициальных, с представителями политических кругов, группировок шляхты как Польши, так и Литвы категорический отказ «не озвучивался». Более реальной выглядела возможность «оторвать» от Польши Великое княжество Литовское. При этом решался вопрос о занятой Польско-Литовским государством части Ливонии. Русская дипломатия стала действовать в этом направлении с начала 1576 года, после того как наметилось сотрудничество с императором Максимилианом II.

В январе 1576 года государь принимал в Можайске имперских послов И. Кобенцеля и Д. Принца. Ход переговоров обстоятельно изложен в отечественной историографии⁸². Наибольшее распространение получила точка зрения согласно которой переговоры активизировали действия русской дипломатии на польско-литовском направлении. 14 января 1576 года, вернувшийся из Речи Посполитой гонец С. Басталов доставил сведения о ходе «предвыборной борьбы», главными из которых являлись успехи «кандидатуры» трансильванского князя Стефана Батория. Вероятно, тогда этому не было придано серьезного значения. Басталов сообщил, что следом за ним двигаются литовские посланники. В Речь Посполитую был отправлен давно снаряжаемый (с августа 1575 года) А.З. Новосильцев, находившийся наготове в Смоленске. Этому предшествовало интенсивное обсуждение «польско-литовского вопроса» ближайшим окружением Грозного.

На ход обсуждения положения дел с выборами в Речи Посполитой явно повлияли переговоры с имперцами. Если первоначально А.З. Новосильцеву надлежало выставить кандидатуру Грозного на престол Речи Посполитой, то в грамоте «спольному» сенату Речи Посполитой, отправленной с отпущенным польско-литовским посольством, речь шла о «сепаратной» кандидатуре Грозного или царевича Федора только на престол Великого княжества. Во всяком случае, к моменту прибытия польско-литовского посольства в Старицу в начале марта Грозный принял твердое решение «отдать брату своему Максимилиану цесарю» Польшу.

«Насколько реалистичен был этот проект и мог ли он быть воплощен в жизнь?», ставит вопрос А.И. Филюшкин⁸³. Этот вопрос не впервые поднимается в отечественной историографии и, вероятно, ответ на него не может быть получен.

Переговоры с литовскими посланниками Мартином Стратомским и Матушем Нарбутом показали, что Иван Грозный прежде всего стремился достигнуть компромисса по Ливонии. Представители Великого княжества стремились сохранить перемирие. «Элекционные» вопросы не конкретизировались. Посланцы увезли «опасную грамоту» для посольства и послание Ивана Грозного «спольному» сенату Речи Посполитой, которое, по существу, увязывало избрание Ивана Грозного или его сына Федора с избранием императора или его сына эрцгерцога Эрнста на польский престол, для чего предполагались новые переговоры. Позиция царя, таким образом, была весьма неопределенной. Саму «процедуру» элекции московского государя, по крайней мере на престол Великого княжества, в нестандартных условиях тлеющего военного конфликта и сам Иван IV, и его окружение представляли весьма смутно. Есть все основания утверждать, что Грозный стремился выиграть время. Одновременное избрание Максимилиана II сенаторами на сейме в Варшаве 7 ноября — 15 декабря 1575 года и Стефана Батория на сепаратном съезде шляхты 18–28 января 1576 года породило в Москве надежду на затяжную борьбу между претендентами на престол с перспективой развала Речи Посполитой.

Первоначально в Москве исходили из уверенности в том, что император после своего «избрания» легко утвердится в Польше. Сомнения появились уже после возвращения 20 апреля 1576 года А.З. Новосильцева. Стало ясно, что сторонники Батория контролируют Краков, а прогабсбургские группировки «в Короне» деморализованы. Более сложной была ситуация в Великом княжестве, но и здесь явно чувствовалось нежелание идти на конфликт с Польшей.

В апреле Баторий вступил в Краков. Коронационный сейм затянулся до 29 мая 1576 года ввиду отсутствия литовских представителей. Перелом произошел на Мстибоговском съезде станов (сеймике) (20 мая — 3 июня

1576 года), откуда было отправлено посольство в Краков с признанием Батория. 29 июня в Кракове Баторий принес присягу в присутствии этого посольства о соблюдении прав Великого княжества. Баторий из Кракова тем не менее не отправился в Вильно, где, по мнению литовских политиков, он должен был короноваться Великим князем Литовским. Вместо этого он отправился в Кнышин, затем в Тикотин, где принял ведущих литовских панов радных. На встречах в Кнышине и Тикотине рассматривался и вопрос об обороне от нападений крымцев и «недруга нашего московского». После непродолжительного пребывания в Варшаве король отправился в северо-западную часть Речи Посполитой. В Бресте-Куявском он принял присягу прусского герцога, в Торуне у него же присягу как протектора части Коронных земель. Однако Гданьск королю присягать отказался, признав элекцию императора. В октябре 1576 года в Торуне Баторий собрал свой первый сейм. Хотя сейм в Торуне и ознаменовался серьезными конфликтами между королем и политической элитой Великого княжества, в отношении сохранения перемирия с Москвой между королем и всеми политическими группировками как Короны, так и Литвы на нем было достигнуто согласие. С этой целью было решено отправить посольство в Москву. Главные усилия короля были направлены на организацию войны с мятежным Гданьском.

Польско-литовское посольство Юрия Груденского и Льва Буховецкого прибыло в Москву 26 октября и отпущено уже в середине ноября 1576 года. Пребывание было кратким, но отмеченным помимо аудиенций у Грозного напряженными переговорами с комиссией думных чинов, куда входили ведущие царские дипломаты Н.Р. Захарьин-Юрьев, А.Ф. Нагой, А.Я. Щелкалов, В.Я. Щелкалов. Состав комиссии был исключительно квалифицированным, что проявилось в «наступательном» характере дискуссий с польско-литовскими представителями. Польско-литовская сторона заверяла в необходимости сохранения перемирия до новых переговоров. Это было изложено в «листах» Ивану Грозному от Стефана Батория от объединенного («спольного») сената. Позиция польско-литовской стороны была расценена Иваном Грозным как признак неустойчивого положения Стефана Батория на престоле. Тем не менее русская сторона согласилась на сохранение перемирия. Послы повезли послание Ивана Грозного королю Стефану Баторию с предложением новых переговоров и «опасную» грамоту для проезда нового посольства. В сложившейся практике двусторонних дипломатических «ссылок» это означало, что де-факто до прибытия «больших послов» между Речью Посполитой и Русским государством будет сохранено перемирие. Прибытие 26 октября 1576 года гонца «от рады панов» Ивана Гоголя с посланием думным чинам лишь усилило уверенность в этом царя. К тому же начавшаяся война Батория с Гданьском, несомненно

связанная с формальным согласием императора на свою элекцию, делала неустойчивым положение «новоизбранного короля».

Внезапная кончина императора Максимилиана II в том же октябре 1576 года сделала водворение Стефана Батория на польско-литовском престоле необратимым. Ивану Грозному пришлось иметь дело, как показали ближайшие события, с грозным и опасным противником. Но пока все последствия появления «князя семиградского» и «послушника» турецкого султана не были, естественно, понятны Ивану Васильевичу.

Вся политика Русского государства в отношении Речи Посполитой в период «бескоролевья» имела главную цель — обеспечить условия для успешного покорения Ливонии. Но попытавшись максимально использовать краткосрочную политическую конъюнктуру, Иван IV вновь оказался без долговременных союзников.

Тем не менее не вызывает сомнений, что сам царь Иван Васильевич, как ему представлялось, твердо уверовал в правильность выбранного им силового варианта действий в Прибалтике, полагая, что Швеция «выведена из игры», а Речь Посполитая не готова к возобновлению борьбы за Ливонию.

Заключение русско-польско-литовского договора о перемирии 1578 года. Уверенность Ивана Грозного в сохранении захваченных у Швеции в 1577–1578 годах территорий Ливонии в значительной степени определялась известиями из Речи Посполитой.

Как известно, король Стефан Баторий изначально считал военное столкновение Речи Посполитой и Русского государства неизбежным. Однако в 1577 году Баторий затягивал отправление посольства, стремясь выиграть время для стабилизации внутривосточного положения в Речи Посполитой и урегулирования межгосударственных отношений с сопредельными державами, в первую очередь с Портой и Крымом. Этим объяснялись «странности» с отправлением и снаряжением посольства в Москву, оговоренного в ноябре 1576 года. Посольство в весьма представительном составе (Станислав Крайский, воевода мазовецкий, Миколай Сапега, воевода минский и витебский, и Федор Скумин-Тышкевич, подскарбий надворный литовский) было отправлено в марте 1577 года из Торуня спустя несколько месяцев после завершения там работы сейма, на котором король столкнулся с жесткой позицией литовской политической элиты, требующей устранения угрозы со стороны Москвы дипломатическим путем. Стефан Баторий согласился на отправление посольства после напряженных переговоров с литовскими панями радными. В результате посольство получило «пакет документов» в марте 1577 года, но прибыло в Москву лишь 6 января 1578 года. Подобная тактика короля в значительной степени облегчила Ивану

Грозному действия в Ливонии. Позиция политической элиты Великого княжества относительно цели посольства, впрочем, была противоречива: с одной стороны, предполагалось сохранить перемирие, с другой — препятствовать русской экспансии в Ливонии. В известной степени инструкции, данные посольству, также содержали противоречие. «Наука» посла и «речи», произнесенные ими на аудиенции у государя, содержали претензии польско-литовской стороны относительно положения дел в «земле Инфляндской», однако в них выражалась готовность подписания договора о заключении «вечного мира» или продлении перемирия сроком на девять лет. При этом предложение «вечного мира» было декларативным, а продление срока перемирия обуславливалось возвращением всех завоеваний в Ливонии. Пребывание посольства вновь было напряженным — с 10 января по 28 января шли непрерывные переговоры, перемежающиеся аудиенциями у государя. Иван Грозный, как и всегда, лично контролировал ход переговоров. В приеме посольства участвовал весь цвет двора Грозного. Комиссия думных чинов была в составе боярина Н.Р. Захарьина-Юрьева, думных дворян Б.Я. Бельского, В.Г. Зюзина, Д.И. Черемисова, дьяков А.В. Щелкалова, А. Шарфединова, П. Ершова Михайлова. Таким образом, руководство комиссией государь вновь, как и в 1576 году, доверил своему шурину, но реально главную роль в ней играли его приближенные во главе с Б.Я. Бельским. Переговоры шли очень трудно. Польско-литовские послы огласили два варианта заключения договора. Первый предусматривал «вечный мир» на условиях возвращения всех отторгнутых с 1563 года от Великого княжества территорий (Полоцк и ряд крепостей) и всей Ливонии. Второй вариант предусматривал заключение перемирия на девять лет с сохранением *uti possidetis* на московско-литовской границе согласно условиям договора 1570 года, но возвращение всех завоеванных с 1573 по 1577 год территорий в Ливонии. Русская сторона категорически отвергла эти предложения, настаивая на исключении Ливонии из текста договора. Наконец было принято решение о перемирии на три года. После этого возник традиционный вопрос о «царском титуле» Ивана Грозного, решенный таким же традиционным способом — в русском противне договора сохранить, из польско-литовского убрать. В конечном итоге в ходе переговоров польско-литовского посольства 28 января 1578 года был заключен договор о продлении перемирия сроком на три года.

Изначально уже при заключении договора обозначился конфликт сторон, делавший невозможным его утверждение королем Стефаном Баторием и сеймом Речи Посполитой. Закрывая перемирие, Иван Васильевич Грозный стремился методами казуистики исключить из него право Речи Посполитой на «Инфляндскую землю». С этой целью в русский противень договора он незатейливо зафиксировал владение всей Ливо-

нией как своей «вотчиною» и обязательство Стефана Батория отказаться от всяких прав на нее. Естественно, в польско-литовский противень договора эти положения не вошли. Польско-литовские послы в ходе обсуждения этого вопроса с комиссией думных чинов категорически заявили, что «по государя своего приказу» в «перемирные грамоты» этого записывать не будут. В конечном итоге Иван Васильевич распорядился, чтобы в польско-литовский противень, предъявленный послам, вопрос о «Инфлянской земле» не вносили, что и было сделано составлявшим «грамоты» подьячим Захаром Григорьевичем Свиязовым. По традиции послы потребовали ведших с ними переговоры бояр «вычесть» грамоты, а затем приложили к польско-литовскому противню свои печати. Также они потребовали «вычесть припись», на которой «целовали крест» в присутствии государя. Иван Грозный «целовал крест» на «приписи» к русскому противню, содержащему отказ Речи Посполитой от прав на его «вотчину». Таким образом, по меткому замечанию В.В. Новодворского, «договор, собственно, не состоялся: царь скрепил присягою только свою грамоту, а послы лишь свою»⁸⁴. В дальнейшем, когда с посольством П.И. Головина государь вознамерился навязать польско-литовской стороне текст польско-литовского противня, не скрепленный печатями послов, это послужило поводом к отказу короля Стефана Батория ратифицировать договор. Вместе с тем в момент ратификации послы не устраивали шумной «протестации». В действиях польско-литовских послов была своя логика — избежать начала крупномасштабных военных действий одновременно в Ливонии и на восточной границе Литвы, к чему Речь Посполитая не была готова. Тем не менее «мина» под договор была заложена. В отечественной историографии заключение трехлетнего перемирия, которое, по меткому замечанию Г.В. Вернадского, «ни одна из сторон не намеревалась соблюдать», расценивается неоднозначно⁸⁵. В.Д. Корольюк считает его заключение успехом Грозного, оговаривая тем не менее то обстоятельство, что польско-литовские послы отказались включить положение о Ливонии «в свой текст перемирной грамоты»⁸⁶. Гораздо большее распространение в отечественной историографии получила точка зрения А.А. Зимина, который констатировал, что «фактически же перемирия заключено не было, ибо Иван IV подписал (“целовал крест”. — А. В.) один вариант докончания, в котором Ливония (в том числе Лифляндия и Курляндия) объявлялась русским владением, а польские послы — другой, не содержащий этого пункта»⁸⁷. Тем не менее заключение договора лично Иван Васильевич рассматривал весьма позитивно: по его умозаключениям это развязывало ему руки в Ливонии. Теперь следовало закрепить успех решением давно существовавших конфликтов с Датской короной, а также урегулировать отношения с Крымом.

Отношения с Данией на завершающем этапе Ливонской войны. Можайский договор 1562 года о территориальном разграничении в Ливонии фактически утратил силу, так как в ходе датско-шведской войны 1563–1570 годов ряд ливонских крепостей, которые согласно ему должны были принадлежать датчанам, были захвачены шведами. Неоднократно предпринимаемый с 1570 года датской стороной дипломатический зондаж по поводу разъяснения позиции Москвы относительно судьбы этих владений «не находил понимания» у Ивана IV. Все это осложнялось конфликтом короля Фридриха II с его братом, «ливонским королем» принцем Магнусом, вассалом Ивана Грозного, из-за конфискованных у него Датской короной шлейзвиг-гольштейнских владений. Кроме того, существовала проблема территориального разграничения на границе Русского государства с Норвегией, входившей тогда в состав Датской короны.

В июле 1575 года в Старицу прибыл датский посол Эйзенберг. 7 июля состоялась его аудиенция у Ивана Грозного, после чего последовали переговоры с комиссией думных чинов в составе А.Ф. Нагого и В. Щелкалова. Ход переговоров подробно рассмотрен Г. Форстеном⁸⁸. Посольство Эйценберга завершилось провалом — в ходе переговоров все датские предложения были отвергнуты, что было «озвучено» в лично произнесенной речи Ивана Грозного на отпускной аудиенции 15 июля. Государь рассчитывал сам захватить те крепости Ливонии, на которые претендовала Дания. Иван Грозный дал также понять, что после Штеттинского мира со Швецией он не рассматривает Данию как дружественное государство и не намерен соблюдать условия Можайского договора.

В 1576 году большинство захваченных Швецией бывших датских владений перешло в руки Ивана Грозного в ходе антишведских кампаний в Ливонии. В мае 1578 года датский король Фридерик II отправил в Русское государство посольство Якоба Ульфреда с целью заключения нового договора. Датская сторона стремилась урегулировать с Москвой вопросы о судьбе ливонских крепостей, «уступленных» Датской короной при распаде Ливонского ордена, и признания прав на сохранившиеся владения. Был предусмотрен вариант представления русской стороной выкупа (100 тыс. талеров). Ход переговоров в Александровской слободе изучен Ю.Н. Щербачевым⁸⁹. Русская сторона, как известно, жестко отвергла все претензии датчан вновь, как и во время переговоров 1575 года, указывая, что Датская корона, заключив мир со Швецией, фактически аннулировала договор 1562 года. Было объявлено, что вся Ливония — «вотчина» московского государя, Москва не признает никаких прав Дании на Ливонские земли, остров Эзель должен быть передан «ливонскому королю» Магнусу в компенсацию за конфискованные у него шлейзвиг-гольштейнские владения. Русская сторона согласилась заключить перемирие только на таких условиях. Датчане на переговорах занимали

явно оборонительную позицию — они столкнулись с предложениями союза против Швеции и Речи Посполитой, к которому явно не были готовы. Договор был заключен 28 августа 1578 года.

Главным содержанием договора стало 15-летнее перемирие (1 сентября 1576 — 1 сентября 1593 года) с уступкой всех ливонских городов и замков. Впрочем, датчане к этому времени уже ничем не владели в Ливонии, кроме Эзеля. От прав на Эзель Иван Грозный отказывался при условии что Датская корона передаст его принцу Магнусу. Впрочем, переход «ливонского короля» под протекторат Речи Посполитой сделал для Русского государства эту проблему «неактуальной». Зато возник конфликт из-за остатков ливонских владений Магнуса.

Как известно, в дальнейшем Датская корона безуспешно пыталась требовать у Речи Посполитой его владения, что даже привело к кратковременному военному конфликту. В целом договор ослабил позиции Датской короны на Балтике. Единственным положительным результатом для Дании явилось согласие на урегулирование пограничных конфликтов на норвежской границе. Александровский договор означал окончательный выход Дании из числа участников борьбы за «Ливонское наследство». Слабость датской дипломатии на переговорах привела к опале Якоба Ульфельдта. Датский противень договора был послан в Копенгаген с посольством А.Г. Давыдова, но в ратификации было отказано, так как «король отрекся подтвердить оный договор, будто бы послы его сделали оный в Москве по неволе»⁹⁰. Король Фредерик II отказался ратифицировать договор, но де-факто он оставался в силе, так как островом Эзелем Дания владела до 1645 года.

Пребывание датского посольства совпало с резкой активизацией попыток Москвы урегулировать отношения с Крымом.

Дипломатические переговоры с Крымом в 1576–1578 годах. С 1574 года дипломатические «ссылки» между Москвой и Бахчисараем отсутствовали. В Крыму был задержан гонец Иван Мясоедов, на территории Русского государства — крымские гонцы, прибывшие летом 1572 года. В условиях неопределенности положения в Речи Посполитой, откуда поступали сведения о возможной элекции Ивана Грозного или его сына хан Девлет-Гирей I счел необходимым отправить в конце 1575 года в Москву большую группу гонцов вместе со служилыми татарами от задерживаемого Ивана Мясоедова. Хан предлагал возобновить «ссылки» и начать подготовку очередного посольского размена, однако прибывшие крымские гонцы не были допущены в Москву.

В марте 1576 года Иван Грозный, всерьез рассчитывая на долговременный союз с австрийскими Габсбургами на антитурецкой основе, отказался от приема крымских гонцов во главе с Девлет-Килдеем. После

изъятия у них всех посланий они были отправлены в Углич, где уже находились задержанные крымские гонцы во главе с Ших Али, прибывшие после Молодинского сражения. В течение нескольких летних месяцев 1576 года Иван Васильевич предполагал возобновление военного давления непосредственно на Крым. Только после того как стало ясно, что ситуация в Речи Посполитой развивается по неблагоприятному для Москвы сценарию, эти планы были оставлены. В октябре 1576 года Иван Грозный принял всех задержанных «главных» крымских гонцов в селе Братошине. Аудиенции предшествовали переговоры крымцев с комиссией думных чинов в составе П.И. Головина, посольского дьяка А.Я. Щелкалова и А.Ф. Нагого, игравшего в ней основную роль. На переговорах гонцы в крайне осторожной форме заявили о желании хана снять требования «уступки» Казани и Астрахани. При этом «официально» Девлет-Гирей I от этого не отказывался. В конечном итоге в Крым были отпущены часть крымских гонцов во главе с Ших Али вместе с посланником Е.А. Ржевским. Ему были даны полномочия на серьезные переговоры для подготовки нового посольского размена, в результате которого Иван Грозный предполагал заключение очередного «докончания». «Миролюбие» Девлет-Гирея I объяснялось прежде всего, обострившейся борьбой за престолонаследие между его сыновьями. Тем не менее Иван Грозный в феврале 1577 года назначил посла в Крым — князя Василия Васильевича Масальского, который должен был отправиться туда вместе с отпущенными гонцами во главе с Девлет-Килдеем. В июле 1577 года появились слухи о кончине хана Девлет-Гирея I. Находившийся в это время в Новгороде для подготовки очередного похода в Ливонии Иван Грозный для прояснения ситуации отправил в Крым гонца С. Кобелева.

Между тем еще в начале 1576 года хан был извещен Стефаном Баторием о его элекции, причем гонец был отправлен им еще до его вступления в Краков. С осени 1576 года Девлет-Гирей I начал «ссылки» с водворившимся на польско-литовском престоле монархом. В Речь Посполитую была отправлена большая группа гонцов, принятая королем в ноябре во время сейма в Торунь. Было объявлено о отправлении в Бахчисарай польско-литовского посольства. Одновременно в Бахчисарае в февраля 1577 года начались переговоры с прибывшим Е.А. Ржевским. Хан требовал уточнить количество «казны» и «поминок» от обеих сторон при предполагавшемся обмене «большими послами» и, главное, прояснить, будет ли сохранено между ними перемирие. Однако польско-литовский посол А. Тарановский прибыл в Бахчисарай только в июле 1577 года, уже после смерти хана. К началу лета 1577 года Ржевский был извещен, что хан «разболелся», и мог только выжидать дальнейшего развития событий. 28 июня 1577 года Ржевский узнал о смерти хана.

После кончины хана Девлет-Гирея I позиция Крыма в отношении Русского государства некоторое время была не определена. Положение на престоле нового хана Мухаммед-Гирея II (1577–1584) было неустойчивым, в Крыму продолжался его конфликт с братьями, в первую очередь с калгой (наследником престола) Адыл-Гиреем, получивший в историографии название «кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 годах»⁹¹. Правительство Ивана Грозного до времени устраивало такое положение вещей, однако вскоре царь с готовностью принял инициативу крымской стороны об активизации дипломатических «ссылок». К концу 1577 года положение стало меняться. На переговорах ханских «ближних людей» в Бахчисарае с находившимся там посланником Е.А. Ржевским было наконец достигнуто соглашение о обмене «большими послами» с целью заключения «докончания». В декабре 1577 года из Крыма прибыл ханский гонец Халил Челеби вместе с отпущенным Иваном Мясоедовым. Хан Мухаммед-Гирей II извещал Ивана Грозного о своем водворении на престоле и предлагал совершить посольский размен. Е.А. Ржевский донес о своих успешных переговорах и о снаряжении крымского посольства в Москву. После переговоров с Халил Челеби, проведенных посольским дьяком А.Я. Щелкаловым, было решено в Крым снаряжать посольство князя В.В. Масальского, что было оформлено соответствующим «приговором» государя «з бояры». В Крым с грамотой о согласии на посольский размен был отправлен гонец Иван Марков.

Помимо всех прочих традиционных для русско-крымских отношений факторов, прежде всего угрозы нападений, на решение Грозного оказало влияние нарастающее обострение отношений Москвы с Речью Посполитой. В этих условиях Иван Васильевич счел необходимым урегулировать свои отношения с Крымом. Государь предполагал осуществить посольский размен еще в январе–феврале 1578 года, в момент пребывания в Москве польско-литовского посольства, но крымское посольство вернулось с пути обратно в Крым. Посольский размен был совершен только в августе 1578 года. В Крым двинулось посольство князя В.В. Масальского, в Москву — крымское посольство Араслана Яшлавского («Сулешева»). Посольство князя В.В. Масальского везло в Бахчисарай русский проект договора с Крымом. Проект «шертной грамоты», который русское посольство должно было представить в Бахчисарае, рассмотрен А.И. Филюшкиным⁹².

В целом русский проект договора лежал в русле прежних традиций. Как и в проекте 1563 года содержалась формулировка «Тот кто мне друг тот и тебе друг, кто мне недруг тот и тебе недруг». Сохранялась формулировка «не воевати» «мне Магмет-Кирею царю и моему брату калге Адыл-Кирею царевичю и братьем моим царевичам и детям моим царе-

вичам и каречеем и князьям и мурзам и казакам и всем нашим людям ближним и дальним и всем нашим донским людям твоих брата нашего царя и великого князя земель». Далее следовало: «Мне царю Магмет-Кирею, и брату моему царевичу Адыл-Гирею, и иным моим братьям царевичаем и моим детям царевичем и карачеем и моим и уланам и князем и мурзам и казакам и всем ближним людям и дальнем и всяким воинским людем твоих брата моего царя и великого князя Ивана украинских городов не воевать»⁹³. Конкретно следовал список «украинных городов»: Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Стародуб, Чернигов, Почеп, Трубчевск, Брянск, Карачеев, Козельск, Белев, Одоев, Мценск, Тула, Дедилов, Новосиль, Плова, Плавск, Солова, Михайлов, Пронск, Донков, Рязск, причем все города перечислялись по конкретным «украинам».

Ввод в действие договора должен быть осуществлен «по старине» — после нового посольского обмена, в ходе которого будет осуществлено «крестоцелование» государя и «шертование» хана. Отметим, что Иван Грозный испытывал не совсем обоснованную уверенность, что хан пойдет на «шертование». «Мирных предложений» ждали и от крымского посольства, приближающегося к Москве. Однако переговоры с посольством А. Сулешева обернулись возобновлением крымских требований об «уступке» Астрахани как условия заключения «докончания». Разъяренный Иван Васильевич прервал переговоры с послом и отправил в Крым для «разъяснений» гонца А. Измайлова. Суть проблемы заключалась в том, что Крым вел «двойную игру». В начале 1578 года крымское посольство было возвращено назад в Крым из-за действий польско-литовской дипломатии: король заверил хана Мухаммед-Гирея II в скорой присылке «казны». Когда выяснилось, что Стефан Баторий не намерен выплачивать «упоминки» за все годы «бескорольевья», произошел новый поворот политики Крыма в сторону конфронтации с Речью Посполитой, на территорию которой летом 1578 года был совершен крупный набег. В Москву были отправлены гонцы с извещением об успешном набеге «на общего недруга» и с подтверждением посольского размена. О том же сообщил отпущенный И. Марков. Однако в события вмешалась Порта, потребовавшая от хана возобновить «ссылки» с королем. Почти одновременно с отправлением посольства в Москву во Львов для переговоров со Стефаном Баторием отправилось посольство Ибрагима Белецкого (польский «ренегат», перешедший на службу хану). Там в сентябре 1578 года при посредничестве Порты было достигнуто предварительное соглашение о заключении в Бахчисарае договора Крыма с Речью Посполитой, для чего в Бахчисарай отправлялось посольство М. Брониевского. При этом Стефан Баторий рассчитывал на союзный договор с целью вовлечения Крыма в войну против Русского государства, а Порта стремилась урегулировать отношения Крыма с Речью

Посполитой для отправления крымской орды в поход против Ирана, война с которым уже начиналась. В этих условиях хан, не желая быть связанным взаимоисключающими друг друга обязательствами, практически одновременно отказался от заключения в Бахчисарае договора и с посольством князя В.В. Масальского, и с посольством М. Брониевского, причем оба посольства были на неопределенный срок задержаны в Крыму. В конечном итоге попытки привлечь Крым на свою сторону в качестве союзника завершились неудачей для обеих сторон. Однако вплоть до начала открытой войны между Речью Посполитой и Русским государством летом 1579 года и при дворе Стефана Батория, и при дворе Ивана Грозного предполагали заручиться содействием в форме организации крымских нападений на «украины» противника либо по крайней мере «дружественного нейтралитета», то есть отсутствия нападений на свои «украины» со стороны хана Мухаммед-Гирея II. Подобные надежды существовали и в 1579–1580 годах, о чем свидетельствуют инструкции, даваемые обеими сторонами своим задержанным в Крыму посольствам. Так, Иван Грозный в течение 1579–1580 годов требовал от посольства князя В.В. Масальского добиться «приведения царя к шерти». Стефан Баторий настаивал на том же в инструкциях своим послам. Эти надежды рухнули только летом 1581 года с началом третьей кампании Батория против Русского государства — открытой вооруженной борьбы в Крыму между ханом и его братьями Али-Гиреем и Селамет-Гиреем, которая создала принципиально новую ситуацию, превратив Крым в «фактор нестабильности и неопределенности» для обеих сторон. Мятежные «царевичи» бежали на территорию Речи Посполитой и обратились за военной поддержкой к Стефану Баторию (июль 1581 года). Незамедлительно последовали меры Порты — один за другим в королевский лагерь под Псковом, а затем в Вильно прибывали османские эмиссары с требованием отправить «царевичей» в Стамбул. Хан Мухаммед-Гирей II требовал вернуть братьев в Крым. В конечном итоге в феврале 1582 года оба Гирея были отправлены в Стамбул с посольством И. Филипповского. В этих условиях не могло быть и речи о крымско-польско-литовском союзном договоре, направленном против Москвы. Однако осенью 1578 года ни король Стефан Баторий, ни царь Иван Грозный не могли предполагать такого развития событий и рассчитывали на «крымский фактор».

Срыв ратификации русско-польско-литовского договора 1578 года Речью Посполитой и начало «Баториевой войны». Напряженное Иваном Грозным ожидание исхода «крымского дела» сопровождалось явными признаками грядущих осложнений с Речью Посполитой. В августе 1578 года появились первые свидетельства, что ратификация московского договора пройдет далеко не гладко. 30 августа 1578 года в Александров-

скую свободу прибыл королевский гонец Петр Гарабурда. Он был отправлен в марте 1578 года из Варшавы. В Варшаве только что закончился сейм, принявший принципиальное решение — начать войну с Русским государством, в случае если переговоры польско-литовского посольства в Москве не приведут к реальным уступкам со стороны Ивана Грозного. Послание короля, как неоднократно отмечалось в отечественной историографии, было выдержано в осторожных, но жестких тонах⁹⁴. Стефан Баторий давал понять, что в случае, если Москва продолжит наступательные действия в Ливонии, перемирие не будет ратифицировано. Ознакомившись с королевским посланием, Иван Васильевич распорядился задержать Гарабурду и отправить его в Боровск. В дальнейшем, когда стало ясно, что ратификации московского договора королем не будет, Иван Грозный велел отпустить гонца. Он был отпущен в январе 1579 года после аудиенции у Грозного с посланием государя к королю, требующим отпустить его послов, но это не смогло изменить ситуацию. Ратифицировать заключенный в Москве договор должно было посольство в составе Михаила Долматовича Карпова, Петра Ивановича Головина и дьяка Тараса-Курбата Григорьевича Грамотина, которое выехало из Москвы 16 мая 1578 года⁹⁵. Посольство снаряжалось почти месяц — «приговор» о его отправлении зафиксирован 20 апреля 1578 года. Иван Грозный надеялся «обрадовать» короля посольским разменом с Крымом. Тем не менее послы должны были информировать польско-литовскую сторону, что он произойдет в самое ближайшее время. Возможность союза Речи Посполитой с Крымом рассматривалась в Москве как реальная угроза. «Наказная память» посольству свидетельствует о том, что руководители русской дипломатии предполагали трудности с ратификацией польско-литовской стороной московского договора, хотя и не предполагали безоговорочного от нее отказа. Между тем Стефан Баторий, который с мая находился во Львове, где он ожидал крымское посольство и османских чавушей, явно ставил прием послов в зависимость от исхода переговоров с крымцами и османами. Поэтому король дал предписание затягивать следование посольства. Король первоначально предполагал принять послов в Люблине после возвращения из Львова, затем рассматривалась возможность доставить послов во Львов после завершения переговоров там с османами и крымцами⁹⁶. Однако ввиду затягивания переговоров король вообще отложил прием послов на неопределенное время. В пути умер посол М.Д. Карпов и руководство дипломатической миссией перешло к П.И. Головину. Стефан Баторий явно затягивал прием посольства до завершения львовских переговоров. Но даже после того как они закончились, послы были не допущены к королю. В итоге аудиенция у короля в Кракове 5 декабря 1578 года в присутствии объединенного («спольного») сената Речи Посполитой вылилась в отказ короля ратифицировать заключенный в Москве договор о продолжении перемирия. Фор-

мальный предлог — приснопамятный вопрос о титулах Ивана Грозного и короля — был, естественно, предлогом. Переговоров с послами не вели. 11 декабря послы выехали из Кракова. Однако пребывание их в Речи Посполитой затянулось до лета. Стефан Баторий упорно задерживал послов, выжидая возвращения своих посольств из Крыма и Стамбула, ответа на свои демарши в Стокгольме — словом, исхода всех предпринятых действий по дипломатической подготовке войны с Русским государством. Формально послы следовали за королем для проведения отпускной аудиенции на территории Великого княжества, из Кракова в Вильно. Затянувшееся пребывание послов в Великом княжестве завершилось краткими переговорами с М. Гарабурдой в Вильно 10 июня 1579 года. Позиция польско-литовской стороны, озвученная М. Гарабурдой, была предельно жесткой. Польско-литовские послы в Москве действовали «не по королевскому рассказанию», то есть не имели права «целовать крест» на договоре, в русском противне которого содержался перечень замков и территорий в Ливонии, на уступку которых послы не имели полномочий. Русская сторона обвинялась в подлоге — московский государь «в грамоте писал не те города которые в инфлянской земле»⁹⁷. По сути польско-литовская сторона воспользовалась при срыве ратификации договора нарушениями при его заключении со стороны Ивана Грозного. Письменный ответ, врученный М. Гарабурдой, был по существу объявлением войны. Возвращение посольства со сведениями и «ответом», означавшим войну, заставило правительство Ивана Грозного скоординировать курс в отношении Швеции.

Переговоры о «полевом перемирии» со Швецией 1578–1581 годов. Угроза фатальной конфронтации с Речью Посполитой заставила Грозного вернуться к урегулированию отношений со Швецией. Целью было добиться перемирия на трех возможных театрах военных действий — карельском, ингерманландском и ливонском. Переговоры шли через новгородских наместников. В конечном итоге перемирие было достигнуто до 1581 года. Как известно, Швеция сумела воспользоваться благоприятной ситуацией, начав крупноформатные военные действия на всех трех направлениях. Трагизм положения заключался в том, что одновременно потерпели крах все попытки русской дипломатии достигнуть перемирия с Речью Посполитой.

Дипломатические переговоры с Речью Посполитой на завершающем этапе Ливонской войны. Ям-Запольское перемирие. Как известно, с момента водворения Стефана Батория на польско-литовском престоле, последним этапом которого было его признание великим князем литовским, вопрос о возобновлении войны с Русским государством оказался в центре внешней политики Речи Посполитой. После завершения конфликта с

Гданьском король приступил к организации военной кампании. Дипломатическое обеспечение войны включало в себя привлечение к ней в качестве союзника Крыма, соглашение о союзе или по крайней мере дружественном нейтралитете Швеции, решение проблемы ливонского короля Магнуса. Все эти задачи были решены королем не в полной мере. Вовлеченный в войну Порты с Сефевидами Крым не мог быть привлечен в качестве союзника. Швеция не была полноценным военно-политическим партнером Речи Посполитой исходя из непримиримости позиции по разделу Ливонии. Была решена только проблема Ливонского королевства путем соглашения с королем Магнусом, но это не снимало общую проблему раздела Ливонии со Швецией. Серьезной задачей было отвоевание земель Великого княжества, захваченных Москвой, — Полоцка с прилегающими территориями. При этом практически все ведущие политики и Великого княжества, и Короны — канцлер Ян Замойский, литовский канцлер О. Волович и другие — в принципе считали отвоевание Полоцкой земли равноценным вытеснению Русского государства из Ливонии. В конечном итоге отвоевание Полоцка стало первоочередной задачей первой кампании Стефана Батория против Русского государства. Падение Полоцка в 1579 году резко усилило позиции Речи Посполитой. Следующей задачей Стефана Батория был захват ключевых стратегических пунктов московско-русского порубежья, что было достигнуто в ходе кампании 1580 года.

Эскалация требований польско-литовской стороны четко прослеживалась при переговорах с русским посольством, в состав которого вошли князь Иван Васильевич Сицкий, Роман Михайлович Пивов и дьяк Дружина Петелин. Переговоры проходили под Великими Луками в августе–сентябре 1580 года, затем под Невилем в октябре 1580 года и, наконец, в Варшаве в феврале 1581 года. Под Великими Луками после оглашения послами «мирной инициативы» Грозного — согласия уступить Полоцк — было жестко указано, что эти земли являются неотъемлемой частью Великого княжества. Мало того, было заявлено, что «с Божьей помощью» скоро будут возвращены и остальные захваченные Москвой земли. Польско-литовская сторона огласила свои требования — уступку Северской земли, Пскова, Новгорода, Смоленска и всей Ливонии. Затем выяснилось, что король согласен лишь оставить в руках «великого князя» Псков и Новгород, все остальные требования остаются в силе. Тогда русская сторона к перечню уступок добавила крепости Усвят и Озерище. Предложение было отвергнуто. Таким образом, русские дипломаты начали упорный торг за захваченные укрепленные пункты и территории на московско-литовском рубеже. При этом остальные участки границы, по молчаливому согласию сторон, находились вне обсуждения. При этом в момент переговоров пали Великие Луки и затем Невиль, где в королевском лагере возобновились переговоры (10 октября 1580 года). Они ознаменовались новым предъяв-

лением польско-литовских требований. С гонцом Сущевым послам были доставлены новые инструкции. Иван Грозный добавлял к уступкам еще ряд пунктов в Ливонии, но требовал передачи обратно только что захваченных Великих Лук и Невеля. Послы по собственной инициативе «просили» еще и только что взятое Заволочье. Естественно, эти требования были отвергнуты.

Следующий этап переговоров состоялся в Варшаве в феврале 1581 года. 4 февраля послы изложили последние доставленные им с гонцом Р. Клементьевым «мирные предложения» государя, которые предусматривали сохранение русского контроля над Ливонией при отказе от Кокенгаузена, Ашерадена, Леневарда и Крейцбурга. Иван Грозный требовал возвращения захваченных Великих Лук и Велижа, соглашаясь на уступку Усвята и Озерища. Польско-литовская сторона жестко отклонила эти требования. Переговоры были прерваны. Король и его окружение дали время послам для оглашения окончательных предложений Ивана Грозного, в наличии которых они не сомневались. 13 февраля на переговорах обозначился окончательный кризис. Последние уступки русской стороны — возвращение всех ливонских крепостей, захваченных после вступления Стефана Батория на престол, в обмен на возврат русских крепостей, захваченных Баторием, были отклонены. 16 февраля последовал отпуск гонца Репчука Клементьева с жестким посланием Стефана Батория Ивану Грозному. Затем прошли последние переговоры, по сути в форме обмена «речами» во время отпускной аудиенции. Русская сторона предложила заключение перемирия на полгода на условиях *uti possidetis* до приезда новых послов. Предложение было отклонено. При отпускной аудиенции устами литовского канцлера О. Воловича было вновь озвучено намерение Батория требовать возврата Северной земли, Смоленска, Пскова и Новгорода Великого. Исследователь последнего этапа Ливонской войны В. Новодворский пронизательно отметил, что «это заявление не было со стороны Батория простою, только дипломатическою угрозою», Речь шла о будущем «крайнем пределе» требований в случае военных успехов; по словам В. Новодворского, это было «требование *sine qua non* заключения мира»⁹⁸.

Таким образом, вопрос о Ливонии тесно связывался польско-литовской стороной с обеспечением безопасности восточной границы Великого княжества. В любом случае на стратегически опасном «полоцковитебском» направлении польско-литовская сторона стремилась достигнуть максимального расширения «на московскую сторону», то есть на территории, признанные по предыдущим договорам частью Русского государства.

Эта линия польско-литовской дипломатии полностью подтвердилась во время переговоров с посольством О.М. Пушкина и Ф.А. Писем-

ского, которые проходили в два этапа в Вильно в мае и в королевском лагере под Полоцком в июне 1581 года.

В начале переговоров польско-литовской стороной были оглашены «ритуальные условия вечного мира» — возврат Смоленска и Северной земли, после чего, собственно, и начались переговоры о перемирии. Они шли весьма напряженно в течение 29 мая, 1 и 2 июня. Русская сторона сначала настаивала на возвращении Речи Посполитой ряда второстепенных пунктов в Ливонии. Затем после угрозы прервать переговоры послы огласили «крайние условия» мира, зафиксированные в данном им «наказе», — уступка всей Ливонии, кроме Нейгаузена (Новгородка Ливонского), Нейшлоста (Серенска), Неймюлена (Адежа), Ругодева (Нарвы). Грозный соглашался на уступку Речи Посполитой Полоцка, Озерище и Усвята взамен на возвращение Великих Лук, Холма, Велижа и Заволочья. Это предложение было отвергнуто. Правда, послам разрешили отправить донесение Ивану Грозному о переговорах.

Однако Иван Грозный категорически отказался от уступок и в Ливонии, и на московско-литовском пограничье. Результатом был окончательный срыв переговоров в лагере под Полоцком 9 (19) июня 1581 года. 21 июня посольство было отпущено. Оно вернулось в сентябре 1581 года, уже после начала третьего похода Стефана Батория на Русское государство. Следующий раунд дипломатического поединка произошел уже в Запольском Яме.

Согласие Ивана Грозного на очередные переговоры было достигнуто в ходе посреднической миссии папского легата А. Поссевино, последовательно проводшего несколько раундов переговоров с московским царем и королем Стефаном Баторием⁹⁹.

Стефан Баторий дал согласие на посредничество в ходе переговоров А. Поссевино в Вильно в июне 1581 года. В августе 1581 года А. Поссевино имел первые контакты с русскими дипломатами, проведя предварительный зондаж с отпускаемыми из королевского лагеря под Полоцком русскими послами. В августе–сентябре 1581 года состоялись переговоры А. Поссевино с комиссией думных чинов и лично с Иваном Грозным в ходе данной им легату аудиенции в Старице. 12 сентября 1581 года Иван Грозный дал согласие на переговоры. 14 сентября Поссевино отбыл в Новгород, оставив для связи при дворе московского царя нескольких доверенных лиц.

Вопрос о начале переговоров был окончательно согласован в королевском лагере под Псковом в ходе пребывания там А. Поссевино, который прибыл туда 5 октября. Пребывание А. Поссевино в королевском лагере и его переговоры с королем отражены в ряде польских источников, прежде всего в дневниковых записях влиятельного ксендза С. Пиотровского; часть русской и литовской посольской документации этого периода введена в научный оборот Ф. Успенским¹⁰⁰. В целом источники дают

достаточно полную картину подготовки и хода переговоров в Запольском Яме. Вплоть до 8 ноября польско-литовская сторона не была уверена в согласии Ивана Грозного начать переговоры. Только по получении сведений от оставленного в Москве переводчика А. Полонского, что посольство уже выступило из Александровской стороны, королевское окружение начало подготовку к переговорам. Следует подчеркнуть, что интересы А. Поссевино, канцлера Яна Замойского, литовской политической элиты, представленные в лагере О. Воловичем и М. Радзивиллом «Рудым», далеко не совпадали. Литовская сторона стремилась доминировать при переговорах, с тем чтобы нейтрализовать откровенно конфронтационные по отношению к Москве настроения сторонников Замойского. Король вынужден был лавировать. В конечном итоге польско-литовская делегация оказалась в составе возглавившего ее представителя Короны браславского воеводы князя Януша Збаражского, двух представителей Великого княжества — маршалка дворного Ольбрехта Радзивилла и писаря литовского Михаила Богдановича Гарабурды, ставшего, как, впрочем, и всегда при его участии в переговорах с «московитами», секретарем делегации. Интенсивная подготовка к переговорам велась и в Александровской слободе. Еще до отправления послов оттуда 27 октября в королевский лагерь был отправлен гонец Захар Болтин. Данная ему наказная память предусматривала игнорировать протокольные вопросы и ставила главной целью уведомить польско-литовскую сторону в твердом намерении Грозного начать переговоры. Гонец повез грамоту Ивана IV Стефану Баторию и «опасную грамоту» для проезда польско-литовских послов к месту переговоров¹⁰¹. С Болтиным отпускаясь доверенное лицо и переводчик Поссевино А. Полонский. 12 ноября они прибыли в королевский лагерь. 15 ноября Болтин предстал перед Баторием в его шатре. Король, как всегда, не встал при произнесении царского имени и не спросил о здоровье государя. Прием прошел чисто формально, гонец ответил, что у него не имеется «речей, помимо грамот». Собственно, никаких «речей» и не требовалось. Главное заключалось в принципиальном согласии обеих сторон начать переговоры. На следующий день, 16 ноября, состоялась краткая аудиенция гонца у Поссевино. В тот же день гонец был «на отпуске» у короля.

17 ноября по получении документов от Поссевино З. Болтин выехал из королевского лагеря. Путь его лежал в Новгород, куда должны были прибыть русские послы — князь Роман Петрович Елецкий, Роман Васильевич Алферьев и дьяки Н. Верещагин и Р. Связев. З. Болтин повез из королевского лагеря большой «пакет документов» в т.ч. лист Стефана Батория Ивану IV¹⁰². Послы тем временем двигались в Новгород, куда они прибыли 19 ноября. Там послы задержались. Переговоры в принципе могли быть сорваны не начавшись, так как у послов не было «опасного

листа» для продвижения по занятой войсками Речи Посполитой территории. Послы нервничали — они не имели сведений о том, насколько успешным было пребывание в королевском лагере государева гонца. Тем не менее 21 ноября, буквально на следующий день после отправления грамот в королевский лагерь от новгородского воеводы оттуда в Новгород прибыл З. Болтин. Послы взяли у него подлинник королевского «опасного листа» для проезда к месту переговоров. З. Болтин вместе с остальными документами отбыл в Москву, куда прибыл 10 декабря. Местом проведения переговоров был выбран Запольский Ям — по определению В.В. Похлебкина, «местечко между г. Порховым и той частью Псковского уезда, которая называется Завеличьем и где проходит гряда водораздела между реками бассейна р. Великой и бассейна р. Шелони»¹⁰³. Посольский съезд был назначен на 10 декабря. 2 декабря послы выступили из Новгорода и к 7 декабря прибыли в Бешковичи, где встретились с А. Поссевино, и к 9 декабря достигли Ям Запольского. Правда, 10 декабря послы Речи Посполитой не приехали, но прибыли на следующий день. Первый «съезд» был назначен на 13 декабря. Уже первый день переговоров 13 декабря 1581 года, ознаменовался конфликтом. Польско-литовская сторона сочла, что в предъявленной послами «верущей грамоте» от имени государя нет полномочий на заключение мирного договора. Пререкания заняли несколько часов, после чего начались собственно переговоры. Они ознаменовались новым конфликтом — русская сторона, следуя инструкциям Грозного, стремилась ограничить польско-литовские претензии «городами в Инфлянской земле». Польско-литовские послы категорически настаивали на обсуждении вопроса об «уступке» всех захваченных в тому времени Баторием территорий, в том числе бывших до начала конфликта в 1562 году «на московской стороне». Ссылки русской стороны на перемирие 1578 года были отвергнуты. Это определило весь дальнейший ход переговоров. Вопросы территориального разграничения на рубежах Русского государства и Речи Посполитой на Ям-Запольских переговорах наряду с определением непосредственно «московско-литовских рубежей» тесно связывались с проблемой уступки занятой к тому времени русскими войсками части Ливонии. При этом речь шла и о захваченной армией Батория к тому времени части Псковской земли. Для литовской части посольства (О. Радзивилл, М. Гарабурда) вопрос об обеспечении безопасности восточных рубежей Великого княжества был равнозначен судьбе Ливонии. Личный представитель канцлера Я. Замойского К. Варшевский был озабочен прежде всего ливонской проблемой. Папский посредник А. Поссевино, также озабоченный главным образом ливонской проблемой, к вопросам территориального разграничения на московско-литовских рубежах относился нейтрально. 14 декабря стороны определили позиции — литовские послы требовали «в сторону Господара своего чотыре

замки: Нарев, Адеж, Серенсок и Новгородок Инфляншъский оставуючы»; русские послы — «Господару ихъ Лук Великих Хольму, Заволочья, Велижа, Невля и всих прыгородковъ псковских уступить»¹⁰⁴. 15 декабря требования польско-литовской стороны ужесточились, в центре встал вопрос об уступке Великих Лук. 16, 17 и 18 декабря А. Поссевино пытался примирить позиции сторон но безуспешно. Затем переговоры были прерваны до 20 декабря. 18 декабря послы отправили отчет государю — ключевым вопросом русские дипломаты считали вопрос о «собежских землях т е о г. Себеже. Вместе с отчетом гонец повез послание А. Поссевино Ивану Грозному. Переговоры 20–25 декабря не привели ни к какому результату. Между тем день 27 декабря был определен Стефаном Баторием как последний день переговоров. В этот день разразился наиболее острый кризис. Польско-литовская сторона имела на руках распоряжение канцлера Замоиского о том, что в случае, если ее требования будут отвергнуты, переговорам будет положен конец. После ожесточенных препирательств русские послы вынуждены были признать, что у них уже имеется указание Ивана Грозного в крайнем случае пойти на сдачу всех пунктов в Ливонии, но требуется окончательное подтверждение государя. Тогда канцлер Замоиский отправил к послам своего эмиссара С. Жолкевского с предложением уступки Иоанну ливонских крепостей Нейшлосса, Серенска, Ланса и Нейгауза (новгородка Ливонского), если за Речью Посполитой останутся Великие Луки, Заволочье, Невиль, Себеж и Велиж. Эта инициатива вызвала резкие возражения всех послов и озадачила А. Поссевино, усмотревшего в ней направленную против него интригу. В случае принятия русскими послами этих предложений и заключения мира на таких условиях последовал бы конфликт на сейме. В итоге неожиданную инициативу канцлера польско-литовские послы даже не стали озвучивать на переговорах. Общие условия территориального разграничения, кроме Ливонии, были определены следующим образом: «А зделали, государь, мы с литовскими послы на том: в твою государеву сторону города — Луки Великие, Заволочье, Невль, Холм, да псковские пригороды все, которые были за Стефаном королем, и Себежа не жечь, бытии ему по прежнему ко Пскову; а в Стефанову королеву сторону ливонские города все, которые были за тобою государем, да Велиж в королеву сторону, а земля Велижу по старым рубежом, как было витебской земле с торопецкую землею, витебская з городом с Велижем к Витебску, а торопецкая к Торопцу»¹⁰⁵. Таким образом, конечном итоге было оговорено возвращение Речью Посполитой Русскому государству Великих Лук, Невля, Холма и Себежа. Особо оговаривался вопрос о возвращении «пригородов» Пскова — Опочки, Порхова и др. Русское государство отказывалось от «Полоцкого повета» и от г. Велижа. Тем не менее вопрос о велижской земле оставался спорным. В отечественной историографии до сих пор нет единой оценки

Ям Запольского мира — от сдержанной («взаимоприемлемый компромисс») до крайней («тяжелый для России исход переговоров, в котором повинен Иван Грозный» и «блестящая победа русской дипломатической службы»)¹⁰⁶. При этом рассмотрение непосредственного хода переговоров было сделано только В.В. Новодворским¹⁰⁷. Ям-Запольский договор был ратифицирован крестоцелованием Ивана Грозного и польско-литовских послов во главе с князем Я. Збаражским в Москве в июле 1582 года и крестоцелованием короля Стефана Батория и русских послов во главе с князем Д.П. Елецким в Варшаве в октябре 1582 года. Срок перемирия — десять лет с момента ратификации. Таким образом, был завершен первый, но далеко не последний военный конфликт «новообразованной» Речи Посполитой и России.

Русско-шведское Плюсское перемирие 1583 года. Шведская проблема давила на Грозного с 1581 года. Шведы максимально использовали ситуацию военных действий Батория против Русского государства для укрепления своих позиций в Ливонии. Как известно, Иван Грозный надеялся на перелом в военной ситуации после Ям-Запольского мира, но этого не произошло. Ход событий на театре военных действий и дипломатические маневры всех сторон, вовлеченных в конфликт, в течение 1582 года развивались динамично. В начале 1582 года Иван Грозный потребовал возобновления крупномасштабных военных действий. К апрелю предпринятое русское наступление в Эстонии закончилось неудачей, но одновременно после провала польско-литовско-шведских переговоров в Стокгольме обозначилась угроза военного конфликта между Швецией и Речью Посполитой. Некоторое время стороны не определяли своих планов. К июлю под влиянием слухов о русско-польско-литовских переговорах об антишведском союзе, сопровождавшихся ратификацией Ям-Запольского мира, король Юхан III перешел к планам крупномасштабного наступления с целью захвата Пскова, Ладоги и Порхова. К осени 1582 года обозначилась неудача шведских войск, завязших под стенами Орешка и Ладоги, и одновременно стало ясно, что воинственные планы короля Стефана Батория против Швеции не получили одобрения на варшавском сейме. С осени 1582 года начинаются осторожные русско-шведские контакты, осуществляющиеся от имени главнокомандующего Делагарди. К весне 1583 года Иван Грозный и его советники пришли к согласию о необходимости завершения конфликта. Государь пошел на переговоры, которые происходили в Плюсе с мая по август 1583 года. В отечественной историографии плюские переговоры практически не исследованы. При этом в отечественной историографии, по существу, нет ясного определения самого Плюсского договора. Б.Н. Флоря характеризует его как «двухлетнее русско-шведское перемирие на основе status quo»¹⁰⁸.

Итоги Плюсского мира были весьма тяжелыми. Русское государство сохранило Ивангород, часть Ижорской земли (Ингерманландии) с Ямом и Копорьем, Корелу (Кексгольм) с уездами. Однако Москва потеряла Нарву. Этот факт имел непреходящее значение и заключал в себе неизбежную основу для последующих конфликтов, учитывая, что Русское государство удерживало устье Невы с Орешком.

8. Внешнеполитическое положение русского государства в последние годы правления Ивана Грозного после завершения Ливонской войны

Русское государство и Англия. Тяжелые итоги многолетнего военного конфликта стимулировали действия русской дипломатии в установлении долгосрочных союзных отношений с государствами, не имеющими непримиримых противоречий, и, напротив, имеющими общие интересы.

Прежде всего последовала активизация «ссылок» с Англией, куда летом 1582 года было отправлено посольство Ф.А. Писемского и Н. Ховраева. Англия традиционно занимала особое место во внешнеполитических планах Ивана Грозного.

С момента знаменитого явления в Москве Ричарда Ченслора в декабре 1553 года Иван Васильевич возлагал большие надежды на связи с Англией. Государь, как известно, был весьма заинтересован в привлечении в страну иноземных купцов и ремесленников и понимал, что ввиду противодействия враждебных Польско-Литовского государства и Швеции эта проблема может быть разрешена англичанами. Залогом к этому была бурно разворачивающаяся деятельность Московской кампании.

Правда, после провала плана обусловить привилегии Московской кампании заключением военного союза, предпринятым в 1569 году, Иван Васильевич на время охладел к английским проектам. Однако возвращение посольства Ф.А. Писемского и Н. Ховраева, встретившего довольно благосклонный прием, стимулировало активизацию поиска Грозным выхода из тяжелейшего внешнеполитического положения «на западном направлении» именно на пути дальнейшего сближения с Англией. Одной из целей посольства был очередной «матримониальный проект» Ивана Васильевича, в очередной раз сочетавший элементы откровенного фарса с далеко идущими планами. Последовала ответная миссия Джерома Бауса. Английская сторона действительно готова была начать переговоры о военном союзе. Предполагаемым противником являлась Речь Посполитая. Следует отметить, что после подавления Стефаном Баторием гданьского мятежа у него возникли проблемы с англичанами. Последовали напряженные переговоры с комиссией думных чинов, главную роль

в которых играл посольский дьяк А.Я. Щелкалов, однако они показали несовпадение позиций сторон. Претензии англичан, озвученные Баусом, на исключительную роль в торговле с Россией встретили противодействие ведущего переговоры посольского дьяка А.Я. Щелкалова, сумевшего убедить царя в чрезмерности английских претензий. Вмешательство царя в переговоры обуславливалось его «брачным проектом». Однако вскоре Иван Васильевич и английский посол «не нашли понимания» относительно изменения порядка престолонаследования в связи с предполагаемым браком с «племянницей» английской королевы Мэри Гастингс. В конечном итоге вопрос о военном союзе был снят, а «брачный проект» отложен. Подтверждение торговых привилегий было оглашено Грозным на отпусковой аудиенции посла и сопровождалось резкими его нападка на Англию¹⁰⁹.

Русское государство и австрийские Габсбурги. Отказ от плана «раздела Речи Посполитой» в 1576 году не повлиял на стратегическую линию Ивана Грозного по «выстраиванию отношений» с австрийскими Габсбургами. Последние годы Ливонской войны ознаменовались активными действиями русской дипломатии на этом направлении. Речь шла об установлении военно-политического союза, в перспективе направленного против Османской империи. Эта линия русской дипломатии имела определенные перспективы, что показали начавшиеся в 80–90-х годах под руководством Бориса Федоровича Годунова активные переговоры по созданию антиосманской коалиции¹¹⁰. Тем не менее перспективы создания коалиции против Порты Иван Васильевич в 1580–1581 годах, отправляя в императору Рудольфу II миссии А. Рязанова и И. Шевригина, прежде всего увязывал с посредничеством габсбургской дипломатии в переговорах о прекращении войны с Речью Посполитой. Эту же цель Грозный преследовал при активизировавшихся одновременно дипломатических контактах с Ватиканом. Наконец, вопрос о совместной борьбе с османами поднимался Иваном Грозным при переговорах с А. Поссевино. Тем не менее реальных результатов для облегчения тяжелого внешнеполитического положения на «западном направлении» внешней политики Русского государства эти дипломатические акции Ивана Васильевича не принесли.

Таким образом, к моменту смерти Ивана Грозного Русское государство находилось в состоянии отсроченного конфликта с Речью Посполитой и Швецией, относительно успешно урегулированного конфликта с Данией, в целом благожелательных отношениях с австрийскими Габсбургами и довольно неустойчивых отношениях с Англией. Более благоприятная обстановка складывалась на «южном» и «юго-восточных направлениях» внешней политики Русского государства.

Русское государство и Крым. Отношения с Большой Ногайской Ордой. В сентябре 1578 года устами посла хана Мухаммед-Гирея II на аудиенции у Ивана Грозного было вновь «озвучено» требование об «уступке» Казани и Астрахани. Однако реальных последствий эти «декларации» не имели. Крым не имел возможности оказывать военное давление на Русское государство.

К моменту окончания Ливонской войны отношения Москвы с Крымом оставались относительно стабильными. В условиях неустойчивого положения на престоле после возвращения королем Стефаном Баторием по приказу Порты своих мятежных братьев хан Мухаммед-Гирей II занимал осторожную позицию по отношению к Русскому государству. Силы Крымской Орды по приказу Порты с 1578 года привлекались к военным действиям против Сефевидов на Кавказе. Сам хан стремился уклониться от личного пребывания на театре военных действий, опасаясь стать жертвой очередного мятежа своих братьев. Мятежные «царевичи» по приказу Порты были доставлены из Стамбула в Крым, где состоялось их формальное примирение с ханом. Дипломатические «ссылки» с Москвой шли вяло. В Крыму находилось посольство князя В.В. Масальского, на территории Русского государства — посольство Араслана-мурзы. Активных переговоров с ними не велось. Однако обе стороны в конечном итоге пошли на возобновление дипломатических контактов. Ивану Грозному необходимо было обезопасить южные границы, для чего он был готов отправить с новым посольством испрашиваемые ханом очередные «большие поминки». «Материальные средства» из Москвы были необходимы хану Мухаммед-Гирею II для упрочения своего положения на престоле. К весне 1582 года после обмена гонцами было достигнуто соглашение об очередном посольском размене. Из Бахчисарая отпускалось посольство князя В.В. Масальского, из Москвы посольство Араслана-мурзы Яшлавского («Сулешева»). Новое русское посольство возглавил князь М.Ф. Барятинский, крымское — Янши-мурза Яшлавский, который должен был сменить в Москве своего брата. Посольский размен должен был сопровождаться «разменным съездом» с целью заключения предварительного мирного соглашения. Отпускаемое русское посольство и новое крымское сопровождал бек Мурад Яшлавский («князь Сулешев»). Беспрецедентное с 60-х годов XVI века рода «амиатов» московских государей в осуществлении дипломатических «ссылок» показывало, что хан Мухаммед-Гирей II намерен идти на долгосрочное «замирение» с Москвой. Посольский размен и даже «разменный съезд» были проведены, но до Крыма русское посольство князя М.Ф. Барятинского не добралось. О гибели посольства князя М.Ф. Барятинского сохранились лишь отрывочные сведения: «Черкасы, сведав государевою многую казну, собрался многими люди, ждали по перевозам на князя Михаила, близко крымских улусов на реке на Самаре. И на том бою князя

Михаила Федоровича убили, да перевотчика Ураза и провожатых многих и людей ево побили и государеву казну все взяли. А дьяка Семейку и дворян и Дмитрия Шушерина и Офонася Зеновьева раненых, и достальных провожатых, и боярских людей всех поимали. И отвод назад три днища дьяка и дворян отпустили в Путивль»¹¹¹. Бек Мурад Яшлавский — «князь Сулешев» фактически сбежал, уведя отпущенное крымское посольство. Отголоски этой трагедии сохранились в русской посольской документации на протяжении долгих лет. В Москве не без основания усматривали в эффективных действиях «черкасов» — «литовских казаков», оперирующих с территории Речи Посполитой, целенаправленную акцию, инспирируемую королем Стефаном Баторием с целью сорвать заключение русско-крымского договора. Провал посольского размена и съезда не привел к резкому ухудшению русско-крымских отношений, но поставил под сомнение проведение посольских разменов. Посол Янши-мурза Яшлавский был задержан в Москве, как впоследствии оказалось, навсегда.

События лета 1582 года привели к резкому ухудшению отношений Крыма и Речи Посполитой, что проявилось в срыве переговоров крымского посольства в Варшаве в начале 1583 года. Русские гонцы в Польско-Литовское государство, направленные туда для обсуждения реализации Ям-Запольского договора, докладывали даже об угрозе крупномасштабного крымского вторжения в южные области Речи Посполитой. Однако Порта приказала хану свернуть приготовления к нападению и вновь двинуться на Кавказ против Сефевидов. Отказ хана исполнить этот приказ стал предлогом для мятежа его братьев, завершившегося его свержением с престола и гибелью в начале 1584 года, что положило начало потоку событий, известному в русской посольской документации как «ссора великая в Крымском юрте», — ожесточенной борьбе за бахчисарайский престол, продолжавшейся до 1588 года. Ослабление Крымского ханства было в этот период максимально использовано правительством царя Федора Ивановича во главе с Борисом Федоровичем Годуновым для усиления позиций Москвы на Кавказе и восстановления политического контроля над Большой Ногайской Ордой.

В начале 70-х годов бий Дин-Мухаммед фактически примкнул к хану Девлет-Гирею I и санкционировал участие подвластных ногаев в крымских походах на Москву. Ответом были санкционированные Иваном Грозным нападения волжских казаков на его улусы, приведшие даже к разорению Сарайчука. В правление бия Уруса (с 1578 г.) отношения Большой Ногайской Орды оставались напряженными. Ногаи в последние годы правления Ивана Грозного совершали многочисленные нападения на «московские украины». Часть ногайских мурз поддерживает очередное восстание против Русского государства на Средней Волге. Однако продолжавшиеся у ногайских мурз междоусобицы препятст-

вовали консолидации Орды и превращению ее в самостоятельный военно-политический фактор. В этих условиях Москва продолжает обмен посольствами и с самим бием, и с ногайскими мурзами, однако для осуществления военно-дипломатического давления пока не хватает достаточных ресурсов. Проблема отношений с Большой Ногайской Ордой будет решаться уже при царе Федоре Ивановиче.

Русское государство и Речь Посполитая после Ям-Запольского мира. В последние годы правления Ивана Грозного, несмотря на интенсивные дипломатические переговоры с Англией и императором Рудольфом II, главное внимание Ивана Грозного было приковано к отношениям Речи Посполитой. Переговоры о ратификации Ям-Запольского договора с послами князем Янушем Збаражским, Михаилом Гарабурдой и Миколаем Тальвошем шли под его личным контролем. В состав ведущих переговоры комиссий думных чинов царем были включены опытейшие дипломаты – Н.Р. Захарьин-Юрьев, Б.Я. Бельский, А.Ф. Нагой, казначей Р.В. Алферьев и посольский дьяк А.Я. Щелкалов. Царь заслушивал польско-литовских послов на многочисленных аудиенциях. 15 июля до и после своего «крестоцелования» Иван Грозный изложил свое стремление сохранить перемирие, в то же время жестко предупредив польско-литовскую сторону об ответственности за его разрыв в двух обширных «речах». Переговоры шли очень тяжело. Отчетливо определилась линия польско-литовской дипломатии на использование для давления на Москву продолжавшегося конфликта со Швецией с явным стремлением его максимального затягивания. Налицо было и стремление спровоцировать конфликт Москвы с Крымом. Эта же линия прослеживалась на переговорах послов князя Д.П. Елецкого, И.М. Пушкина и Ф.И. Петелина в Варшаве в октябре того же 1582 года. Комиссия «спольного» сената Речи Посполитой стремилась увязать ратификацию договора с предъявлением новых требований. При ратификации договора королем Стефаном Баторием дело едва не дошло до серьезного конфликта из-за явно провокационного исполнения польско-литовской стороной посольского церемониала. Так, король на пиру в честь послов пил за здоровье московского государя сидя и не скрывал своего враждебного отношения к московским послам.

Ям-Запольский мир, точнее перемирие, рассматривался королем Стефаном Баторием как «временная передышка», и в скором времени он начал зондаж политической элиты Речи Посполитой относительно его разрыва. Угроза столкновения с Крымом, обозначившаяся в начале 1583 года, только «подстегнула» короля к реализации своих планов, которые он представлял как намерение одновременно сокрушить и крымцев и «московитов». Все это сопровождалось рассуждениями о грядущей схватке с Османской империей. Однако амбициозные планы Батория вызвали противодействие со

стороны политической элиты и Польши, и Великого княжества Литовского. Речь Посполитая явно была не в состоянии возобновлять войну с Русским государством. Королю дали понять, что сейм не одобрит разрыв перемирия. Тем не менее Стефан Баторий рассчитывал использовать как повод к разрыву перемирия конфликты по территориальному разграничению.

Помимо разграничения в Ливонии в Ям-Запольском договоре был заложен территориальный конфликт, который являлся предметом острых споров по территориальному разграничению в течение десятилетий¹¹². Речь шла о г. Велиже, с областями уступленном Речи Посполитой. Однако не совсем ясная формулировка «А земля Велижу по старым рубежом, как было Витебской земли с Торопецкую землею — Витебская земля сз городом Велижем к Витебску, а Торопецкая к Торопцу» толковалась обеими сторонами по-разному. Представители Речи Посполитой требовали в дальнейшем уступки Велижа с прилегающими территориями, в то время как русская сторона оспаривала это*. Этот вопрос на московских переговорах при ратификации договора посольством князя Я. Збаражского в июле 1582 года решен не был.

При пребывании посольства князя Д.П. Елецкого в Варшаве в октябре 1582 года русская сторона указала на необходимость территориального разграничения и на агрессивный характер действий витебского воеводы С. Паца, поставившего на русской территории укрепленный пункт. Вопрос был поставлен в послании Ивана Грозного королю, отправленном с гонцом Б. Войковым.

К 1 мая 1583 года должен был состояться съезд для межевания, с тем чтобы, по словам Н.Н. Бантыш-Каменского, «посредством старожиллов учинить границу Торопецкой с Витебскою землею и с городом Велижем»¹¹³. Однако русские судьи во главе с князем В.И. Катыревым-Ростовским и О.М. Пушкиным к указанному сроку не прибыли, задержавшись в Воспользовавшись этим, польские комиссары во главе с М.Б. Гарабурдой самочинно начали демаркацию границы по ими установленным границам Велижской земли и вступили в столкновение с русскими отрядами присланными из Торопца. Возник вооруженный конфликт. Впоследствии обе стороны возлагали друг на друга ответственность на произошедшие события. Польские комиссары отказались прибыть, а Иван Грозный послал посланника С.Г. Адаурова с требованием вывести польско-литовские отряды из Велижского уезда. Король в ответ возложил ответственность за создавшееся положение на Москву. Конфликт из-за территориального разграничения в Велижской волости продолжался.

Попытка правительства обратиться от имени думных чинов Русского государства Н.Р. Захарьина-Юрьева, Б.Я. Бельского и посольского дьяка А.Я. Щелкалова с гонцом И. Тарховым к витебскому С. Пацу успеха не имела. Одновременно правительство Ивана Грозного предприняло в Велижском уезде военную демонстрацию, направив туда «для межевания» военные силы во главе с князем Д.П. Елецким. Это привело к дальнейшей эскалации конфликта. Вопрос о разграничении был возложен Стефаном Баторием и сенатом Речи Посполитой на миссию Льва Сапеги, который прибыл в Москву в момент смерти Ивана Грозного. Дальнейшие события — отказ польско-литовской стороны под предлогом смерти московского царя признавать сроки действия Ям-Запольского мира — поставили проблему территориального разграничения в зависимость от общего комплекса проблем, связанных с продлением перемирия. В конечном итоге территориальный конфликт так и не был окончательно разрешен.

Проблема территориального разграничения «на велижском направлении» оставалась в силе вплоть до начала Смутного времени.

Таким образом, если границы Речи Посполитой на центральном и южном участках в целом оставались в состоянии, утвержденном договором 1537 года, то на северном — главном ввиду проблемы борьбы за Ливонию стратегическом направлении продолжала оставаться конфликтная ситуация.

Тем не менее, несмотря на неудачный исход Ливонской войны, в целом итоги непосредственного конфликта Русского и Польско-Литовского государств 1561–1570 и 1579–1582 годов оказались не столь катастрофичны для Москвы, как принято иногда считать в отечественной историографии. Несмотря на утрату Полоцка, Русское государство в целом сохранило границы, существовавшие до начала конфликта.

Подобное положение признавалось польско-литовской стороной де-факто при последующих продлениях Ям-Запольского перемирия вплоть до начала Смутного времени.

Ям-Запольское перемирие было сохранено в ходе трудных дипломатических переговоров с Речью Посполитой в 1584–1585 годах уже после кончины Ивана Грозного. В конечном итоге после новой ратификации сторонами Ям-Запольского договора перемирие было сохранено.

Итоги внешней политики Ивана IV Грозного

Итак, многолетняя борьба России за выход к Балтийскому морю завершилась неудачей. Она продолжалась в течение почти всего самостоятельного правления Ивана IV, и не случайно в сознании как современников, так и последующих поколений русских людей неудачный исход войны оказался прочно связанным с крахом личных планов царя (по подчинению Ливонии).

Выше уже говорилось о проблеме ответственности за провалы во внешней политике страны, приведшие к огромным жертвам почти 25-летней войны. Нерешенная балтийская проблема действительно оказывала в течение всего XVII столетия огромное влияние на развитие страны. Новым поколениям русских дипломатов и государственных деятелей приходилось в иной обстановке решать прежние проблемы трудной борьбы со Швецией и Речью Посполитой за выход к Балтийскому морю, пока наконец ценой тяжелых усилий Петр Великий не осуществил «господствующее стремление Иоанновых преемников» в ходе Северной войны.

Однако поражение в Ливонской войне не могло заслонить другие итоги внешней политики Грозного: в тяжелейших условиях одновременной войны на южных и западных рубежах страны Русскому государству удалось отстоять присоединенные земли Нижнего и Среднего Поволжья. После 1572 года вопрос о восстановлении «мусульманских юртов» был безоговорочно снят в отношениях с Крымом. Была успешно пресечена первая попытка откровенного военно-политического давления со стороны Порты. В Стамбуле вынуждены были отказаться от планов положить немедленный предел распространению влияния России на Кавказе. Русское государство сохранило возможности проведения там собственной политической линии. В дальнейшем Москва смогла повести отношения с Ираном так, чтобы использовать их для противодействия османской экспансии в регионах, где Россия уже имела устойчивые интересы.

Конфликт Русского государства с Крымом, естественно, продолжался, но никогда уже крымские ханы не ставили перед Москвой столь масштабные требования, как в период царствования Девлет-Гирея I. Правда, Москва утратила в конце 60 — начале 70-х годов XVI века достигнутый с таким трудом контроль над Большой Ногайской Ордой, но ногаи никогда не могли представлять для Русского государства самостоятельной угрозы и с течением времени должны были вновь войти в сферу влияния России.

В целом итоги внешней политики страны на южном направлении оказались намного успешнее политики на западе. Значит ли это, что правы были оппоненты Грозного, призывавшие его к решительной борьбе с Крымом и Турцией? Отнюдь нет. Ведь речь шла о политике, имевшей целью предотвратить османскую и крымскую агрессию, что явилось закономерной реакцией на присоединение Казани и Астрахани, причем приоритет здесь принадлежал дипломатии.

И тем не менее именно сложность положения на южных рубежах страны предопределила во многом неудачный исход Ливонской войны. Вспомним, что на раннем этапе борьбы за Прибалтику (до вступления в войну Польско-Литовского государства) одновременно осуществлялись антикрымские операции. Затем, после 1562 года, приоритет был отдан дипломатическим мерам (миссия А.Ф. Нагого). Вплоть до 1567—

1568 годов Русское государство могло продолжать одновременные действия в Прибалтике и на западных рубежах, хотя крымские набеги и представляли существенную угрозу.

В 1569–1572 годах стране пришлось столкнуться с серьезными нападениями, что побудило Ивана IV пойти на перемирие 1570 года. Самый опасный период борьбы на южных рубежах чуть было не ознаменовался созданием единой антимосковской коалиции. И только после 1573 года вновь возобновляются активные операции в Прибалтике. Однако к этому времени уже оказываются безвозвратно потерянными благоприятные возможности (датско-шведский конфликт и заинтересованность его участников в мире с Россией). В войну вступает Швеция. Правда, «бескоролевы» в Речи Посполитой позволяет вывести из борьбы основного противника, но с избранием Батория война возобновляется с небывалым ожесточением наряду с продолжающимся конфликтом со Швецией, что и приводит истощенную долгой войной Россию к поражению. Таким образом, годы, когда Россия могла в относительно благоприятных условиях вести борьбу за Ливонию, были заполнены сложными проблемами отношений с Крымом и Турцией, что мешало планам Ивана IV.

Предвидели ли руководители русского правительства подобное развитие событий? Вероятнее всего, нет. Они рассчитывали на традиционные дипломатические средства (переговоры с целью продления перемирия с Польско-Литовским государством, достижение соглашения со Швецией и Данией, умиротворение крымского хана, обращения к императору с предложением антитурецкой лиги в обмен на посредничество в Ливонии). Однако несмотря на все искусство русской дипломатии, реальные противоречия с действительными и потенциальными противниками России оказались неизмеримо сильнее, чем полагали в Москве. Правительственные круги и сам Иван IV оказались не готовы ни к активизации антирусских сил в Крыму, заставивших хана пересмотреть свою умеренную политику, ни к провалу союза со Швецией после падения Эрика XIV, ни к приходу к власти в Речи Посполитой Стефана Батория. Преувеличивались и надежды на связи Русского государства с Габсбургами. Явно несостоятельным оказался план создания Ливонского королевства во главе с принцем Магнусом.

Однако все это ничуть не умаляет достоинств русских дипломатов и лиц, отвечавших за руководство внешней политикой. В целом весьма высоко проявили себя руководители Посольского приказа И.М. Висковатый, А. Васильев, А.Я. Щелкалов, проводившие труднейшие переговоры. Огромную самоотверженность и исключительное мастерство продемонстрировали русские гонцы и послы в своих опасных и трудных миссиях (А.Ф. Нагой, Ф.А. Писемский, И.П. Новосильцев, Л.З. Новосильцев, Е.А. Ржевский, И.М. Воронцов, князь Д.П. Елецкий и др.). Необходимо отметить и лиц из ближайшего окружения царя в первое десятилетие его

самостоятельного правления, таких как А.Ф. Адашев, хотя именно им и современники, и потомки адресовали главные упреки за внешнеполитические провалы. В последние годы царствования Ивана Грозного проявили себя на дипломатическом поприще такие яркие, но «неоднозначные» его «выдвиженцы», как Б.Я. Бельский. Вместе с тем ответственные переговоры с иноземными послами вели и видные представители «традиционной» московской политической элиты, в первую очередь шурин царя по первой жене Н.Р. Захарьин-Юрьев. На ход событий несомненное влияние оказывал сам царь Иван Васильевич, нетерпеливый и раздражительный, легко поддающийся панике и пассивности (в 1571 году после разорения Москвы, в 1581–1582 годах накануне окончания Ливонской войны) и в то же время лихорадочно искавший пути выхода из внешнеполитической изоляции. В дипломатии особенно ярко отразилась вся противоречивость Грозного как государственного деятеля.

Внешнеполитические итоги правления Ивана IV, таким образом, нельзя оценить однозначно. Может быть, они заключались в том, что России в тот период было невозможно одновременно решить такие крупнейшие внешнеполитические задачи, как закрепление территорий Поволжья и борьба за выход к Балтике в условиях отсутствия реальных союзников вовне и внутренней нестабильности. Тем не менее годы борьбы за Прибалтику не прошли для страны бесследно. Отчетливо выраженное стремление России выйти к Балтийскому морю превратилось отныне в постоянный фактор европейской политики. Такими же факторами стали устойчивость позиций России на Кавказе и ее твердое намерение активно противостоять попыткам Крыма реанимировать традиции Золотой Орды.

Глава IV. Смута. Иностранные интервенции и их последствия (конец XVI — первая половина XVII в.)

В первой половине XVII века интересы России по-прежнему постоянно сталкивались с интересами ее соседей — Швеции, Польши, Турции, которые стремились к захвату русских земель. Речь Посполитая надеялась захватить западные русские земли и даже добиться соединения России и Польши.

Турция поддерживала крымцев, постоянно совершавших набеги на русские территории. Швеция надеялась расширить свои владения на Балтике. В 1580 году шведский король Иоанн III сформулировал «Великую восточную программу» — программу завоевания русского побережья Финского залива, Баренцева и Белого морей. Иоанн III стремился установить контроль над Новгородом, Псковом, ливонскими городами. Он хотел провести новую шведскую границу по Онеге, Ладоге, через Нарову.

Взаимоотношения с соседями определили внешнеполитические задачи России. По-прежнему южная граница нуждалась в укреплении, чтобы создать надежный заслон от набегов крымцев. Россия была заинтересована в приобретении выхода к Балтийскому морю; хотела бы положить конец господству Швеции на Балтике, получить возможность устанавливать прямые контакты с Западной Европой через Балтику.

В условиях начавшейся Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), возникшей в результате противостояния, с одной стороны, испанских и австрийских Габсбургов, а с другой — Франции, Швеции, Дании, Голландии и немецких протестантских князей, Европа раскололась на габсбургскую (католическую) и антигабсбургскую (протестантскую) коалиции. Швеция и Турция объединились с протестантскими государствами в борьбе против Австрии. Австрия в это время поддерживала Польшу, оба государства действовали под знаменем католической реакции.

Зоной столкновения Польши, Швеции и России стала Балтика. В роли еще одной политической силы на Балтике в это время выступала Австрия. Однако пока Габсбургам не удалось как следует закрепиться на Балтийском море. Северогерманские земли находились лишь в номинальной зависимости от Империи.

Балтийская торговля была жизненно необходима для Англии и Голландии, вывозивших хлеб из Восточной Европы, расширявших свои торговые отношения с Россией. Враждебные протестантским державам Габсбурги

стремились преградить им доступ к Балтике. В то же время Англия и Голландия боялись чрезмерного усиления в этом регионе Швеции.

Опосредованно через своих соседей, главных ее контрагентов на мировой арене, Россия оказывалась втянутой в европейскую систему международных отношений. Влияние русского фактора на политику Польши и Швеции вело к тому, что западноевропейские страны проявляли все больший интерес к русской политике, стремились завязать непосредственные контакты с Москвой, воздействовать на развитие русско-польских и русско-шведских отношений. Благодаря торговле с Англией и Голландией Россия постепенно втягивалась и в сферу их политики.

В настоящей главе предполагается показать, как менялось соотношение трех основных факторов — шведского, польского и крымского — во внешней политике России в первой половине XVII века и как при этом строились взаимоотношения Московского государства с Западной Европой и Турцией, какое влияние события внутри России, в первую очередь события «смутного времени» (Смуты), оказывали на международное положение страны и, соответственно, как вмешательство иностранных держав влияло на ход событий в России, как, с учетом каких факторов и под чьим влиянием вырабатывался внешнеполитический курс страны, какую роль в его формировании играли Земские соборы.

1. Наследие Ивана IV и внешняя политика Бориса Годунова

Как справедливо пишет российский историк Р.Г. Скрынников, «поражение в Ливонской войне надолго подорвало внешнеполитические позиции России. Навязанная стране система мирных соглашений не гарантировала ей длительного и прочного мира»¹.

По-прежнему беспокойно было на границе с Крымом. Южные рубежи Московского государства защищало донское казачество. Во второй половине XVI века началось формирование донских войск. Казаки, обороняя русские границы, часто без правительственного ведома совершали нападения на своих соседей — крымцев, турок, ногайцев, требовавших, чтобы казаков увели с Дона. Правительство отвечало, что на Дону живут «люди вольные, русские, беглецы, на которых лежит опала государева». Но политика русского правительства в отношении казаков была двойственной. Борис Годунов уменьшил репрессии против них и продолжил политику Ивана Грозного, направленную на превращение казаков в служилое сословие. И в дальнейшем отношение к казакам, игравшим все возрастающую роль во внешней политике, оставалось двойственным².

В начале 90-х годов обострились отношения России с Крымом. В 1591 году Казы-Гирей, фактически выступавший как союзник Швеции,

совершил опустошительный набег на Москву. Однако участие крымцев в войне Турции с Венгрией заставило Казы-Гирея возобновить мир с Россией. Борис Годунов почувствовал некоторую уверенность в отношениях с Крымом. Результатом было сокращение численности войск на южных рубежах Русского государства и одновременно выдвижение оставшихся там полков дальше на юг.

В годы правления Федора (1584–1598 гг.) Россия, продолжая политику Ивана Грозного, пыталась решить балтийскую проблему. В результате похода к Нарве в 1590 году Ям, Копорье и Ивангород были возвращены России. В 1592 году русские войска были посланы к Выборгу, однако взять город не удалось.

Угроза польско-шведской коалиции заставила Россию отказаться от продолжения войны со Швецией. Для России не исчезала опасность со стороны Польши. В 1589 году польский королевский канцлер Ян Замойский выступил с пропагандой проекта завоевания Смоленска, Северских земель и осуществления унии двух государств.

В дальнейшем России удалось нормализовать отношения с Польшей. В 1592 году два государства заключили перемирие на двенадцать лет. При этом Россия отказывалась от претензии на эстонские города.

Однако личная уния Швеции и Речи Посполитой означала потенциальную угрозу возрождения антирусской коалиции в Прибалтике. Переоценив прочность этой унии, в 1595 году Россия заключила со Швецией Тявзинский мирный договор. К Московскому государству отходили города, занятые Швецией в 1580 году. Швеция брала на себя обязательство сохранять нейтралитет в случае русско-польской войны. Однако иностранные суда могли вести торговлю только в Ревеле и Выборге. Русские купцы тем самым были лишены прямых контактов с западноевропейскими купцами. Практически сохранялся балтийский барьер, возведенный Швецией против России. После начала польско-шведской войны в 1600 году Россия, осознав, что может добиться более выгодных условий, не ратифицировала Тявзинский мир. В то же время Россия была потенциальным союзником Швеции в борьбе с Польшей.

Россия, Речь Посполитая и Швеция имели на Балтике собственные территориальные интересы. Все три государства претендовали на ливонские города. В принципе на бумаге были возможны союзы любых двух государств против третьего, эти варианты обсуждались, но в силу непримиримости интересов трех государств оказывались нереальными.

Рубеж столетий — 1599–1600 годы — отмечен значительным ростом русской дипломатической активности.

В 1602 году во время Виленских переговоров Россия заключила перемирие с Речью Посполитой. Однако вопрос о правах двух государств на шведскую Эстонию остался неурегулированным. Переговоры показали,

что польская сторона не готова отказаться от претензий на Прибалтику. Союз России и Речи Посполитой стал невозможен. Разногласия России с Польшей и Швецией оказывались сильнее, чем общие русско-польские и русско-шведские интересы. Ни Польша, ни Швеция не были готовы делить с Россией «балтийский пирог». В ответ на обращения России они предъявляли к ней собственные претензии. В такой ситуации русская политика зачастую оказывалась непоследовательной.

Россия испытывала определенные опасения по поводу возможного сближения Швеции и Речи Посполитой в борьбе против Московского государства.

Для достижения своих целей в Прибалтике Борис Годунов попытался заключить союз с Австрией. В обмен на поддержку Империи в борьбе со Швецией Россия пыталась установить свой или — несколько позже — русско-австрийский протекторат над Ригой и Нарвой с округами.

Русский царь надеялся на союз с эрцгерцогом Максимилианом против Речи Посполитой. В 1599 году в Австрию было отправлено посольство А. Власьева для переговоров о совместных действиях России и Империи с целью возведения эрцгерцога на польский престол и об установлении русского влияния в Польше. Москва предлагала брак между Максимилианом и дочерью Бориса Годунова Ксенией. Чтобы заинтересовать Австрию, послы должны были говорить, что в случае смерти царя русский престол перейдет к Ксении и Максимилиану. На переговорах стало ясно, что в России недостаточно хорошо понимали расстановку политических сил.

Русская сторона не учитывала различий, которые существовали между политикой императора и политикой отдельных австрийских принцев. Император же исходил из того, что выступление против Речи Посполитой могло привести Австрию к конфликту с папой, а сама Австрия была занята борьбой с Турцией. Император Рудольф II позаботился о том, чтобы поставить переговоры Максимилиана и Власьева под свой контроль. Переговоры закончились неудачно.

В дальнейшем, поняв, что русско-австрийский альянс не состоится, Борис Годунов не поддержал союз Империи с ганзейскими городами. Когда в 1603 году послы Любека обратились к русскому царю с просьбой передать английские привилегии ганзейцам, Борис Годунов, напротив, подтвердил английские торговые привилегии. Экономическая политика России сводила на нет габсбургский план балтийской блокады.

Русская политика вскоре зашла в тупик. Используя русско-польские противоречия, Швеция сохранила свои позиции на Балтике³.

Борису Годунову удалось укрепить свою власть в Ногайской Орде. Был утвержден ее сюзеренитет. Однако активизация Москвы на балтийском направлении неизбежно вела к пассивности на юге. Россия сохраняла мирные отношения с Османской империей. В то же время Речь Поспо-

литая и Австрия видели в лице России естественного союзника в борьбе с Турцией и татарами. В 1595 году в Москве побывал австрийский посол М. Варкоч, заключивший с Россией союз против Турции. Россия на это пошла во имя решения балтийского вопроса.

Одновременно Борис Годунов боялся польско-крымского союза, направленного против России, и отправлял в Крым посольства с целью закрепить дружеские отношения. Потеряв надежду на сотрудничество с Польшей, царь решил улучшить отношения с Турцией.

В 1601 году в Англии московские послы Г.И. Микудин и И. Зиновьев должны были просить, дабы англичане не поддерживали Австрию против Турции⁴. В то же время в 1601–1602 годах ездившие в Речь Посполитую М.Г. Салтыков-Морозов и В.Т. Татищев говорили о возможности русско-польского союза против Турции, чтобы «тех бедных и невольных крестьян, которые много лет в великой беде и в нуже пребывают, из рук бесерменских высвободили»⁵. Как видим, и политика Московского государства по отношению к Порте была непоследовательной.

В основном Борисом Годуновым двигало желание решить балтийскую проблему. Однако при противоречиях России с Польшей и Швецией и при слабой заинтересованности Австрии в балтийской проблеме царь не мог найти надежных союзников. Результат — обращенные к разным странам конъюнктурные предложения, за которыми ничего реального не стояло. Борис Годунов не смог выработать последовательной линии действий, его внешняя политика оказывалась противоречивой. Он колебался между Речью Посполитой и Швецией, между католиками и протестантами.

В России разразился голод. Обострившийся в связи с ним экономический и социальный кризис лишил правительство возможности проводить активную внешнюю политику, а тем более вести войны. Пожалуй, Борис Годунов, принимая политические решения, не имел сколь-либо широкого круга людей, на мнение которых он мог бы опереться: неслучайно в период его правления практически не созывались Земские соборы, ставшие в последующие годы неотъемлемой частью русской политической жизни.

В то же время, поскольку Борис Годунов пришел к власти не как представитель династии, а по приговору Земского собора, царь не обладал достаточным авторитетом, чтобы единолично принимать решения, которые не возбуждали бы недовольства оппозиционно настроенных бояр.

У бояр вызывала возмущение ориентация Бориса Годунова на Запад; им казалось невыносимым, что царь великой православной державы допускал возможность брака своей дочери с католиком или протестантом. Показательна реакция бояр на происходящее. Борис Годунов в политических целях — во имя русско-датского союза — обсуждал вопрос о браке Ксении с датским принцем Хансом. По прибытии в Москву герцог заболел и умер. Пока же лежал больным, был удостоен посещения царя. Живший в России

голландский купец И. Масса писал: «Московитам было не по сердцу такое унижение царя, и они в глубине души сильно роптали, некоторые тайком говорили, что царь, посетив больного язычника, чрезвычайно умалил свою честь, и полагали, что он поступил так, лишившись разума, ибо они считают своего царя за высшее божество; некоторые вельможи также были весьма раздосадованы тем, что иноземец и нехристь, каким они почитают всякого иноземца, будет властвовать в их стране и женится на царской дочери, да и они, верно, желали ему смерти, но не смели много говорить»⁶.

Вопрос о династических браках, о возможности возведения на русский престол чужеземцев в той или иной форме возникал постоянно. С одной стороны, династические браки и случаи, когда иностранцы становились монархами, были в то время широко распространены в Европе и использовались различными государствами для решения определенных политических задач. Такое понимание цели династического брака было близко и Борису Годунову. Речи А. Власьева о браке Максимилиана и Ксении произносились лишь во имя заключения русско-австрийского союза.

С другой стороны, в условиях, когда Московское государство было ослаблено, а сын царя отличался болезненностью, подобные разговоры приобретали иной оттенок: у иностранных держав возникали планы колонизации России, установления ее политической зависимости от соответствующих европейских государств.

Таким планам способствовали и отставание России в общественно-экономическом развитии, и ее цивилизационные отличия от других европейских государств (западнические установки Бориса Годунова, вероятно, способствовали созданию впечатления, что в России есть элита, заинтересованная в европеизации страны). Австрийский посол Лука Паули, побывавший в России осенью 1604 года, то есть уже после того, как самозванец начал поход на Москву, писал императору, что Борис Годунов хочет привести страну в лучшее состояние, освободить, согласно немецким обычаям, людей от тягот, даровать большим городам свободу, полицию и порядок, для поддержания суда ввести гражданское управление⁷. Конечно, у царя не было реальных планов преобразования страны, особенно в условиях начавшейся Смуты. Однако Борис Годунов мог положительно отзываться об австрийских порядках, задумываться о возможности их заимствования Русским государством. Возникшие у европейских государств представления о России как об объекте возможной колонизации сыграли важную роль в дальнейших событиях.

Все более небезопасным становилось для России соседство Речи Посполитой. Экономический спад в Польше порождал в шляхетской среде мысль о том, что благоденствие страны может быть восстановлено в результате освоения новых земель на востоке, то есть в результате экспансии, направленной против России. Существовали планы колони-

зации России легитимными методами, путем слияния двух государств. Отправленный в Москву в 1600 году польский посол Л. Сапега предлагал заключить между Россией и Речью Посполитой военный союз, который предусматривал ведение двумя государствами общей внешней политики. В соответствии с проектом в случае смерти русского царя польский король мог быть возведен на московский престол, и, наоборот, если умирал монарх Речи Посполитой, царь мог быть избран польским королем. Если второй вариант, когда выборы короля зависели от решения сейма, был крайне мало вероятен, то первый, напротив, получал шансы на реализацию в случае смерти Бориса Годунова. При этом Россия оказывалась бы в политической зависимости от Польши. Проект, предложенный Л. Сапегой, предусматривал, что польская шляхта получит равные права с русским дворянством и тем самым ей откроется доступ к русским землям. Поляки ратовали за беспрепятственную пропаганду в России католичества. Но польский план был отвергнут русской стороной.

Одновременно в Речи Посполитой существовало антигабсбургское течение, представители которого сформулировали программу политического сотрудничества с Россией. Обсуждался вопрос о русском браке корунного канцлера Замоиского и Ксении⁸.

Вскоре отношения Москвы с Польшей приняли иной оборот. В 1603 году на окраине России, на Дону, появился Лжедмитрий (Гришка Отрепьев). В Москве стали известны его связи с князем А. Вишневецким, который претендовал на русские городки на левобережье Днепра. Угрожающе выглядел возможный союз самозванца с Крымом.

Интригой Отрепьева воспользовался Ю. Мнишек, воевода Сandomирский, староста Львовский и Самборский. Он согласился на брак самозванца со своей дочерью Мариной. Будущий брак стал поводом для обращения самозванца в католичество. Обещания Мнишека относительно того, что Лжедмитрий примет католичество, привлекли к интриге внимание Сигизмунда III. Польский король, выступавший за вооруженную экспансию, попрадал волю сейма, не хотевшего войны с Россией, и обещал самозванцу поддержку.

В окружении короля приобрели популярность идеи насаждения в Москве католичества. Эти мысли были с энтузиазмом встречены в Риме и Кракове. После беседы с папским нунцием Рангони, в марте 1604 года, переход Отрепьева в католичество состоялся. Отрепьев заключил с Сигизмундом III договор, согласно которому самозванец уступал королю шесть городов Чернигово-Северской земли, Мнишеку — остальную часть Северской земли, Смоленщину. Сигизмунд III проводил двуличную политику, не идя на открытый разрыв с Россией.

В сентябре 1604 года Борис Годунов отправил в Речь Посполитую посника Григория Огарева, с тем чтобы он изобличил самозванца. Огарев говорил о нарушении Речью Посполитой мира во время размежевания

границ, о «задорах и обидах великих» с польской стороны, о претензиях Вишневецких на Прилуцкое и Снетино, «вечную отчину наших великих господарей». Однако посольство не дало реальных результатов.

В поисках союзников Борис Годунов отправил посольства в Австрию, Бранденбург, Крымское ханство, Ногайскую Орду. В ноябре 1604 года царь послал императору Рудольфу письмо, в котором говорилось о «нехристианских ссорах», затеваемых польским королем Сигизмундом III.

Однако Австрия, по-прежнему заинтересованная в России лишь как в потенциальном союзнике в борьбе против Турции и Крыма, была склонна выступить на стороне Польши, а Крым и ногаи в условиях Смуты хотели поживиться за счет России.

2. Лжедмитрий в России. Его внешняя политика

Борису Годунову не удалось найти союзников, которые поддержали бы его в борьбе с самозванцем. В поисках выхода из сложившейся ситуации царь попытался возобновить переговоры со Швецией о союзе против Речи Посполитой. Швеция, воспользовавшись затруднительным положением России, усилила нажим со своей стороны и стала угрожать Москве войной. В то же время Карл IX знал об обещании Лжедмитрия помочь Сигизмунду III получить шведскую корону. Поэтому Карл IX предлагал Борису Годунову помощь, требуя взамен значительных территориальных уступок. В инструкции послам, отправленным в Россию, Карл IX велел добиваться от нее передачи Швеции Корелы (Кексгольма), Яма, Копорья, то есть городов, отошедших к России по Тявзинскому миру. Особо послам должно было настаивать на передаче Кексгольма (Корелы), который мог послужить плацдармом для нападения на русские земли. Одновременно с Москвой нужно было обсудить вопрос об устройстве стапельных пунктов в Выборге и Ревеле.

Россия же добивалась, чтобы Швеция не выводила войска из Лифляндии. Борис Годунов не желал вступления шведских войск в Россию и стремился обострить польско-шведский конфликт. Переговоры России и Швеции вызвали определенное недовольство Речи Посполитой, опасавшейся их сближения.

Между тем самозванец продвигался в глубь России. В условиях социально-экономического кризиса Лжедмитрий нашел широкую поддержку в среде русского населения. Распространенные в народе монархические иллюзии содействовали появлению слухов о спасении царевича Дмитрия, которого легко отождествили с самозванцем. На его сторону перешли крестьяне, страдавшие от феодального гнета, казаки, недовольные наступлением государства на южные окраины и строительством Царева-Борисова и негодующие на повышение цен на продукты питания. Посланные против Лжедмитрия казацкие войска оказывались небоеспособными, казаки пере-

ходили на его сторону. В то же время Ажедмитрий надеялся на поддержку Речи Посполитой и сознательно стремился разжечь русско-польскую войну. Однако Сигизмунд III, приняв посланного от подчинившейся самозванцу Северской земли Булгакова, не решился объявить о переходе под власть Речи Посполитой северских городов, обещанных Польше самозванцем, и тем самым нарушить мирный договор с Россией. 10 января 1605 года сейм высказался за сохранение мира с Москвой. В сеймовой записи, сделанной 19–22 января 1605 года, подчеркивалось, что, если Дмитрий потерпит поражение, царь нападет на Речь Посполитую в отместку за помощь, которую она оказала самозванцу, и за нарушение мирного договора. На заседании сейма, как свидетельствует запись, Лев Сапега отметил, что Дмитрий может быть незаконным ребенком Ивана IV, однако не исключено, что мероприятие Сandomирского воеводы провалится. Для Речи Посполитой предпочтительно отправить к царю посла с извинениями¹⁰.

Ажедмитрий попытался заключить союз с Крымом и Ногайской Ордой против России. В Крым и к ногаям он отправил своих гонцов.

После смерти Бориса Годунова Карл IX пытался вести пропаганду в Новгороде (пропаганда носила антикатолический характер), стремясь при этом установить связь с городом, скомпрометировать самозванца, пообещав помощь в борьбе с ним¹¹. Таким образом, уже в это время шведский король претендовал на то, чтобы завладеть Новгородом, возможно заключив соглашение с его правящей феодальной верхушкой. В отношении Новгорода была заложена основная политическая линия, которую Швеция проводила все время, пока в России продолжалась Смута.

Однако Карл IX боялся войны на два фронта и шел на переговоры с Ажедмитрием. Но переговоры показали невозможность разрешить возникшие противоречия дипломатическим путем. В этой обстановке и сам Ажедмитрий стал склоняться к войне со Швецией, тем более что эта война соответствовала интересам Речи Посполитой и Рима. Ажедмитрий продемонстрировал интерес к Нарве — крупному торговому центру. Уже упоминавшийся голландский купец И. Масса, бывший свидетелем «смутного времени», сообщает, что русские готовились к осаде Нарвы, но бояре отсоветовали воевать¹².

Ажедмитрий стал готовиться к походу в Крым, что также совпадало с интересами Речи Посполитой, Габсбургов и Рима. Рангони, папский нунций в Польше, 25 февраля 1606 года писал самозванцу, что победить татар означало бы «отнять у Османской Порты крылья и как бы правое плечо»¹³. Сохранилось письмо неизвестного итальянца от ноября 1605 года о посольстве от Ажедмитрия к Сигизмунду III, где сообщалось о желании самозванца заключить с Речью Посполитой союз против Крыма¹⁴. В то же время борьба с Крымом соответствовала интересам Русского государства; она импонировала боярству и донскому казачеству, поддерживавшему

Ажедмитрия. Казаки систематически совершали набеги на территорию Крыма и Турции. Однако реально ни Польша, ни Австрия не собирались воевать с Турцией. В конце 1605 года донские казаки захватили в плен азовского агу Досмагмета и привезли его в столицу. Ажедмитрий, поддержанный во время похода к Москве донскими казаками, вновь почувствовал, что донские казаки — это та сила, на которую он может опереться. На юг начали перебрасывать войска Ажедмитрия. В то же время последний пытался склонить Крым к союзу с Речью Посполитой против России.

Отрепьев в январе 1606 года писал Ю. Мнишеку о приходе турецких военачальников под город Терки. Они «учинили нам присягу и послушание войскам Ажедмитрия»¹⁵. Ажедмитрий получил грамоту от папского нунция Рангони о том, что немецкие князья не хотят заключать союз против Турции.

Ажедмитрий предъявил претензии на императорский титул, ссылаясь на то, что он владеет всеми татарскими землями и землями, подвластными России. Обсудив это, польские сенаторы решили императорского титула ему не давать, так как такого титула не имели предшественники царевича — русские цари¹⁶.

Тем временем в России назревал боярский заговор. По поручению бояр еще в декабре 1605 года швед П. Петрей сообщил Сигизмунду III, что Дмитрий — самозванец. Вскоре в Краков прибыл русский гонец И. Безобразов. Он вручил грамоты Дмитрия Сигизмунду III и выполнил тайное поручение противников самозванца — Голицыных и Шуйских. От их лица прозвучало сообщение о том, что близкие к власти круги хотят избавиться от Ажедмитрия, который является самозванцем, и пригласить на русский престол сына Сигизмунда III Владислава. И. Безобразов упрекал польского короля за пособничество самозванцу, который, как убежденно доказывал гонец, был недостоин московского престола¹⁷.

Таким образом, в боярской среде уже в то время получили распространение идеи о заключении русско-польской унии как способе преодоления социально-политического кризиса. Эти проекты временно объединили людей, которые впоследствии оказались в разных лагерях: в дальнейшем Шуйские, желая сохранить свою власть, пошли на сближение со Швецией, стремились отстоять независимость России от Речи Посполитой; Голицыны оставались сторонниками приглашения польского королевича на русский престол. И Шуйские, и Голицыны были заинтересованы в том, чтобы избавиться от самозванца.

В 1606 году в Варшаве обсуждались планы детронизации Сигизмунда. По некоторым сведениям можно предполагать, что Ажедмитрий шел на сближение с оппозицией, так как запутался в отношениях с Сигизмундом III: самозванец должен был уступить королю города Северной земли, но, будучи русским царем, не мог этого сделать. Ходили слухи

о том, что Ажедмитрий готов прислать на помощь оппозиции войска во главе с Шуйскими. Как пишет историк Р.Г. Скрынников, и с ним нельзя не согласиться, «если сведения насчет Шуйских заключают достоверное зерно, значит, бояре знали о планах Ажедмитрия и сами разжигали его честолюбивые мечты. Одновременно они предупредили обо всем Сигизмунда III и постарались убедить его в том, что Ажедмитрий намерен отобрать у него польскую корону. Если бояре старались лишить самозванца польской помощи, они вполне добились цели»¹⁸.

Отношения Сигизмунда III и Ажедмитрия продолжали ухудшаться и в дальнейшем. Прибывший в Москву посол польского короля Гонсевский установил прямой контакт с Шуйскими и Голицыными. Он стал именовать Ажедмитрия князем. Бояре убедились, что самозванец лишился польской поддержки.

Назревший вскоре заговор бояр положил конец правлению Ажедмитрия.

Как мы видим, еще до свержения самозванца Швеция стремилась навязать помощь России, добившись от нее территориальных уступок. Обратившийся к жителям Новгорода Карл IX надеялся убедить их перейти под власть Швеции. Оставались неурегулированными отношения с Польшей. В такой ситуации на московский престол был возведен Василий Шуйский.

3. Внешняя политика при Василии Шуйском

Василий Шуйский был представителем старой аристократии. Он пользовался поддержкой в Новгороде, где вел пропаганду Карл IX. Вступив на престол, Василий Шуйский столкнулся с оппозицией, которая желала сближения с поляками. Шуйский пытался урегулировать взаимоотношения с Речью Посполитой с помощью дипломатических переговоров. В конце мая 1606 года в Варшаву было отправлено посольство К.Г. Волконского и А. Иванова с целью изобличить самозванца. В России полыхало восстание под предводительством И. Болотникова. Ведение переговоров было затруднено тем, что вместе с Ажедмитрием в Москве восставшими была убита часть поляков¹⁹. Русская дипломатическая миссия оказалась безуспешной. В этой ситуации Сигизмунд III пытался возложить вину за происшедшее на Мнишека. Посланникам ответили, что московские люди сами виноваты в появлении самозванца: они подтверждали, что это — Дмитрий, «племянник государей Московских», поддерживали его, сдавали ему города, короновали его²⁰. В то же время поляки обещали выдворить из Польши перешедших границу сторонников Ажедмитрия, но при этом требовали возвращения задержанных в Москве поляков.

В сложившейся ситуации Василий Шуйский предпочел сближение со шведами. Уже в июне 1606 года шведский король Карл IX направил Василию Шуйскому послание: за спиной Речи Посполитой против России стоят Империя, Рим, Испания. Они построили большой флот и собира-

ются использовать его для вторжения к Св. Николаю (Архангельску). К подобной аргументации необходимости борьбы с Речью Посполитой шведы прибегали и позже²¹. В 1608 году Василий Шуйский получил еще одну грамоту Карла IX об угрозе нападения на Россию со стороны Речи Посполитой: последняя надеется с помощью своих сторонников, в число которых теперь попали казаки и ногайцы, лишить Шуйского престола, заменить православие католичеством.

Шантажируя царя угрозой «крестового похода» против России, Карл IX преследовал свои интересы, стремясь укрепиться в Прибалтике, добиться ратификации невыгодного России Тязвинского договора. В июне 1606 года шведский посол должен был узнать, намерен ли Василий Шуйский подтвердить Тязвинский мир. Шуйский уклончиво ответил, что Россия не нарушит мир, но отправить посла для подтверждения мира не может из-за морового поветрия²². 31 июля Карл IX дал своим послам инструкцию о том, как вести переговоры в России: Швеция готова заключить мир, если Россия уступит Нотебург, Кексгольм, Ям, Копорье, Ивангород, Колу. Если Москва не согласится заключить мир, нужно пригрозить союзом с Речью Посполитой. Если это не поможет, послы должны сказать, что Швеция готова заключить мир с Россией против Польши, помочь России отвоевать Литву. Послам следует подчеркнуть, что в случае войны Швеции в союзе с Речью Посполитой против России последней следует опасаться нападения турок и татар. 27 августа послам была направлена новая инструкция, где оговаривались условия русско-шведской торговли: только Выборг и Ревель должны быть стапельными пунктами.

Одновременно в Москве велись переговоры с польскими посланниками С. Витовским и Я. Соколинским. Они требовали отпустить Мнишека и других польских и литовских людей, которые были задержаны в России с 1606 года. После длительных переговоров, мучительных обсуждений вопроса об ответственности польской стороны за интригу самозванца было заключено перемирие между Речью Посполитой и Россией сроком на три года одиннадцать месяцев (договорная запись помечена 25 июля 1608 г.)²³. Однако поляки заключали это перемирие лишь с целью вернуть Мнишека. Перемирие не содержало никаких реальных гарантий и могло быть нарушено в любой момент.

Между тем в Польше взяли верх сторонники агрессии против России. Они делали основную ставку на разжигание в России гражданской войны. Исследование Р.Г. Скрынникова (1991 г.) позволило ему высказать предположение, что Ажедмитрий II был ставленником Болотникова. Поляки использовали казачество в своих собственных целях, видя в нем в первую очередь разрушительную силу²⁴.

Летом 1608 года Ажедмитрий II, поддерживаемый Мнишеком, выступив в поход на Москву, обосновался в Тушине. После того как на сторону

самозванца перешли поморские и замосковные города, а Москва в борьбе с Тушином могла рассчитывать только на поддержку Рязани, Василий Шуйский решился на сближение со Швецией. В 1608 году глава первого подмосковного ополчения Скопин-Шуйский, находясь в Новгороде, заключил договор с представителем Швеции М. Мортенсоном о присылке из Швеции в Россию войск (5 тыс. человек). 28 февраля 1609 года в Выборге был подписан договор о помощи России: Швеция была готова предоставить ей 2 тыс. конницы и 3 тыс. пехоты. Россия обязывалась не нарушать Тявзинского договора. На содержание войска Василий Шуйский должен был выплатить 100 тыс. ефимок.

Затем было принято решение передать Швеции город Корелу. Василий Шуйский согласился на это: в случае нападения шведов он не мог удерживать город. Так как Корела перешла на сторону Лжедмитрия, Василий Шуйский уступал территорию, которая фактически не принадлежала ему. Однако Корела не согласилась добровольно сдаться шведам, а Шуйский на этом не очень настаивал.

Притязания Швеции к ослабленной Смутой России все возрастали. Вслед за Корелой Швеция потребовала передать ей Орешек, Ивангород, Колу. В сентябре 1609 года Карл IX писал своим комиссарам: «Настал такой удобный случай воспользоваться смутами России для территориального обогащения шведской короны, что упускать его невозможно; это значило бы сделать политическую оплошность, от которой не оправдаться ни перед богом, ни перед людьми»²⁵. Так, Василий Шуйский столкнулся с прямой угрозой шведской интервенции.

Одновременно Шуйский пытался использовать для борьбы с тушинцами Крым. Участились русские посольства в Орду. В 1609 году татары вторглись в район Оскола и Ливена. По-видимому, прихода Орды на помощь добиться не удалось: слишком мало было послано денег. Татары застряли под Каширой, грабя местное население. В июле 1610 года крымцы пришли под Москву. Василий Шуйский послал им 7 тыс. ефимок и обещал еще 30 тыс., а также ежегодные поминки в размере 20 тыс. Татары столкнулись с Лжедмитрием II на Наре в Боровском уезде. Реальной помощи Василию Шуйскому они не оказали. Татары, как и прежде, совершали грабительские набеги. Попытка привлечь татар к борьбе против Лжедмитрия вела лишь к разорению южных уездов, росту недовольства рязанского дворянства, страдавшего от татар более чем кто-либо²⁶.

Таким образом, в условиях Смуты и казаки, и московское правительство пытались прибегнуть к помощи соседних государств, которые, в свою очередь, стремились воспользоваться ситуацией и захватить русские территории или, как это было в случае с татарами, просто пограбить приграничные земли. Вмешательство соседних государств усугубляло ситуацию внутри страны.

4. Проекты колонизации России и исход междоусобицы

С началом Смуты не только возросли территориальные претензии к России со стороны ее соседей. Получили широкое распространение планы колонизации России, которые оказывались особо популярны в эпоху колониальных захватов европейских государств. Для ведущих колониальную торговлю держав Россия была весьма привлекательна благодаря волжскому водному пути, который связывал Балтику с Каспием и странами Востока, сулившими несметные богатства. В 1612 году в английский Государственный совет было представлено «Предложение о подчинении Русского Севера». В проекте указывалось, что если Англия овладеет землями между Архангельском и Волгой или установит протекторат над водным путем до Каспия и получит свободу торговли, то это будет «самым счастливым предложением, когда-либо сделанным государству с тех пор, как Колумб предлагал Генриху VII открытие для него Вест-Индии»²⁷. Приобретали все новых сторонников и польские планы феодальной колонизации русских земель (на этот раз с помощью насильственных методов).

В Европе многим казалось, что колонизация России может быть осуществлена малой кровью. При этом проводились прямые аналогии с колониальными захватами в Новом Свете. Главный польский идеолог колонизации русских земель Павел Пальчовский писал: «Несколько сот испанцев победили несколько сот тысяч индейцев». Московиты, может быть, лучше вооружены, но вряд ли храбрее индейцев. Идеи Пальчовского получили широкое распространение в Речи Посполитой. Планировались создание в России поселений поляков — опорных пунктов власти (по образцу португальских крепостей в Северной Африке), раздача земель дворянству (при условии, что русским дворянам могут быть оставлены владения небольших размеров)²⁸. В английском проекте колонизации Русского Севера подчеркивалось, что план не потребует крупных финансовых затрат, а средства, необходимые для перевоза оружия и войска, должны быть предоставлены самими русскими²⁹.

Поляки в основном вели переговоры с представителями русского боярства в центре, а шведы и англичане в той мере, в какой последним импонировали проекты колонизации русских земель, ориентировались на подчинение отдельных регионов. Основная ставка в проектах захвата российских земель и колонизации всей страны делалась на соглашение с представителями русских правящих кругов. В английском проекте говорилось, что в России прекратилась династия, уничтожено боярство, а среди населения идет брожение. Население «по необходимости вынуждено предаться в руки какого-нибудь государя, который будет его защищать,

подчиниться правлению иностранца, так как в его собственной среде не осталось человека, способного принять это дело на себя»³⁰.

Еще 1 ноября 1608 года Карл IX обращался к комиссарам, находившимся в это время в войсках в Лифляндии: «Хорошо было бы, если бы удалось привлечь на свою сторону нескольких русских бояр или если бы какие-нибудь русские города отдались под покровительство Швеции», при этом русские «сохранят все свои привилегии и льготы». Желательно, чтобы на сторону Швеции перешли новгородцы, которые прежде были вполне самовластны и свободны и только коварством были привлечены на сторону князей московских. Шведский король готов оказать им содействие в избрании собственного правителя. Как подчеркивал Карл IX, переговоры, если не достигнут успеха, усилят Смуту и Швеции будет легко овладеть Новгородом³¹.

Во второй половине 1609 года Сигизмунд III послал жителям Смоленска универсал, в котором говорилось, что все беды горожан связаны с приходом к власти в России недостойных людей. Польский король спасет Смоленск, обеспечит вольность его жителям. В универсале были слова и о правах Сигизмунда III на русский престол как христианского царя и дедича³².

Русская верхушка стремилась к сохранению существующих феодальных порядков и ради этого готова была пригласить на московский престол члена правящей династии другой страны.

Представители 1-го народного ополчения вели переговоры о возведении на русский престол Карла Филиппа, сына Карла IX. Представитель ополчения В.И. Бутурлин тайно заключил со шведами договор об уступке города, фактически отказавшись от его обороны. После вступления шведов в город представители новгородской феодальной верхушки заключили с ними договор.

Ведя переговоры со шведами, новгородцы пользовались случаем, чтобы скорректировать в своих интересах не вполне устраивающую их политику московского правительства. В частности, подлежало обжалованию и последующей отмене при заключении договора между Новгородом и Швецией исходившее от Бориса Годунова запрещение выезда новгородских купцов за рубеж.

В последующем, отправляя в Москву в 1615 году посольство с просьбой простить признавших шведскую власть новгородцев и принять их в подданство, новгородские митрополит Исидор и воевода И.Н. Одоевский писали об обострении внутренней борьбы, заставившем новгородское боярство искать защиты и поддержки у своих иноземных соседей: в Новгородском уезде казаки «побили» дворян и детей боярских, «чинили насильства и беды такие, чего и бесерманы не чинят». Это привело к отъезду дворян и бояр за рубеж³³.

Попытки заключить договор с иностранцами об избрании на московский престол представителя чужеземной династии предпринимались от лица «всей земли», то есть от всех слоев неподатного населения из всех районов страны, соответствующие решения выдавались за решения сословного представительства. По словам историка А.В. Черепнина, «сложившаяся в XVI в. политическая форма — сословно-представительная монархия — находилась в кризисном состоянии. Лозунгом «вся земля» стали пользоваться различные шедшие к власти социально-политические группировки»³⁴.

Отщепление от России части ее владений становилось возможным благодаря территориальному сепаратизму отдельных районов, имевших особые экономические интересы.

Как предполагает другой историк, И.И. Любименко, готовя «Предложение о подчинении Русского Севера», англичане, по-видимому, имели какую-то опору в России. Интерес русских к подобному проекту был обусловлен тяжелым положением в районах Русского Севера: волжская торговля замерла, люди остались без жалованья. Вероятно, что «Предложение» нашло поддержку в среде северного дворянства, наименее враждебного Западу³⁵.

Впрочем, реалистичность проектов колонизации России не следует преувеличивать. Английский проект носит характер частного предложения, которое не нашло поддержки правительства. Польские политики неоднозначно оценивали планы колонизации России.

Тем не менее переговоры с Речью Посполитой и Швецией о возведении представителей правящих династий на русский престол при наличии постоянной военной угрозы со стороны этих держав и при уже начавшейся интервенции составляли основное содержание русской дипломатии в конце правления Василия Шуйского и в период междуцарствия, до того момента, как сформировалось народное ополчение К. Минина и Д. Пожарского — представителей земщины, — олицетворившее реальную власть в стране.

В январе 1610 года под Смоленск для переговоров с Сигизмундом III приехали из Тушина от Ажедмитрия бояре М.Г. и И.М. Салтыковы, князь В.М. Масальский, думный дьяк И.Т. Грамотин и др. Действуя от имени «всей земли», они договорились об условиях возведения Владислава на русский престол. Договорная запись была составлена в виде ответа на запрос Земского собора; ее условия близки к тем, которые обсуждались в 1600 году. Владислав принимает православие и венчается на царство московским патриархом. Гарантировалась незыблемость православия (оговаривалось, что для католиков будет построен за городом специальный костел). В России сохранялась сословно-представительная монархия, основанная на власти русских феодалов. Паны не могли получать в России панства и воеводства. Те, кто приезжал на службу в Московское

государство, должны были обеспечиваться вотчинами и жалованьем. Договор препятствовал ополячиванию государства, а равно признанию шляхетских вольностей, чуждых русским феодалам. Предусматривался союз Москвы и Речи Посполитой в случае нападения других государств (в первую очередь в случае нападения татар). Посольство получило отказ: Владислав не будет венчаться в Москве и не примет православия³⁶.

Через месяц после отстранения Василия Шуйского от власти, 17 августа 1610 года, московское правительство заключило договор с гетманом Жолкевским о признании Владислава царем. Семибоярщина постаралась, чтобы решение о признании Владислава царем носило форму решения Земского собора. В Москве не было единства по этому вопросу. Возможно, в городе даже происходили волнения³⁷.

Вскоре под Смоленск было отправлено посольство для переговоров с Владиславом. В состав посольства вошли патриарх Филарет, князья В.В. Голицын и Д.И. Мезецкий, думный дворянин В.Б. Сукин, а также, с целью придания делегации характера представительства «всей земли», лица «разных чинов»³⁸. Члены посольства были задержаны поляками в качестве пленных.

Посольство предложило Владиславу условия, близкие к тем, которые обсуждались раньше. Владислава возводили на русский престол, обязывая принять православие. Запрещалась его переписка с папой. Специально оговаривалось, что если люди разных чинов захотят принять католичество, то они должны быть казнены, лишены владений и имущества, «чтоб за то меж государей и государств ссоры и мятежу не было, а были б государства в покое и в тишине». Их земли должны были перейти к Владиславу. В таком случае он стал бы крупным земельным собственником. С Владиславом может приехать лишь ограниченное число людей. За ним сохраняется тот же титул, который носили прежние русские цари. Желательно, чтобы Владислав женился на православной христианке. Речь Посполитая, согласно предложенным условиям, возвращала Московскому государству города, захваченные во время Смуты, Сигизмунд III должен был отступить из Смоленска. Выходцам из Речи Посполитой запрещалось давать поместья в пограничных районах, хотя они могли получить земли в других местах³⁹.

Таким образом, ставился предел территориальным притязаниям Речи Посполитой, попыткам распространения католичества в русских землях. Заключая договор, бояре надеялись, что Россия обретет политическую стабильность, справится с внутренними неурядицами и одновременно положит конец польской агрессии.

Как отмечает исследователь русско-польских отношений Б.Н. Флоря, русские надеялись, что Сигизмунд III захочет обеспечить московский престол своему сыну. Однако польский король не обладал достаточной

властью для реализации подобного проекта. К тому же сам он выступал за восточную экспансию в ее крайних формах. Делегация получила отказ: предложенные ею условия не давали возможности воздействовать на внешнюю и внутреннюю политику России⁴⁰.

В сложившейся ситуации принимавший участие в смоленских переговорах с польской стороны С. Жолкевский предлагал заключить мир при условии, что Россия уступит Речи Посполитой пограничные районы. Отъезд из России отказавшегося от продолжения переговоров Жолкевского означал, что наиболее дальновидные польские политики признали нереальность планов объединения двух государств. Однако руководство восточной политикой Речи Посполитой перешло к сторонникам крайних мер⁴¹.

Провал смоленских переговоров совпал с распадом боярского правительства. Москва принесла присягу Сигизмунду III, а он передал власть пришедшим к нему на службу тушинским боярам и дьякам. Была предпринята попытка провести завоевание в скрытой форме⁴².

Вскоре один из казачьих предводителей, И.М. Заруцкий, с частью казаков ушел под Смоленск к Сигизмунду III. Однако довольно быстро казаки вернулись обратно, поняв, что не на Владислава надо возлагать надежды и не с ним связывать мечты о воплощении в жизнь казацких идеалов. Контакты Заруцкого с польскими властями привели к сужению социальной базы возглавляемого им движения⁴³.

Швеция тоже стремилась воспользоваться сложившейся ситуацией и под предлогом оказания помощи Русскому государству добиться территориальных приобретений. При переговорах о возведении сына Карла IX, Карла Филиппа, на русский престол, как и при обсуждении кандидатуры Владислава, встал вопрос о принятии шведским королевичем православия.

6 июня 1611 года состоялись переговоры стольника воеводы В.И. Бутурлина и командовавшего шведскими войсками Делагарди. Русская сторона сообщила, что Новгород хочет иметь на престоле сына Карла IX и что есть надежда на поддержку Москвой этой кандидатуры при условии принятия Карлом Филиппом православия. 23 июня ополчение П. Ляпунова приняло приговор об избрании шведского королевича на русский престол при условии уступки шведам Ладоги и города Орешка, а тайно Бутурлин договорился сдать и Новгород. В то же время шведские войска подошли к Новгороду. В июле Делагарди занял Новгород. Опасность заставила новгородское боярство идти на переговоры со шведами, делая им новые уступки. В ходе дальнейших переговоров новгородцы подтвердили Тязвинский мирный договор, согласились на избрание шведского королевича, который должен был остаться под покровительством Карла IX. Новгородцы шли на значительные уступки в вопросе о вероисповедании: шведы должны были только дать обязательство, что не будут притеснять православных христиан⁴⁴.

Делагарди руководствовался королевской инструкцией от 18 мая 1611 года: если Карл Филипп будет избран монархом, то он придет в Россию при условии, что его признают царем всего государства. Кроме того, Россия должна согласиться на территориальные уступки и признание шведской торговой монополии. Если явятся представители лишь некоторых областей, как писал Карл IX, надо предложить России союз против Польши при сохранении ею независимости. Если же, наконец, русская сторона откажется заключать договор, шведский король велел требовать уступки Ивангорода, Яма, Копорья и других городов⁴⁵.

В инструкции нашла отражение, с одной стороны, претензия Швеции на превращение России в политически зависимое от Швеции государство, а с другой — ее готовность ограничиться территориальными приобретениями, если ставка на политическое подчинение России не пройдет.

Позиции боярского правительства и верхушки ополчения П. Ляпунова в какой-то мере оказывались сходными: и те и другие требовали признания сына иноземного королевича главой Русского государства. При этом надо было обеспечить, по крайней мере, видимость того, что избрание монарха проводится при участии представителей разных сословий (об этом свидетельствовали состав посольства, отправленного под Смоленск, а также состав 1-го ополчения). Для поляков и для шведов было бы удобнее, если бы соответствующий акт совершался при участии представителей «всей земли» (когда речь зашла о кандидатуре Владислава, Филарет сослался на необходимость созыва Земского собора; вопрос о приглашении Карла Филиппа на русский престол должен был решаться выборными «всей земли»). В первом случае речь шла о двустороннем урегулировании русско-польских дел, во втором шведы должны были помочь русским против поляков, а Россия при этом становилась заложницей польско-шведских отношений. Московское государство превращалось в арену борьбы Речи Посполитой и Швеции.

Д. Пожарский, в свою очередь, затеял переговоры с австрийцами. Он обсудил с возвращавшимся из Персии имперским посланником Ю. Григоровичем возможность возведения на русский престол Максимилиана. Понимая, что реально возможности приезда эрцгерцога нет, Пожарский надеялся заручиться австрийской поддержкой.

С соответствующей грамотой в Вену был направлен гонец Е. Еремеев (официальной целью его миссии было испросить у цесаря денежную помощь). Ответ на предложение возвести на русский престол Максимилиана и на просьбу оказать финансовую поддержку был отрицательным: Австрия не собиралась помогать России.

Прорыв дипломатической изоляции, в которой оказалось народное ополчение, произошел в другом направлении: Турция предложила помощь Москве против Речи Посполитой⁴⁶.

Однако в ближайшем будущем русским дипломатам предстояло решить непростые проблемы. Переговоры о возведении на московский престол представителей польской или шведской династий создавали видимость законности притязаний поляков и шведов.

5. Первые годы правления Михаила Романова: урегулирование отношений с Речью Посполитой и Швецией

В 1613 году на московский престол вступил Михаил Федорович Романов. Его кандидатура была поддержана казаками. Утверждение нового монарха на избирательном Земском соборе в присутствии представителей «всех чинов» из 47 городов (Новгород в число этих городов не вошел) положило начало установлению национального согласия. Однако Смуты еще не кончилась. Переговоры о мире с Польшей и Швецией должны были вестись на фоне продолжающихся казачьих движений. Предстояло улаживать отношения с Новгородом, признавшим власть Швеции.

Чтобы положить конец притязаниям поляков на русский престол, а шведов — на Новгород, Михаил Федорович должен был добиться, чтобы другие государства признали его как законного русского царя. Россия не могла рассчитывать на кого-либо из своих непосредственных соседей, так как все они стремились воспользоваться Смутой в России в своих интересах. В этих условиях Россия, естественно, попыталась заручиться поддержкой более удаленных государств.

После вступления на престол Михаила Романова правительство России предприняло дипломатическую акцию, не знавшую себе равных за всю предшествующую русскую историю. Почти одновременно Москва отправила восемь посольств в разные страны с просьбой вступить в союз с Московским государством, оказать ему финансовую помощь. Целью посольств было также информировать об окончании Смуты на Руси и об обретении ею законного монарха.

Послы направились в Турцию, к ногайским татарам, в Австрию, к константинопольскому патриарху, в Данию, Крым, Персию, Англию и Голландию. Послы должны были разузнать и понять, какую позицию займут европейские державы в русско-польских и русско-шведских переговорах.

В феврале 1613 года в Варшаву был направлен гонец Д. Оладьин. Ему вменялось в обязанность договориться о возвращении русских пленных. Чтобы легче было освободить Филарета, отца Михаила Романова, из плена, гонец не должен был ничего говорить о готовящемся избрании царя.

Оладьин получил сведения о предложении цесаря выступить в роли посредника. При этом поляки подчеркивали, что имперские дипломаты будут действовать в русских интересах.

23 марта 1613 года между Сигизмундом III и императором Матвеем был заключен династический союз. Император не признавал Михаила Романова как законного царя. В силу сложившихся отношений с Речью Посполитой Австрия была в принципе готова поддержать польские притязания к России. Впрочем, в австрийских правящих кругах не было единства по вопросу об отношениях с Россией. Епископ Венский, кардинал М. Клесль считал, что польские планы относительно русского престола нереалистичны, а полагаться на помощь Речи Посполитой в борьбе против Турции не стоит, поэтому надо установить дружественные отношения с Москвой. Венский вице-канцлер Л. Ульм выступал за активную поддержку Речи Посполитой. Но в целом Австрия была по-прежнему заинтересована в России как в потенциальном союзнике в борьбе с Турцией. Империя питала опасения относительно возможности сближения Москвы и Константинополя.

В наказе дворянину С. Ушакову и дьяку С. Заборовскому, поехавшим к императору Матвею, говорилось о желательности выступления Австрии в роли посредника в мирных переговорах во имя совместной борьбы с Османской империей⁴⁷.

В роли дипломатов на этот раз выступали непрофессионалы, малосведущие люди, не имеющие опыта ведения международных дел. Они получили свои должности в силу лояльности новой династии, их антипольские и антишведские настроения не вызывали сомнения. Приход на дипломатическое поприще новых лиц в значительной мере препятствовал благоприятному исходу ряда переговоров с Австрией в первые годы правления Михаила Романова: миссия Ушакова и Заборовского оказалась неудачной.

Почувствовав слабость дипломатов, их неспособность представить от лица новой династии интересы Русского государства, австрийцы унижали русских как могли. Три дня учили Ушакова и Заборовского, как должно кланяться императору. Их поведение содействовало тому, чтобы отношение Австрии к России осталось двойственным, а император по-прежнему не признавал Михаила Романова. Послы привезли в Москву грамоту, в которой имя царя не упоминалось, хотя и выражались сочувствие Русскому государству, надежды на заключение русско-польского мира.

Цесарь продолжал придерживаться избранной им тактики: не признавать Михаила Романова и одновременно обсуждать вопрос об австрийском посредничестве в русско-польских переговорах.

В Москве сильно сомневались, стоит ли соглашаться на австрийское посредничество, так как опасались, что Империя может активно выступить в защиту польских интересов: посланнику Ф.Г. Желябужскому, отправленному в Варшаву в декабре 1614 года, поручалось выведать, не собираются ли цесарь, а также папа римский, Франция и Испания воевать с Россией.

И все же Россия решилась начать переговоры с Речью Посполитой при австрийском посредничестве.

В самой Речи Посполитой позиции Сигизмунда III, хотевшего продолжения войны с Россией, заметно ослабли. Еще на сейме 19 февраля 1613 года его политика подверглась острой критике, отражавшей настроения основной части шляхты. Сигизмунду III ставилось в упрек, что он потерял время, не поддержав Дмитрия и не выступив в поход на Москву. Лев Сапега заявил, что Польша не смогла использовать благоприятные обстоятельства. Пришлось обсуждать вопрос о жалованье войскам: последняя кампания оставалась неоплаченной. Из решений сейма вытекало, что король должен закончить войну путем дипломатических переговоров⁴⁸.

Император же велел своему посреднику удостовериться, реалистичны ли польские планы, и в случае отрицательного ответа объявить, что цесарь признает русского царя, и попытаться уговорить русских согласиться на польские условия. В процессе переговоров австриец должен был поставиться ликвидировать бесцельную войну, подчеркивая свой нейтралитет⁴⁹.

Переговоры, начавшиеся под Смоленском в конце ноября 1615 года, проходили сложно. Опять же сказалась слабость русской делегации, сформированной по принципу верности династии Романовых. В состав делегации вошли И.М. Воротынский, активный противник русско-польского сближения, А.Ю. Измайлов, также известный своей антипольской ориентацией. Совершая ошибки во время переговоров, часто нарушая предписания полученного в Москве наказа, который к тому же страдал неполнотой, послы, отправляя официальные отчеты в Москву, старались скрыть свои ошибки, представить то, что реально происходило, в искаженном виде: между официальными донесениями Воротынского и личными донесениями члена посольства А. Сицкого царь наблюдал существенные расхождения.

Речь Посполитая была представлена литовскими феодалами, заинтересованными в северских землях: А. Сапегой, Я. Радзивиллом и др.

На первом же съезде поляки, выслушав обвинения со стороны русской делегации, стали кричать, что будут стоять и биться за позор своего государя, то есть отомстят за поражение Сигизмунда.

Когда же дошли до сути, быстро выяснилось, что обе стороны заняли непримиримые позиции. Московские послы требовали заключить мир, отпустить в Россию русских послов, находящихся в польском плену, вернуть России Смоленск, возместить нанесенный России ущерб. Поляки предъявили требование признать за королевичем, которому русские «целовали крест», Северскую и Смоленскую земли. 1 января 1616 года русские послы получили новый наказ, в соответствии с которым им предписывалось оставить Смоленск в руках Польши. Поляки же снова настаивали на сохранении права Владислава на русский престол, требовали, чтобы Польше были отданы Дорогобуж, Вязьма, Белый, Торопец. В ответ на требование

поляков признать права Владислава на русский престол, как доносил царю Сицкий, Воротынский ответил полякам, что Михаил Романов «целовал крест» Владиславу, потому что был молод. Такой ответ поляки встретили смехом. Однако сам Воротынский писал в Москву, будто он утверждал, что «крестоцелования» не было. За такой ответ посол опять же получил порицание Москвы. Ему указали: поляки все равно, услышав такой ответ, будут настаивать на том, что русские «целовали крест» Владиславу. Послы разъехались, так и не заключив договор⁵⁰.

Тем временем война со Швецией продолжалась. Приехавшие из Австрии в Голландию Ушаков и Заборовский на просьбу о помощи получили ответ, что Гаага помочь не может, но постарается склонить Швецию к миру с Россией. В апреле 1614 года Швеция заключила военно-политический союз с Голландией.

После того как в Лондоне побывал дворянин А. Зюзин, выполнявший те же поручения, какие выполняли Ушаков и Заборовский в Гааге, из Лондона в Москву с предложениями о посредничестве был направлен Дж. Мерик. И Англия, и Голландия выразили готовность выступить в роли посредников, так как для ведения торговли на Балтике им был необходим мир в регионе. Обе страны были заинтересованы в русском рынке, доступ к которому оказался бы ограниченным для них в случае перехода всего Балтийского побережья в руки Швеции, бравшей на себя посредническую роль в торговле, тогда Англия и Голландия могли бы свободно торговать только через Архангельск. Соглашаясь принять участие в урегулировании русско-шведских отношений, англичане надеялись выхлопотать себе дополнительные торговые привилегии: разрешение торговать с Персией через Россию и даже искать путь в Восточную Индию через реки Лену и Обь.

Притязания подобного рода были органически связаны с проектами колонизации России, являлись, по сути дела, их составной частью, хотя со вступлением на престол Михаила Романова прежние планы колонизации России утратили свое значение.

Англия и Голландия, так же как и Швеция, были заинтересованы в ослаблении Габсбургов и опасались союза России с Речью Посполитой и Австрией, союза, который мог бы возникнуть в результате перегруппировки сил. Угроза выступления Австрии против России и Швеции служила в устах голландцев важным аргументом в пользу голландского посредничества⁵¹.

Пока же переговоры не начались, шведы продолжали сохранять свои позиции в Новгороде. Густав Адольф, занявший шведский престол после смерти Карла IX, отправил на место покинувшего Новгород Делагарди Еверта Горна, который предложил жителям города присягнуть новому шведскому королю. Город безудержно разграблялся шведами. Новгородцы заявили, что им необходимо перед тем, как «целовать крест» королю, «сослаться»

с Москвой. Решение о признании Михаила Романова было для новгородцев не совсем простым делом. Новгород оставался и во власти внутренних конфликтов, посланные туда ратные люди действовали как на вражеской территории⁵². Однако жестокость шведов не оставляла новгородцам возможности выбора и предопределяла их обращение к Москве. Приехавшая в Москву делегация получила от царя две грамоты: в одной новгородцы назывались изменниками, а в другой, тайной, новгородцам прощалась их вина.

Военные действия продолжались, царские войска терпели поражения. 30 июня 1615 года Густав Адольф осадил Псков.

Однако начиная еще с 1614 года шведы стали склоняться к решению заключить мир с Россией. 4 января 1616 года в Дедерине начались русско-шведские переговоры при посредничестве голландцев и англичан. Там возобладала точка зрения шведского государственного канцлера А. Оксеншерны, призывавшего заключить мир, сохранив за Швецией только новгородские пригороды у побережья Финского залива.

В процессе переговоров голландцы и англичане действовали неслаженно, и те и другие преследовали свои интересы. Голландцы выступили на стороне Швеции, а затем вышли из переговоров.

Москва, надеясь на урегулирование отношений с Речью Посполитой, затягивала переговоры. В июне 1616 года ведший переговоры шведский посол Горн писал Густаву Адольфу: «Этих русских доведешь только до крайности, и они, ради целости своей территории, согласятся войти в соглашение с Польшей и действовать заодно с нею против Швеции». Горн передавал королю сведения, что Сигизмунд III рассылает прелестные письма, призывая население русских городов не повиноваться шведам⁵³.

Мерику удалось уговорить шведов пойти на некоторые уступки. Для Москвы вопрос о том, на что соглашаться — на передачу Швеции русских земель или на выплату денег, — решался болезненно. Земский собор, заседавший в Москве в сентябре 1616 года, постановил отдать города Новгородской области: если даже удастся собрать деньги на выкуп городов, не будет средств на выплату жалованья ратным людям и на хлеб для войск. В декабре Земский собор обсуждал, какие города можно уступить. Было решено не уступать Новгород.

27 февраля 1617 года в Столбово, куда в конце 1615 года перебрались послы, был подписан мирный договор. Шведы должны были возвратить Новгород, Старую Руссу, Порхов и Сумерскую область. Россия отдавала Корелу (Кексгольм), Копорье, Орешек, Ям, Ивангород. Отныне вся российская торговля должна была идти через шведские города. Швеция замкнула прибалтийский барьер. Договор закреплял посредническую роль ревельского купечества. Русским купцам запрещалось ездить через шведские владения в европейские страны, а также вести на шведской территории

торговлю с иностранными купцами. В результате усилилась ориентация России на Архангельск. Швеция получила контроль над устьем Наровы.

После заключения Столбовского мира Густав Адольф пытался продолжить по отношению к России прежнюю политику, предлагая отправить на помощь русским войска. Войскам же давалась инструкция: если в случае смерти великого князя отдельные русские области захотят искать поддержку у шведов, она должна быть оказана.

После смоленских переговоров продолжалась Русско-польская война. В июле 1616 года варшавский сейм, мнение которого снова качнулось в пользу войны, решил отправить против Москвы Владислава. Владиславу вменялось не противодействовать заключению мира, так как война предпринималась для проверки расположения московского народа к королевичу. Владислав должен был добиваться передачи ему русского престола и выполнения условий договора, заключенного между королевичем и боярами: 1) заключения союза между Россией и Речью Посполитой; 2) установления между ними свободы торговли; 3) отказа России от северских городов; 4) ее отказа от прав на Эстонию и Ливонию. Позже к этим пунктам добавился пункт о русско-польском союзе против Турции.

Владислав расположился лагерем под Вязьмой, откуда поляки стали совершать наезды на русские территории. Его войска пополнялись переходившими на сторону поляков русскими. Казаки шли на службу к Владиславу, надеясь тем самым свести счеты с московскими властями. Казаки были недовольны тем, что правительство не относится к ним как к полноправным служилым людям, не обеспечивает им условий службы и содержания. Среди казаков были распространены идеи физической расправы с правительством⁵⁴.

Посольский приказ тем временем оказался поглощенным дипломатическими переговорами с разными государствами. Позиция Швеции не предвещала ничего хорошего, а Турция была готова поживиться за счет России. Москва пыталась найти себе новых союзников. Как справедливо отмечает Б.Н. Флоря, «осознав, что на пути к осуществлению его целей стоит габсбургский блок, русское правительство пыталось найти себе союзников среди европейских государств — противников Габсбургов, пока, правда, не заходя в попытках сближения с ними слишком далеко и ограничиваясь главным образом хлопотами о помощи против Сигизмунда III»⁵⁵.

В 1617 году Россия просила о денежной помощи Данию и Англию. Дания отклонила просьбу. Англичане выразили готовность предоставить русскому царю треть просимой суммы с условием, что получат торговые привилегии, право транзитной торговли с Персией. Когда в 1618 году из Лондона в Москву прибыло посольство Дигта, царь отказался принять предложенные деньги, но затем согласился, не желая портить отношения с английским королем. Дигт поспешно уехал из

России, испугавшись поляков. В письме, отправленном в Англию из Архангельска, он выражал опасение, что русские войска не смогут оказать сопротивление полякам⁵⁶.

В середине 1618 года польские войска подошли к Можайску. К осени в Москве был созван Земский собор, единодушно проголосовавший за борьбу с поляками.

Королевич Владислав тем временем обосновался в Тушине. Его войска осадили Донской монастырь, но взять не смогли. 20 октября последовал съезд с русскими послами на реке Пресне. Польские комиссары, назначенные сеймом, требовали возведения на русский престол Владислава, русские отказывались. Затем речь шла об уступке Северной и Смоленской земель.

Начавшиеся холода вынудили поляков отступить. Боярин Ф.И. Шереметев склонил Владислава к переговорам. Переговоры с польскими комиссарами открылись 23 ноября в деревне Деулино, близ Троице-Сергиева монастыря. До московской делегации доходили угрожающие сведения: шляхта хочет служить королевичу, его поддержат донцы. В этой ситуации русские пошли на значительные уступки и согласились на польские требования. Было заключено перемирие на 14,5 года. К Речи Посполитой отошли Смоленская, Черниговская и Новгород-Северская земли.

Непросто складывались отношения России и с южными соседями — Турцией и Крымом. Речь Посполитая стремилась воспрепятствовать сближению России и Турции. Из Варшавы в Константинополь было отправлено посольство А. Горского, который должен был довести до сведения султана, что русские круги, ищущие сближения с Турцией, не располагают реальной властью. Однако из Крыма в Турцию поступили сведения, что новая русская династия занимает прочные позиции.

В процессе переговоров с посланниками П. Соловьевым-Протасьевым и М. Даниловым, прибывшими из Москвы, султан убедился, что Россия представляет собой реальную политическую силу. Последовал отказ Турции от готовившегося похода на Астрахань⁵⁷.

В 1615 году в Константинополь поехало посольство П. Мансурова и С. Самсонова для заключения союза с участием крымских татар против Польши. Посольству вменялось в обязанность сообщить, что России грозит направленный против нее союз в составе Речи Посполитой, Швеции, Австрии, папы римского. Турция заявила, что азовские походы казаков, поощряемых Россией, являются препятствием к заключению союза с ней. Царь отправил султану грамоты, в которых указывалось, что казаки действуют по наущению поляков. Однако Турция все же отказалась заключать союз, ссылаясь на «неправды» с русской стороны: Мансуров помогал казакам, а до этого Россия захватила Казань и Астрахань. В условиях, когда русско-польские отношения оставались неурегулированными,

Турция предпочитала иметь свободу рук в борьбе против Московского государства, не связывая себя союзными обязательствами с Россией.

В последующие годы Крым и Турция сохраняли мирные отношения с Россией. А Московское государство воспользовалось ухудшением отношений Польши и Турции: Турция собиралась возобновить войну с Польшей и использовать в этой борьбе Крым. Благодаря этому Россия смогла выйти из враждебного окружения. Стал возможен союз с татарами против Польши.

Итак, со Швецией в 1617 году был заключен мирный договор. Отношения с Польшей остались неурегулированными: она не только не возвратила России западные русские земли со Смоленском, но и продолжала игнорировать Михаила Романова как законного русского царя, требуя, согласно договору Владислава с боярами, признания прав польского королевича на московский престол. Улаживая свои отношения с Польшей и Швецией, Москва практически впервые обратилась к посредничеству европейских государств, не имеющих общих границ с Россией, — Австрии, Англии, Голландии. Создавались предпосылки для втягивания России в систему европейских международных отношений.

Однако в основном Московскому государству по-прежнему приходилось иметь дело со своими ближайшими соседями.

6. Внешняя политика России в период Тридцатилетней войны

Сильно разоренная во время Смуты Россия не имела возможности проводить активную внешнюю политику. Для Московского государства было довольно естественно заключить союз с заклятыми врагами Речи Посполитой — Швецией и Турцией. Однако последние могли, пользуясь ослабленностью России, пытаться навязать ей невыгодные условия, тем более что оба эти государства имели свои претензии к Москве.

В то же время бывшие сторонники русско-польского сближения, пройдя проверку на лояльность по отношению к династии Романовых, по-видимому, были не прочь воскресить и реализовать некогда существовавшие планы коалиции двух государств. В 1619 году из польского плена возвратился патриарх Филарет, фактически возглавивший московское правительство и игравший важную роль при выработке внешнеполитического курса. В 1618–1626 годах Посольским приказом ведал Иван Грамотин, в свое время прилежно служивший Ажедмитрию, Василию Шуйскому и Сигизмунду III, человек, умевший приспособиться к любым обстоятельствам.

Б.Ф. Поршнев, известный исследователь истории внешней политики России, связывает с именем Филарета проведение активной — в той мере, в какой это позволяло состояние государства, — антипольской политики. Историк считает, что Грамотин, наоборот, стремился к восстановлению

добрососедских отношений и сотрудничеству с Польшей. Внешняя политика России, по мнению Поршнева, менялась в зависимости от того, чья группировка — Филарета или Грамотина — возьмет верх.

В 1619–1620 годах Швеция сделала неудачную попытку заключить союз с Россией против Польши. Москва не пошла на сближение со Стокгольмом, так как шведы стремились захватить во время межевания земель новые территории. Кроме того, как справедливо пишет Б.Н. Флоря, «по-видимому, под воздействием впечатлений от переговоров с Густавом Адольфом у Филарета и дьяков Посольского приказа стало складываться мнение, что русское государство намереваются втянуть в конфликт с Речью Посполитой в интересах каких-то враждебных Русскому государству сил»⁵⁸. Осенью 1620 года разразился вооруженный конфликт между Польшей и Турцией.

Россия вела оживленный обмен посольствами с Крымом и Турцией. В 1621 году в Москве побывало турецкое посольство во главе с православным греком Ф. Кантакузином. Османская империя не очень стремилась к сближению с Россией. Но посол, выражая интересы константинопольского патриарха, настойчиво добивался союза России и Турции против Польши. При этом патриарх надеялся на освобождение украинских и белорусских земель от религиозного гнета польских католиков.

Московское государство постоянно обнадеживало султана, что Россия не оказывает и не окажет впредь помощи Речи Посполитой и, может быть, даже объявит ей войну. В то же время Филарет тщательно уклонялся от вступления в союз с Турцией. Одновременно возобновилась Польско-шведская война. Ухудшилось положение Речи Посполитой как члена габсбургской коалиции. Речь Посполитая оказалась втянутой в войну на два фронта, сложилась благоприятная обстановка для выступления России против Польши.

12 октября 1621 года в Москве был созван Земский собор для принятия решения о начале войны с Речью Посполитой. По-видимому, правительство испытывало большие сомнения по этому вопросу. Независимо от того, насколько серьезными являлись намерения правительства относительно войны с Польшей, апелляция к сословиям должна была содействовать сплочению общества. Наверное, Филарет, склонный к автократическому правлению, шел на созыв Земского собора, понимая, что проведение собора окажет положительное воздействие на общественное мнение, «раздерганное» в период Смуты, будет способствовать единению сословий.

На открывшемся в Грановитой палате соборе присутствовали, как и на других соборах широкого состава, представители духовенства, светских феодалов, гостей, торговых людей, донского казачества. Сословия услышали подробный рассказ о «неправдах» со стороны Польского государства: поляки «чинят» большие «задоры», бесцеремонно вторгаются в русские земли, обустраивают слободы, села, деревни, совершают наезды

на близлежащие поместья, грабят, «побивают», а захваченных пленников держат в «неволе и поруганье». А в грамотах польский король умаляет честь русского государя: его имя пишет без титула.

Одновременно на соборе говорилось о готовящемся выступлении Швеции и Крыма против Речи Посполитой. Указывалось, что если Россия не нападет на Польшу, то последняя помирится с Турцией, Крымом и Швецией «и тогда и больше того учует на Московское государство умышлять и всякие неправды делати». Выражалось опасение, что если Россия не выступит в союзе с другими государствами против Польши, то теперешние союзники Москвы могут направить оружие против России: «Вперед бы с Турским Салтаном и с Крымским царем и с свейским королем в большую недружбу не войти». Таким образом, достаточно открыто подчеркивалось, что война с Польшей нужна во имя сохранения добрососедских отношений с Крымом и Швецией.

Все сословия высказались за войну. В то же время в тексте соборного приговора было записано предложение городских дворян и детей боярских «велети их в городех разобрати, кому мочно их государева служба служити, чтоб дворяне и дети боярские никакое человек в избылых не был»⁵⁹.

После окончания Земского собора в Польшу был отправлен гонец Г. Борняков с «укоризнами» относительно того, что поляки отказываются именовать русского царя великим государем. В ответной грамоте поляки твердили свое: русские, и в том числе сам царь Михаил, присягнули польскому королевичу. Если бояре хотят лишить королевича прав на польский престол, то должны бить ему об этом челом. Имя русского царя по-прежнему было написано без государева определения.

Вскоре по возвращении гонца, между 11 февраля и 14 марта 1622 года, в Москве состоялся новый Земский собор, по-видимому в том же составе, что и предыдущий. Хотя уже летом 1621 года в Москве стало известно о прекращении войны Турции с Польшей, собору были предъявлены сведения, полученные от воевод украинских городов, что «Турской и Крымской (турецкие и крымские войска. — *Авт.*) из Польши отошли для зимы», а летом вновь пойдут в наступление, «война де у Турского на Литовского короля заложена на десять лет»⁶⁰. Не исключено, что правительство сообщало собору неверную информацию, надеясь заручиться поддержкой сословий. Как полагает А.В. Черепнин, собор был созван для того, чтобы внушить собравшимся: пора начинать войну, решение о которой уже принято⁶¹.

Еще в 1618 году в Европе началась Тридцатилетняя война. В Посольский приказ из разных источников стали поступать сведения о ее ходе. В основном с целью получить более подробную информацию в 1621 году было снаряжено посольство Ю. Родионова и И. Фомина в Германию, Францию и Англию. Привезенный Фоминым статейный список позволил составить довольно четкое представление об антиабсбургской коалиции.

Россия, испытывавшая недоверие к Турции и Швеции, при угрозе оказаться в дипломатической изоляции решила попытать счастья и начать переговоры о союзе с Данией, тем самым оказав поддержку антиабсбургской коалиции, чешскому восстанию. Но попытка заключить союз с Данией потерпела неудачу. Возможно, именно в связи с этой неудачей в июле 1622 года Россия отказалась от войны с Речью Посполитой⁶².

Не достигло результатов и другое посольство: отправленные в Англию И. Погожее и А. Власьев тоже не смогли заключить с ней союз⁶³.

После провала переговоров с Данией и Англией, по всей видимости, влияние Филарета на выработку политического курса ослабло. При дворе возобладавало влияние тяготевшего к Польше И. Грамотина⁶⁴.

Но и с Польшей у Москвы были изрядные распри. Так, вопрос о возвращении Смоленска не был полностью снят с повестки дня. Он снова возник в последующие годы, правда, при изменившихся обстоятельствах.

Если первый период (1618–1624 гг.) Тридцатилетней войны историки называют чешско-пфальцским, то второй ее период (1625–1629 гг.) — датским. В 1624–1625 годах в Европе сформировалась антиабсбургская коалиция. В это время важное значение приобретает торговля зерном с Россией. В связи с прекращением поступления на рынок польского зерна начался вывоз зерна из Московского государства. Роль торговли росла. Показательны следующие цифры. В результате только одной сделки на русском рынке английский купец Вич обеспечил в 1631 году 22% лондонского годового запаса хлеба (притом Россия основную часть зерна продала Швеции⁶⁵). Развернулась борьба за балтийскую торговлю. Польское правительство приняло меры по ограничению торговли с протестантскими государствами. Католикам, несмотря на специальные усилия, не удалось положить конец русской торговле на Балтике, помогала и переориентация русской торговли на Архангельск. Российское правительство взяло линию на активную поддержку протестантских государств. Эта поддержка была не случайной, она предопределена всем предшествующим ходом событий, общими интересами протестантских государств и России в борьбе с Польшей. Кроме того, протестантские державы были заинтересованы в эксплуатации русского сырьевого рынка. Эта эксплуатация могла осуществляться или в результате торговли на условиях, невыгодных России, или путем проведения колонизации. Под эгидой политического союза протестантские страны могли добиваться и нужных условий торговли, и права колонизации русских земель. Голландские послы, приехавшие в 1630 году в Россию, испрашивали разрешения обрабатывать пустующие земли. Им ответили, что это невозможно, потому что возникнут споры о земле. Вместе с тем они добивались права транзитной торговли. Царь не согласился на это, причем он указывал, что не была удовлетворена аналогичная просьба англичан: подобные транзитные операции подрывали бы русскую торговлю⁶⁶.

*Иван III Васильевич,
великий князь Московский
(1462–1505 гг.)*

*Василий III Иванович,
великий князь Москов-
ский (1505–1533 гг.)*

В данном случае правительство не только руководствовалось собственными соображениями, но также испытывало давление со стороны купечества. Еще в челобитной 1627 года купцы жаловались на засилье иноземцев: «И вашим государевым всяким промыслам чинятца от того порухи великие, а мы, холопи и сироты ваши, от тех иноземцев стали без промыслу и многие торговые люди от своих промыслов отбыли и оттово оскудели и одолжали великими долги»⁶⁷. Западные купцы, по мнению авторов челобитной, не должны ездить дальше Архангельска и Холмогор. Исключение можно сделать только для англичан.

На Двину был послан указ, чтобы в столицу пропускали лишь тех голландцев, которые имеют жалованные грамоты для торговли.

Политика протестантских государств в отношении России оставалась в значительной мере такой же, как и в предшествующий период. Если шведы неоднократно проявляли заинтересованность в союзе с Россией, то другие державы, демонстрируя готовность заключать союзы с Московским государством, говоря о католичестве как об общем противнике православных и протестантов и порой используя демагогическую риторику для достижения политических целей, преследовали в России свои интересы и вовсе не склонны были считать отсталое государство на краю Европы равноправным членом политического «концерта».

Не ясно, были ли изменения во внешней политике Московского государства обусловлены целиком изменением международной ситуации или также внутренними перестановками в российском правительстве. Поршневу говорит о резкой смене политического курса, которая привела к отставке Грамотина и приходу на его место Ефима Телепнева⁶⁸ — активного проводника антипольской политики. В первые годы Смуты Телепнев являлся новгородским дьяком. Верный настаивал на дружбе Франции со Швецией и Турцией. По-видимому, он имел поручение, если переговоры пойдут успешно, поставить вопрос о франко-русском союзе. Ему было сказано, что царь объявит войну Польше, не дожидаясь истечения срока перемирия.

Параллельно Россия и европейские державы вели переговоры с Турцией. В это время Турция воевала с Ираном и не могла проводить активную внешнюю политику по отношению к Польше. Тем не менее Турция невольно втягивалась в европейскую политику.

Так как протестантские государства хотели, чтобы Османская империя выступила против Австрии или Испании, а Россия была заинтересована в Турции как в союзнике по борьбе с Польшей, Москва столкнулась в Константинополе с прямым противодействием европейских держав.

В 1627 году в Москву в очередной раз прибыл Ф. Кантакузин, неоднократно выполнявший поручения султана в России, православный грек, представитель одного из наиболее знатных греческих родов, с предложе-

ниями союза России и Турции против Речи Посполитой. Зашел разговор о формировании коалиции в составе Османской империи, Трансильвании, Швеции и России. Согласно заключенному русско-турецкому договору Османская империя должна была вернуть Московскому государству занятые поляками города (об этом договаривались отправленные в 1628 году в Константинополь С. Яковлев и П. Евдокимов. Они вернулись в Москву с Кантакузином).

В это время антигабсбургский лагерь активно поддержал идею выдвижения кандидатуры трансильванского князя Бетлена Габора на польский престол. Одновременно планировалось нападение Турции на Польшу с юга с целью обеспечить Швеции тыл для войны с Польшей. В 1629 году в Стамбул прибыло посольство Бетлена Габора во главе с французскими гугенотами Ш. Талейраном и Ж. Русселем, действовавшими под видом венгерских послов в интересах Франции.

Руссель — одна из самых колоритных фигур эпохи Тридцатилетней войны; он был ловким авантюристом и, по словам голландского купца И. Массы, главным виновником войны на Западе и Смоленской войны на востоке. За спиной Русселя стоял кардинал Ришелье.

Руссель изложил Турции французский план восточной коалиции, одобренный османским правительством. Одновременно авантюрист за получил рекомендации греческого патриарха Кирилла Лукариса, которые должны были способствовать успеху Русселя в Москве.

Итак, в русской столице в мае 1630 года объявились трансильванские послы Руссель и Талейран. Греческая патриархия приняла активное участие в снаряжении посольства: Русселя в качестве переводчика сопровождал архимандрит Амфилохий. Послы предлагали России союз в составе, обсуждавшемся Кантакузином в 1627 году: России, Швеции, Турции и Трансильвании. Реально же Руссель пытался добиться реализации французского варианта восточной коалиции, в соответствии с которым Турция должна была выступить против Испании.

В это время в Москве были получены сведения о смерти Бетлена Габора. Информация, поступившая от русских послов в Турции Яковлева и Евдокимова, помогла раскрыть шпионский характер миссии «трансильванских послов в Москве»⁷⁵. Талейран и другие члены посольства были арестованы с оговоркой, что будут освобождены только с согласия турецкого правительства. Французский план восточной коалиции потерпел крах.

Однако Русселю удалось остаться на плаву. Он перекинулся на сторону Швеции, поддержав кандидатуру Густава Адольфа на польский престол. Руссель заручился согласием Филарета и из Москвы отправился в Стокгольм передать шведскому королю письма из Трансильвании, Турции, Крыма и России. Отныне французский шпион будет действовать в интересах Швеции.

После провала французского плана восточной коалиции Россия вела двусторонние переговоры со Швецией и с Турцией, При этом большое значение приобрел вопрос о запорожском и донском казачестве. С одной стороны, казаки оказывались неподконтрольны центральному правительству (донские — московскому, запорожские — польскому), и правительство должно было считаться с казаками, действующими самостоятельно, как с реально существующим фактором. С другой стороны, в казаках как в неподконтрольных какому-либо правительству силах в условиях возможной или уже ведущейся войны были заинтересованы различные державы. Православные казаки проявляли враждебность по отношению к туркам, что вело к ухудшению отношений России и Османской империи, затрудняло совместные действия двух государств против Речи Посполитой. Приехавшие в Россию еще в 1626 году шведские послы Э. фон Бремен и Унгерн передали в Стокгольм сведения о поддержке царем запорожских казаков: будто бы в ответ на обращение киевского епископа И. Борецкого к государю с просьбой принять казаков на русскую службу царь предоставил им возможность обустраиваться в Путивле, Чернигове и Белгороде, Шведские послы также сообщали о том, что царь советовался со своим отцом и решил склонить донских казаков к войне с поляками «тайно (если это возможно), чтобы поляки могли не сомневаться, что это происходит с согласия Великого князя, думая, что они (казаки. — *Авт.*) воюют по своей воле»⁷⁶. На самом деле царь ответил отрицательно на просьбу запорожских казаков о помощи. Сообщения Бремена и Унгерна свидетельствовали о возрастающем значении казаков, с которыми все больше приходилось считаться при решении международных проблем.

В мае 1630 года вместе с Русселем и Талейраном в Москву прибыл Ф. Кантакузин с целью добиться отправления русских войск к Дербенту, чтобы они помогли Османской империи возвратить прикаспийские области Азербайджана и договориться о совместных действиях против запорожцев. В переговорах с Кантакузином принял участие Филарет. Кантакузин с усердием выполнял ту часть поручений, которая соответствовала интересам патриарха, и всячески убеждал русское правительство выступить против Речи Посполитой. Предполагалась большая война с Польшей с участием русских войск. В случае удачного завершения этой войны России были бы возвращены земли, захваченные Польшей во время Смуты. Кантакузин предполагал заключить союз по принципу «другу другом, а недругу недругом, а на полского б короля стояти за один». Русское правительство согласилось на участие в коалиции, направленной против Речи Посполитой⁷⁷. Ряд высказываний Кантакузина позволяют историкам предполагать, что при переговорах был затронут вопрос о присоединении Украины к России⁷⁸.

Одновременно пришлось решать вопрос о донских казаках, создававших видимое препятствие на пути сближения России и Турции. Набеги казаков на Черноморское побережье приобрели неуправляемый характер. В то же время из подвластного Османской империи Крыма татары совершали набеги на русские земли. Султан обвинял Россию в натравливании казаков на Крым. Россия, в свою очередь, обвиняла Крым в набегах на русские земли. Кантакузин говорил, что он разъяснил в Константинополе ситуацию и что царь не должен сердиться на султана. Однако царь обязан удержать казаков от нападения на турецкие городки.

Предполагалось положить конец набегам крымцев, ногайцев и азовцев на русскую Украину.

Филарет отвечал, что казакам приказано прекратить набеги: «наказанье им было жестокое и розосланы в заточение, а иные и смертью казнены». Филарет полностью отрекался от казачества: «...на Дону живут все ведомые воры, тати и разбойники и холопы боярские, избегая от смертныя казни»⁷⁹.

С Кантакузином в Турцию было отправлено ответное посольство А. Совина и дьяка М. Алфимова. Они передали приказ донским казакам выступить на соединение с Турцией. Казаки отказались: их, мол, без ратных людей в чужие земли не посыпали, а Турция — вечный недруг казаков. В казаческой среде пошли слухи о том, что сопровождавший Кантакузина воевода Карамышев истребит казаков. Казаки убили Карамышева.

Эти события раскрыли всю остроту казацкой проблемы, начинавшей играть большую роль во внешней политике России в 30 — начале 40-х годов.

Тем временем Руссель развил бурную деятельность на Украине, пытаясь связать восставших казаков с Москвой. В этом случае Россия выступила бы на помощь казакам и начала войну с Польшей. К запорожским казакам были отправлены шведские посланники П. л'Адмирал и Я. де Грев. Новый запорожский гетман Кулага выдал посланников гетману Конецпольскому. Это положило конец попыткам втянуть казаков в борьбу против Польши.

В то же время события 1624–1626 и 1630 годов показали, с одной стороны, что Москва готова поддержать казачество в борьбе с Польшей, а с другой — что возможен союз запорожцев со Швецией. Наметилась расстановка сил, исходя из которой будет действовать Б. Хмельницкий, проводя политику на воссоединение Украины с Россией и в переговорах о союзе со Швецией.

Россия продолжала переговоры со Швецией.

Летом 1631 года в Стокгольм прибыли русские послы Племянников и Аристов. Перед Швецией возникла угроза совместного выступления России и Турции против Польши без участия Швеции. В этой ситуации Густав Адольф активизировал свою политику⁸⁰.

Весной 1631 года шведский король передал в Москву тайные сведения о готовящемся ударе шведских войск на Польшу. Собираясь начать актив-

ные действия в Германии, Густав Адольф направил своему постоянному резиденту в России И. Мёллеру инструкции, а также письма А. Моньера. В этих документах содержался конкретный план совместных военных действий России и Швеции против Речи Посполитой. Для России это означало полный союз со Швецией. Тем временем неудачи Турции в борьбе с Ираном лишали султана возможности активно действовать в Польше. Осенью 1631 года А. Совин и М. Алфимов приехали из Турции назад в Москву с известием, что Турция отказывается от выступления против Польши⁸¹. В это время Россия уже развернула активную подготовку к войне. Для увеличения доходов казны была проведена податная реформа. Покупалось оружие за границей. Набирались войска в Германии, Швеции, Дании.

Царь шесть недель советовался с боярами и представителями духовенства по вопросу о союзе со Швецией. В январе 1632 года Швеции был дан положительный ответ. Россия и Швеция надеялись воспользоваться ситуацией «бескорольев» в Польше, сложившейся после смерти Сигизмунда III. При этом предполагалось, что Густав Адольф займет польский престол.

Шла речь о координации действий русских войск со Швецией. Сохранился черновик грамоты Михаила Федоровича Густаву Адольфу от января 1632 года, где указывалось на желательность присылки шведским королем приказных людей для обозначения мест, из которых предпочтительно напасть на Польшу. Сообщалось, что царь посылает в поход бояр с русскими и наемными иностранными войсками, с казанскими и астраханскими мурзами и татарами. Думается, Россия рассчитывала на поражение Польши на западном фронте при условии затяжной войны на востоке и после этого на навязывание приемлемых, с русской точки зрения, условий Польше. Смоленская война должна была отвлечь польские силы с запада. Основное наступление планировалось в Силезии.

Тем временем воеводы порубежных городов тщательно собирали и пересылали в Посольский приказ сведения о событиях в Польше, полученные в основном от выходцев из литовских земель. В марте 1632 года стала поступать информация о намерении Речи Посполитой начать войну с Россией, «и король де и гетман Конецпольский приговорили, что нынешней де весною по траве идти им на твои государевы города войною, не дожидаясь твоих государевых людей в Литовскую землю». В то же время приходили вести о том, что на сейме обсуждается вопрос о заключении мира с Россией и о возвращении ей занятых городов; в противном случае Польше придется воевать сразу на три фронта — со Швецией, Крымом и Россией. Противоречивые сведения поступали и позже, в мае, когда в Москве стало известно о вступлении на польский престол Владислава⁸².

Эта информация отражала реальное положение вещей: у Владислава, желавшего войны с Россией, не было денег на армию. Шляхта была про-

тив усиления его позиций в результате захвата русского престола. Паны говорили: «Лучше свою отчину остерегати, чем на чужое посягать»⁸³.

Полученные в Посольском приказе известия позволяли надеяться, что достаточно будет небольшой военной демонстрации со стороны России, чтобы Польша пошла на мирные переговоры и возвратила Московскому государству занятые территории. В какой-то момент поступило сообщение, что поляки не заключат мир с Россией, пока не осмотрят государевы войска и не убедятся, что русские располагают реальной силой.

В Москве велась не только военная, но и дипломатическая подготовка к войне. В 1630 году в Копенгаген была отправлена грамота с просьбой не разрешать польскому королю вербовать в Дании войска: эти войска будут посланы против России, Сигизмунд III хочет «веру и государство наше разорити, а свою папешскую еретическую проклятую веру утвердити»⁸⁴. Близкая по содержанию грамота была послана в Англию. Москва стремилась еще раз убедиться в благожелательном нейтралитете протестантских держав, не участвующих в конфликте.

В августе 1632 года Россия начала Смоленскую войну с Польшей, так и не заручившись поддержкой Швеции и Турции. В российской исторической науке существуют разные точки зрения на эту войну. Так, историк О.А. Вайнштейн склонен считать начало войны простым просчетом московского правительства⁸⁵; А.А. Арзыматов полагает, что Россия всерьез не намеревалась вступать в антигабсбургскую коалицию, умышленно затягивала переговоры со Швецией, надеясь в результате сближения с ней и наращивания военных сил мирным путем урегулировать отношения с Польшей и добиться возвращения западных территорий⁸⁶. По мнению Поршнева, Россия начала Смоленскую войну в порядке выполнения союзнического долга. В случае, если бы Россия успешно начала войну, Швеция приняла бы русские условия. Московская сторона могла бы рассчитывать на вступление Швеции в войну против Речи Посполитой⁸⁷.

В конце августа в Швецию было направлено «великое посольство» в составе окольничего Б.И. Пушкина, Г. Горихвостова и подьячего М. Неверова. В наказе предусматривались следующие условия союзного договора России со Швецией: не начинать войны с Польшей «без опчева совета», помогать друг другу людьми и казной. Швеция должна помочь России отобрать у Польши захваченные русские города, а Россия — помочь Швеции получить Вильну и литовские города. Предусматривалось, что Россия окажет содействие Густаву Адольфу в получении польской короны. Смерть Густава Адольфа положила конец надеждам России на союз со Швецией.

Впрочем, Швеция сохраняла заинтересованность в том, чтобы Россия продолжала военные действия против Польши. В 1634 году шведский канцлер А. Оксеншерн говорил: «Я еще раз повторяю, лучше воевать

с поляками, чем допустить, чтобы русские заключили с ними мир»⁸⁸ (последнее означало бы, что Польша направит все свои силы против Швеции). Швеция предлагала Московскому государству союз, в соответствии с которым она сохраняла позиции в Прибалтике и разрешала России вернуть себе Смоленск. Реально Швеция в войне не участвовала. Предложения Швеции свидетельствовали об ее отказе от проекта русско-шведского союза 1632 года.

В январе–феврале 1632 года в Крым было отправлено посольство П. Соковкина и Т. Голосова. Они досрочно по трудному зимнему пути отвозили поминки, чтобы не дать крымцам повода к выступлению. Однако послы были задержаны и оставались в Крыму до ноября. В июле 1632 года, то есть еще до начала войны России с Польшей, крымский царь послал войска на русские земли. Поход был проведен в основном силами ногайцев. Прибывший в Москву крымский посол Джумаш-мурза отрицал участие в походе крымских татар.

Летом 1632 года в Турцию были отправлены послы А. Прончищев и Бурмосов. Они провели в Константинополе всю зиму и были отпущены с заверениями, что крымский хан с крымцами и и ногаями нападет на Польшу. Однако это были лишь слова. Не желая портить отношения с Россией, Турция в то же время ввиду дестабилизации внутреннего положения не могла контролировать политику Крыма⁸⁹.

В 1632 году с Я.А. Дашковым донским казакам из Москвы была послана крестоцеловальная запись, согласно которой они должны были признать, что «своевољством» воевали против Крыма, и отныне «не приставать к воровству» и самовольно не ходить против Турции на Каспийское море и на кизилбашей. Казаки должны просить «отдать им их вины» и «целовать крест» на том, что они не хотят иметь никакого другого государя, кроме царя. В то же время сохранялась боевая сила казачества: запись подтверждала их обязанность воевать против крымцев, ногайцев, поляков, «немцев», отбивать нападения Крымского ханства и Ногайской Орды⁹⁰. Документ носил двойственный, характерный для второй половины XVI века, смысл и фактически означал, что правительство, опасаясь нападения со стороны Крыма, пыталось обуздать казаков и одновременно было готово использовать их в борьбе с Крымом, возможно даже не очень ограничивая их инициативу. Центральные районы охватила «балашовщина» — казачье движение.

Война требовала значительных финансовых затрат. Чтобы заручиться поддержкой сословий и склонить общественное мнение в пользу войны с Речью Посполитой, в ноябре 1632 года московское правительство после многолетнего перерыва вновь созвало Земский собор. На соборе говорилось о польских «неправдах» по отношению к России. В проекте речи царя и патриарха получила отражение официальная политическая

доктрина периода формирования абсолютистской идеологии. В проекте указывалось, что Россия должна воевать с Польшей прежде всего «для государственной чести», а уже во вторую очередь — для спасения православной веры и православных христиан. Дальше говорилось о потребности «расширения и свободы» государства, отмщения полякам за их «неправду»⁹¹.

Между тем угроза со стороны Крыма возрастала. Поминки, которые в основном поступали в руки хана и калги, уже не спасали положения. Джанибек-Гирей не мог удержать подвластное ему население от нападений.

В этой ситуации оказывался бессильным и турецкий султан. Хан требовал, чтобы Россия прекратила сношения с Турцией и признала Крым как самостоятельное государство. Крым должен был понимать свою заинтересованность в Османской империи как в сильном соседе и надежном защитнике. Однако, когда Турция ослабевала, Крым стремился восстановить свою независимость, не соотнося свои желания с реальными возможностями⁹².

Летом 1633 года в Турцию было отправлено посольство Я.А. Дашкова и М. Сомова. Послам предписывалось указать султану, что желательно сменить Джанибек-Гирея; пока султан этого не сделает, он должен запретить хану совершать набеги на Россию⁹³. Усердие послов удвоила полученная из Москвы грамота о походе татар под Серпухов. Однако реальных результатов послы не добились.

Джанибек-Гирей, пользуясь ослаблением русской южной окраины в период Смоленской войны, напал на Россию с войском, численность которого составляла 20–30 тыс. человек. Русская сторона потеряла в этой войне 5000–5700 человек⁹⁴. Нападение Джанибек-Гирея привело к массовому дезертирству дворян и казаков из-под Смоленска на юг с целью дать отпор татарам и спасти свои семьи.

Правда, в 1633 году Турция совершила нападение на Польшу. Но это была лишь военная демонстрация: во главе османских войск был поставлен Муртаза-паша, противник войны с Речью Посполитой.

Итак, Россия фактически оказалась без союзников в борьбе с Польшей. Крымцы постоянно будоражили южные русские земли. Активного наступления Московское государство не планировало, не имея на это сил. В августе 1633 года Владислав пришел под Смоленск. В октябре поляки в тылу у руководившего обороной боярина воеводы М.Б. Шеина сожгли Дорогобуж.

Смоленская война, требовавшая значительных финансовых затрат и сопряженная с военными тяготами, усугубляла социально-экономические проблемы в стране, еще не восстановившей после Смуты свое хозяйство. Ряд фактов свидетельствует о приходящихся на это время сильных народных волнениях. Поляки получили сообщение о «великой розни» в Москве. В городах полыхали пожары — извечные спутники вос-

станий. Активизировались городские низы. В условиях восстановления феодального хозяйства после событий начала века дворяне и боярские дети требовали закрепощения крестьян, отмены урочных лет. Широкого размаха достигло возмущение казаков. Для умирения их пришлось посылать специальные войска. Казаки заняли Смоленскую дорогу и отрезали войскам путь для отступления. Только благодаря дополнительным усилиям и уничтожению соответствующей документации правительству удалось скрыть от общественности силу и размах происходивших волнений, сохранить видимость статус-кво⁹⁵.

Тщетно пытался Филарет связаться со Швецией. Время было упущено, провал надежд на заключение русско-шведского союза стал очевиден. Не исключено, что последовавшая через несколько месяцев смерть Филарета была насильственной. Возможно, именно такой была цена за крушение русско-шведского союза, за социальный кризис и ухудшение ситуации под Смоленском.

В этот момент Посольский приказ возглавил И.Б. Черкасский. Было принято решение искать мира с Речью Посполитой. Однако возникла опасность, что Польша воспользуется слабостью России. На заседании Боярской думы 18–19 ноября 1633 года было решено, что необходимо продолжать военные действия. Мир мог быть заключен при условии, что польская армия между Смоленском и Дорогобужем будет отведена, а под Смоленск допущены дополнительные царские войска. Однако принятое решение не было доставлено Шеину. В январе 1634 года Боярская дума подтвердила свое решение.

В Москве собрался очередной Земский собор — для принятия решения о сборе пятой деньги на содержание армии. На этот раз в качестве основного мотива войны с Польшей указывалось спасение православия⁹⁶.

Однако Шеин, не получив вовремя соответствующих распоряжений, капитулировал. Вскоре Шеин был казнен: правительство объявило главнокомандующего главным виновником поражения Москвы в войне с Польшей.

В марте 1634 года боярин Ф.И. Шереметев и князь А.М. Львов начали мирные переговоры в деревне Семлево, между Вязьмой и Дорогобужем, на реке Поляновке. Поляки попытались выступить в роли победителей и навязать России постыдные условия мира. Дело дошло до того, что поляки требовали, чтобы русские свергли царя и избрали себе другого, из родных Владислава. Соответственно предполагалось, что Россия возвратит Польше Северские земли, а польскому королю заплатит 100 тыс. рублей за отказ от титула русского царя и от московского престола.

Поняв, что такие условия неприемлемы, поляки попробовали возвратиться к проекту слияния двух государств (1600 г.), предполагая избрание русским монархом польского королевича или, наоборот, избрание русского царя польским королем (при этом специально оговаривалось, что права

польского народа должны быть сохранены). Русские послы ответили, что не имеют полномочий заключать такой договор⁹⁷.

Переговоры завершились 4 июня 1634 года. Западные русские земли оставались за Польшей. Однако Владислав отказался от претензий на московский престол. Речь Посполитая признала независимость России. У Московского государства не было сил на продолжение войны с Польшей. Соответственно уменьшился интерес к дипломатическим сношениям с Западной Европой.

Чтобы покончить с притязаниями Владислава на московский престол, русское правительство отправило в 1635 году в Речь Посполитую посольство во главе с князем А.М. Львовым с целью отобрать рукопись договора, заключенного Владиславом с боярами в 1610 году. В том же 1635 году в Москву из Варшавы прибыло польское посольство. Под лозунгом заключения русско-польского договора на основе «друг — другу, а недругу — недругом» поляки снова затеяли разговоры об унии, не обсуждая, впрочем, вопроса о порядке престолонаследия. Польские послы предлагали разрешить нанимать России в Польшу и Польшу в России воинских людей и обеспечить свободный проход наемников через границу, санкционировать строительство католических церквей в России и греческих церквей в Речи Посполитой (как мы знаем, в начале XVII в. поляки ратовали за свободу пропаганды в России католичества. В Польше еще в 1626 г. была восстановлена славянская епархия; отношение к православию со стороны властей было терпимым). Предложения поляков были встречены отказом. Отказались русские и от предложения ввести единую для России и Польши монету. Русские отвергли и требование наказать русских людей, нападающих на Речь Посполитую, и заставить их возместить нанесенный ущерб. В свою очередь, русская сторона добивалась, чтобы поляки обращались к московскому государю как к царю.

Тем временем русские послы в Речи Посполитой достигли соглашения о подтверждении Поляновского мирного договора⁹⁸.

В целом период после Смоленской войны характеризовался отходом России от активной внешней политики на Западе: значительно сократился обмен посольствами со странами Западной Европы. Россия сохраняла статус-кво в отношениях с Польшей.

Западные страны по-прежнему стремились прорваться на русский рынок, завладеть волжским торговым путем. В 1634 году Москва, возможно торопясь поправить финансовое положение после окончания войны и освободившись от торговых обязательств перед Швецией, изменила линию поведения и заключила договор с голштинскими послами Ф. Крузиусом и О. Брюгеманом о транзитной волжской торговле. Договор заключался на десять лет с условием, что компания ежегодно будет платить в царскую казну 600 тыс. больших ефимок. Голштинские послы съездили в Пер-

сию, договорились о торговле с шахом и в начале 1639 года вернулись в Москву. Спустя полгода они должны были отдать в казну половину оговоренной суммы. Однако это сделано не было, послы попытались прибегнуть к разного рода ухищрениям. Царь уведомил о случившемся герцога Голштинского. Герцог ответил, что договор был заключен помимо его, герцога, разрешения, за что Брюгеман был казнен. Царю не удалось получить никаких компенсаций за понесенные потери.

Идеи колонизации русских земель нашли выражение в уже упоминавшемся английском проекте Картрайта 1637 года: подвергаемые гонениям протестанты из различных европейских стран охотно найдут прибежище в России, где они будут обучать русские войска (Картрайт прекрасно знал, что на службе у Михаила Федоровича находились англичане); протестанты поселятся также на пустующих землях, отыщут проход в Индию. Благодаря иностранцам Россия разбогатеет⁹⁹. Однако проект был отвергнут Москвой.

Несмотря на определенные ограничения со стороны московского правительства, иностранные купцы активно овладевали русским рынком, стремились захватить в свои руки сырьевые рынки. Русское правительство лишь изредка давало разрешение на организацию производства. Право на поташный промысел было предоставлено голландцу Карпу, а в начале 40-х годов — англичанину Дигби. Иностранное производство вызывало раздражение у российских купцов, в среде которых возникало большое недовольство, когда иностранные купцы начинали торговать в розницу. Иноземные купцы имели опыт организации торговли в крупных масштабах, широко использовали агентурные связи. Русские торговые люди не выдерживали конкуренции со своими европейскими соперниками. Русские купцы неоднократно подавали челобитные с просьбой оградить их от иностранной конкуренции, грозящей им разорением. Особо купцы жаловались на злоупотребления со стороны англичан. В 1649 году русское правительство оставило англичанам право вести торговлю только в Архангельске, ссылаясь в качестве предлога на «злой их против короля поступок» (имелась в виду казнь Карла I Стюарта во время английской революции).

На рассматриваемый период приходится только одна значительная внешнеполитическая акция русского правительства. Стремясь к сближению с Данией, оно предложило ей заключить брак между королевичем Вальдемаром и царской дочерью Ириной Михайловной. Получив письменное заверение в том, что королевич сможет сохранить протестантскую веру, король отпустил сына в Москву. В 1643 году Вальдемар прибыл в Москву. Вскоре в Посольский приказ поступили сведения о начавшейся войне Дании и Швеции. Россия не хотела портить отношения со шведами. Чтобы спасти положение, правительство начало требовать от Вальдемара принятия православия, твердя, что иначе брак недопустим. Начались долгие прения о вере. Однако, боясь ссоры с Данией, Россия длительное время

не решалась отказать королевичу. Так и не вступив в брак с нареченной невестой, он был отпущен из Москвы только в августе 1645 года, уже после вступления на престол Алексея Михайловича.

Россия сохраняла дружеские отношения и со Швецией. В 1649 году в Швецию прибыло посольство Б. Пушкина, чтобы заключить договор о перебежчиках. Вероятно, реакция шведов на русских послов отражала отношение к русским в Европе в целом. Русские послы казались «довольно курьезными и педантичными», но «достаточно цивилизованными». Так в этот момент решили шведы вопрос о цивилизованности русских. Принимая Пушкина, шведы стремились приспособиться к московским обычаям: содержали русских дипломатов за свой счет и даже именовали офицеров, сопровождавших послов, приставами. Подобные шаги со стороны европейского государства облегчали для России вхождение в европейский мир¹⁰⁰.

В последующие годы отношения с южными соседями было суждено стать приоритетными во внешней политике России.

Хотя в предшествующие десятилетия роль России на международной арене росла, а московское правительство активно участвовало в разного рода переговорах о совместной борьбе против Польши, и в том числе вела переговоры о союзе с Турцией, отношения с крымскими татарами оставались прежними. Суть их состояла в том, что Крымская Орда, считая себя правопреемницей Золотой Орды, рассматривала Россию как зависимое от себя государство, считая, что оно обязано выплачивать Крыму дань и безропотно терпеть татарские набеги, совершаемые с целью грабежа. Татары отказывались именовать русского царя самодержцем.

Такие отношения стали явным анахронизмом. К этому времени Крымская Орда находилась в зависимости от Турции, которая имела дипломатические сношения с Россией, первой из иностранных государств признала Михаила Романова как законно избранного монарха, вела переговоры о союзе с Москвой. Создалась парадоксальная ситуация, когда Крым требовал, чтобы Россия признала свою зависимость от него, хотя сам находился в зависимости от Турции, признавшей Россию как равное государство.

В России хорошо понимали, что возможность оказывать давление на Крым дипломатическим путем, ведя переговоры с Турцией, практически отсутствовала. В этом в Москве воочию убедились во время Смоленской войны.

Урегулировать отношения с Крымом предстояло главным образом в двустороннем порядке. В 1635 году было начато строительство южной засечной черты. Эта мера носила политический характер. Проводя ее, русское правительство защищало южные рубежи страны. Строительство новой оборонительной линии лишало татар возможности совершать набеги в район Оки, где находилась старая, уже обветшавшая линия обороны. Тем самым ликвидировалась угроза походов татар в глубь страны, похо-

дов, которые нередко заставляли правительство отказываться от других внешнеполитических акций и бросать все силы на юг.

Последующие события фактически означали переход России в контрнаступление против Крыма. В Москве не старались, как раньше, сдерживать набеги казаков на Азов. В апреле 1647 года казаки выступили в поход на Азов и в июне взяли город.

Москва по-прежнему проводила в отношении казаков двойственную политику, заверяя Турцию и Крым (в Крым в 1638 г. были отправлены посланники С. Извольский и С. Зверев), что русские не причастны к взятию Азова. Правительство пыталось уговорить казачество сдать город и в то же время активно помогало казакам. Одновременно Россия решила попытаться договориться о совместных действиях с Речью Посполитой против Крыма, что знаменовало отход от антипольской политики, смену приоритетов в российской внешней политике. В феврале 1638 года в Польшу было отправлено посольство С.М. Проестева и Г. Леонтьева с просьбой, чтобы поляки дали вспоможенье против Бегадыр-Гирея и чтобы запорожские войска перешли на русскую службу. Речь Посполитая ответила отказом: у Польши с Крымом был заключен мирный договор¹⁰¹.

Подьячий Плакидин поехал в Речь Посполитую с известием об угрозе нападения татар на Польшу. Он вернулся в Москву с сообщением о том, что польский король недоброжелательно настроен по отношению к России, а Поляновский договор (1634 г.) не подтвержден на сейме. Однако в Посольском приказе не придали этому особого значения. Вопрос о совместных действиях против Крыма и Турции ставился и в последующие годы. В 1640 году при переговорах в Москве с польскими послами М. Стахорским и Х. Раецким, сообщавшими о турецких действиях против России, русские обещали прислать послов в Варшаву для переговоров о союзе против Турции¹⁰², но решительных шагов в этом направлении сделано не было.

Тем временем наблюдался рост домогательств со стороны Крыма. Русские послы, отвозившие поминки в Орду, подвергались жестоким пыткам (И. Фустов и И. Ломакин в 1639 г., В. Сухотин и С. Звягин в 1640 г.). Отношение к вопросу о нарушении неприкосновенности посла было различным в России и в Крыму: то, что было нормой для Крыма, считалось в Московском государстве грубым попирательством неписаных норм международного права. Несмотря на требования Сухотина и Звягина, татары по-прежнему отказывались именовать царя самодержцем, то есть не признавали независимость России (термин «самодержец» был внесен в грамоты только в 1644 г.).

Русское правительство решило, что настал подходящий момент, чтобы поставить вопрос об ограничении размера поминков. Существенным в данном случае было то, что Крым и Россия подходили к вопросу о характере русско-крымских отношений с разных точек зрения. Если крымский хан считал, что, покуда русский царь выплачивает Крыму поминки, Россия находится

в зависимости от Крыма, то для русского царя послать поминки означало откупиться от татарских набегов, смягчить назойливость соседа. Москва стремилась, чтобы в ее отношениях с Крымом не было оттенка зависимости.

Правительству предстояло привлечь на свою сторону общественное мнение. Это было важно не только для решения крымского вопроса, но и для достижения согласия в обществе, недавно выведенного из равновесия народными движениями периода Смоленской войны. Вопрос же о взаимоотношениях с Крымом задевал национальное самолюбие.

Боярская дума решила созвать Земский собор, «чтоб всяким людем было ведомо» о «насильствах» крымских властей над русскими посланниками. В приговоре думы о созыве Земского собора подчеркивалось, что царь посылает в Крым жалованье с прибавкой «для царевы братские дружбы и любви, а не по крымского царя и нурадынову (младшего царевича. — *Авт.*) повеленью, а с повеленьем к великому государю, к его царскому величеству, все великие государи ни о каких делах не пишут»¹⁰³.

Выслушав дело о насилии над посланниками и о финансовых претензиях крымцев, бояре, окольные, думные дворяне, стольники, стряпчие, московские дворяне, служилые городовые люди выразили готовность стоять против крымских татар. Гости и торговые люди предлагали отказаться от посылки поминок, а вместо этого выделить деньги ратным служилым людям для борьбы с Крымом. Но правительство не отважилось на столь решительные меры: уплата поминок продолжалась.

Однако в целом со взятием Азова русские стали более смелыми в отношениях с крымцами: отказались пропустить крымских послов в Швецию, попытались передать поминки на «размене», прекратили дипломатическую переписку с Крымской ордой, отказались увеличивать поминки сверх обычного размера, применяли ответные репрессии по отношению к крымским послам и гонцам. Наблюдалось «откровенное и даже грубоватое разоблачение торгашеских приемов крымцев»¹⁰⁴.

Вопрос об Азове предстояло урегулировать с Турцией, по отношению к которой Россия вела себя с большей осторожностью. В 1641 году из Москвы в Константинополь было направлено посольство Б. Лыкова и А. Буколова. Посольство было выдержано в примирительном тоне: Азов взяли без государева ведома, но послы обещали султану, что царь постарается склонить казаков сдать город.

В мае того же года новый султан Ибрагим I осадил Азов, но казакам удалось отбить 24 приступа турок. Из 8 тыс. казаков две трети погибли. Турки потеряли 20 тыс. человек. 26 сентября осада была снята. Казаки обратились в Москву с просьбой о поддержке. На позицию русского правительства попытались повлиять православные греки, занявшие в русско-турецком конфликте антиосманскую позицию. Они настойчиво советовали не сдавать Азов, указывая, что турецкие войска деморализованы поражением.

Но правительство понимало, что у него нет средств для борьбы с Турцией. 30 декабря 1641 года царь принимал посла молдавского воеводы И. Остафьева, который привез проект русско-турецкого соглашения. Не позднее этого дня проект был представлен Боярской думе и в Посольском приказе¹⁰⁵.

3 января в Столовой избе, в Кремле, открылся Земский собор. Царь не соизволил сообщить собору что-либо об имеющемся проекте соглашения. Было лишь сказано, что из Турции едет посол «говорити об Азове». Участники собора неоднократно высказывались в пользу удержания Азова: татарские набеги прекратились; пока Россия будет удерживать Азов, Ногайская Орда останется у нее в подчинении. Однако выступления сословных групп показали, что изыскание средств для войны сопряжено с большими трудностями. В Москве были получены сведения о готовящемся походе турок к городу. Азов был сдан.

В 1643 году в Константинополь из Москвы было отправлено посольство боярина И.Д. Милославского и дьяка А. Лазоревского. Русское правительство снова отрелось от казаков, как от воров и беглых холопов. Удалось договориться, что султан не будет посылать крымского хана на русские земли. В свою очередь, царь не станет защищать казаков, если визирь велит их перебить.

Православные греки порицали царя за сдачу Азова и заключение мира с Турцией. В 1644 году православный грек И. Петров писал государю, что в результате донские казаки лишились защиты, «ударили турки на казаков и татарам велели разорить». Царь должен помочь казакам: пока они живут на Дону, им оказывается помощь, «а Турскому посрамление, и он смиритса, потому что и в книгах своих обретают, что царство их будет взято от Русского рода»¹⁰⁶.

В последующие годы казакам приходилось нелегко.

Приехавший в Москву из Турции в 1644 году турецкий посол Арослан-ага подтверждал желание жить в дружбе. Однако уже в 1643–1644 годах стало ясно, что Турция, пользуясь услугами Крыма, рассматривает Дон как базу для продвижения в глубь русских земель¹⁰⁷. В 1644–1645 годах последовали новые нападения татар, и им, татарам, удалось увести в плен более 6 тыс. человек.

В то же время Московское государство активизировало оборону южных границ. Пересматривается десятилетиями оставшаяся неизменной схема расположения полков, войска выдвигаются далеко вперед на юг.

Одновременно Россия решила попытаться заключить союз с Польшей против Турции. В 1646 году в Речь Посполитую было направлено посольство В.И. Стрешнева, С.М. Проестова и М.Д. Волошенинова, чтобы заключить союз против татар и добиться совместного выступления. В это время московское правительство, получая сведения от греков, надеялось на создание широкой коалиции в составе России, Польши, Венеции.

С началом войны между Венецией и Турцией, осады турками Крита в 1645 году Турция стремилась избегать конфликтов с Россией. Для России наступил благоприятный момент для борьбы с Крымом. Летом 1645 года каштелян брацлавский Г. Стемковский передал царю, что Владислав IV лично собирается выступить в поход против Крыма. Но посольство Стрешнева развеяло эти надежды. Речь Посполитая не планировала военных действий против Крыма.

На сейме возникли разногласия по вопросу о войне с Турцией: шляхта не хотела поддерживать военные планы Владислава, боясь усиления войны с Крымом и особенно усиления власти короля в условиях войны. Отправленный из Москвы в Варшаву И. Плакидин сообщал, что Владислав испытывает трудности с вербовкой войск. Одновременно гонец передавал ошибочные сведения, полученные от противников короля, о срыве переговоров с Венецией. В условиях обострившейся борьбы в сейме Владислав еще раз попытался заключить наступательный союз с Россией и осенью отправил в Москву посольство О. Шпики. Однако русское посольство, ориентируясь на сведения, полученные от Плакидина, не заключило союз. В 1647 году в Речь Посполитую был направлен дьяк Кунаков с целью выразить сожаление по поводу смерти польского короля и предложить избрать царя на польский престол. Благодаря миссии Кулакова русское правительство окончательно уяснило, что речь может идти только об оборонительном союзе. В этой ситуации Россия выразила готовность заключить мир с Крымом¹⁰⁸.

Тогда же в Москву прибыло ответное польское посольство А. Киселя. По-видимому, отъезду Киселя в Москву предшествовала тщательная подготовка в Варшаве. Посол продемонстрировал неплохое знание русской истории, произнес перед царем вдохновенную речь, в которой проскальзывали идеи русско-польской унии: два государства как «два кедра ливанские от одного корня», «от единой крови», «от единого языка», русским и полякам «свидетельствуют слова, духом святым реченные: “Коль добро и коль красно жити братии вкупе!”». Михаил Федорович заключил с Владиславом мир. «Наступило и сияет незаходимое солнце вечного мира, дружбы и любви братской»¹⁰⁹, — говорил Кисель. Результатом посольства стало составление проекта оборонительного союза.

Когда в 1647 году на Украине началось восстание и татары выступили в качестве союзников запорожцев, польское правительство попыталось перетолковать статьи оборонительного договора как наступательные и таким образом заключить союз с Россией против Украины. Турция была обеспокоена этими переговорами и требовала, чтобы Крым прекратил набеги¹¹⁰.

Переговоры России с Польшей показали плодотворность русско-польского сотрудничества против Турции.

Между тем наступил перелом в русско-крымских отношениях. В соответствии с мирным соглашением 1647 года между Россией и Крымом

Турция более не считалась гарантом русско-крымских отношений. В то же время царь мог теперь действовать против Крыма, не дожидаясь санкции из Константинополя. В борьбе с Крымом Россия переориентировалась с Турции на Речь Посполитую¹¹¹.

На Дону не прекращалась война русских регулярных войск казаков и турок. Турки стремились выбить казаков с нижнего течения Дона. «Официально турки боролись лишь с казачеством. Также официально московское правительство заявляло о своей непричастности к действиям казаков и от них отмежевывалось, но фактически энергично и последовательно поддерживало казаков не только продовольствием, припасами и деньгами, но и своими ратными людьми, о чем турецкому правительству было известно»¹¹² — так российский историк А.А. Новосельский признавал двойственный характер московской политики.

Одновременно московское правительство проводило твердую линию в отношении Крыма: заставило Крым отказаться от новых запросов, отказалось от уплаты поминок за 1644 и 1645 годы, когда татары нападали на Россию, значительно сократило число гонцов и послов, приезжавших из Крыма, и расходы на их содержание.

* * *

В первой половине XVII века интересы России по-прежнему сталкивались главным образом с интересами ее непосредственных соседей — Швеции, Польши, Крыма. Борис Годунов попытался решить балтийскую проблему, используя противоречия между Швецией и Польшей. В период смутного времени Россия стала жертвой польско-шведской интервенции. В последующие годы Русскому государству пришлось урегулировать отношения с Речью Посполитой и Швецией. В 1618–1634 годах Москве периодически приходилось возобновлять борьбу за возвращение Смоленска, оставшегося во власти Польши, и добиваться заключения мирного договора с Польшей. С середины 30-х годов основным направлением внешней политики России стала борьба с Крымом.

Таким образом, во внешней политике России в первой половине XVII века сменились три приоритетных направления: балтийское, польское, крымское. Попытка решить балтийскую проблему была сделана в продолжение политики Ивана IV. Польское направление возникло в результате потери Смоленска в смутное время. Крымское направление стало ведущим в связи с ростом активности крымских татар. Если с балтийским направлением была связана попытка проведения активной внешней политики, то польское и крымское — определялись обстоятельствами.

Россия не раз пыталась заключить союзы со своими соседями, опираясь на имеющиеся между ними противоречия. Борис Годунов стремился использовать польско-шведские противоречия, Василий Шуйский искал

в лице Швеции союзника для борьбы с поляками. В 1622 году обсуждался вопрос о войне с Польшей в союзе со Швецией и Турцией (Россия собиралась начать войну, опасаясь обострения отношений с северным и южным соседями). Переговоры со Швецией и Крымом о союзах Россия также вела в 1628–1632 годах, но так и не добилась их выступления на своей стороне против Польши. Еще в конце XVI — начале XVII века при обсуждении проектов русско-польской унии ставился вопрос о русско-польском союзе против Турции. Возможность заключения такого союза стала вновь обсуждаться в 30–40-х годах. Противоречия, существовавшие у России с ее соседями, предопределили непрочность союзов с кем-либо из них.

Вместе с тем возрастала роль России во внешней политике других стран, а Россия, в свою очередь, не имея надежных союзников среди своих непосредственных соседей, была вынуждена искать контактов с другими державами.

Польская агрессия была поддержана папой и католическими государствами — Австрией, Испанией — и мыслилась как «крестовый поход» против России. Австрия выступила в роли посредника в русско-польских переговорах, заняв доброжелательную позицию по отношению к России: она понимала, что претензии поляков на русский престол не имеют под собой реальной почвы.

Традиционные торговые связи объединяли Россию с Англией и Голландией — державами протестантского лагеря. Россия интересовала их прежде всего как торговый партнер. Время от времени в Англии и Голландии возникали проекты колонизации русских земель, носившие, впрочем, утопический характер, ведь подобные планы не могли быть осуществлены.

Англия и Голландия выступили в роли посредников при заключении Столбовского мира. В 1616 году Россия обратилась к Дании, Англии, Голландии с просьбой оказать помощь против Речи Посполитой. Ориентация на протестантские государства проводилась в годы Тридцатилетней войны. Протестантские державы были заинтересованы в выступлении России против Польши. Так, в немецкой прессе регулярно помещались известия о готовящейся русско-польской войне, об ее ходе.

Говоря о первой половине XVII века, можно выделить три периода относительно активного обмена посольствами между Россией и Западной Европой: период правления Бориса Годунова, период урегулирования отношений с Польшей и Швецией после вступления на престол Михаила Романова и период, когда Россия вела переговоры о вступлении в Тридцатилетнюю войну на стороне протестантских государств. Условно назовем три равных промежутка времени: 1599–1604, 1613–1618, 1628–1634 годы. Посмотрим, насколько интенсивным в эти годы был обмен посольствами России с Западной Европой (Австрией, Англией, Голландией, Данией, Францией). Послы из протестантских государств приезжали в Россию

несколько чаще, чем русские послы бывали в соответствующих странах. Суммарно за эти три периода в России 13 раз побывали послы из протестантских государств, в то время как из России послы отправлялись 11 раз. В Москву гонцы привозили грамоты 12 раз, из Москвы в протестантские государства гонец был отправлен лишь один раз (в Данию). В остальных случаях русское правительство ограничивалось отправкой ответных грамот с иностранными гонцами. Во Франции русский посланник побывал один раз, французские послы в Москве — два раза, и один раз приезжал гонец. Таким образом, протестантские державы и Франция проявляли в отношении России бóльшую дипломатическую активность, чем Россия по отношению к этим державам. Между тем в Австрию из России послы снаряжались чаще, чем из Австрии в Россию. Наиболее интенсивно обмен посольствами России с Западной Европой шел в 1613–1618 годах, наименее — в 1599–1604 годах.

Православная религия связывала Россию с Константинопольской патриархией и славянскими народами, которые надеялись на поддержку Московского государства в борьбе с Турцией. Однако Россия, занятая решением других проблем и не готовая к активному наступлению на Крым, сохраняла мирные отношения с Османской империей.

Вполне естественно, что ситуация внутри страны оказывала влияние на ее внешнюю политику. Во время Смуты различные социальные группировки пытались сотрудничать с поляками и шведами. Бояре предпринимали усилия, чтобы возвести на русский престол польского королевича Владислава. Василий Шуйский, представлявший родовую аристократию, договаривался о поддержке со стороны шведов. Швеции подчинился Новгород, частично видя в ней залог социальной стабильности. Так русские сами способствовали захвату своих территорий поляками и шведами.

Столкновение с иностранными интервентами содействовало консолидации общества. В 1616 году Земский собор подтвердил отказ правительства отдать Швеции Новгород. В 1621 году сословия согласились на объявление войны Речи Посполитой.

В последующие годы соборы прекратились, при Филарете в правительстве возобладали автократические тенденции. Следующий собор был созван в 1632 году, во время Смоленской войны. После смерти Филарета соборы созывались регулярно. На них обсуждались вопросы борьбы с Крымом. Демонстрируя готовность к борьбе с Крымской Ордой, Земские соборы, однако, подчеркивали отсутствие средств на войну. Сословные представители говорили о своем обнищании и разорении. Но в целом Земские соборы одобряли решения, уже принятые правительством. Основным результатом их деятельности было сплочение русского общества.

Глава V. Движение России на восток и Нерчинский договор с Китаем

Последняя четверть XVI века ознаменовалась рядом важных русских географических открытий. Огромную роль в этом сыграли походы Ермака (1581–1585 гг.), которые открыли эпоху интенсивного продвижения русских на восток Сибири, что позволило им менее чем за столетие укрепиться не только на северо-востоке Азии, но и выйти к Тихому океану, а на юго-востоке — к реке Амур.

Сразу же вслед за походами Ермака в Сибирь хлынули массы трудового русского населения, стремясь освоить и обжить новые земли. В Сибири появляются первые поселения, крепости, остроги и зимовья, на месте которых позднее вырастали большие города. Из Западной Сибири русские шли дальше, за Байкал, узнали про большую реку Амур. Именно здесь, на Амуре, русские землепроходцы получили первые сведения о маньчжурах (богдоях), завоевавших Китай и создавших Цинскую империю.

Летом 1639 года атаман Копылов, посланный на реки Лену и Алдан, направил отряд во главе с Иваном Юрьевым Москвитиным отыскивать реку Ламу (под которой, видимо, подразумевался Амур). Москвитинцы совершили плавание на север — до реки Охоты и на юг — до реки Уды. Пробыли они здесь два года, получив обширные сведения о богатой реке Мамур, лежащей на юге. Москвитин убедил русских людей в правдивости слухов о существовании реки Амур и вызвал естественное желание побывать там, завязать отношения с местными народностями.

Но к Амуру русские стремились не только северным путем, через Якутск. В верховья Амура, на Шилку и Аргунь гораздо короче и удобнее был южный путь — через бурятские земли. Отряды Ивана Похабова, Ивана Галкина совершили успешные походы в Забайкалье. Были основаны Верхне-Ангарский (1646 г.), Баргузинский (1648 г.), Иргенский (1653 г.), Нерчинский, Селенгинский, Удинский и другие остроги.

Русское продвижение в Приамурье осуществлялось, таким образом, с двух направлений: в Среднее и Нижнее Приамурье — по северным путям из Якутии; в Забайкалье, то есть в верховья Амура, — южными путями, через Байкал.

В 1638 году в Якутск был назначен воеводой боярин П.П. Головин. Энергичный и дальновидный Головин решил организовать поход якутских служилых и «гулящих» людей на «Зию и Шилку реку, для государева ясачного сбора и прииску вновь неясачных людей, и для серебряной,

и медной, и свинцовой руды, и хлеба»¹. Головин поручил эту экспедицию якутскому письменному голове В.Д. Пояркову.

Поход В.Д. Пояркова весьма тщательно готовился — в отношении как подбора его участников и материального обеспечения, так и сбора, анализа и обобщения всех известных к этому времени в Якутске сведений о Даурской земле и Амуре². Имеющиеся к тому времени в распоряжении якутской администрации обширные сведения об этом районе тоже были приведены в «наказной памяти», которую дал Головин Пояркову.

Конкретными целями экспедиции Пояркова было открытие «новых земель» по Амуру, ознакомление с их населением, его «объясачивание» и включение в русское подданство, то есть исполнение государственного поручения: присоединения современного Приамурья и прилегающих к нему районов к Русскому государству.

15 июля 1643 года отряд В.Д. Пояркова выступил из Якутского острога, по долине Ньюёмки поднялся на перевал и через него вышел на южный, амурский склон современного Станового хребта (в XVII в. он еще не имел такого названия) в районе истоков Брянты — правого притока Зеи. Через несколько дней пути, уже в долине Зеи, не доходя до Гилюя, у подножия хребта Тукурингра казаки встретили первых жителей Приамурья — оленых эвенков уиллагиров.

Уиллагирь сообщили Пояркову и его спутникам о даурах. По их словам, это были многочисленные племена, оседло живущие южнее, в среднем течении Зеи.

На поярковцев, как об этом свидетельствуют записи В.Д. Пояркова и рассказы его спутников в Якутске³, большое впечатление произвели многочисленное население, огромные поля, богатые хлебá и большое количество скота в этих местах. Наблюдения землепроходцев имели важное значение, так как обилие в Даурской «землице» хлеба создавало реальную заинтересованность в освоении этого края как будущей продовольственной базы Восточной Сибири.

С устья Зеи ниже по Амуру В.Д. Поярков встретил и описал новый народ — дючеров. Независимые и воинственные дючеры-хурха, уже длительное время оказывавшие стойкое сопротивление проникновению маньчжуров на свои земли⁴, отнеслись к появлению на Амуре русских довольно недружелюбно и «побили» почти всех людей десятника Илейки Ермолина, посланных Поярковым на разведку узнать, «далече ли до моря».

Поярков и его спутники открыли остров Сахалин и собрали о нем обширные сведения. Они знали о сахалинских гиляках (нивхах) и о том, что устье Амура и Сахалин не посещают никакие иноземные корабли⁵.

С местного гиляцкого населения устья Амура и Сахалина Поярковым был собран немалый ясак — в размере 12 сороков (480 штук) соболей и 6 шуб соболевых (в шубе в среднем по 20 соболей), всего с 1170 человек —

плательщиков ясака (4680 человек из 5700 нивхов в середине XVII в.)⁶. В.Д. Поярков собирал ясак с зейского и амурского населения и вел ясачные книги, которые свидетельствуют о включении населения Амура в состав русских ясачных подданных.

Разнообразные сведения о Даурской земле, привезенные экспедицией В.Д. Пояркова, являются не только ценным вкладом в историю географического изучения Дальнего Востока. Важное значение имели и сведения Пояркова о независимости основной массы амурского населения. В результате похода В.Д. Пояркова Приамурье в целом еще не было присоединено к Русскому государству. В.Д. Поярков скрупулезно и точно фиксировал полученные им сведения о политическом статусе народностей Приамурья и Приморья. Он не преувеличивал роли какого-то «хана Богдоа», который стремился собирать ясак с незначительной части этого приамурского населения. Таких «ханов» в Сибири до ее присоединения к России было множество. Поярков совершенно правильно не связывал сведений об этом «хане» ни с одним из крупных соседних государств — ни с монгольскими правителями, ни тем более с китайскими императорами. Он, конечно, видел в нем одного из мелких местных владетелей.

Поэтому по возвращении в Якутск Поярков выступил с конкретными предложениями о мерах, которые он считал необходимыми по присоединению открытых им и не зависимых ни от одного из соседних государств земель на Дальнем Востоке к Русскому государству и включению их населения в число ясачных подданных России. Россия при своем продвижении на восток не занимала земель, принадлежавших другим государственным объединениям, то есть не совершала территориальных захватов.

В.Д. Поярков полагал, что для присоединения земель по Зее и Амуру туда достаточно послать всего 300 государевых служилых людей «и теми де людьми тое землю подвести под твою государеву царскую высокую руку мочно, и прибыль де тебе государю будет многая, что другая Лена Якуцкая земля»⁷. Главным, на что при этом он обращал внимание московских властей, было обеспечение участников будущего похода хлебными припасами на месте. С предложениями В.Д. Пояркова якутские власти обратились к московскому правительству. Практическим результатом похода В.Д. Пояркова была санкция Москвы на присоединение Приамурья и Приморья к Русскому государству.

Трудно сказать, когда до маньчжурских властей в Мукдене, а затем в Пекине дошли сведения о появлении в далеком Приамурье русских. Маньчжуро-цинские источники не дают ответа на этот вопрос. Плавание по Зее и Амуру В. Пояркова, очевидно, прошло совершенно незамеченным для маньчжуров в далеких от Амура Нингуте и Мукдене. Какого-либо донесения с мест об этом первом путешествии русских людей по Амуру в Мукден, видимо, не поступало.

В следующем году произошли важные события, повлиявшие на всю дальнейшую судьбу северо-востока.

В 1644 году китайский генерал У Саньгуй, охранявший со своими войсками границу Китая с маньчжурами, обратился с просьбой к регенту Доргону при малолетнем маньчжурском принце Фулине — будущем цинском императоре Шуньчжи (1644–1662 гг.) — выступить в Китай для подавления мощного крестьянского восстания против минской династии, руководимого Ли Цзычэном и Чжан Сяньчжуном. У Саньгуй открыл для маньчжуров главные ворота из Китая в горном проходе через заставу Шаньхайгуань, и те без боя вошли в столицу Минской империи Пекин. Последний император минской династии Сыцзун повесился в Пекине в своей резиденции в Мэйшани (на Угольных горах).

Таким образом, в 1644 году произошло новое крупное вторжение маньчжурских войск в Китай, приобретшее на этот раз совершенно особый характер. Маньчжурам впервые удалось захватить столицу страны и, воспользовавшись гибелью последнего представителя минского дома, провозгласить воцарение в Китае своей, маньчжурской династии Цин — уже как всекитайской (1644–1912 гг.). Китай утратил свое прежнее название и в течение всего этого периода назывался Цинской (Дайцинской) империей.

Началась длительная, продолжавшаяся почти 40 лет жестокая, кровавая война маньчжуров за завоевание Китая и порабощение китайского народа (1644–1681 гг.). Война против новой цинской династии в течение весьма длительного времени приковывала к себе все силы и все внимание маньчжурских захватчиков.

Родина династии Цин — Маньчжурия — после 1644 года на длительный срок вступила в период глубокого экономического запустения. Однако это была тыловая территория в большой китайской войне маньчжуров, куда единственно они могли бы ретироваться в случае неблагоприятного оборота событий в Китае.

Важность для цинской династии периферийных районов Маньчжурии с военно-стратегической точки зрения по-прежнему диктовалась соображениями сохранения здесь промежуточной, буферной зоны для защиты границ маньчжурского домена от нападения потенциальных противников. Однако эта периферия была довольно быстро замирена, и, видимо, можно предполагать, что, с точки зрения маньчжурского правительства, какая-либо угроза, исходящая отсюда, считалась полностью исключенной.

Сразу же в 1644 году произошел исход основной массы завоевателей, их челяди и рабов за Великую Китайскую стену. Масштабы этого переселения маньчжуров в Китай были таковы, что уже в первые месяцы войны половина маньчжурской армии была размещена в качестве постоянного гарнизона непосредственно в одном лишь Пекине — для охраны высших маньчжурских сановников и особы императора и его двора. Маньчжуры

постоянно нуждались в подкреплениях, которые на первых порах могли поступать фактически только из одного источника — той же Маньчжурии (и в том числе из Внутренней Монголии). Это еще больше истощало людские ресурсы районов, которые быстро оказались выкаченными.

В условиях, когда маньчжуры не завоевывали территорию проживания северо-восточных племен и не включали ее в состав Маньчжурского государства, не имели на этой территории своей администрации, они не осуществляли никакого прямого управления населением. Маньчжурские власти в столице края Мукдене стремились только к сохранению лояльности местного населения по отношению к маньчжурам, к обеспечению притока отсюда пушнины, и эти задачи маньчжуры пытались решить также и с помощью политических и дипломатических средств. Они осуществляли политику всемерного привлечения на свою сторону населения племен, стремились по мере возможности переселять их на территорию непосредственного контроля Ции, заключали брачные союзы с вождями племен и т. д.⁸ Наблюдение за территориями, находившимися на значительном отдалении, не включавшимися в состав государства маньчжуров ни в качестве внутренних земель, ни в качестве внешних, осуществлялось с помощью «мягких» политических средств. Очень точно о таком их статусе (а речь идет о территориях Айхуня и Нингуты) писал средневековый китайский автор Ян Бинь, говоря о территории Северо-Восточного Китая по состоянию на первую половину XVIII века: «На всех этих землях (находившихся в подчинении как нингутинского, так и айхуньского цзянцзюней. — *Авт.*) не учреждались округа и уезды, они не включены в территорию империи, и большую часть их занимают земли цзими (разрядка наша. — *Авт.*)»⁹.

Цзими, или цзими буцзюе, — традиционная пограничная китайская политика связывания, сковывания сил потенциального противника Китайской империи за ее границами путем создания здесь буферной зоны. Она была проявлением общей китайской стратегии (целиком воспринятой маньчжурами): «справляться с варварами с помощью самих варваров». В частности, и позднее Цины стремились превратить Приамурье в такой буфер для защиты своего домена на северо-востоке.

В целом эта система цзими являлась системой международных отношений на Дальнем Востоке не только в эпоху Древности и Средневековья, но даже и нового времени, а ее сердцевиной, ее подлинной сутью была обязанность для всех окружающих Цинскую империю «варваров» приезжать в Пекин с «данью», которая в глазах имперского двора как бы символизировала их «подчиненное» положение по отношению к китайскому (маньчжурскому) императору, а приезжавшему давала право осуществлять желаемую торговлю. Собственно говоря, никаких иных отношений, кроме отношений «вассал — сюзерен», китайский император — «сын Неба» — и не признавал¹⁰.

Система предусматривала для империи твердую обязанность защиты «своего данника» в случае военной опасности, исходившей от третьей стороны. Россия явно не укладывалась в эту призрачную схему китайско-маньчжурской дипломатии.

Маньчжурским правителям трудно было не связать превращение поступления дани от северных племен с появлением на севере русских. Как справедливо пишет востоковед академик С.А. Тихвинский, «в связи с русской колонизацией Приамурья император Канси опасался за свои вотчинные земли в южной и центральной части обширной Маньчжурской равнины. После маньчжурского завоевания Китая эти земли остались не только без охраны, но и почти полностью обезлюдели»¹¹.

Полученные известия, несмотря на их возможную первоначальную неопределенность, несомненно, должны были привлечь самое пристальное внимание пекинских властей.

Мы, со своей стороны, особо обращаем внимание на то, что появление в Приамурье русских казачьих партий и присоединение края к Русскому государству не нарушали маньчжурских границ и не создавали никакой реальной угрозы для маньчжурского домена на северо-востоке. Однако маньчжуры, как и китайские феодалы в прошлом, неизменно придававшие огромное значение созданию и сохранению обязательной буферной зоны между своими реальными владениями и каким-либо из соседних государств, своеобразного «пояса безопасности», вполне вероятно, могли воспринимать эти события на дальних подступах к своим вотчинным землям как некую угрозу своему, прежде безраздельному влиянию в нейтральной зоне. Следует подчеркнуть, что это была исключительно маньчжурская интерпретация событий, происходивших в Приамурье, вытекающая из маньчжуроцентристского взгляда на окружающий мир и события в нем. И Цины выбрали не переговоры с пришельцами, а войну.

Не вступая ни в какие контакты с русскими и не объявляя им о каких-либо своих «правах» (которых и не существовало), маньчжуро-цинское правительство приняло решение о пресечении подобной угрозы и таким образом вступило на путь экспансии и агрессии в Приамурье. Именно по этой причине все попытки русской администрации Якутска наладить на месте какие-либо дипломатические контакты с маньчжурской стороной кончались неудачей.

Ввиду специфики действий в этот период казачьих партий, направляемых на «приискание новых земель», наряду с большими дипломатическими акциями, организуемыми из Москвы, важная роль принадлежала и малой дипломатии русских администраторов на местах, что и создавало в целом единый курс русских дипломатических усилий в отношении стран Востока, в данном случае Цинской империи.

Инициативу заболевшего после тяжелого похода В.Д. Пояркова перехватил предприимчивый промышленный человек Е.П. Хабаров, прекрасно осведомленный о походах своих предшественников. При новом якутском воеводе Д.А. Францбекове Хабарову для похода на Амур был открыт широкий кредит из государственной казны, он получил казенное оружие, товары для обменной торговли с местным населением, сельскохозяйственный инвентарь для организации в крае русских земледельческих поселений¹².

Инструкциями Д.А. Францбекова Хабарову предписывалось приведение под высокую царскую руку даурского князя Лавкая и других князей, осуществление по всему Амуру ясачного сбора и разведки серебряной и прочих руд. Средства для достижения всех этих целей указывались мирные, подчеркивалось, что казаки посылались «не для бою». Однако намерения русского правительства присоединить Приамурье были самыми серьезными: в случае отказа кого-либо из даурских князьков вступить в русское подданство Хабарову предписывалось таких «захребетных неясачных людей ратным обычаем войною смирить» и собирать с них ясак.

Францбеков приказал «Ерофею (Хабарову. — *Авт.*) и ко князю Богдою посылать посланников». Они должны были предложить Богдою, чтобы он «со всем своим родом и улусными людьми» был «под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всея Руси высокою рукою навеки неотступно в прямом в холопстве».

Богдою предлагалось платить русским землям «златом и серебром и другим камнем и узорочными». Если Богдой признает свое подчинение русским, он может со всеми своими улусными людьми продолжать «жить на прежних своих городах без боязни», под защитой русских ратных людей. В случае же, если Богдой и его люди окажутся «непослушны и непокорны», землепроходцы должны будут «смирять их ратным боем»¹³.

Находясь уже на Амуре, Хабаров получил информацию о том, что есть хан, который «того хана Богдоя сильнее», — богдойский царь Шамшахан. Об этом он сообщил Д.А. Францбекову. Тот прислал Хабарову новую «наказную память», содержание которой практически не отличалось от первого документа: и Шамшахану-царю тоже предлагалось стать данником Русского государства. Но вручить эту грамоту Шамшахану должен был уже специальный русский посланник — служилый человек М.Е. Чечигин с особым посольством.

Из-за столкновения на Амуре с маньчжурами посольство Чечигина с санкции Москвы было отправлено только летом 1653 года, но оно не прибыло к месту назначения, погибнув в пути.

Следует отметить, что в то время сведения землепроходцев о князе Богдое, царе Шамшахане еще никак не ассоциировались в Якутске и Москве ни с Китаем, ни с Маньчжурским государством, занятым в этот период завоеванием Китая.

Е.П. Хабаров отправился из Якутска осенью 1649 года и весной следующего года вышел на Шилку. Здесь находились владения даурского князя Лавкая и стоял его укрепленный городок. Городок оказался пустым, покинутым жителями; пустыми оказались и четыре других городка, также принадлежавших племени Лавкая. Сообщая о занятии без боя этих хорошо укрепленных городков и страны, Хабаров писал: «И только б на них страх Божий напал ино было и подумать нельзя и не такими людьми такие крепости иметь, и то, государь... Бог объявил и поручил под твою царскую высокую руку новую землю»¹⁴.

Местные даурские феодалы вначале отказывались подчиниться русским землепроходцам, ссылаясь на то, что якобы только что заплатили ясак этому мифическому князю (или хану) Богдою. Однако если и можно говорить о какой-либо зависимости верхних дауров, то только от эвенкийского князя Гантимура. Гантимур указывал: «Жил де он, Гантимур, преж сего в **Даурской земле** (выделено нами. — *Авт.*) по великой реке Шипке, а владел де он многими даурскими пашенными людьми, а ясак де платили и пашню пахали те даурские люди на него, Гантимура»¹⁵. Сам же Гантимур вступил в русское подданство сразу же, как только в Приамурье появились первые русские правительственные отряды, и начал платить ясак с 1651 года, а до того времени никому ясак не платил¹⁶.

26 мая 1650 года Хабаров, вернувшись в Якутск, представил воеводе Д.А. Францбекову составленный им «князь Лавкаевых городов и земли чертеж», образцы местных хлебов и расспросные речи жителей, свидетельствующих о богатстве их края. Все эти сведения были немедленно отосланы в Сибирский приказ в Москву. В сопроводительной «отписке» Францбекова в первую очередь подчеркивалось значение новой приобретенной «землицы» как богатой житницы и источника снабжения хлебом населения и городов Восточной Сибири. В связи с этим указывалось и на близость Даурии к Якутску и удобство сообщения между ними.

После 9 июля 1650 года Е.П. Хабаров, назначенный уже приказным человеком новой даурской «землицы», с отрядом в 138 человек снова двинулся на Амур, под городок князя Албазы, ставший с этого времени главным укрепленным пунктом русских землепроходцев на Амуре.

Уже в течение зимы отдельные роды дауров добровольно приняли русское подданство и регулярно приносили в Албазин ясак. В счет ясака было собрано 166 соболей и одна шуба. Этот ясак и донесение («отписку»), в котором Хабаров сообщал, что князья Лавкай, Шилгиней и Албаза обещали быть под государевой высокой рукой, что ему на Амуре нужны боеприпасы и подкрепления, 25 марта 1651 года были отправлены в Якутск.

2 июня 1651 года, «поделав суды большие и малые», Хабаров вновь двинулся по Амуру. Казаки проплыли Дасаулов городок и к вечеру достигли

Гуйгударова городка — «тройного», состоявшего из трех городков-крепостей. Через толмачей Хабаров призвал местных дауров к послушанию и покорности русскому царю, сдаться «без драки» и давать государю ясак «по своей мочи», за что тот повелит «вас оберегать от иных орд, кто вам силен». Местные даурские князья отказались дать ясак, ссылаясь на то, что они якобы заплатили дань богдойскому царю Шамшахану¹⁷. Утверждение это было, однако, лишь уловкой, при помощи которой даурские феодалы стремились уклониться от уплаты ясака русским землепроходцам.

Здесь, в Гуйгударовом городке, 5–6 июня 1651 года произошло знаменательное событие в истории русско-маньчжурских отношений: первая встреча Е.П. Хабарова с «богдойскими людьми».

Эта первая встреча русской и маньчжурской сторон имела мирный характер. Хабаров сообщает, что как люди действительно посторонние на Амуре маньчжуры полностью устранились от вмешательства в конфликт, то есть отказались сделать, казалось бы, совершенно логичный в таких обстоятельствах шаг и защитить своих «данников».

Е.П. Хабаров «тому богдойскому мужику честь воздал и подарки государевы давал и отпустил ево, богдойскова мужика, честно в свою Богдойскую землю»¹⁸. Однако можно предполагать, что предводитель русских землепроходцев допустил известную недооценку самого факта появления маньчжуров на Амуре, в Гуйгударовом городке. Известный русский китаевед В.С. Мясников обоснованно считает, что это был передовой разведывательный отряд, посланный на Амур маньчжурским правительством, задачей которого было получить наиболее точные сведения о русских, появившихся в Приамурье¹⁹.

Для «постоянья и утверждения» вновь приобретенных земель и новых ясачных подданных землепроходцы приняли решение освободить всех захваченных даурских пленных без какого-либо выкупа «и велели им жить без боязни, и они жили в тех своих улусах у города с нами за един человек, и корм нам привозили и они к нам в город ходили беспрестанно, и мы к ним тож ходили»²⁰.

Советский историк П.Т. Яковлева совершенно справедливо заметила: «Исторически неверно сводить весь сложный процесс русской колонизации Забайкалья и Приамурья только к факту захвата, отмечать только насильственную сторону процесса присоединения Даурии к России»²¹.

В землях ачанов Хабаровым был поставлен Ачанский острог. Ачань привезли казакам ясак в 7 сороков (280 штук) соболей. Рано утром 24 марта 1652 года здесь на казаков было совершено неожиданное нападение двухтысячного маньчжурского войска под командованием Хайсэ (Исиня). Оно выступило из Нингуты в конце января 1652 года, шло до Ачанского острога около трех месяцев и при нападении на казаков было ими полностью разгромлено²².

Поражение это значительно подрывало маньчжурское влияние на северо-востоке, а на Амуре получило широчайший резонанс. Ничего подобного ранее в истории взаимоотношений маньчжуров с населением района к северу от их домена никогда не происходило, и можно предположить, что получение известия о таком поражении в маньчжурской столице вызвало нечто вроде шока.

Цинским двором было принято решение о реванше, то есть, по существу, о продолжении агрессии в Приамурье, а непосредственным актом правительства в ответ на поражение маньчжурского отряда, посланного на Амур, было жестокое наказание его командующих. Запись об этом наказании в маньчжурском источнике «Шилу» является самым первым известным свидетельством в цинских источниках о взаимоотношениях с русскими и таким образом открывает хронологию официальной цинской версии маньчжурорусских отношений в XVII веке. Приведем ее:

«[Ранее] чжангинь Хайсэ, поставленный на охрану Нингуты, послал бушэн-и-чжана Сифу и других, которые во главе войска отправились на Хэйлунцзян [Амур] и имели сражение с русскими, но потерпели поражение. Хайсэ был приговорен к смерти, а Сифу лишен своих чинов и сечен 100 ударами плети. Однако ему было приказано по-прежнему оставаться в Нингуте»²³.

Обратим внимание на то важное обстоятельство, что в этом первом цинском документе о взаимоотношениях с русскими не содержится абсолютно никаких упоминаний о «вторжении» русских на «территорию Цинской империи» — ничего того, что явилось бы объяснением нападения на русский отряд; нет ни слова о каком-то «особом» характере взаимоотношений маньчжуров с местным населением, которое они хотели бы таким образом «защитить». Нет вообще каких-либо объяснений причин, по которым маньчжурами была предпринята эта военная акция.

Уже к этому времени, то есть к зиме 1651/52 года, совершенно четко обозначилась тенденция к добровольному подчинению местного даурского населения на Амуре Русскому государству.

Московское правительство, получив известие о присоединении Приамурья к России, решило наградить Хабарова и служилых людей. Одновременно было принято решение о посылке в помощь им 3-тысячного войска. Для выдачи наград и подготовки на месте всего необходимого для этого войска сюда с воеводскими полномочиями был послан московский дворянин Д.И. Зиновьев. Встретившись с Хабаровым у устья Зеи в августе 1653 года, Д. Зиновьев раздал землепроходцам царские награды: Хабарову — золотую медаль, служилым людям — 200 новгородок, охочим людям — 700 московок. Все 320 участников походов Е.П. Хабарова получили награды.

Зиновьев потребовал у землепроходцев полного подчинения себе как представителю центральной власти. Казакам он приказал заниматься зем-

леделием, строить в крае остроги. Главная задача, поставленная в Москве перед Зиновьевым, заключалась в «подлинном разведывании» про Даурскую землю. Он должен был узнать о наличии в ней золота и серебряной руды, происхождении «всяких узорчатых товаров»; все полученные им из разных источников сведения «написать порознь по статьям», а также «самому рассмотреть про все подлинно».

Особо, как и во многих других указах того периода, ставилась задача собрать сведения про Китайское государство: насколько далеко лежит оно от Даурской земли, каков к нему путь — «степью ли, горами или водою». Не довольствуясь столь тщательным сбором широкого круга сведений о Даурии и сопредельных территориях на месте, московское правительство предписало Зиновьеву привезти с собой в Москву самого Е.П. Хабарова и даурских аманатов. Новым приказным человеком на Амуре был назначен служилый человек О. Степанов-Кузнец.

В отечественной исторической литературе (работах А.А. Нарочницкого, В.А. Александрова, В.С. Мясникова, А.И. Алексеева, П.Т. Яковлевой, Г.В. Мелихова и др.) высказано совершенно единодушное мнение о том, что в результате похода Е.П. Хабарова весь Амур до самого устья был присоединен к Русскому государству. Сведения, приводимые источниками, полностью подтверждают этот вывод. Сам Е.П. Хабаров, упоминая о своих заслугах, с полным основанием заявлял: «Я, холоп твой, тебе, государь, служил и кровь за тебя... проливал и иноземцев под твою царскую высокую руку подводил, и ясачный сбор собирал, и тебе... казну собрали и прибыль учинили и четыре земли привели: Даурскую, Дючерскую, Натцкую да Гиляцкую под твою государеву высокую руку»²⁴.

Приведение всего амурского населения в российское подданство, включение его в состав такого крупного многонационального государства, каким уже являлось в этот период Русское государство, имело огромное прогрессивное значение.

Крупные выгоды, получаемые бухарскими купцами от торговли с Китаем, привлекли внимание русского правительства. Было принято решение об организации и отправлении в Китай и русских торговых караванов. Руководство этим делом было поручено находившемуся в Тобольске московскому дворянину Ф.И. Байкову. Первый торговый караван был отправлен во главе со служилым татаринном П. Ярыжкиным и торговым бухарцем С. Аблиным. Караван прибыл в Пекин в начале лета 1654 года и пробыл здесь почти год. Летом же 1654 года в Москве было принято решение о посылке в Пекин самого Ф.И. Байкова — уже в качестве официального посла Русского государства.

Целями посольства было установление официальных торговых и дипломатических отношений с Китайским царством, о котором к этому времени

в Москве уже были получены сведения как об одном из крупных восточных государств. Наказ послу²⁵, как писал В.С. Мясников, «четко выражал непреклонную волю русского правительства вести дипломатические отношения с великими восточными империями на равных основаниях и отражал замечательную гибкость реальных оценок московской дипломатии»²⁶. Он не содержал никакой связи с амурскими событиями и даже самого упоминания о Приамурье. Посольство пробыло в пути около двух лет.

Между тем в регионе происходили следующие важные события.

Преемник Е.П. Хабарова Онуфрий Степанов со своим отрядом в течение весны и лета 1653–1657 годов совершал регулярные плавания по Амуру, Сунгари и Уссури, систематически собирая ясак с местного дючерского населения и обеспечивая себя хлебными припасами.

В своем отчете в Якутск от августа 1654 года Степанов сообщал о том, что порученное ему по наказу Д.И. Зиновьева строительство острожков в Даурии сделалось невозможным из-за активизации маньчжурами нападений на казачьи партии.

Наибольший же интерес в этой «отписке» Степанова представляет его сообщение о том, что к августу 1654 года маньчжуры осуществили свой первый насильственный стгон верхнеамурского населения в пределы собственно современного Северо-Восточного Китая, на Наун (реку Нонни), полностью разрушив таким образом систему даурско-дючерского земледелия в районе. С той поры район Верхнего Амура стал испытывать недостаток в хлебных припасах.

Наступление весны нового 1655 года ознаменовалось для землепроходцев, зимовавших в Усть-Комарском остроге, событиями весьма драматическими. 13 марта 1655 года к Усть-Комарскому острогу снова подступило великолепно вооруженное 10-тысячное маньчжурское войско, командовал которым Мингардари, военный министр Цинской империи, специально посланный из Пекина на Амур.

24 марта маньчжурские войска начали «навалный» приступ Комарского острога со всех четырех сторон, отрезали осажденных от реки (но на этот случай в городке был вырыт колодец) и изрубили стоявшие у причалов казацкие суда и струги. И все-таки, вынужденные отступить от города, маньчжуры еще около 15 дней (вплоть до 4 апреля) непрерывно днем и ночью били по острогу из пушек, выпустив в общей сложности 350 ядер, проводили ночные приступы со своими осадными щитами. Но и это не помогло, пришлось поспешно отступить прочь от острога, бросив снаряжение и боеприпасы.

Так, второе крупное нападение маньчжурских войск, на этот раз на русский Усть-Комарский острог, тоже потерпело полное фиаско. В 1655 году О. Степанов собрал ясак с улусов нивхов (гиляков), находившихся и на острове Сахалин. Нивхское население Сахалина тоже было в этот период

частично объяснено русскими землепроходцами и считалось подданным Русского государства.

В 1656 году на Амуре и в низовьях Сунгари тех дючеров, с которых О. Степанов в прошлом, 1655 году собрал ясак, уже «не объявилось», «а объявилось дючерских людей на Амуре немного». Эти «немногие дючерские люди», «остальцы», сообщали Степанову, что-де их, «иноземцов дючерских людей, богдойский царь велел свести с великия реки Амура и снизу Шингалу-реки в свою Богдойскую землю на Кургу-реку (реку Муданьцзян. — *Авт.*), а вверх по Шингалу-реке житья их и юрты богдойского царя князец Сергудай сожег н до конца разорил»²⁷.

Так маньчжуры осуществили насильственный сгон дючерского населения и с Амура, и с низовьев Сунгари, опустошив эту страну.

В целом это была обычная военная практика китайцев и маньчжуров по отношению к чужой или ничейной территории. Подобные действия маньчжурских властей нельзя определить иначе, как ясно выраженное фактическое признание территории бассейна Нижней Сунгари и Приамурья как не принадлежавшей Цинам, чужой для маньчжуров, на которой они только пытались остановить русских.

В период 1653–1654 годов в качестве первого практического шага по созданию в южной части Северо-Восточного Китая сплошной черты сильных пограничных укреплений на подлинных владениях маньчжурцинов был построен западный сектор границы «земель Мукдена» с Монголией — линия так называемого Ивового палисада от Шаньхайгуаня до заставы Вэйюаньпу.

Строительство Ивового палисада отражало прежде всего отмеченные выше опасения цинских феодалов за общую незащищенность границ империи на северо-востоке с учетом близости русских в Приамурье к цинскому домену в Центральной и Южной Маньчжурии и военных неудач, которые терпела империя Цин в своей агрессии в Приамурье²⁸.

Такова была обстановка к моменту прибытия в Пекин посольства Ф.И. Байкова (3 марта 1656 г.), и она также во многом определила неуспех его миссии.

В русской научной литературе высказаны различные точки зрения относительно миссии русского посла. Одни считают причиной ее неудачи отказ от выполнения унизительного церемониала на приеме у богдыхана²⁹, другие — соперничество Цинской империи и русского правительства³⁰, слабость внутривосточного положения маньчжуров в Китае, весь юг которого был охвачен в это время пламенем антиманьчжурской борьбы³¹. Исследователь Л.И. Думан приходит к выводу, что «нельзя выделять ту или иную из отмеченных выше причин, все они в совокупности обусловили неудачу Ф.И. Байкова», равно как и цинская политика внешней изоляции страны³².

Как было показано в связи с Хайсэ, по наиболее ранним, первым сведениям цинских источников, присоединение Приамурья к России отнюдь не означало вторжения в какие-то границы Цинской империи, об этом в цинских документах не упоминалось ни словом.

Это и понятно: и после утверждения русской власти в Приамурье между владениями обоих государств — Цинской империи и России — лежало огромное ничейное пространство, не занятое и не освоенное ни той, ни другой стороной³³.

Цитировавшийся документ является бесспорным свидетельством того, что на этом первом этапе маньчжуро-цинские правители отнюдь не считали Приамурье территорией Цинской империи, а его жители не являлись ее данниками. Первая цитировавшаяся выше запись маньчжурского источника о военных действиях против русских еще не была фальсифицирована позднейшей цинской пропагандистской версией о том, что район Приамурья будто бы составлял часть территории Цинской империи, а русские якобы «вторглись в ее пределы».

Но в 1656 году эта новая версия о «вторжении» русских стала навязываться Ф.И. Байкову в следующей формулировке: как это он «прислан от великого государя в послех, а з другую де сторону ево ж, китайского царя, земли великого государя люди воюют?» Уже в совершенно категорической форме утверждалось, что русские «воюют» земли, якобы принадлежащие маньчжурской династии. Русская дипломатия, к сожалению, не сумела сразу отместить эту версию³⁴.

Действия землепроходцев на Амуре были одобрены Москвой, и здесь было принято решение о назначении енисейского воеводы А.Ф. Пашкова на воеводство «на Амур-реку в Китайской и Даурской землях», то есть создании правительством на территории Приамурья и Приморья (Даурии) отдельного Даурского воеводства с подчинением ему всех казачьих партий, действовавших в этот период на Шипке, Аргуни, Амуре и их притоках, и всех русских острогов, построенных землепроходцами на Верхнем, Среднем и Нижнем Амуре.

Новому даурскому воеводе предлагалась весьма подробно разработанная и обдуманная во всех деталях система действий — дипломатических по своей сути. Такая же линия дипломатических переговоров предписывалась и в отношении всех «иных таких же государств», о которых станет известно А. Пашкову. Дальновидность и дипломатическая осторожность чиновных людей Сибирского приказа, составителей «наказной памяти» А. Пашкову, проявились также в следующей формулировке этого документа: «А посылать ему, Афанасью, от себя к богдойскому Андрикану и к никанскому царем или в иные земли посланцов, и с ними приказывать о всем словом, а письма им от себя не давати и ни х кому с ними письма ни о чем не посылати». Даурскому воеводе предписывалось подробнейшим

образом докладывать обо всех сведениях, полученных от миссий и посланцев, в Москву. Особо подчеркивалась важность отправки из Даурии в Москву регулярной информации о положении дел на месте и в «иных государствах», «разведывая подлинно, чтоб государю про тамошние про всякия сибирския даурския дела и про вести было ведомо». Это свидетельство представляет несомненный интерес: Москва всемерно стремилась быть в курсе всех событий, происходивших на этой далекой окраине Русского государства — в новой Даурской «землице»³⁵.

30 июня 1658 года маньчжурская флотилия из засады напала на поднимавшиеся вверх по Амуру суда О. Степанова в Корчеевской луке на Амуре, ниже устья Сунгари. В этом бою, при огромном превосходстве сил маньчжуров, землепроходцы потерпели тяжелое поражение. Японский историк К. Ёсида смакует подробности сражения и разгрома русского отряда³⁶. Однако его версия о «полном разгроме» русских, мягко говоря, неточна. Незадолго до этого неудачного боя с маньчжурами отряд О. Степанова разделился фактически почти на две равные половины, из которых отряд К. Иванова не пострадал совершенно. Далее, 95 человек из основного отряда в этом неравном бою сумели отстоять одно казенное судно и уплыли на нем к устью Амура. Спаслось и немалое число казаков, которые «с судов разбежались с Амура-реки и з берегу врознь».

Таким образом, вопреки мнению К. Ёсиды, и после трагических событий 1658 года на Амуре оставались значительные силы русских землепроходцев, продолжавших свою обычную практическую деятельность: сбор ясака с дючеров и нивхов в низовьях Амура, на Зее и в других местах, строительство острогов.

Без учета этих фактов невозможно объяснить, почему поступление ясака с Амура московскому правительству не только не прекратилось после июня 1658 года, но и продолжалось во все возрастающих масштабах³⁷.

Восстановление в 1665 году отрядом Н. Черниговского Албазинского острога, ставшего форпостом освоения русскими края, означало значительное укрепление положения русского населения в Приамурье. Для возвращения ясачных, допустивших «шатость» в уплате ясака, и привлечения новых ясачных подданных активно предпринимались плавания казачьих партий вверх и вниз по Амуру и всем его притокам.

Но цинские власти к этому времени уже отказались от открытого вмешательства в освоение русскими Приамурья. Открытых боевых действий в Приамурье в последующий период 1665–1683 годов, то есть в течение почти 18 лет, уже не происходило.

Чем же можно объяснить такую разительную перемену в прежней цинской политике непрерывных вылазок на Амур, завязывания здесь боев с русскими отрядами и пр.?

Мы выявили редкий красноречивый документ, который ясно свидетельствует, что такое изменение политики Цинов действительно имело место; официальное признание этого факта произошло осенью 1669 года.

«Осенью 8 года Канси (1669 г. — *Авт.*) русские вновь явились, чтобы захватывать. При дворе обсуждался [вопрос] следует ли напасть на них, когда река [Амур] замерзнет и они таким образом не смогут вернуться домой. Но его величество, несмотря на такие соображения, отклонил это предложение на том основании, что такие военные действия могут принести страдания местным народам (разрядка наша. — *Авт.*)»³⁸. Оставим в стороне версию о нежелании Цинов принести страдания местному населению. Подлинные причины, безусловно, заключались в другом, а именно: поскольку русские прочно закрепили за собой край, цинское правительство считало необходимым перейти к иным методам борьбы за Амур, нежели эпизодические военные экспедиции в этот район. Цины вынуждены были поменять тактику. Перед маньчжуро-цинским правительством встала задача обеспечения определенного периода передышки в борьбе за Амур, и ее была призвана выполнить новая, так называемая мирная, дипломатия Канси. Но в действительности цинская дипломатия этого периода отнюдь не была мирной, а также носила не межгосударственный, а сугубо местный характер. Эти ее черты вытекали из сути экспансионистской маньчжурской политики в отношении Амура и обусловленной для Цинов в этот период необходимости попытаться всемерно усыпить бдительность местных русских властей, которых оно прежде даже не признавало.

Несмотря на узкие, ограниченные рамки, значение этих дипломатических акций, сменивших пальбу маньчжурских пушек на Амуре, чрезвычайно велико. Эти действия свидетельствовали об официальном признании цинской стороной русской власти в Приамурье и ее местной администрации, прежде всего признании района Приамурья принадлежащим Русскому государству.

Основными факторами, обусловившими переход к новой маньчжурской политике, были чрезвычайная слабость хозяйственной базы Цинов к началу 70-х годов в Центральной и Южной Маньчжурии, полная неосвоенность северных, западных и восточных районов края, общая неподготовленность к крупномасштабной агрессии против Русского государства из-за резкого осложнения внутреннего положения в Китае.

Весьма длительный период такой мирной передышки сопровождался высокой хозяйственной и дипломатической активностью каждой из сторон. Начало ей положило цинское правительство, однако русская сторона, перехватив инициативу, воспользовалась обстоятельствами лучше и шире. Для нее передышка означала прекращение маньчжурских военных нападений: обеспечивала большую свободу действий в исследовании края, облегчение его заселения и хозяйственного освоения. Действительно,

период 1670–1684 годов был временем наиболее активного освоения не только района Албазина по Амуру, но и его левых притоков, в том числе Зеи, Бурей, Амгуни и морского побережья. Русские в этот период не только обживали Приамурье, но и продолжали активные поиски контактов с цинским двором, с тем чтобы наладить дипломатические отношения, торговлю и мирными средствами решать возникавшие проблемы.

Маньчжурские феодалы, в свою очередь, предпринимали значительные усилия для ознакомления, присоединения к Цинской империи и освоения территорий на северо-востоке по периметру своих вотчинных земель и дальнейшего укрепления границ этих земель. Они организовали ряд экспедиций в эти края, создали здесь новые опорные пункты на Сунгари. Маньчжуры развернули активную дипломатию, одной из целей которой была, в частности, попытка убедить русские местные власти в Приамурье прекратить дальнейшее активное подчинение Русскому государству племен и народностей, проживающих по рекам Зее, Сунгари и Уссури.

Ключевым моментом мирной инициативы Канси с самого ее начала явилось выдвижение заведомо неприемлемых для русской стороны требований и условий. Поэтому эти действия отнюдь не следует считать мирными и инициативой, служившей установлению нормальных двусторонних межгосударственных связей России и Китая, делу укрепления мира на Дальнем Востоке.

Непосредственную возможность для начала (а затем и для всемерного затягивания) переговоров с русскими предоставили Канси события 1667 года: уход от маньчжуров князя Гантимура и других трех крупных вождей местных племен и родов, которым маньчжуры в свое время, чтобы удержать их в сфере своего влияния, пожаловали высокие военные чины. Вопрос о Гантимуре, требования Цинов о его выдаче маньчжурам стали постоянным сюжетом дипломатии двух стран с этого времени и вплоть до Нерчинского договора 1689 года.

Помимо согласия на ведение караванной торговли русской стороной в Пекине внешнеполитическая активность цинского правительства выразилась в установлении прямых контактов с местной русской администрацией в Приамурье, в прибытии в Нерчинск нескольких официальных и неофициальных цинских миссий, в приглашении в Пекин русского посольства. Все эти действительно необычные прежде для маньчжуро-цинской стороны дипломатические усилия в 1669–1671 годах были связаны с деятельностью «лутчего человека» богдойского князя Мэнхэдэ на Сунгари — Шаралдая, действовавшего в качестве личного представителя (!) императора Канси; в последующий период активность эта была связана с самим Мэнхэдэ.

В первый раз миссия Шаралдая была снаряжена под видом купцов и приехала в Нерчинск 10 декабря 1669 г.³⁹ — официально для ведения

торговли. Объявленной уже позднее целью приезда явились принесение жалобы на действия албазинских казаков, только что совершивших походы вниз по Амуру на дауров и дючеров, и заявление протеста русским властям. Документ, сообщающий о приезде Шаралдая, содержит упоминания об этих походах: «В прошлом де во 177 году (1668 г. — *Авт.*) июня во 2 числа посылал де он, Микифорко (Черниговский), из Олбазинского острогу олбазинских служилых людей 60 человек вниз по Амуру-реке в поход на даурских и на чючерских людей, а он де, Микифорко, оставался в остроге с небольшими людьми».

Нерчинский воевода Д.Д. Аршинский в своей «отписке» в Сибирский приказ докладывал: «Я, холоп ваш, великих государей, по вашему, великих государей, указу писал в Олбазинский к Микифорку Черниговскому, и в походы ходить не велел, и чтоб они промеж землями ссоры не чинили»⁴⁰. Желая установления наконец действительно добрых межгосударственных отношений, нерчинский воевода переслал в Албазин указание воздержаться от дальнейших походов в это ничейное пространство, чтобы не тревожить цинское правительство.

Второй визит Шаралдая состоялся 15 апреля 1670 года Д.Д. Аршинский сообщал, что в этот день в Нерчинск с Шингалу-реки (с Сунгари) прибыли посланцы от богдойского царя — Шаралдай с тремя товарищами и девятью торговыми людьми и кашеварами. Шаралдай, на этот раз уже в качестве официального посланника императора Канси, привез с собой лист непосредственно «от богдойского царя»⁴¹.

В листе Канси говорилось, что после описанного выше первого визита Шаралдая в Нерчинск, где его приняли с честью, он был отослан с донесением о положении русских в Пекин к самому «богдойскому царю» — Канси. Для чиновника столь низкого ранга, каким являлся Шаралдай, это было совершенно необычайной честью. Здесь важно отметить, что император лично расспрашивал Шаралдая про Гантимура: «Прежде ли де платил великому государю (русскому царю. — *Авт.*) ясак или мне? А про то де я, — говорил Канси, — допряма не знаю, кому он платил прежде»⁴².

Обращает на себя внимание и следующее важное обстоятельство: лист Канси содержит ясное признание, что цинский император к этому периоду уже твердо знал, что сидящие в Нерчинском остроге и Албазине казаки — люди «великого государя» и что Гантимур «ноие де... платит великому государю ясак в Нерчинском остроге у казаков»⁴³.

Спустя шесть лет, в 1676 году, снова было заявлено, что маньчжуры якобы «не знали», что казаки являются подданными Русского государства. Такие ссылки на мнимое «незнание» являлись обычной практикой цинской дипломатии XVII века. Мы подчеркиваем тот существенный момент, что, уже зная в 1670 году, по его собственным словам, об этих фактах, Канси

продолжал вынашивать агрессивные замыслы против русских землепроходцев, а значит — и против Русского государства.

Вопреки признаваемым им самим фактам о том, чьим подданным был Гантимур, Канси тем не менее выдвинул официальное требование о его выдаче цинским властям.

В заключение листа говорилось о приглашении прибыть в Пекин русскому послу, которому был заранее обещан самый хороший прием. Такое приглашение с цинской стороны последовало впервые. Нерчинский воевода немедленно воспользовался этим случаем, чтобы направить в Пекин казачьего десятичника Игнатия Милованова.

Таким образом, призывая к дружбе между двумя государствами, Канси выдвигал неприемлемое для русской стороны условие: «вернуть» маньчжурам Гантимура — русского ясачного подданного, перешедшего на русскую сторону еще в 1651 году.

Наконец, следует отметить и то обстоятельство, что и в период своих «мирных инициатив» Канси продолжал угрожать русским войной и разорением. Приглашение к мирным переговорам и параллельно наращивание военных усилий — вот подлинный характер «мирных инициатив» императора Канси.

В последующем стратегические соображения и опасения, что русские могут стать потенциальными союзниками ойратского хана Галдана, оказали решающее воздействие на основное направление политики Канси. Под влиянием развития ситуации в Монголии (неудачного для Цинской империи противоборства с Ойратским ханством) Канси вскоре сменил тактику. Он прекратил толковать о мире, взяв курс на более действенное, по его мнению, военное решение амурской проблемы⁴⁴. Основанием для такого поворота послужили полученные Цинами в ходе «мирной дипломатии» 60–70-х годов сведения о чрезвычайной малочисленности русских.

В действительности только русская сторона проявляла подлинную заинтересованность в налаживании добрососедских отношений с Цинской империей. Русское государство в этот период направило в Цинскую империю крупную торговую миссию Сеиткула Аблина (1666–1669 гг.), дважды «ласково» принимало цинских посланцев Шарадая «со товарищи» и вело с ними переговоры, осуществляло активную деловую переписку с цинским правительством, организовало миссию в Пекин Игнатия Милованова.

Перехватывая инициативу из рук Шарадая, нерчинский воевода Д.Д. Аршинский отправил в Пекин дипломатическую миссию во главе с казачьим десятичником И. Миловановым. В «наказной памяти», содержание которой посланец должен был сообщить Канси, цинскому императору предлагалось... перейти в подданство московского царя, после чего царь «учнет богдокана жаловать и держать в своем царском милостивом призрении и от недругов ево в оборони и в защищение»⁴⁵. Кроме того,

в «наказе» были пункты о Гантимуре с отказом в его выдаче и об албазинских казаках, возлагавших вину за столкновение на дауров и дючеров. И. Милованов и его свита встретили в Пекине беспрецедентный прием и получили аудиенцию у самого Канси. 15-летний цинский император угощал их чаем, целый час молча и неотрывно рассматривал русских посланцев, затем спросил каждого, сколько кому лет. Канси направил в Москву свой лист о желании цинской стороной посольских и торговых связей с Россией и со стереотипными обвинениями в адрес албазинских казаков; перевод его имеет много неясностей. В.С. Мясников приходит к выводу, что смысл визита И. Милованова в китайскую столицу был умышленно искажен цинскими дипломатами⁴⁶.

После посылки Ф.И. Байкова в Цинскую империю вторая попытка Москвы установить нормальные отношения со своим восточным соседом относится к 1673–1676 годам и была связана с полномочным посольством дипломата и переводчика Посольского приказа Н.Г. Спафария. Главными целями и задачами посольства Спафария были: 1) установление с Цинской империей постоянных дипломатических (в том числе обмен посольствами) и торговых отношений, отсутствовавших, несмотря на более чем 20-летнюю историю взаимных контактов; 2) сбор сведений о Китае⁴⁷. Вопросы церемониала и титулатуры также занимали большое место. В «наказе»⁴⁸ Спафарию, как и Байкову, также не затрагивался вопрос о столкновениях на Амуре и, вопреки мнению исследователя В.А. Александрова⁴⁹, какие-либо пограничные вопросы. Посольство прибыло в Пекин в чрезвычайно тяжелый для цинского двора момент: в стране вспыхнуло мощное антиманьчжурское восстание (1673–1681 гг.) во главе с У Саньгуем, охватившее весь Юго-Западный Китай (30 лет назад У Саньгуй способствовал захвату маньчжурами Пекина). В самой столице был поднят мятеж, жестоко подавленный властями, после чего в городе начались жестокие репрессии.

После длительных и тяжелых переговоров — формально из-за фактического отказа русского правительства вернуть Гантимура, а также невыполнения послом требуемого цинскими чиновниками церемониала, его отказа принять императорскую грамоту по этому церемониалу — посольство Спафария также не достигло желаемых целей. Главными причинами явились неустойчивая внутривластная обстановка в империи, отсутствие у цинского правительства желания поддерживать отношения с Русским государством на началах дипломатического равенства; не было оно заинтересовано и в развитии торговых связей. Император Канси и его окружение вынашивали замыслы насильственного удаления русских из Приамурья; развитие с Россией отношений добрососедства и сотрудничества в его планы не входило. Не добившись успеха, посольство Спафария выехало, а по сути было выслано, из Пекина 1 сентября 1676 года.

Отношения России и Цинской империи носили противоречивый характер. Активная дипломатия русской стороны, стремившейся к установлению нормальных дипломатических и торговых отношений между двумя государствами на основах равенства, столкнулась с консервативным стремлением Цинов воспрепятствовать этому, придать отношениям с Россией «даннический» характер⁵⁰. Цины, считая себя сильной стороной, не были заинтересованы в дипломатии, они делали упор на военное решение всех возникавших проблем на язык ультиматумов, на подавление своего «упорствовавшего» оппонента. В таких условиях, конечно, русские посольства к пекинскому двору были обречены на неудачу.

В то же время неоспоримые успехи русского населения в энергичном сельскохозяйственном освоении Амура создавали прочную основу для дальнейшего распространения русских людей на северные притоки этой реки — на Зею, Селемджу, Бурею и Амгунь. Именно здесь, в этом районе, произошла смычка казачьих партий и отрядов, посылавшихся властями из двух центров освоения Восточного Приамурья и Приморья: из Албазина (Нерчинский уезд) и Удского острога, подчиненного Якутску, и объединение их совместных усилий.

Главной функцией новой зейской администрации был «сбор ясака великому государю» и пересылка его в Албазин для отправления в Москву. Важным моментом здесь являлись протокольные отношения нового приказчика (И. Милованова) с ясачным населением. При приезде «ясашных иноземцов» в зейские и селемджинские остроги И. Милованову надлежало быть «в цветном платье» и объявлять им великого государя милостивое жалованное слово, чтобы местные жители надеялись на государеву милость, жили в тишине и спокойствии и призывали своих неясачных соплеменников и соседние народности в русское подданство, приглашая их приезжать в местные русские остроги. Милованов должен был обещать ясачному населению защиту ратными людьми Русского государства от «немирных иноземцов» — их соседей, не являвшихся русскими подданными. Мы хотим обратить в этой связи особое внимание на содержащееся в правительственном «наказе» строгое указание с этими немирными землицами, и в особенности с Богдойской (с маньчжурской Цинской империей), «задору никакого не вчинять ни которыми меры». За нарушение этого пункта «наказа» предусматривалось самое суровое наказание. Это свидетельствует, что в Москве придавали большое значение сохранению нормальных, добрососедских отношений с Цинской империей.

В 1681 году нерчинский воевода Ф.Д. Воейков получил из Москвы грамоту, где была поставлена задача: разведать Аргунские места — могут ли там быть устроены пашни и на сколько крестьян, — о чем предписывалось составить подробную роспись и сообщить все эти сведения в Москву. В документе строго наказывалось ссор с соседними землями

не чинить, в новом Аргунском остроге брать ясак с местного населения ласкою; говорить новым подданным государево милостивое слово, то есть напоминались те основные и неизменные принципы, которые всегда подчеркивало московское правительство в привлечении новых контингентов местного населения в подданство Русского государства.

В конце 1682 года произошло важное событие в истории Албазина. Он был выделен из состава Нерчинского уезда в качестве административного центра нового самостоятельного Албазинского уезда. Все восточносибирские уезды — Якутский, Иркутский, Илимский, Нерчинский и Албазинский — объединялись в Енисейский разряд, во главе которого был поставлен князь К.О. Щербатов. Впервые исследователь В.А. Александров очень точно об этом написал: «Выделение Албазина из состава Нерчинского уезда и образование отдельного Албазинского уезда, охватывавшего территорию собственно Приамурья, было демонстративно политическим актом, которым правительство подчеркивало неизбежность присутствия на Амуре русской администрации, по своим правам ничем не уступавшей воеводам других сибирских уездов»¹.

В июле 1683 года казачьей партии, двигавшейся к рекам Быстрая и Амгунь, — отряду Г.С. Мыльника, посланному на замену Г. Фролову, — маньчжуры уже не дали пройти по Амуру. В одном дне пути ниже устья Зеи отряд наткнулся на громадную маньчжурскую военную флотилию, поднимавшуюся вверх по реке. Маньчжуры окружили русские суда. Затем они пригласили Г. Мыльника к себе «хлеба есть» и объявили его и пришедших с ним казаков своими пленниками. Бежать с судов удалось лишь 23 казакам и промышленным людям, но из них несколько человек были захвачены конными маньчжурскими отрядами, сопровождавшими флотилию по суше.

События 27 июля 1683 года знаменовали собой переход маньчжур-цинов к новому этапу — к открытой вооруженной агрессии в Приамурье.

1685–1686 годы дают еще один яркий пример «пограничной дипломатии» того времени в русско-китайских отношениях. Годом раньше приказчиком в Удском остроге стал пятидесятник Андрей Амосов. Он направил отсюда «на Амурские покати, на Силимбу-реку» казаков Ивана Томилина и Григория Петрова для призыва ясачных, но изменивших «тунгусов» билярского рода (бирары) возобновить уплату ясака русским властям под своих аманатов (заложников). Однако бирары захватили казаков в плен и повезли на Амур «в город в Зайгу» (Айгунь) и отдали в руки местных маньчжурских властей.

Те заявили свои претензии на русских подданных бираров и земли по Селемдже. Русские люди на это с достоинством ответили: «Мы ходим по указу великих государей, с Уди-реки из Уцкого острожку послал нас приказной пятидесятник Андрей Амосов, пришли мы не воровски

призывать прежних изменников Биярских тунгусов под аманатов их с ясачным платежом, а прежь сего те Биярские Тунгусы платили ясак нашим великим государям (разрядка наша. — *Авт.*)».

Маньчжурские воеводы стали призывать казаков перейти на службу к пинскому императору, пуская в ход различные посулы: «Как де вы служите своим великим государем, так же вы служите нашему богдойскому царю, и наш богдойский царь пожалует вас великим жалованьем и даст вам по две жены и по два холопа с женами». Казаки «им во всем отказали». И говорили им, богдойским воеводам, те речи: «Мы у вас в поиманье; хотя сам богдойский царь велит казнить смертью, и мы своим великим государем изменить не хотим и вашему богдойскому царю не служим». После этого маньчжуры перестали «прельщать» пленных, а заковали их «в ручные и ножные железа и отдали за караулы». В тяжелых условиях заточения И. Томили и Г. Петров провели «пол-четверта месяца» (то есть три с половиной месяца).

Вместе с тем из Айгуня о посланцах А. Амосова было сообщено в Пекин. Оттуда, как показали казаки, «указ пришел богдойского царя, что отпустить нас назад в Уцкой острожек».

Им вручили для передачи русским властям маньчжурские «три письма на трех листах». Время возвращения казаков в Удский острог источники не отмечают, но здесь они застали уже нового приказчика — Леонтия Трифонова. Он был отпущен из Якутска на службу в Удский острог для ясачного сбора в 1684–1685 годах и прибыл к месту назначения 8 октября 1685 года на смену А. Амосову; у него принял Удский острог «и казну и служилых людей и аманатов».

В Якутск же Томилин и Петров пришли в 1686 году, где с них 25 июля 1686 года были сняты подробные расспросные речи перед воеводой М.О. Кровковым. Донесение казаков открывает еще одну страницу местной пограничной дипломатии.

Недатированное письмо А. Амосову из Айгуня от цзянцзюня Сабсу начинается примечательной фразой: «Сперва ваши Русские люди жили на Уде-реке, в нашу землю не ходили...» — таким образом маньчжурские власти признавали район Уды законным российским владением. Затем, однако, следовали стереотипные обвинения во «вторжении». Сабсу стремился подчеркнуть «великодушие» маньчжуров: русских, захваченных на Хамуне, — «я их призвал, ни единого не убил, всех пою и кормлю». От удского приказчика Сабсу требовал отпустить бирарских аманатов, причем, впервые в практике русско-цинских отношений, предлагал размен их на якутских служилых людей, которые были взяты на Тугуре, в Тугурском зимовье. В случае отказа от такого обмена следовала угроза послать маньчжурское войско на Уду и разорить острог.

Как преисполненное достоинства ответное письмо удского приказчика, сына боярского Леонтия Трифонова, так и переданная с И. Миловано-

вым грамота с приглашением цинскому императору вступить в русское подданство являются поразительными документами русско-китайской пограничной дипломатии XVII века.

Представитель местной русской власти в крае обращался к маньчжурам как к неприятелю. Относительно предлагаемого цинскими властями обмена аманатов на пленных и установления рубежей Л. Трифонов, проявляя подлинный государственный подход к делу, отвечал: «Я без указа великих государей и без ведома воеводского сделать такого дела не смею, чтоб мне, Леонтью, отпустить с Уды-реки Билярских аманатов на Амур-реку и роэмена и рубеж поставить». Он сообщал, что написал об этом деле своему непосредственному начальнику М.О. Кровкову и переслал ему маньчжурские листы. «И о том обо всем указ великих государей будет на осень, потому что у нас путь водяной, и вы указу великих государей подождите». На маньчжурские угрозы приказчик Удского острога с достоинством ответил: «Ваши ж ясачные люди, Билярского роду тунгусы, похвалятца и приказывали с теми же служилыми людьми притти на Уд-реку летом, побить наших ясачных тунгусов; велите им дождатца указу великих государей, чтоб меж нами никакого худа и ссоры не было».

Это свое письмо на Амур к «неприятелским людям в Зайгу город» Л. Трифонов послал с якутскими служилыми людьми — Григорием Ферапонтовым, Ульяном Ивановым и Михаилом Савиным с переводчиком бираром Нюгзей. Ответа на письмо не последовало, а посланцы Л. Трифонова были посажены в Айгуне «в крепь».

Подлинно драматические события происходили тем временем в районе Верхнего Амура. 10 июня 1685 года маньчжурские военачальники после длительного топтания на месте наконец отдали своей армии приказ подступить под Албазин. Город был совершенно не готов к осаде, он имел незначительные запасы боеприпасов (пороха и свинца), которые кончились в первый же день штурма. Эти обстоятельства и обусловили первоначальный военный успех маньчжурского войска под Албазином. Однако, разрушив крепость, маньчжуры сразу же отступили от нее — столь поспешно, что даже не уничтожили более 1000 десятин хлеба, посеянного албазинцами весной 1685 года.

Поражают воображение мужество и стойкость русского населения Приамурья в эту годину жесточайших испытаний. Не успел отгреметь гул сражения на Амуре, а уцелевшее албазинское население — 324 мужчины и 312 женщин и детей — добраться до Нерчинска, как нерчинский воевода И.О. Власов, получив сведения об уходе маньчжуров с Верхнего Амура, приказал гарнизону вернуться обратно в Албазин, дабы «не потерять... Даурской земли, и побержной из Нерчинска славы не учинить». По решению казачьего круга крепость была восстановлена на прежнем месте и на этот раз значительно сильнее укреплена и лучше снабжена боеприпасами.

На Верхнем Амуре было восстановлено положение, существовавшее до первой осады Албазина маньчжурами. Попытки маньчжурского войска взять Албазин вторично успеха не имели.

Героическая оборона Албазина навсегда вписана в историю России. На этом историческом этапе мужественное сопротивление защитников Приамурья окончательно поставило заслон дальнейшему распространению экспансии маньчжуро-цинов на север и северо-запад — на территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Говоря о последующих переговорах в Нерчинске маньчжурской делегации с посольством Ф.А. Головина, следует прежде всего обратить внимание на то имевшее решающий характер обстоятельство, что переговоры проходили в условиях, когда маньчжуры осуществили вторичное вторжение в глубину территории Албазинского и Нерчинского уездов России и поставили русскую сторону перед фактом вооруженного захвата значительной части этих уездов, то есть в обстановке военной оккупации части русской территории и фактической осады маньчжурами места переговоров — русского города Нерчинска. Необходимо также подчеркнуть то значительное численное превосходство над русской стороной, которое под стенами Нерчинска настойчиво стремились создать и создали Цины. Еще одним важным моментом была отмеченная русскими послами высокая степень готовности маньчжуров к дальнейшей эскалации военных действий против русской стороны в случае ее отказа удовлетворить непомерные территориальные притязания Цинов на всю территорию Приамурья, то есть при неудаче или срыве посольских встреч.

В таких непростых условиях начались русско-цинские переговоры в Нерчинске. В результате этих тяжелых переговоров⁵² был подписан русско-китайский Нерчинский договор 1689 года, основная территориальная статья которого была согласована в следующем виде (основной латинский текст): «Статья 1-я. Река, называемая Горбица, которая расположена близ реки Черной, по-татарски называемой Урум, и впадает в реку Сагалиен-ула, составляет рубеж между обеими империями. Также от вершины скалы или каменной горы, на которой находится исток и начало вышеназванной реки Горбицы, и через вершины той горы до моря, владение империй так разделить, чтобы все земли и реки, малые или большие, которые от южной части той горы впадают в реку Сагалиен-ула, были под властью Китайской империи, все же земли и реки, которые с другой стороны горы простираются к северной стороне, остаются под властью Российской империи, таким образом, чтобы реки, впадающие в море, и земли, находящиеся в промежутке между рекой Удью и вершиной горы, указанной в качестве рубежа, оставались бы до времени не определенными...

Также река, называемая Аргунь, которая впадает в вышеназванную реку Сагалиен-ула, определяет границы так, что все земли, которые

с южной стороны, принадлежат Китайской, а те, которые с северной стороны, — Российской империи»⁵³.

Говоря о характере размежевания между Цинской империей и Россией по Нерчинскому договору 1689 года, следует прежде всего отметить, что этот договор был первым, самым начальным этапом весьма длительного процесса территориального разграничения между двумя странами на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, продолжавшегося в общей сложности более 170 лет. Многие российские исследователи Нерчинского договора считают, что он был «навязан России угрозами и предварительной незаконной оккупацией русской территории многочисленными цинскими войсками. На условиях договора сказался военный перевес Цинской империи над Россией на Дальнем Востоке в XVII в.». Ф.А. Головин был вынужден уступить Цинской империи часть территорий по левому берегу Амура и правому берегу Аргуни, принадлежавших русским с 40–80-х годов XVII столетия⁵⁴. Русские историки также справедливо отмечают неопределенность территориальных статей Нерчинского договора, приблизительность и чрезвычайно общий характер намечавшейся им граничной черты, и это фактически привело к тому, что граница в общепринятом смысле не была установлена вовсе, оставаясь на ряде своих важнейших отрезков совершенно условной. В тяжелой обстановке нерчинских переговоров русские дипломаты все же сумели отстоять свое требование об обязательствах цинской стороны не заселять отходившие к Цинской империи русские земли. Это обязательство было подтверждено на посольском съезде специальной торжественной клятвой цинских послов. Таким образом маньчжуро-цинская сторона была ограничена в своем суверенитете над территорией, не вошедшей в состав России по Нерчинскому договору, выполняла это свое обязательство и, по существу, лишь превратила Приамурье в пустынную буферную зону между обоими государствами⁵⁵.

Далее мы видим, что по территориальным статьям Нерчинского договора стороны оставляли на востоке обусловленные ими и примыкающие к морю земли, которые они согласились считать неразграниченными между двумя странами и подлежащими разделу между ними только в будущем. Включение русской делегацией в текст Нерчинского договора этого пункта было еще одной большой дипломатической победой русской стороны. Независимо от величины этого неразграниченного пространства, наличие данного пункта позволяло русской стороне в будущем вновь вернуться к переговорам о границах, завершить разграничение между двумя странами на равноправной договорной основе.

Главной причиной, обусловившей основную неясность пункта статьи I о «вершине скалы или каменной горы» Нерчинского договора и огромное количество вариантов его истолкования, является то обстоятельство, что указанный основной географический ориентир — скала или гора, кото-

рая якобы тянется до моря, — в действительности отсутствует на любой современной географической карте.

Маньчжурские дипломаты отказались принять проект русских послов от 25 августа 1689 года, предусматривавший установление границы между двумя странами по «первым каменным горам», то есть горной цепи, ближайшей к Верхнему Амуру⁵⁶. В свою очередь, русская сторона вынудила маньчжуров снять свое нереальное требование о проведении границы в этом районе по так называемому «хребту Носсы» (под ним имелся в виду водораздельный хребет между реками бассейна Амура и бассейна Лены, лежащий более чем в 200 км к северу от истоков Горбицы; возможно, это был современный Становой хребет, но в XVII — первой половине XIX века он был еще мало изучен). Русские дипломаты упорно стояли на своем: не признавать это требование. В итоге маньчжурские представители заявили: «А которые прежде упомянутые реки и горы, даже до самого Святого Носу, великие их послы позволяют быти в стороне царского величества, и тем бы вечный мир поставити». Позднее согласие это было дважды подтверждено⁵⁷.

В русском тексте договора «пограничная» горная цепь названа просто «каменными горами», в латинском — «вершиной скалы или каменной горы», а маньчжурская делегация в своем маньчжурском тексте Нерчинского договора дала этой горной цепи двойное собственное название — «Большой Хинган» и «Хинганский хребет». Отсюда вытекало и разное толкование сторонами этого главного географического ориентира.

Все это обусловило то, что Нерчинский договор установил только русско-китайскую границу по Аргуни, существующую и поныне. В районе же к северу от Амура какой-либо границы установлено не было.

Русские власти в центре и на местах, особенно в Якутске и Нерчинске, в течение длительного времени не располагая копией текста Нерчинского договора, не имели четкого представления о характере разграничения и территориальных потерях России, о месте граничной черты восточнее устья Горбицы, о размерах и пределах земель, оставшихся неразграниченными на востоке. Все последующее толкование русской стороной территориальных статей Нерчинского договора и сферы его фактического действия носило ошибочный, чрезмерно расширительный в пользу Цинской империи характер. Уяснение русской стороной подлинного содержания нерчинского разграничения продолжалось до начала 50-х годов XIX века.

Впервые официальное задание уточнить направление горной цепи, отходившей от верховьев Горбицы и составлявшей здесь умозрительную границу России с Китаем, и установить пределы неразграниченного пространства было поручено Забайкальской экспедиции Н.Г. Ахте (или Агте) (1849–1852 гг.), и эта экспедиция сразу же принесла весьма важные результаты. Выводы, к которым она пришла, положили конец всем прежним ошибочным представлениям русской стороны о разграничении

с Китаем в этом районе. Экспедиция пришла к выводу о прохождении намеченной по Нерчинскому договору русско-китайской границы по Буреинскому хребту, что совпадало с интерпретацией расположения границы и маньчжуро-цинскими географами и политиками. А местоположение неразграниченного пространства в целом было определено к востоку от этого горного хребта. Это было отражено на составленной экспедицией орографической карте Амурского края (1853 г.). Другим не менее важным моментом, выявленным Забайкальской экспедицией и также нашедшим свое отражение на этой карте, явился факт проживания к этому времени на большей части территории неразграниченного пространства местного эвенкийского населения, твердо признававшего себя российскими подданными.

Приблизительно в этот же период (1851–1852 гг.) сподвижник крупного исследователя Дальнего Востока Г.И. Невельского Д.И. Орлов пытался отыскать следы русско-китайской «границы» в Тугурском районе, что оказалось, естественно, безуспешным. Как и следовало ожидать, он не обнаружил никаких достоверных признаков этой никогда не существовавшей здесь «границы» между двумя странами. В результате трех поездок Д.И. Орлова по краю в указанный выше период он также, самостоятельным путем, установил, что пограничным хребтом, намеченным в этом районе Нерчинским договором, являлся именно Буреинский хребет. Вывод Орлова, как видим, повторил выводы, сделанные экспедицией Н.Г. Ахте. Все это позволило Г.И. Невельскому с полным основанием писать губернатору Н.Н. Муравьеву в 1852 году: «Пограничный вопрос ныне разъясняется, и вековые заблуждения, будто бы Приамурский край составляет китайское владение, начинают рассеиваться»⁵⁸.

Несмотря на ряд отрицательных моментов и юридическое несовершенство своих территориальных статей, Нерчинский договор имел важное значение для позитивного мирного развития русско-китайских отношений в последующий период.

Он запрещал подданным обеих стран нарушать границы, что предотвращало конфликты и исключало между Китаем и Россией возникновение войны. Договор провозглашал забвение прошлых обид и отказ принимать перебежчиков. Кроме того, договор разрешал подданным обеих стран «по листу» свободно следовать в земли обеих держав и осуществлять здесь торговлю. Это привело к ее бурному развитию в начале XVIII века и постепенно укрепляло отношения доверия между двумя странами.

* * *

Вхождение независимых приамурских народов в состав Русского государства и присоединение к России территорий Приамурья и Приморья произошло в 1643–1651 годах в результате активности нескольких

казачьих партий во главе с В.Д. Поярковым и Е.П. Хабаровым. Русское правительство немедленно организовало действенную систему управления своими новыми землями и осуществляло их хозяйственное освоение как части собственной государственной территории, что дало России первичное и реальное правооснование на владение территорией на Дальнем Востоке на вечные времена.

Цинская дипломатия пыталась оспорить эти права Русского государства. Русская дипломатия во второй половине XVII века стремилась к установлению с Китаем дипломатических и торговых отношений на равноправной основе. Маньчжурские правители Китая, исходя из воспринятой ими китаецентристской концепции, вообще не признавали равноправных отношений с кем-либо из иностранных государств, а внешнюю торговлю, обусловленную принесением «дани», рассматривали лишь как инструмент своего политического воздействия на соседствовавших с Цинской империей «варваров». Неудачи, с которыми чужеземная династия Цин сталкивалась при завоевании Китая, лишь усиливали стремление цинских властей к демонстрации своего мнимого превосходства над русскими «варварами» и их неуступчивость в отношении русских дипломатических и торговых предложений. Русские дипломатические миссии Ф.И. Байкова и Н.Г. Спасская в таких условиях, естественно, не могли увенчаться успехом.

Цинская империя вступила в борьбу с Русским государством за Амур, когда он уже находился в составе России и был прочно включен в сферу ее активного политического, торгово-экономического и культурно-хозяйственного освоения. Маньчжурские войска в 1683 году совершили вооруженное нападение на селения и остроги, находившиеся на территории иностранного государства, защищаемые войсками этого государства, уже зная об их иной государственной принадлежности. Это была открытая вооруженная агрессия против Русского государства.

В результате начатых Цинской империей в Приамурье военных действий имело место насильственное навязывание цинской дипломатией русской стороне переговоров о перераспределении по-маньчжурски территорий на Дальнем Востоке. Первый этап длительного процесса разграничения между Россией и Цинской империей на Дальнем Востоке и в Центральной Азии носил временный и предварительный характер и на большинстве отрезков дальневосточной территории лишь наметил граничную зону между двумя странами в самых общих чертах. Маньчжурская сторона пыталась фальсифицировать и сам текст договора, произвольно изъяс из него важное положение о пространстве, оставшемся неразграниченным.

В последующий период стороны по-разному интерпретировали прохождение на участке к северу от Амура «пограничных» горных цепей, рек Горбиц (их было в этом районе две) и других ориентиров.

Огромной заслугой главы русской делегации Ф.А. Головина в весьма сложных условиях нерчинских переговоров стали разработка и формулирование им на заключительной стадии переговоров положения о неразграниченном пространстве. В процессе дальнейших переговоров стороны согласовали между собой основные рубежи и протяженность этого пространства.

Сохранение по Нерчинскому договору 1689 года на востоке неразграниченного пространства оставляло за каждой стороной юридическое право потребовать дальнейшего окончательного размежевания границ двух стран в этом районе, которое и было реализовано русской стороной в 50-х годах XIX века. Нерчинский договор, несмотря на несовершенство его территориальных статей, установил длительный мирный период в русско-китайских отношениях и способствовал их дальнейшему развитию.

Глава VI. Внешняя политика России во второй половине XVII века

1. Воссоединение Украины с Россией. Поиски союзников

Год 1653-й как будто бы ничем не выделялся из череды других лет. Привычные к бедам Россия и Украина, казалось, притерпелись и приспособились к голоду, мору, нашествию степных кочевников. За их тысячелетнюю историю почти каждый четвертый год был голодным либо какая-нибудь другая напасть не давала людям спокойно жить.

В 1651 году к югу от Москвы и до самой пограничной Белгородской оборонительной черты не хватало хлеба, а в Туле, под Белгородом и Валуйками — и того хуже: пухли и умирали с голоду. Голод и какая-то страшная болезнь обрушились и на Украину. Особенно туго приходилось на Правобережье Днепра, в Корсуни и Прилуках. Сильная засуха и нашествие саранчи довершили беды¹.

Люди видели в этом наказание Божье и с тревогой ожидали, что же будет дальше, готовились к самому страшному. И страшные времена являлись вновь и вновь. На севере год выдался ветреным и бурным. Сильные штормы пронесли по всему побережью океана, а на Белом море под Архангельском потонула ладья новгородского митрополита Никона (22 июля 1652 г. его изберут патриархом) и много дощаников с хлебом и товарами².

В 1653 году от Тулы на юг, на Оскол и Украину, пронесли бури, которые на корню погубили урожай и вызвали падеж скота. На следующий год и того страшнее — под Смоленском вдруг началась сильная засуха, юг, как бы мстя северу за прошлогодние бури, послал из Астрахани черную смерть — чуму³.

Но еще ужаснее были вести, которые несли бежавшие с Украины в Россию люди: надвигается новое польское войско, неся смерть и разорение. Гетман Украины Хмельницкий опять и опять слал в Москву посольства с просьбой принять Украину в царское подданство и помочь в борьбе. В апреле 1653 года в Москву прибыло посольство гетмана во главе с прославленным казаком Кондратом Бурляем и казацким полковником Силуяном Мужилевским — мужами опытными и в делах совета, и в делах войны. Кроме обычной просьбы о подданстве они вручили в Посольском приказе документ чрезвычайной важности: гетман Великого княжества Литовского Януш Радзивилл просил молдавского господаря Василия Лупу

быть посредником и успокоить войну между Речью Посполитой и Украиной. В этом бою, писал Радзивилл, погибель будет либо полякам, либо Украине и только мусульмане «с потехой и пожитком учиняться»⁴. Лупу передал эти документы Богдану Хмельницкому, и вот теперь гетманские посланцы спешно доставили их в Москву.

Откладывать дальше решение вопроса об Украине было невозможно: ей грозила гибель. Разгром Украины нес беду и России: отодвигалась надежда вернуть российский город Смоленск, города Чернигов и Новгород-Северский, утраченные по Деулинскому перемирию 1618 года. Исчезала возможность воссоединения с Россией украинских и белорусских земель. Вместо ослабленной Освободительной войной украинского и белорусского народов (1648–1654 гг.) Речи Посполитой на западных рубежах вновь могло оказаться сильное государство, угрожающее самой Москве.

Напротив, соединение трех славянских народов в едином государстве значительно укрепляло Россию и делало ее заметной политической силой в Восточной и Центральной Европе. Нужно было решаться: либо война с Польшей и воссоединение с Белоруссией и Украиной (под властью гетмана Хмельницкого находилась большая часть белорусских земель) и превращение в достаточно сильную европейскую державу, либо примириться с утратой национальных русских территорий, а возможно, и самого трона и постепенно захиреть где-то на границах Дикого поля под ударами шляхты и восточных кочевников.

Однако все помнили удары, полученные в схватке начала XVII века, помнили разгром под Смоленском в 1634 году. Слава победительницы тогда венчала Польшу, а не Россию. Сияние победных знамен еще скрывало внутреннюю слабость Речи Посполитой, и она еще считалась сильнейшей державой Европы.

Впрочем, другие факты тоже необходимо было учитывать. К 1653 году южная граница России была уже далеко не та, что в начале века. Еще в 1632 и 1634 годах тридцатитысячные орды крымских татар как нож в масло входили в пределы России, опустошали окрестности под Москвой и к северу от столицы⁵. Теперь, с 1653 года, начиная от Ахтырки под Харьковом и до Симбирска на Волге протянулась сплошная крепостная стена с валом и рвом, с гарнизонами в крепостях — Белгородская засечная черта. Весьма весомым фактором стало и независимое Украинское государство, сформировавшееся в ходе Освободительной войны. Оно просило о помощи и подданстве. Такие аргументы в пользу войны звучали тоже вполне весомо.

Предстоящий выбор был необычайно ответственным и не просто менял внешнеполитический курс России, но и определял коренные пути и перспективы исторического развития России и Украины.

Решать вопросы такого масштаба единолично, без «совета всей земли», царь Алексей Михайлович не рисковал. Еще в 1651 году был создан

специальный Земский собор, на котором постановили принять Украину «под высокую государеву руку». Но осторожный, осмотрительный политик откладывал окончательное решение.

Царь Алексей Михайлович был, несомненно, человеком одаренным, по российским масштабам того времени образованным, не чужд понимания красоты, великолепно разбиравшимся в европейских делах, знавшим и внутреннюю ситуацию в стране. Он мечтал обустроить государство так, чтобы каждый чувствовал себя в нем спокойно и уверенно: «Государево царствование и земское дело утвердити и на мере поставити», чтобы «Московского государства всяких чинов людям от большого до меньшого чину суд и расправа была во всяких делах всем ровна, а государево уложение о них впредь было прочно и неподвижно»⁶.

Талантливый политик, он сумел окружить себя сильными и не менее яркими личностями. Сначала это был воспитатель царя боярин Борис Иванович Морозов, потом князь Никита Иванович Одоевский, патриарх Никон, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, наконец, Артамон Сергеевич Матвеев.

Но умение видеть проблему во всем ее многообразии, понимать взаимоисключающие возможности решения ее порой перерастало в нерешительность. «Хуже всего он чувствовал себя тогда, когда видел неизбежность вступить открыто в какое-либо неприятное дело. Малодушно он убегал от ответственных объяснений и спешил заслониться другими людьми»⁷, — писал о нем историк А.Е. Пресняков.

Прежде чем принимать окончательное решение об Украине, царь хотел заручиться поддержкой и согласием всей России. Осенью 1653 года собрался еще один Земский собор. Как и всегда, в Москву прибыли выбранные из всех российских «градов и весей». Это были дворяне, посадские люди (горожане), бояре и духовенство. Каждое из сословий заседало отдельно и принимало свое решение. Вопрос ставился только один: принимать в подданство гетмана Богдана Хмельницкого со всей Украиной и Белоруссией или не принимать.

Заседали долго, опросили людей «всех чинов», но и этого казалось мало, нужно было выяснить истинное мнение страны. Тогда прервали заседание Собора, вышли на Соборную площадь Кремля, заполненную народом, и стали спрашивать прямо здесь, в толпе, мнение этих простых «площадных людей» (прием, который могли бы заимствовать современные политики). Простой народ говорил, что надо спасать православных украинцев и принимать их под «государеву руку»⁸.

Окончательное решение Земский собор принял 1 октября 1653 года. В этот день в России отмечали праздник Покрова Пресвятой Богородицы — один из самых почитаемых народом. По случаю праздника Собор проходил весьма торжественно. Государь явился на заседание Собора

прямо из церкви, с крестным ходом. Приговор Земского Собора гласил: «...против польского короля войну весть», а Богдана Хмельницкого с Войском Запорожским «з городами н селами принять»⁹.

Для торжественного провозглашения соединения Украины и России «под высокой государевой рукой» на Соборе утвердили пышное посольство. Во главе посольства стояли прославленный и в Боярской думе, и в походах боярин Василий Васильевич Бутурлин, окольный Иван Васильевич Алферьев, думный дьяк Ларион Дмитриевич Лопухин. Высокий ранг послов придавал блеск и подчеркивал величие события. Все они были профессионалами и знатоками своего дела. В.В. Бутурлину в скором времени предстояло вместе с Богданом Хмельницким командовать войсками на Украине и получить тяжелую рану от татар в битве при Озерной осенью 1655 года. В следующем году он умер от этой раны. Дьяк Л.Д. Лопухин стал одним из крупнейших русских дипломатов и в 70-х годах защищал интересы России и Украины на переговорах с польскими и крымскими послами.

Посланцев России сопровождала пышная свита: 9 человек в высоком придворном чине стольников, 12 дворян, 3 стряпчих (так в XVII в. называли юристов, знатоков законов), 11 подьячих для ведения переписки и дел посольства, 2 переводчика, 2 собольника для присмотра за соболиными мехами и 1 сторож¹⁰. Кроме того, в состав посольства были включены царский фаворит, голова московских стрельцов Артамон Сергеевич Матвеев и 3 стрелецких сотника. Поездка на Украину стала для А.С. Матвеева началом блистательной дипломатической карьеры. В 1670 году он возглавит Посольский приказ. Именно борьба за Украину составит стержень его внешнеполитической деятельности.

С легкой руки А.Н. Толстого, автора исторического романа «Петр I», у нашего читателя сложился довольно неприглядный образ России XVII века как неразворотливого, сонного царства, которым управляют преющие под меховыми шубами даже жарким летом толстозадые бояре, и умеют эти бояре только спорить, кому ближе сидеть к трону, да пускать под шубу злые ветры, париться по субботам в бане, да ублажать свое огромное чрево жирной и сладкой пищей.

Действительность была отнюдь не такой. XVII век, прозванный самим царем Алексеем «бунташным», был временем энергичных и предприимчивых людей, которые, может быть, слишком тщательно все взвешивали, но, приняв решение, действовали быстро и последовательно. Особенно это было характерно для середины века.

Обстановка не позволяла медлить. Независимое Украинское государство сражалось из последних сил. Еще в июне 1653 года гетман Хмельницкий прислал тревожные письма в Москву с просьбой ускорить решение о принятии Украины, ибо в противном случае он вынужден будет стать

«слугой и холопом» турецкого султана¹¹. (Такой вариант развития событий был вполне реален: в Чигирине уже ожидал решения гетмана турецкий посол.) Медлить было нельзя. Земский собор закончился 1 октября, а уже 9 октября посольство выехало из Москвы. Спешили так, что не стали дожидаться инструкции послам, царской грамоты к гетману и знаков гетманской власти — булавы, парадной ферязи (род кафтана) и горлатной шапки. Все это выслали вдогонку и получили уже на самой границе с Украиной, в Путивле, 18 декабря. И тут оказалось, что «у булавы в гнездах четырех искорки нет»¹². Вероятно, послам пришлось вставлять драгоценные «искорки» из своего кармана, не вручать же с пустыми гнездами! И тем не менее 20 декабря посольство пересекло границу.

Бутурлин спешил так, что в Путивле пришлось даже чуть-чуть подождать. Дело в том, что летом и осенью гетман вместе со своим прежним союзником крымским ханом Ислам-Гиреем нанес поражение польскому войску под Жванцами, и начались переговоры о мире. Чтобы не сорвать наметившуюся передышку, Бутурлин и Хмельницкий решили несколько выждать, и посольству надлежало пересечь границу после того, как польские и особенно крымские войска покинут украинские земли.

Население Украины встречало послов радостно и гостеприимно. 22 декабря подошли к небольшому городку Карабутову. За 10 верст встретили их казаки «со сто человек на конях с знаменем». На другой день местные жители отслужили молебен в церкви Николая Чудотворца. «И в то время были в церкви и многие люди мужского полу и женского; и видя то, молили Бога о государском многолетнем здоровье, великою радостью радовались и плакали на радости, чтоб господь Бог велел им быть под государевою высокою рукою»¹³. Торжественные молебны, салюты, толпы восторженно встречающих людей, священники с церковными хоругвями, крестами, образами превратили путь до Переяславля в почти непрерывное торжественное шествие¹⁴.

Когда 31 декабря посольство подошло к Переяславлю, строй казаков, стоявших в ста саженьях от городских стен, встретил их салютом из ружей. Здесь же были священники со святой водой, с образами и хоругвями «и всенародное множество с женами и детьми, с великой радостью». После того как Бутурлин и все посольство «у крестов и образов знаменовались», переяславский протопоп Григорий произнес приветственную речь: «Господь Бог пришествием вашим усердное желание исполнил православия нашего, еже совокупитися воедино Малой и Великой России под единою великодержавного благочестивого царя восточного крепкою рукою...»¹⁵. Потом был торжественный молебен в Успенском соборе. Гетман прибыл в город позднее из-за слабого льда на Днепре.

В первых числах января 1654 года в Переяславле было многолюдно. Сюда на Раду съезжались выборные казаки от всех полков Украины. Сам

гетман прибыл поздно вечером 6 января и уже утром 7-го был у боярина Бутурлина, где обсуждался порядок завтрашней Рады.

Рада была воистину необычной. Кроме казаков пришли все жители Переяславля и крестьяне из окрестных сел. Это была Рада, отражающая желание всего населения Украины. 8 января в 9 часов утра ударили казацкие барабаны, сзывая народ. Вначале по обычаю стали широким кругом и гетман с полковниками положили булавы на землю перед народом, испрашивая его волю: хотят ли люди видеть их у власти? Рада ответила, что верит гетману, и просила взять булаву обратно.

Тогда Хмельницкий встал посреди круга и, когда все стихло, начал речь. Он говорил о долгой борьбе и страданиях народа, о бедах, грозящих отчизне, о том, что Украине одной в этой борьбе не выстоять. Для того и собрали нынешнюю Раду, чтобы «обрали государя из четырех, которого вы хотите. Первый есть царь турецкий, который многожды через послов своих призывал нас под свою область; второй — хан крымский; третий — король польский, который, буде сами похощем, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великия России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец, восточный, которого мы уже шесть лет безпрестанными молениями себе просим.

Тут кого хотите избирайте. Царь турецкий — есть бусурман: всем вам ведомо, как братия наша, православные христиане, греки беду терпят. ...Крымский хан — тож бусурман, которого мы, по нужди в дружбу принявши, каковы нестерпимые беды приняли есмя, какое пленение! какое нещадное пролитие крови христианския от польских от панов, утеснения — никому вам сказывать ненадобеть, сами вы все ведаете... А православный христианский великий государь царь восточный есть с нами единого благочестия греческого закона, единого исповедания, ... главу имущее Иисуса Христа... шестилетних наших молений безпрестанных не призвавши... своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислати изволил, которого есть ли со усердием возлюбим, кроме его царския высокия руки благодетельнейшего пристанища [разве] не обрящем?! А будет кто с нами не согласует — теперь [может идти] куды хочет, вольная дорога.

К сим словам весь народ возопил: волим под царя восточного, православного, крепкою рукою в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику Христову поганину достати!

Потом полковник переяславский Тетеря, ходячи в кругу, на все стороны спрашивал: вси ли тако соизволяете? Рекли весь народ: вси единодушно. Потом гетман молил: буди тако; да Господь Бог наш сукрепит под его царскою крепкою рукою. А народ по нем вси единогласно возопили: Боже утверди, Боже укрепи, чтоб есми во веки вси едино были!»¹⁶

Так свершилось величайшее событие в истории наших славянских народов-братьев.

События на Украине давно уже привлекали настороженные — то дружеские и доброжелательные, то враждебные — взгляды Европы. В 1634–1738 годах во Франкфурте-на-Майне издавали «Театр Европы». Это было нечто среднее между газетой и журналом, своеобразная хроника. Щекоча нервы немецкому бюргеру или барону, «Театр Европы» с жуткими подробностями описывал «мятежи» на Украине, но воздавал должное «храброму и умному солдату» — Богдану Хмельницкому¹⁷.

Автор вышедшей во Франции в 1661 году истории Освободительной войны Пьер Шевалье писал о Хмельницком, что он «приводит в движение величественный механизм и наводит ужас на то королевство, которое до сей поры не могли поколебать могущественные державы христианского света, ни даже могучая империя турок. Одним словом, Кромвель, который вдруг появился на Руси, не менее честолюбивый, храбрый, не меньший политик, нежели Кромвель в Англии»¹⁸. Пьер Шевалье был наемником-офицером и сам сражался под знаменами короля Яна-Казимира против казаков.

К Хмельницкому писали и пытались завоевать его симпатии вожди английской революции Оливер Кромвель и будущий предводитель Фронды (восстания против абсолютистского режима французского короля Людовика XIV) принц Конде*.

В России и на Украине отлично понимали, что воссоединение не останется незамеченным в Европе, а потому следовало побеспокоиться о благоприятном впечатлении и при возможности заручиться союзниками в будущей войне с Польшей. И Россия, и Хмельницкий мыслили эту войну только как войну коалиционную. Воссоединение Украины с Россией было событием европейского значения.

По решению Земского собора осенью 1653 года — весной 1654 года в Европу отправляются несколько русских посольств, которые должны были сообщить «христианским и бусурманским» государям о «неправдах» польского короля и призвать их к антипольскому союзу²⁰.

Уже одно только перечисление стран, куда были направлены русские посольства, свидетельствует о широте мышления российского государя и дипломатов Посольского приказа: Австрия (Священная Римская империя германской нации), Франция, Швеция, Дания, Нидерланды, Венеция, вассалы Речи Посполитой — Курляндия и Бранденбург; вассалы Османской империи — Крымское ханство, Молдавия и Валахия.

Стержнем политических событий в Европе, вокруг которого накручивался клубок исторических судеб народов и государств, была давняя

---

* С Конде, кстати, Хмельницкий был знаком лично. В 1655 году гетман, встретившись с французским дипломатическим агентом на Украине, с удовольствием вспоминал о днях, проведенных во Франции, и просил передать привет принцу Конде¹⁹.

вражда между Францией и Австрией. Еще в годы, когда первым министром Франции был кардинал Арман де Ришелье (1625–1642 гг.), а затем и при сменившем его кардинале Мазарини Франция вошла в союз с германскими протестантскими князьями и боролась против гегемонии в Европе австрийских и испанских Габсбургов. С этой целью Франция вступает в Тридцатилетнюю войну и в 1638 году захватывает Руссильон, часть Эльзаса и Каталонию. Мазарини имеет целью укрепиться в Лотарингии, захватить у испанских Габсбургов Фландрию и поставить под свой контроль германские княжества по правому берегу Рейна. Ришелье и Мазарини намеревались отобрать у Испании ее владения в Северной Италии²¹.

Поскольку северные и центральные германские княжества Швеция намеревалась взять под свой контроль, поскольку австрийские императоры претендовали на Данию, союзниками Франции на севере Европы были эти королевства.

С востока на владения австрийских Габсбургов давила громадная Османская империя. Турки-османы претендовали на Венгрию да и на саму Вену (они уже осаждали город в 1529 г.). Поэтому католическая Франция поддерживала весьма дружеские отношения и с Османской империей.

Французская дипломатия пыталась поставить под свой контроль и Речь Посполитую. Последняя могла оказывать заметное давление на северные и северо-восточные рубежи Австрийской империи. Второе лицо во Франции после кардинала Мазарини, скуринтендант Фуке, умело используя деньги и искусство обращения с женщинами, «добился, что польский король Ян-Казимир (1648–1668 гг.) назвал своим преемником герцога Энгиенского, племянника французской королевы Анны Австрийской. Фуке достиг своей цели с помощью польской королевы — француженки Марии Элеоноры Гонзаг, оказывавшей большое влияние на своего супруга»²².

Мазарини умер в 1661 году. Фуке оказался за решеткой тюремного замка Пиньероль у подножия Альп в Северной Италии (по обвинению в казнокрадстве), а охранял его знаменитый лейтенант королевских мушкетеров д'Артаньян. Д'Артаньян выполнял свои функции по охране столь пунктуально, что Фуке не получал никаких известий с воли. Вскоре после казни Фуке д'Артаньян возглавил королевских мушкетеров («Самая лучшая должность в королевстве»²³, — заметил враг Фуке, Кольбер). Кольбер после ареста Фуке стал фактически министром финансов и премьер-министром Людовика XIV.

Как и Фуке, Кольбер старался привлечь на свою сторону польских магнатов и тратил громадные суммы на их подкуп.

К сближению с Францией подталкивало Речь Посполитую и то, что имперские бароны претендовали на земли в районе Кракова.

Швеция еще в ходе Тридцатилетней войны захватила не только немецкие земли Рюгена, Висмара и Бремена по берегу Балтийского моря,

но и часть польских земель в Померании. Теперь она намеревалась захватить все побережье Балтийского моря у Польши и Бранденбурга, чтобы поставить под свой контроль торговлю прилегающих стран и подорвать мореплавание на Балтике своих конкурентов — Дании и Нидерландов. Это вело к заметной напряженности в отношениях Швеции с Данией, Нидерландами, Речью Посполитой и Бранденбургом.

С Россией Швеция воевать не собиралась, но готова была способами дипломатии повернуть русскую торговлю из Архангельска на Балтику и поставить ее таким образом под свой контроль²⁴.

Впрочем, остроту споров Швеции и России не следует преувеличивать. После Столбовского мира 1617 года, по которому Россия потеряла устье Невы и Карелию, отношения со Швецией оставались вполне спокойными, а в середине 1650 года заметно даже сближение интересов России и Швеции на основе временного отказа России от балтийских берегов и союза против Польши.

«Что же касается Московского государства, — пишет историк Возгрин, — то степень целенаправленности и стабильности его балтийской, т. е. антишведской, политики весьма проблематична. Прежде всего, фактор постоянной угрозы шведского вторжения действовал здесь несравненно слабее, чем для других прибрежных государств. С одной стороны, судя по всему, шведы не включали завоевание глубинных русских областей в число насущных задач, переходивших от короля к королю. С другой стороны, незаинтересованность московского купечества в переносе торгового пути с московско-архангельского на псковско-новгородское направление, а правящей верхушки и церкви — в установлении широкого культурного, идеологического, экономического обмена с Западом имели свои веские причины»²⁵.

Отношения Швеции и Польши были весьма натянутыми еще и потому, что польский король претендовал на шведский трон. В Швеции и Польше правила одна королевская династия — Вазы. К тому же Ян-Казимир требовал возвращения земель Восточной Прибалтики, захваченных Швецией у Польши в первой трети XVII века.

На своих южных границах Польша тоже была далеко не последовательным союзником Франции.

Османская империя уже с XVI века претендовала на земли Украины. Не один раз дело доходило до сабель. Естественным союзником Речи Посполитой в этой антиосманской борьбе выступала Австрийская империя, враг французской королевской династии Бурбонов.

Основные интересы Речи Посполитой были связаны с борьбой за украинские и белорусские земли.

Какое же место занимали в европейской расстановке сил Украина и Россия? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно иметь в виду основные внешнеполитические задачи, стоявшие перед Россией и Украиной в се-

редине XVII века: 1) воссоединение русских, украинских и белорусских земель; 2) обеспечение безопасности границ со стороны Крымского ханства и Османской империи и освоение южных районов; 3) возвращение выхода в Балтийское море. Решение каждой из этих проблем сталкивало Россию с Речью Посполитой, Османской империей или Швецией. Вот в такой сложной обстановке пришлось действовать российским дипломатам.

Много неприятностей ожидало их и на европейских сухопутных и морских дорогах: шла война между Англией и Нидерландами за преобладание на северных морях, Франция воевала с Испанией из-за фландрских и бельгийских земель.

Во Францию с царской грамотой о воссоединении и о предстоящей войне с Польшей был направлен гонец Константин Мачехнин, который покинул златоглавую Москву 6 декабря 1653 года. Русско-шведскую границу пересекли вблизи крепости Ям, а через несколько дней московское посольство встречали в Нарве. Здесь пришлось задержаться до 20 марта 1654 года в ожидании, когда Финский залив очистится ото льда. К этому времени уже начались военные действия России и Украины против Речи Посполитой. Только 6 апреля Мачехнин на купеческом корабле прибыл в Любек, далее сухим путем добирался до Бремена, где снова вверил свою судьбу морским волнам и, наняв торговую шкуту, направился к Амстердаму²⁶.

Едва только 21 апреля 1654 года небольшое суденышко миновало Эмден в устье реки Эмс и вышло в район шельфа у Западных Фризских островов, как в море послышались раскаты артиллерийской канонады. Встревоженный гонец поспешил к шкиперу Вахтмайстеру выяснить, что происходит. Шкипер охотно пояснил, что это действуют английские каперы: «То де ездят на море аглинские воинские и воровские корабли, похоже, им посчастливилось взять те самые четыре голландских и гамбургских буера, которые вышли из Эмдена перед нами: они слишком неосмотрительно удалились от берега в открытое море»²⁷.

Мелководье не позволяло английским каперам подойти к берегу, и этим решил воспользоваться Вахтмайстер: «А я де вас проведу до Амстердама морскою проливою за помощью божиею здорово, а морем вас не повезу потому, что есть на море иные аглинские воинские и воровские корабли»²⁸. Может быть, сам шкипер изрядно перетрусил, стал хвастать от страха, может быть, захотел успокоить своих пассажиров, так или иначе далее последовало любопытное признание: «А который де корабль воровском взял теперь четыре буерки, ныне де на том корабле шкипер мой брат названной. И я бы де к ним теперво и сам пошел, а для вас не пойду, чтобы государеву делу поруха не учинилась и вас не побили»²⁹. (От такого «утешения» на душе становилось как-то особенно тоскливо.)

Ночью шкута держалась так близко к берегу, что села на мель и оказалась совершенно беспомощной. Только утром удалось продолжить путь.

На следующий день маленький корабль благополучно пришвартовался в нидерландском порту Галин (вероятно, Харлинген), где Мачехнин поспешил рассчитаться с воинственным шкипером, собиравшимся попытаться счастья на «воровских кораблях». Пришлось нанимать другую шкуту. Вечером того же дня отбыли в Амстердам, а оттуда в Гаагу³⁰.

Много пришлось пережить К. Мачехнину, прежде чем он прибыл во Францию. И путешествие по голландским каналам, и произвол испанских военных властей в Антверпене (тогда это было владение Испании), и пожар на корабле... Лишь в середине октября 1654 года голландский военный корабль доставил его во французский порт Руан.

С решением московских дел парижские дипломаты долго не церемонились. Уже 1 ноября 1654 года государственный секретарь Ломени де Бриен дал ответ Мачехнну: «Королевское величество хочет, чтобы царское величество с польским королем были в мирном постановленьи, что у царского величества с польским королем государства смежны»³¹. Государственный секретарь не имел права давать ответ, не согласовав его с королем или, точнее, с кардиналом Джулио Мазарини. Устами и пером Ломени де Бриена отвечал сам кардинал. Франция в это время искала возможности сближения с Речью Посполитой, вовлечения Польши в борьбу против Империи и потому была заинтересована в мире на восточных границах Польско-Литовского государства. Отношения с Москвой пока еще мало интересовали французскую дипломатию.

В начале 1655 года гонец вернулся в Москву. Поездка в Париж заняла почти год, а результаты ее были поистине ничтожны.

Более ощутимых результатов удалось достичь в Нидерландах и Дании. Нидерланды выслали в Россию 20 тыс. мушкетов и 30 тыс. пудов пороха и свинца. В свою очередь, и Россия продавала в Нидерланды значительно большую, чем обычно, партию хлеба, поташа, ревеня и прочих товаров. Английским и шведским купцам пришлось потесниться на русском рынке.

6 июня 1654 года из Москвы в Вену отбыли в ранге посланников дворянин Иван Иванович Баклановский и дьяк Иван Михайлов. Австрия была ближе к России, чем Франция, не только территориально. Посольские связи поддерживались более регулярно, и в Москве знали: воевать с Речью Посполитой она скорее всего не станет. Австрийский император предпочитает видеть в Польше союзника против Османской империи. Глава российского Посольского приказа Алмаз Иванов полагал, что переговоры о союзе с Веной можно вести (вдруг выявятся какие-то новые возможности заключить союз, сблизиться, наконец, выиграть время и т. п.).

В Москве решили не торопиться с Веной и настоящей целью посольства объявить вовсе не поиск союзников в войне с Речью Посполитой, а сообщение о восшествии на престол царя Алексея Михайловича (событие, которое произошло девять лет назад, в 1645 г.!).

Переговоры состоялись 9 октября. Тогда только и выяснились истинные цели послов. Ответ Вены был весьма осторожен, полон многозначительных недомолвок. Царя поздравили с воссоединением Украины и России, но в тексте ответной грамоты император Фердинанд III не включил в титулы Алексея Михайловича Малую Россию, то есть юридически не признал акта воссоединения. Венский двор предложил российскому послу Баклановскому свое посредничество в заключении мира между Россией и Польшей³².

Итак, самые влиятельные европейские державы отказались от союза против Речи Посполитой, заявили о своем нейтралитете и даже рекомендовали заключить мир. Франция и Империя надеялись поглубже втянуть Речь Посполитую в европейский конфликт, а для этого им нужно было обеспечить спокойствие этой державы «от стены восточной», как говорили шляхтичи в XVII веке.

В Нидерландах отношение к России было благожелательным, Дания, Венеция и Бранденбург пока колебались и переговоры о возможном союзе с Россией затягивали, но не прерывали.

Иной характер приняли дипломатические отношения со странами, более тесно втянутыми в орбиту восточноевропейской политики. Широкая дипломатическая деятельность, развернутая российской и украинской дипломатией в Швеции, Молдавии, Валахии, Трансильвании и в Крымском ханстве весной 1654 года, имела все шансы завершиться военным союзом против Речи Посполитой.

Принципы взаимодействия российской и украинской дипломатии приходилось вырабатывать, что называется, «на ходу», параллельно с прочими условиями конфедерации Украины и России. В январе 1654 года посольство В.В. Бутурлина в Переяславле начало их обсуждение, а 21 марта в Москве были ратифицированы соответствующие статьи. По мартовским статьям Украина признавала верховную власть царя, но полностью сохраняла в составе России сложившуюся национальную государственность, республиканскую по форме. Сохранялись общеукраинская Рада как высшая законодательная власть, местные (полковые) Рады, выборность гетмана и других высших и местных властей. Неизменными оставались административное деление, финансовая и налоговая системы, формы земельной собственности. Украина имела свое войско, которым командовал гетман, свой суд, казакам и крестьянам подтверждались все их права и привилегии. России, начинавшей войну против Речи Посполитой, нужен был соратник-украинец, а не поработенная и задавленная Украина.

По мартовским статьям гетману предоставлялась полная свобода вести переговоры и осуществлять самостоятельные дипломатические контакты с любыми странами, информируя российское правительство о ходе переговоров, особенно в том случае, если эти переговоры будут враждебны России³³. И дело здесь не столько в высокой степени доверия к Хмельниц-

кому, сколько в том, что в Москве по достоинству оценили прочные связи гетмана со Швецией, Молдавией, Валахией, Трансильванией, Турцией и Крымским ханством, установившиеся в ходе Освободительной войны.

В планах создания коалиции первостепенную роль играли отношения России и Украины со Швецией. Основой совместных военных действий должно было стать признание Швецией акта воссоединения Украины и России. Уже вскоре решение Земского собора было сообщено шведской королеве Христине, а 16 октября 1653 года московское правительство обратилось с просьбой прислать 20 тыс. шведских мушкетов, славящихся в Европе, по цене, которую платила казна ремесленникам. Мушкеты были предоставлены России³⁴. Они оказали ощутимую помощь в начавшейся вскоре русско-польской войне: общая численность русских войск, действовавших против Польши в 1654 году и охранявших русские южные границы от набегов татар, составляла не менее 63 тыс.³⁵ Следовательно, треть русской армии была вооружена шведскими мушкетами. Внушительность такого рода помощи несомненна, как несомненна и заинтересованность Швеции в успешной войне России против Речи Посполитой.

20 марта 1654 года шведский дипломатический резидент в Москве Яган Деродес был официально уведомлен о включении в титул царя «Малой России». Деродес воспринял это совершенно спокойно, пообещав немедленно уведомить королеву Христину. О том, что отношения не ухудшились, свидетельствует любопытный факт, случившийся буквально на другой день. Уже 21 марта Деродес просил разрешить ему построить новый двор в Москве. Это свидетельствует о том, что встреча 20 марта прошла при полном взаимопонимании сторон. В декабре 1654 года ему разрешили строить «новый свейский двор в Белом Городе меж Тверской и Неглинной на Успенском вражке». На строительство отпустили 300 тыс. штук кирпича, 400 бочек извести и на 5 тыс. рублей камня³⁶. Такая щедрость лишний раз подчеркивает вполне благожелательные отношения со Стокгольмом.

Ответ королевы Христины на грамоту от 13 февраля был наполнен уверениями в дружбе, но царские титулы написали без упоминания Малой России³⁷. Иными словами, пока воздержались признавать законность перехода Украины под власть царя. Но идея союза вызвала в правительственных кругах Швеции весьма живой интерес, особенно у военных. Осторожный ответ королевы был вызван скорее всего тем, что она со дня на день намеревалась навсегда покинуть Швецию. Христине было всего 38 лет, из них 22 года она носила корону. Это была одна из самых утонченных дам Европы, страстно увлекавшаяся искусством, прославившаяся своей образованностью, аристократизмом и несколько философским складом ума и души. Эта весьма экзальтированная и капризная женщина больше всего не любила заниматься государственными делами и политикой. Она буквально не могла найти себе места в скучной протестантской Швеции,

особенно с момента прибытия к ее двору в 1652 году двух иезуитов, «на всякий случай» переодетых в светский наряд. В начале 1655 года Христина отказалась от трона в пользу своего брата Карла X Густава, солдафона и вояки не хуже Карла XII³⁸.

Правда, и русская дипломатия по соображениям престижа не была излишне назойливой с идеей союза, особо не демонстрировала свою заинтересованность. Удобнее всего инициативу в вопросе о союзе против Польши было бы проявить Богдану Хмельницкому, тем паче что гетман уже давно имел контакты с бежавшим в Стокгольм бывшим польским подканцлером Иеронимом Радзиевским*. Радзиевскому удалось склонить шведский риксдаг к идее союза против Польши. В самых общих чертах в письме Христины к гетману предлагался и план военных действий: гетман наносит удар с юга по противнику, а Швеция действует на Лифляндию и Бранденбург силами 80-тысячного корпуса. В ответном письме королеве Хмельницкий просил «немешкая со своими войсками оттуда наступать, а мы уже готовы»³⁹.

Хмельницкий как политический деятель и полководец отличался темпераментом, энергией в выполнении принятых решений: договорились о союзе — значит, нужно начинать военные действия. Осталось только предупредить Москву, чтобы быстрее выступала в поход. Письмо гетмана в Швецию должен был доставить монах Даниил, который добирался туда через Москву. В Москве посланцу надлежало рассказать о целях своей поездки к стокгольмскому двору и передать лист к царю Алексею Михайловичу. Гетман писал, что в Швеции, узнав о воссоединении, «хотят с нами в совете жить», что готовы объявить польскому королю войну и нужно быстрее отпустить Даниила в дальнейший путь, «чтобы рати шведские яко наипрудче поспешались».

Союз со Швецией, по замыслу гетмана, должен был стать основой более широкой коалиции. В том же письме царю он предлагал «не откидать всех тех, кто готов помочи подать»⁴⁰.

---

* И. Радзиевский, из-за личных обид, гонора и семейных дразг предавший родину, — характерный тип польского магната XVII века. В 1652 году Радзиевский женился на юной красавице Эльжбете, дочери магната Богуслава Сушки, и получил в приданое великолепный дворец в Варшаве. К несчастью, Эльжбета приглянулась королю Яну-Казимиру, муж заподозрил ее в измене, и та убежала от рассвирепевшего супруга в монастырь кларисок. После этого 4 февраля 1652 года слуги Сушки выбили Радзиевского из дворца. На следующую ночь Радзиевский собрал свою шляхту и попытался отбить палац. В центре Варшавы разгорелся жестокий бой. Были убитые и раненые, но отбить палац не удалось. Дело передали в суд, Радзиевского объявили вне закона, и он бежал в Швецию. Вместе со шведской армией в 1655 году беглый магнат вернулся в захваченную Варшаву и мстил своим врагам. После заключения в 1660 году польско-шведского мира он был прощен и вернулся на родину. В 1668 году больного, наполовину парализованного старика Ян-Казимир направил послом в Турцию, где тот и умер.

В Москве уже и сами искали союзников, а потому Даниила быстро отпустили в дальнейший путь. В сентябре он был в Швеции и 30 октября вручил новому шведскому королю Карлу X Густаву лист Хмельницкого. Идея Хмельницкого о союзе сил встретила благосклонное внимание и самый доброжелательный отклик и в московском кремле, и в шведском риксдаге.

Но кто же еще эти «все, готовые подать помочь» против Речи Посполитой? Решение Переяславской рады эхом отозвалось иа Дунае, в княжествах Молдавии, Валахии и Трансильвании, которые входили на правах автономий в состав Османской империи. Еще в годы Освободительной войны (1648–1654 гг.) Хмельницкий делал все возможное и невозможное, чтобы втянуть эти княжества в борьбу против Польши. Молдавский господарь Василий Лупу стал союзником гетмана (правда, после того, как Хмельницкий с татарами в августе 1650 г. неожиданно овладел его столицей — Яссами, а сын Хмельницкого Тимофей женился на дочери Лупу Роксанде)⁴¹.

Тогда планы гетмана не увенчались успехом. В 1653 году в сражении у села Финта Василий Лупу потерпел поражение от претендента на господарский престол Георгия Стефана и Речи Посполитой. В июне 1653 года под Сучавами был разгромлен отряд Тимофея Хмельницкого, Тимофей был опасно ранен и умер. Враг Хмельницкого Георгий Стефан в союзе с Речью Посполитой, валашским господарем Матвеем Басарабом и трансильванским князем Дьердем II Ракоци захватил престол Молдавии. Среди народов Дунайских княжеств престиж Речи Посполитой как противника Османской империи (в первой половине века Польша часто воевала против Турции) был пока еще достаточно высок. Надежды на помощь в борьбе за национальную независимость возлагали больше на нее, чем на Россию.

Ситуация резко меняется после Переяславской рады. Речь Посполитая в 1654 году заключила союз с Крымом. Россия и Украина все более втягиваются в антиосманскую борьбу. Теперь Молдавия и Валахия могли искать опору только в России. Пример Украины воодушевлял и давал уверенность в победоносном исходе борьбы⁴².

На пути к союзу с Россией стояли многочисленные преграды, часто вовсе не дипломатического свойства. Хмельницкий тяжело переживал гибель сына, который подавал большие надежды со временем стать популярным предводителем казаков. Перешагнуть кровь и протянуть руку было сложно и для Георгия Стефана. В Яссах, столице Молдавии, постоянно находились отряды турецкого войска и крымских татар. Они висели над головой господаря как дамоклов меч.

Поэтому первые шаги к сближению с Дунайскими княжествами были чрезвычайно осторожны. В начале февраля 1654 года к Г. Стефану и М. Басарабу были направлены царские грамоты, в которых всего лишь предлагали установить постоянные дипломатические контакты. Вопрос о союзе против

Речи Посполитой даже не поднимался, дипломаты Посольского приказа должны были говорить только о нейтралитете Молдавии и Валахии⁴³.

Грамоты должен был доставить в Молдавию и Валахию дворянин Гавриил Федорович Самарин. Но еще до его приезда Георгий Стефан принял более решительные меры. 18 февраля он отправляет в гетманскую столицу Чигирин, а оттуда в Москву своего посланца Иона Григоре (Ивана Григорьева, как называли его на Украине). Молдавский господарь просил принять страну в русское подданство: «Под честную ти царскую десницу»⁴⁴.

18 февраля 1654 года Г. Самарин получает ответ господаря, который свидетельствовал о весьма резких колебаниях Г. Стефана. Господарь уверял, что в душе он хотел бы воевать вместе с Россией и Украиной против Польши, но боится оставить Яссы, так как в опасной близости татарские отряды и в 2–3 дня могут разорить страну⁴⁵, осторожно писал лишь о своей радости по поводу воссоединения России и Украины да о желании наладить через Хмельницкого постоянные дипломатические связи.

Крайне непоследователен был Г. Стефан и в вопросе о подданстве России. На прощальной аудиенции 18 февраля он горячо и красноречиво убеждал царского посланца Г. Самарина в желании перейти в русское подданство, клялся перед иконой Спаса, и на глазах его Самарин видел слезы. Но едва только русское посольство отбыло дальше в Валахию, как Стефан тут же отправил своих гонцов в Варшаву, Бахчисарай и Трансильванию, сообщая о посольстве из Москвы с предложением принести присягу царю⁴⁶. (Между тем инициатива присяги была именно за Георгием Стефаном.) Посланец от господаря в Бахчисарае даже передал хану копию царской грамоты и всячески убеждал Ислам-Гирея не помогать казакам, ибо они присягнули на верность России⁴⁷.

Сношений с Матвеем Басарабом вообще не удалось установить: Гавриила Самарина валахи просто повернули от границы обратно в Яссы, отобрав грамоты к господарю. М. Басараб последовал примеру Г. Стефана и переслал копии царских грамот к хану. То же сделал и Д. Ракоци. Все они соединились с польскими войсками.

Общий итог своей миссии Самарин оценивал скептически: в Валахию его даже не пропустили, клятвы Г. Стефана в верности ненадежны, союз с ним против Речи Посполитой весьма сомнителен, молдавский господарь «в большой дружбе» с Яном-Казимиром, и именно он посадил Стефана на престол⁴⁸.

Русское подданство Молдавии Самарин считал нереальным, этому мешала опасная близость турок и татар: «земля его от войны запустела», турецкие и татарские отряды постоянно находятся в Яссах, и Стефан каждый год посылает в Стамбул большую дань⁴⁹.

Естественно, что колебания Дунайских княжеств между Россией и ее противниками вызвали большую настороженность в Москве и в Чигирине.

В Москве сочли за лучшее полностью передоверить Хмельницкому отношения с Дунайскими княжествами. Направленному в апреле 1654 года в Яссы дьяку Томиле Перфирьеву предписывалось обязательно быть у гетмана в Чигирине, а в Молдавию ехать, лишь если сочтет возможным гетман. Хмельницкий решил прервать переговоры о подданстве и союзе, так как с февраля Польша и Дунайские княжества уже воевали против России и Украины.

Как только выяснилась неудача весеннего наступления польских войск, по инициативе Хмельницкого эти переговоры возобновились. Гетман стремился, как и русское правительство, объединить в борьбе против Речи Посполитой силы Молдавии, Валахии, Трансильвании, Швеции и, если удастся, Турции и Крыма.

2. Тревога в Бахчисарае. Несостоявшийся союз России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века

Воссоединение Украины с Россией изменило отношения с Крымским ханством, ногаями и прочими осколками Золотой Орды, которые все еще приносили массу хлопот русской дипломатии.

В годы Освободительной войны (1648–1654 гг.) интенсивность набегов на Россию резко упала. Отношения оставались довольно спокойными, если не считать постоянных мелких набегов своевольных татарских мурз. Немалая заслуга в этом — Хмельницкого, который сумел отвести от России удары тогдашнего своего союзника хана Ислам-Гирея⁵⁰.

Союзнические отношения Украины с Крымом, сложившиеся в ходе Освободительной войны, породили определенные надежды у русских дипломатов. В Посольском приказе считали вполне возможным заключить с Крымом союз.

Крымское ханство в XVII веке являло собой феодальную структуру, более отсталую, чем феодальные структуры Речи Посполитой, России и Украины. В ханстве процветали кочевое скотоводство, работоторговля и только на южном берегу имелись очаги оседлого земледелия.

Османская империя в XVII веке вступила в полосу кризиса, который выразился в характерной для феодализма децентрализации государства, в усилении самостоятельности окраин, а также в военных поражениях от европейских государств в 1645–1669 годах (Венецианско-турецкая война) и 1683–1699 годах (война Священной лиги).

Крымское ханство в составе Турции всегда пользовалось известной автономией. Султаны своей властью назначали ханов из рода Гиреев, ханство обязательно участвовало в войнах Империи. Вместе с тем хан мог предпринимать самостоятельные внешнеполитические акции, а на заседаниях султанского дивана сыновья хана сидели выше визиря.

В решении внутренних вопросов ханы имели формальную самостоятельность (даже чеканили свою монету), но реально находились под постоянным контролем Стамбула: в главных городах Крыма стояли турецкие гарнизоны. При подозрении в непокорности султану хана отправляли на остров Родос, а в Бахчисарай присылали более покладистого.

Но и такая зависимость от Стамбула раздражала и тяготила крымскую знать. В Крымском ханстве постоянно сохранялось стремление к самостоятельности. В борьбе за независимость ханство эпизодически пыталось найти поддержку у северных соседей.

Безусловно, в истории отношений славянского мира и мусульманского населения Крымского полуострова противоречия в основном решались силой оружия, и прав был С.М. Соловьёв, который призывал историков помнить «о том громадном различии, которое в народном сознании существовало между понятиями “лях-латинец”, “православный русский”, “татарин-бусурман”», но в науке исследовано и большое сходство в образе жизни, в национальном характере наших народов, обитавших в так называемой «контактной зоне» цивилизаций¹.

Для восстановления объективной истины настало время исследовать и то, что соединяет наши народы, конечно же, не вульгаризируя эту идею, не доводя ее до абсурда, до крайности, как это часто мы делали и делаем. Нужна истинная пропорция различия и сходства, «добра и зла» в истории, нужен спокойный, взвешенный и деидеологизированный анализ прошлого.

Украинское казачество, поднимавшееся на борьбу против Речи Посполитой, задолго до Хмельницкого заключало союзы с крымскими татарами, стремившимися избавиться от зависимости султану*.

Ислам-Гирей, который в 1647 году заключил союз с Хмельницким, сам намерен был подчинить Украину и создать независимое государство. Союз этот стоил Украине сотен тысяч угнанных в неволю, но факт остается фактом: 6 лет воины Ислам-Гирея сражались вместе с воинами Хмельницкого.

В 1654 году идея союза с ханом принадлежала, скорее всего, Хмельницкому. На другой день после знаменитой исторической Рады в Переяславле во время разговора с В.В. Бутурлиным Хмельницкий предложил воспользоваться военным союзом между ханом и казаками и закрепить и расширить этот союз. Войско Запорожское (так официально именовалось Украинское государство в XVII в.) должно послать письмо к хану, в котором будет сообщено о присяге русскому царю. В письме необходимо сослаться, как полагал Хмельницкий, на заключенные ранее договоры, по которым «кто ему, гетману, друг, тот и ему, хану, друг, а кто ему, гетману,

* Такой союз был между гетманом Михаилом Дорошенко и ханом Мухаммед-Гиреем III в 1625–1627 годах, во время казацко-крестьянских восстаний.

недруг, тот и ему, хану, недруг». Необходимо, говорил Хмельницкий, предложить хану «стоять по прежнему договору на польского короля с ним, гетманом, заодно».

Хмельницкий считал, что:

- 1) каждая сторона договаривается о союзе с Крымом самостоятельно;
- 2) в случае, если ни России, ни Украине такой союз не удастся заключить, необходимо предпринять походы русских войск, донских и украинских казаков против Крыма⁵².

В Переяславле обсуждать этот вопрос не стали: Хмельницкий торопился в свою столицу — Чигирин. Нужно было концентрировать силы для предстоящей войны: гетман никогда не выступал в поход, не собрав в единый кулак главные силы.

Ни на Украине, ни в Москве не могли с уверенностью сказать, по какому пути начнут развиваться отношения с Крымским ханством. Будет ли это военный союз против Речи Посполитой либо хан предпочтет войну против России и Украины в союзе с польским королем. Нужно было разрабатывать оба варианта.

Идея гетмана использовать прежний союз с ханом и заключить два самостоятельных союзных договора России и Войска Запорожского (Украины) нашла в Москве полную поддержку. Едва только В.В. Бутурлин вернулся в столицу с вестью о Переяславской раде, как в середине февраля состоялось заседание Боярской думы, на котором приняли решение «послать к Ислам-Гирею царю*... Тимофея Хатунского да подьячего Ивана Фомина», которые должны были напомнить о прежних походах татар против поляков и предложить хану заключить союз против Речи Посполитой⁵³.

Союз с ханом предполагал запрещение казацких походов на Крым. Поэтому на мартовских переговорах в Москве представители Украины Самойло Богданов и Павел Тетеря предложили временно запретить донским казакам предпринимать походы. Глава Посольского приказа дьяк Алмаз Иванов отвечал, что уже послано к казакам государево повеление: «Будет крымские люди задору никакова не учинят, и на них не ходить. А будет задор учинят, и в то время государь укажет над ними промысл чинить»⁵⁴.

В общем, перспектива оставалась неясной. Надлежало использовать любую возможность союза с ханством, но готовиться и к другому — к войне. Посольство Хатунского и Фомина должно было выяснить отношение крымских властей к воссоединению Украины и России. Те же цели имел и украинский дипломат Семен Савич, прибывший к хану почти одновременно с московским посольством.

* По давней традиции, идущей еще от Золотой Орды, ханы требовали, чтобы Россия в официальных документах именovala их «царями».

Внешнюю политику ханства отнюдь не следует сводить к примитивному подсчету, кто больше — Россия или Польша — пришлет поминок (ежегодных подарков хану и жалованья его придворным). Это была сформировавшаяся веками политическая концепция, имевшая целью возродить Золотую Орду под эгидой Гиреев. Для достижения этой цели использовали и территориальные претензии, и международно-правовые вопросы, и проблему поминок. Ханство претендовало на украинские, южнорусские и северокавказские земли, на Астрахань и Казань. Ханы считали себя прямыми наследниками Золотой Орды, в вассальной зависимости от них находятся якобы и русский царь, и польский король. Только к середине XVII века они признали за русским царем титул «самодержца», то есть независимого государя. В Крыму упорно пытались представлять ежегодные поминки-подарки от Руси и от Польши как обязательную дань вассалов и говорили о «праве» ханов ходить военными походами на Россию и Речь Посполитую.

Крупнейший востоковед В.Д. Смирнов определял методы Крымского ханства как поддержание «системы политического равновесия». Ханы предпочитали оказывать помощь тому противнику, которого они считали слабее⁵⁵.

После 1654 года в этот сложный коктейль политических амбиций добавился еще один компонент: страх татарской знати перед возросшей силой России и Украины, чьи территории теперь вплотную приблизились к границам ханства. Страх толкал хана в объятия польского короля в надежде на ослабление этой силы. Но тот же страх делал возможным и союз с Россией против Речи Посполитой. Придворная группировка предпочитала союз с Польшей.

На созванном весной 1654 года большом курултае татарской знати противники придворной группировки стояли за союз с Россией: «Пока у нас было побратимство с казаками, — говорили они, — мы наполняли Крым польскими невольниками, а теперь что возьмем? Казаки боролись за свободу, а нам доставался ясырь. Не будет нам такой выгоды, когда будем сражаться за поляков. Поляки люди гордые, ходят в богатых одеждах, в дорогих шубах, в турецких сапогах: не станут они биться для нашей выгоды»⁵⁶.

Захолустный Бахчисарай редко когда мог видеть такое скопление дипломатов и гонцов от соседних владетелей. Две силы вели жаркие дипломатические бои и плели сеть интриг при ханском дворе. Московский дипломат Тимофей Хатунский действовал вместе с послом от Хмельницкого Семеном Савичем. Их противника — посла польского короля Яна Яскульского — поддерживали гонец из Трансильвании капитан Савва Васильев и гонец из Молдавии некий Антон. Они требовали, чтобы хан заключил союз с Яном-Казимиром⁵⁷.

Хан колебался. Визирь Сефергазы-ага сказал Хатунскому, что «на польского короля нынешнего года не пойдут», потому что зимой хан с ним заключил мир⁵⁸. Отказ идти походом «нынешнего году», конечно же, не означал отказа от набегов на Польшу вообще. Крым еще не определил внешнеполитический курс, а потому ответ визиря был неясным. Требование Хатунского не нападать на Украину и Россию Сефергазы-ага вообще обошел молчанием.

Когда на официальных встречах не удалось выяснить отношение в ханстве к вопросу о воссоединении Украины и России, когда оставалось совершенно не ясно, на восток или на запад устремятся легкие кони татар, тогда наступил черед подкупа ханских придворных.

12 апреля 1654 года на посольском дворе русских в Бахчисарае появился дворецкий визиря Суляш-кегья. Ему очень хотелось еще раз посмотреть на того великолепного скакуна, на котором посланник Хатунский ехал на прием к хану. Конечно, он тут же получил этого скакуна «в подарок», а за «подарок» расплатился сведениями, которые так интересовали посланника. Суляш-кегья доверительно предупредил Хатунского, что хан весьма недоволен Переяславской радой, но как он намерен поступать дальше, как хан «впредь хочет быть с гетманом — того он не ведает»⁵⁹.

Во многих отношениях дипломатическая служба в Крыму отставала от служб европейских стран: отсутствовало понятие неприкосновенности личности посла, установление дипломатических контактов расценивалось как признание зависимости от хана, к дипломатам соседних стран относились как к слугам ханских вассалов и т. п., но к получению взяток от дипломатов в Крыму относились так же, как и в Европе. В начале XVIII века прусский посланник в Париже покупал копии секретных документов*.

С Семеном Савичем держались в Крымском ханстве так, словно забыли, что Украина не ханская провинция. Ислам-Гирей кричал на гетманского посланника за то, что решения Переяславской рады были приняты без предварительного совета с ним: «Для чего без ведома хана оставили короля и поддались царю?!» Недоволен был хан и появлением в Киеве русского гарнизона. Особенно беспокоили его слухи о взятии Смоленска русскими войсками.

Чтобы не обострять отношений с ханом, Савич старался принизить значение Переяславской рады, представить ее как вполне заурядный эпизод

---

* Как пишет российский историк Ю.В. Борисов, систематический подкуп монархов и их министров, маршалов и генералов, кардиналов и епископов Людовик XIV считал универсальным средством «завоевывания» союзников. «Я не жалею денег для важных дел и главным образом с целью увеличить число моих друзей и уменьшить число моих врагов», — откровенно говорил Людовик XIV. Бюджет Франции за 1672 год предусматривал следующие выплаты: английскому королю — 3 млн ливров, германским князьям — 2468 тыс. ливров, Швеции — 1200 тыс., швейцарской лиге — 200 тыс., на содержание французских посольств — 400 тыс. ливров⁶⁰.

в ходе борьбы против Речи Посполитой: необходимо было сохранить союз с Крымом. Когда позднее Савич рассказывал в Чигирине о своих дипломатических хитростях, его действия московские представители у гетмана полностью одобрили и наградили дипломата парой отличных соболей⁶¹.

Так же поступал и Хмельницкий. В листе к Ислам-Гирею от 16 апреля он писал, что присяга царю вовсе не противоречит украинско-крымскому союзу и даже принесена якобы по совету самого Ислам-Гирея. Такое же письмо было направлено и к Сефергазы-аге. В ответ визирь потребовал, чтобы гетман вернулся под власть польского короля и вместе с ними пошел походом на Россию. Гетман решительно отказался⁶².

Итак, переписка с гетманом и переговоры с С. Савичем ничего не дали ни той ни другой стороне. Тогда Сефергазы-ага направил сам посольство в Чигорин. Татарский посол Алкас Кегато держался нагло и вызывающе: если Хмельницкий не вернется под власть короля и не пойдет с поляками и татарами против Москвы, то ему придется защищаться и от поляков, и от крымских татар⁶³.

До возвращения Кегато из Чигирина четкого ответа не давали ни Яскульскому, ни Хатунскому. Выбор внешнеполитического курса ханства в значительной мере зависел от позиции гетмана. Между тем Хмельницкий умел, когда нужно, быть твердым и на поставленный в категорической форме вопрос ответил столь же решительно: с Москвой он разрывать не будет, «а как хан на нас с ляхами пойдет, или людей пошлет, — и мы как не с другими будем биться полем и водами, сколько бог помочи и ума подаст»⁶⁴. Гетман еще пытался доказать надменному и нагловатому ханскому придворному необходимость союза против Речи Посполитой, но исход переговоров был ясен.

16 июня 1654 года, после того как в Бахчисарай вернулся Алкас Кегито, а Яскульский согласился на ежегодную выплату хану 40 тыс. золотых, российским посланникам решительно заявили, что татары не будут воевать против Речи Посполитой. Это означало только одно: нужно ждать появления воинов хана в пределах России и Украины, хотя прямо о нападении ничего сказано не было.

На 22 июня был назначен отпуск из Крыма российского посольства. К этому времени за Перекопом у Волчьих вод было сосредоточено более 40 тыс. всадников, готовых к походу либо на Россию, либо на Украину⁶⁵.

3. Начало русско-польской войны. От Смоленска до Каунаса и от Дрижиполя до Львова

Одновременно с дипломатическими акциями велась подготовка и к военным действиям, что, как уже говорилось, было характерной чертой века. По замыслу командования русской армии, основной удар

наносился по Речи Посполитой в направлении на Смоленск, Белоруссию и Литву. Вспомогательные удары предпринимались на Украине и на севере, из Великих Лук. На основном направлении действовало 40 тыс., на севере — 15 тыс., на Украину был направлен 4-тысячный отряд окольного Андрея Васильевича Бутурлина. Отряд этот был взят из 7-тысячного корпуса Василия Борисовича Шереметева, расположенного на Белгородской засечной черте. Кроме того, в Киеве находился русский гарнизон в 2500 человек⁶⁶.

Установить точно численность украинского войска источники не позволяют, но несомненно, она превосходила цифру в 60 тыс. казачьего реестра, предусмотренную мартовскими статьями 1654 года.

Речь Посполитая, как и прежде, намеревалась основной удар нанести на Украину. Еще с осени 1653 года началось сосредоточение сил в Карпатском Подгорье, на Волыни и к северу от Киева. Военные действия начались в феврале 1654 года. Уже 6 марта у города Стародуба были остановлены отряды неприятеля, наступавшие на Киев.

Польский коронный гетман Станислав Потоцкий наступал с запада на Немиров, Брацлав, Умань. Неожиданным ударом ему удалось овладеть Немировом и некоторыми местечками вокруг. Но Брацлав взять не удалось, а под стенами Умани в первых числах апреля Потоцкий потерпел поражение от Ивана Богуня.

Главной целью военных действий в 1654 году было взятие Смоленска. 26 июня передовой полк русских войск под командой Никиты Ивановича Одоевского подошел к Смоленску и «стал на реке Днепре, укрепясь обозом, и сделали для поспешения мост обычной из хворостного лесу»⁶⁷, то есть попросту разметали ближние избы. Царская ставка расположилась в двух верстах от крепости. Гарнизону предложили сдаться, но наемники-солдаты и шляхта предпочли драться.

Тогда 30 июня на Покровскую гору был направлен князь Иван Иванович Дашков с двумя стрелецкими полками и тремя сотнями дворянской конницы, чтобы построить там земляную крепость и расположить артиллерию. Начался обстрел города. Шляхта держалась стойко и мужественно. Гарнизон Смоленска, по разным данным, насчитывал 1200–2250 человек, а вместе с жителями города — более 7000. Все крепостные ворота были завалены камнем. Для вылазок оставили только ворота на берегу Днепра. Осажденным не хватало артиллерии. Боевые места на валах заняли наемники, отряды мещан оставались в резерве, в городе.

Пока тылам русской армии угрожали с юго-запада отряды группировки под командой Януша Радзивилла, штурмовать город было невозможно. Лишь когда Радзивилл был разбит под Оршей, затем под Шкловом, тогда предприняли попытку штурма. В ночь на 15 августа русские отряды взойшли на стену и овладели Лучинской башней. Тогда осажденные подкатили под

башню бочку с порохом и взорвали ее. Башня рухнула. Только ранеными во время приступа русские потеряли более 1000 человек.

Но и гарнизон был обескровлен. 2 сентября командир наемников полковник Корф и смоленский воевода Обухович начали переговоры о сдаче города. Было решено, что все те, кто не хочет оставаться, могут покинуть Смоленск, оставшимся же российский царь гарантирует жизнь и сохранность имущества.

23 сентября царь со всеми своими 32 полками подошел к городским стенам и стал у Молоховских ворот. Смоленский воевода Обухович и полковник Корф с гарнизоном вышли из города и сложили к ногам царя свое оружие, знамена, после чего ушли в Литву.

Русским воеводой в Смоленске был назначен Григорий Гаврилович Пушкин, еще недавно побывавший в Варшаве во главе посольства, которое тщетно пыталось склонить Речь Посполитую к признанию социальных и религиозных прав казачества и православного духовенства.

Татарские отряды в 1654 году в военных действиях не участвовали. В конце мая неожиданно заболел и умер Ислам-Гирей*. Смерть хана, как всегда, вызвала борьбу за власть среди знати, и потому крымцам стало нелегко до набегов. В октябре 1654 года в Бахчисарай прибыл новый хан — Мухаммед-Гирей IV.

Ко всему прочему, на Крым неожиданно напали донские казаки. В ночь с 16 на 17 июня в Бахчисарае поднялась паника. Затесавшись в толпе, переводчики русского посольства Абдул Байцын и Иван Собакин узнали: из Кафы пришло письмо начальника турецкого гарнизона Мустафы-паши о том, что в море появились 38 казацких стругов и в любой момент можно ожидать нападения⁶⁸.

18 июня на подходах к Кафе казаки заметили 6 кораблей с хлебом и прочими товарами, следовавших из Стамбула. Два корабля с хлебом взяли на абордаж. Через два дня, после ожесточенного боя, они овладели посадом Кафы, освободили много невольников и подожгли город. После чего отошли с боем, потеряв при отходе троих.

Слухи о казацком набеге всколыхнули все побережье Черного моря. Паника докатилась до Константинополя. Уверяли, что казаки будто бы захватили не только Кафу, но и болгарскую Варну, их якобы видели в 4 милях от Стамбула. В действительности же казаки всего лишь блокировали побережье Крыма и Тамани до середины августа, а затем казацкие струги, забрав 120 освобожденных невольников, вошли в устье Дона⁶⁹.

Осенью 1654 года военные действия возобновились с новой силой. На этот раз Крымское ханство выступило в союзе с Речью Посполитой.

* Все тело его вдруг покрылось фурункулами, которые варварски лечили выдавливанием. Ходили слухи, что его отравила во время праздника обрезания младших сыновей хана какая-то украинская полонянка.

Собственно, польских сил по спискам насчитывалось около 20 тыс., из них «рыцарского, боевого войска» было около 4 тыс., все остальное, докладывали Хмельницкому его разведчики, «решта люди плохи, не бойцы»⁷⁰.

Из пограничных земель правобережных казацких полков приходили тревожные вести о непрерывных нападениях татарских отрядов. Бои с ними шли по всей южной границе от Днепра до Днестра. Хмельницкий и А.В. Бутурлин посчитали ее самой опасной, потому укрепили основными силами, а на западе против Потоцкого оставили только легкий заслон.

Хмельницкий расположил свои полки на самых уязвимых участках: переправах через реки, степных «шляхах», по которым чаще всего ходили татары. Такое рассредоточение сил было чрезвычайно опасным, поэтому Хмельницкий экстренно связался с В.Б. Шереметевым в Белгороде, дабы тот придвинул свои силы к границе на случай крупного вторжения крымцев⁷¹.

Между тем военные действия не заставили себя ждать. В середине ноября польские части выступили в поход и в районе Шаргорода на Днестре соединились с небольшим отрядом белгородских татар. Основные силы Крымского ханства ожидались после того, как замерзнут реки. Один из польских шляхтичей, входивший в свиту С. Потоцкого, писал об этой «помощи» в частном письме: «Татар было плюс-минус 150 особ, коней 300. Взяли те, что пришли 100 червонных, кроме атласов в штуках, от его милости пана гетмана. Однако мурзы тем не удовольствовались и так говорили, что те упоминки слугам нашим, а нам, мурзам, нужны собольи ферязи, кони с уборами. А мурз, курввих сынов, два с теми татарами пришло, один в вывороченном кожухе, а другой в мусульбасе, подшитом баранами, а хотят соболей. Что же будет, когда сама старшина придет, которую ожидаем в эту неделю?»⁷²

Перед русской и украинской армией встала задача в приграничных боях выиграть время, нужное для концентрации главных сил, и продержаться до подхода корпуса В.Б. Шереметева с Белгородской черты. Самоотверженная оборона Буши, Брацлава, Умани и действия многочисленных казацких отрядов в ноябре — декабре 1654 года выполнили эту задачу.

Войска Речи Посполитой и Крымского ханства соединились под Брацлавом 1 января 1655 года. Корпус В.Б. Шереметева соединился с Хмельницким 13 января под Белой Церковью. Тотчас же объединенное войско поспешило на юг, к Умани, куда рвались и отряды неприятеля.

Первыми 15 января 1655 года у стен Умани оказались польские и татарские отряды. Умань защищали казаки Уманского, Брацлавского, Корсуньского, Калницкого полков под командой Ивана Богуна и отряд сербов под командой Ференца Сербина. Кроме того, в крепости были 6 рот русских драгун под командой майора Х. Графта и капитана В.П. Колупаева.

О соединении сил Хмельницкого и Шереметева С. Потоцкий ничего не знал. Он был абсолютно уверен, что гетман еще долго будет ожидать

русских где-то на берегах Днепра. 16 января Потоцкий отправил конный разведывательный отряд к Киеву, но уже вечером того же дня разведчики вернулись с сообщением, что они натолкнулись на главные силы приближавшегося противника.

Потоцкий спешно покинул Умань и устремился на север, для боя с гетманом. Сражение происходило с 19 по 22 января между городами Ставищи и Ахматов. Это было одно из крупнейших сражений в ходе Освободительной войны 1648–1654 годов и русско-польской войны 1654–1667 годов. Русские войска насчитывали до 16 тыс. человек, примерно столько же было и у Хмельницкого.

Сражение шло с переменным успехом. Вначале войско Хмельницкого и Шереметева было вынуждено укрыться за кольцом соединенных боевых воез и обороняться. У осажденных кончились запасы хвороста и дров, стоял сильный для Украины мороз, и окоченевшие воины с тех пор называли место, где шла битва, Дрижиполе — полем дрожи от холода. Полякам даже удалось было прорвать кольцо воез, но украинцы и русские смогли отбить противника, перешли в наступление и прижали шляхетские отряды к укреплениям города Ахматова, где засел Полтавский полк Мартына Пушкаря.

Татары, хотя и блокировали казацко-русский лагерь, непосредственно в битве не участвовали. Потоцкий, Лянцкоронский и командовавший авангардом Стефан Чарнецкий непрерывно слали гонцов к возглавлявшему татарские отряды 16-летнему сыну умершего Ислам-Гирея — Менгли-Гирею. Впрочем, командовал 30-тысячным войском приставленный к юному Менгли-Гирею опытный Каммамбет-мурза. Польские военачальники требовали немедленно штурмовать казацкий лагерь, но татары, верные своей тактике избегать открытых больших сражений с русскими и украинцами, уклонялись от битвы. Они предпочитали действовать неожиданными стремительными набегами и к вечеру 21 января распустили отряды широко вокруг места боя.

Особенно негодовал на бездействие татар вспыльчивый и храбрый Чарнецкий: «Если бы татары нам хотя бы своим алаканьем помогли, несомненно бы мы Украину успокоили вечным покоем. Я неоднократно посылал к татарам гонцов, затягивая их к прислуге и помощи, пусть бы только гуком и криком работали»⁷³, — писал позднее Стефан Чарнецкий к канцлеру Корецкынскому.

Под стенами Ахматова развернулся заключительный акт драмы. Польский историк Кохово Коховский, принимавший участие в битве и раненый в плечо, писал: «...печальный вид еще представлялся очам: пешаки и челядь, утратив дух от необычного мороза (зима морозила и тех и других! — *Авт.*), одни еще брели тяжелым шагом с обмороженными ногами, засыпанные снегом, другие лежали промеж войска, то здесь, то там. От лютой погоды

войско наше потерпело больше, чем от неприятеля»⁷⁴. (Оставим последнее утверждение на совести Коховского.) Польское войско утратило бое-способность, стратегическая инициатива перешла в руки Хмельницкого и Шереметева. Не помогло и то, что 20 февраля 1655 года к Потоцкому подошли новые силы — 120–150 тыс. татар под командой калги* Кази-Гирея.

После поражения под Ахматовом С. Потоцкий покинул армию, сославшись на срочное свидание с королем. Во главе разваливающегося воинства он оставил Тышкевича и Чарнецкого. К неудовольствию Тышкевича, помощь татар явно запоздала: «Дал нам Бог гостей постоянных. От одних избавились, воюя с ними целую зиму, а когда пришло время отдыхать от работы на станах — пришел калга-султан со своими ордами и захотел наново войну начинать в самую распутицу и злую пору»⁷⁵, — писал он литовскому гетману Янушу Радзивиллу. Крупных военных действий татары не вели. Расположившись на контролируемой поляками территории, они занялись грабежом и захватом в полон населения. Уже к концу марта все села и городки вокруг Брацлава были разграблены, лишь немногим, например Рашкову, удалось отбиться. Татары ушли в Крым, уведя с собой около 50 тыс. полонян, то есть десятую часть населения Брацлавского полка⁷⁶. (Украинский казацкий полк являлся одновременно военной, территориальной и административной единицей. Казаки каждого полка жили на определенной территории, по которой и называли полк — Брацлавский, Чигиринский, Полтавский, Уманьский и пр.)

Тем временем польское войско гибло под ударами партизанских отрядов казаков и крестьян, отрядов русских и украинских войск, высылаемых из лагеря под Ставищами. Разгром, начатый на Дрижиполе, завершали эти отряды. Предпринятая осенью и зимой 1654/55 года попытка широкого контраступления на Украину провалилась.

Основные силы украинских и русских войск отдыхали, пополнялись, готовились к новым боям. Корпус Шереметева, сильно ослабленный в дрижипольской битве, был заменен корпусом Василия Васильевича Бутурлина, который действовал зимой и весной на юге Белоруссии. Усиливая армию на Украине, российское правительство пошло на некоторое ослабление сил на главном направлении удара в Белоруссии.

1 июля 1655 года полки Хмельницкого и В.В. Бутурлина перешли в наступление. Чтобы обезопасить тыл, нужно было блокировать в Крыму силы хана. 6 июля 1655 г. 34 казацких струга (2300 донских и 700 запорожских казаков) вошли в Керченский пролив «и на крымских селах имали языков, крымских мужиков»⁷⁷. Только в конце августа, когда близилось время осенних штормов и казаки ушли с моря, основные силы крымских татар численностью до 100 тыс. человек под командой самого хана вышли

* Наследник ханского престола.

за пределы полуострова⁷⁸. В середине сентября, когда казаки вернулись на Дон, хан рискнул войти в пределы Украины.

К тому времени Хмельницкий и В.В. Бутурлин уже овладели Брацлавщиной, Подолией и Волынью, а в середине сентября 1655 года осадили Львов.

Успешно развивались военные действия и в Белоруссии. После овладения Смоленском русские полки взяли Полоцк, Витебск, Могилёв, Гродно, Вильно и Ковно (Каунас), подошли к Бресту.

8 июля 1655 года Швеция начинает войну против Речи Посполитой, и 29 августа Карл X входит в Варшаву, а в сентябре овладевает Краковом. Власть Яна-Казимира признавали лишь Львов, Торунь, Брест и Ченстохов. Сам польский король бежал из страны и укрывался в Силезии. Магнаты в письмах друг другу писали, что единственное спасение Речи Посполитой — в татарской помощи.

Стотысячная орда Мухаммед-Гирея во второй половине сентября ворвалась на Украину и отрезала осаждавшие Львов полки от тыловых баз. В этих условиях Хмельницкий и В.В. Бутурлин вынуждены были прекратить осаду Львова и, взяв с города контрибуцию, 31 октября 1655 года повернули против Мухаммед-Гирея. Сражение с крымским ханом произошло с 9 по 12 ноября у местечка Озерное и закончилось победой Хмельницкого и Бутурлина. Хан потерял около 10 тыс. воинов, вынужден был уйти с Украины, подписав с Хмельницким договор о мире.

4. Конец идеи союза со Швецией. Смерть Богдана Хмельницкого

Боевые успехи русской и украинской армий вызвали в Швеции заметные опасения: ее восточный сосед оказался в нежелательной близости к Балтийскому морю. Но это не мешало Швеции продолжать попытки заключить союз с Россией. Швеция готова была признать за Россией право на Украину, Белоруссию и восточную часть Литвы⁷⁹.

В Москве военные успехи породили иллюзию полного разгрома Речи Посполитой, а морской ветер с близкой Балтики явно кружил голову некоторым придворным. Но для войны против Швеции нужен был мир с Речью Посполитой, нужно было резко менять политический курс.

Как всегда в пору крутых перемен, мнения в придворных кругах разделились. Одни стояли за активность на балтийском направлении, другие считали нужным завершить борьбу за Украину и Белоруссию в союзе со Швецией.

В то время среди русских придворных и вельмож не было в обычае писать дневники и мемуары, да и письма друг к другу были довольно редким явлением, а потому историку весьма трудно представить размежевание политических сил, симпатий и антипатий.

Бесспорно, что Богдан Хмельницкий отстаивал прежнюю линию борьбы против Речи Посполитой. Он вел переписку и просил помощи у В.В. Бутурлина (тогда киевского воеводы), у патриарха Никона, у боярина Н.И. Одоевского и у князя Г.Г. Ромодановского. Можно предположить, что эти вельможи были на стороне Хмельницкого.

К Балтике рвались скорее всего люди из «новых»: Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и его окружение, и к их голосу все внимательнее прислушивался царь Алексей Михайлович.

Для войны со Швецией нужны были союзники. Российские дипломаты могли рассчитывать на австрийских Габсбургов, которые еще с октября 1655 года посредничали в польско-русских спорах и прямо предлагали России и Польше заключить военный союз против Швеции. Естественными противниками Швеции на Балтийском море выступали Дания и Нидерланды, особенно острыми были противоречия между Данией и Швецией. В Копенгаген направили в чине посланника князя Даниила Ефимовича Мышецкого. Его задачей было втянуть Данию в войну против Карла X Густава. Попутно Мышецкому предстояло говорить в Кёнигсберге с курфюрстом Бранденбурга, посетить в Миттаве герцога Курляндского и «склонять» их к миру с Речью Посполитой и к вступлению в антишведский союз.

Как это часто бывало в России, все делалось в совершенно невероятной спешке, наскоро, в последний момент. Грамота царя к датскому королю Фридрику III была послана с Д.Е. Мышецким 13 марта 1656 года (впервые в истории российской дипломатии царь лично подписал эту грамоту). Война Швеции была объявлена 17 мая 1656 года. Учитывая скорости передвижения посольств в то время, можно с уверенностью утверждать, что войну со Швецией начали, даже не получив ответа на предложение о союзе. Таким образом, в борьбу против одной из самых сильных европейских держав Россия вступала одна, без союзников.

Между тем Дания колебалась. Дипломаты Людовика XIV «дерзали» подкупать не только датских министров, но даже и самого короля, только бы удержать его от войны и не осложнить положение Швеции⁸⁰, дабы Карл X мог противостоять Габсбургам в имперских землях.

Войну Дания объявила 1 июля 1657 года, когда Россия уже вынуждена была сворачивать военные действия.

Только в июне 1656 года, после объявления войны, начались переговоры России о союзе с Бранденбургом. Союз заключить не удалось, был подписан договор всего лишь о взаимном нейтралитете.

Переговоры о мире и союзе с Речью Посполитой закончились осенью 1656 года. Таким образом, Россия резко изменила курс внешней политики и начала войну против Швеции, не заключив антишведского союза и развалив уже фактически действующий антипольский союз.

Уже начало мирных переговоров с Польшей свидетельствовало о полной несовместимости позиций: глава русской делегации князь Никита Иванович Одоевский требовал всю Украину, всю Белоруссию и Литву. Возглавивший делегацию Речи Посполитой воевода Ян Красиньский настаивал на возвращении всех утраченных земель, в том числе и Смоленска. Переговорам грозил срыв. Тогда русские представители предложили другой вариант решения проблемы (время от времени выдвигавшийся еще со времен Ивана IV, но так и не реализованный) — избрать царя наследником бездетного Яна-Казимира, соединить оба государства династической унией.

Уже начало переговоров вызвало тревогу на Украине. Тревога усилилась, когда заговорили об унии государств. На Украине опасались, что, если Алексей Михайлович станет польским королем, он вынужден будет вернуть Украину под власть польских магнатов. Эти (совершенно необоснованные) слухи распространял сам Ян Красиньский.

Гетман Хмельницкий поставил своей целью не только доказать невозможность заключения мира, но и сорвать мирные переговоры. Еще до начала их он писал царю, что Ян-Казимир по всем европейским дворам ищет помощи против России, что римский папа советует ему помириться с царем, а потом, изгнав шведов, «всеми силами хотят о нас и о вере нашей православной промышлять»⁸¹.

К тревогам Хмельницкого в Москве отнеслись с пониманием, заверили, что Украина останется в составе России, предложили послать своих представителей в Вильно и сформулировать условия мирного договора. Хмельницкий предложил добиваться передачи всех украинских земель под власть гетмана, включая «владения давних князей русских», которые простирались до Вислы и до Венгрии. В крайнем случае, он предлагал провести границу по Южному Бугу⁸².

Эти требования целиком и полностью поддержал Н.И. Одоевский, и, когда из-за противодействия польских дипломатов не удалось привлечь к переговорам посланцев гетмана, Одоевский настаивал на условиях мира, выдвинутых гетманом Хмельницким. Только после того, как 29 августа последовало специальное распоряжение царя прекратить переговоры об избрании его на польский престол и о мире, а говорить лишь об антишведском союзе, вопрос об Украине был снят.

24 октября 1656 года подписали перемирие, по условиям которого обе страны вели войну против Швеции, но каждая на свой страх и риск⁸³. Вряд ли заключенное в Вильно перемирие с Польшей можно считать успехом российской дипломатии. Скорее это было дипломатическое поражение России: Речь Посполитая отсрочила решение украинского вопроса и значительная часть шведских войск была выведена из Польши для войны против России. Россия фактически оказалась в международной изоляции.

И все же идея коалиционной войны против Речи Посполитой не была отброшена окончательно. Она оставалась как бы «запасным вариантом» внешнеполитического курса. Разрабатывал этот вариант с ведома российского правительства гетман Богдан Хмельницкий. У России оставалась возможность выйти из изоляции, используя продолжавшиеся переговоры гетмана со Швецией. Что же касается Молдавии, Валахии и Трансильвании, то с ними еще в июле–августе 1655 года Хмельницкий заключил соглашение о союзе против Речи Посполитой и о ненападении друг на друга⁸⁴.

В 1656 году в Москву прибывают с просьбой о подданстве посольства из Молдавии и Валахии, и 29 июня последовало решение правительства о принятии в подданство Молдавии⁸⁵. В Москве через Мельницкого знали о сближении Дунайских княжеств со Швецией и о коалиции против Польши в составе Швеции, Украины, Дунайских княжеств. Таким образом, сближение России с Дунайскими княжествами и выход России из международной изоляции мог произойти только при условии отказа от нового внешнеполитического курса и возвращения к прежней политике: к борьбе против Речи Посполитой и сближению со Швецией.

Начавшаяся война со Швецией тревожила Хмельницкого: «Слышали мы: ратные люди его царского величества уже и со шведами задор учинили. Бог знает, как оно все дальше пойдет». Гетман прямо пишет А.В. Бутурлину, что Украина будет искать союза со Швецией. «Мы, полагая несподручным в такой обстановке раздраживать себя на своих соседей, хотим иметь себе приятелей, нежели неприятелей...»⁸⁶.

Приятели мыслились старому гетману и Трансильвании, Молдавия, Валахия. 7 сентября 1656 года он заключил союзный договор с трансильванским князем Дьердем Ракоци. С текстом договора был ознакомлен киевский воевода А.В. Бутурлин⁸⁷.

Хмельницкий усиленно подталкивал к идее сближения с Трансильванией и Россию, и Молдавию. Он писал Г. Стефану, что нужно поддерживать дружеские отношения и с ними⁸⁸. Старания гетмана не пропали втуне: при царском дворе весьма благожелательно встретили посланца Трансильвании Джоржа Раца и направили ответное посольство Григория Васильевича Волкова с извещением, что государь «принимает Ракоци в свою приязнь», и с рекомендациями поддерживать с Хмельницким самые дружеские отношения⁸⁹. В январе 1657 года Ракоци уже воевал вместе с Молдавией и Валахией на стороне Швеции, а вскоре к нему присоединился и 15-тысячный отряд казаков под командой киевского полковника Антона Ждановича. О складывающемся антипольском союзе в Москве знали со слов самого Хмельницкого, но никаких претензий не высказывали, напротив, посланному в Чигирин Аврааму Лопухину предписывалось «жаловать и похвалять» гетмана за союз с Ракоци и валахским господарем Шербаном.

Отношения Хмельницкого со Швецией были направлены к прежней цели — к антипольскому союзу. Несмотря на войну, правительство Швеции не оставляло надежды на сближение с Россией и поворот ее против Речи Посполитой. 30 июня 1656 года. Карл X писал Хмельницкому о максимально возможном расширении антипольского союза, а также и о том, «каким образом князь Московский и хан татарский могли быть привлечены к решению общих задач»⁹⁰.

Через две недели, 15 июля, Карл X еще раз подчеркнул в письме к гетману: «...Мы хотели совершенно открыто, с ведома даже великого князя Московского, войти в переписку с вашей светлостью и иными особами запорожского народа не для того, чтобы оттянуть народ ваш от соединения с Москвою, но чтобы воодушевить против общего врага — короля и Речи Посполитой Польской, объединив наши планы и оружие»⁹¹.

Вместе с тем начало Русско-шведской войны не могло не сказаться на настроениях придворных и короля. В речи, произнесенной на заседании шведского риксдага 17 июля 1656 года, Карл сетовал на Москву и говорил, что было бы вообще неплохо «разъединить казаков с москвитами»⁹².

Когда войска Хмельницкого и В.В. Бутурлина были на марше к Львову, в лагерь к Карлу X под польским городом Закрочимом прибыл посол от гетмана, все тот же монах Даниил, и договорился о продолжении переговоров. Осенью 1656 года в Чигирине появились королевские послы Якоб Герншельд и Готард Велинг. Инструкция предписывала им поссорить казаков с Москвой, разъяснить, что войну начал русский царь. Но делать это следовало чрезвычайно осторожно: если гетман откажется разрывать с Россией — не протестовать и предлагать лишь совместные военные действия казаков и шведов против Речи Посполитой⁹³. Хмельницкий категорически отказался пересматривать решения Переяславской рады, и сменивший Велинга в январе 1657 года Лилиенкрона уже не поднимал этого вопроса.

Послы Украины в Крыму в 1656–1657 годах развернули активную дипломатическую деятельность. Гетман ставил вопрос о союзе против Речи Посполитой, о ненападении татарских отрядов на союзников гетмана — Молдавию и Валахию. Переговоры закончились неудачей⁹⁴.

Что касается Турции, то прямых контактов у России с ней не было, и там действовали только дипломаты Хмельницкого. В 1657 году послом туда был направлен сотник Чигиринского полка, один из лучших дипломатов Хмельницкого Лаврин Капуста. Положение его в Константинополе было довольно сложным. Под влиянием успехов Венеции в войне против Османской империи в городе готовилось восстание православного населения. Султанский диван спровоцировал кровавую резню православных⁹⁵.

Переговоры Молдавии, Валахии, Трансильвании с Россией тоже осложняли действия Лаврина Капусты. Силистрийский паша Сияуш уже

готовил переправы через Дунай, а Мухаммед-Гирею были посланы указы о набегах на Дунайские княжества⁹⁶.

Недоверие к Лаврину Капусте усиленно раздувал прибывший в Турцию польский посол Ян Яскульский. Яскульский старался внушить, что союз казаков с Молдавией, Валахией, Трансильванией и Швецией и особенно подданство казаков России резко увеличили опасность для Турции. Этот новый союз может погубить Речь Посполитую, и тогда под властью московского царя будут соединены силы России, Украины, Польши, Литвы, Молдавии, Валахии, Трансильвании. Для Турции было бы весьма опасным иметь, как полагали в Стамбуле, у северных границ столь могущественного соседа, православного монарха⁹⁷.

Хмельницкий не хотел привлекать внимание Османской империи к воссоединению России и Украины. С ведома Москвы он даже продолжал именовать себя рабом и холопом турецкого султана, только бы султан запретил татарам нападать на Украину. И этой цели Лаврин Капуста достиг. Султан запретил хану нападать на Украину при условии, что украинские казаки не будут нападать на Крым⁹⁸.

Поворот России к сближению с Польшей повлиял и на отношения Хмельницкого с Речью Посполитой. На всякий случай в октябре 1655 года и в июле 1656 года гетман принимает польских послов. Послы пытались склонить Хмельницкого к разрыву с Россией и возвращению под дедичную власть короля. Разрывать с Россией гетман категорически отказался и сам потребовал: «Пусть знает Польша, что мы не войдем с нею в дружеские договоры, пока она не откажется от целой Руси»⁹⁹.

С осени 1655 года Россия начала энергично готовиться к войне со Швецией. На Западной Двине и под Смоленском концентрировались войска для нападения на Ригу, армия А.Н. Трубецкого должна была, опираясь на Новгород и Псков, действовать в направлении Дерпта, а незначительные силы под командой Петра Ивановича Потемкина и Петра Пушкина — в Карелии и Ижорской земле в направлении устья Невы и острова Котлин. С главными силами на Ригу двинулся сам Алексей Михайлович. Командовал ими Яков Куденетович Черкасский. Взяв штурмом Динабург, Кокнес, 21 августа 1656 года полки Черкасского подошли к Риге и приступили к осаде города. Внешними земляными валами овладели в первые же дни осады, но каменная крепость, построенная еще крестоносцами, держалась.

Среди осажденных начались разногласия. Мещане были не прочь сдаться русским, но гарнизон отказывался сдать город. (В 1655 г. до начала польско-шведской войны Рига принадлежала Речи Посполитой. Когда 8 июня Швеция объявила войну, гарнизон Риги поспешил сложить оружие и нанялся на службу к королю Швеции Карлу X Густаву.) Сейчас этот гарнизон ожидал помощи от короля¹⁰⁰.

Уже при осаде Риги сказалась неподготовленность России к войне. Без флота овладеть приморской крепостью было невозможно. Наступила осень. Распутица затрудняла снабжение русских войск. Решено было немедленно штурмовать город.

Накануне штурма иностранные офицеры-наемники выдали рижскому гарнизону место расположения пороховых и продовольственных складов россиян. Гарнизон предпринял вылазку и уничтожил основные запасы осаждавших и нанес русским значительный урон в живой силе. В октябре 1656 года осаду Риги сняли.

Армия А.Н. Трубецкого к зиме 1656/57 года овладела Дерптом. В июне 1656 года начались военные действия в Карелии и в Ижорской земле. В распоряжении Потемкина и Пушкина было всего несколько сотен людей, но им оказывало большую помощь местное русское население. Петр Пушкин ходил из Олонца на Кексгольм, но взять не смог, зато увел с собой множество русских людей, не желавших оставаться под властью Швеции¹⁰¹.

Петр Иванович Потемкин базировался со своим отрядом в Лавуйском остроге на пограничной реке Лавуе. 3 июня 1656 года П.И. Потемкин перешел границу и осадил Нотебург (будущий Шлиссельбург), затем овладел Ниеншанцем в устье Невы. Потемкин нанес также поражение шведам на море у острова Котлин, но не получил подкрепления и в ноябре вынужден был отойти к Новгороду¹⁰². Закрепиться на побережье Балтики он не смог.

В следующем, 1657 году шведы предпринимают поход на Псковско-Печерский монастырь и на Гдов. В сражении под Гдовом И.А. Хованский разбил шведов, овладел Сыренским, Нарвским, Иван-Городским и Ямским уездами, едва не вышел к берегам Финского залива, но и он, не получив поддержки, вернулся в Псков. Затем в 1658 году он овладел Сыренском, осадил Ревель, пытался взять Нарву¹⁰³.

Однако дальнейшее развитие событий было приостановлено возобновлением военных действий со стороны Польши. Начались переговоры со Швецией о мире. В последние месяцы жизни Хмельницкому, выдающемуся политику, казалось бы, удалось осуществить свой замысел: складывается антипольская коалиция — союз Украины, Молдавии, Валахии, Трансильвании и Швеции был заключен. Этот договор не был тайной для Стамбула, и султан послал символический подарок хану — халат и саблю, приказав, чтобы эту саблю хан обрушил на головы неверных молдаван и валахов. Мухаммед-Гирей решил идти в обход украинских земель, чтобы соблюсти договор о ненападении 1655 года.

Но Хмельницкий не мог оставить на произвол судьбы союзников. Соединенные силы русских и украинских войск сосредоточились на переправах в низовьях Днепра и почти два месяца сдерживали татар. Только в июле 1657 года часть их сил просочилась за Южный Буг и двинулась

против отрядов трансильванского князя Дьердя II Ракоци и казацкого полковника Антона Ждановича.

Гетман приказал Ждановичу ни в коем случае не покидать союзника. Но в это время престарелый Богдан Хмельницкий был уже тяжело болен, а его генеральный писарь Иван Астафьевич Выговский придерживался других политических взглядов и исподволь готовился к тому, чтобы после смерти гетмана взять булаву в свои руки. Выговский предпочитал видеть Украину под слабой властью польского короля и потому желал поражения и шведам, и Ракоци. Он тайком от Хмельницкого приказал Ждановичу покинуть союзника и возвращаться на Украину.

Антон Жданович понимал, что дни Хмельницкого сочтены, что булава окажется скорее всего у И.А. Выговского, а потому дерзнул нарушить приказ гетмана.

В итоге, оставленный союзником, Дьердь Ракоци был разбит поляками, а затем и татарами. Известие о гибели войска Ракоци, о том, что Жданович нарушил приказ и бросил союзника, стало последним ударом для больного гетмана. Последовало кровоизлияние в мозг, и 27 июля 1657 года Зиновий-Богдан Михайлович Хмельницкий скончался¹⁰⁴.

Еще при жизни Хмельницкого среди казацкой старшины были заметны стремления найти покровительство не под высокой рукой Алексея Михайловича, а под протекторатом польского короля, турецкого султана или крымского хана.

Вряд ли стоит клеймить эти попытки как «измену Украине и ее народу, измену России». (Такие оценки стали уже шаблоном в нашей исторической науке, вплоть до школьных учебников.) Попытки пересмотреть их немедленно пресекались отнюдь не научными методами, навешивался ярлык «украинский националист». Политику каждого из преемников Хмельницкого необходимо рассматривать отдельно и оценки их действиям давать дифференцированно.

Гетман Хмельницкий сдерживал своим авторитетом и властью противостоящие ему группировки старшины. Смерть этого величайшего деятеля Украины и России развязывала руки его политическим противникам.

Теперь Речь Посполитая могла опереться на ту часть украинской казацкой старшины, которая стремилась получить широкие права польских магнатов и готова была ради этого пожертвовать украинской государственностью и вернуть Украину под власть короля. Другие группировки в борьбе за гетманскую булаву искали поддержки у Турции или Крымского ханства, третьи предпочитали сохранить единство с Россией.

Политическая жизнь Украины второй половины XVII века была связана с эволюцией украинской государственности, сложившейся в ходе Освободительной войны. Внутренняя и внешняя политика Богдана Хмельницкого после Переяславской рады свидетельствует, что воссоединение Украины

с Россией сохранило практически полную самостоятельность Украины во внутренней и внешней политике.

Рассматривать политическую деятельность преемников Хмельницкого представляется продуктивным, лишь учитывая, способствовала ли эта деятельность сохранению национальной государственности или в угоду сословным амбициям и для утоления ненасытной жажды личной власти гетманы жертвовали самостоятельностью Украины. Проблема эта сложная. Отметим только, что во второй половине XVII века Украина была полна противоречий, начиналась своего рода «украинская смута». Недаром от того времени в народе сохранилась поговорка: «Где сойдутся два хохла, там — три гетмана».

5. «Смута» на Украине и политика России в 60-х годах XVII века

У постели умирающего Богдана сподвижники клялись, что выберут гетманом его сына — Юрия Хмельницкого, хотя всем было ясно, что этот хилый здоровьем и недалекий юноша не может твердо и достойно держать гетманскую булаву. Как говорил о нем русский воевода В.Б. Шереметев, воевавший вместе с Богданом, «этому бы гетманишке гусей пасти, а не гетманствовать». Выборы Юрия Хмельницкого расценивались как своего рода дань уважения и преклонения перед умирающим старым гетманом. Вскоре все повернулось по-другому.

Единственным реальным претендентом на власть, имевшим большой опыт политика, связи в старшинских кругах и за границей, был генеральный писарь Войска Запорожского Иван Астафьевич Выговский. Он стал своего рода канцлером Украины при Б. Хмельницком, вторым после гетмана человеком. Юрася Хмельницкого не стали даже формально лишать власти. Просто на старшинской Раде взяли и избрали нового гетмана.

«Новый гетман был целой головой выше Юрася, — писал знаменитый украинский историк М.С. Грушевский, — был человек толковый, бывалый, неплохой политик, при этом, без сомнения, украинский патриот, автономист, единомышленник старшины, вместе с ней горячо желавший обеспечить свободу и неприкосновенность Украины»¹⁰⁵. Этот хорошо образованный украинский шляхтич из киевского Полесья имел склонность более к гражданским, нежели к воинским делам, и среди казаков особыми симпатиями не пользовался. В казацкое войско попал случайно: он служил канцеляристом при войске Речи Посполитой, попал в плен к татарам во время битвы под Желтыми Водами в 1648 году и был выкуплен Хмельницким. И.А. Выговский был действительно «неплохим», но явно не выдающимся политиком. Он не брезговал для достижения своих целей деловой демагогией, полуправдой. Захватив высшую власть на Украине,

он по своей внутренней сути оставался все тем же канцеляристом-интриганом, готовым, когда это выгодно, угождать «собаке дворника, чтоб ласкова была» и тут же отрекаться от прежних друзей и приятелей. Даже в быту он резко отличался от Хмельницкого. По своему поведению, манере держаться, образованию И.А. Выговский оставался шляхтичем до мозга костей. Эта вызывающая шляхетность и гонор делали Выговского непопулярным в народе. (Вспомним, что и Хмельницкий был из украинского шляхетского рода, но ему шляхетское происхождение и образование лишь помогли приобрести популярность в народе.) Еще при Хмельницком И.А. Выговский, став генеральным войсковым писарем, не забывал и личные интересы. Стремясь обезопасить себя от всяких превратностей жизни, понемногу копил деньги, округлял капитал, старался прихватить себе новые земли, официальные подарки от русских и других послов (которые часто давали ему тайком от Хмельницкого).

Особенно не переносили И.А. Выговского в демократическом по духу Запорожье и в близких к Запорожью Полтавском и Миргородском полках. Как только Выговского избрали на старшинской раде гетманом, полтавский полковник Мартын Пушкарь здесь же на раде стал ругать его, называя изменником.

Действительно ли Выговский изменил уже тогда, сразу после избрания его гетманом, сказать трудно. Мартын Пушкарь утверждал, что уже на самой Раде в речи перед старшиной Выговский говорил, что нужно уходить от Москвы, жесткой и властной.

Тем не менее вначале Выговский явно продолжал политику Хмельницкого: союз с Крымом и Швецией против Речи Посполитой. Крымские татары вышли в район Черного леса под Чигирином и готовы были действовать вместе с гетманом. Переговоры со Швецией закончились союзным договором. В инструкциях шведским дипломатам Карл X Густав подчеркивал, что для Швеции было бы весьма желательным сохранение воссоединения Украины с Россией, чтобы через Украину побудить русского царя заключить со Швецией мир и союз против Польши. В таком союзе Швеция все больше и больше нуждалась: в 1657 году против Швеции выступила Дания, и войска Карла X вынуждены были оставить Польшу.

Речь Посполитая между тем вовсе не считалась с интересами своего недавно приобретенного в Вильно союзника — России. Ведя переговоры с Выговским, польский дипломат Станислав Беневский приглашал вернуться под власть польского короля и обещал все, что мог бы пожелать новый гетман: все вольности, права, льготы и привилегии казачеству вплоть до широчайшей автономии Украины¹⁰⁶.

Характерной чертой политики Москвы во вновь приобретенных украинских землях были крайняя осторожность и терпимость к национальным особенностям, сохранение в неприкосновенности национальной государст-

венности, внутреннего законодательства, финансовой и налоговой системы, порядка землевладения. Украина имела неограниченные возможности самостоятельной политики и даже собственную армию.

В Москве были уверены, что Украина уже окончательно слилась с Россией, что возврат к прошлому положению под эгидой польских королей невозможен. Именно этой уверенностью в решенности украинского вопроса вызвана была предпринятая после смерти Хмельницкого попытка ограничить права Украины, поставить под контроль внешнюю политику, взять в свои руки сбор налогов, разместить воевод и гарнизоны не только в Киеве, но и в других городах. Попытка была кратковременной и неудачной, тем не менее она подтолкнула Выговского к решению о возвращении в состав Речи Посполитой, к которой он был ближе и духовно, но на условиях автономии.

Если для Хмельницкого, его сподвижников и истинных последователей возможность сохранения украинской государственности виделась в конфедерации с Россией, то Выговский намеревался сохранить эту государственность в составе более слабой и децентрализованной Речи Посполитой.

Вряд ли правильно обвинять Выговского в предательстве национальных интересов Украины. Изменил он российскому правительству. Что же касается Украины, то она оказалась очередной раз на перепутье: путь, избранный Выговским, вел в тупик.

Против Выговского подняли восстание казаки Полтавского и Миргородского полков во главе с полтавским полковником Мартыном Пушкарем. Рядом с ним был кошевой атаман Запорожской Сечи Барабаш.

Повстанцы обвинили Выговского в измене в пользу Польши. Чтобы обезопасить себя и положить конец обвинениям в незаконности выборов, Выговский собрал новую Раду, на этот раз общевоисковую, и на ней его вновь выбрали гетманом. Московское правительство подтвердило законность избрания.

В Москве тоже были недовольны первой Радой, ибо она была созвана без ведома Москвы. В условиях начавшегося восстания Выговский вынужден был искать поддержку в столице России. Он специально *просил разрешения у царя провести выборы нового гетмана*. С этого шага гетмана начался очень длительный процесс постепенного угасания украинской государственности.

Не уступали и повстанцы. Пушкарь и Барабаш слали в Москву гонцов с доносами об измене Выговского и оспаривали правильность его избрания. Выговский надеялся, что Москва поможет ему подавить восстание и укрепиться, но этого не произошло. В Москве решили не вмешиваться в украинские дела и предоставить казакам разбираться самим, тем более что и Ивану Выговскому, и Мартыну Пушкарю верили, зная одного как

опытного политика, другого — как толкового и храброго воина. События на Украине казались досадным недоразумением, которое нужно было побыстрее ликвидировать. К восставшим направляли всяческие увещевания, советуя помириться с гетманом, слали подарки и жалованье. Пушкарь использовал все это для распространения слуха: Москва стоит за него. В действительности же слали гонцов и в один, и в другой лагерь: Москве нужен был мир, и она взяла на себя роль посредника.

И.А. Выговский спешил действовать силой, пока еще хоть часть казачества его поддерживала. Весной 1658 года гетман призвал на помощь крымских татар. Под Полтавой отряды Пушкаря были разбиты, а сам предводитель погиб в бою. Это был прямой вызов московской политике.

Выговскому становилось все труднее сохранять видимость прежних отношений, и он начал открытую агитацию против Москвы. Из гетманской канцелярии распускались нелепые слухи, будто бы царь хочет переселить всех украинцев в Сибирь, забрать украинских священников, а вместо них прислать московских*.

Выговский ссыался и на то, что будто бы всех жителей Смоленска и округи уже переселили. Но на деле это было лишь умелым передергиванием фактов. В действительности переселяли только смоленских шляхтичей, да и то отказавшихся служить царю.

Выговский начинает разрушать систему отношений, созданную Богданом Хмельницким, которая основывалась на идее антипольского блока государств с сильной центральной фигурой российского царя. Вместо этой системы замышляется нечто прямо противоположное: антироссийский блок государств со слабой децентрализованной Речью Посполитой во главе.

В нашей научной литературе долгое время боялись упоминать манифест Выговского, направленный в 1658 году в европейские государства. Между тем документ весьма показателен для анализа политических целей и методов нового гетмана. В нем правда, ложь и политическая демагогия причудливо сплетены вместе. Документ этот интересно привести подробнее.

«Заявляем и свидетельствуем перед Богом и всеми, что война с поляками, начатая и веденная нами, имела не иную причину и не иную цель, как лишь защиту святой восточной церкви и предками завещанной свободы нашей. Преданность ей руководила нами, вместе с покойным вождем нашим, бессмертной памяти Богданом Хмельницким, тогдашним писарем нашим — Иваном Выговским (не повредит лишний раз напомнить о себе рядом с великим гетманом! — *Авт.*). Свои личные корысти мы отодвинули

---

* В Москве действительно тогда было много украинских священников. Никон начал сверку церковных книг, и требовались хорошо подготовленные и образованные люди, владевшие латынью, греческим, европейскими языками. Это делалось для более точного восстановления и перевода раннехристианских текстов и поучений Отцов Церкви. Задерживать их в Москве, конечно же, не собирались.

на дальний план перед славою Божиею и делом народным. Ради них мы вошли в союз с татарами и светлейшей королевой шведской Христиной, а затем и светлейшим Карлом-Густавом, королем шведским. Всем им сохранили верность ненарушимо (до сих пор все верно, а вот далее начинается ложь. — *Авт.*). Не дали мы и полякам никакого повода к нарушению договоров, соблюдая по отношению ко всем нашу присягу, договоры и союзы (ну почему же, поводы были. — *Авт.*). Не из других побуждений приняли мы протекцию великого князя Московского (не протекцию, а подданство. — *Авт.*) как для того лишь, чтобы сохранить и приумножить для себя и потомства нашего за споспешествованием Божиим оружием нашим приобретенную и кровью столько раз возвращенную вольность нашу (это вернее. — *Авт.*). Осыпанное обещаниями и обязательствами великого князя Московского (искажается титул, и опять ложь: царь ничего не обещал и никаких обязательств не брал, кроме обязательства вместе защищать Украину и не нарушать все права, что и неукоснительно выполнялось. — *Авт.*) войско наше надеялось, что ввиду общности веры и добровольного нашего присоединения великий князь будет для нас справедлив, благожелателен и милостив, будет поступать с нами искренно, не злоумышляя против нашей вольности, но преумножая ее еще более, согласно своим обещаниям.

Но надежды эти нас обманули! Министры и вельможи московские побудили этого благочестивого и всемилостивейшего государя к тому, что в первый же год, как только завершились переговоры между Москвой и Польшею (Виленские переговоры 1656 г. — *Авт.*), из видов на польскую корону решил он нас подавить и поработить и, заняв нас войною со шведами, хотел тем легче это осуществить (на деле Алексей Михайлович хотел получить польский трон, не возвращая Польше украинских земель. Обвинения московского правительства в измене Украине необоснованны. — *Авт.*)».

Дальше следовали обвинения Москвы в том, что она поддержала мятежников, восставших против гетмана, — и это опять ложь, Москва уговаривала примириться и тех и других.

«Так обнаруживается хитрость и обман тех, кто сперва посредством внутренней междоусобной войны, а затем и открыто своим собственным оружием уготовали нам ярмо неволи, без всякого повода с нашей стороны (Россия вовсе не готовилась в это время вторгнуться на Украину. — *Авт.*). Свидетельствуя о своей невинности и призывая на помощь Бога, мы вынуждены для сохранения своей свободы прибегнуть к законной защите, чтобы сбросить с себя иго и искать для этого помощи у своих соседей».

Выговский отлично понимал, что его действия ведут к гражданской войне, и спешил переложить ответственность на Москву: «Таким образом, не на нас падет вина этой разгорающейся войны. Мы были и остаемся

верными великому князю и против воли своей беремся за оружие»¹⁰⁷. (Последнее совершенно не в ладах с логикой: как можно оставаться верными царю и одновременно воевать против царя? В письмах в Москву Выговский продолжал клясться в верности, скрывая свои намерения.)

Готовясь начать борьбу с Москвой, Выговский подыскивал себе союзников. Союзником, соблазненным возможностью ослабить северного соседа, был крымский хан. Союз с ханом Выговский заключил еще осенью 1657 года. Другой союз у Выговского был со Швецией. Но надежды на него оставались слабыми: Швеция не намеревалась вести войну против России, она через Выговского стремилась заключить с Россией мир и союз.

Надежным союзником против России могла быть только Речь Посполитая, которая стремилась вернуть «заблудшую» Украину под отчий кров польского короля. 6 сентября 1658 года в городе Гадяче был подписан договор о возвращении Украины в состав Речи Посполитой. Договор не удалось реализовать, но он показывает, чего же хотели И.А. Выговский и его сторонники.

Украина входила бы в состав Речи Посполитой как автономное политическое образование «Великое княжество Русское». Это княжество включало бы в свой состав земли Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств и пользовалось ограниченной автономией.

Власть принадлежала здесь гетману, но на Украине избирали лишь кандидатов на гетманство и король утверждал одного из них. Казацкое войско должно было включать 30 тыс., из коих 10 тыс. были бы наемниками в распоряжении гетмана (вместо 60 по мартовским статьям).

Православная вера во всем получала равные права с католической, православные епископы имели бы места в сенате (следовательно, католическая церковь допускалась бы на Украину). Уравнялись в правах Киевская и Краковская академии и предполагалось открыть еще одну академию в каком-нибудь городе Украины. Украина имела бы собственную казну и свою монету¹⁰⁸.

Гадячский договор отнюдь не был шедевром государственной мудрости не только потому, что сильно ограничивал права Украины, но и потому, что подготовлен был явно наспех, гораздо хуже, чем мартовские статьи: не были раскрыты столь подробно вопросы административного устройства, финансов, ничего не было о суде, внешнеполитических правах, взаимоотношениях с королевскими и военными властями Речи Посполитой и многое другое. На практике толкование всех этих неясных мест могло быть только в интересах более сильного. В 1658 году это была бы Речь Посполитая.

Польский сейм отказался ратифицировать даже этот беспомощный и юридически, и фактически договор: сенаторы и шляхта, совершенно не считаясь с реальностью, требовали возвращения тех порядков, которые существовали до 1648 года.

Гадячский договор Выговский старался как можно дольше держать в секрете от Москвы. Тревожные слухи доходили в первопрестольную, но, помня прежнее, новому гетману верили и на многое закрывали глаза.

Открытое вооруженное выступление гетмана против России и поход его на Киев ошеломили российских воевод. 16 августа 1658 года в крепость «прибежали» битые и пограбленные солдаты, заготовлявшие лес для «осторожного и валового дела». Воеводе Василию Борисовичу Шереметеву они сказали, что «били нас и грабили черкасы^{*}, а стреляли из луков татары, идут под Киев многие люди!»¹⁰⁹ Это были Белоцерковский, Брацлавский и Подольский полки под командой Ивана Кравченко, Ивана Сербина и Астафия Гоголя.

23 августа к ним присоединились Киевский полк под командой Павла Яненко, со своими казаками Иван Богун, брат гетмана Данила Выговский и татары, общим числом более 20 тыс. Русский гарнизон удерживал теперь только городскую крепость.

В ночь на 24 августа осажденные русские войска предприняли вылазку и решительной атакой сняли осаду.

В сентябре 1658 года царь рассылает грамоты об измене гетмана. Почувствовав поддержку Москвы, противники Выговского активизируются на Левобережье Днепра. Они избирают своего временного наказного гетмана Ивана Безпалого и вместе с русскими воеводами Григорием Григорьевичем Ромодановским и Федором Федоровичем Куракиным начинают военные действия. Чтобы выиграть время до подхода крымских татар и поляков, Выговский предлагает начать переговоры с Москвой, которые так и не состоялись. К Выговскому подошли значительные татарские силы, и он предпочитал язык оружия.

Российское войско под командой Алексея Никитича Трубецкого, численностью до 150 тыс. конницы и пехоты, выступило из Путивля и 19 апреля 1659 года осадило город Конотоп, где заперся с казачьим гарнизоном полковник Григорий Гуляницкий, сторонник Выговского. Осада Конотопа проходила вяло. Под Конотопом простояли более двух месяцев. Это дало возможность гетману и татарам подготовиться к бою, подтянув силы.

27 июня казаки неожиданно атаковали русское войско. Обе стороны понесли заметный урон. Казаки начали отступать за реку Сосновку, и тут Трубецкой допустил просчет. Ничего не зная о подготовленной Выговским засаде, он послал в преследование отряды дворянской конницы под командой молодых, горячих и неопытных воевод: князя Семена Романовича Пожарского и князя Семена Петровича Львова. Те увлеклись погоней и попали под сильные фланговые удары неприятеля. Только немногим российским конникам удалось вырваться из засады. Воеводы попали в плен.

---

^{*} Черкасами в XVII веке называли украинцев (по городу Черкассы на Днепре).

В пылу погони Семен Пожарский кричал: «Давайте мне ханишку! Давайте мне калгу! Всех их с войском, таких-то и таких-то, выпленим и вырубим!» Когда воеводу поставили пред грозные очи хана Мухаммед-Гирея, хан «начал выговаривать ему за его дерзость и презрение сил татарских, но Пожарский был одинаков и на поле битвы, и в плену: выбравив хана по московскому обычаю (выделено нами. — *Авт.*), он плюнул ему в глаза, и тот велел тотчас же отрубить ему голову». Московский толмач Фролов, бывший очевидцем казни Пожарского, рассказывал, что хан велел убить Пожарского за то, что этот воевода раньше ходил войной на крымских татар. Князь Львов был оставлен в живых, но недели через две умер от болезни. В один день погиб цвет московской конницы, имевшей опыт походов 1654–1657 годов. Более 5 тыс. пленных по приказанию Выговского и хана вывели в поле и порубили саблями¹¹⁰.

А.Н. Трубецкому ничего не оставалось делать, как снять осаду и, огодившись боевыми возами, медленно отступать к реке Сейм, непрерывно отбиваясь от наседавших отрядов казаков и татар. Переправившись через Сейм, он укрылся за стенами Путивля.

После поражения А.Н. Трубецкого под Конотопом татары обошли Белгородскую оборонительную черту с ее незащищенного фланга. Ранее этот фланг упирался в русско-польскую границу, после 1654 года он был прикрыт землями Левобережной Украины. Теперь крымские татары ворвались за оборонительную черту и прошли по беззащитным глубинным районам России, где уже много лет население чувствовало себя в безопасности. От Путивля к Новгород-Северскому и Воронежу все было разорено.

Переход Выговского на сторону Речи Посполитой означал для России конец Виленского перемирия, возобновление войны с Речью Посполитой и Крымским ханством. К этому добавлялась война против Швеции, «смута» на Украине и война против старшинской группировки И.А. Выговского.

В августе 1659 года опасались появления противника под Москвой. Вокруг столицы стали срочно возводить земляные укрепления. Положение спас поход на Крым запорожских казаков под предводительством Юрия Хмельницкого (фактически командовал Иван Дмитриевич Серко — легендарный кошевой, атаман Запорожской Сечи). Хан вынужден был повернуть домой.

Теперь на Левобережной Украине могли удержаться и города, и полки, которые не признавали власть Выговского.

Вместе с Выговским действовали и польские войска. Это был еще один политический просчет гетмана. Казаки и крестьяне совершенно не переносили «шляхетского духа», а память о всевластии «короленят» была еще весьма свежей, ведь не прошло и десяти лет с того дня, когда Богдан Хмельницкий поднял Украину против магнатов Речи Посполитой.

Началось новое восстание. Польские войска терпели поражения и на левом, и на правом берегах Днепра, а в сентябре 1659 года И.А. Выговского скинули с гетманства и на Раде в Переяславле вручили булаву Юрию Хмельницкому. Сделано это было больше в память о Богдане и как знак сохранения единства с Россией.

Итак, положение на Украине в значительной мере было восстановлено. Но правительство не извлекло необходимого урока: в условиях войны не принижать украинскую государственность. Победу московской ориентации восприняли как готовность народа отказаться от части своих политических прав, и Москва выдвинула требования, частично ограничивающие права Украины: гетман обязан был посылать войско туда, куда прикажет царь; без воли царя не могли менять гетманов; сторонники Москвы среди казацкой старшины могли быть наказаны только тогда, когда их вина будет расследована Москвой. Воеводы были уже не только в Киеве, но и в Нежине, Чернигове, Переяславле, Умани, Брацлаве¹¹¹.

Старшина требовала сохранить условия мартовских статей и даже расширить права Украины: русскими войсками на Украине должен командовать гетман, присланные из Москвы чиновники будут иметь дело только с гетманом, переговоры Москвы с другими странами по украинским делам должны были проходить только с участием украинских послов. Особенно настаивали на праве самостоятельных внешнеполитических контактов (как было при Богдане) и пребывании русского гарнизона только в Киеве¹¹².

Основная масса казаков не доверяла старшине, видела в ней сторонников возврата под власть Польши. Да к тому же вокруг Рады располагалось войско князя Трубецкого. Старшина, желавшая сохранить самостоятельность, осталась в меньшинстве, и ее заставили умолкнуть. Но это не было политическим решением проблемы. Болезнь загнали вглубь, и она разрушала организм украинской государственности изнутри. Вскоре все же произошел взрыв, расколовший единое тело Украины на две части.

Поддерживавшая Польшу часть старшины ждала удобного момента, чтобы перейти на ее сторону. Такой момент наступил летом и осенью 1660 года, когда Речь Посполитая теснила царскую армию в Белоруссии и российские войска для отвлечения сил противника предприняли поход в Галицию.

В.Б. Шереметев силами расквартированных на Украине русских отрядов и левобережных казацких полков двинулся на Волынь, а Юрий Хмельницкий с правобережными полками шел на соединение с ним вдоль южной границы. Неприятель действовал умело. На Волыни у города Любар коронный гетман Потоцкий и маршалок Любомирский сумели сосредоточить 30 тыс. жолнеров и шляхты. К ним подошли 60 тыс. татар.

Таким образом был нарушен основной принцип Хмельницкого: не дробить главных сил. Этой ошибкой В.Б. Шереметева воспользовался Потоцкий. Он выслал против Ю. Хмельницкого небольшой отряд, а сам напал на Шереметева. Шереметев, укрывшись за кольцом боевых воев, медленно двинулся на соединение с Хмельницким к городу Пятки.

Между тем Юрий, не имевший известий о Шереметева, получил лживое письмо от И. Выговского о том, что отряд князя разбит и гетману лучше отойти от Москвы.

8 октября Хмельницкий присягнул королю, а 11 октября отряд казаков, сражавшихся с Шереметевым, числом около 2 тыс. под командой полковника Цецуры вырвался из лагеря и перешел на сторону короля. Это был последний удар. Шереметев вынужден был капитулировать. Войско его сложило оружие и в большинстве своем попало в плен к крымским татарам. Самого В.Б. Шереметева отвезли в Крым, где держали более 20 лет, ожидая выкупа.

По условиям капитуляции, подписанной Шереметевым, русские силы должны были вообще уйти с Украины. К счастью, киевский воевода Юрий Никитич Борятинский не стал выполнять навязанный Шереметева в неволе договор. «Я повинуюсь указам царского величества, — отвечал он, — а не Шереметева. Много в Москве Шереметевых!»¹¹³

Теперь поляки допустили ту же ошибку, что раньше сделала Москва: они заставили Хмельницкого подписать Гадячский договор, но в сильно урезанном виде, выбросив главное: идею Великого княжества Русского. На Левобережье отказались признать разрыв с Москвой.

Таким образом, ориентация части казацкой старшины на Речь Посполитую и непродуманная попытка московского правительства ограничить автономию Украины привели к дроблению Украины на две части. В 1663–1664 годах это дробление закрепилось: на Правобережье избрали гетманом сторонника Речи Посполитой Павла Тетерю, а на Левобережье — сторонника России Ивана Мартиновича Брюховецкого.

В 1663 году войска Речи Посполитой при поддержке Тетери предпринимают последнюю тщетную попытку подчинить Левобережье. Не удалась и попытка русской армии и украинских казаков вытеснить поляков с Правобережья. Днепр стал реальной границей, своего рода линией равнодействия сил России и Речи Посполитой.

Тем временем и в Белоруссии дела шли все хуже и хуже. К 1666 году русские войска вынуждены были отойти от Гродно и Бреста к Смоленску. Война со Швецией закончилась еще в 1661 году подписанием Кардисского мира, по которому сохранялась прежняя, довоенная граница. Россия оставалась отрезанной от Балтийского моря. Вопрос был снят, и вплоть до вступления России в Северную войну в 1700 году не поднимался.

6. Международное положение и внешняя политика России после Андрусовского перемирия 1667 года

Тринадцатилетняя война России и Речи Посполитой заканчивалась. 30 января 1667 года состоялось подписание Андрусовского договора между Россией и Речью Посполитой. По условиям его к России отходили Смоленск, Новгород-Северский, Левобережная Украина, на правом берегу Днепра Киев с пригородом (формально — на 2,5 года, фактически — навсегда). Запорожье юридически было под совместным владением России и Речи Посполитой. Земли Правобережной Украины и вся Белоруссия оставались за Польшей. Международное значение этого акта подчеркивалось многими исследователями. По своей политической значимости он стоял в одном ряду с важнейшими международными соглашениями Европы того времени, фиксируя вместе с ними новую расстановку сил на континенте, отмечает польский историк З. Вуйчик¹¹⁴.

Что же касается оценки Андрусовского договора как показателя русско-польских отношений, здесь мы не можем согласиться с Вуйчиком. «Речь Посполитая утратила (формально уступила на время) важную часть **своих** (выделено нами. — *Авт.*) восточных областей: Северщину, Черниговщину, Смоленщину и всю Левобережную Украину»¹¹⁵. «Андрусовский договор означал конец польской экспансии на восток, начало русской экспансии на запад»¹¹⁶. Было бы неверно отождествлять польскую интервенцию начала XVII века против России с добровольным воссоединением русских, украинских, белорусских земель в XVII–XVIII веках.

В российской и советской исторической литературе Андрусовский договор оценивался и как крупный дипломатический успех. Имелись и противоположные, но не менее категоричные, «черные» оценки. З. Вунчик писал: «Не будет большой ошибкой и несогласием с историческими фактами, если назовем Андрусовский договор разделением Украины... Договор, который в теории должен был привести к успокоению Украины, в действительности привел к совершенно иному — дальнейшему обострению борьбы между разными ориентациями, к углублению такого положения, которое удачно названо в историографии именем «Руины»»¹¹⁷.

Односторонняя оценка Андрусовского договора дана в работе Е.М. Апанович, видящей в нем только тяжелые последствия для Украины: договор расчленил единое целое, отдал часть страны под власть Речи Посполитой¹¹⁸. К этим негативным оценкам добавим, что расчленение единой Украины явилось основной причиной утраты национальной государственности. Вначале она утрачивается землями, оставшимися в составе Речи Посполитой, а в конце XVIII века — и отошедшими к России.

Но вина в этом не русских дипломатов. Перемирие соответствовало соотношению сил России, Речи Посполитой и Украины, сложившемуся к концу войны. Реально деление Украины на Правобережную и Левобережную произошло в 1663–1664 годах и было итогом военных действий и политики России, Украины и Речи Посполитой. Договор только закрепил это новое соотношение сил.

Андрусовский договор имел и большие положительные последствия. Начался процесс русско-польского сближения. Это сближение во второй половине XVII века позволило Польше, России и Украине отразить натиск Османской империи, а в 1721 году — успешно завершить войну со Швецией за выход в Балтийское море.

Договор был составлен с учетом всех требований европейской дипломатии нового времени. В Европе 1667 года мы наблюдаем все те же габсбургскую и антигабсбургскую группировки держав. Габсбургская группировка состояла из Империи, Испании, Нидерландов, Бранденбурга и Бельгии во главе с Империей; антигабсбургская группировка — из Франции, Англии и Швеции во главе с Францией. Противником Империи была и Османская империя, стремившаяся овладеть Веной и Венгрией. Когда подписывался договор в Андрусово, Западная Европа стояла на пороге больших войн. Эти войны шли в 1667–1668 годах (война Франции и Испании за Бельгию), в 1672–1679 и 1688–1697 годах (войны Франции и Голландии). Но это были только легкие раскаты грома, только проба сил. Первый порыв военной грозы пролетел над Европой в 1683–1699 годах (нападение Османской империи), и в полную силу военная стихия забушевала во время войны за Испанское наследство в 1700–1713 годах.

Речь Посполитая находилась между двумя враждующими силами. На политику Польши влияли оба блока государств. Франция пыталась активизировать внешнюю политику Речи Посполитой в своих целях, Империя — в своих. Главной причиной такого незавидного положения государства была борьба между различными группировками польских магнатов за власть. Наконец, Польша попадала между молотом и наковальней уже из-за своего географического положения.

Она имела общую границу со Швецией в Восточной Прибалтике, с владениями австрийских Габсбургов, с бранденбургскими Гогенцоллернами, на Восточных Карпатах — с ленниками Турции Молдавией и Трансильванией, на Диком поле граничила с Крымским ханством, наконец, на востоке — с Россией и Украиной.

Наиболее острые схватки разгорались на элекционных (на которых выбирали нового короля) сеймах. На сейме 1668 года пркдворная группировка поддерживала кандидатуру французского принца Конде. Во главе этой группировки стояли примас Пражмовский, коронный гетман Ян Собеский и, наконец, сам король Ян-Казимир. Другая группировка объе-

динялась вокруг магнатов Вишневецких и подканцлера Ольшовского. Они предлагали кандидатуру австрийского ставленника герцога Нейбургского, а затем проавстрийски настроенного Михаила Вишневецкого — «короля-недоли», как называли его современники. Такое положение было пагубным для национальной независимости Речи Посполитой.

Заключение перемирия с Речью Посполитой неизбежно укрепляло связи России и с габсбургской, и с антигабсбургской группировками держав. Сразу же встал вопрос об Османской империи, которая издавна претендовала на украинские земли и интересы которой совершенно не учитывались в тексте договора. Это могло привести к обострению отношений. Договаривающиеся стороны вынуждены были определить принципы отношений с османами. Поэтому в тексте договора предлагалось прежде всего урегулировать возможные конфликты мирным путем. Речи Посполитой и России предстояло послать в Стамбул и Бахчисарай послов с уведомлением о договоре и для подтверждения «прежнего приятства» попробовать убедить султана и хана подписать Андрусовский договор, то есть отказаться от претензий на Украину¹¹⁹.

Но, действуя по принципу «хочешь мира — готовься к войне» и «лучше содержать свою армию, чем кормить чужую», в Андрусово наметили в общих чертах оборонительный союз и решили соединенными силами действовать против неприятеля. Кроме того, Россия обязывалась принять походы запорожских и донских казаков¹²⁰.

В Москве и Варшаве понимали, что возможная война или мир с Османской империей будут иметь общеевропейское значение. Поэтому договор предусматривал направить послов во все крупные европейские страны¹²¹. Сразу же по заключении договора новый глава Посольского приказа А.А. Ордин-Нащокин взялся за подготовку целой серии посольств, отправленных в мае-июне 1667 года. Официальной целью было уведомление о состоявшемся перемирии. Но нужно было и восстановить дипломатические связи с Западной Европой, нарушенные войнами с Польшей и Швецией. Испания, Франция, Голландия, Англия, Дания, Швеция, Бранденбург, Венеция, Австрия, Турция, Персия, Крым встречали представителей России¹²².

По пути дипломаты проезжали мелкие прибалтийские и немецкие государства, вольные города, власти и жители которых тоже узнавали о заключенном между Россией и Польшей перемирии. Только этот перечень стран сам по себе уже свидетельствует о способности А.А. Ордин-Нащокина решать вопросы в европейском масштабе, крупно и с размахом. И еще одна деталь, которая говорит о том, что, когда было нужно, неповоротливый механизм приказов мог действовать быстро и профессионально. Приведем даты составления грамот, отправленных с посольствами: 31 мая 1667 года были написаны грамоты к королям Швеции, Речи Посполитой,

к персидскому шаху; 3 июня — к английскому королю Карлу II Стюарту; 4 июня — к императору Леопольду I, к курфюрсту Бранденбурга и к герцогу Курляндии; 7 июня — к испанскому и французскому королям; примерно тогда же были написаны грамоты к датскому коралю и к штатгальтеру Голландии¹²³.

Из дипломатической практики того времени видно, что грамоты от имени царя составлялись к завершению подготовки посольства. Следовательно, большинство посольств было подготовлено в промежуток между 31 мая и 7 июня. Значит, одновременно готовились посольства во все крупные европейские страны.

Напряженно пришлось трудиться не только Посольскому приказу, но и другим связанным с ним приказам, например Сибирскому. Последнему из отправленных посольств — посольству к султану Мухаммеду IV — даже не хватило меховщиков, так как все они были отправлены в другие страны. Пришлось взять купцов из суконной сотни.

Нащокин не ограничился одним сообщением о перемирии, как это было предусмотрено в трактате. Посольства нужно рассматривать как развитие некоторых положений Андрусовского договора: в тексте договора речь идет только об организации русско-польского союза против Османской империи, а в наказах послам ставится задача привлечь к этому союзу другие европейские государства. В Москве понимали, что после Андрусовского договора мир с Турцией становится непрочным, а потому заранее искали союзников, готовых заключить соглашение против Турции.

Третья задача, которую ставил Посольский приказ перед своими дипломатами, состоял в необходимости найти благожелательных к России посредников для дальнейших переговоров с Польшей. По условиям Андрусовского договора посредники из европейских государств могли быть привлечены, если до 1669 года Россия и Речь Посполитая не сумеют сами договориться уже не о перемирии, а о мире¹²⁵. Таким образом, и в этом пункте Андрусовский договор выходил за узкие, локальные рамки русско-польских отношений. Договариваясь о посредничестве, Нащокин заранее пытался изолировать Польшу на предстоящих переговорах и создать ей сильный противовес.

Четвертая проблема, стоявшая перед дипломатами, — это признание Европой результатов русско-польской войны, закрепление за Россией отвоеванных и воссоединившихся с ней земель. Вечный мир должен быть заключен на условиях Андрусовского перемирия.

Посол в Вене Иван Афанасьевич Желябужский (из знаменитого боярского рода, первая невеста царя Михаила Федоровича была по материнской линии из этого рода) должен был предложить императору стать посредником при условии, что тот будет «через своих посланных в Коруне Польской Речи Посполитую к тому приводить, чтобы безовсякие помешки

по нынешнему перемирию Вечный мир в совершение привести»¹²⁶. Посредничество было предложено кроме Империи еще и Франции, Испании, Англии, Швеции, Дании и Бранденбургу¹²⁷. И все они выразили согласие. Это свидетельствует о довольно заметном положении, которое в 1667 году уже занимала Россия в Европе.

Страны, согласившиеся на посредничество, состояли во враждебных группировках, из чего можно сделать вывод, что эти группировки были заинтересованы в заключении Вечного мира, в привлечении на свою сторону нейтральной России.

Особенно большую роль сыграло посольство Петра Ивановича Потемкина и дьяка Семена Румянцева в Испанию и Францию. Петр Иванович Потемкин — европейски образованный человек (все разговоры он вел без переводчика, на классической латыни) — блестяще справился с поставленной задачей. Он умело воспользовался предоставленной ему наказом свободой действий. Будучи за границей, он не только показал на переговорах высокий класс дипломатического мастерства, но всем своим поведением способствовал укреплению авторитета России как государства с развитой культурой и славной, героической историей.

В Архангельске Потемкин и Румянцев взошли на борт английского купеческого корабля и, обогнув всю Европу, в Кадисе ступили на землю Испании. Уже само по себе это было одно из первых дальних морских путешествий русских людей. Из Кадиса прибыли в Мадрид.

Честь России приходилось отстаивать не только упорством и золотом, но и умом и знаниями. Желая посмеяться над «русскими варварами», представленный к послам испанский чиновник Де Лира намекнул Потемкину на близость Московии к татарам и на то, что Москва до сих пор терпит набеги степняков: «Крымские люди близко Москвы или украинских городов Московского государства бывают ли?» Ответ посла был уничтожающим: «Несбыточное то дело, что под такое великое государство приходить. Приходят только на самые рубежи, близко Крыма, и то без удачи». Затем был нанесен ответный удар: «Не бывало ль Испанское государство за арапа?»¹²⁸ — спросил П.И. Потемкин. Приставу ничего не оставалось, как признать исторический факт завоевания Испании арабами.

Русские послы стремились показать, что им не чужды идеи Возрождения, что они по своим воззрениям гуманисты. Случай подвернулся 2 марта 1668 года. В этот день посольство обокрали: из оклада иконы вынули яхонт*, взяли чарку из яшмы, три серебряные тарелки и три стакана. С кафтана священника срезали серебряные пуговицы. Вора быстро поймали и по повелению королевы приговорили к смертной казни. Русский

* Яхонтами назывались в России рубины, сапфиры и некоторые другие драгоценные камни.

посол воззвал к чувству милосердия и просил помиловать несчастного. Королева заменила смертную казнь семилетней каторгой¹²⁹.

Прием у короля Испании 7 марта 1668 года носил формальный характер. Королем Карлу II было тогда всего шесть лет. Мальчик вел себя очень непосредственно: «И как принесли меха Горностаевы, и в то время Королевское величество светел учинился, и пришед, изволил их смотреть, и шляпу скинул в то время с себя наземлю. И королевино величество начала безмерно быть светла ж, видя сына своего королевское величество весела»¹³⁰.

Официальная часть посольства прошла довольно быстро. Испанские дипломаты вообще не вели устных переговоров, потребовали, чтобы все было изложено «на письме», и 5 апреля состоялась прощальная аудиенция у королевы. Прием прошел «запросто», без почетной свиты, без придворных. Королева даже не сидела на троне, а просто стояла у окна¹³¹. Так и не добившись конкретного ответа на предложение о создании антиосманского союза, послы выехали из Мадрида на север, во Францию.

25 августа состоялся прием послов у короля в Сен-Жермене. В зале было 700 гвардейцев, которые, а также придворные придавали аудиенции пышность, торжественность. Русские вручили соболей на 1248 рублей, король был сама любезность. Как и положено по протоколу, он спросил о здоровье своего «брата» царя, встав с трона и сняв шапку, а в конце аудиенции король и послы, взаимно расшаркиваясь, предлагали друг другу назначить для переговоров любой удобный им день.

Людовик XIV сам решал важнейшие политические вопросы, а потому прямо на аудиенции высказал удовлетворение по поводу закончившейся войны России и Польши. В ходе же переговоров с французскими дипломатами решали вопрос о посылке ответного посольства в Россию и о возможности заключения торгового договора. С французской стороны в переговорах участвовали виднейшие руководители внешнеполитической службы короля: государственный секретарь Юг де Лион, маршал Франции Николя де Невиль и первый министр Жан-Батист Кольбер.

Своей эрудицией, тактом, знанием латыни П.И. Потемкин очаровал французский двор. От имени короля ему был вручен проект русско-французского торгового договора, который предусматривал беспошлинную торговлю русских купцов по всей Франции и в Наварре, а французских — в России. Пошлину положили брать только на въезде и выезде из страны¹³².

Во время прощального обеда, который давал от имени короля придворный маршалок де Бельфон, сопровождавший в Париже русское посольство, П.И. Потемкин хотел как-то по-особому отметить возникшие между ним и де Бельфоном приятельские отношения. Между тем соболиная казна посольства была уже пуста.

Поблагодарив французского дипломата за помощь, Потемкин назвал его своим приятелем и другом и в знак дружбы снял со своей головы собо-

линую шапку с драгоценными камнями и жемчугом, «цена той шапки совсем больше семидесяти рублей», и положил «ему, маршалку де Бельфону, на голову». Маршалок поцеловал шапку и надел на себя, а свою шляпу надел Потемкину. «А на той шляпе запаны никакой не было»¹³³, — не преминул заметить П.И. Потемкин.

Такой шаг был достоин талантливого дипломата. Произошел обмен шапками по русскому обычаю: скрепление дружбы. Именно так воспринял этот жест и де Бельфон.

Во Франции этот обмен шапками восприняли как знак скрепления торгового договора. Что же касается идеи антиосманского союза, то французские власти стремились замять этот вопрос, ибо традиционный франко-турецкий союз был неотъемлемым элементом общей системы международных отношений.

Речь Посполитая тоже направила послов в соседние государства с официальным извещением о заключении перемирия, с предложением союза христианских держав против мусульман. Но польские дипломаты поднимали и другой вопрос: об избрании принца Конде королем Речи Посполитой. Эта задача посольства держалась в строгом секрете от сейма и шляхты (где преобладали проавстрийские настроения).

Двор Людовика XIV не только согласился поддержать Конде, но даже готов был направить для этого специальный корпус войск под предлогом помощи против турок¹³⁴.

Бросается в глаза, что задачи, поставленные перед миссиями России в соседних странах, были ограничены проблемами внешней политики, тогда как польские дипломаты распыляли свое внимание между различными проблемами. Это было связано, вероятно, с тем, что Россия являлась государством, находящимся на подъеме. Следовательно, русским дипломатам можно было сосредоточить внимание на главном и отложить на время второстепенное. Речь Посполитая же вступила в фазу упадка, проблемы и вопросы, один острее другого, сыпались на Польшу как из рога изобилия.

Вряд ли можно упрекать польскую дипломатию в недооценке опасности со стороны Турции и Крыма. Но было ли это главной проблемой для страны? Выборы короля представлялись современникам более важным делом. Ведь выборы короля — это фактически определение целого комплекса внешнеполитических и внутривнутриполитических проблем, не менее важных, чем защита границы. Безусловно, амбиции магнатских группировок в определении приоритета проблем играли решающую роль.

Реакцию Австрийской империи на заключение перемирия 30 января 1667 года и отношение ее к Вечному миру следует рассмотреть подробнее.

1 июня 1667 года дворянин Иван Афанасьевич Желябужский и дьяк Тимофей Кузовлев отбыли в ранге посланников к Леопольду I³⁵. 25 сен-

тября посольство пересекло границу Империи. Как всегда, дипломатические контакты с императорским двором осложнялись протокольными моментами.

В Европе обычно с укоризной отмечали чванство дипломатии «московитов», но имперские дипломаты в своем скрупулезном отношении к протоколу превосходили всех. С этим русские посланники столкнулись сразу же, едва подъехали к пограничному замку графа Генриха-Карла фон Кулоня. Граф был оскорблен тем, что его не предупредили о проезде русского посольства, и совершенно по-хамски потребовал, чтобы послы убিরались обратно. Только личное послание канцлера фон Лековича смягчило нрав этого пограничного владыки.

3 октября 1667 года посланники въехали в Вену. По русским правилам, прием у царя происходил через три-четыре дня. В Вене спешку считали оскорбительной и посланников заставили ждать официального приема у императора 11 дней.

На приеме имперские приставы (придворные, приставленные к иностранным посольствам) категорически потребовали, чтобы подарки клали прямо на пол по обе стороны от трона. Посланники увидели в этом «государевой чести поруху» и настояли на том, чтобы «с достойной честью, а не наземь бы им те поминки класть»¹³⁶.

Желябужский, находясь на своем посольском дворе, 10 дней отказывался принять ответную грамоту императора, требуя, чтобы она была вручена при отпуске и лично императором, но вынужден был уступить¹³⁷. Желябужский отличался «жестким» стилем ведения переговоров*.

В Посольском приказе считали, что в конкретной ситуации 1667 года Империя не пойдет на заключение антиосманского союза, ибо положение на австро-турецкой границе тогда было спокойное. В ходе переговоров Желябужский совершенно обоснованно доказывал, что мир России и Речи Посполитой создаст угрозу Османской империи с севера, ослабит ее нажим на восточные рубежи Габсбургов и будет способствовать сохранению мира между Империей и Турцией. Следовательно, император должен быть заинтересован в перерастании Андрусовского перемирия в Вечный мир¹³⁹. Единственное требование России состояло в том, чтобы заключить Вечный мир на условиях Андрусовского перемирия¹⁴⁰.

Это показалось в Вене вполне приемлемым, и в ответной грамоте Леопольд I соглашался посредничать на переговорах Речи Посполитой

---

* Дипломатическая служба была наследственной в роду Желябужских. Его отец, Афанасий Желябужский, ездил к гетману Сапеге, был в послах у польского короля Сигизмунда и т. д. И.А. Желябужский напрочь отрицал методы А.А. Ордин-Нащокина и даже ненавидел его. Можно сказать, что И.А. Желябужский был последователем старой русской дипломатии. Он в 1656 году ездил к Держью II Ракоци, в 1661-м был у курфюрста Бранденбургского, в 1662-м поздравлял английского короля Карла II Стюарта с восшествием на престол¹³⁸.

и России¹⁴¹. Можно сделать вывод, что Андрусовское перемирие далеко выходило за рамки только русско-польских отношений. В это время шла борьба между Габсбургами и Бурбонами за ведущую роль в европейской политике. В поддержании мира на востоке Европы были заинтересованы обе враждующие стороны, и прежде всего австрийские Габсбурги, так как перемирие России и Польши создавало противовес Турции, которая, в свою очередь, стремилась овладеть венгерскими и австрийскими землями.

Претензии Турции на Украину и юг России сближали Россию с габсбургской группировкой. Вместе с тем Россия вовсе не желала ограничивать свои внешнеполитические связи только этими странами.

7. Россия, Османская империя и Крымское ханство в 1667–1672 годах. Русско-турецкая война. Вечный мир 1686 года

Андрусовское перемирие предусматривало два варианта развития отношений с Османской империей: 1. Поддержание мирных отношений и по возможности присоединение Турции и Крыма к Андрусовскому договору (мирный отказ от их притязаний на украинские и русские земли). 2. Оборонительный союз России и Речи Посполитой в случае нападения османов.

Напомним, что во второй половине XVII века Османская империя переживала глубокий кризис экономики, политики, культуры. В различных ее частях поднимались восстания поработенных народов. В Боснии, Сербии, Валахии, Трансильвании, Грузии, Болгарии народ брался за оружие. Восстания вспыхивали в Малой Азии и даже в самой столице в 1651 и 1656 годах.

Слабела центральная власть в Империи, власть султана становилась простой фикцией. Визирь превращался в главную политическую фигуру. В 50–70-х годах особенно прославились два визиря: Мухаммед Кюпрюлю и его сын Ахмед. Хитрость, жестокость, цинизм и хладнокровие отличали этих визирей. Им на короткое время удалось приостановить развал Османской империи. В войне с Венецией (1648–1669 гг.) Турция одержала победу: неприятеля не только отбросили от стен Стамбула, но Кюпрюлю-отцу удалось отвоевать остров Крит с крепостью Кандия и восстановить контроль над островами Эгейского моря.

Чтобы получить от султана признание Андрусовского договора, из России в Стамбул были направлены послы: стольник Афанасий Иванович Нестеров и дьяк Иван Федорович Вахромеев, а от Речи Посполитой — магнат Иероним Радзиевский.

Цели посольств Радзиевского и Нестерова были общие, но уже с первых шагов прослеживается заметное различие в их понимании главного.

В царской грамоте султану вопрос о признании Портой Андрусовского договора не только занимал центральное место, но и излагался сразу же после титулов царя и султана¹⁴². В королевском же листе к султану об Андрусовском перемирии упомянуто в самом конце. Основное внимание уделено протесту по поводу того, что султан помогает гетману Правобережной Украины Петру Дорошенко. Кроме того, Радзиевскому надлежало заручиться поддержкой султаном кандидатуры принца Конде на трон Речи Посполитой¹⁴³. Однако было бы ошибкой утверждать, что в Речи Посполитой недооценивали важности признания султаном Андрусовского договора.

В Посольском приказе надеялись даже объединить усилия польского и русского посольств. «И даст Бог, когда будешь в Царьграде, и чтоб вам с польским и литовским послы всякими мерами ссылатца и неразорванной союз во всех краях был ведом»¹⁴⁴. Это распоряжение Нестерову было совершенно не традиционно для российской дипломатии XVII века. Обычно контакты с посольствами других стран запрещались, в них усматривали унижение государевой чести и опасность выдать государственные тайны. А.А. Ордин-Нащокин считал, что такая изоляция приносит гораздо больше вреда, чем пользы. Интересы дела требовали и обмена информацией, и соединения усилий послов дружественных стран.

Путешествие российских послов затянулось. Вначале их задержали в Азове, а потом в Темрюке (на Таманском полуострове) больше месяца турецкие чиновники вымогали «подарки»¹⁴⁵.

Только 5 ноября российское посольство прибыло в Стамбул, но Иероним Радзиевский к тому времени умер и польские дипломаты покинули Турцию. Совместных действий, на которые так надеялся А.А. Ордин-Нащокин, не получилось. Оставалось лишь узнать результаты посольства Радзиевского.

Филиппопольский митрополит Гавриил и адрианопольский митрополит Неофит сообщили Нестерову, что «визирев де наместник, каймакам Мустава-паша по салтанову указу польского короля послу в ответах в том во всем отказал и говорил де послу, чтобы польский король с великим государем мирный договор разорвал и войну бы начал. И польской де посол в ответе говорил, что польскому королю с великим государем мирного договору нарушать не уметь. И волею Божию того польского посла Геронима Радиевского в Адрияно-поле не стало, и товарищ его со всеми польскими людьми от салтана к польскому королю отпущон без дела»¹⁴⁶.

Русское посольство султан принял в Адрианопольской резиденции 14 января 1668 года. Нестеров и Вахромеев оставили весьма любопытное описание приема.

В день аудиенции послам прислали в подарок двух великолепных аргамаков из султанской конюшни, в богатых уборах. На них послы

и прибыли к стенам дворца. Сразу у ворот послов бережно взяли под руки и повели через парадный двор во дворец. Здесь их ожидал торжественный стол и ритуальное питье кофе. Вначале послы протестовали: по русскому обычаю нужно было сначала сделать дело, а потом приниматься за пир. Но у турок, напротив, ритуал приема послов начинался именно с неторопливого восточного питья кофе, во время которого шла своего рода взаимная разведка настроений, мнений, оценок, приглядывались к характеру посла. Чтобы продлить этот ритуал, кофе подавали в миниатюрных чашечках. У Нестерова и Вахромеева, не привыкших к тонкостям восточного этикета, все это вызывало внутреннюю неприязнь. Позднее, после очередных переговоров, порученных каймакам, они пренебрежительно писали о питье кофе: «А пить послам подносили вареную в воде кофе, да воду с сахаром»¹⁴⁷.

Наконец после кофе послов повели к султану. Перед входом в знак особой милости на них надели «золотные халаты», дворянам приказали остаться перед дверью, а послов провели в тронный зал. Это была небольшая комната, стены и потолок которой были сплошь инкрустированы драгоценными камнями и золотом. Султан сидел на низком троне «рыбьего зуба» (резная моржовая кость) на подушечке, шитой жемчугом. Богатый вишневый халат и роскошная чалма украшали двадцатисемилетнего Мухаммеда IV¹⁴⁸. Но едва начали говорить об Андрусовском перемирии, как прием был прерван. Султан заявил, что о делах будут говорить «иным временем»¹⁴⁹.

В итоге договориться о делах не удалось, позиция Турции оставалась откровенно негативной. Дело ограничилось лишь подтверждением прежних, формально мирных отношений. Аццрусовский договор в Стамбуле просто отказались признавать юридически правомочным, так как «польский король у великого государя нашего, у салтанова величества в подданстве и в холопстве так же, как и крымский хан его салтанову величеству в холопстве служит»¹⁵⁰. Турецкая дипломатическая традиция любое обращение полновластного соседнего государя к султану считала признанием политической зависимости его от Стамбула. В XVII веке это было уже анахронизмом, но при случае его пускали в дело. К тому же такой ответ означал личное оскорбление царя, как заключившего договор с «холопом».

Послы отвечали с достоинством и не без иронии: «Про то нам слышать не случилось, что великий государь Ян-Казимир, король польский и великий князь литовский, у салтанова величества учинился в подданстве»¹⁵¹. Полное титулование короля подчеркивало, что послы не признают претензий Турции. Этот ответ вежливо уличал каймакама во лжи, что тоже было своеобразным тактическим шагом. Мустафа-паша окончательно вышел из себя: «За польского короля вам стоять и говорить не о чем, а говорить бы вам, послам, о иных царского величества делах»¹⁵².

Итак, ни России, ни Речи Посполитой летом и осенью 1667 года не удалось склонить Блистательную Порту к подписанию Андрусовского договора.

Неудачи мирных переговоров с Турцией объясняются не только захватническими тенденциями Блистательной Порты, но и реальным положением дел на Украине в 1667–1672 годах. Андрусовский договор не принес мира иа украинские земли. И на левом, отошедшем к России, и на правом, оставшемся в Речи Посполитой, берегах Днепра шли бурные казацко-крестьянские восстания. Больше всего население Левобережной Украины было недовольно отмеченными выше попытками российского правительства урезать политическую автономию Украины, а главным образом — вмешательством российских воевод в местные дела. Повстанцы Правобережной Украины под предводительством их гетмана Петра Дорофеевича Дорошенко продолжали сражаться против Речи Посполитой.

Московское правительство пыталось решить конфликт не столько внешними, сколько политическими мерами: украинская автономия восстанавливается практически в тех же границах, как и при Богдане Хмельницком. Необходимо было четко определить и ограничить компетенцию воевод, что и было сделано в 1669 и 1672 годах на радах, избравших гетманов Д.И. Многогрешного и И. Самойловича. В заключенных договорах России и Украины воевода предстает только как военачальник российского отряда, не имеющий права вмешиваться в любые внутренние дела. Русские гарнизоны обязаны были содержать себя за счет собственных средств, закупая продукты у населения в назначенных гетманом местах¹⁵³. Основу конфликта устранили, обстановка постепенно стабилизировалась. Несомненно, поведение воевод далеко не всегда соответствовало договору. Но незаконный постой, угон скота, другие, как писал Бертольд Брехт, «воинские подвиги» были обычным делом всех армий мира. Видеть в этих «подвигах» национальную политику России принципиально неверно.

Самое значительное вмешательство воевод в политическую жизнь Левобережной Украины происходило во время выборов нового гетмана: российские войска окружали казацкую раду, а накануне рады старшина обязательно «советовалась» с воеводой. Тем не менее, прямого вмешательства российских войск в ход выборов никогда не было.

Внешнеполитические функции Украинского государства пострадали сильнее. Право самостоятельных внешнеполитических контактов было восстановлено при гетмане И.М. Брюховецком (1664–1668 гг.), но в 1669 году они были вновь запрещены гетману Многогрешному, а в 1672 году — гетману И. Самойловичу. Тем не менее Самойлович с ведома и согласия Москвы имел такие контакты. Более того, во время последовавших после Андрусовского договора русско-польских переговоров в 1667–1672 годах российские дипломаты упорно пытались привлечь к переговорам предста-

вителей обеих частей Украины. Восстановление автономии Левобережной Украины укрепило ее единство с Россией.

Положение Речи Посполитой на правом берегу Днепра осложнялось все больше и больше. П.Д. Дорошенко в 1666 году по примеру Богдана Хмельницкого заключил союз с крымским ханом, осенью 1667 года выступил в поход и дошел почти до Львова.

Гетман Петр Дорофеевич Дорошенко — очень сложная, противоречивая фигура. В литературе советского времени его называли предателем и даже «агентом» турецкого султана за то, что он просил у Турции помощи против Речи Посполитой. Украинский народ воспел его в песнях, и до сих пор эти песни звучат на Украине. Главной целью Дорошенко было сохранить единую Украину. Вначале, в 1666–1669 годах, он пытался объединить Украину в составе России на условиях конфедерации Богдана Хмельницкого. Два года шли переговоры с Посольским приказом, но А.Л. Ордин-Нащокин не рискнул разорвать перемирие с Польшей. Тогда П. Дорошенко заключил военный союз с Турцией и Крымом. Он пытался подписать мирный договор с Речью Посполитой, по условиям которого Правобережная Украина лишь номинально сохраняла бы подданство польскому королю.

Одновременно Дорошенко делал все возможное, чтобы и Левобережная Украина избрала его своим гетманом. Таким образом предполагалось объединить Украину под своей булавой при фактически полной самостоятельности ее правобережной части и автономии Левобережья в составе России. Это был возможный тогда путь к сохранению украинской государственности¹⁵⁴.

Восстание на Правобережье, в котором на стороне Дорошенко участвовали отряды крымского хана Аадиль-Гирея, Речь Посполитая предпочла подавить вооруженной рукой.

Глава российского Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин все еще не терял надежды на мирный исход споров, на договор между Россией, Речью Посполитой и Османской империей. Летом 1668 года должны были начаться переговоры с Польшей о передаче ей Киева (напомним, что по условиям Андрусовского договора Киев только на два года отходил к России). Нащокин намеревался превратить переговоры в многосторонние (пригласить представителей Крыма и гетмана Дорошенко) и добиться подписания Османской империей Андрусовского договора.

Идея многосторонних переговоров вовсе не привлекала Польшу: там опасались, что участие украинских казаков в переговорах может привести к тому, что Речь Посполитая потеряет и Киев, и всю Украину. Переговоры сорвались¹⁵⁵.

Однако Афанасий Лаврентьевич отличался не только искусством мягкого и хитрого маневра, но и «бульдोजей» хваткой. Под внешне мягкой

и уступчивой манерой образованного дипломата скрывалась алмазная твердость характера. В 1669–1670 годах в Андрусово проходили вторые переговоры с Речью Посполитой, целью которых было заключить Вечный мир. Одновременно в Москву прибыли послы от Аадиль-Гирея для переговоров о ненападении между Россией и Крымом (формально с момента поражения под Конотопом в 1659 г. Россия и Крымское ханство находились в состоянии войны). Нащокин воспользовался этим совпадением и еще раз предложил и Речи Посполитой, и Крымскому ханству соединить переговоры, пригласив туда и представителей от П.Д. Дорошенко. Но опять идеям Нащокина не суждено было осуществиться. Послы Польши и Крыма отказались, ссылаясь на отсутствие полномочий¹⁵⁶.

В 1670 году удалось заключить мирный договор с крымским ханом, но этот договор Аадиль-Гирей подписал вопреки воле султана, за что и был лишен ханской власти¹⁵⁷.

Если сопоставить просьбы П. Дорошенко о подданстве России и упорное стремление Ордин-Нащокина пригласить на переговоры украинских дипломатов, то напрашивается следующий вывод: Нащокин надеялся либо вынудить Речь Посполитую отказаться от Правобережной Украины, либо укрепить влияние России за Днестром. Вероятно, как вариант Нащокин предполагал совместное владение Правобережьем: на полях русско-польского договора о союзе против Турции, заключенного в декабре 1667 года, к пункту договора о прощении казаков, воевавших против Речи Посполитой, Нащокин сделал собственноручную помету: «И на сие изволение, чтобы Великой России больше было: ежели не спустя времени там удел учинить, и вечно, и через Днестр, и владеть случно (т. е. совместно. — *Авт.*)»¹⁵⁸.

Переговоры о союзе проходили в Москве в декабре 1667 года, и уже тогда отчетливо наметились два подхода к проблеме. Проект России предполагал активные наступательные действия силами России через Перекоп на Крым и силами Речи Посполитой через Дунай на Белград. Польские дипломаты предполагали оборонительный союз в случае нападения на Украину¹⁵⁹. Принят был в основном польский вариант.

По условиям заключенного в 1667 году антиосманского союза Россия обязана была выставить в случае нападения османских войск 25-тысячную армию для действий на Правобережной Украине. В обстановке продолжающегося на правом берегу Днепра восстания (в котором как союзники Дорошенко участвовали и татары) польские магнаты опасались такой русской армии. Они боялись, что появление русских войск приведет к потере всей Украины.

Переговоры о союзе были продолжены в 1671 году с новым главой Посольского приказа Артамоном Сергеевичем Матвеевым. Смена главы Посольского приказа была результатом дворцовых интриг и вовсе не означала перемены правительственного курса. Правда, при А.С. Матвееве

стали жестче методы ведения переговоров. Впрочем, «жесткость» Матвеева, как и «уступчивость» Ордин-Нащокина, не стоит преувеличивать: и тот и другой умело использовали все методы дипломатии.

На переговорах о союзе польские дипломаты потребовали не посылать русские войска на Украину, ограничиться только казацкими походами и военными демонстрациями у границы. Матвеев настаивал на активной форме союза и требовал пригласить на переговоры гетманских посланцев. В ответ польские дипломаты заявили, что русский царь хочет не иначе как враждующих с королем казаков «принять под свою царского величества высокую руку»¹⁶⁰. Ответ А.С. Матвеева был достаточно откровенным: «Не спрося их которого великого государя они, казаки, приняв милость и благодеяние, от басурман отлучатся, и у того великого государя быть в подданстве похотят, и принудить их к другому великому государю в послушание невозможно»¹⁶¹. Таким образом, московские дипломаты вовсе не отрицали, что при поддержке правобережных казаков возможно воссоединение с Россией и Украины к западу от Днепра. В ответ польские дипломаты потребовали восстановления границ, существовавших до 1654 года.

Чтобы не погубить окончательно идею союза, Матвеев пошел на уступки: участие России ограничивалось походами казаков и калмыков на Турцию и Крым и военными демонстрациями у границы.

А.С. Матвеев уже не пытался привлечь к мирным переговорам Турцию и Крым. Все его усилия были направлены на подготовку к неизбежной войне. В письме к главе польской делегации Яну Гнинскому он высказал идею создания блока христианских государств, который вынудил бы султана сохранять мир с Россией и Речью Посполитой. Гнинский отклонил эту мысль, сославшись на то, что в Европе не созрели условия для такого блока и там можно встретить «больше жалости, поболения, чем помощи»¹⁶².

Война с Османской империей приближалась. Турецко-венедианский мир 1669 года давал возможность направить воинов пророка на север. Весной 1672 года турецкое войско числом более 300 тыс. человек перешло Дунай. Авангард его — 40 тыс. татарских воинов — ворвался в Подолию и у города Батога на реке Буг схватился с отрядом польских войск и украинских казаков. Это были казаки гетмана пропольской ориентации М. Ханенко, соперника П.Д. Дорошенко. После ожесточенной сечи им с трудом удалось отойти к городу Ладыжину и выдержать там трудную осаду.

В августе 1672 года турецкое войско подошло к городу Каменец-Подольску. Гарнизон крепости едва насчитывал 1500 человек и хотя имел 400 пушек с достаточным запасом пороха и ядер, но пушкарей было всего четверо. Удерживать с такими силами город было невозможно. После ожесточенной схватки неприятель овладел недавно построенными земляными укреплениями Нового Замка, и польский гарнизон вынужден был капитулировать.

Россия тоже приняла участие в войне в той мере, в какой это было предусмотрено последними условиями союза. Донские казаки вышли в Азовское море и напали на Крым, запорожцы ударили с севера на Перекоп. Русская армия угрожающе подтянулась к берегам Днепра.

Но Москва не ограничилась только военными мерами. В условиях начавшейся войны А.С. Матвеев действовал вопреки скептическим прогнозам Я. Гнинского. Во все сопредельные христианские страны он послал российских дипломатов с предложением антитурецкого союза, немедленной общей помощи польскому королю. С сообщением об этой широкой акции в Вильно к литовскому подканцлеру Михаилу Радзивиллу поехал молодой подьячий Посольского приказа Прокофий Богданович Возницын, будущий знаменитый дипломат Петра I.

В октябре 1672 года в городе Бучаче Речь Посполитая подписала мир с Турцией, который больше смахивал на безоговорочную капитуляцию. По условиям мира вся Правобережная Украина вплоть до Днепра (кроме Каменец-Подольска) переходила под власть гетмана П.Д. Дорошенко, союзника султана¹⁶³. В Каменец-Подольске находился турецкий гарнизон. Андрусовский договор на Правобережье юридически утратил силу. Теперь П.Д. Дорошенко возобновляет попытки объединить под своей булавой в составе Российского государства всю Украину. У Дорошенко, однако, появляется соперник в лице гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича. Самойлович сам стремился подчинить всю Украину, в 1676 году он вступил со своими полками за Днепр. Большая часть правобережных полков тотчас встала на его сторону, ибо за ним виделась надежная защита России. Москва также предпочитала иметь дело не с самостоятельным Дорошенко, а с послушным ее воле Самойловичем. Покинутый всеми Дорошенко в сентябре 1676 года сложил знаки гетманского достоинства перед казачьим войском и левобережным гетманом и отбыл за Днепр¹⁶⁴.

Теперь решением казацкой рады Правобережная Украина вновь просила подданства и защиты у России, а столицей всей Украины становилась гетманская резиденция еще со времен Хмельницкого — город Чигирин.

Вступление русских и левобережных полков за Днепр означало войну России и Турции. Султанский диван поставил на место П. Дорошенко Юрия Хмельницкого*. Петр Дорошенко оставался на Украине, жил пока в Батурине, не вмешиваясь больше в политику, но в критических случаях давал дельные советы и Москве, и Самойловичу. Именно Дорошенко

---

* После лишения гетманства он постригся в монахи, приняв имя Гедеона, в 1672 году был захвачен в плен турками и посажен в тюрьму (знаменитый Семибашенный замок Едикюль), но затем освобожден и отказался от монашеского звания. Получив из рук султана княжеский титул, Ю. Хмельницкий превратился в его марионетку. Отличался особой жестокостью, доходившей до садизма. Население Украины его ненавидело.

предупредил, что первый удар турки нанесут, несомненно, на Чигирин, а уже потом пойдут и на Киев.

Сведения о готовящемся походе в Москве получили и по дипломатическим каналам от русского резидента в Варшаве Василия Михайловича Тяпкина. В октябре 1676 года новый польский король Ян Собеский рекомендовал ему срочно писать в Москву об этом и советовал особо укрепить Киев и Чигирин артиллерией, ибо турки — хорошие мастера артиллерийского боя и умеют осаждать крепости.

В апреле 1677 года литовский гетман Михаил Пац предупредил В.М. Тяпкина, что турецкая армия переправляется через Дунай и что с турками идет Юрий Хмельницкий, но казаков при нем немного.

28 июля 1677 года до Чигирина добрался бежавший из плена казак с известием, что турки уже идут к Чигирину и что силы их доходят до 100 тыс. сабель. По другим данным, турецкий главнокомандующий Ибрагим-паша (по прозвищу Шайтан) имел 200 тыс. человек, в том числе 120 тыс. молдаван и валахов и 20 тыс. крымских татар, 8 осадных и 20 полевых орудий.

Каковы же были силы России? Под началом главнокомандующего русской армией Г.Г. Ромодановского находилось примерно 62 тыс. человек (в Курске и Путивле, у границ Украины), 20 тыс. казаков И. Самойловича в Батурине.

В Чигирин были посланы генерал-майор Афанасий Трауэрнихт, инженер-полковник фон Фростен и два стрелецких полковника — Титов и Мещеринов. В конце июня они начали готовить город к обороне. В крепости было около 10 тыс. ратных людей и казаков и 46 разнокалиберных орудий, из которых 10 достаточно мощных. Крепость состояла из почти неприступного верхнего города — замка, окруженного каменными стенами, стоящего на вершине невероятно крутого и высокого холма. Более доступен был городской посад, расположенный на равнине у подножия холма и обнесенной двойным рядом деревянных стен.

Осада Чигирина началась 2 августа 1677 г. Турки донимали осажденных подкопами и бомбардировкой крепости. За время осады было убито 998 человек и много ранено. Основные силы Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича 25 августа подошли к Днепру и в ночь с 25 на 26 августа форсировали реку. Сражение продолжалось с 27 по 29 августа. Сбить русских и украинцев с занятых на правом берегу позиций не удалось. Итогом яростной битвы было снятие осады с Чигирина. Разъяренный султан бросил Шайтан-пашу в Едикюль, а крымского хана Селим-Гирея лишил престола и сослал на остров Родос.

В начале июля 1678 года турецкая армия и крымские татары вновь были под Чигирином. На этот раз сражаться осажденным приходилось в еще более трудных условиях. Крепость сильно пострадала от предшествующих боев, и в полной мере восстановить ее не удалось. Командовавшим

гарнизон воеводе Ивану Ржевскому и инженер-полковнику Патрику Гордону предписывалось лишь сковать основные силы неприятеля до того момента, как полки Ромодановского переправятся через Днепр (остаться на правом берегу было невозможно, ибо край был сильно опустошен войной). Общие силы гарнизона составили на этот раз 12 599 человек, а этого, по мнению Ржевского и Гордона, было слишком мало для длительной обороны крепости. Силы турок были столь значительны, что они могли и осаждать город, и вести активные боевые действия против Г.Г. Ромодановского. Удержать город не удалось. В ночь на 12 августа Патрик Гордон приказал измученному гарнизону отступать. Началась паника. Спасло положение то, что плотина через реку Тясмин, на которой стоит Чигирин, была в руках русских. Когда турки вошли в пылающий город, в замке взорвался пороховой запас.

Но свою задачу гарнизон Чигириня выполнил: полки Ромодановского переправились через Днепр и 19–20 августа нанесли поражение турецким отрядам. Неприятель отступил и вывел свои основные силы с Украины. Но и Россия закрепиться на правом берегу Днепра не могла¹⁶⁵.

По условиям заключенного в 1681 году перемирия в Бахчисарае Турция признавала за Россией левый берег Днепра и Запорожье, правый берег оставался под властью султана, но в полосе шириной 10 верст от Днепра не должно было быть никаких крепостей.

Что же касается Петра Дорофеевича Дорошенко, то Самойловнч, оказывая ему все знаки внимания, опасался его присутствия на Украине. В 1679 году Петра Дорофеевича назначили воеводой в Вятку, затем дали ему вотчину Ярополчье под Москвой, где он и умер в 1698 году.

Перемирие развязало султану руки на севере и дало возможность Османской империи предпринять последний рывок в Центральную Европу. В Европе это отлично поняли и готовились каждый по-своему. Людовик XIV был занят войной у своих северо-восточных границ и потому всячески старался толкнуть визиря Кара-Мустафу к натиску на Вену. Польский король Ян Собеский стремился воспользоваться этой опасностью и объединиться с императором Леопольдом I для того, чтобы отвоевать утерянные земли Украины. К союзу с Империей тяготела и Венеция, которая после неудачной венецианско-турецкой войны 1646–1669 годов жаждала реванша в Эгейском море и расширения своих владений на Балканском полуострове. 31 марта 1683 года Ян Собеский и Леопольд I подписали оборонительный и наступательный трактат, к которому вскоре присоединились Венеция, Бранденбург и некоторые другие мелкие немецкие княжества. Так возник антиосманский союз — Священная лига.

Турки начали осаду 14 июня 1683 года. Европа была охвачена ужасом. Император Леопольд I бежал из Вены. Стремительный марш к Вене Яна Собеского и битва 12 сентября 1683 года спасли столицу Империи.

Леопольд не участвовал в сражении, доверив командование Собескому. Под Веной звезда этого блестящего полководца достигла своего апогея. Кара-Мустафа потерпел поражение. Когда опасность взятия Вены миновала, Леопольд стал тяготиться теми почестями, которые воздавал народ победителю турок. Он даже не спешил вернуться в столицу, чтобы не благодарить лично ее спасителя Собеского. Когда это все же пришлось сделать, император настоял, чтобы встреча перед рядами войск проходила на конях, дабы не протягивать руки победителю.

Между тем разгром турок под Веной не означал конца войны. Турция имела еще достаточно сил, военные действия на Дунае и в Молдавии разворачивались неудачно для союзников. Чтобы оттянуть часть сил Османской империи на восток (прежде всего крымских татар), нужно было всеми мерами вовлечь в Священную лигу Россию. После Бахчисарайского мира у России не было особых причин воевать с Османской империей: украинские земли к востоку от Днепра султан признавал за Россией, тогда как Речь Посполитая отказывалась заключить Вечный мир на условиях Андрусовского перемирия, то есть претендовала на возврат Украины и Смоленска.

Единственное, что могло побудить Россию к войне против Османской империи, это обещание Польши признать окончательный переход к России всех утраченных в 1667 году земель. И только когда по условиям Вечного мира, заключенного между Россией и Речью Посполитой в 1686 году, Польша отказалась окончательно от Смоленска, Чернигова, Новгород-Северского, Киева, Левобережной Украины и Запорожья, Россия заключила с ней антиосманский союз и фактически примкнула к Священной лиге.

Заключение Вечного мира стало звездным часом блестящего русского дипломата Василия Васильевича Голицына. В области внешней политики князь В.В. Голицын был весьма активен. Его пребывание во главе Посольского приказа заметно продвинуло вперед русскую дипломатию хотя бы уже потому, что связи России с Европой многократно возросли. Вопрос о выходе в Черное море был поставлен именно В.В. Голицыным, Петр только подхватил и развил его дальше.

Закрепление за Россией Левобережной Украины, Киева и Запорожья создавало опорную базу для движения на юг. Петр I вел свою войну с Турцией не один на один, а в составе сильной коалиции государств, в чем была прямая заслуга В.В. Голицына. Труды В.В. Голицына завершили давние планы российской дипломатии, которая еще с 1667 года пыталась создать союз европейских государств против Османской империи.

Наконец, сближение с Речью Посполитой, для которого много сил положил В.В. Голицын, явилось основой создания в 1699 году Северного союза (России, Речи Посполитой, Саксонии, Дании) для овладения выходом в Балтику.

Впрочем, среди московских и украинских политиков были и противники войны с Османской империей. Гетман Иван Самойлович все больше и больше склонялся к идее мира с Турцией. Турция в это время заискивала перед Москвой, чтобы она не присоединялась к союзу, который организовывал против турок Собеский¹⁶⁶. Самойлович считал вполне возможным «войти в соглашение с Турцией и при этом выговорить у нее земли от Днепра до Днестра или хотя бы до Буга». Эти земли должны были попасть под его управление как гетмана.

Вечный мир и союз с Польшей Самойлович также не одобрял, тем более что Польша не соглашалась признать за Россией правый берег Днепра, формально принадлежавший Турции. Но договор о союзе был подписан и гетману ничего не оставалось делать, как под командой В.В. Голицына идти походом на Крым.

Как опытный казак, знающий условия степной войны, Самойлович советовал начать поход ранней весной, пока не высохла трава в степи и был корм для скота. Но вовремя подготовиться не успели, откладывать дело до будущего года было невозможно, так как союзники требовали быстрее выступать, а потому выступили летом 1687 года, когда трава вся высохла. Татары зажгли степь, и войско повернуло назад, даже не дойдя до Перекопа. Такая неудача могла кончиться для В.В. Голицына весьма печально. Его противники при дворе из клана Нарышкиных не упустили бы возможности устранить этого влиятельного фаворита, а при случае вырвать власть и у царевны Софьи. Нужно было срочно найти виновного в неудаче. Больше всего на эту роль подходил гетман И. Самойлович.

Украинская старшина давно с тревогой следила за действиями Самойловича, который в начале своего правления старался учитывать интересы казацкой старшины, был ласков, внимателен, мягок и любезен со всеми, но со временем стал править делами самовластно, фактически устранил старшину и, кажется, намеревался передать гетманскую власть по наследству своему сыну. Чутко уловив настроение Голицына, старшина сочинила на Самойловича ложный донос, обвинив его в поджоге степи, ибо он-де вообще был противником войны с Крымом и союза с Речью Посполитой.

Голицыну поручили провести выборы нового гетмана. Без всякого суда Самойловича и его старшего сына выслали в Сибирь, имущество конфисковали: половину взяли в царскую казну, а другую половину — в казну Войска Запорожского. Младший сын Самойловича — черниговский полковник — пробовал поднять свой полк в защиту отца, но был схвачен, отдан под суд и жестоко казнен в Севске. Сам Самойлович через два года умер в Тобольске. 25 июля 1687 г. гетманом с подсказки В.В. Голицына избран был Иван Степанович Мазепа.

Второй поход на Крым в 1688 году тоже закончился неудачей. Полки Голицына и Мазепы с трудом дошли до Перекопа и повернули вспять. Тем

не менее свою роль в войне Россия выполняла: 150-тысячное войско крымских татар было задержано в Крыму, и это дало возможность Священной лиге значительно потеснить турок на европейском театре.

С 1688 года и вплоть до Азовских походов Петра I война России против Османской империи шла вяло. Русская армия практически ограничивалась обороной построенной в конце 70-х годов Изюмской линии. Тем не менее армия притягивала силы татар, угрожая новым походом на Крым и отражая набеги мелких отрядов. Более активно действовали запорожские и донские казаки: в 1691–1695 годах казаки предпринимают довольно значительные нападения на ханство.

Это была своеобразная пауза в войне, во время которой изменился сам характер войны со стороны России. Если до заключения Вечного мира основной целью России была защита украинских и русских земель, то теперь, после походов В.В. Голицына, целью политики России на юге становится захват берегов Азовского и Черного морей.

Первый успех на этом трудном пути был достигнут в 1696 году взятием Азова. Но это еще не было решением проблемы. Впереди лежал Керченский пролив, предстояли новые трудные бои на суше и на море. Для такой войны уже мало было союза с одной Польшей, и в 1697 году Россия официально вступает в Священную лигу, хотя фактически она действовала вместе с членами Лиги еще с 1686 года.

Надежды на союзников не оправдались. Австрия и Венеция уже добились от Турции почти всего, что им было нужно. Речь Посполитая отвоевала Подолию, и дело шло к миру, тем более что настало время решающей схватки австрийских Габсбургов и французских Бурбонов, известной как война за Испанское наследство (1700–1713 гг.). Священная лига распадалась, и российский царь Петр I поспешил направить к европейским владетелям Великое посольство, чтобы хоть как-нибудь оживить военные действия союзников против Османской империи.

Глава VII. Посольский приказ и его роль в проведении внешней политики России

Для ведения дипломатической службы каждая страна имела свои присущие определенной эпохе атрибуты: учреждения, штат, этикет, обычай, формы обмена информацией, дипломатическую документацию и даже язык. Внешняя политика средневековой России неотделима от Посольского приказа — учреждения, которое разрабатывало и осуществляло ее основные направления с конца XV до начала XVIII века. Значимость, функции, состав служащих Посольского приказа менялись в соответствии с усложнением внешнеполитических задач, стоявших перед Россией. Это было время образования и укрепления Русского централизованного государства, освобождения страны от ордынского ига, укрепления суверенитета и возникновения широких международных связей как с Востоком, так и с Западом, выхода Руси к берегам Тихого океана.

1. Боярская дума и ее внешнеполитические функции

В массе дипломатической документации, которая сохранилась со времени правления великого князя Ивана III Васильевича (1462–1505 гг.) ведущее место в «делах посольских» занимает Боярская дума¹. Летописи и посольские документы сообщают нам формулу решений Боярской думы: «приговор царя с бояры», «по государеву указу и боярскому приговору», «царь приговорил с бояры», «государь указал и бояре приговорили».

Выбор формулы документа — от имени царя или Боярской думы — определял его значимость. Боярская дума принимала участие в решении почти всех важнейших вопросов внешних сношений. В ее ведении находились: прием иностранных дипломатов, ведение переговоров, составление документации. Так, в июне 1524 года великий князь Василий III Иванович решает вопрос об отпуске турецкого посла и отправлении ответного посольства: «говорил с бояры, что ему Скиндеря к султану отпустить, а с ним своего доброго человека послати не пригоже, того дела, что салтан большого посла не прислал и с Скиндером приказу нет — каким межи их крепостям (постановлениям. — *Авт.*) быти».

В начале XVI века в России складываются определенные посольские обычаи. Так, в 1514 году великий князь «велел боярам всем быти на дворе, да о том говорити: пригоже ли послати кого на встречу против турецкого

посла Камала князя, зенеже он истомен, кони поуспали и сами голодны?» Бояре приговорили, что «пригоже, против турецкого посла послати людей, а и корму его подослати». Боярская дума обсуждала не только как встретить, но и где принять посла. Например, «турецкому послу Скиндирию быть в Коломне непригоже, а пригоже к нему послати сказать, что великий князь на своем деле, ино у него быть нельзя, и он бы был на Москве»².

В ходе усиления централизованной власти Боярская дума подчас мешала проводить самодержавную политику. Уже в правление великого князя Василия III (1505–1533 гг.) возник частный совет государя, состоявший из наиболее близких и доверенных лиц, так называемая Ближняя дума. Наиболее сложные вопросы внутренней и внешней политики предварительно обсуждались членами Ближней думы, а затем уже подготовленное решение выносилось на утверждение Боярской думы. Состав и численность Ближней думы полностью зависели от царя. Дипломатические документы называют ее членов «ближние думцы», упоминаются они чаще всего как личные представители царя во время переговоров с иноземными дипломатами «о государских тайных делах». Будучи за границей, российские послы объясняли, что «великие дела у великого государя нашего ведают большие думные люди Ближней думы». Характерно замечание Ивана IV Грозного английскому послу: «...у нас издавна того не ведетца, что нам, великим государем, самим с послами говорить». Обычай этот сохранялся и в XVII веке. Известный дипломат А.Л. Ордин-Нащокин писал царю Алексею Михайловичу: «В Московском государстве искони, как и во всех государствах, посольские дела ведают люди тайной Ближней думы»³.

Французский офицер, капитан Жак Маржерет, завербовавшийся на службу в Россию в 1600 году, в своих записках начала XVII века описал состав Боярской думы следующим образом: «Определенного числа членов Думы не существует, так как от императора зависит назначить, сколько ему будет угодно. При мне оно доходило до тридцати двух членов. Тайный Совет для дел особой важности состоит обычно из самых близких родственников императора... Сверх того в Думе держат двух думных дьяков, которых я считаю скорее секретарями, чем канцлерами, как они толкуют. Один из них тот, в ведомство к которому направляют всех послов и дела внешней торговли. Другой тот, в ведомстве которого все дела военных...»⁴.

В середине XVI века в дворцовых хорах московского Кремля существовала палата, служившая постоянным местом заседаний Думы. В XVII веке, в период правления царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Дума чаще всего заседала в так называемой Передней палате. Имеются также документальные свидетельства о заседаниях бояр в Золотой и Столовой палатах. Если царь выезжал из Москвы, бояре следовали за ним, и заседания Боярской думы могли происходить в Измайлове, Коломенском, Троице-Сергиевском монастыре и т. д.

Из состава Боярской думы — из бояр, казначеев и дьяков — назначалась «ответная комиссия». На нее возлагалось ведение переговоров с иноземными послами. Комиссия официально именовалась «советниками», «большими людьми», «которые у великого князя в-избе живут», и являлась связующим звеном между Боярской думой во главе с великим князем и иностранными дипломатами. В труде русского историка С.А. Белокурова имеется список состава комиссий Боярской думы, назначавшихся на встречу с различными послами с 1497 по 1561 год¹.

Прибывший на аудиенцию с государем посол предъявлял верительную грамоту и затем удалялся в одну из палат Кремлевского дворца. При великом князе Василии III Ивановиче послов принимали в Набережной палате (1522 г.), в Средней избе (1527 и 1548 гг.), Брусной выходной избе (1539 г.). С середины XVI столетия почти все приемы совершались в Столовой брусной избе, а в конце века — в Средней Золотой подписной (1586 г.) и в Грановитой (1591 г.) палатах. Через некоторое время к послу являлась назначенная для переговоров ответная комиссия, чтобы выслушать и передать главе государства его «Речи». Предварительно комиссия получала наказ о ведении переговоров: «большие люди» «против речей» великого князя «с бояры ответ чинили». Комиссии обычно состояли из одного-двух, а в особенно важных случаях — из трех членов Боярской думы, их помощниками были дьяки (два-три человека). Если ранг иностранного дипломата был недостаточно высок или же дипломатический вопрос не имел большого значения, то с ответом могли послать одного дьяка без бояр.

Итак, до образования специального ведомства самое непосредственное отношение к вопросам дипломатии имели Боярская дума и Ближняя дума. Но существовали и другие учреждения и служащие, которые в своей деятельности соприкасались с посольскими делами. Это — Казна (Казенный дворец) и Дворец.

В XV–XVI веках слово «казна» имело несколько значений: так называли ценную утварь, платье, меха, сосуды, драгоценные камни и др., в том числе рукописные книги и дипломатические документы; место их хранения; так же называлось и одно из первых государственных учреждений, служащие которого ведали финансовым обеспечением (государевы доходы, пошлины, оброки) и хранением ценностей. В посольских книгах XVI века часто встречаются указания: «грамоту перемирную королево слово и другую грамоту с пословными печатями... положить в казну»; «грамоты dokonчальные и перемирные в нашей казне тому есть»; «а которая грамота королево слово писана будет по старине и та грамота будет у тебя государя в казне...».

В списке боярских комиссий первой половины XVI века упомянуты великокняжеские казначеи, которые являлись постоянными членами

ответных комиссий. В 1498 году литовских послов Кишку и Сапегина принимали казначей Дмитрий Владимирович Овца-Головин и дьяк Федор Курицын. Тот же Д.В. Овца-Головин был членом боярских комиссий при встрече венгерского посла Сантая и немецкого посла И. Гилдорпа (1503 г.), литовских дипломатов (1504, 1507, 1509 гг.). В 1515 году в состав боярской комиссии, встречавшей турецкого посла Камала, был включен казначей Юрий Дмитриевич Траханиот. В июле 1517 года знаменитого немецкого дипломата и путешественника С. Герберштейна принимал казначей Юрий Малой. В 1539 году казначей Иван Иванович Третьяков встречал крымского посла Дивин-мурзу, а в 1549 году казначей Федор Иванович Сукин — ногайского посла Сары-мурзу.

Кроме того, казначеи (дьяки или подьячие) ведали государственными доходами, а также ямскими, поместными и холопскими делами. По мнению С.А. Белокурова, и само наименование «казенный» означает «государственный», то есть двор, в котором проходила казенная, государственная служба.

Казенный двор находился между Архангельским и Благовещенским соборами московского Кремля. Здесь бояре и казначеи в отсутствие великого князя принимали иноземных послов, которые предъявляли привезенные грамоты, и вели предварительные переговоры. Иными словами, в XV — начале XVI века, до образования Посольского приказа, Казенный двор был одним из первых учреждений по ведению внешних сношений России и одновременно хранилищем дипломатических документов. В ведении казначеев находились и материалы, связанные с учетом отправляемых за рубеж поминок (подарков). В посольских книгах довольно часто встречаются записки такого типа: «а что поминков, и то писано у казначеев»; «и что были их поминки, и то писано в казне у казначеев» и т. д. Казначеи принимали участие в тех ответных комиссиях, которые вели переговоры преимущественно с послами из восточных стран, что было связано с финансовыми соображениями, так как посольства с Востока чаще всего приезжали с торговыми целями. Прибывавшие в Москву турецкие, крымские, ногайские послы (или купцы) полностью находились в ведении казначеев. Так, в 1529 году во время отсутствия великого князя о приезде турецкого посла Думе докладывали боярин Михаил Юрьев и казначей Павел Головин.

К дипломатической службе имели отношение также дворецкие. Большой дворец снабжал прибывавших в Москву послов и гонцов продовольствием («кормом»), дворцовые дьяки принимали участие в церемониях по приему и отпуску послов, они же занимались раз мещением и устройством иностранных дипломатов на подворьях. В отличие от казначеев, дворцовые дьяки чаще были участниками переговоров с послами европейских государств и нередко сами выезжали за границу в качестве дипломатических представителей.

В XV — первой половине XVI века дьяки вообще имели очень близкое касательство к дипломатическим делам. Они были постоянными членами ответных комиссий, принимали грамоты от иноземных послов, входили в состав посольств, при их участии писались указы российским послам, отправляемым за границу, они же ведали дипломатической документацией. Из обширного круга разнообразных дел некоторым особенно доверенным дьякам поручались прежде всего дипломатические дела. С 80-х годов XV века постоянно существовали особые (посольские) дьяки, ведавшие внешнеполитическими делами Российского государства.

В труде профессора Харьковского университета В.И. Саввы рассмотрены все сохранившиеся записи о приемах и отпусках посольств начиная с 1489 года. Используя многочисленные данные летописей, приходно-расходных, разрядных, посольских книг, историк воссоздал живую картину всех событий, связанных с деятельностью посольских служащих — от бояр до подьячих. Он проследил, что входило в круг обязанностей тех, кто стоял «у посольского дела». С начала 80-х годов XV века в источниках упоминаются также помощники посольских дьяков (вторые дьяки) и подьячие «у посольского дела». Так, при Иване III к посольским делам было приставлено 28 подьячих⁶.

Среди лиц, ведавших в конце XV — начале XVI века внешнеполитическими делами, были такие крупные представители дьяческого сословия, как В.Ф. Курицын, Б. Паюсов, Г.Н. Меньшой-Путятин, М.М. Третьяк-Раков, Б. Митрофанов, А. Одинец. Имеются сведения о дипломатической деятельности известного впоследствии публициста и государственного деятеля Ф.И. Карпова.

Определенное отношение к дипломатической службе имели и так называемые «печатники». Подлинность грамоты удостоверялась печатью, которая привешивалась к ней. Печатью удостоверялись и грамоты иноземным владетелям.

Создание Русского централизованного государства повлекло за собой возникновение общегосударственных эмблем, символизирующих территориальное единство бывших княжеств, объединенных под властью московского князя, а также могущество и суверенитет нового государства. На государственной печати Ивана III помещались эмблемы (всадник, поражающий копьём дракона, и двуглавый орел с распростертыми крыльями), из которых в дальнейшем сложился русский государственный герб. Иногда на печатях, скреплявших некоторые международные акты, изображались эмблемы покоренных земель. Например, двуглавый орел попирает лапами эмблемы, символизирующие присоединенные прибалтийские земли. Эта печать была сделана по приказанию Ивана Грозного в 1564 году. Употребление этой печати строго регламентировалось: ею запечатывались «грамоты перемирия со Свейским королем... и гра-

моты в иные государства». Она скрепляла документы, подтверждавшие полномочия русских послов, письма царя и т. д.⁷ На государственной печати Ивана IV изображались эмблемы российских земель, областей, княжеств и царств вокруг двуглавого орла со всадником (на оборотной стороне — единорог).

«Печатники» были доверенными лицами великого князя в XV–XVI веках, а в XVII веке они получили титул «царственные большие (т. е. государственные. — *Авт.*) печати сберегатели». Вместе с казначеями они служили в Казенном дворе, отвечали за изготовление государственных документов и их сохранность.

Перечень лиц, связанных в конце XV — начале XVI века с внешнеполитическими делами, был бы неполным без упоминания целого штата толмачей и переводчиков, выполнявших и разнообразные дипломатические поручения.

2. Возникновение Посольского приказа. Его состав и деятельность

Образование Посольского приказа — специального учреждения, ведавшего внешними делами, — происходило одновременно с формированием всего государственного аппарата Русского государства. С расширением круга задач членов Боярской думы, казначеев и дьяков появляются подьячие «для письма», которые располагались в особом помещении — канцелярии («избе», «дворе»). Процесс образования канцелярий растянулся на несколько десятилетий (с конца XV до середины XVI в.). Каждая «изба» или «двор» вместе с возглавлявшим ее должностным лицом представляли собой прототип будущего самостоятельного государственного учреждения — приказа.

Приказная система государственного управления ведет свое начало от приказа (в буквальном смысле слова) как разового поручения. Первые центральные государственные учреждения имели военное назначение. К ним относятся Разрядный, Поместный приказы и Оружейная палата. Ко второй половине XVI века сформировались и другие приказы: Стрелецкий, Пушкарский, Каменных дел, Бронный, Аптекарский и т. д. С расширением внешнеполитических задач появляется необходимость и в создании единого органа по руководству «посольским делом». Кроме того, специфика международных отношений требовала привлечения к нему лиц, специализировавшихся только на дипломатической службе.

В.О. Ключевский отмечал: «Несмотря на многостороннее развитие дипломатических сношений московского двора со времени Ивана III долго не заметно особого заведовавшего ими учреждения: их вел непосредственно сам государь с Думой»⁸. В самом деле, существовала тесная

связь внешнеполитических дел с делопроизводством Боярской думы и домовою казною великого князя. Вместе с тем, согласно описи Царского архива, к началу XVI века скопилось настолько много дипломатических документов, что появилась потребность в их систематизации⁹. Для этого дела по сношениям с определенными государствами стали распределять по годам и особым пронумерованным ящикам: «волошские», «немецкие», «крымские» и т. д.

В отечественной историографии общепринятой датой образования Посольского приказа вслед за С.А. Белокуровым начали считать 1549 год. Эта дата установлена была на основании выписки из посольских дел, составленной в Посольском приказе в 1565–1566 годах, в которой упоминается, что в 1549 году «приказано посольское дело Ивану Висковатому, а был еще в подьячих».

Есть, однако, основания предполагать, что Посольский приказ как государственное учреждение существовал и ранее. Об этом прежде всего говорят данные уже упоминавшегося справочника В.И. Саввы о развитии чиновной иерархии, ведавшей внешнеполитическими делами. С.А. Белокуров же указывает на то, что Висковатый и до назначения главой Посольского приказа участвовал в дипломатических делах. Будучи еще подьячим, он в марте 1542 года писал перемирную грамоту с Польшей. Об этом свидетельствует и обилие такой специфической разновидности приказного делопроизводства, как посольские книги¹⁰.

Ввиду важности занимаемого поста преемники Висковатого уже носили звание думных дьяков. Среди лиц, возглавлявших Посольский приказ, выделяются такие известные деятели, как братья Андрей Яковлевич и Василий Яковлевич Щелкаловы, Алмаз Иванов, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, Артамон Сергеевич Матвеев, Василий Васильевич Голицын, Емельян Игнатьевич Украинцев. Это о них подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин писал в XVII веке: «Хотя породю бывает меньше, но по приказу и делам выше всех»¹¹.

В 1565 году была построена особая Посольская палата¹².

На основании сохранившихся посольских книг можно воспроизвести функции думного посольского дьяка. Во второй половине XVI века думные посольские дьяки принимали привезенные послами грамоты; вели предварительные переговоры; присутствовали на приемах иностранных дипломатов; проверяли приготовленные списки ответных грамот; составляли указы российским дипломатам, отправляемым за границу, и приставам для встречи иностранных послов; знакомились с отчетами российских послов, вернувшихся после выполнения дипломатической миссии на родину. Более того, присутствуя при «сидении» государя с боярами, они, в случае несогласия с решением вопроса по своему ведомству, высказывали свое мнение¹³.

Замена главы Посольского приказа подчас была связана с переменами во внешнеполитическом курсе.

Ведению Посольского приказа кроме дипломатических сношений подлежали: проживавшие в России иноземные купцы и ремесленники; поселившиеся в России татары; московские слободы, заселенные иностранцами; дворы для приема послов; выкуп пленных, а также отдельные поручения. Так, под его управлением состояли именитые люди Строгановы, купцы и промышленники, участвовавшие в освоении Сибири; несколько крупных монастырей.

В XVII веке аппарат Посольского приказа значительно вырос, и в нем появились отдельные структурные части — «повытья», которые возглавляли «старшие» подьячие. Три повытья ведали сношениями с Западной Европой, два — с азиатскими государствами и владельцами.

Посольский приказ начинает выполнять ряд других функций, которые нередко являлись для него источником дополнительных доходов. Средний денежный оклад думного дьяка в середине XVII века составлял по тем временам значительную сумму — 200–250 рублей. Следует отметить, что жалованье в Посольском приказе было в 3–5 раз выше, чем в большинстве других приказов. С 60-х годов XVII века Посольский приказ заведовал почтой, делами донских казаков, судом и сбором таможенных и кабацких доходов, назначением воевод и приказных людей и др.

В обязанности каждого приказа в это же время входило также управление несколькими городами. В ведении Посольского приказа были города Касимов, Елатьма, Романов. Во второй половине XVII века ему были переданы так называемые четвертные территориальные приказы, или четверти: Новгородская, Галицкая, Владимирская, Устюжская, которые собирали доходы с подведомственных им обширных территорий и собранные деньги расходовали преимущественно на жалованье боярам, окольным и другим служилым людям Посольского приказа. К нему приписывались также и временно возникавшие учреждения: Смоленский, Малороссийский, Литовский, Новгородский, Великоросский, Печатный и Полоняничный приказы.

Столь обширная деятельность Посольского приказа обусловила и разнообразие функций его служащих. Уже со второй половины XVI века рядом с думным дьяком — главой Посольского приказа — мы постоянно видим его «заместителя» (товарища), или второго дьяка. Так, за подписью постника Дмитриева (1589–1592 гг.), товарища начальника Посольского приказа А.Я. Щелкалова, посылаются памяти о выдаче «корма» иноземным послам и об их отправлении; к нему за наказом являлись лица, назначенные в «государево посольство»; он принимал иноземных послов и произносил речи от имени государя; он же выслушивал отчеты о выполнении дипломатических поручений.

В обязанности Посольского приказа входили даже дела по сбору доходов с различных областей и «кружечных дворов» («кабацкие деньги»). Неслучайно глава приказа А.А. Ордин-Нащокин говорил, что вторые дьяки «мешают посольские дела с кабацкими». Некоторые вторые дьяки со временем становились начальниками Приказа, например В.Я. Щелкалов, А.И. Власьев, Алмаз Иванов, Е.И. Украинцев. Всего с 1559 по 1714 год известно поименно 52 «товарища» начальников Посольского приказа¹⁴.

При распределении приказной работы промежуточное положение между дьяками и подьячими занимали «приписные» подьячие, то есть имевшие право подписывать исходящие документы. По существу, это были подьячие высшей квалификации (т. е. «старые» подьячие). Часто они находились во главе столов или повытий.

Помощниками думных дьяков и их «товарищей» были подьячие, которые, по существу, составляли основной штат Посольского приказа. Они разделялись на несколько категорий; «старые», «средние» и «молодые». Во главе повытий стояли старые подьячие, средние и молодые вели делопроизводство и переписку Приказа, занимались изготовлением карт. К XVII веку в Приказе сложилась своя, особая школа письма — мелким и изящным почерком. Наибольшее количество «пищиков» составляли молодые подьячие. Самые же важные документы («листовое письмо», т. е. грамоты) писались подьячими более высоких рангов.

Кроме подьячих, которые вели переписку на русском языке, в Посольском приказе были служащие, знавшие иностранные языки. С начала XVI века в Приказе и в составе посольств устными переводами занимались толмачи, а письменное делопроизводство на иностранных языках поручалось переводчикам. Во второй половине XVII века среди постоянных служащих насчитывалось около 15 переводчиков и 40–50 толмачей, которые знали языки; латинский, польский, татарский, немецкий, шведский, голландский, греческий, персидский (фарси), арабский, турецкий, волошский, английский и грузинский. В переводчики часто поступали находящиеся на русской службе иностранцы, побывавшие в плену русские. Случалось, что для изучения иностранных языков и приобретения различных навыков детей боярских специально посылали за границу¹⁵.

Среди служащих Посольского приказа были также золотописцы, расписывавшие золотом и красками фамоты. В конце XVII века служило пять золотописцев, которым вменялось писать «каймы» и начальные слова. Во второй половине XVII века в Посольском приказе издавались исторические и переводные сочинения, содержавшие сведения по русской истории, внешним сношениям, а также книги об избрании на царство и родословные московских государей. Как правило, все книги обильно иллюстрировались рисунками, портретами и орнаментом¹⁶.

Во второй половине XVI века в Посольском приказе служили также сторожа и пристава, сопровождавшие иностранных дипломатов. Среди них было немало людей из знатных фамилий. Приставы назначались и для разбора судебных дел, находившихся в компетенции Посольского приказа.

3. Посольства

Особое место в деятельности Посольского приказа занимала организация посольств за рубеж. До начала XVIII столетия Россия не имела за границей постоянных дипломатических представительств, хотя отдельные попытки создания и были (А.Ф. Нагой и др.). Посольства посылались по мере надобности (заключение мира, избрание на престол, торговые связи и т. д.). Послами избирались люди, пользовавшиеся доверием царя и Боярской думы. В XVI–XVII веках среди послов чаще встречаются представители среднего московского и выборного городского (провинциального) дворянства, то есть даже не столичного. Последнее говорит о том, что желающих стать дипломатами было не так уж много.

Думные дьяки до середины XVII века не принимали участия в посольствах. Впоследствии, когда их количество увеличилось, они также включаются в состав наиболее представительных посольств, занимают места «товарищей послов», участвуют в посольских съездах. Так, в 1697 году думный дьяк П.Б. Возницын сопровождал Петра I в составе Великого посольства в страны Западной Европы.

Дипломатический статус главы посольства зависел от важности и характера миссии¹⁷. В XVI–XVII веках существовали «послы великие», «легкие послы», «посланники», «гонцы», «посланцы» и «посланные». Каждому дипломатическому рангу соответствовали определенные денежные выдачи и поместные пожалования. Послы назначались, как правило, из бояр. Будучи доверенными лицами царя, они имели право вести переговоры, подписывать соглашения, вырабатывать проект договора, окончательное утверждение которых зависело, однако, от верховной власти. Посланники назначались из числа дворян, дьяков, реже — подьячих и посылались по менее важным делам. Гонцы обязаны были доставить отданную им грамоту или передать поручение устно, не вступая в дипломатические переговоры. Их назначали из подьячих, толмачей, стольников.

Все дипломатические представители должны были добиваться приема у монарха или главы правительства и категорически отказываться вступать в переговоры с советниками. Иногда посылались люди с тайными поручениями. Они могли принадлежать к самым различным сословиям. Так, в архиве Посольского приказа имеется следующее свидетельство: «Отпущен тайно к цесарю с грамотой московский торговый человек Тимоха Выходец».

В зависимости от страны назначения и важности посольства формировался его состав. Оно могло состоять из двух, трех, четырех человек, а иногда это число возрастало и до нескольких сотен. Так, в 1578 году в Польшу выехало посольство М.Д. Карпова, П.И. Головина и дьяка К.Г. Грамотина, «а с ними дворян и людей 282 человека»¹⁸.

Среди ближайших помощников послов и посланников могли быть также приказные дьяки и подьячие различных государственных учреждений (Поместного, Разрядного, Челобитного приказов, Казенного двора, Владимирской и Галицкой четверти). Будучи «товарищами» послов или посланников, приказные дьяки являлись главами посольских походных канцелярий («шатров»).

На них в основном ложилась подготовительная работа при составлении текстов международных договоров во время посольских съездов. Непосредственными исполнителями были подьячие, которые вели все посольское делопроизводство, переписку, оформление статейных списков и т. д. Из них назначался особый «подьячий для письма», что свидетельствует о внимании, которое уделялось ведению посольской документации. Переводчики и толмачи выполняли свою работу во время переговоров. Особую роль осведомителей при послах играли подьячие приказа Тайных дел, которые «над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают»¹⁹.

Во время своего пребывания за границей послы содержались за счет государства, на территории которого они находились. Их материальное обеспечение в России состояло из денежного жалованья, натуральных выдач и поместных окладов. Последние давались за приказную, военную и дипломатическую службы. Размер денежного и поместного жалованья устанавливался исходя из предыдущей дипломатической практики. Когда посольство отправлялось за рубеж, просматривались материалы предыдущих посольств в ту или иную страну, делались выписки «на пример», по которым определялись оклад и размер вознаграждения по возвращении дипломата в соответствии с его рангом. Денежное жалованье равнялось прежнему окладу за два года и добавочной сумме «на подмогу», равной годовому окладу.

Система материального обеспечения посольств основывалась на занимаемой должности и зависела от размера предыдущего оклада и чина в большей мере, чем от результата посольства. Показательна в этом отношении челобитная «дворян больших и из городов» 1621 года с просьбой не посылать их в разные государства в чине меньшем, если они или их предки до этого имели на посольской службе звание большее по рангу²⁰. Обычным явлением были натуральные выдачи жалованья за посольскую службу. Выдавались дорогие иностранные ткани для изготовления верхней одежды, меха, за особые заслуги жаловалась серебряная посуда — бра-тины и ковши.

Чтобы привлечь дворян к столь непопулярной и нелюбимой ими дипломатической службе, правительство предлагало значительные льготы и привилегии. В награду за участие в посольстве выборных городских дворян из отдаленных мест переводили в чин московских, назначали на более высокие должности, например воеводами, освобождали от налогов, увеличивали оклады. За выполнение отдельных дипломатических поручений выдавались единовременные значительные вознаграждения — «наддачи». Подьячие Посольского приказа за работу делопроизводственного характера получали надбавки. Кроме того, все служащие Приказа получали «праздничные деньги», которые выдавали на церковные праздники (Пасху, Рождество, Крещение и т. д.) и именины членов царской семьи (день ангела царицы, наследников и т. д.). И, конечно, все служащие Посольского приказа приводились к присяге²¹. Без этого не разрешалось приступать к работе.

В середине XVI века при И.М. Висковатом «посольская изба» находилась «на площади» недалеко от впоследствии построенной колокольни Ивана Великого и стояла там вплоть до 70-х годов XVII века. Затем для московских приказов, включая «палату Посольскую», было построено новое здание, именовавшееся в просторечии «дьячими полатами». В плане оно представляло собой букву «П», параллельные стороны которой были расположены вдоль Москвы-реки и выходили концами к Архангельскому собору. Здание было двухэтажным, причем Посольский приказ выделялся высотой и особенно богатым украшением по фасаду. Помещение Посольского приказа находилось в конце дальней от реки линии, и его окна выходили к алтарной части Архангельского собора.

В Посольском приказе имелось хранилище различных художественных ценностей, в том числе работы мастеров — иноземных живописцев и золотописцев. В отдельной палате («казенке») хранились архив и библиотека с многочисленными печатными и рукописными книгами, географическими картами. Здесь были книги «по художеству», «о полатном и городском строении и резного дела», книги «с лица» (т. е. с изображениями) и др.²²

Специфика Посольского приказа объективно делала его своего рода идеологическим центром страны. Сюда прибывали различного рода донесения, здесь хранились отчеты послов, разнообразные выписки из исторических трудов, переводные сочинения и т. д.²³

В стенах Приказа зародилась мысль о необходимости составления трудов по истории Отечества, которые отражали бы величие Российского государства и его монарха и укрепляли международный авторитет державы.

4. Делопроизводство в Посольском приказе

Документацией внешних сношений Российского государства конца XV — начала XVIII века являются «дела посольские», представленные в виде грамот, столбцов и книг.

Мы уже упоминали имя И.М. Висковатого, одного из первых руководителей Посольского приказа в XVI веке. Круг обязанностей И.М. Висковатого был чрезвычайно широк. Он ведал перепиской царя и Боярской думы с иностранными послами, участвовал в предварительных переговорах, решал вопросы, связанные с приездом и пребыванием в Москве иностранных дипломатов, занимался организацией отправления русских посольств в разные страны.

Как ближайший государев дьяк, Висковатый, согласно установившемуся обычаю, делал записи, которые затем использовались в качестве заготовок для официальной летописи. Став главой Посольского приказа, Иван Михайлович получил в свое ведение Царский архив, содержащий огромное количество рукописных книг и различных государственных актов московских великих и удельных князей, их родословные, следственные материалы, правительственное делопроизводство и всю документацию внешнеполитического характера.

Решая дипломатические задачи, И.М. Висковатый и его подчиненные учитывали историю взаимоотношений России с той или иной страной: наводили справки, делали выписки, ссылались на более ранние переговоры, грамоты и составляли новые дипломатические документы.

Наибольшая активность дипломатических отношений наблюдалась во время объявления войны или заключения мира, подписания союзных договоров, уведомлений о смерти правителя или его воцарении, пограничных споров, торговых переговоров, открытия пути в Российское государство или поисков через него дороги в другие страны и т. д. Именно тогда готовилось особенно много документов, входивших в посольские книги. От XV века сохранились посольские книги по связям России с Империей (1 книга), Польским королевством (2 книги), Крымом (2 книги) и Ногайской Ордой (1 книга). В течение первой половины XVI века количество посольских книг значительно возросло, и к 1549 году, когда Посольский приказ возглавил И.М. Висковатый, в Царском архиве находилось: по 1 посольской книге по связям России с православными иерархами и монастырями, Пруссией и Турцией, 2 — по связям с Империей, 3 — с Польским королевством и Ногайской ордой и 9 — с Крымом. К 1605 году картина изменилась еще более существенно и общее количество книг стало следующим: отношения с Пруссией — 1 книга, с Англией, Данией, Грузией — по 2, с православными иерархами и монастырями, Римом, Турцией — по 3, с Персией — 5, со Швецией — 7, с Империей — 9, с Ногайской Ордой — 10, с Крымом — 21 и с Речью Посполитой — 24 книги²⁴.

Развитие международных связей подтверждает динамика дипломатических миссий. В первой половине XVI века только в Литву было отправлено около 145 посольств по земельным и пограничным спорам. Но конфликтные отношения с Литвой являлись побудительным мотивом союза с воинственным Крымом, и в результате за тот же хронологический период — 21 «крымская» посольская книга.

Положение кардинально меняется в XVII веке: 231 книга по Польше и Литве и лишь 61 — по Крыму. Отношения России с Ногайской Ордой в XVI веке постепенно сходили на нет. В 10 посольских книгах, охватывающих документы Россия — Ногайская Орда, постоянно встречаются лишь просьбы: прислать хлебные запасы, краску, гвозди или бумагу. В XVII веке отношения практически прекратились, и имеется всего лишь 2 книги. Зато, например, если по связям России со Швецией в XVI веке было 7 книг, то в XVII веке их число достигает 122.

Среди письменных источников по истории дипломатии нашей страны посольские книги являются одним из наиболее информативных, многочисленных и сохранившихся до наших дней комплексов документов. Их значение в правительственном делопроизводстве особенно возрастает со второй половины XVI века, когда они становятся основой документальных свидетельств по внешней и частично внутренней политике Российского государства.

После решения великого князя (царя и Боярской думы) об отправлении посольства за границу в Посольском приказе подготавливали необходимую документацию. Прежде всего составлялись верительные («верующие») грамоты, удостоверяющие личность посла как представителя Российского государства.

Обязательным условием всех верительных грамот являлась формула «верить» послу или посланнику: «И что он от нас учнет тебе говорить, и ты бы ему верил, то есть наши речи». В конце грамоты указывались место составления и дата.

Формуляр этих грамот включал титулы отправителя: великого князя, государя, царя; и адресата: короля, императора, хана. Написание титула отражало территориальные владения и даже притязания глав государств. В древнейших посольских книгах по связям России с Крымом (1474–1499 гг.) и книге по связям России с Польским королевством (1487–1500 гг.) Иван III имеет титул «великого князя» без указания на территории, ему принадлежащие. В посольской книге по связям России с Ногайской Ордой (1489–1508 гг.) он именуется «Государем, великим князем всеа Руси». Подобный же титул встречается в посольской книге по связям России с Империей (1488–1517 гг.), но уже с добавлением подвластных ему земель: «Великий Государь всеа Руси, Володимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферский, и Угорский, и Вятский, и Пермский, и Болгарский и иных».

В дальнейшем формуляр «верительных» грамот существенно не меняется, только дополняется титулатура. После взятия Казани (1552 г.), Астрахани (1556 г.) Ивана IV в грамотах величают «царем Казанским и царем Астороханским». В 1555 году сибирский хан Еднгер признал себя вассалом Москвы, и титул царя стал оканчиваться словами «и всеа Сибирские зем-

ли и Северные страны повелитель», а когда в 1558 году русским войскам сдался Дерпт (Юрьев), это событие отразилось формулировкой «и взятия Ливонские земли града Юрьева...». Достаточно оперативно реагировали в Посольском приказе и на взятие Иваном IV Полоцка (1563 г.), который с этого времени упоминается в грамотах после Рязани²⁵. Приращения к титулу происходили по мере расширения Русского государства.

Среди прочих документов, которые готовились для послов в Посольском приказе, были «докончания» — грамоты перемирные, утвержденные или договорные (позднее — договор). Они содержали условия мира или перемирия, заключаемого между странами. Каждая сторона обычно имела свой текст подобной грамоты в двух экземплярах, а во время встречи дипломатов происходил обмен списками.

Формуляр договорных грамот между христианскими странами, как правило, несколько отличался от грамот с мусульманским миром. В «докончальной» грамоте Ивана III великому князю литовскому Александру Казимировичу (1494 г.) эта формула выражена словами: «А кто будет мне друг, то и ему друг; а кто мне недруг, то и ему недруг. А быти, ти, брате, на всякого моего недруга со мною везде заодин... а мне на всякого твоего недруга быти с тобою везде заодин»²⁶. В «докончальных» грамотах по сношениям России с Крымом (1474 г.), Ногайской Ордой (1490 г.) и Турцией (1514 г.) читаем: «И грамоты были меж нас с ним записаны: другу другом быти, а недругу недругом быти и люди бы наши межи нас ходили здоровья нашего видети».

Для проезда через различные государства в страну назначения Посольский приказ готовил «опасные» грамоты, подтверждавшие мирные, дружественные отношения между государствами, содержавшие просьбу оказывать содействие посольству и гарантировавшие свободный въезд и выезд послов. Характерной формулой этих грамот была постоянная фраза: ...и тем твоим послом и их людям и со всем, что с ними ни будет, ехать в наши государства, по нашим землям к нам приехать и от нас отъехать добровольно, без всякого опасу, по сей нашей грамоте. А ся наша грамота твоим послам и опасная»²⁷.

«Указные» (подорожные, проезжие) грамоты Посольский приказ выдавал от имени главы государства послу или приставу, провожавшему посла. Они носили распорядительный характер для местных воевод и давали послу право на обеспечение в пути продовольствием и средствами передвижения на территории России. Формуляр подорожных грамот содержит информацию о маршрутах, количественном составе посольств и необходимом транспорте: «И ты б, нас для, нашему диаку Ивану Харламову дал по своей земле пристава, а велел бы еси его проводить до Рыги, чтобы ему ити по твоей земле безстрашно, да и корм бы еси ему велели давати и на корабль бы еси его велел посадити в Риге; а то бы еси учинил нас для, тем бы еси нам послужил» (Пруссия, 1518 г.)²⁸.

Проезжие грамоты готовились с целью способствовать развитию рыночных отношений. Например, в грамоте о беспошлинной торговле представителю английской компании Дж. Мерику: «и как он Иван (Джон. — *Авт.*), и его люди в которой наш город приедет, и вы б его и его людей с товары, по сей нашей проезжей грамоте, по всем нашим городам пропущали без задержанья, а пошлин наших проезжих с нево, Ивана, и с его товаров, и с людей, что с ним будет, в тех наших во всех городах, по нашей царской жалованной грамоте, не имели» (1600 г.)²⁹.

Во второй половине XVI века Посольский приказ довольно часто выдает жалованные грамоты. Как правило, они содержат перечень торговых привилегий купечеству: ...пожаловали, поволели есмь им ходити в наши отчины со всякими товары и торговати на всякой товар повольною торговлею, а в Казань им и в Астрахань торговати ходити только с нашего царского величества повеленья» (Англия, 1584 г.)³⁰. В отдельных случаях грамоты свидетельствовали о пожаловании кого-либо званием, владением или военной защитой, «да английские же земли всех купцов и гостей пожаловали есмь Юшковским двором на Москве, у Максима святого» (1584 г.)³¹.

Во время подготовки посольства к отправлению и по мере его продвижения к месту назначения Посольский приказ вел служебную переписку с различными административными учреждениями и должностными лицами посредством так называемых «памятей», в которых содержались различные распоряжения.

В конце XV — начале XVI века памяти послам исполняли функции наказов, тех или иных поручений за рубежом: «А се такова память дана Чюре и Махметю: Князь велики велел тебе говорити: попал в руки наш человек твоему человеку... и ты бы их, тех наших людей, доискался, да к нам отпустил» (1507 г.); «Память Алексею... Да как будет быти Олексею у князя у Исаика, ино Олексею от великого князя поклонитнся князю Исайку и его княгине, да и подати им поминка... Да и после того Алексею молвити от великого князя...» (1475 г.)³².

Уже в конце XV века Посольский приказ вносил в памяти первые гипотетические вопросы и предполагаемые ответы иностранных правителей русским послам. Это были, по существу, инструкции Посольского приказа: «А учнет царь говорити о том... И послу говорити так и вспросит царь о... И послу говорити тах: ...» (1482 г.); «А взмолвит царь так... И говорити так...» (1487 г.); «А будет послу весть про то... И говорити, чтобы...» (1494 г.); «А случится послу самому быть в Орде и ему молвити...» (1493 г.)³³.

Среди многочисленных поручений, которые, согласно памяти, предписывалось послу Посольским приказом выполнять за рубежом, в начале XVI века появляется обязательный наказ собирать информацию о взаимоотношениях между правителями государств.

Встречаются в памятях и необычные просьбы, например узнать о распространении эпидемии: «Память Ивану Мамонову. Пытати ему в Вязьме князя Бориса: в Вязьму кто не приезживал ли болен из Смоленска тою болестью, что болячки мечются, а словет французскаа, будто в вине ее привезли» (1499 г.)³⁴.

Все поручения и документация посольства были строго секретны, о чем послу также указывалось в памяти на случай непредвиденных обстоятельств: «Нечто по грехом, принеможет, да будет добре болен и не почает себе, что ему живу не быти... А которые с ним списки грамотные и памяти и иные списки изтеряти» (1515 г.)³⁵.

Со второй половины XVI века содержание памятей становится более подробным и их называют «наказными» (1570–1577 гг.)³⁶.

Во время встречи иностранных дипломатов русские приставы по дороге к Москве переписывались с Посольским приказом. В этих случаях памяти часто содержат сведения по посольскому церемониалу.

В ответ на памяти в Посольский приказ поступали так называемые «отписки» от местных воевод и дипломатов с изложением выполнения тех или иных поручений. В конце XV — начале XVI века отписки стали своеобразным отчетным документом дипломатов. Со второй половины XVI века эту функцию исполняют «статейные списки», а отписки становятся сводками краткой, оперативной информации.

Посольский приказ готовил и более общие документы, которыми должны были руководствоваться дипломаты во время посольской миссии, — «наказы» (инструкции). В них подробно перечислялись цели и задачи посольства: возложенные на посла поручения, его обязанности и нормы поведения в чужой стране, а также излагались речи и ответы на возможные вопросы иностранцев. Кроме того, в указы входили предписания о сборе сведений о положении дел в государствах, куда направлялись послы, а также в других странах.

При подготовке наказов использовался архив Посольского приказа. Для успешного выполнения посольской миссии необходимо было учесть предыдущие дипломатические поездки в данную страну. Думный посольский дьяк просматривал и правил черновики наказов. Наказы — это важнейшая составная часть документации почти всех посольств.

Главнейшие вопросы, которых в Москве опасались и на которые Посольский приказ заранее готовил ответы, в XVI веке были: определение границ с Польским королевством и Великим княжеством Литовским; военная помощь России со стороны Крымского ханства; взаимоотношения с Казанью, Астраханью и Османской империей.

Наиболее частой и долго использовавшейся формулой, которая была разработана Посольским приказом для посольств, возглавляемых князьями и боярами, стала следующая: «Да пытати... как ныне король (ма-

гистр, султан, хан и т. п. — *Авт.*): 1) с крымским, и ...; 2) с цесарем, и ...; 3) с польским, и; 4) с турским, и; 5) с волошским, и; 6) с угорским, и; 7) с немцы ливонскими, и; 8) с шведским, и; 9) с прусским, и; 10) с Фердинантом чешским королем». Посольский приказ интересовался взаимоотношениями своих соседей. С большими или меньшими вариациями эта формула использовалась более 50 лет.

Московское правительство было заинтересовано в распространении за рубежом сведений о своем государстве.

Посольский приказ также интересовала внутривосточная ситуация в Польше, в Литве и отношения между Польским королевством и Великим княжеством Литовским. Эти вопросы появляются после 50-х годов в следующих формулах: «...как король теперь живет со своими лордами, перестал ли он с ними бороться»; «если еще воюет, то послы должны узнать, из-за чего, какие лорды с ним воюют; а в Великом герцогстве Литовском какие лорды с ним не согласны; если таковые есть, кто они, и что они говорят промеж собой о короле» (1550 г.).

В отношениях между Польшей и Литвой для Посольского приказа жизненно важна была проблема: собираются ли поляки поддерживать литовцев против России, «как с королем лятские люди, смолвились ли они с литовскими людьми заодин стояти» (1563 г.); «заодин ли им королевские земли оберегати, или литовским людям оберегати литовские стороны и польским людям оберегати польские стороны» (1567 г.). Требовалась также информация о соотношении сил между двумя частями Ягеллонского королевства: «И примирились ли литовцы с поляками; и если так, то на каких условиях» (1565 г.); «которая Рада посильнее, польская ли или литовская, и кто ныне ближних при короле радных панов» (1567 г.).³⁷

Из европейских государств в сфере интереса Посольского приказа постоянно находились Крым, Валахия и Турция и их взаимоотношения. В 1567 году возникает вопрос о зависимости Крыма от Турции: «Да и калге крымскому с крымскими людьми велел салтан к себе же идти» (1567 г.). Но чаще всего встречается стереотипная формула «как крымской с королем (польским. — *Авт.*)», затем следуют вопросы об обмене послами между этими двумя странами³⁸.

Посольский приказ также нуждался в информации о политике Валахии в Польше и Литве: «Кто был в этом году послан валашцами к королю? Если кто послан, то когда? И послан ли к королю? Если послан к королю, то видел ли его? В каких одеждах он прибыл, по какому делу?» Вероятно, Посольский приказ был хорошо осведомлен о трудностях Валахии, расположенной между Польшей — Литвой и Турцией, и поэтому постоянно спрашивает: «И волошский воевода как с турецким и с литовским?» (1554 г.).

Во второй половине XVI века внимание Посольского приказа было сконцентрировано на четырех государствах: Речи Посполитой, Крыме,

Валахии и Турции. Их внешние и частично внутренние проблемы вызывали наиболее устойчивый интерес. Международное положение в других частях Европы почти не привлекает внимания Посольского приказа. На первом месте находятся только страны, расположенные на западных и юго-западных границах.

При анализе международной политики важное значение имеет изучение не только дипломатических документов, но и самого процесса принятия внешнеполитических решений. Московские политики XVI века неизбежно сталкивались с проблемой информации. Посольский приказ представлял в распоряжение царя и Боярской думы общее знание окружающего мира, а также специальную информацию по текущим событиям.

Предполагаемые вопросы — это тот тип источников, с помощью которого Посольский приказ решал проблему своего информационного уровня. Размеры наказов и количество гипотетических вопросов зависели от времени, когда указы создавались, и от важности посольства. Краткие указы конца XV — начала XVI века становятся многословными со второй половины XVI века. Соответственно — и количество возможных вопросов.

Самым значительным был наказ посольству князя И.М. Канбарова в Польшу (1571 г.) относительно возможностей Ивана IV стать королем Польши, который (наказ) содержал более сорока вероятных вопросов³⁹. Посольствам, возглавляемым князем или боярами, давались более детальные инструкции, чем посольствам, во главе которых были дети боярские или дворяне. Наиболее тщательно разработанные указы относятся ко времени после 1549 года, когда И.М. Висковатый был назначен главой Посольского приказа.

Повторяемость содержания и даже совпадения текстов гипотетических вопросов свидетельствуют не только об устойчивом внимании российского правительства к определенному комплексу международных проблем. Это выражение дипломатического этикета. Традиции, обычаи и церемониал — неотъемлемая часть мировоззрения и взаимоотношений средневекового человека. Этикету подчинялось и государственное делопроизводство. Постоянные формулы были присущи всей приказной документации. Выбор устойчивых стилистических формул в наказах-вопросах определялся и литературным этикетом эпохи феодализма. Постоянные формулы присущи житийной литературе, воинским повестям, они встречаются в летописях, хронографах и посланиях.

Требования этикета порождали появление различных формул и трафарета ситуации. Составители наказов, дьяки и подьячие Посольского приказа не были свидетелями дипломатических переговоров; большинство из них никогда и не были за рубежом. Они сочиняли эту ситуацию исходя из своих представлений о том, как она должна была бы совершиться. По-

этому указы дипломатам — это также источник о сознании, духовном мире и литературных способностях наших соотечественников XVI века. Этикетные формулы поведения послов, предполагаемые вопросы и ответы, соответствующие речи, поступки и ситуации часто повторяются из одного наказа в другой. Служащие приказа находили прецеденты в прошлом и подчиняли события, думы, чувства и речи действующих лиц дипломатических переговоров заранее установленному «чину», своим представлениям об иностранных дворах.

В то же время возможные вопросы, которые они вкладывали в уста своих оппонентов, показывают, что они сами думали о России, о тех или иных странах. Поэтому нельзя усматривать в этикете дипломатической документации русского Средневековья только совокупность механически повторяющихся шаблонов или недостаток творческой выдумки.

В функции Посольского приказа входило и составление «росписки» поминок, которые русские послы везли главам правительств и их приближенным. Поднесение дипломатических даров имеет давние традиции и особенно широко практиковалось у монголо-тюркских народов. Первые «росписи» поминок встречаются в посольских книгах по связям России с Крымом; «Послал князь велики царю Менгли-Гирею соболь черн; а двема женам царевым по корабельнику. А брату цареву... соболь черн. А царевым детям... по золотому» (1486 г.)⁴⁰.

Подарки русских государей западным и восточным монархам разнились по составу. В Европу обычно посылали меха, чаще — соболя, а также лисиц, горностаев и белок. При этом указывалась их стоимость: «40 соболей — 50 рублей, 5 сороков куниц — по 10 рублей, 7000 белки по 12 рублей тысяча». Самые ценные соболя посылались поштучно, менее ценные — «сороками». В 1488 году Иван III отправил венгерскому королю Матиашу Корвину дорогой подарок; «соболь черн, ноготки у него золотом окованы с жемчугом, двадцать жемчугов новгородских на всех ногах, а жемчуги не малы, и хороши и чисты»⁴¹.

В XVI веке в качестве подношений от русских царей в росписях упоминаются также «рыбий зуб», то есть моржовая кость, и ловчие птицы — кречеты, соколы и ястребы. Реже посылались дорогая конская сбруя. Персидским шахам и грузинским царям иногда посылали живых зверей — соболей, медведей, охотничьих собак, а также оружие.

Зарубежные дары также брались на учет служащими Посольского приказа. Из посольских книг мы узнаем, что восточные дипломаты привозили в Москву дорогую одежду, ковры, ткани (шелк, бархат), перстни с самоцветами, драгоценные камни, породистых лошадей, расшитые золотом седла и уздечки. Подарки западных монархов были не столь роскошными. Имперский посол Н. Поппель преподнес жене Ивана III великой княгине Софье Палеолог попугая в клетке.

Елизавета I подарила Ивану Грозному охотничьих собак. Чаще среди даров, привозившихся с Запада, на первом месте была золотая и серебряная посуда. Кубки символизировали нерасчлененность договора как сделки, которая сопровождалась ритуальным питьем. Кроме того, внимание русского царя и его окружения привлекалось изделиями причудливой формы и тонкой работы. Австрийский посол Н. Варкоч подарил царю Федору Иоанновичу кубок, сделанный в виде цапли. Иван Грозный получил от шведского короля Эрика XIV драгоценную шпагу со вставленным в эфес пистолетом. Польский король Сигизмунд III Ваза почтил Бориса Годунова рыцарскими доспехами.

Во второй половине XVI века среди подарков деньги почти не встречаются. К этому времени в сознании русского общества окончательно оформились представления о том, что деньги могут быть лишь «жалованьем» от старшего к младшему, от государя — подданному или от сюзерена — вассалу. Когда в 1589 году английский посол Д. Флетчер попытался преподнести царю Федору Ивановичу золотые монеты, подарок был с негодованием отвергнут.

Росписи поминок представляют собой источник, отражающий отношения между государствами, поскольку они символизируют политическое соотношение сил. Государевы подарки посылались в зависимости от характера отношений. Так, несмотря на очень оживленный обмен посольствами, Иван IV не отправлял подарков ни Сигизмунду II, ни Стефану Баторию, но, правда, и сам ничего от них не получал. Было найдено компромиссное решение. И русские, и польско-литовские дипломаты подносили королю и царю подарки не официальные, а частные — как бы «от самих себя». Так же было и в русско-шведских отношениях: с началом Ливонской войны обмен подарками был только от имени послов.

Нерасположенность государя к послу или оскорбительная незначительность даров были причиной, по которой поминки возвращались. Чтобы продемонстрировать могущество и богатство своего государя, бояре вернули подарки «новоприбылого» кахетинского царя Александра со словами: «у государя нашего столько его царские казны, что Иверскую землю велит серебром насыпать, а золотом покрыть, да и то не дорого»⁴².

Росписи Посольского приказа четко распределяли дары между правителем страны и его приближенными — «кому какой поминок дати». Они также подтверждали правильность этого распределения согласно воле государя и отводили от посла подозрения в том, что часть подарков он утаил или присвоил себе.

В городах по пути следования члены посольства обеспечивались продовольствием («кормом»). Росписи определяли его количество в зависимости от страны и ранга, который занимал тот или иной член посольства, и также входили в посольские книги.

Согласно традиции, которая сохранилась на Руси, вероятно, еще со времен межкняжеских съездов домонгольского периода, участники съездов (послы) содержались за счет того князя (воеводы, государства), на чьей земле они находились. В XVI веке с момента встречи иностранных дипломатов всех рангов у рубежа России они переходили на полное государственное обеспечение и получали съестные припасы до пересечения ими границы в обратном направлении. В дороге послы обеспечивались продовольствием и фуражом в городах по пути следования. И за всем этим следил Посольский приказ.

Посольству И.Н. Беклемишева к царю Менгли-Гирею в 1502 году было расписано давать на день: «девяти человекам: тушу баранью да полгри-венки соли, да ставец заспы. А на кони на их, на двадцатеро лошадей и на две лошади, давати ему корм две четверти овса с полуосьминою, да два острамка сена... А имати тот корм... на станех во чиих селех ни буди». В конце XVI века посольству в Англию на отрезок пути от Ярославля до Вологды послу полагалось «15 ведр вина горячего, 7 пудов меду, 2 чети муки пшенинные добрые, 4 осетры, 4 каруты белужьи, 2 спины осетры»; его помощнику, дьяку, — «10 ведр вина, четверть муки пшенинные, 2 осетра, 2 прута белужья, 2 спины осетры, 4 пуду меду». В свою очередь, подьяче-му — лишь «2 ведра вина, 2 чети муки». Однако посланник Л. Новосильцев, будучи в Вене, с удивлением отметил, что испанский и папский послы, живущие при дворе императора, «едят свое, а не цесарское»⁴³. В Персии русские послы начинали получать «корм» лишь после первой аудиенции у шаха. В Турции выдача продовольствия прекращалась после прощальной аудиенции («отпуска»). В Крыму русские дипломаты чаще питались за свой счет, а припасы на обратную дорогу если и получали, то в очень небольшом количестве.

«Корм» в Москве выдавался непременно натурой. Получать на пропитание деньги считалось оскорбительным. Продовольствие поставлялось в большом количестве, но в соответствии со статусом дипломатического представителя. Императорский посланник Ян Кобенцель писал, что содержания, которое определили его посольству, «не только для тридцати, но и для трехсот человек» хватило бы.

Европейских послов всегда снабжали лучше, чем крымских и ногайских.

Наиболее интенсивными отношения в XVI веке были у России с Польшей и Литвой, нормы «корма», принятые для представителей Речи Посполитой, были своеобразной единицей измерения и выписывались «на пример». А Поссевино предписывалось давать продовольствие «в ту версту, как литовским болшим послам».

После заключения дипломатического соглашения или просто после аудиенции мог назначаться «корм почестной», как дополнительный к «рядовому».

Копии всех вышеупомянутых документов, которыми снабжались дипломаты, хранились в Посольском приказе и составляли группу под названием «отпуск».

Обратная связь между послами и Посольским приказом была отлажена довольно четко. Она отражалась сначала в донесениях или вестях с пути, а затем в основном отчетном документе посольства — так называемом «статейном списке». Его содержание излагалось по статьям и пунктам наказа. Отчеты послов, направляемые в Посольский приказ, не только фиксируют состояние международных дел и дипломатические перипетии того времени, но и являются свидетельством очевидцев всех событий, происходивших как в дороге, так и во время пребывания посольства за границей. Статейные списки составлялись дьяками или подьячими «для письма», а затем корректировались главой дипломатической миссии.

В XVI веке статейные списки являлись, по сути, главным источником информации о событиях за рубежом. Русские послы получали различного рода сведения от придворных, дипломатов, служилых людей, купцов, путешественников и др. Прежде всего их интересовали международные отношения. Статейные списки, а также привозившиеся послами из-за рубежа различные документы имели решающее значение для выработки внешнеполитического курса Российского государства.

Кроме того, в донесениях встречаются отдельные известия о событиях экономического характера, например о хлебном экспорте из Прибалтики на Запад: «А кораблей, государь, в Кольвани было мало, только три корабля, два любецкие, идут к Любку, а третий — колыванский — идет в Филандрию с рожью; а сказывают, государь, что в Филандрии рожь дорога, купят по сту золотых ласт (ласт — 125 пудов. — *Авт.*)»⁴⁴.

7 февраля 1503 года из Литвы приехал дьяк Губа Моклоков и «что ему о которых делах от короля отвечали, и он тому дал списки». В «списках» передается содержание переговоров о мире с королем Александром I Казимировичем и тайные «речи» с королевой Еленой Ивановной, дочерью Ивана III, о невестах для ее братьев. Все списки написаны Моклоковым в третьем лице и с оборотами прямой речи. Подобная же картина наблюдается и в других посольских книгах. Общей картины международной жизни ранние отчеты не давали.

Отличительной чертой донесений русских послов, как правило, являлась их фактографичность: они были лишь перечнем фактов (событий), без анализа. Такой характер «вестей» определялся их исключительно информативным назначением, отсутствием у русской дипломатии традиций отношений с иностранными государствами и профессиональных навыков у послов.

Большое количество статейных списков в Посольском приказе приходится на вторую половину XVI века. В это время возникает особый вид

делового письма, в котором дипломатический документ — отчет посла о выполненном поручении — соединяется с описанием путешествия и его рассказом о зарубежных странах.

Интересен статейный список И.М. Воронцова, который возглавлял посольство в Швецию в 1567–1569 годах⁴⁵. Он еще не содержит описания страны, ее населения и природы. Посол предельно точно отразил сложную ситуацию, в которой оказалось русское посольство. Воронцов должен был принять от шведского короля Эрика XIV присягу — «крестное целование» — во исполнение союзного договора, который был подписан в Москве в феврале 1567 года. Договор был большой удачей русской дипломатии. Ливония — главный предмет соперничества обоих государств — должна была быть поделена между ними, стороны обязывались оказывать военную помощь друг другу, а шведский король — беспрепятственно пропускать иностранных купцов и ремесленников в Россию.

Когда Воронцов прибыл в Стокгольм, он узнал, что в результате дворцовой борьбы Эрик XIV свергнут с престола. Послов не допускали к нему под предлогом того, что он «не сам у себя своею персоною», то есть психически болен. Противники короля под разными предлогами стремились выселить русских дипломатов из Стокгольма, в то время как Эрик XIV пытался вести с ними тайные переговоры о бегстве в Россию. Все участники конфликта не доверяли друг другу. В сложной атмосфере крайней подозрительности послы упорно отстаивали честь и достоинство Российского государства и, даже когда их ограбили, проявили исключительную выдержку.

Сухой язык переговоров прервался лишь раздраженным и ироническим вопросом русских: «И король у вас есть ли?» На предложение ожидать аудиенцию за городом послы ответили: «И за какую вину в село нам ехати?»

Самый ранний из сохранившихся от второй половины XVI века статейных списков русских послов к императорам — список К. Скобельцына (1574 г.). Свой рассказ о европейских делах посол начинает с указания на дружественные отношения между Империей — Римом, Испанией и Венецией: «Испанский король и папа римский и венициане с цесарем в крепком докончанье и друг другу помогают». Подметил Скобельцын и специфику франко-имперско-турецких отношений: французский король находится с императором в мире, но «не в крепком докончанье», а с турецким султаном — «в большой дружбе». Между императором и султаном существует перемирие, которое должно продолжаться еще полтора года. Император выплачивает султану ежегодную дань в 3 тыс. талеров за часть Венгрии, которая осталась за ним после битвы при Мохаче (1526 г.)⁴⁶.

Посольский приказ хранил и уникальный рассказ Скобельцына о событиях в Шотландии в XVI веке и судьбе ее королевы Марии Стюарт.

Не называя имен, Скобельцын лаконично передает основные из перечисленных событий: «А в Шкотцкой земле короля нет, ни королевы,

королева шкотская изымана, у английской королевы сидит; а которого она князя взяла себе в короля место и с землею, его излюбя, посадила на королевство, и того она же велела убить; а прижила с ним сына, ныне пять лет, и того ныне берегут, ждут его, каков вырастет, пригодится ли на королевство». По поводу религиозных войн во Франции Скобельцын писал, что у французского короля «с своими людьми война великая за веру», в связи с чем богатая раньше казна короля «поистощилась» и многие наемники из других стран, служившие французскому королю, «порозъехали»⁴⁷.

Информация Скобельцына представляла несомненный интерес для внешней политики России.

Самым ранним статейным списком посла в страны «азиатские» можно назвать отчет И.П. Новосильцева о поездке в Турцию (1570 г., январь — сентябрь). Участниками посольства были сам И.П. Новосильцев, его сын, подьячий П. Износков, татарин-переводчик Девлет Козя и кречетник (лицо, приставленное к кречету — птице, привезенной в подарок султану). Формальной целью посольства было поздравление султана Селима II с восшествием на престол и установление с ним дипломатических отношений. После неожиданного нападения осман на Астрахань в 1569 году Иван IV пытался урегулировать отношения с Турцией. В грамоте, посланной с Новосильцевым, царь предлагал султану восстановить прежние дружеские отношения между обоими государствами. И.П. Новосильцев уже имел дипломатический опыт: в 1564–1565 годах он вел переговоры с кабардинским князем Темрюком Айдаровичем⁴⁸. После выполнения миссии при дворе султана И.П. Новосильцев в 1569 году был назначен начальником Печатного приказа.

В статейном списке миссии Новосильцева имеется информация о турецком походе на Астрахань, которую он записал со слов пленного во время своего путешествия на корабле. Во время описания переговоров Новосильцев обращает внимание на руководящую роль визиря Мухаммеда во внешней и внутренней политике султана Соколи: «Которое дело похочет зделать большой Маамет-паша и то деи зделает, а турский его жалует и слушает во всем». Отмечаются послом и особые почести для русских дипломатов: «а поклон правил стоя, а не на коленках, а салтан против того не промолвил ни одного слова»⁴⁹.

Посольский приказ получал и статейные списки русских дипломатов из Крыма. Преобладающей формой отчета во второй половине XVI века в этом регионе оставались отдельные грамоты с вестями, посылавшиеся в Приказ до возвращения посла, а не заключительные отчеты-дневники. Именно такой характер имели многочисленные отписки, отправляемые из Крыма послом А. Нагим, жившим там безвыездно в течение 10 лет (1563–1573 гг.). Миссия Нагого имела чрезвычайно важное значение: находясь при дворе хана, Нагой должен был следить за крымской поли-

тикой и удерживать хана от враждебных России действий. Нагой писал в Москву систематически, отправляя свои отписки с гонцами в Приказ. Поскольку Нагой находился в Крыму во время крымских походов на Русь (1564–1571 гг.) и турецкого похода на Астрахань, его сообщения представляют исключительный интерес. В посольских книгах они именуются по-разному: грамотами, вестями, списками и даже «разговорным большим списком». Нагой был выслан ханом из Крыма в конце 1573 года, и суммированного списка-отчета о его миссии до сих пор не обнаружено⁵⁰.

Формуляр статейных списков окончательно оформляется в последней четверти XVI века. Тогда же статейные списки включают материал буквально о всех крупных событиях международной политической жизни.

Отчеты послов во второй половине XVI века снабжали Посольский приказ сведениями не только о политической жизни. Значительно увеличилась общая информационная насыщенность. Церемониалу европейских дворов, приемам у высших сановников, описанию резиденций наибольшее внимание в своих статейных списках уделили З. Сугорский и А. Арцыбашев, Я. Молвянинов и Т. Васильев, А. Новосильцев, Ф. Писемский, И. Шевригин и др.⁵¹ В отчетах приводятся пространные описания маршрутов русских послов, географических особенностей стран, обликов городов, подробностей быта и проч.

Статьейные списки как форма дипломатических отчетов просуществовали до первой четверти XVIII века, когда в России была введена система постоянных дипломатических представительств за рубежом. Регулярно поступавшие оттуда сведения сделали ненужными статейные списки, и составление их постепенно прекратилось.

Среди посольской документации выделяется группа материалов, связанных с возвращением дипломатов на родину. Во время последнего приема глава государства прощался с послами, передавал поклон великому князю и сообщал, что он пошлет к нему своего посла. По мере надобности российским послам вручались так называемые ответные грамоты, почти дословно повторявшие содержание «верющей» грамоты. В конце ее излагается ответ. Посольство вообще считалось несостоявшимся без последнего приема. Послам устраивались торжественные проводы до того места, где их в свое время официально встречали, а затем они ехали до границы с приставом. На русской границе дипломатов ждали русские приставы, сопровождавшие их к великому князю.

Во время поездки глава посольства вел переписку с Посольским приказом. Сразу же по прибытии на родину он отправлял с гонцом в Москву краткий отчет о результатах посольской миссии. В нем сообщалось о дате возвращения, о содержании ответной грамоты.

По возвращении в Москву все материалы посольства передавались в Посольский приказ. Документация, связанная с пребыванием дипломатов

за границей, объединялась в группу «приезд» и, как правило, начиналась с ответных грамот. Сюда входили также статейные списки.

После того как царь совместно с думным посольским дьяком выслушивали отчет посла, начинались «распросные речи», текст которых фиксировался. Записи представляют собой свидетельства различных лиц (посла, дьяка, подьячего или переводчика), касавшиеся чаще всего поведения членов посольства, конфликтов между ними, а также отдельных деталей хода переговоров. «Распрос» вели думный дьяк и его товарищ. Тексты распросных речей в основном относятся ко второй половине XVI века. Распросные речи являлись своего рода дополнением статейного списка и завершали посольскую документацию группы «приезд».

Описание работы Посольского приказа будет неполным без упоминания о документации иностранных посольств, которая находилась в ведении Приказа, следившего и за церемониалом.

В XVI веке иностранных послов, как правило, провозили через города, где собирали дворян и детей боярских, чтобы представить государство многолюдным и богатым. За несколько верст до Москвы посольство останавливалось в ожидании разрешения на въезд. В назначенный день навстречу выезжали московские приставы, а из царской конюшни высылались возки, кареты и верховые лошади. Часто разгорались жаркие споры о том, кому следует первому сойти с лошади, и если не приходили к соглашению, то все сходили одновременно. Немецкий дипломат С. Герберштейн похвалялся тем, что обманул «москвитов», сделав вид, что первым готов сойти с лошади. Затем пристав читал приветствия от имени царя и садился в карету к послу, предварительно поспорив о том, какое место он (пристав) займет в ней.

Для размещения особенно часто приезжавших в Москву послов — крымских, ногайских, польско-литовских и английских — уже в XVI веке существовали особые дворы, а с начала XVII века в Китай-городе на Ильинке был устроен особый Посольский двор.

Чем выше был ранг посла, тем торжественнее обставлялось его следование во дворец. «Важно было показать чужестранцам могущество князя, а посольствам от иностранных государей явить всем его величие»⁵² — так трактовалась задача церемониала.

Въехав в Кремль, послы должны были спешиться на некотором расстоянии от дворцовых лестниц. В приемную палату входили двумя путями. Один, более длинный, вел через лестницу и паперть Благовещенского собора, другой — через Среднюю лестницу и Красное крыльцо. Первым обычно шли посланцы христианских государей, вторым — мусульманских. Перед послами шел секретарь посольства, высоко подняв в руке верительную грамоту, завернутую в камку. На лестнице и в покоях, через которые следовали послы, стояли дворяне, приказные люди и гости

в золотом платье и в меховых шапках, а низшие чины — в чистом платье. Прием проходил в различных палатах дворца — в Столовой, в одной из Золотых подписных, иногда в Грановитой.

Во время обеда по определенному церемониалу произносились здравницы в честь царя и того государя, которого представляло посольство. На официальных обедах Столовую палату украшали поставцы с огромным количеством золотой и серебряной посуды. По образному замечанию австрийского посла И. Кобенцля (1576 г.), ее с трудом могли бы вместить 30 венских повозок⁵³. Через несколько дней торжественной аудиенции назначалась вторая, во время которой царь сообщал послам, что, ознакомившись с содержанием «верющей» грамоты, он назначил несколько бояр «в ответ» (для переговоров). Иногда приемы у царя происходили по несколько раз, а по окончании их назначалась последняя, прощальная аудиенция.

В Посольском приказе сохранились не только описания приемов, но и многочисленные грамоты, договоры, ратификации и т. д. Особое место занимают записи речей иноземных дипломатов. Преследуя свои цели, посланники разных стран передавали российским государям массу различных сведений о тех или иных событиях. Речи послов фиксировались в посольских книгах и служили дополнительным источником информации.

Например, гонец Максимилиана II Магнус Паули, прибывший летом 1573 года в Россию, поведал Ивану IV о «кручинах», которыми был охвачен император. Его рассказ связан с событиями Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.) и записан в посольской книге следующим образом: «...король францовский воевался с королем нафарским, а воевася, умыслил злодейским обычаем, чтобы с ним помириться, а помирився, зговорил сестру свою за нафарского короля. И король нафарский приехал на свадьбу, и с ним многие люди приехали. И король нафарского, зятя своего, изымал и посадил в тюрьму, и ныне сидит в тюрьме, а людей его, всех бояр и дворян, и всяких людей и з женами, и з детьми тое же ночи побил и до одинова, а сказал — побил их для веры, что они не его веры, да которое и его земли и тое же веры с тем королем з нафарским, а францовской не той веры, и король францовский и тех побил; всего в то время побил всякого человека и со младенцы до ста тысяч. И королю, и всея цысарской области, и всем крестьянским государем пригоже о том болезновати и кручинитися, а с тем злодеем со францовским не знатца, кроме над ним мстить: то, чего ни в которых землях не бывало, что он учинил»⁵⁴.

Подобное детальное изложение было характерно для Посольского приказа и распространялось на документацию как российских, так и иностранных послов.

В Посольском приказе все документы русских и иностранных посольств, кроме подлинных грамот и договоров, объединенных в группы

«отпуск» и «приезд», подклеивались в хронологической последовательности, так возникали вышеупомянутые «столбцы». Из них выбирались документы, необходимые для дальнейшей дипломатической практики, и переписывались в определенном порядке в тетради, а затем переплетались в книгу.

5. Руководители Приказа, его видные сотрудники

Особое внимание следует обратить на личности руководителей Посольского приказа. Они определяли внешнеполитический курс Российского государства, разрабатывали и утверждали формуляры деловых бумаг, их форму и содержание, закладывали основы систематизации, хранения и использования дипломатической информации. Благодаря их стараниям дипломатическая документация в целом и посольские книги в частности стали уникальным комплектом документов для изучения внешней политики России.

Жизненный путь и судьба каждого из начальников Посольского приказа в определенной степени отражают особенности своего времени, его настроение и нравы.

Иван Михайлович Висковатый был первым из известных нам руководителей (судей) Посольского приказа, по сути дела министром иностранных дел России XVI столетия. Его имя и дата назначения на столь высокий пост установлены историком С.А. Белокуровым. В начале нашего века ученый обнаружил в архиве подлинную выписку из посольских дел середины XVI века, в которой упоминается, что в 1549 году «приказано посольское дело Ивану Висковатому»⁵⁵. Видимо, не без оснований Иван Грозный поручил ему посольское дело через два года после того, как венчался на царство. А осенью 1570 года И.М. Висковатый был казнен по подозрению в измене.

Что же произошло за эти двадцать с небольшим лет? По отдельным сведениям, мы можем лишь в общих чертах воссоздать жизненный путь человека, стоявшего во главе русской дипломатии в бурные годы царствования Ивана Грозного.

Поначалу худородный Иван Михайлович не слыл любимцем царя, но впоследствии оказывал на него большое влияние и благодаря своим природным дарованиям поднялся на самые высокие ступени служебной лестницы. Протестантский священник и публицист Павел Одеборн так характеризовал Висковатого: «Муж искусством красноречия замечательный более прочих»⁵⁶. Составитель Ливонской хроники Б. Руссов писал: «Иван Михайлович Висковатый — отличнейший человек, подобного которому не было в то время в Москве; его уму и искусству — как москвиту, ничему не учившемуся, — очень удивлялись иностранные послы»⁵⁷.

Впервые имя Висковатого упоминается в дипломатических делах в 1542 году. Видимо, немалым усердием и активностью в политической борьбе отличался Висковатый. Накануне 1549 года было несколько возможных претендентов на пост главы внешнеполитического ведомства. Однако с января 1549 года привезенные послами грамоты царь все чаще приказывает принимать именно И.М. Висковатому. Он выполняет и иные дипломатические поручения. В том же январе Висковатый встречался с ногойскими послами и с бывшим астраханским «царем» Дербышем.

Важно отметить дату 22 января, когда «с ответом к литовским послам ходили» бояре В.М. Юрьев, П.В. Морозов, дьяки И.Е. Циплятев, Б.М. Карачаров и подьячий И.М. Висковатый. При этом царь приказал в присутствии иностранных послов называть подьячего Висковатого дьяком: «а велел его послом сказати дьяком»⁸⁸. С этого времени начинается активная деятельность Висковатого в качестве главы Посольского приказа. Об этом, в частности, говорят многочисленные записи, сделанные в дворцовых документах (разрядах). С 1549 по 1559 год в Москву приезжали 32 посольства из разных стран. Во всех переговорах обязательно участвовал Висковатый.

Круг обязанностей И.М. Висковатого был чрезвычайно разнообразен. Он ведал перепиской царя и Боярской думы с иноземными послами, участвовал в предварительных переговорах, решал вопросы, связанные с пребыванием в Москве иностранных дипломатов, занимался организацией русских посольств в ту или иную страну. Как ближний государев дьяк, Висковатый, согласно установившемуся обычаю, во время болезни царя делал записи, которые затем использовались в качестве заготовок для официальной летописи.

Став главой Посольского приказа, Иван Михайлович получил в свое ведение так называемый Царский архив — главный государственно-политический архив России XVI века, содержавший огромное количество ценнейших документов. Систематизация государственного архива и организация текущего делопроизводства стали одной из первых задач И.М. Висковатого.

Первоначально Висковатый завел для учета ящиков архива специальные книги. По мере поступления в архив новых материалов ящики с ними нумеровались и добавлялись к прежним, о чем в книге делались соответствующие записи. В переписных книгах Висковатый оставлял пометы об использовании документов в текущей работе, то есть о выдаче их в различные государственные учреждения (личная казна царя, приказы и др.). Встречаются, например, такие пометы: «взяты к государю», «у государя», «у государя в казне». Специальные чистые листы в книгах оставлялись для фиксирования возможных новых поступлений. Появляются и новые книги с записями текущих дел.

Не только благодаря своему усердию продвигался Иван Михайлович по службе. Кто-то стоял за его спиной, опекая и поддерживая в трудные минуты жизни. Вероятнее всего, это были родственники первой жены царя, Анастасии, — Захарьины, которые с давних пор благоволили к Висковатому. Особенно сблизились они после болезни царя, случившейся в 1553 году. Болезнь царя была тяжелой, со дня на день ждали его кончины. В этот критический момент Иван Михайлович напомнил государю о духовном завещании, которое и было составлено с его помощью в пользу полугодовалого наследника — царевича Дмитрия (сына царя Ивана IV и царицы Анастасии).

В то время царская родня Старицкие, опасаясь возвышения Захарьиных, втайне готовились захватить престол. Двоюродный брат царя Владимир Андреевич Старицкий и его мать Ефросинья, поддерживаемые знатными боярами, не желали присягать младенцу — «пеленочнику» Дмитрию. Была тогда между боярами «брань большая, крик и шум», но в конце концов большинство «поцеловали крест» царевичу Дмитрию. Честь же держать тот крест выпала тогда по воле Захарьиных Висковатому. Царь вскоре оправился после болезни и приблизил к себе верных слуг, в числе которых был и Висковатый⁵⁹.

В 50-е годы почти все дела в стране вершил весьма узкий круг приказной бюрократии, которая постепенно стала инициатором преобразования и внутренней жизни государства и его внешней политики. Основным пунктом внешнеполитической программы стала экспансия на восток, способствовавшая покорению Казанского ханства и Астрахани. Висковатый сопровождал царя в Казанском походе, но сведений о его участии в осуществлении восточной политики почти нет.

Гораздо более активно вел себя глава Посольского приказа, когда речь шла об отношениях России с Западной Европой.

В 1553 году у берегов Белого моря бросил якорь английский корабль под командованием Ричарда Ченслера. Иван IV пригласил англичан в Москву, и они с изумлением увидели величественного русского царя, сидящего в золотом платье на троне с богатым скипетром в руке. После пышного приема Ченслеру вручили грамоту — послание королю Эдуарду VI. В 1555 году Ченслер вновь приехал в Россию с двумя агентами торговой компании. После официального приема переговоры с ними вел И.М. Висковатый совместно с «лучшими» московскими купцами. Иван Михайлович оценил перспективы торговых сношений России с Англией.

Дружественные дипломатические связи России с Англией, выгодная торговля, военная и экономическая помощь продолжались вплоть до второй половины XVII века. Современники даже называли Ивана IV «английским царем». Основа столь прочного союза была заложена при участии Висковатого⁶⁰.

Суровые природные условия на Белом море мало способствовали развитию российской торговли. Балтийское море гораздо больше подходило для установления политических и торговых связей со странами Западной Европы. Но Польша, Литва и Ливонский орден, контролировавшие Восточную Прибалтику, мешали России реализовать ее экономические и военные интересы. Господства на Балтийском море добивались также Швеция и Дания.

Москва наследовала древнюю новгородскую торговлю с балтийским побережьем. Однако ливонские купцы стремились держать в своих руках все движение товаров и не слишком охотно пускали русских людей к морю, а иностранцев — на Русь. К тому же ливонцы старались не пропускать в Москву никаких мастеров, а также серебро, оружие и другие «заповедные» товары. Московское правительство желало освободиться от ливонского посредничества, завладеть морскими гаванями и вступить в прямые торговые сношения с Европой. В 1558 году русские войска вошли в Ливонию и началась война, затянувшаяся на целых 25 лет.

С первых же дней войны в правительстве образовались две партии. А.Ф. Адашев и его окружение считали необходимым продолжение военных действий в Крыму. Начальник же Посольского приказа Висковатый, воспользовавшийся поддержкой многих московских дворян, был решительным сторонником Ливонской войны. Под ударами русского оружия Ливонский орден распался. Победное завершение войны в Ливонии было вроде бы совсем близко, но Адашев, руководивший войсками, не воспользовался благоприятным моментом; вскоре наступление приостановилось.

Иную позицию в ливонском вопросе занял И.М. Висковатый. В 1559 году в Москву прибыло датское посольство и представило ряд предложений по делам Ливонского ордена. В ответ Висковатый заявил, что Дания не должна была принимать жалоб ливонцев — подданных московского государя. Обратившись к иностранным государствам, ливонцы, по мнению дьяка, уподобились неверным слугам, которые, украв имущество своего господина, продают его (имущество) другому.

Висковатый надеялся, что его решительность поможет Москве отстоять свои интересы в Прибалтике и вынудит европейские державы признать русские завоевания, сделанные в первые годы Ливонской войны. Однако добиться успеха дипломатическими средствами не удалось; ситуация складывалась неблагоприятно для Московского государства.

После утверждения 28 января 1561 г. польско-литовской унии стало очевидно, что надо готовиться к возобновлению военных действий. 21 мая 1562 года Иван IV «пошел на свое дело Литовское» в Можайск. При царе находилась посольская походная канцелярия, которую вместо Висковатого возглавлял дьяк Андрей Васильев. Оставшись в Москве, Висковатый принял датское посольство и после предварительных переговоров отправил

датчан в Можайск. Тот факт, что Иван Михайлович в отсутствие царя остается при дворе, принимает иностранное посольство и, возможно, вершит другие дела, свидетельствует о доверии к нему и о его привилегированном положении.

В то же время Висковатый принимает самое активное участие в ливонских делах. Чтобы обратить все силы против Литвы, он предпринимает по тем временам достаточно неожиданный шаг. 12 августа Иван Михайлович сам выезжает в Данию для подтверждения договорной записи. Для XVI века поездка за границу непосредственного руководителя внешней политики — явление весьма знаменательное. В столь ответственном и важном посольстве Висковатого сопровождал его родной брат Третьяк. Благодаря успешным переговорам был заключен союзный договор с Данией и достигнуто 20-летнее перемирие со Швецией. Участие в посольстве расширило представления Висковатого о реальном соотношении сил в Европе. Его личный дипломатический опыт, несомненно, способствовал в дальнейшем развитию и совершенствованию посольской службы.

Война с Ливонией шла с переменным успехом, победы сменялись поражениями. Ряд военных неудач 1564 года на реке Уле, под Оршей, набеги татар, побег командующего русскими войсками в Ливонии князя А.М. Курбского в Литву сильно пошатнули позиции России. В 1566 году в Москву из Польши прибыло Великое посольство для ведения переговоров о выходе из Ливонской войны и заключении мира. Польские послы не желали уступать России морской порт Ригу, и переговоры зашли в тупик. Опытный дипломат, Висковатый на Земском соборе настоятельно рекомендовал заключить перемирие, не требуя у Польши уступки спорных ливонских городов, но с условием вывода оттуда польских войск и нейтралитета Польши в Ливонской войне. Однако участники специально созванного Земского собора высказались против уступки ливонских земель и заверили правительство в том, что ради полного завоевания Ливонии они готовы на любые жертвы.

В дальнейшем дипломатическая прозорливость Висковатого подтвердилась. Неудачные переговоры 1566 года способствовали объединению на Сейме в городе Люблине Польши и Литвы в сильное государство — Речь Посполитую (1569 г.).

Висковатый слыл одним из образованнейших людей России. При Посольском приказе он создал библиотеку, которой сам постоянно пользовался. Среди собранных там книг были сочинения по географии, «козмографии», русские летописи, польские и литовские хроники, сочинения Дамаскина и Златоуста, Коран и т. д. В дипломатических документах и устных переговорах Висковатый постоянно употреблял цитаты из Библии и святоотеческих писаний. Дьяк настолько свободно владел слогом церковной литературы, что в свое время даже составлял грамоты

для митрополита Макария. Поэтому представляется далеко не случайным тот факт, что он оказался в центре событий, связанных с делом о ереси Башкина⁶¹.

Летом 1553 года в Москве состоялся церковный собор, осудивший одного из радикальных религиозных мыслителей XVI века Матвея Башкина и его «единомыслииных». Среди последних были тверские дети боярские Григорий и Иван Борисовы — троюродные братья и придворные матери Владимира Андреевича Старицкого, Ефросиньи. Ереси Башкина сочувствовал лидер нестяжателей старец Артемий — бывший игумен Троице-Сергиева монастыря. Вновь ожили в памяти царя недавние события заговора Старицких. По мнению собора, Башкин и его сторонники отрицали Божественность Христа, церковную иерархию, таинства, критически относились к церковному преданию, житийной литературе. Божественное писание они считали «баснословием», делая исключение только для книг Нового Завета, но и те, как отмечалось на соборе, излагали «неистинно». Одним из тезисов Башкина было отрицание полного кабального холопства; более того, сам он стал держать своих людей «добровольно». (Подобные идеи проповедовали несколько раньше Сильвестр и И.С. Пересветов.)

Во время суда над Башкиным 25 октября 1553 года И.М. Висковатый в присутствии царя и бояр обвинил Сильвестра и протопопа Благовещенского собора Симеона в пособничестве еретикам. Один из пунктов обвинения был связан с росписями Благовещенского собора в московском Кремле. После пожара 1547 года, во время которого пострадал храм, царь поручил Сильвестру восстановить росписи. Макарий и Сильвестр пригласили иконописцев из Новгородской и Псковской земель. Мастера, работавшие под наблюдением митрополита и Сильвестра, выполнили в Москве много работ; руководствуясь традициями северо-западной школы, они, как казалось многим ревнителям старины, в том числе и Висковатому, слишком далеко отходили от канона, сложившегося в Московской земле. Так, стены Золотой палаты были украшены вполне светской живописью — аллегорическими изображениями молодого царя в образе справедливого судьи, храброго воина, щедрого правителя. Писали северные мастера и картины из русской истории. Те же иконописцы создали новые иконы и фрески для Благовещенского собора.

Против нововведений, показавшихся Висковатому заимствованиями с Запада, и выступил дьяк на соборе, осудившем Башкина. Дело, однако, вскоре приняло неожиданный оборот. Висковатый сам стал обвиняемым. Об этом свидетельствует определение церковного собора, данное «диаку Ивану Михайлову... к его душевному исправлению» за то, что он в течение трех лет «от своего мнения о тех святых честных иконах сомнение имел, и вопил, и возмущал народ... в соблазн и поношение многим». Иными словами, Висковатый приходил в Благовещенский собор и обращался

к собиравшимся там людям с обличениями, стараясь как можно более возбудить общественное мнение против еретиков.

Слишком ревностный поборник православной старины, Висковатый был резко одернут самим митрополитом Макарием.

Не убоившись грозного тона, Висковатый подал митрополиту пространную «Исповедь» с изложением своих сомнений. Дерзкий дьяк, впавший, по словам Сильвестра, в «бесстыдство», потребовал, чтобы его «список был изсвидетельствован» священным собором, то есть хотел быть выслушанным и получить официальный ответ. В результате/ 14 января 1554 года Висковатого на три года отлучили от церкви. В первый год он должен был стоять около храма, каяться и просить входящих в храм помолиться за него; во второй — входить в церковь только для слушания Божественного писания; в третий — находиться в церкви, но без права принимать причастие.

Довольно грубо ему предписывалось «ведать свой чин» и не воображать себя «головой», будучи «ногой». Однако, несмотря на близость митрополита Макария и Сильвестра к царю, Висковатый открыто выступал против них целых три года. С некоторыми его замечаниями церковный собор согласился и приказал в соответствии с ними исправить иконы. Служебное положение Висковатого осталось прежним. Не исключено, что сам царь покровительствовал Ивану Михайловичу, поощряя его противостояние Макарию, Сильвестру и Избранной раде.

Иван IV давно уже тяготился опекой Избранной рады и нуждался в новых советниках. Вероятно, именно поэтому 9 февраля 1561 года он жалует Висковатого званием «печатника» (хранителя государственной печати), называет его «своим ближним и верным думцем». С этого года Висковатый в дипломатических документах одновременно именуется печатником и дьяком. Немец-опричник Генрих Штаден свидетельствовал: «Кто получил свою подписную грамоту, должен идти к Ивану Висковатому, который хранил печать. Человек он гордый, и счастливым мог почитать себя тот, кто получал от него грамоту в течение месяца»⁶². Перед нами, таким образом, законченный портрет державного правительственного сановника с манерами истинного бюрократа.

Другому современнику этих событий принадлежат следующие беспощадные слова о царе и его ближайшем помощнике Висковатом: «Секретарь тирана и заместитель казначея»⁶³. Правая рука царя, Висковатый неоднократно произносил речи от его имени. Так, в 1561 году, когда шведы просили о частичном изменении практики обмена посольствами между Москвой и Стокгольмом, он говорил: «То дело надлежит тягостнее свыше всего, что прародителей своих старина порушити»⁶⁴.

Итак, несмотря на внешнее благополучие, положение Висковатого не было безоблачным. После возвращения из Дании в ноябре 1563 года

он постоянно назначается царем в состав боярских комиссий для переговоров с иностранными послами, но практически не занимается делопроизводством Посольского приказа. Во время пребывания Висковатого в Дании дьяк Андрей Васильев стал называться «царского величества думным дьяком» и оставался таковым в дальнейшем. Таким образом, летом 1562 года дела посольского дьяка фактически переходят из рук И.М. Висковатого к Андрею Васильеву, который до того времени исполнял обязанности его помощника. Однако Иван Михайлович продолжал оставаться советником царя.

Какое место в сложное для страны время — в 1560-е годы — занимал Висковатый, какова была его общественная и гражданская позиция? Документальных свидетельств о его деятельности по возвращении из Дании осталось очень мало. Мы знаем, что он, А. Васильев и ставленник Захарьиных Никита Фуников, стоявший во главе финансов Казенного приказа, держали в своих руках важную приказную документацию. Для оправданий опричных репрессий необходимы были официальные документы, компрометирующие влиятельных лиц государства. Как уже говорилось, государственный архив с момента образования Посольского приказа находился в ведении думного дьяка. Висковатый, приставленный к посольскому делу уже около 20 лет, прекрасно ориентировался в фондах архива и, вероятно, мог оказать определенную помощь в подборе материалов.

Ярким примером участия Висковатого в подобной работе является официальное московское летописание, к которому в XVI веке в значительной мере был причастен Посольский приказ. В описываемый период непосредственное отношение к составлению летописей имели А.Ф. Адашев и И.М. Висковатый, использовавшие документы Царского архива. Во второй половине XVI века составлялось крупнейшее летописно-хронографическое произведение средневековой Руси — Лицевой свод. Предварительная работа — выбор используемых летописных списков и других памятников письменности, живописных образцов, написание черновиков, памятей и т. д. — осуществлялась в Посольском приказе при деятельном участии Висковатого. В Лицевом своде неоднократно упоминается его имя как активного и искренне преданного сторонника Ивана IV. Трудно точно представить себе объем проделанной работы и тем более определить степень участия И.М. Висковатого в осуществлении замысла царя. Книга неоднократно редактировалась в соответствии с необходимостью определить чью-либо вину или заслуги, но положение Висковатого осталось неизменным.

Обстановка в стране становилась все более напряженной (боярские заговоры, опричные погромы, подозрительность царя). Висковатый был отстранен от руководства внешней политикой. Опричная дипломатия терпела одно поражение за другим.

В конце 60-х годов высокое положение при дворе занимают братья Щелкаловы. Можно предположить, что они специально затеяли спор с И.М. Висковатым о земельных владениях, в результате чего Василию Щелкалову присудили за «бесчестие» 200 руб., а Висковатый был вынужден уступить ему свою вотчину в Переяславском уезде. Интрига Щелкаловых сыграла не последнюю роль в будущей опале Висковатого, а в лице Андрея Щелкалова царь уже готовил ему замену.

Но пока 7 мая 1570 года Иван IV принимает литовских послов, а «встречи им были две: первая встреча — вышел из столовых сеней на рундуке печатник Иван Михайлович Висковатый да дьяк Андрей Щелкалов». В июне 1570 года Висковатый участвует в боярской комиссии на переговорах с польскими послами в Москве, и 22 июня вручает послам грамоту. Через месяц после этого он будет казнен.

Нет сомнений, что участь Висковатого была предreshена, необходим был лишь предлог. Сразу по возвращении опричного войска из Новгорода затеяли так называемое «московское дело» против высших приказных чинов, по которому среди прочих арестовали и казнили родного брата Ивана Михайловича — Третьяка. Висковатый резко объяснился с царем, убеждая его прекратить кровопролитие. Иван IV в ответ разразился угрозами.

Вскоре было предъявлено обвинение более чем 300 людям, в том числе почти всем главным дьякам московских приказов. Висковатого обвинили в заговоре с целью сдать Новгород и Псков польскому королю и посадить на трон В.А. Старицкого, в изменнических сношениях с турецким султаном и крымским ханом, которым он будто предлагал Казань и Астрахань. Тем самым опричные деятели снимали с себя большую долю вины за военные неудачи.

Суд и розыск по «московскому делу» были недолгими. 25 июля 1570 года осужденных вывели на рыночную площадь, именовавшуюся в народе Поганой лужей. На площади были приготовлены орудия пыток, горел высокий костер, над которым висел чан с водой; стояли виселицы. Иван Грозный явился в окружении полутора тысяч стрельцов. Висковатого распяли на кресте из бревен и после гордого отказа повиниться и просить о помиловании расчленили живого на глазах царя и толпы⁶⁵.

Так расправился Иван IV со своим испытанным советником, которого, по свидетельству современников, «любил как самого себя». Вместе с Висковатым казнили более ста человек, в том числе бывшего его помощника, главу Посольского приказа А. Васильева и государственного казначея Н. Фуникова. Описывая казнь Висковатого, итальянец А. Гваньини заключал: «Таков конец превосходного мужа, выдающегося по уму и многим добродетелям, канцлера великого князя, равного которому уже не будет в Московском государстве»⁶⁶.

Остается добавить, что, учреждая в 1583 году во всех монастырях поминовение опальных, царь прислал в Троице-Сергиев монастырь очень большой вклад на помин души Висковатого: 223 руб. и на 23 руб. вещей. Для сравнения: на поминовение Сильвестра в Кирилло-Белозерский монастырь было выделено 25 руб. и 25 алтын⁶⁷. В последующих приписках к Царственной книге, которые были сделаны, очевидно, самим царем уже после смерти Висковатого, особенно подчеркиваются полезные дела и верность дьяка.

Братья Щелкаловы. На исходе XVI столетия Посольский приказ один за другим возглавляют два родных брата Щелкаловы: Андрей Яковлевич (1570–1594 гг.) и Василий Яковлевич (1594–1601 гг.).

Родились они в семье подьячего Якова Семеновича Щелкалова. Можно предположить, что были родом из Подмоскovie. Годы рождения братьев неизвестны, но в челобитной 1598 года имеются некоторые сведения об их предках: «А Васильев отец был подьячий — сидел в Разбойном приказе, а прадед его был барышник на конской площадке (торговал скотом. — *Авт.*) и дед с молода да и под старость был православный поп»⁶⁸. В 1549 году Я.С. Щелкалов получил должность дворцового дьяка — стал придворным⁶⁹. Положение отца открыло перед братьями дорогу в среду дворцовых служащих. Так, уже с 1550 до 1556 года «Андрюшко Яковлев сын Щелкалов состоял в разряде в числе податней у рынд»⁷⁰, то есть был помощником оруженосцев-телохранителей.

Андрей Яковлевич, наиболее талантливый из братьев, инициатор и проводник царских реформ 60–90-х годов XVI века, был человеком безусловно выдающимся. «Лукавый дьяк государственный...»⁷¹ — типичный приказной человек, бюрократ, обязанный своей карьерой собственной предприимчивости, природным способностям, а также благоволению вышестоящего боярства или царя. Свидетельства современников достаточно красноречиво говорят о деловых и моральных качествах «ближайшего дьяка» Ивана Грозного, для которого «весь мир был бы... мал»⁷².

В 1566 году А.Я. Щелкалов уже указан в числе пяти думных дьяков. Он не был особенно разборчив в выборе средств: выдавал грамоты «не по делу», щедро одаривая услуживших ему, выводил «в люди» своих незнатных родственников. Характерный пример — возвышение братьев Бориса и Федора Сукиных и их взаимоотношения с Щелкаловыми: «И за многие доводы и клеветы тот Федор пожалован был в казначеи... помогали ему Щелкаловы». Помимо прочего, «Федко и Бориско свою сестру Улку подвели на постелю к дьяку к Ондрию Щелкалову и по той причине учили их выносить в люди Ондрей да Василей Щелкаловы. А из Пскова переведены к Москве совсем... и учили они, Федко и Бориско, ездити по городам... и побогатели зело. ...И учили Сукины племянница (родниться. — *Авт.*) со многими чесными роды...»⁷³.

В 1569 году А.Я. Щелкалов возглавил Разрядный приказ, и его возможности стали поистине неограниченными. Он ведал чинопроизводством и постройкой городов и крепостей, решениями о посылке на службу, размере жалованья, должностях и прибавке. С 1570 года А.Я. Щелкалов возглавляет также и Посольский приказ.

Порой он сам был зачинщиком злоупотреблений в отношении иностранных купцов и дипломатов. Посол из Лондона жаловался царю, что Щелкалов «корм ему дает дурной»⁷⁴. А английский купец называл «отъявленного негодяя» Щелкалова «тонкой и двучичной лисой», «хитрейшим скифом, какой когда-либо жил на свете»⁷⁵.

Получавший многочисленные подарки и занимавший для себя под проценты деньги у иностранных торговцев, А.Я. Щелкалов заслужил соответствующую оценку иностранцев. Голландец Исаак Масса говорил, что А. Щелкалов — «человек необыкновенно пронырливый, умный и злой»⁷⁶.

По стопам старшего брата шел и Василий Яковлевич. Будучи моложе Андрея лет на десять, он также начал службу приказным подьячим. Отличившись усердием и преданностью, был назначен дьяком в Стрелецкий приказ, затем управлял Разбойной избой. Помимо грамотности и определенных знаний служебные заботы и окружение требовали особого склада характера. Жесткий и волевой дьяк, В.Я. Щелкалов в 1566 году вместе с братом уже участвует в Земском соборе. В январе 1567 года он отправляется к литовской границе для «размена» пленных.

Вообще с 60-х годов XVI в. Василий Яковлевич играет все более заметную роль в государственной жизни: участвует в боярских комиссиях, приветствует на приемах иностранных послов, встречает на границе прибывших дипломатов. После назначения старшего брата посольским дьяком Василий участвует почти во всех приемах и переговорах с иностранными представителями. Вначале играя роль подчиненную, он со временем действует все более самостоятельно.

В 1577 году Василий Яковлевич заменяет брата на посту главы Разрядного приказа и становится думным дьяком. Андрей Яковлевич, тем не менее, продолжает принимать активное участие в делах Разряда. В свою очередь, и младший брат участвует в посольских делах. С этого времени значение и влияние братьев огромны. Практически они держали в руках все нити государственного аппарата — как во внутренней, так и во внешнеполитической сфере. Но ведущая роль и последнее слово всегда принадлежали старшему — Андрею Яковлевичу. Он составляет росписи службы детей боярских в 1570 году, разбирает огромное количество местнических споров, организует и контролирует все дипломатические переговоры, участвует в заседаниях Боярской думы. Продолжает он и работу по описанию и систематизации государственного архива. Вместе с другими А.Я. Щелкалов участвовал в наделении землями каширских

«беспомесных новиков», а в 1580 году обсуждал расположение русских войск под Ржевом и рассматривал вопрос «о роспуске голов с поля по домам со всеми людьми»⁷⁷. А.Я. Щелкалов скреплял грамоты, обеспечивающие военную поддержку сибирским «экспедициям» Строгановых, и занимался вопросами о «беглых людях». С 1570 года Андрей Яковлевич управляет также государственными учреждениями: Казанским, Нижегородским и Мещерским дворцами. А.Я. Щелкалов проводил политику единения верховной светской и духовной власти, делая пожалования церкви крупных земельных владений и различных льгот.

А внося личные вклады в монастыри, Щелкаловы надеялись заполучить для себя поддержку церковных иерархов. Братья «слушали росписи» служилых людей и «приговаривали» выдачу им жалованья⁷⁸. В результате активной деятельности и главенствующего положения в государственном аппарате Щелкаловы накопили громадное состояние. По свидетельству Флетчера, в 1589 году имение А.Я. Щелкалова оценивалось в 60 тыс. марок, или 300 тыс. серебряных рублей⁷⁹; поместья его находились в нескольких уездах⁸⁰. Не забывали Щелкаловы и о престижных родственных связях: дочь Андрея Яковлевича была женой князя В.Г. Долгорукова.

Разумеется, столь блестящей карьерой братья Щелкаловы были обязаны не только собственным природным дарованиям и трудолюбию. Клевета, интриги, казни соперников сопровождали их в течение всей жизни, неуемное тщеславие и колоссальная алчность руководили многими их поступками. Английский дворянин Джером Горсей оставил красноречивое свидетельство о том, что Андрей Щелкалов часто изменял в грамотах смысл царских приказаний, нередко бывал наказан за ложь и не исправлялся.

Ум, жесткая, злая воля сочетались в характере братьев Щелкаловых с беспринципностью и готовностью к любым компромиссам. Эти качества проявились в их деятельности на дипломатическом поприще. Дипломатическая карьера обоих братьев началась с выполнения отдельных поручений. Второстепенная работа в качестве пристава, исполнение обязанностей податня в придворных церемониях позволяли Андрею Щелкалову занять следующую должность в иерархии дипломатических служащих: он стал вторым посольским дьяком.

Смена в 1570 году руководства Посольского приказа произошла в очень напряженной и сложной международной обстановке. Это налагало особую ответственность на А.Я. Щелкалова как на нового главу Посольского приказа, В 1571–1576 годах Андрей Яковлевич неоднократно встречался с крымскими гонцами и посланниками⁸¹.

Летом 1572 года после смерти короля Сигизмунда Августа одним из претендентов на польский престол был Иван IV. В переговорах (однако, успеха не имевших) по этому вопросу заметную роль играли и оба брата

Щелкаловы. Они участвовали в решении и других вопросов двусторонних русско-польских отношений.

Летом 1577 года царь «сам ходил созрители и очистители (от поляков. — *Авт.*) свою отчину Лифляндскую землю». А.Я. Щелкалов остался в Москве, в походе не участвовал и вел дипломатические переговоры с иностранными дипломатами. В октябре он отправил в Новгород письмо-доклад царю о своей деятельности. В свою очередь, Иван IV все время консультировался с посольским дьяком и присылал ему дипломатические документы для ознакомления. Он высоко ценил советы своего слуги⁸².

В ходе переговоров с великими польскими послами (январь 1576 г.) А.Я. Щелкалов говорил от имени царя. Он же принял от послов «верующую» грамоту, список речей, а затем вручил им ответную грамоту.

В своей повседневной дипломатической практике братья Щелкаловы не всегда придерживались норм посольского обычая. Так было, например, во время пребывания в Москве (1578–1579 гг.) гонца из Польши П. Гарабурды.

К этому времени относятся факты неприглядного поведения А.Я. Щелкалова в Литве. Осенью 1578 года во время осады русскими войсками ливонского города Вендена Петр Хворостинин и Андрей Щелкалов, «начальствующие над конницей, вместе с нею бежали», более того, «товарищев своих бояр и воевод выдали и наряд покинули»⁸³. Впоследствии А.Я. Щелкалов так объяснил царю свои «маневры», что не только не подвергся опале, но даже был награжден. Среди аргументов «отважного» воеводы основным было его якобы старание увести конницу от неминуемого разгрома⁸⁴.

Ход боевых действий 1579–1581 годов заставил русскую сторону активизировать свою дипломатию. И Щелкалов стремился путем переговоров приостановить неудачное развитие военных действий⁸⁵.

В 1583 — начале 1584 года дипломатическая деятельность А.Я. Щелкалова носила будничные характер: разрешение постоянно возникающих конфликтов на границах с Речью Посполитой, «размен» пленных, частые разборки внешнеторговых неурядиц и т. д.

Резкие перемены в жизни братьев Щелкаловых начались после смерти Ивана Грозного 18 марта 1584 г., с воцарением Федора Иоанновича. Умные и решительные советники, обладавшие жесткой и непреклонной волей, братья Щелкаловы, оказавшись рядом с податливым, христолюбивым царем Федором, практически взяли государственную власть в свои руки. Если Иван IV внимательно прислушивался к советам посольского дьяка А.Я. Щелкалова, то новый царь практически перепоручил ему всю внешнюю политику.

Еще раньше начинают складываться и особые отношения между А.Я. Щелкаловым и Борисом Годуновым, что в конце концов и привело к опале всесильного дьяка. А.Я. Щелкалов оказал немалую услугу Годунову во время розыска по делу о гибели 15 мая 1591 года в Угличе

младшего сына Грозного — Дмитрия. А.Я. Щелкалов во многом способствовал выдвижению Годунова, который, по некоторым сведениям, даже называл его «отцом».

Начало царствования Федора сопровождалось осложнением внешне-политической обстановки. Приезд польского посла Льва Сапегы совпал со смертью Ивана IV. Чтобы задержать рвавшегося обратно с важной информацией посла, А.Я. Щелкалов попросту посадил его в тюрьму, а через некоторое время послал в Речь Посполитую Андрея Измайлова с сообщением о воцарении Федора.

В июле 1584 года состоялся прием Л. Сапегы новым царем. При этом выше рынд стоял боярин и окольничий Борис Федорович Годунов. А возле рынд стоял дьяк Андрей Щелкалов.

В своих действиях А.Я. Щелкалов пользовался любыми средствами, включая, например, подкуп влиятельных польских и литовских дворян. Послам Елизарию Ржевскому и Захару Свиязеву была дана инструкция: «Тех панов, которые государя хотели обирать, похвалить и жалованье к ним послать». Был даже составлен своего рода прејскурант взяток, носивших чаще всего форму подарков⁸⁶.

Фактически стоявшие у руководства Русского государства Б. Годунов и А. Щелкалов выступили с предложением к польско-литовским феодалам быть «под... царскою рукою с государством Московским сопча заодин».

В процессе поисков различных вариантов внешнеполитических решений проявились дипломатические способности А.Я. Щелкалова, его международный кругозор. Проекты Щелкалова предвосхищали программу русско-польского сближения, которую в XVII веке выдвинул другой выдающийся русский дипломат — А.А. Ордин-Нащокин.

Особого внимания заслуживает активность А.Я. Щелкалова в области русско-английских отношений. С приходом в Посольский приказ А. Щелкалов снискал славу первого врага Англии. Нам трудно судить, определялось ли его негативное отношение к англичанам трезвым взглядом политика, понимавшего нереальность англорусского союза в сложившейся международной обстановке. Более определенно здесь можно говорить о личных антипатиях А.Я. Щелкалова к некоторым представителям английской «Московской компании», например к Джерому Горсею. На первом месте стояли, по-видимому, корыстные интересы. Дело в том, что конкурентами английских купцов в России были голландцы. И те и другие имели влиятельных сторонников в окружении царя Ивана IV. Голландцы считали своим покровителем дьяка А.Я. Щелкалова. Во всяком случае, если судить по английским источникам, кроме постоянных подарков он ежегодно получал от голландцев 5 тыс. марок.

Немалое участие приняли братья Щелкаловы в столь важном для политической истории России событии, как учреждение патриаршества.

Когда в 1586 году в столицу Российского государства прибыл антиохийский патриарх Иоаким, с ним начались переговоры об учреждении патриаршества. Московские дипломаты окружили его великолепием. По их замыслу, Иоаким должен был проникнуться идеей величия русского митрополита и почувствовать себя благодарным за прием и подарки. Немалую роль в переговорах играли

Борис Годунов и могущественные братья Щелкаловы. Летом 1588 года в Россию прибыл константинопольский патриарх Иеремия. Сказочная Московия встретила восточного владыку пышной торжественностью, обильным угощением и бдительным присмотром начальника Посольского приказа А.Я. Щелкалова.

13 июля 1588 года Иеремию с великой честью провезли по лучшим улицам Москвы и поместили на Рязанском подворье. Все его контакты с внешним миром допускались только с разрешения того же Андрея Щелкалова: «Беречи, чтобы к двору к патриарху и к митрополиту и к архиепископу никто не приходил из гречан и турчан и иных никаких иноземцев, и его людей никого з двора не спущати...»⁸⁷.

Московские политики стали вести переговоры в ультимативной форме. Братья Щелкаловы обещали патриарху дорогие подарки, содержание, города и области в управление, но одновременно дали понять, что он не уедет из Москвы без положительного решения вопроса о патриаршестве. Одному из советников Иеремии — митрополиту Иерофею — А.Я. Щелкалов пригрозил даже, что утопит его в реке, если тот и впредь будет мешать успеху переговоров.

В конце концов 13 января 1589 г. патриарх сообщил Б. Годунову и А.Я. Щелкалову о своем согласии, и 26 января состоялся торжественный обряд интронизации митрополита Иова на московский патриарший престол.

После смерти Ивана Грозного активная деятельность А.Я. Щелкалова продолжалась еще в течение 10 лет. Причины его отставки и пострижения в монахи до конца не выяснены.

По данным «Временника Ивана Тимофеева», в свое время между А.Я. Щелкаловым и Б. Годуновым существовала тесная связь: Годунов «имел некоего наставника и учителя своему злу, искусного во всяких злых кознях...»; Щелкалов учил Бориса «одолевать благородных» и руководил его восхождением «от малых на великие». Между обоими братьями и Б. Годуновым существовала «на кресте утвержденная клятва, чтобы им троим управлять царством». Во исполнение этой клятвы Щелкаловы и возвели Бориса на вершины власти, но тот «нарушил данную двум братьям клятву и хотя не убил... но изнурил их бесчестным и медленно текущим многолетним существованием и, отняв, лишил их имущества»⁸⁸.

В целом отношения А. Щелкалова и Б. Годунова были достаточно сложными. Щелкалов был популярен среди служилого сословия и не

признавал превосходства Годунова над собой. Оказывая большое влияние на деятельность всего государственного приказного аппарата, он как глава Посольского приказа мог создавать определенное мнение за рубежом о том или ином человеке. Так, в разговоре с английским послом Флетчером Щелкалов говорил, что Годунов — такой же, как и он (Щелкалов) «приказный человек»⁸⁹.

В 1589 году австрийский посол Н. Варкоч отмечал, что А. Щелкалов находится в опале, за ним следят, и Борис совсем к нему не

благоволит⁹⁰. Возможно, Андрей Яковлевич предчувствовал свой бесславный конец по злой воле Годунова еще до воцарения последнего и, когда увидел стремление Бориса занять престол после смерти Федора Иоанновича, решительно воспротивился этому. Согласно мнению С.Ф. Платонова, в конце 1593 года московские вельможи, среди которых был и А. Щелкалов, обсуждали план возведения на российский престол, в случае смерти царя Федора, австрийского эрцгерцога Максимилиана.

Как бы то ни было, Годунов в любом случае не хотел видеть на своем пути к трону столь влиятельного и слишком много знающего думного посольского дьяка. В мае — июне 1594 года Андрей Яковлевич потерял свою должность в Посольском приказе и вскоре был пострижен в монахи. В момент низложения ему было около 60 лет. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря содержит сведения о том, что именно в этой обители А.Я. Щелкалов провел последние дни своей жизни монахом под именем Феодосий. Скончался он в 1597 (1598?) году. Как ни странно, опала старшего брата не только не пошатнула положение Василия, но даже упрочила его. К переговорам о приглашении на престол эрцгерцога Максимилиана он не был причастен и не только не разделил участи брата, но даже сменил Андрея на посту судьи Посольского приказа, став в 1594 году думным посольским дьяком. Как дипломат В.Я. Щелкалов к этому времени был человеком достаточно известным и у себя на родине, и за рубежом.

С 1596 года В.Я. Щелкалов именуется в посольских документах также печатником. О значении и авторитете Василия Яковлевича свидетельствует отзыв цесарского посла, назвавшего его в 1597 году «великим человеком» и «канцлером». Именем В.Я. Щелкалова пестрят почти все отечественные дипломатические документы конца XVI столетия. Тем не менее посольские дела В.Я. Щелкалов докладывал царю почти всегда через Б. Годунова.

Однако через несколько лет опала постигла и Василия Яковлевича. В 1600 году он перестал быть печатником, а в мае 1601 года и вовсе отстраняется от дел. Причины его опалы, вероятнее всего, были непосредственно связаны со слишком большой осведомленностью братьев о закулисной деятельности Бориса Годунова.

После смерти царя Федора, в феврале 1598 года, Василий Щелкалов проявил себя сторонником боярского правления. Впоследствии он под-

писал грамоту на избрание Бориса, но последний наверняка не забывал о симпатиях посольского дьяка к Боярской думе.

Опала В. Щелкалова продолжалась до самой смерти Б. Годунова. В 1605 году Ажедмитрий I призвал бывшего главу Посольского приказа ко двору и пожаловал его званием окольничего, в котором (звании) тот оставался и при Василии Шуйском. 8 мая 1605 года В.Я. Щелкалов присутствовал на свадьбе Ажедмитрия. Незадолго до смерти, в сентябре 1610 года, «Василею Яковлевичу Щелкалову и сыну его Ивану дано привилей на поместье в Мещерском уезде в Недоходове стану, село Дубровку и село Рождественку с деревнями и с починки»⁹¹. Скончался В.Я. Щелкалов в конце 1611 года.

Наши герои адекватно отражали характер взаимоотношений при дворе того или иного правителя. Сложившиеся исторические обстоятельства, общая атмосфера времени во многом предопределяли их поступки и этапы их карьеры. Нельзя не согласиться с мнением Н.П. Лихачева, писавшего в 1888 году, что братья Щелкаловы «наиболее ярко выразили могущество дьяческого влияния благодаря необыкновению в энергии характера и силе ума»⁹².

Иван Тарасьевич Грамотин. И.Т. Грамотин — дипломат и государственный деятель эпохи Смуты и царствования Михаила Федоровича Романова. Это человек необыкновенного ума и поразительной судьбы. Он сделал головокружительную карьеру, начав ее подьячим Посольского приказа, сумел подняться до вершин московской приказной бюрократии, занимал пост главы Посольского приказа, сохранил свое влияние и авторитет почти при всех правительствах. Более того, он дожил до 60 лет и умер своей смертью. Последнее, учитывая время, в которое он жил, и профессию, просто поразительно!

Родился Иван Тарасьевич в 70-е годы XVI века в дьяческой семье. Впервые его имя упоминается в 1595 году в документах посольства М. Вельяминова и А. Власьева к императору Рудольфу II. Участвовал наш герой в этом посольстве в качестве «подьячего для письма»⁹³. Следует отметить, что ведение посольской документации во время дипломатической миссии поручалось не только самым способным и грамотным, но и тем, кто пользовался особым доверием. Посольство М. Вельяминова имело ответственное задание от царя Федора Иоанновича и Боярской думы — склонить Империю к войне против Турции. Молодой подьячий, вероятно, произвел довольно благоприятное впечатление. Вскоре, в 1599–1600 годах⁹⁴, эти же обязанности он был приглашен исполнять в посольстве А. Власьева в Германию. На этот раз русские послы пытались заключить с императором союз против Польши, но, не добившись поставленных целей, в мае 1600 года отправились обратно в Россию. Миссия оказалась неудачной, и по возвращении участников посольства ждало понижение по службе. Иван Тарасьевич был

переведен из Посольского приказа в приказ Новгородской чети. Однако на новом месте Грамотин, вероятно, усердствовал не меньше, и с апреля 1602 года до апреля 1604 года он служит уже судьей Поместного приказа⁹⁵. Более того, в то время, когда начальник Посольского приказа А.И. Власьев с июля по январь 1603 года был за границей, Иван Тарасьевич исполнял его обязанности. Но самое неожиданное было впереди. Вкусив сладость власти, в ноябре 1604 года он отправляется с войском в Северскую землю для борьбы с Ажедмитрием I и переходит на его сторону (!). В награду от самозванца Грамотин был пожалован им в думные дьяки.

20 июня 1605 года при праздничном колокольном звоне Ажедмитрий I торжественно въехал в Москву. Месяц спустя Иван Грамотин возглавил Поместный приказ, а в сентябре этого же года стал начальником Посольского. Царствование самозванца продолжалось 11 месяцев, и для руководителя Посольского приказа это было непростое время. Дипломатическое ведомство работало денно и ночно. Иностранцев без отказа принимали на службу и сразу же наделяли поместьями. Примечательно, что казармы наемников располагались на Посольском дворе. Во время столкновений распоясавшихся шляхтичей с москвичами помещения Посольского приказа служили интервентам надежным укрытием. Согласно «Кондициям», которые Ажедмитрий I подписал польскому королю, самозванец был обязан начать войну со Швецией. Гонцы непрестанно отправлялись то в Польшу, то к римскому папе. Тайный католик, Григорий Отрепьев не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую вошли бы католические государства — Габсбургская империя, Испания, Речь Посполитая и православная Русь. Папа римский ответил: «Пускай царь выступит первый, увлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой». С весны 1606 года началась активная подготовка Ажедмитрия I к азовскому походу против турок.

Между тем против самозванца постепенно зрел боярский заговор во главе с князем Василием Шуйским. Прямых сведений об участии в нем Грамотина мы не имеем. Накануне смерти Ажедмитрия в мае 1606 года Иван Тарасьевич принимал участие в переговорах с польскими послами. После вступления на престол Василий Шуйский отправил Грамотина простым дьяком в Псков, где он прожил около двух лет, до 1608 года. Здесь он «прославился» своим издоимством и жестокостью, в определенной мере спровоцировав восстание горожан 2 сентября 1608 года. Вскоре Псков присягнул новому самозванцу, Ажедмитрию II, и Грамотин незамедлительно переходит на службу к нему. Переехав в тушинский лагерь, он опять становится одним из влиятельнейших лиц, но уже в окружении «тушинского вора»⁹⁶. В этот период он оставил о себе недобрую память тем, что в июле 1609 года вместе с боярином М.Г. Салтыковым пытался склонить к сдаче осажденную поляками Троице-Сергиеву лавру.

В сентябре 1609 года польский король Сигизмунд III объявил Василию Шуйскому войну, осадил Смоленск и потребовал, чтобы все поляки, служившие второму самозванцу, пришли к нему на помощь. Тушинский лагерь Ажедмитрия II распался. Среди тех, кто отправился в составе «тушинского посольства» под Смоленск на поклон к королю Сигизмунду, был и И.Т. Грамотин. Прирожденный дипломат, Иван Тарасевич на этот раз принял самое активное участие в переговорах бояр с поляками. В результате его посредничества был подписан договор о приглашении на русский престол королевича Владислава. После чего Грамотии и ряд других изменников принесли ему присягу, а пока он еще не царствовал, поклялись служить его отцу Сигизмунду III.

Для России возникла угроза оказаться под пятой иноземца и потерять свою национальную самостоятельность. С этой поры Смута вступает в последний этап своего развития. 17 июня 1610 года Василий Шуйский был низложен с престола и пострижен в монахи. До избрания нового царя управлять государством стала Боярская дума, называвшаяся по числу ее членов Семибоярщиной, которая сразу же заключила договор с гетманом Жолкевским об избрании на российский престол королевича Владислава. Чтобы отеснить от власти «семибоярщину», в Москву стали прибывать люди Сигизмунда III. В августе 1610 года в столице появился и Иван Тарасевич, объявив себя «печатником великие монархии Московские»⁹⁷. В Думе он предъявил документ, составленный еще под Смоленском, о распределении должностей — «лист на уряды», в котором было записано: «И.Т. Грамотину на приказ Посольский». 17 сентября 1610 года в Москву вступил польский гарнизон, а находившийся при этом Грамотин успокаивал возмущавшихся горожан. К концу октября 1610 года «семибоярщина» фактически была отстранена от власти. Руководство страной сосредоточилось в руках польского полковника А. Гонсевского и его приспешников. Конечно, среди них был и Грамотин. Его верная служба не осталась без внимания. Указом короля Сигизмунда III от 29 ноября 1610 года подтверждалось назначение Ивана Тарасевича главой Посольского приказа, в тексте указа он именуется думным дьяком-печатником и назначается на сидение в Поместный приказ. Время от времени в его карьере происходили некоторые изменения. Так, в январе 1611 года он уступает Поместный приказ Ивану Чичерину, но уже через два месяца вновь возглавляет это ведомство. Однако начальство в Посольском приказе и обладание государственной печатью оставались неизменными. Для человека его происхождения о более высоком положении и мечтать было невозможно. Правда, и цена — измена Отечеству — была соответствующей.

Поляки и всякий сброд, пользуясь безвластием, бесчисленными шайками бродили по России, грабили и жгли все на своем пути. Земля опустела, недаром в народе прозвали это время лихолетьем. Но не бесконечно

терпенье народное. Постепенно в сознании людей рождалось стремление к порядку и стабильности. В марте 1611 года москвичи взбунтовались против поляков и среди прочих приспешников требовали выдать на расправу И.Т. Грамотина. Каким-то чудом он спасся, когда Москва была осаждена первым народным ополчением. Однако освободительное движение остановить уже было невозможно. Приказная бюрократия начала склоняться на сторону национальной партии и переходила в стан ополченцев.

20 августа 1611 года Иван Тарасьевич был отстранен от руководства Поместным приказом. Тем не менее он получил определенную компенсацию за потерю этой должности в виде поместья — Никольскую Плесскую волость в Невельском уезде.

К августу 1612 года положение интервентов в Москве стало критическим. Польский гетман Ходкевич подошел к Москве, чтобы оказать помощь полякам, голодавшим в Кремле. Ополчение Минина и Пожарского в союзе с казаками отбило Ходкевича от Москвы и в октябре 1612 года освободило Кремль. В последний момент полякам показалось, что прибытие в столицу «законоизбранного царя» Владислава сможет спасти их дело. В Польшу было отправлено посольство с целью ускорить утверждение на русском престоле польского королевича. Конечно, в состав этой миссии вошел и Грамотны. Иван Тарасьевич в очередной раз продемонстрировал свою интуицию в отношении надвигающейся опасности.

Тем временем Москва была очищена от врагов и стало возможным приступить к делу, не терпящему отлагательств, — к избранию нового царя. Был созван Земский собор, на который прибыли представители всех сословий и городов. Решалась судьба Отечества. Но и в этот момент король Сигизмунд III попытался изменить ход событий. В конце ноября 1612 года он отправил к столице польский вооруженный отряд. Идейным вдохновителем новых интервентов был Иван Грамотин, который должен был «зговаривать Москву, чтобы приняли королевича на царство». Однако попытка эта не удалась, и в конце года дьяк вынужден был вернуться в Польшу.

21 февраля 1613 года всенародно на русский престол был избран Михаил Романов. Кончилась наконец долголетняя Смута, или, как ее еще называли, «московское разорение», пора «русского лихолетья». В избирательной грамоте царя Михаила Грамотин упоминается как изменник. Более того, вплоть до сентября 1615 года все официальные русские документы называют его «первым всякому злу начальником и Московскому государству разорителем». До 1617 года имя Грамотин а в источниках не встречается, а в апреле 1618 года он уже был назначен дьяком в Новгородскую четверть, вскоре ему было возвращено и думное дьячество. Каким же образом произошло возвращение Грамотина в Россию?

С февраля 1616 года были прекращены военные действия между Россией и Швецией. Более того, дело шло не только к заключению мира,

а, возможно, и к созданию антипольского союза. В то же время для Польши существовала реальная угроза войны с Турцией. Грамотин понимал, что его покровители находятся в очень непростой ситуации. К тому же летом 1616 года царь Михаил Федорович приказал проводить в литовских полках агитацию среди русских людей: за их переход на сторону Москвы им гарантировалась полная амнистия и царские пожалования. Более удобного случая для бегства из Польши и возвращения в Россию трудно было представить. Но остается вопрос: как удалось Грамотину реабилитироваться, восстановить доверие и вновь войти в высшие сферы российской бюрократии?

Знаменитый исследователь Смуты С.Ф. Платонов объясняет это исключительной талантливостью и деловитостью Грамотина⁹⁸. Есть мнение, что прошение Грамотина связано с острой нехваткой нужных кадров и осторожностью правительства Михаила Романова⁹⁹. Действительно, многие приказные служили Ажедмитрию I, «тушинскому вору», присягали Владиславу, но никто из них не изменял новой династии, как Грамотин. Следовательно, хлопотать за дьяка мог только очень могущественный покровитель. Вполне возможно, что это был отец царя патриарх Филарет, с которым Иван Тарасьевич мог сблизиться во время его польского плена. Но только не в первые годы правления Михаила, когда Филарет еще был в Польше. Следует вспомнить, что в это время вместо малолетнего Миши Романова правили его мать — инокиня Марфа, и ее племянники — Борис Михайлович и Михаил Михайлович Салтыковы. Последние приходились также племянниками и М.Г. Салтыкову, с которым Грамотин бежал в Польшу. Скорее всего, именно им и их благосклонности был обязан своим прошением Иван Тарасьевич. Примечательно, что в дальнейшем Иван Тарасьевич стал одним из лидеров салтыковской группировки, составившей оппозицию Филарету и его окружению.

В апреле 1618 года Грамотин был назначен главой Посольского приказа, а уже в мае получил думное дьячество и участвовал в ратификации Столбовского мирного договора¹⁰⁰. Чтобы восстановить свой статус на посту руководителя российской дипломатии, Иван Тарасьевич не жалел усилий. Он возобновляет внешнеполитические связи Московского государства, нарушенные в годы Смуты. Самым важным его достижением на этом пути стало заключение Деулинского перемирия с Польшей 1618 года, означавшее официальное завершение «смутного времени».

В июне 1619 года в Москву вернулся патриарх Филарет. Чтобы взять власть в свои руки, он возглавил боярскую группировку, которая стала оттеснять на второй план сторонников Салтыковых. Формально Грамотин все еще был главой Посольского приказа, но влияние его на решение дипломатических вопросов стало ослабевать. Патриарх проводил внешнеполитический курс России в обход ведомства Грамотина. Россия и Польша

обменивались грамотами, полными взаимных упреков. В 1620–1621 годах Филарет пытался заключить антипольский союз с Англией, в 1621 году — с Данией, Турцией и Крымом. Филарет был уверен, что ему удалось создать мощную коалицию против Речи Посполитой, и в октябре 1621 года отправил в Польшу гонца с ультиматумом, содержащим угрозу объявления войны. Но все усилия Филарета закончились неудачей. Россия оказалась в дипломатической изоляции. Авторитет патриарха пошатнулся, чем сразу же воспользовалась группировка Салтыковых. Вновь усилилось влияние И. Т. Грамотина. В марте 1623 года он участвовал в придворной интриге, закончившейся опалой князя И. Катырева-Ростовского, зятя Филарета. Но патриарх не сдавался и в октябре того же года нанес ответный удар: возбудил дело по поводу порчи царской невесты Марии Хлоповой. Салтыковы были отправлены в ссылку, но Грамотин по-прежнему пользовался доверием царя. Иван Тарасьевич все время находился рядом с царем, неизменно сопровождая его в поездках. Как и раньше, в вопросах внешней политики Грамотин принимает самостоятельные решения. Благодаря его влиянию в ноябре 1623 года был отклонен английский проект военного союза против Польши. В 1624 году ему было поручено деликатное расследование, связанное с установлением подлинности присланной из Персии в подарок Михаилу Федоровичу Ризы Господней.

С 1624 года вновь начинает усиливаться влияние на государственные дела патриарха Филарета. Прежде всего был амнистирован его зять Катырев-Ростовский. Приоритетной задачей внешней политики России Филарет считал реванш в борьбе с Речью Посполитой в союзе со Швецией. В 1625 году группировка патриарха стала требовать от царя объявления войны Польше. Грамотин по-прежнему оставался на старых позициях, и в 1626 году Посольский приказ дважды отклонял шведские союзные предложения. В январе 1626 года Иван Тарасьевич принял самое активное участие в подготовке свадебной церемонии царя Михаила.

В мае в Москве случился страшный пожар, опустошивший архивы многих приказов, в том числе и Посольского. Служащим Приказа пришлось провести громадную работу, чтобы описать сохранившиеся документы. Грамотин в этом не участвовал, поскольку подвергся опале и в декабре был сослан в Алатырь, где провел почти семь лет. Инициатива опалы на думного дьяка Посольского приказа, конечно, принадлежала патриарху. Ведь ослушания Грамотина в основном касались распоряжений Филарета по посольским делам¹⁰¹. Самовольство Грамотина более всего проявилось в успешном противодействии военным союзам против Польши: России с Турцией в 1621 году, с Англией и Францией в 1623-м и со Швецией в 1626 году.

В 1627–1633 годах внешней политикой России единолично руководил патриарх. Часто служащие Посольского приказа не были осведомлены

о целях посольств, которые принимал и отправлял Филарет, вынашивавший планы раздела Речи Посполитой между Россией и Швецией. В результате Россия в 1632 году вынуждена была вступить в войну с Польшей, которая не принесла успеха Московскому государству. 1 октября 1633 года патриарх умер, уже 5 октября И.Т. Грамотин был амнистирован¹⁰², а 8 ноября ему было пожаловано московское дворянство¹⁰³.

Иван Тарасьевич сразу же начал восстанавливать былые связи и в первую очередь благоволение царской семьи. Среди драгоценностей, хранившихся в Оружейной палате, упоминается серебряный медведь, подаренный думным дьяком Иваном Грамотиным царевичу Алексею Михайловичу¹⁰⁴. Во внешней политике первоочередной задачей он считал необходимым продолжить действие мирного договора России с Польшей. 17 мая на реке Поляновке начались русско-польские переговоры. 19 мая Грамотин был назначен судьей Посольского приказа и получил думное дьячество¹⁰⁵. 2 июня Грамотин удостоился еще одной милости, будучи назначен печатником. Через два дня, 4 июня 1634 года, был заключен Поляновский мирный договор между Россией и Польшей. Мир подтвердил границы, установленные Деулинским перемирием, и лишил короля Владислава IV прав на русский престол. Основой дипломатического курса Московского государства по инициативе Грамотина стали мирные отношения с Польшей. Главе Посольского приказа было уже за 60 лет. Тем не менее ритм работы Приказа в эти годы был насыщен до предела: в Москве одновременно находились хивинские, шведские, голштинские, польские, английские, грузинские послы, а российские дипломаты спешили исполнить посольские указы в Англии, Франции, Голландии, Турции, Ногайской Орде и Польше.

Особенно примечательно, что во время руководства Грамотина Посольским приказом была предпринята первая в российской дипломатии попытка учредить за границей постоянные дипломатические представительства. В декабре 1634 года Посольский приказ отправил в Стокгольм своего «пребывательного посла» — Дмитрия Францбекова с подьячим для письма. Правда, прожил первый русский резидент в Швеции чуть более полугода, но для русской посольской службы важно было создать прецедент.

Преклонный возраст мешал Ивану Тарасьевичу справляться с обязанностями думного дьяка двух Приказов и печатника. В июле 1635 года он отказался от руководства Посольским приказом, сохранив за собой чин печатника. Судя по всему, он сохранил и влияние на внешнеполитические дела.

Следующие два года Иван Тарасьевич продолжал пользоваться авторитетом при дворе: в ноябре 1637 года царь отбыл на богомолье, оставив следить за порядком в столице среди прочих печатника Грамотина. Последний раз И.Т. Грамотин упоминается в приказной документации

15 декабря 1637 года¹⁰⁶. 23 сентября 1638 года Иван Тарасьевич умер, перед смертью он принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре. Так завершилась жизнь одного из интереснейших представителей московской приказной системы первой половины XVII века.

Грамотин был одним из самых богатых людей в Московском государстве своего времени. За службу он получил многочисленные земельные пожалования; дом Ивана Тарасьевича находился в Китай-городе на Посольской улице (теперь Ильинка). Громадные вклады Грамотина в различные монастыри также свидетельствуют о его значительном богатстве. Только очень состоятельный человек мог заказать тогда собственный портрет: «парсуны» были редкостью, а до наших дней сохранился портрет Ивана Тарасьевича, выполненный в начале XVII века.

Что же касается источников богатства, то, несомненно, определенную долю средств составляли доходы от землевладения. Немалая часть состояния складывалась из жалованья за приказную службу. Грамотин не ограничивался легальными источниками дохода, не брезгуя грабежом, вымогательством, взяточничеством. Иностранцы купцы «ложным... челобитьем и многими посулами и поминками» получали у него грамоты о торговых льготах¹⁰⁷.

Подводя итог, отметим, что деятельность Грамотина носила прозападную ориентацию. Вероятно, прав был И. Масса, считавший, что Грамотин «похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем и многому научился в плену у поляков и пруссаков»¹⁰⁸. Не чужды были Ивану Тарасьевичу и внешние стороны европейской культуры.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Это — не только «дипломат первой величины» своего времени. В незаурядной личности А.А. Ордин-Нащокина воплотилось все своеобразие «бунташного века». По определению В.О. Ключевского, до XVII столетия «ход государственных дел» определялся заведенным исстари порядком и волей государя. Лишь в XVII веке «старый обычай, заведенный порядок пошатнулись; начался сильный спрос на ум, на личные силы...». И вот именно в это время появляется «русский Ришелье» — Ордин-Нащокин, которого также можно назвать предтечей Петра Великого. Ведь «никто из московских государственных дельцов XVII века не высказал столько, как он, преобразовательных идей и планов, которые после осуществил Петр»¹⁰⁹.

Бурное XVII столетие положило начало процессу секуляризации общества, осознанию его членами ценности человеческой личности, ее творческих возможностей. Афанасий Лаврентьевич оказался человеком, который чувствовал вектор своего времени и соответствовал его направлению. Он был хорошо образован: писал «слогательно», знал математику, владел иностранными языками. При этом, по определению австрийского

дипломата, Ордин — «вовсе не глупый подражатель наших обычаев». Прежде всего интересы России: «Какое нам дело до иноземных обычаев — их платье не по нас, а наше не по ним»¹¹⁰.

Родился А.А. Ордин-Нащокин около 1607 года в семье дворянина в пригороде Пскова Опочке. Местный священник учил его грамоте, служилый поляк — латинскому и польскому языкам. Когда Афанасию исполнилось 15 лет, отец отвез его в Псков и записал в полк на государеву службу. В начале 30-х годов Афанасий Лаврентьевич женился и окончательно перебрался из Опочки в Псков. В его богатом доме часто бывали иноземные купцы. Рачительный хозяин продавал им хлеб и пеньку, слушал рассказы о заморских странах и мечтал заняться более широкой деятельностью.

В начале 1640-х годов семья Нащокиных переехала в Москву. Энергичный провинциальный молодой дворянин был принят в доме «тайнейшего и начальнейшего боярина» Ф.И. Шереметева. Образованный и обходительный, Афанасий Лаврентьевич заметно выделялся в сонной среде московского служилого люда и был представлен ведущим деятелям московской приказной администрации. А уже в 1642 году Афанасий Лаврентьевич участвовал в переговорах со шведскими уполномоченными по пограничным спорам. Результаты были столь успешны, что в том же году ему поручают более важную миссию — посольство в Молдавию. Так произошло дипломатическое «крещение» будущего канцлера.

К середине XVII столетия Россия оправилась от потрясений Смуты и неудач Смоленской войны (1632–1634 гг.). В сложной международной обстановке Москва должна была решить три самые неотложные и взаимосвязанные проблемы общенационального значения: возвращение исконных древнерусских земель, попавших в состав соседних государств (Речь Посполитая, Венгрия и Швеция); выход к Балтийскому морю; окончание вражды с ханствами — правопреемниками Золотой Орды.

Ко времени начала Афанасием Лаврентьевичем своей московской карьеры Россия была уже в состоянии не только обороняться, но и наступать. В русском обществе возникло «преобразовательное настроение», появилось немало способных, талантливых и целеустремленных людей, заложивших те идеи и проекты, которые со временем воплотились в петровских реформах. Первое место занимали дела внешнеполитические, посольские. Именно здесь максимально проявились талант и незаурядные человеческие качества А.А. Ордин-Нащокина.

Любознательность и тяга к учению были характерны для Ордина с ранних лет; тогда же зародилась любовь к чтению. Образованный, начитанный, владевший несколькими языками, обходительный молодой дворянин составил свою карьеру благодаря собственному таланту и трудолюбию.

Человек широких взглядов, он писал царю о недостатках в государственных учреждениях, в военном устройстве, осуждал консервативные московские порядки и нравы. Внимательный, критичный наблюдатель, он подмечал недостатки в организации посольской службы и привлекал к ним монаршее внимание: «Житье наше русское, что царя-колокола звон — што дале от колокольной отойдешь, то больши слышат»¹¹¹. Он не упускал случая уколоть дьяков: «Не научились посольские дьяки при договорах на съездах государственные дела в высокой чести иметь...»¹¹².

Вдумчивый и находчивый, Афанасий Лаврентьевич был искусен в полемике, с ним было трудно спорить. Порой Ордин выводил из терпения иностранных дипломатов, не пропуская «ни малейшего промаха, никакой непоследовательности в дипломатической диалектике»¹¹³. Решительный сторонник мирного решения спорных вопросов, он был гостеприимным хозяином. Будучи главой комиссии по размежеванию границы со Швецией в 1652 году, он устроил прием для шведских делегатов в своей псковской деревне, подчеркнув, что русские люди умеют дорожить спокойствием на своих рубежах.

Изучение экономической и политической жизни сопредельных стран, их административных порядков, знакомство с ведущими отраслями экономики прибалтийских городов давали Ордину пищу для размышлений и выработки своей программы преобразований. Деятельный государственный ум аналитика с самостоятельным взглядом на окружающий мир и своей программой действий сочетался в нем с неутомимостью труженика.

Его политика имела глубокий экономический смысл и тонкий политический расчет. В работе он отличался постоянным рвением. Однако ему не доставало гибкости и уступчивости в отношении придворных кругов. Был инициативен, находчив, не боялся отстаивать свое мнение перед царем, в чем иногда переходил допустимые по тем временам пределы.

Так, в 1669 году в ответ на предписание вернуться в Москву великий посол разразился жалобами и просьбами об отставке: «Мне велено оберегать государственные дела... Не знаю, зачем я из посольского стана к Москве поволокусь?.. Послов ли мне дожидаться, или на время в Москву ехать, или впрямь быть отставлену от посольских дел?»¹¹⁴ Обижался, что не присылали нужных бумаг, в Москву вызывали, не объясняя причин¹¹⁵.

Сам человек образованный, Афанасий Лаврентьевич и сыну своему постарался дать хорошее образование. Воин Афанасьевич «был известен как умный, распорядительный молодой человек», даже замещавший иногда отца в Царевичеве-Дмитриеве городке¹¹⁶. Но «страсть к чужеземцам, нелюбье к своему» привели к бегству Воина за границу. Однако служебной карьере Ордин-Нащокина это не повредило. Царь, хорошо знавший и ценивший Афанасия Лаврентьевича, в своем «милостивом слове», не держа «государского гнева», утешал Ордина в его «лютой печали»¹¹⁷.

Как уже говорилось, в 1642 году он был послан в Молдавию, удачно выполнил свою миссию, что имело следствием заключение соглашений с Турцией и Польшей, устранило угрозу войны с их стороны, укрепило связи с Молдавией.

По приезде новоявленный дипломат из провинциальных дворян, отличавшийся служебным рвением, не получил повышения, но столичные вельможи вспомнили о нем вновь в 1644 году. Теперь ему поручают выяснить обстановку на западных границах и настроения в Речи Посполитой. На сей раз деятельность Ордина получила одобрение самого царя Михаила Федоровича.

В 1645 году московский престол занимает сын умершего царя — Алексей, и естественными стали перемены в правительстве. К власти пришел Б.И. Морозов, царский свояк, сменивший покровительствовавшего Ордина Нащокину Ф.И. Шереметева. Оставшись не у дел, Афанасий Лаврентьевич уезжает в свое псковское имение. Там его и застал мятеж 1650 года, причиной которого была спекуляция хлебом. План подавления бунта, предложенный правительству нашим героем, и послужил тем трамплином, с которого он продолжил свою незаурядную карьеру¹¹⁸. Мы видим, что с первых шагов своей государственной службы Ордин-Нащокин старался показать себя преданным сторонником абсолютной монархии.

В 1652 и 1654 годах его снова включают в состав пограничных межевых комиссий, где Ордин действует весьма успешно. Работа в межевых комиссиях и молдавское посольство были прекрасной школой. Постепенно в отечественной дипломатии формировался самобытный «нащокинский» стиль, основой которого были связь внутренней и внешней политики, а также исключительная преданность интересам родины.

Следующим этапом служебной биографии было участие в войнах против Речи Посполитой и Швеции. В конце 1654 года Ордин-Нащокин стал воеводой Друи, небольшого городка Полоцкого воеводства, непосредственно примыкавшего к шведским владениям в Прибалтике; а спустя два года назначен воеводой Кокнеса (Царевнчева-Дмитриева городка). Он всемерно заботился о стратегическом укреплении подведомственного района, повышении боеспособности воинских сил. С точки зрения А.А. Ордин-Нащокина, управление армией в России было совершенно неудовлетворительным. Излишняя централизация при отсутствии оперативной связи осложняла действия воевод, сковывала их инициативу и не содействовала успеху военных действий.

Находясь в Кокнесе еще пять лет, Ордин-Нащокин внимательно изучал экономическую и политическую жизнь сопредельных стран, что давало пищу для размышлений и выработки собственной программы преобразований. Так, в переписке с царем воевода изложил стройную программу перестройки системы комплектования и управления армии. В частности,

вместо ополчения дворян, прибывавших в армию по мере надобности со своей экипировкой и своими людьми (что оказалось неэффективным в военных условиях), предлагалось расширить «строительство» новых солдатских и рейтарских полков путем набора на определенный срок «даточных людей» из низших слоев населения, зачислявшихся на «государево жалованье». Существенная роль отводилась комплектованию и обучению стрелецкого войска.

В ведение воеводы Кокнеса были переданы все занятые русскими войсками города Прибалтики. Политика Ордина имела глубокий экономический смысл и тонкий политический расчет. Он стремился утвердить среди латышей хорошее отношение к России, считая, что «плохой мир лучше доброй ссоры». Мудрый администратор возвращал населению несправедливо изъятое имущество, сохранял городское самоуправление в виде магдебургского права. Всемерно поддерживая горожан, в основном торговцев и ремесленников, Афанасий Лаврентьевич применял на практике свои экономические взгляды, в концентрированном виде оформившиеся позднее в Новоторговом уставе.

И все-таки большую часть своего времени Афанасий Лаврентьевич отдавал делам дипломатическим, разработав собственную внешнеполитическую программу. Он справедливо полагал, что в ситуации, когда России угрожали на севере Швеция, на юге — Турция и Крымское ханство, единственным союзником может быть лишь славянская страна, равным образом пострадавшая от тех же противников, — Речь Посполитая.

По мере восхождения «худородного» дворянина по служебной лестнице росла неприязнь к нему со стороны боярской аристократии и приказных дьяков. Однако царь не забыл деятельного администратора и дипломата, пожаловав Ордина в думные дворяне (апрель 1658 г.). В царской грамоте отмечалось: «Ты о наших делах радеешь мужественно и храбро н до ратных людей ласков, а ворам не спускаешь и против шведского короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем»¹¹⁹.

В конце 1658 года думный дворянин, лифляндский воевода Ордин-Нащокин вел секретные переговоры со шведами. Подписанное в Валиесаре перемирие означало крупный успех русской дипломатии. С редкой настойчивостью Афанасий Лаврентьевич относился к внешнеполитическим поручениям и защите российских интересов. А то, что твердость дипломата не всегда приводила к успеху (например, Кардисский мир 1661 г.), во многом объяснялось не зависевшими от него обстоятельствами.

Исключительно деятельным было участие Ордина в русско-польских переговорах начала 1660-х годов, ставших важным этапом подготовки Андрусовского соглашения.

Андрусовское соглашение занимает особое место в деятельности Ордина-дипломата. Понимая, как трудно будет добиться примирения

с Речью Посполитой, он решал эту проблему постепенно. Так, оздоровлению обстановки содействовали обмен пленными в марте — апреле и майское соглашение о безопасности послов. Но в июне обнаружилась полная несовместимость позиций сторон в вопросах о границах, пленниках, контрибуции. Польский комиссар Ю. Глебович не желал решать коренные вопросы двусторонних отношений и стремился затянуть переговоры. От русского великого и полномочного посла требовалась большая выдержка, чтобы не прервать переговоры. Сентябрь — ноябрь 1666 года характеризуются сильнейшими дипломатическими атаками поляков, которые стали добиваться возвращения всей Литвы, Белоруссии и Украины. Но руководитель русской делегации твердо заявил, что «царь не пойдет на уступку Украины». Тем не менее переговоры не раз оказывались на грани срыва ввиду упорства польских комиссаров. Последние уже собрались покинуть Андрусово, угрожая продолжением войны. Положение русской делегации становилось критическим; в отчете в Москву Ордин-Нащокин аргументированно советовал царю не допустить разрыва и принять польские условия. В последних числах декабря от имени царя полякам был уступлен Динабург, но послы настаивали на признании за Россией Киева, Запорожья и всей Левобережной Украины.

Внешнеполитическое положение Речи Посполитой к концу года резко изменилось, и польские представители стали уступчивее. 3 января 1667 года достигли компромисса по вопросу о границах, а 20 января был согласован и торжественно подписан текст Андрусовского договора.

Через день после приезда в столицу Ордин был пожалован в бояре и вскоре назначен в Посольский приказ в звании «Царственных и государственных посольских дел боярина». Летом 1667 года руководитель Посольского приказа разработал и образец новой государственной печати, после утверждения которого получил титул «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя». В его ведение передаются несколько приказов, в результате чего Афанасий Лаврентьевич сосредоточил в своих руках не только внешнеполитические, но и многие внутригосударственные ведомства, став фактическим главой правительства.

Он занимался «преобразованием русских законов и новым образованием всего государства»¹²⁰. И в этой связи мы не можем не упомянуть Новоторговый устав, инициатива создания и общая редакция которого принадлежат А.Л. Ордин-Нащокину. Несомненной заслугой Афанасия Лаврентьевича является стремление установить в общих масштабах для всей страны твердые нормы взаимоотношений с иностранными купцами, а также оказать покровительство отечественным торговым людям. Содержание документа проникнуто идеями протекционизма, сам устав явился новым и значительным вкладом в экономическую политику Русского государства.

Но приоритетное место в деятельности А.Л. Ордин-Нащокина занимали внешнеполитические проблемы. За четыре года руководства Посольским приказом он упорядочил работу и значительно возвысил роль этого учреждения. При Ордине большое внимание уделялось расширению и укреплению международных связей России, что требовало определенной осведомленности о событиях за пределами страны. С этой целью по инициативе руководителя Приказа установлена была почтовая связь с Вильно и Ригой. Он же развивал практику перевода иностранных газет и вестовых писем, из которых составлялись сводные выписки — «Куранты». Эти рукописные листки стали предшественниками печатных газет.

Итак, Афанасий Лаврентьевич был в ореоле славы и пользовался безграничным доверием царя. Но он чувствовал непрекращающуюся вражду сановных бояр и зависть приказных дьяков, понимая, что возвышение не будет долговечным. А царя стали раздражать слишком независимые действия и самостоятельные решения, а также постоянные жалобы Ордин-Нащокина на непризнание его заслуг. Главе Посольского приказа приходилось давать объяснения. С течением времени стало ясно, что деятельность его как руководителя Малороссийского приказа не была успешной, и от этой работы Ордин был отстранен. Весной 1671 года последовало лишение титула «сберегателя». В декабре царь принял отставку А.Л. Ордин-Нащокина и «от всее мирские суеты освободил явно». В начале 1672 года Афанасий Лаврентьевич уехал из Москвы, увозя обширный личный архив, посольские книги, царские грамоты, возвращенные в столицу уже после его кончины. В Крыпецком монастыре в 60 километрах от Пскова он постригся в монахи, став иноком Антонием.

Спустя несколько лет, в 1676–1678 годах, инок Антоний направил царю Федору Алексеевичу две автобиографические записки и челобитную с изложением своих внешнеполитических взглядов. Несмотря на возвращение Антония в Москву, идеи его не были востребованы. Сказалось, в частности, то, что, оторвавшись от дипломатической жизни, инок не учитывал реальной обстановки, оставаясь на прежних позициях. В конце 1679 года он вернулся в Псков, а годом позже скончался в Крыпецком монастыре.

Артамон Сергеевич Матвеев — талантливый дипломат, книжник, писатель, историк, основатель русского придворного театра¹²¹. Он был назначен главой Посольского приказа в возрасте 46 лет, уже зрелым человеком и видным государственным деятелем.

Родился Артамон Сергеевич в 1625 году. Его отец, дьяк Сергей Матвеев, был известен как весьма способный человек, выдвинувшийся на дипломатической службе при царе Михаиле Федоровиче Романове. В 13 лет молодой Артамон был взят во дворец. Будучи старше царевича Алексея всего на четыре года, он рос и воспитывался вместе с ним. «Необычные

его дарования в самом еще детстве сделались известными. Маленького Артамона отцы ставили в пример своим детям за его благонравие, понятливость и охоту к учению»¹²². В 16 лет он получил свою первую дворцовую должность — чин стряпчего.

На службе Артамон постоянно сдерживал себя, стараясь не оскорбить или чем-либо не задеть самолюбивых придворных бояр. Умение ладить с людьми вопреки своим чувствам постепенно стало чертой его характера. В 1642 году в возрасте 17 лет он был назначен стрелецким головою (начальником) в Московский гарнизон, который предназначался главным образом для внутренней охраны царского двора. Кроме того, стрельцы сопровождали иностранных послов. Так, в 1651 году «в приставах у литовских послов в дороге, от Вязьмы до Москвы, был голова московских стрельцов Артамон Матвеев»¹²³.

Мы не знаем, каким образом «худородный» дьячий сын Артамон Матвеев стал любимцем и другом царя Алексея Михайловича. Конечно, способности и дарования Матвеева, его начитанность, увлечение иностранными новшествами привлекали государя, но главным достоинством Матвеева была, вероятно, его личная преданность Алексею Михайловичу, неоднократно доказанная делами. Уже будучи приближенным к царю, он долгое время носил скромное звание полковника и головы московских стрельцов. Даже возглавив два важнейших приказа — Малороссийский и Посольский, он оставался лишь в чине думного дворянина. И только в 1672 году 47-летию Артамон Сергеевич был пожалован в сокольничие.

Сохранилось немало свидетельств о верной службе А.С. Матвеева царской власти и его немаловажной роли во внутривластной жизни государства. Один из примеров — непосредственное участие царского любимца в «деле патриарха Никона». В конфликте царя и патриарха Матвеев показал свою преданность царю, продемонстрировав при этом непосредственное знание дела и гибкость ума.

Свою преданность престолу А.С. Матвеев доказал еще раз, приняв самое активное участие в подавлении восстания Степана Разина. После ареста в 1671 году самого Разина и его брата Матвеев сообщал царю: «А в том деле работишка моя, холопа твоего, была»¹²⁴. В 1673 году Артамон Сергеевич внимательно следил за отголосками разинского восстания в Запорожье, где действовали некий «вор и самозванец», выдававший себя за сына царя Алексея Михайловича — царевича Симеона Алексеевича, и его пособник атаман И. Миюска. Матвееву удалось подкупить казацкую верхушку, которая «того вора и самозванца сковав прислали к вам, великим государем»¹²⁵. В конце 1673 года и в 1674 году А.С. Матвеев участвовал в допросах руководителей восстания. Все полученные в результате этого материалы он лично передавал царю.

Царь высоко оценил усердие А.С. Матвеева: 8 октября 1675 года Матвеев был пожалован в ближние бояре и награжден земельными владениями под Москвой.

Государственные интересы Артамона Сергеевича не ограничивались только политикой. С его именем связано и развитие отечественной медицины. Эпидемии чумы, «моровые поветрия», высокая смертность населения вынуждали правительство серьезно заняться организацией медицинского дела. В начале XVII века в Москве был учрежден Аптекарский приказ. В его главе стоял особо доверенный, приближенный к царю боярин. Должность эта считалась ответственной, ведь речь шла о здоровье царя и его близких. Имя А.С. Матвеева упоминается в делах Аптекарского приказа в 1673–1675 годах, а в 1676 году он возглавил Приказ: следил за развитием медицины за границей, выписывал книги иностранных врачей, старался иметь в своих аптеках новейшие лекарства, самолично составил списки лекарств на славянском и латинском языках с обозначением их цен. Занимался он и вопросами медицинского оборудования, подбором персонала.

Разносторонность интересов Артамона Сергеевича объяснялась его обширной начитанностью, стремлением к образованию, тягой к западной культуре и ее достижениям. Его челобитные, написанные уже из ссылки царю Федору Алексеевичу, содержат выдержки из Сократа и Аристотеля, что говорит о его знакомстве с классической философией. Знал он также греческую и римскую историю. Дом Матвеева был убран на европейский лад, украшен картинами, часами, различными заморскими диковинами. Здесь часто принимали гостей, обменивались мыслями, новостями. Жена А.С. Матвеева не была затворницей и участвовала в беседах, что шло вразрез с тогдашними обычаями.

Именно здесь, в свободной атмосфере этого дома, провела свое детство и юность мать будущего императора Петра I. То обстоятельство, что А.С. Матвеев стал воспитателем своей дальней родственницы Н.К. Нарышкиной, сыграло в дальнейшем решающую роль в его блестящей карьере. В январе 1671 года царь женился на Наталье Кирилловне, а уже в феврале Матвеев возглавил Посольский приказ.

Стараясь идти в ногу со временем, А.С. Матвеев завел у себя «комедийную группу». К началу 1672 года относятся первые упоминания о создании придворного театра¹²⁶.

Вскоре было решено строить театр в Измайлове, в селе Преображенском. Место было выбрано не случайно. Здесь находились летняя резиденция государя, царские сады, заповедник. К середине октября 1672 года «комедийная хоромина» была построена, а уже 17 октября показано первое представление. Предстояло создать театр в столице. Для этого Матвеев приказал перевезти «из села Преображенского и с комедийной хоромины рамы перспективного письма к Москве и внести в палаты, что над оптекою»¹²⁷.

Посредством музыки Матвеев пытался изменить закосневшие, по его мнению, традиции старины. Комедийные представления создавали совершенно новую атмосферу живого общения, нарушали чопорные порядки Кремлевского дворца, будили мысль; здесь наряду с мужчинами присутствовали и женщины, обычно жившие затворницами.

Но главным занятием А.С. Матвеева была дипломатия. Его дипломатическая деятельность совпала по времени с продолжительной и упорной борьбой России за Малороссию. Артамон Сергеевич был в гуще всех этих событий, непосредственно участвуя в переговорах с руководителями казачества. Примечательно обращение патриарха Никона к Богдану Хмельницкому, которое вез с собой Матвеев (возглавлявший одно из посольств на Украину): «Егда же той его царского величества верный посланник к вам приедет, и вам бы его словесем, кроме всякого сомнения, веру яти: еже бо он возглаголет к вам, сия истина суть»¹²⁸. Из этих слов видно, каким расположением правящих кругов пользовался Матвеев уже в то время и какое важное поручение ему давалось. Входил А.С. Матвеев и в Московское посольство боярина В.В. Бутурлина, прибывшее в Переяславль в январе 1654 года.

9 апреля 1669 года А.С. Матвеев был поставлен во главе Малороссийского приказа, который контролировал гетманское управление. Уже в самом начале своей деятельности в новом качестве Матвеев пытался сгладить наиболее острые проблемы взаимоотношений московских властей с местным населением. Через два года после своего назначения он стал посылать на содержание ратных людей не зерно, а деньги для закупки продовольствия, что было намного дешевле и удобнее. Он поощрял также развитие местного землевладения. Были также заведены частные хлебные склады, где создавались некоторые запасы. Тем самым частично решалась проблема снабжения войска хлебом.

Духовенство обращалось к Матвееву в Малороссийский приказ с различными вопросами, касавшимися не только церковных дел, но и военной и внутренней политики. В свою очередь, Матвеев оказывал покровительство многим священникам.

За время пребывания Матвеева на посту начальника Малороссийского приказа его авторитет как искусного дипломата упрочился, и в феврале 1671 года он был поставлен во главе Посольского приказа.

Наиболее важным вопросом внешней политики Москвы в этот период была борьба с Турцией и крымским ханом, и международную деятельность в этом направлении также нельзя отделить от имени А.С. Матвеева. Между тем, желая поднять международный престиж России, Матвеев изменил некоторые посольские церемониалы внутри двора. Так, например, иностранные послы стали называть царя «величеством»: «А я, холоп твой, с цесарскими посланниками договор за руками учинил, чтобы впредь нас, великих государей, в грамотных и в ответных письмах писать Величест-

вом, а не пресветлейшим»¹²⁹. Теперь при обращении к царю употреблялся титул главы великого государства. Матвеев также ввел правило, чтобы при приеме царем послы снимали головные уборы.

Продолжал Артамон Сергеевич и политику своих предшественников в установлении культурных, дипломатических и торговых связей с различными странами, в частности с империей Великих Моголов и с Индией. При Матвееве продолжались попытки завязать дипломатические и торговые связи с Китаем. В 1675 году в Китай был направлен уроженец Молдавии Николай Спафарий, переводчик Посольского приказа, куда он поступил работать в 1671 году. Трудно сказать, был ли он прежде знаком с Матвеевым, однако сразу же расположил к себе последнего своими обширными знаниями. Спафарий часто бывал в доме Матвеева и подолгу просиживал там за книгами, что в дальнейшем послужило одним из поводов для сыского дела на Матвеева по обвинению в «чернокнижии».

А.С. Матвеев поручил Спафарию воспитание своего сына, которого тот обучал различным языкам.

В 70-х годах XVII века влияние и авторитет А.С. Матвеева в государственных делах были почти безграничны. К нему сходились все нити управления Россией. Все распоряжения царского правительства выходили со следующей формулировкой: «По указу Великого государя и по приказу боярина Артемона Сергеевича Матвеева»¹³⁰.

Пытаясь определить возможные перспективы развития России, А.С. Матвеев обращается к ее истории. Он участвует в работе над изложением официальной истории Российского государства. В Российском государственном архиве древних актов хранится «Титулярник, или Корень великих государей российских...», составленный под непосредственным руководством А.С. Матвеева в 1672 году.

Другая книга, в составлении которой принимал участие Матвеев, называлась «Книга о избрании на превысочайший престол великого Российского царствия... Михаила Федоровича всея великой России самодержца». Составление этой книги Матвеев считал своей особой заслугой перед династией Романовых.

По инициативе Матвеева и под его руководством в Посольском приказе переводилась религиозная и нравоучительная литература.

Активная деятельность А.С. Матвеева, его блестящая карьера были прерваны непредвиденными обстоятельствами.

В 1676 году внезапно умер царь Алексей Михайлович. Началась борьба двух дворцовых группировок. Одну из них, руководителем которой был Матвеев, составляли Нарышкины, родственники царя по второму браку; другую — Милославские, родственники первой жены царя, вместе с боярином Хитрово и др. Авторитет Матвеева, столь возросший в последнее время, пошатнулся.

Сторонники Милославских ненавидели Матвеева за его ум, способности, приверженность западным традициям. Но если ранее борьба против него носила скрытый характер, то теперь началось открытое выступление против Матвеева. Вначале Милославские, оказывавшие большое влияние на воспитание Федора Алексеевича, отстранили Матвеева от наблюдения за аптекой, представив дело таким образом, что столь подозрительный и опасный человек, как Матвеев, не должен иметь непосредственного отношения к здоровью государя. По сути, это было замаскированным отдалением Матвеева от царя Федора.

В борьбе против Матвеева бояре использовали окольного Василия Волинского, который всячески чернил и поносил Матвеева перед царем. Тогда же датский резидент Магнус Гэ (Монс Гей) сфабриковал донос на Матвеева, и Матвеева отстранили от дел. Совершенно неожиданно, когда Матвеев, как обычно, приехал по делам во дворец, боярин Р.М. Стрешнев объявил ему царский указ о том, что быть теперь ему, Матвееву, на службе воеводою в далеком городе Верхотурье. Провожали опального все же с почестью и уважением.

Он выехал вместе с сыном, взяв часть имущества, деньги, посольские письма, грамоты царя Алексея Михайловича, книги, лечебники и т. д. Это произошло в июле 1676 года.

Однако бояре вскоре сочли ссылку Матвеева воеводой в Верхотурье недостаточно строгой мерой. В ноябре на него поступил донос от лекаря Давыда Берлова. Берлов доносил, что, когда лечил он одного из слуг Матвеева, Захара, тот ему рассказывал, будто болен от побоев своего хозяина. Также, по словам Захара, однажды он видел, как Матвеев читал «черную книгу» и что было в это время при нем множество «нечистых духов»¹³¹. Бояре потратили немало сил на розыск свидетелей «колдовства» Матвеева. Привлеченных по его делу отдавали в пыточные камеры, где заставляли давать нужные показания. Однако Матвеев очень умело отводил обвинения.

Обвинение в колдовстве было в те времена делом серьезным. У Матвеева производились обыски, искали его знаменитый лечебник, допрашивали его родственников, пытали слуг, делали все, чтобы обвинить его в распространении «черных книг». Артамон Сергеевич требовал очной ставки со всеми арестованными по его делу людьми. Он просил в свидетельство своей верной службы взять показания у некоторых бояр и духовных лиц, среди которых были П.А. Долгоруков, А.Н. Трубецкой, П.И. Прозоровский, Г.Г. Ромодановский, архиепископ Симеон Тверской, протопоп Успенского собора Кондрат и др. Однако оправдание не входило в планы судей.

Вскоре Матвеева вместе с сыном перевезли в Казань, где воеводой был боярин И.Б. Милославский, давний враг Матвеева. Охраняли опального пять приставов, словно он был важным политическим преступником. «И в Казани дан был на крепкие приставы и караул»¹³², — с горечью писал

Матвеев царю. Через некоторое время в Казань для переписи имущества Матвеева был прислан дьяк Иван Горохов, ранее служивший при Матвееве в Посольском приказе и сосланный в ссылку за тайную переписку с донскими казаками. В течение почти месяца он переписывал имущество Матвеева, всячески издеваясь над ним: «И он, Иван, пересмотрел и переписал, и переписав взял без остатка»¹³³.

Наконец Матвееву был объявлен боярский приговор: его лишали боярского чина, поместий, вотчин, дворов, людей и всего имущества. Матвеев написал несколько челобитных на имя царя и подал их И.Б. Милославскому. Однако челобитные приняты не были, сам он был отправлен в отдаленный и голодный край — маленькое селенье Пустозерск, где жили рыбаки и ссыльные.

Здесь некогда гордый, обладавший большой властью боярин не выдержал и, изнемогая под бременем долгов и бесполезных ожиданий, стал просить о пощаде. Он писал патриарху Иоакиму, несколько челобитных послал своим исконным врагам — Милославскому и Хитрову, где отвергал возведенные на него обвинения. Понимая, возможно, тщетность своих усилий, он все-таки пытался разжалобить своих недругов. Посылал он челобитные с описанием своих бедствий и на имя царя.

Тем временем при дворе произошли перемены. Под влиянием Нарышкиных царь Федор решил вернуть Матвеева из ссылки. В 1680 году тот был перевезен из Пустозерска в местечко Мезень и освобожден из-под стражи. Но лишь в 1682 году был получен царский указ: Матвеева «из-под пристава освободить, и московский... двор, и подмосковные и другие вотчины, и пожитки, оставшиеся за раздачею и продажею... возратить»¹³⁴. До нового указа Матвеев должен был жить в Костромской губернии. Приехав в местечко Лух, он получил известие о смерти царя Федора.

В Кремле собрались бояре, решая вопрос о кандидатуре нового царя. Выбор пал на 10-летнего Петра, а его мать была назначена правительницей. В мае 1682 года она отправила к Матвееву нарочного, прося его немедленно прибыть в Москву. Наталья Кирилловна понимала необходимость пребывания в Москве умного и опытного Матвеева.

Еще в Троице-Сергиевой лавре Матвееву было объявлено о возвращении ему боярства. В начале мая Артамон Сергеевич приехал в Москву и сразу же был принят царицей. В первый же день приезда в столицу Матвееву вернули все ранее отобранные у него поместья. Также решено было «служителей, которые во время той ссылки не были по отпускным распущены, и у бояр, и всякого чина у людей в домах служили, по прежнему ему ж боярину отдать»¹³⁵.

14 мая Матвеев был принят патриархом Иоакимом. В тот же день он встретился с боярином Ю.А. Долгоруким, с которым долго беседовал. Этими встречами Матвеев подготавливал почву для избрания царем Петра.

Узнав о вероятном возвращении Матвеева, властолюбивая дочь Алексея Михайловича царевна Софья поняла, что ее планы занять престол могут не осуществиться. Сторонники Милославских — стольник П.А. Толстой, полковник И. Циклер и др. — еще до приезда Матвеева подстрекали стрельцов и бедноту требовать престолонаследия для царевича Ивана и назначения царевны Софьи правительницей до его (Ивана) совершеннолетия.

15 мая 1682 года стрельцы двинулись в Кремль, где в это время находился и Матвеев. Среди стрельцов был распространен слух, что царь Иван убит. Они потребовали немедленной казни всех Нарышкиных. Вышедшему к толпе Матвееву в какой-то мере удалось успокоить народ, и возбуждение постепенно стало спадать. Но после того как Матвеев возвратился во дворец, стрельцов вновь стали провоцировать сторонники Софьи. Группа стрельцов ворвалась во дворец. Матвеев и несколько бояр были схвачены, выведены на Красное крыльцо и сброшены на пики. «Бросили его, яко агнеца невинного, от столоты Благовещенской церкви на площадь, и приняв на копья, ужасным и страшным мученическим страданиям на мелкие части тело его боярское рассекли»¹³⁴.

Заключение

Итак, с конца XV века, когда Европа вдруг с удивлением обнаружила на своих восточных границах сильное централизованное государство, до начала XVIII века прошло более 200 лет. Чего же достигла Россия и ее внешняя политика за эти два века?

Прежде всего нужно признать, что развилась и сформировалась основа Российского государства — национальная территория русского и других народов державы. На севере ее пределы подходили к суровым берегам «Студеного моря» — Северного Ледовитого океана, на юге охватывали земли Запорожья, город Азов, но не доходили до берегов Черного моря. Крайним южным владением России была Восточная Кабарда на Кавказе. На востоке была присоединена Сибирь, а в конце XVII века землепроходцы-казаки вышли к берегам Тихого океана.

Геополитическое положение России определило главные проблемы, которые стояли перед страной и ее народом. Россия была тем местом, где сходились и переплетались судьбы разных цивилизаций и миров: оседлого европейского и кочевого восточного. Прикрывая Европу от вторжений стремительных степных воинов, Русь принимала на свои щиты их удары и тем самым спасала (как говорил в свое время А.С. Пушкин) «возрождающееся на западе просвещение... ценой истерзанной и истекающей кровью России».

Соседство со степью постоянно ставило Россию не только перед проблемой сохранения государственной независимости, но прежде всего перед опасностью физического уничтожения народа. В борьбе за жизнь наши предки вынуждены были пойти на форсированное, ускоренное создание централизованного государства как средства национальной защиты и выживания в тяжелых условиях. Именно поэтому весьма значительная, если не сказать — решающая, роль в истории России принадлежала государству.

Вполне понятно, что в этих трудных условиях почти непрерывной борьбы за выживание особенно большое значение имела внешняя политика России, направленная на защиту общенациональных интересов, а также на приращение территории, богатств и населения страны. Как государство играло особо важную роль для России, так и из многочисленных функций государства функция внешняя была особенно важна, а на иных этапах истории России становилась определяющей.

России постоянно приходилось отбиваться от агрессии не только на востоке, но и на западе.

Но положение на стыке цивилизаций имело не только негативные последствия для России. Русский, украинский, белорусский народы, на-

роды Поволжья и др. сумели воспринять и национально интегрировать культуру, быт, искусство, трудовые навыки — и от Запада, и от Востока.

Истоки этих проблем уходят в глубокую древность, ко временам Великого переселения народов. Славяне, оттесненные готами, гуннами и другими народами в срединные области Центральной и Восточной Европы, вынуждены были пробиваться к берегам Балтийского и Черного морей, отражать натиск кочевников-скотоводов с востока и отстаивать свои территории на западе.

С появлением Древнерусского государства эти геополитические проблемы углубились, оформились во внешнеполитический курс, приобрели общегосударственный характер, определили место Руси в системе международных отношений средневековой Европы.

В период феодальной раздробленности общегосударственная направленность внешней политики исчезает, но сами геополитические проблемы остаются. Теперь крупнейшие русские княжества решают их своими силами и исходя из собственных интересов. Политика Новгорода Великого ориентирована на проблемы Балтики; Галицко-Волынское княжество связано с Причерноморьем и отстаивает русские интересы на западе; отношения с Востоком и Ордой сосредоточены прежде всего в руках владимирских, а позднее московских князей.

Значительно меняется характер западного направления внешней политики Руси. Если ранее оно было связано со странами Центральной Европы и с укреплением европейских позиций Руси, то теперь во главу угла встает соперничество Москвы и Великого княжества Литовского в объединении русских земель. Соперничество Москвы и Вильнюса, по существу, явилось формой выбора между более западным и более восточным вариантами цивилизационного развития Руси и России. Оставаясь страной в основном западного варианта цивилизации, Россия испытывала весьма сильное воздействие Востока, и победа Москвы в этом соперничестве усилила восточные тенденции. Русские земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, активно участвовали в отражении натиска на восток немецких и других европейских феодалов.

По мере завершения объединения русских земель вокруг Москвы к XV–XVI векам формируется новое направление геополитики России — воссоединение русских, украинских и белорусских земель. В процессе складывания Российского централизованного государства к концу XV века вновь формируется единая внешняя политика, решающая в новых условиях прежние геополитические проблемы.

Место России в системе европейских связей XV–XVII веков определялось международной ситуацией в Европе и теми проблемами, которые стояли перед нашей страной, их взаимодействием. Европейская политика определялась в основном соперничеством за гегемонию между Империей

австрийских Габсбургов и Францией. В XVI веке это соперничество часто принимало обличив религиозных войн между протестантами (которых поддерживала Франция) и католиками. В 1618–1648 годах по Европе прошла смертельной косой Тридцатилетняя война, затем последовали франко-испанские и англо-голландские войны и, наконец, в 1700–1713 годах — война за испанское наследство.

Этот главный конфликт очень осложнялся действиями Турции, которая намеревалась захватить у Империи королевство Венгрия, саму австрийскую столицу Вену, захватить польские, украинские и южнорусские земли. С севера на владения австрийских Габсбургов насаждала Швеция, которая стремилась овладеть прибалтийскими германскими княжествами и балтийским берегом Польши (русское побережье шведы закрепили за собой в 1617 г.).

Наконец, на восточные и южные рубежи России постоянно нападала либо сама Большая орда, либо (после ликвидации Орды в 1503 г.) ее многочисленные «осколки», вроде Казанского, Астраханского и Крымского ханств.

Таким образом, геополитическое положение России на границе Европы и Азии ставило перед страной следующие основные проблемы: обеспечение безопасности восточных рубежей России (восточная проблема); защита южных границ России от походов крымских татар и Турции (южная проблема); воссоединение с Россией западнорусских — украинских и белорусских — земель (западная проблема); обеспечение выхода в Балтийское море (северо-западная проблема).

В конце XV и первой половине XVI века главное внимание уделялось безопасности восточных границ. После падения Казани и Астрахани (1552 и 1556 гг.) Восточный вопрос перерос в вопрос завоевания и освоения Сибири и Дальнего Востока.

Опасность с юга в полную меру проявилась несколько позднее, после смерти в 1515 году Менгли-Гирея, который в 1480–1503 годах вместе с Иваном III воевал против Большой Орды. Периодически уже в XVI веке южная проблема начинает выдвигаться на первое место, особенно в 1540-х и 1571–1572 годах, когда крымские татары пытаются овладеть Москвой. Определенный перелом в отношениях с Крымом приходится на 1572 год, когда войско хана Девлет-Гирея было разбито под селом Молоди. Однако золотоордынские претензии и амбиции хана, посяательства его на суверенитет России продолжались вплоть до Константинопольского мира 1700 года.

Отношения с Османской империей у России оставались спокойными на протяжении практически всего XVI века (если не считать поход на Астрахань в 1569 г.). Обострение этих отношений стало наиболее заметным в 70-е годы XVII века.

Южное направление внешней политики России на протяжении середины и второй половины XVII века постепенно приобретало новые

черты. Строительство укрепленных оборонительных линий не только препятствовало нападению на русские земли кочевых отрядов, но и постепенно приближало границы России к берегам Черного моря и границам Османской империи. Россия постепенно начинала подходить к решению проблемы выхода к теплomu морю.

Наиболее важными направлениями внешней политики России после взятия Казани и Астрахани стали западное и северо-западное, хотя в ходе Ливонской войны Ивану IV не удалось добиться своих целей ни на западных границах (отвоевать у Речи Посполитой белорусские и украинские земли), ни на берегах Балтики.

На протяжении почти всего XVII столетия балтийский вопрос явно стоит перед Россией на втором плане, лишь на короткое время (руско-шведская война 1656–1661 гг.) он выходит на первое место.

Всю вторую половину XVII века внимание России поглощено борьбой за Украину и Белоруссию — вначале против Речи Посполитой, а с 1677 по 1700 год — против Турции и Крыма.

В этой связи важно отметить, что, войдя в состав России в 1654 году на правах конфедерации, Украина долгое время сохраняла свою автономию: российское правительство видело в Украине своего рода политический буфер. Борьба России и Украины против османской агрессии усилила политический вес России среди славян Балканского полуострова. Уже в XVII веке появляются проекты освобождения их от власти Османской империи с помощью России.

Политические проблемы, стоявшие перед Россией, связывали ее со всей европейской ситуацией и определяли место России в политической жизни Европы.

Еще в XV веке Священная Римская империя и папский престол вынашивали планы втянуть Ивана III в войну против Османской империи, отдав ему в жены Софью Палеолог. Учитывая раскладку политических сил в Европе, русские дипломаты, вступая в борьбу против Крыма или Турции, искали и часто находили союзников в лице Речи Посполитой, Австрии или даже Швеции.

Борьба против Речи Посполитой делала вполне реальным союз со Швецией и Османской империей.

Наконец, война против Швеции всегда позволяла найти союзников в Дании и Речи Посполитой, при нейтрализации Крыма и Оттоманской Порты.

Уже в XV веке Россия имела довольно высокий престиж в Европе. Неудачная Ливонская война, события польско-шведской интервенции поколебали этот престиж. Но к середине XVII века большинство европейских стран устанавливают с Россией регулярные контакты, однако более или менее постоянными эти контакты были только с сопредельными странами.

К концу века Россия становится одной из ведущих политических сил на востоке и юго-востоке Европы. Складывались добротные предпосылки для перехода России в новое качество полноправного члена европейского концерта, но для этого пока не хватало гения Петра Великого.

Примечания

Глава I

¹ См.: *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 40–57; *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 95–132.

² См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 61–73. До сих пор никто не опроверг этих размышлений историка.

³ См.: *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 533–540; *его же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 187.

⁴ Там же. С. 18–30.

⁵ Там же. С. 30–33.

⁶ См.: *Седов В.В.* Указ. соч. С. 233.

⁷ См.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 184–186.

⁸ См.: *Гильфердинг А.* История балтийский славян. Т. I. М., 1855. См. также: *Седов В.В.* Указ. соч. С. 293–318; История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 1996. С. 41–43.

⁹ Повесть временных лет (далее — ПВЛ). Ч. I. М.; Л., 1950. С. 20. Ср. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 107.

¹⁰ См.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. С. 22–82, 96.

¹¹ ПВЛ. Ч. I. С. 20.

¹² Там же. С. 21.

¹³ *Szabarov A.N.* Orosz-Magyar szövetségi kapcsolatok a 9–10. században // *Századok*. 1986. № 1. Szam. P. 111–122.

¹⁴ См.: *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 213–217.

¹⁵ См.: *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 124–134, 165–180.

¹⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 37, 39.

¹⁷ См.: *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 272–298.

¹⁸ Там же. С. 239–258.

¹⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 48.

²⁰ См.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991. С. 178–198.

²¹ См.: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 31–32.

²² ПВЛ. Ч. I. С. 58.

²³ Там же. С. 59.

²⁴ См.: *Patrologiae Graecae*. Т. 106. Col. 919; Яхъя Антиохийский. История // Император Василий Болгвробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / Издал, перевел и объяснил В.А. Розен. СПб., 1883. С. 23–24.

²⁵ Яхъя Антиохийский. Указ. соч. С. 23.

²⁶ См.: *Сахаров А.Н.* Международные аспекты крещения Руси // Вестник Академии наук СССР. 1988. № 10. С. 122–133.

²⁷ См.: *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 30; *Греков Б.Д.* Киевская Русь // Избранные труды. Т. II. М., 1959. С. 373–374; ПВА. Ч. I. С. 102.

²⁸ См.: *Новосельцев А.П.* Русь и государства Кавказа и Азии // Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 104.

²⁹ *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 109.

³⁰ ПВА. Ч. I. С. 103.

³¹ См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 79.

³² См.: об этом: *Сахаров А.Н.* Политическое наследие Рима в идеологии древней Руси // История СССР. 1990. № 3. С. 76–78.

³³ Поучение Владимира Мономаха // Изборник. М., 1969. С. 157. 34 См.: *Его-роф В.А.* Русь и ее южные соседи в X–XIII вв. // Отечественная история. — 1994. № 6. С. 189–190.

³⁴ См.: *Васильевский В.Г.* Труды. Т. I. СПб., 1908. С. 174.

³⁵ См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 140–141.

³⁶ ПВА. Ч. I. С. 191.

³⁷ Там же. С. 195.

³⁸ Там же. С. 201.

³⁹ Слово о погибели русской земли // Изборник. М., 1969. С. 327.

⁴⁰ См.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 469–480.

⁴¹ См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 145.

⁴² См.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 493–495.

⁴³ См.: *Александров Д.Н.* Южная, Юго-Западная и Центральная Русь в XII–XIV вв. и образование Литовского государства. М., 1994. С. 45–46.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. М.; Л., 1962. Стб. 715.

⁴⁵ См. об этом подробнее: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 166; *Александров Д.А.* Указ. соч. С. 51–53.

⁴⁶ См.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 89.

⁴⁷ См.: *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 556.

⁴⁸ См.: *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 94.

⁴⁹ См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 221.

⁵⁰ См.: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 15–19, 34.

⁵¹ Там же. С. 39.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 40–41, 59, 62, 66, 71; *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 148–149.

- ⁵⁴ См.: *Александров Д.Н.* Указ. соч. С. 228.
- ⁵⁵ См.: *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 46; *Егоров В.А.* Указ. соч. С. 196.
- ⁵⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 539–545.
- ⁵⁷ См.: подробнее *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 503–508.
- ⁵⁸ См.: *Егоров В.А.* Указ. соч. С. 198.
- ⁵⁹ См.: *Александров Д.Н.* Указ. соч. С. 74–75.
- ⁶⁰ Там же. С. 76–77.
- ⁶¹ См.: *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959. С. 648–649.
- ⁶² См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 254.
- ⁶³ Там же. С. 259–261; *Александров Д.Н.* Указ. соч. С. 228.
- ⁶⁴ См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 260–261.
- ⁶⁵ ПСРА. Т. I. М.; Л., 1962. Стб. 469.
- ⁶⁶ См.: *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 106–121.
- ⁶⁷ ПСРА. Т. I. Стб. 190.
- ⁶⁸ См.: *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 136–137.
- ⁶⁹ Там же. С. 123–124; *Кучкин В.А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси (далее — Александр Невский) // Отечественная история. 1996. № 5. С. 20.
- ⁷⁰ См.: *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 143–144; *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 21–22.
- ⁷¹ См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 262; *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 22–23.
- ⁷² См.: подробнее; *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 261–262.
- ⁷³ См.: Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II; Извлечения из персидских сочинений. М., 1941. С. 37.
- ⁷⁴ См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 297–301; *Александров Д.Н.* Указ. соч. С. 85–90.
- ⁷⁵ См.: *Думин С.В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 76–85; *Александров Д.Н.* Указ. соч. С. 91–92.
- ⁷⁶ См.: *Думин С.В.* Указ. соч. С. 84–85; *Александров Д.Н.* Указ. соч. С. 93.
- ⁷⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 832–835, 845–855.
- ⁷⁸ См.: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963; *Усачев Н.Н.* К оценке внешнеторговых связей Смоленска в XII–XIV вв. М., 1961. С. 203–224.
- ⁷⁹ См.: *Александров Д.Н., Володикин Д.М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. М., 1994. С. 39.
- ⁸⁰ ПСРА. Т. 15. Вып. I. М., 1965. Стб. 47.
- ⁸¹ См.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М., 1940. С. 118.
- ⁸² См.: *Антонович В.Б.* Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878. С. 131–132; *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XV вв. М., 1963. С. 53.
- ⁸³ См.: *Маковский Д.Н.* Смоленское княжество. Смоленск, 1948. С. 186.

⁸⁴ См.: *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.А.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 70–71, 74–76; *Думин С.В.* Указ. соч. С. 78–79.

⁸⁵ См.: *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.А.* Указ. соч. С. 75.

⁸⁶ Там же. С. 27–28.

⁸⁷ См.: *Греков И.Б.* Указ. соч. С. 17, 39, 41, 156.

⁸⁸ ПСРА. Т. 2. М., 1962. Стб. 836–837.

⁸⁹ ПСРА. Т. 4. Ч. 2. Вып. I. Пг., 1917. С. 219.

⁹⁰ См.: *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Н.* Указ. соч. С. 71–72; *Александров Д.Н.* Указ. соч. С. 259–260.

⁹¹ См.: *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 23–24; *Янин В.А.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 81–82.

⁹² См.: *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 158, 179–196.

⁹³ См.: *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 25–26.

⁹⁴ См.: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. II. М., 1960. С. 166–168.

⁹⁵ См.: *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 197, 204–205.

⁹⁶ Там же. С. 213, 215, 224–226; *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 29.

⁹⁷ См.: *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 227–232.

⁹⁸ См.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 105.

⁹⁹ См.: *Егоров В.А.* Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 37–42.

¹⁰⁰ См.: *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 27; *Егоров В.А.* Александр Невский и чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 49–50.

¹⁰¹ См.: *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 29; *Егоров В.А.* Александр Невский и чингизиды. С. 52–53.

¹⁰² См.: *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 29; *Егоров В.А.* Александр Невский и чингизиды. С. 53–55.

¹⁰³ См.: *Кучкин В.А.* Александр Невский. С. 24–30; *Егоров В.А.* Александр Невский и чингизиды. С. 55–56.

¹⁰⁴ См.: *Горский А.А.* Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 34.

¹⁰⁵ Там же. С. 36.

¹⁰⁶ См.: *Эккхарт К.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 103–104.

¹⁰⁷ Там же. С. 108–132; *Горский А.А.* Указ. соч. С. 38–40; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. М., 1960. С. 503.

¹⁰⁸ См.: *Егоров В.А.* Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. С. 50–52, 62, 67.

¹⁰⁹ См.: *Думин С.В.* Указ. соч. С. 98–100.

¹¹⁰ См.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 230–231; *Александров Д.Н.* Указ. соч. С. 262–266.

¹¹¹ См.: *Егоров В.А.* Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. С. 220–223.

¹¹² См.: *Думин С.В.* Указ. соч. С. 110–116.

Глава II

¹ См.: *Пирлинг П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. СПб., 1892. С. XVI.

² Там же. С. 20–24; см. также *Медведев И. П.* Мистра. А., 1973. С. 102–105.

³ См.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 222–231; *Клибанов А. И.* У истоков русско-испанских взаимосвязей // Вопросы истории. 1987. № 7; *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII в. М., 1994.

⁴ *Пирлинг П.* Указ. соч. С. 123.

⁵ См.: *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.* М.; Л., 1950. С. 67–68, 83–86, 105–107 и др.

⁶ *Baumgarten N.* Généalogie des branches régnantes des Rurikides. Roma, 1934. P. 10, 13, 18–19.

⁷ См.: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 213–220; *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 59–62, 89–94.

⁸ *Baumgarten N.* Op. cit. P. 94–95, 106.

⁹ РИО. Т. 35. СПб., 1892. С. 30.

¹⁰ См.: *Зимин А. А.* Витязь на распутьи. Феодальная война в России XV в. М., 1991. См.: также Проблемы внешней политики Российского централизованного государства (1480–1618 гг.) // Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С. 69–85.

¹¹ См.: *Батура Р. К., Паушто В. Т.* Культура Великого княжества Литовского // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 96–97; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995.

¹² См.: *Думин С. Л.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 76–80.

¹³ *Samsonowicz H.* Zlota jesiern polskiego sredniowiecza. Warszawa, 1972. S. 130–135.

¹⁴ См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 122–125; Проблемы внешней политики Русского централизованного государства. С. 64–65.

¹⁵ См.: *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 225–229.

¹⁶ См.: *Охотникова В. А.* Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 146–149.

¹⁷ *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 216–217.

¹⁸ *Baumgarten N.* Op. cit. P. 13, 18–19.

¹⁹ Ibid. P. 33.

²⁰ См.: *Пирлинг П.* Указ. соч. С. 120–124.

²¹ РИО. Т. 35. С. 15, 16, 20, 35, 103 и др.

²² Там же. С. 13.

²³ См.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 93–95.

²⁴ РИО. Т. 35. С. 19, 21, 53 и др.

²⁵ См.: *Баненис Э.Д.* К вопросу о генезисе посольских книг // Исследования по истории Литовской метрики. М., 1989. С. 64–66; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.) // Сост. и автор вступит, статьи Н.М. Рогожин. М., 1990. С. 92–93.

²⁶ См.: *Баненис Э.Д.* Указ. соч. С. 79–82.

²⁷ РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 20.

²⁸ Там же. С. 25.

²⁹ *Trades T.* Kościół katolicki na ziemiach tuskich Korony i Litwy. T. 1. Warszawa, 1983. S. 27–32.

³⁰ См.: *Баненис Э.Д.* Указ. соч. С. 76–77.

³¹ РИО. Т. 35. С. 68–72.

³² Там же. С. 68–71.

³³ 33 См.: *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 103–107.

³⁴ РИО. Т. 35. С. 105–107.

³⁵ Там же. С. 90–91.

³⁶ Там же. С. 124.

³⁷ Там же. С. 127.

³⁸ Там же. С. 185.

³⁹ ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 96–97.

⁴⁰ РИО. Т. 35. С. 189, 200, 202 и сл.

⁴¹ Там же. С. 191–193.

⁴² См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (до 1800 г.). Ч. II. М., 1896. С. 233.

⁴³ См.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1985. С. 60–63.

⁴⁴ См.: *Кром М.М.* Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века (К вопросу о социальной базе восстания Глинского) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 145–154.

⁴⁵ См.: *Бычкова М.Е.* Указ. соч. С. 67–69.

⁴⁶ См.: *Зимин А.А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // Советские архивы. 1970. № 5.

⁴⁷ См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 191.

⁴⁸ См.: *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 180–181.

⁴⁹ Там же. С. 182.

⁵⁰ Там же. С. 182–194; см.: *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 105.

⁵¹ *Казакова Н.А.* Указ. соч. С. 160–170.

⁵² Там же. С. 172–173.

⁵³ Там же. С. 196–197.

⁵⁴ Там же. С. 198–199.

⁵⁵ См.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 153–154.

- ⁵⁶ Там же. С. 155.
- ⁵⁷ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1952. С. 337, 342–343.
- ⁵⁸ См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 177–178.
- ⁵⁹ Там же. С. 179–180.
- ⁶⁰ См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. Ч. I. М., 1894. С. 1–2.
- ⁶¹ Там же. С. 3–4.
- ⁶² См.: *Клибанов А. И.* Указ. соч. С. 56.
- ⁶³ См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. Ч. I. С. 4–5; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). С. 53.
- ⁶⁴ См.: *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 23–26.
- ⁶⁵ Пирлинг П. Указ. соч. С. 154.
- ⁶⁶ *Клибанов А. И.* Указ. соч. С. 47–48.
- ⁶⁷ См.: *Клибанов А. И.* Указ. соч. С. 47–48.
- ⁶⁸ Там же. С. 47.
- ⁶⁹ См.: *Семенова Л. Е.* Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 40–47.
- ⁷⁰ См.: *Гонца Г. В.* К истории молдавско-турецких отношений начала XVI в. // Там же. С. 53–57.
- ⁷¹ РИО. Т. 41. С. 47.
- ⁷² См.: Повесть о Дракуле. М.; Л., 1962. С. 41–44.
- ⁷³ Там же. С. 55–58.
- ⁷⁴ См.: *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Л., 1980. С. 74–77.
- ⁷⁵ См.: *Пирлинг П.* Указ. соч. С. 20–23.
- ⁷⁶ Там же. С. 11–19.
- ⁷⁷ См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 188.
- ⁷⁸ РИО. Т. 41. С. 22, 25 и др.
- ⁷⁹ Там же. С. I–III.
- ⁸⁰ Там же. С. 20.
- ⁸¹ Там же. С. 47.
- ⁸² См.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 62–63.
- ⁸³ Там же. С. 69–70.
- ⁸⁴ Там же. С. 72–74.
- ⁸⁵ *Пирлинг П.* Указ. соч. С. 155–156.
- ⁸⁶ РИО. Т. 41. С. 265.
- ⁸⁷ См.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 197.
- ⁸⁸ Там же. С. 206–207.
- ⁸⁹ Там же. С. 172–173.
- ⁹⁰ Там же. С. 240–243.
- ⁹¹ См.: *Бурдей Г. Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50-х гг. XVI в. // Ученые записки Саратовского ун-та. Т. 47. Харьков, 1956. С. 204–205, 185.

⁹² Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). С. 31.

⁹³ См.: *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 250–252.

⁹⁴ *Пересветов И.* Соч. М.; Л., 1956. С. 12–15.

⁹⁵ *Худяков М.Н.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 115–116.

Глава III

¹ См.: *Худяков М.Н.* Указ. соч. С. 122, 151.

² См.: *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50-х гг. XVI в. // Ученые записки Саратовского университета. Т. 47. Харьков, 1956. С. 204–205; *Шмидт С.О.* Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // Труды Чувашского НИИ при Совете министров Чувашии. Вып. 71. Чебоксары, 1977. С. 60–62; *Греков И.Б.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 50–70-е годы XVI в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 252.

³ См.: *Худяков М.Н.* Указ. соч. С. 156–157.

⁴ См.: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 258; *Худяков М.Н.* Указ. соч. С. 157–158.

⁵ См.: *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 169–170.

⁶ *Худяков М.Н.* Указ. соч. С. 159.

⁷ См.: *Дербов А.А.* Борьба Русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-х гг. XVI века // Ученые записки Саратовского ун-та. Т. 47. С. 156.

⁸ См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 10.

⁹ См.: *Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 395–398 и др.

¹⁰ См.: *Зайцев И.В.* Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и его сын Федор // Золотоордынское обозрение. № 2. Казань, 2013. С. 146–156; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 20.

¹¹ См.: *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политики Крымского ханства второй половины XVI века // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой Степи. М., 2006. С. 26–73; *Шмидт С.О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. С. 371–375; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 19.

¹² См.: *Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. Т. 34. М., 1950. С. 259.

¹³ *Charrlere E.* Negotiations de la France dans le Levant. Т. II. Р., 1850. Р. 672.

¹⁴ ПСРА. Т. 13. 4. 1. С. 233–234.

¹⁵ Там же. С. 312–313.

- ¹⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 106об. — 107.
- ¹⁷ Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 10. СПб., 1795. С. 173–174.
- ¹⁸ *Charriere E.* Op. cit. P. 473.
- ¹⁹ См.: *Флоря Б.Н.* Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 79.
- ²⁰ *Янушкевич А.Н.* Ливонская война. Вильно против Москвы. 1558–1570. М., 2013. С. 34.
- ²¹ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 74.
- ²² Там же. С. 78.
- ²³ См.: *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁴ См.: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 81.
- ²⁵ См.: *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 263.
- ²⁶ См.: *Королюк В.Д.* Ливонская война. М., 1954. С. 28–29.
- ²⁷ См.: *Шмидт С.О.* Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962. С. 131–132.
- ²⁸ См.: *Шмидт С.О.* Правительственная деятельность А.Ф. Адашева // УЗ МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 53.
- ²⁹ *Шмидт С.О.* А.Ф. Адашев и Ливонская война // Спорные моменты отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1990. С. 305.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ См.: *Курукин И.В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 42–43.
- ³² См.: *Филюшкин А.И.* История одной мистификации. Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 214–216.
- ³³ См.: *Хорошкевич А.А.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 42.
- ³⁴ См.: *Греков И.Б.* Указ. соч. С. 256.
- ³⁵ См.: Там же. С. 257–258; *Курукин И.А.* Указ. соч. С. 38.
- ³⁶ См.: *Дербов А.А.* Указ. соч. С. 160–162.
- ³⁷ РИО. Т. 71. С. 7–8.
- ³⁸ Там же. С. 683.
- ³⁹ ПСРА. Т. 13. Ч. 2. С. 339.
- ⁴⁰ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 83.
- ⁴¹ ПСРА. Т. 13. Ч. 2. С. 341.
- ⁴² См.: *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 428.
- ⁴³ ПСРА. Т. 13. Ч. 2. С. 345.
- ⁴⁴ *Филюшкин А.И.* Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 93–94.

⁴⁵ См.: *Хорошкевич А.А.* Указ. соч. С. 388–389; *Янушкевич А.Н.* Указ. соч. С. 82–83.

⁴⁶ См.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. М., 1994 С. 293–300; *Дербов А.А.* Указ. соч. С. 177–178; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 266–268; *Хорошкевич А.А.* Указ. соч. С. 433–452.

⁴⁷ См.: *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 20–21.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 123. Крымская посольская книга № 12. Л. 221.

⁴⁹ См.: *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 68.

⁵⁰ РИО. Т. 71. С. 63.

⁵¹ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. Ч. 3. С. 101.

⁵² См.: *Похлебкин В.В.* Внешняя политики Руси, России за 1000 лет: Справочник. Вып. 2. Кн. 1. М., 1995. С. 393.

⁵³ См.: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 434.

⁵⁴ См.: *Граля И.* Указ. соч. С. 316.

⁵⁵ Там же. С. 317.

⁵⁶ См.: *Хорошкевич А.А.* Указ соч. С. 554.

⁵⁷ См.: *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 225.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 181; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М., 2016. С. 183–184.

⁵⁹ См. донесения французского посла в Стамбуле от июля и августа 1569 г. *Charriere E.* Op. cit. Т. III. Р. 58, 62–64.

⁶⁰ См.: *Зайцев И.В.* История Крыма Политическая история Крымского ханства в XVI–XVII вв. Т. 1. М., 2018. С. 395.

⁶¹ См.: *Бурдей Г.Д.* Была ли русско-турецкая война 1569 г. «пьесой без начала и конца» // История СССР. 1964. № 3. С. 183–205; *Садиков П.А.* Поход турок и татар на Астрахань в 1569 году // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 132–166; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. М., 1946. С. 100–117.

⁶² См.: *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 126–159.

⁶³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 403 об.; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М., 2016. С. 326–327.

⁶⁴ Там же. Л. 410 об. С. 330.

⁶⁵ Там же. Л. 416–419 об. С. 334–336.

⁶⁶ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Походы Девлет-Гирея против Москвы по документам Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 217.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 34; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М., 2016. С. 81.

⁶⁸ Там же. Л. 35. С. 81.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 60 об. — 61. С. 85.

⁷¹ Там же. Л. 153 об. — 155 об. С. 138–139.

⁷² Там же. Л. 171 об. — 172. С. 147.

⁷³ Там же. Л. 173 об. — 182 об. С. 148–152.

⁷⁴ См.: *Дербов Л.А.* К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572–1576) // Ученые записки Саратовского гос. ун-та. Т. 39. Саратов, 1954. С. 176–214; *Ланто И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения люблинской унии до смерти Стефана Батория. Т. 1. СПб., 1901. С. 90–135; *Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою. 1570–1582. СПб., 1904. С. 1–35; *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 46–119; *Форстен В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. 1. С. 613–628; Lulewicz Henryk Gnieewow o unie ciag dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002. S. 80–284.

⁷⁵ См.: *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 14.

⁷⁶ *Лурье Я.С.* Статейный список Константина Скобеляцина // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 309.

⁷⁷ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 99; *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 16–19.

⁷⁸ *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 310.

⁷⁹ См.: *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 2.

⁸⁰ Памятники истории Восточной Европы. Т. VII. Посольская книга по связям России с Польшей. 1575–1576. М.; Варшава, 2004. С. 18.

⁸¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства со Швецией // РИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 339.

⁸² См.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986 С. 44–45; *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 451.

⁸³ См.: *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 451.

⁸⁴ См.: *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 67.

⁸⁵ См.: *Вернадский Г.В.* Московское царство. Т. 1. Тверь, 1997. С. 141.

⁸⁶ См.: *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 97–98.

⁸⁷ См.: *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 52.

⁸⁸ См.: *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 648–652.

⁸⁹ См.: *Щербачев Ю.Н.* Два посольства при Иване IV Васильевиче // Русский вестник. СПб., 1887. Т. 189. С. 88–175.

⁹⁰ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. Ч. 1. М., 1894. С. 212.

⁹¹ См.: *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 220–221.

⁹² *Филюшкин А.И.* Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., 2007. С. 339–341.

⁹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 259–260.

⁹⁴ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россией и Польшею. Ч. 1. С. 155; *Щербатов М.М.* История Российская. Т. 5. Ч. 3. Стлб. 534–535.

⁹⁵ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ соч. Там же.

⁹⁶ См.: *Новодворский В.В.* Указ соч. С. 98.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 92–92 об.

⁹⁸ См.: *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 98.

⁹⁹ См.: *Делиус В.* Антонио Поссевино и Иван Грозный. К истории церковной унии и Контрреформации в XVI столетии // Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве. М., 2005. С. 76–104; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. Л.Н. Годовиковой. М., 1983. С. 5–20.

¹⁰⁰ *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005; *Успенский Ф.И.* Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581–1582 гг. // Записки Новороссийского университета. Одесса, 1887.

¹⁰¹ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 г.) / Изд. М. Погодин, Д. Дубенский. М., 1843. Ч. 2. С. 209–210, 211.

¹⁰² *Успенский Ф.И.* Переговоры о мире между Москвой и Польшей. С. 37–39; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. С. 211–212.

¹⁰³ См.: *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 398.

¹⁰⁴ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. С. 216.

¹⁰⁵ *Успенский Ф.И.* Переговоры о мире между Москвой и Польшей. С. 81.

¹⁰⁶ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 78; *Филюшкин А.И.* Проиграла ли Россия Ливонскую войну? // Тезисы докладов участников VII Международной конференции «Комплексный подход в изучении древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 142; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 77.

¹⁰⁷ См.: *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 284.

¹⁰⁸ *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны // Советское славяноведение. 1972. № 2. С. 35.

¹⁰⁹ См.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 398–399, 405.

¹¹⁰ См.: *Магилина И.В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII в. Волгоград. 2012. С. 60–65.

¹¹¹ Разрядная книга 1550–1636 / Сост. Л.Ф. Кузьмина. Вып. 1. М., 1975. С. 343.

¹¹² *Флоря Б.Н.* О текстах русско-польского перемирия 1591 г. Славяне и Россия. М., 1972. С. 75; *Шаламанова Н.Б.* К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 181–183.

¹¹³ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россией и Польшею. Ч. 1. С. 185.

Глава IV

¹ *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 48.

² См.: *Проништейн А.П.* К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 170–171.

³ См.: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 86–89, 103–114.

⁴ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Т. 1. М., 1894. С. 99.

⁵ РИО. Т. 137. М., 1912. С. 118–119.

⁶ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 68.

⁷ Доклад Луки Паули императору. Дополнения к материалам по Смутному времени на Руси XVII в. / Собр. В.Н. Александренко // Старика и новизна. 1914. Кн. 17. С. 87.

⁸ См.: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 192–195.

⁹ РИО. Т. 137. С. 175–177, 181.

¹⁰ Сборник материалов по русской истории начала XVII века. СПб., 1894. С. 62.

¹¹ См.: *Ульяновский В.И.* Русско-шведские отношения в начале XVII в. и борьба за Балтику // Скандинавский сборник. Вып. 33. Таллин, 1990. С. 63–64.

¹² Сборник материалов по русской истории начала XVII века. С. 147–152.

¹³ Цит. по: *Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 66–67.

¹⁴ См.: *Масса И.* Указ. соч. С. 122.

¹⁵ Собрание государственных грамот и договоров (далее СГГД). Т. II. СПб., 1819. С. 266.

¹⁶ Сборник материалов по русской истории начала XVII века. С. 82.

¹⁷ См.: *Жолкевский С.* Записки о московской войне. СПб., 1871. С. 10.

¹⁸ *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990. С. 193.

¹⁹ *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков. М., 1974. С. 329–330.

²⁰ РИО. Т. 137. С. 296–300.

²¹ См.: *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. II: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). СПб., 1894. С. 69, 70.

²² См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. Т. 4. М., 1902. С. 138–139.

²³ РИО. Т. 137. № 15.

²⁴ См.: *Скрынников Р.Г.* Проблемы гражданской войны в России в начале XVII в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.А. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января — 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 230.

²⁵ Цит. по: *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 81.

²⁶ См.: *Захарьина Н.С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607–1610 гг.) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев, 1980. С. 134–137.

²⁷ Цит. по: *Любименко И.И.* Английский проект 1612 года о подчинении русского Севера протекторату Якова I (Б.м., б. г.). С. 6–7.

²⁸ См.: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 271.

²⁹ См.: *Любименко И.И.* Указ. соч. С. 7, 10.

³⁰ Там же. С. 5.

³¹ См.: *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 72.

³² См.: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. С. 273.

³³ Цит. по: *Фигаровский В.А.* О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Л., 1937.

³⁴ *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 168.

³⁵ См.: *Любименко И.И.* Указ. соч. С. 13–14.

³⁶ РИО. Т. 142. СПб., 1913. С. 64–70.

³⁷ См.: *Ардабьякин Е.Н.* Вопросы русско-польских отношений в соборной практике России 1610 года // Славянский сборник. Вып. 4. Саратов, 1990. С. 163–164.

³⁸ РИО. Т. 142. С. 182–184.

³⁹ Там же. С. 146–149.

⁴⁰ См.: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. С. 280–281.

⁴¹ Там же. С. 283.

⁴² См.: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. 357–372.

⁴³ См.: *Станиславский А.А.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 32, 76.

⁴⁴ СГД. Т. II. № 204.

⁴⁵ См.: *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол. Юрьев, 1913. С. 30–31.

⁴⁶ *Celtsch W.* Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII Jahrhundert. Teil. 1: 1604–1654. Groz — Köln, 1960. S. 64–69.

⁴⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. 2. СПб., 1852. С. 931.

⁴⁸ См.: *Савич А.А.* Деулиское перемирие 1618 г. (из истории польской интервенции начала XVII века) // Московский гос. пед. ии-т им. К. Либкнехта. Ученые записки. Серия историческая. Вып. 2. Т. IV. М., 1939. С. 52–54.

⁴⁹ *Leitsch W.* Op. cit. S. 108–112.

⁵⁰ См.: *Соловьёв С.М.* Соч. Кн. V. М., 1990. С. 42–52; *Савич А.А.* Указ. соч. С. 65–74.

⁵¹ РИО. Т. 24. СПб., 1878. С. 5.

⁵² См.: *Станиславский А.А.* Указ. соч. С. 116.

⁵³ См.: *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 141.

⁵⁴ См.: *Станиславский А.А.* Указ. соч. С. 166.

⁵⁵ *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. С. 60.

⁵⁶ *Kopnov S.* Anglo-Russian Relations 1617–1618 // Oxford Slavonic Papers. V. I. 1950. P. 68.

⁵⁷ *Флоря Б.Н.* Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 48–53.

⁵⁸ *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. С. 126, 158.

⁵⁹ СГГД. Т. I. М., 1822. № 57.

⁶⁰ Книги разрядные. Т. I. СПб., 1853. С. 829.

⁶¹ *Черепнин А.В.* Указ. соч. С. 239.

⁶² *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. С. 168.

⁶³ Там же. С. 181.

⁶⁴ См.: *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 190.

⁶⁵ См.: *Телегина Э.П.* К вопросу о торгово-предпринимательской деятельности англичан в России в 30–40-е годы XVII века // Ученые записки Благовещенского ии-та им. М.И. Калинина. Т. 9. Историко-филологический факультет. 1958. С. 230.

⁶⁶ РИО. Т. 116. СПб., 1902. С. 79, 167–168.

⁶⁷ Цит. по: *Смирнов П.П.* Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцев в 1627 г. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 23. 1912, С. 99–100.

⁶⁸ См.: *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 190.

⁶⁹ См.: *Вернадский Г.Д.* Московское царство. Ч. I. Тверь; М., 1997. С. 294.

⁷⁰ Цит. по: *Телегина Э.П.* Указ. соч. С. 236.

⁷¹ Цит. по: *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 197.

⁷² См.: *Форстей Г.В.* Указ. соч. С. 363.

⁷³ См.: *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 217–228.

⁷⁴ См.: Там же. С. 228.

⁷⁵ См.: *Арзыматов А.А.* К вопросу о русско-шведских отношениях в 1618–1648 гг. (по материалам ЦГАДА) // Скандинавский сборник. Вып. I. Таллин, 1956. С. 82.

⁷⁶ *Форстеи Г.В.* Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 2. СПб., 1893. С. 74.

⁷⁷ См.: *Флоря Б.Н.* Русско-османские отношения и дипломатическая подготовка Смоленской войны // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 20.

⁷⁸ См.: *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 21–22.

⁷⁹ *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913. Приложение. С. XXXVII–XL.

⁸⁰ См.: *Флоря Б.Н.* Русско-османские отношения и дипломатическая подготовка Смоленской войны. С. 23.

⁸¹ Там же. С. 25–26.

⁸² Акты Московского государства (далее — АМГ). Т. I. СПб., 1890. № 328. С. 346; № 329. С. 346–347; № 330. С. 347. 348; № 331. С. 348; № 335. С. 351; № 336. С. 351, 352; № 337. С. 352.

⁸³ См.: *Поршнев Б.Ф.* На путях к Поляновскому миру 1634 г. // Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI–XX веков. Сборник статей к 80-летию академика И.М. Майского. М., 1964. С. 513–524.

⁸⁴ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 16. СПб., 1897. С. 628.

⁸⁵ См.: *Вайнштейн О.А.* Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. М., 1947. С. 164.

⁸⁶ См.: *Арзыматов А.А.* Указ. соч. С. 72.

⁸⁷ См.: *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 316–317.

⁸⁸ См.: *Вайнштейн О.А.* Указ. соч. С. 190–192.

⁸⁹ *Флоря Б.Н.* К изучению русско-османских отношений накануне и во время Смоленской войны // Etudes balcaniques. 1987. № 2. Р. 53.

⁹⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академик наук. Т. 3. СПб., 1836. № 469. С. 434–435.

⁹¹ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 247–248.

⁹² *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 192, 202.

⁹³ *Сташевский Е.* Указ. соч. Приложение. С. XLVI–XLVIII.

⁹⁴ *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 215–216.

⁹⁵ *Поршнев Б.Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5; *Он же.* Развитие «балашовского» движения в феврале-марте 1634 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. К 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963.

⁹⁶ Акты, относящиеся к истории Земских соборов / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1920. С. 38; см. *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 250.

⁹⁷ Отрывки дневник о войне царя Михаила Федоровича с польским королем Владиславом. 1632–1634 // РИБ. Т. I. СПб., 1872. С. 768–769.

⁹⁸ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россией и Польшей по 1700 г. Ч. 3. М., 1862. С. 73–77.

⁹⁹ См.: *Телегина Э.П.* Указ. соч. С. 236–237.

¹⁰⁰ См.: *Кан А.С.* Стокгольмский договор 1649 года // Скандинавский сборник. Вып. I. Таллинн, 1956. С. 105.

¹⁰¹ См.: *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 237.

¹⁰² Там же. С. 259.

¹⁰³ См.: *Шумилов В.Н.* Дело Земского собора 1639 г. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 294.

¹⁰⁴ *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 281.

¹⁰⁵ См.: *Флоря Б.Н.* О Земском соборе 1642 г. // Чтения памяти В.Б. Кобринна. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 183.

¹⁰⁶ Цит. по: *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 2. СПб., 1858. С. 295–297.

¹⁰⁷ См.: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Ч. 2 // Ученые записки МГУ. М., 1946. С. 90.

¹⁰⁸ См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 452–453.

¹⁰⁹ Цит. по: *Флоря Б.Н.* К истории переговоров о русско-польском антиосманском союзе в середине 40-х гг. XVII в. // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 126–133.

¹¹⁰ См.: *Флоря Б.Н.* К истории русско-османских отношений в середине 40-х годов XVII в. // *Etudes balcaniques*. 1991. № 2.

¹¹¹ См.: *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 365–367.

¹¹² Там же. С. 386.

Глава V

¹ Цит. по: *Шестаков М.* Инструкция письменному голове Пояркову. Из Якутского областного архива // Чтения Общества истории и древностей Российских. Кн. I. Отд. 5. М., 1861. С. 1.

² Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ). Т. III. СПб., 1848. С. 31.

³ Там же. С. 55; РГАДА. Ф. Якутская Приказная изба. Оп. I. Стб. 43. Л. 360.

⁴ См.: *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке. М., 1974.

⁵ См.: *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 601.

⁶ Там же. С. 600, 601.

⁷ ДАИ. Т. III. С. 57.

⁸ См.: *Мелихов Г.В.* Указ. соч. С. 121–124 и др.

⁹ Там же. С. 117.

¹⁰ См.: *Нарочницкий АЛ., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. I. М., 1973; *Думан Л.И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи. М., 1970.

¹¹ *Тихвинский С.А.* Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 40.

¹² См.: Чулков Н.П. Ерофей Павлович Хабаров — добытчик и прибыльщик XVII века // Русский архив. Кн. I. Вып. 2. М., 1898. С. 179; Сафронов Ф.Г. Е.П. Хабаров. 2-е изд. Благовещенск, 1983.

¹³ Русско-китайские отношения в XVII веке (далее — РКО). Т. I: 1608–1683. М., 1969. № 56. С. 126–127.

¹⁴ ДАИ. Т. III. С. 258.

¹⁵ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. М., 1966. С. 50.

¹⁶ См.: Копылов А.Н., Мясников В.С. Рецензия на книгу Яковлева П.Т. «Первый русско-китайский договор 1689 г.». М., 1958 // История СССР. 1959. № 4. С. 179.

¹⁷ ДАИ. Т. III. С. 360.

¹⁸ Там же. С. 361; РКО. Т. I. С. 135.

¹⁹ См.: Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 77.

²⁰ ДАИ. Т. III. С. 363.

²¹ Яковлева П.Т. Указ. соч. С. 71.

²² ДАИ. Т. III. С. 365; РКО. Т. I. С. 135.

²³ Да Цин Шнцзу Чжаихуанди шилу (Правдивые записи о правлении Величественного императора Шицзу великой Цин). Гл. 68. Л. 24 а.

²⁴ Цит. по: Чулков Н.П. Указ. соч. С. 189.

²⁵ РКО. Т. I. Док. № 71. С. 152–165.

²⁶ Мясников В.С. Указ. соч. С. 90–91.

²⁷ ДАИ. Т. IV. № 31. СПб., 1851. С. 80–83; РКО. Т. I. Док. № 82. С. 213.

²⁸ См.: Мелихов Г.В. Ивовый палисад — граница Цинской империи // Вопросы истории. 1981. № 8.

²⁹ См.: Курц Б.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929. С. 33.

³⁰ См.: Яковлева П.Т. Указ. соч. С. 97.

³¹ См.: Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966. С. 94–95.

³² Думан Л.И. Предисловие // Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966. С. 7; Он же. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977. С. 282–283.

³³ См. Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке. С. 107–113.

³⁴ См.: Мясников В.С. Указ. соч. С. 100.

³⁵ РИБ. СПб., 1894. Т. 15 (Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову).

³⁶ Ёсида К. Росиа — ио тохо сиисюцу то Нэрутнисуку дзэ яку (Проникновение России на восток и Нерчинский договор). Токио, 1984. С. 77–78.

³⁷ См.: Александров В.А. Указ. соч. С. 30.

³⁸ Чжан Юйшн. Чжан вэнь чжэнь гунцзи (Б.м., б. г.). Цзюань 8. С. 24а — 24б.

³⁹ РКО. Т. I. С. 268.

⁴⁰ Там же. С. 268–269.

⁴¹ Там же. С. 272.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Мелихов Г.А. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1974. № 7.

⁴⁵ РКО. Т. I. С. 271.

⁴⁶ См.: Мясников В.С. Указ. соч. С. 125, 128, прим. I.

⁴⁷ РКО. Т. I. Док. № 182. С. 332–334.

⁴⁸ Там же. Док. № 182. С. 335–346.

⁴⁹ См.: Александров В.А. Указ. соч. С. 55–56.

⁵⁰ См.: Мясников В.С. Указ. соч. С. 161–162.

⁵¹ См.: Александров В.А. Указ. соч. С. 126–129.

⁵² См.: Мелихов Г.В. Россия и Цииская империя на Дальнем Востоке (40–80-е годы XVII в.). Гл. III. М., 1989.

⁵³ РКО. Т. II: 1686–1691. М., 1972. С. 645–646.

⁵⁴ См.: Мясников В.С. Указ. соч. С. 259.

⁵⁵ См.: Мелихов Г.В. Россия и Цииская империя на Дальнем Востоке (40–80-е годы XVII в.). С. 356. «Великие послы о том подтверждали клятвою по своей вере, подняв руки выше головы, что конечно в тех местах никогда ханов а высочества никакого поселения имети не будет» (РКО. Т. II: Статейный список Ф.А. Головина. С. 596–597).

⁵⁶ РКО. Т. II. С. 565.

⁵⁷ Там же. С. 573, 576.

⁵⁸ Невельский Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Хабаровск, 1969. С. 179.

Глава VI

¹ См.: Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись иеобычайных явлений природы. М., 1988. С. 334.

² Там же.

³ Там же. С. 335.

⁴ Акты, относящиеся к истории южной и западной России (далее — АЮЗР). Т. 3. СПб., 1862. С. 490–493.

⁵ См.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в 1-й половине XVII в. М., 1948. С. 204–222.

⁶ Цит. по: Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 88.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ См.: Черепнин Л.В. Земские соборы в Русском государстве XVI–XVII вв. М., 1978. С. 331.

⁹ Там же. С. 336.

¹⁰ АЮЗР. Т. 10. СПб., 1878. С. 139.

¹¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы (далее — ВУСР). Т. 3. Киев, 1953. С. 320–321.

¹² АЮЗР. Т. 10. С. 181.

¹³ Там же. С. 192–193.

¹⁴ Там же. С. 194–204.

¹⁵ Там же. С. 206.

¹⁶ Там же. С. 218–219.

¹⁷ См.: *Мыщик Ю. А.* Записки иностранцев как источник по истории Украины (вторая половина XVI — середина XVII в.) // ДГУ. Днепропетровск, 1981. С. 23.

¹⁸ *Шевалье П.* Історія війни козаків проти Польщі з розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про перекопських татар. Київ, 1960. С. 31.

¹⁹ См.: *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская внешняя политика в середине XVII в. М., 1970. С. 263; *Крипьякевич І. П.* Богдан Хмельницький. Київ, 1954. С. 76.

²⁰ См.: *Черетинин А. В.* Указ. соч. С. 334.

²¹ См.: *Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 34–35. 22 См.: Там же. С. 15.

²² См.: Там же. С. 27, 50.

²³ См.: *Заборовский А. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 17.

²⁴ *Воззрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1988. С. 25.

²⁵ РГАДА. Ф. 93. Сношения с Францией. Оп. 1: 1654. Кн. 4. Л. 2–15 об.

²⁶ Там же. Л. 17 об.

²⁷ Там же. Л. 17 об. — 18.

²⁸ Там же. Л. 18.

²⁹ Там же. Л. 26–31.

³⁰ Там же. Л. 61–61 об.

³¹ РГАДА. Ф. 32: Сношения с Австрией. Оп. 1: 1654. Стб. 4. Л. 28–52.

³² ВУСР. Т. III. М., 1953. С. 562.

³³ РГАДА. Ф. 96: Сношения со Швецией. Оп. 1: 1654. Стб. 3. Л. 41–44.

³⁴ *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 29.

³⁵ РГАДА. Ф. 96: Сношения со Швецией. Оп. 1: 1654. Стб. 3. Л. 43.

³⁶ Там же. Стб. 4. Л. 61. Ответная грамота королевы Христины не найдена, но упоминание о ней есть в царской грамоте к новому шведскому королю Карлу X Густаву.

³⁷ 38 *Kosman M.* Na tropach bochaterów tryrogiv. Warszawa, 1966. S. 127.

³⁸ Документи Богдана Хмельницького. Київ, 1961. С. 364–365.

³⁹ Там же. С. 370.

⁴⁰ См.: *Ермоленко А. Ф.* Украинско-молдавские отношения в годы Освободительной войны украинского народа (1648–1654) // Воссоединение Украины с Россией 1654–1954. Сборник статей. М., 1954. С. 231–232.

⁴¹ См.: *Мохов Н.А.* Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинёв, 1961. С. 102–103.

⁴² См.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Т. 2. М., 1968. С. 242.

⁴³ Там же. С. 244.

⁴⁴ Там же. С. 247.

⁴⁵ АЮЗР. Т. 10. С. 581.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ АЮЗР. Т. 10. С. 581–582.

⁴⁸ Там же. С. 582.

⁴⁹ См.: *Шевченко Ф.П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959. С. 88–89, 142–143, 289–290 и др.

⁵⁰ См.: *Некрасов А.М.* Крым — центр причерноморской контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995; См.: *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 186; См.: *Яворницький Д.И.* Історія запорозьких козаків. Т. 1. Київ, 1990. С. 319–322; См.: *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1990. С. 152.

⁵¹ АЮЗР. Т. 10. С. 235.

⁵² См.: РГАДА. Ф. 123: Сношения с Крымом. Оп. 1: 1654. Стб. 2. Л. 26.

⁵³ АЮЗР. Т. 10. С. 443–444.

⁵⁴ См.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 555.

⁵⁵ См.: *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий. СПб., 1904. С. 576.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 123: Сношения с Крымом. Оп. 1: 1654. Стб. 3. Л. 12.

⁵⁷ Там же. Л. 9.

⁵⁸ Там же. Л. 16–17.

⁵⁹ См.: *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 102–103.

⁶⁰ АЮЗР. Т. 10. С. 589.

⁶¹ Документы Богдана Хмельницкого. С. 338–339, 336–337; АЮЗР. Т. 10. С. 589.

⁶² АЮЗР. Т. 10. С. 593.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ См.: *Мальцев А.Н.* Указ. соч. С. 25–36; АЮЗР. Т. 10. С. 372–373. 380, 382.

⁶⁶ См.: *Мальцев А.Н.* Указ. соч. С. 36.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 123: Сношения с Крымом. Оп. 1: 1654. Стб. 3. Л. 73–74.

⁶⁸ Там же. Л. 75–79; *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. 9. Ч. II. Київ, 1931. С. 928.

⁶⁹ Там же. С. 596.

⁷⁰ Документы Богдана Хмельницкого. С. 386.

⁷¹ См.: *Michałowski J.* Jakuba Michałowskiego, wojskiego lubelskiego, a późnej karsztelana bieckiego księga pamiętnicza z dawniego rękopisma, będącego własnością, Ludwiga hr. Mosztyna. Kraków, 1864. S. 734.

⁷² Ibid. S. 745–746.

⁷³ *Грушевський М.С.* Назв. твір. С. 1048.

⁷⁴ Там же. С. 1056,

⁷⁵ См.: *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. С. 152, 240.

⁷⁶ См.: Русская Историческая библиотека (далее — РИБ). Т. XXXIV. Кн. 5: Донские дела. СПб., 1917. С. 45.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 123: Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 181.

⁷⁸ См.: *Санин Г.А.* Указ. соч. С. 74–79, 177–180.

⁷⁹ См.: *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 102.

⁸⁰ Документи Богдана Хмельницького. С. 497.

⁸¹ *Крип'якевич І.П.* Назв. твір. С. 507.

⁸² См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 501.

⁸³ См.: *Грушевський М.С.* Назв. твір. С. 1105–1109.

⁸⁴ См.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Т. 2. С. 286–287.

⁸⁵ *Грушевський М.С.* Назв. твір. С. 1237.

⁸⁶ АЮЗР. Т. 3. С. 546–547.

⁸⁷ См.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Т. 2. С. 379.

⁸⁸ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. I. М., 1894. С. 158.

⁸⁹ Архив Южной и Западной России. Ч. III. Т. 6. Киев, 1908. С. 123.

⁹⁰ Там же. С. 127.

⁹¹ Там же. С. 129.

⁹² Там же. С. 111.

⁹³ См.: Документи Богдана Хмельницького. С. 573; АЮЗР. Т. 11. СПб., 1881. С. 693.

⁹⁴ См.: *Санин Г.А.* Антиосманская борьба югославянских народов и внешняя политика России во 2-й пол. XVII — начале XVIII в. // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Научни скупови Српске академије наука и уметности. Књ. XXXII. Отдельне историјских наука. Књ. XXXII. Београд, 1986.

⁹⁵ АЮЗР. Т. 3. С. 558; Документи Богдана Хмельницького. С. 579.

⁹⁶ Жерела до сторії України–Руси. Т. XII. Львів, 1911. С. 422.

⁹⁷ Там же. С. 479–482.

⁹⁸ См.: *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 602–611.

⁹⁹ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 501–502.

¹⁰⁰ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 504.

¹⁰¹ См.: Там же. С. 505.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: Санин Г.А. Указ. соч. С. 214–226.

¹⁰⁴ См.: Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. СПб. (Б.г.). С. 323.

¹⁰⁵ Там же. С. 324.

¹⁰⁶ См.: Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. С. 326–327.

¹⁰⁷ АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. С. 141–144.

¹⁰⁸ См.: Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 34, 35.

¹⁰⁹ Там же. С. 50–51.

¹¹⁰ См.: Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. С. 331.

¹¹¹ Там же. С. 330.

¹¹² Там же. С. 91.

¹¹³ См.: *Wójcik Z.* Między traktatem Andrusowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 7; *Галактионов И.В.* Из истории русско-польского сближения в 50–60-х гг. XVII в. (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960.

¹¹⁴ См.: *Wójcik Z.* Op. cit. S. 25.

¹¹⁵ Ibid. S. 28.

¹¹⁶ Ibid. S. 11, 13.

¹¹⁷ См.: *Апанович О.М.* Запорізка Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії 50–70 роки XVII ст. Київ, 1961. С. 207.

¹¹⁸ ПСЗ. Т. I. СПб., 1830. С. 663–665.

¹¹⁹ Там же. С. 665.

¹²⁰ Там же. С. 663.

¹²¹ РГАДА. Ф. 79: Сношения с Польшей. Оп. I. Кн. 113. Л. 1.

¹²² Там же. Л. 5 об., 9 об., 20–24, 37, 50–64, 66 об., 90, 93, 137, 143.

¹²³ РГАДА. Ф. 89: Сношения с Турцией. Оп. I: 1667. Стб. 1. Л. 35.

¹²⁴ ПСЗ. С. 663.

¹²⁵ См.: ПДС. Т. 4. СПб., 1856. С. 617.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 79: Сношения с Польшей. Оп. I. Кн. 113. Л. 20, 30 об., 47 об., 81–81 об.

¹²⁷ См.: Древняя российская вифлиофика. Ч. 4. М., 1788. С. 381–382.

¹²⁸ Там же. С. 385.

¹²⁹ Там же. С. 392.

¹³⁰ Там же. С. 426–427.

¹³¹ См.: Путешествия русских послов. Тексты Статейных списков. М., 1954. С. 270.

¹³² Там же. С. 293.

¹³³ См.: *Wójcik Z.* Op. cit. S. 32.

¹³⁴ ПДС. Т. 4. С. 561.

¹³⁵ Там же. С. 601–602.

¹³⁶ Там же. С. 647–648.

¹³⁷ См.: Русский биографический словарь. Т. VI. СПб., 1916. С. 25–26.

¹³⁸ ПДС. Т. 4. С. 617.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 79: Сношения с Польшей. Оп. 1. Кн. 113. Л. 10 об.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 89: Сношения с Турцией. Оп. 1: 1667. Стб. 1. Л. 223–224.

¹⁴² См.: *Wójcik Z.* Op. cit. S. 40–47.

¹⁴³ *Санин Г.А.* О начальном этапе восстания Степана Разина // Советские архивы. 1969. № 3. С. 71.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 89: Сношения с Турцией. Оп. 1. Ки. 10, 1668 г. Л. 57–57 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 79.

¹⁴⁶ Там же. Л. 268.

¹⁴⁷ Там же. Л. 125–126 об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 123 об.-124.

¹⁴⁹ Там же. Л. 150 об.-151.

¹⁵⁰ Там же. Л. 151.

¹⁵¹ Там же. Л. 151 об.

¹⁵² АЮЗР. Т. IV. СПб., 1863. С. 265.

¹⁵³ См.: *Санин Г.А.* Некоторые черты политики гетмана Петра Дорошенка // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. Вип. II. Київ, 1993. С. 25.

¹⁵⁴ См.: *Санин Г.А.* Русско-польские отношения 1667–1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 281–282.

¹⁵⁵ См.: Там же. С. 283.

¹⁵⁶ См.: *Санин Г.А.* Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 226.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 79: Сношения с Польшей. Оп. 1: 1667. Стб. 26.

¹⁵⁸ Там же. Кн. 116. Л. 18–18 об., 41 об. — 42.

¹⁵⁹ Там же. Оп. 1: 1671. Стб. 17. Л. 365 и об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 367 об.. 368.

¹⁶¹ Там же. Оп. 1. Кн. 141. Л. 498–499 об.

¹⁶² См.: *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. XV; Руина. СПб., 1905. С. 223.

¹⁶³ Там же. С. 238–246.

¹⁶⁴ Там же. С. 290–296.

¹⁶⁵ См.: *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 352–356.

Глава VII

¹ См.: Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подг. текста и коммент. А.А. Зимина. М., 1978 (далее — Гос. арх. XVI ст.); *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984.

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 298, 208–212.

- ³ РИО. Т. 33. СПб., 1881. С. 112; *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 96–97.
- ⁴ Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета / Сост. Ю.А. Лимонов. М., 1982. С. 160.
- ⁵ См.: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 99–105.
- ⁶ См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. Справочник / Сост. В.И. Савва, ред. С.О. Шмидт. М., 1983.
- ⁷ См.: *Соболева Н.А.* Символы русской государственности // ВИ. 1979. № 6. С. 47–59; *Он же.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 16–18.
- ⁸ *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. Пг., 1919. С. 160.
- ⁹ См.: Гос. арх. XVI ст.
- ¹⁰ См.: *Рогожин Н.М.* К вопросу о создании и сохранности посольских книг конца XV — начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 22–30; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). С. 17–37.
- ¹¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906. С. 23.
- ¹² См.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 26–27.
- ¹³ Там же; Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. Справочник; *Савва В.И.* О Посольском приказе XVI в. Харьков, 1917.
- ¹⁴ См.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 115–130.
- ¹⁵ *Арсеньев А.В.* История посылки первых студентов за границу при Борисе Годунове. СПб., 1887.
- ¹⁶ См.: *Костюхина Л.М.* Книжное дело в России XVII в. М., 1974; *Кудрявцев И.М.* Издательская деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга, Исследования и материалы. Сб. VIII. М., 1963. С. 179–244; *Луттов С.П.* Книга в России в XVII в. М., 1970.
- ¹⁷ См.: *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971. С. 54–55.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5; Ф. 79. Оп. 1. Д. 10.
- ¹⁹ См.: *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 95.
- ²⁰ См.: *Рогожин Н.М.* Посольские книги и другие источники XVII в. о социальном составе и имущественном положении членов русских посольств 1613–1616 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 51–69; СГТД. Т. 3. СПб., 1822. С. 222–223; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.
- ²¹ См.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 36, 58.
- ²² См.: *Бондаренко И.* Здания Посольского приказа // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916. С. 98–107; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 60–63.

²³ См.: *Алпатов М.А.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. Историография всеобщей истории. Сб. ст. М., 1966. С. 89 и след.

²⁴ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1 (1480–1517 гг.); Ф. 79. Оп. 1. Д. 1 (1487–1500 гг.); Ф. 123. Оп. 1. Д. 1–2 (1474–1505 гг.); Ф. 127. Оп. 1. Д. 1 (1489–1508 гг.); Ф. 52. Оп. 1. Д. 1 (1509–1571 гг.); Ф. 74. Оп. 1. Д. 1 (1516–1520 гг.); Ф. 89. Оп. 1. Д. 1 (1512–1564 гг.); Ф. 32. Оп. 1. Д. 1; Д. 2 (1517–1518 гг.); Ф. 79. Оп. 1. Д. 1; Д. 3 (1542–1544 гг.); Д. 4 (1549–1558 гг.); Ф. 127. Оп. 1. Д. 1–3 (1489–1549 гг.); Ф. 123. Оп. 1. Д. 1–9 (1474–1548 гг.); Ф. 74. Оп. 1. Д. 1; Ф. 35. Оп. 1. Д. 1–2 (1581–1593 гг.); Ф. 53. Оп. 1. Д. 1–2 (1559–1575 гг.); Ф. 110. Оп. 1. Д. 1–2 (1586–1594 гг.); Ф. 52. Оп. 1. Д. 1–3 (1509–1594 гг.); Ф. 78. Оп. 1. Д. 1–3 (1576–1606 гг.); Ф. 89. Оп. 1. Д. 1–3 (1512–1594 гг.); Ф. 77. Оп. 1. Д. 1–5 (1508–1595 гг.); Ф. 96. Оп. 1. Д. 1–7 (1555–1595 гг.); Ф. 32. Оп. 1. Д. 1–9 (1488–1599 гг.); Ф. 127. Оп. 1. Д. 1–10 (1489–1582 гг.); Ф. 123. Оп. 1. Д. 1–21 (1474–1596 гг.); Ф. 79. Оп. 1. Д. 1–25 (1487–1602 гг.).

²⁵ РИО. Т. 129. С. 49–50, 86; ПДС. Т. 1. С. 515; см. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 45; ПДС. Т. II. С. 738.

²⁶ РИО. Т. 35. С. 125.

²⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 об.–41 об.; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 324–329; 355–357 и др.; ПДС. Т. 1. С. 242–243.

²⁸ РИО. Т. 53. С. 71

²⁹ РИО. Т. 38. С. 301.

³⁰ РИО. Т. 38. С. 141–144.

³¹ Там же. С. 144.

³² Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489–1508 гг. М., 1984. С. 63–64; РИО. Т. 41. С. 12–13.

³³ РИО. Т. 41. С. 33, 65–67, 205, 206.

³⁴ РИО. Т. 35. С. 276.

³⁵ РИО. Т. 95. С. 124.

³⁶ РИО. Т. 129. С. 204, 207, 345.

³⁷ РИО. Т. 71. С. 190, 323, 465.

³⁸ Там же. С. 465–466; Т. 59. С. 227 и след.

³⁹ РИО. Т. 71. С. 766–791.

⁴⁰ РИО. Т. 41. С. 54.

⁴¹ ПДС. Т. II. С. 618; Т. I. С. 171.

⁴² *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1 (1578–1613). М., 1889. С. 378.

⁴³ РИО. Т. 41. С. 441–442; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 48. Л. 129; ПДС. Т. I. С. 950.

⁴⁴ ПДС. Т. I. С. 100.

⁴⁵ РИО. Т. 71. С. 523; Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки (далее — Путешествия русских послов), М.; Л., 1954. С. 7–62.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 151 об., 151 об. — 152 об.

- ⁴⁷ Там же. Л. 152, 152 об.
- ⁴⁸ ПСРА. Т. 13. М., 1965. С. 387.
- ⁴⁹ Путешествия русских послов... С. 65–67, 89, 80–89.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 178–275; Д. 13. Л. 242–286 об.; Д. 14. Л. 1–22, 171 об. — 191 об.
- ⁵¹ ПДС. Т. I. С. 664–714, 860–897, 928–959; РИО. Т. 38. С. 43; ПДС Т. X. С. 26–27.
- ⁵² *Герберштейн* С. Записки о Московий. СПб., 1866. С. 188.
- ⁵³ Письмо Иоганна Кобеицля о России XVI века // ЖМНП. 1843. № 9. С. 148.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об.; *Лурье* Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских посольских делах XVI в. // Вопросы истории, религии и атеизма. Вып. VI. М., 1958. С. 224–225.
- ⁵⁵ *Белокуров* С. А. Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁶ Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. Справочник. С. 136.
- ⁵⁷ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880. С. 186.
- ⁵⁸ *Белокуров* С. А. Указ. соч. С. 27–28.
- ⁵⁹ ПСРА. Т. 13. М., 1965. С. 522–526, 529–532.
- ⁶⁰ См.: Око всей великой России. М., 1989. С. 54–71; *Граля* И. Иван Михайлович Висковатый. М., 1994.
- ⁶¹ *Подобедова* О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 40–58.
- ⁶² О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 84–85.
- ⁶³ *Шлихтинг* А. Новые известия о России времен Ивана Грозного. Л., 1934. С. 46.
- ⁶⁴ РИО. Т. 129. С. 96.
- ⁶⁵ *Скрынников* Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 82–94.
- ⁶⁶ *Юзефович* Л. А. Как в посольских обычаях ведется. М., 1988. С. 33.
- ⁶⁷ *Шмидт* С. О. Указ. соч. С. 206.
- ⁶⁸ *Мятлев* Н. В. Челобитная Михаила Татищева. М., 1907. С. 56.
- ⁶⁹ См.: *Веселовский* С. Б. Указ. соч. С. 588.
- ⁷⁰ Древняя российская вифлиофика. Т. XIII. М., 1790. С. 76.
- ⁷¹ *Карамзин* Н. М. История государства Российского. Т. X. СПб., 1818–1824. С. 11.
- ⁷² ПДС. Т. I. С. 503; цит. по; Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С. 55.
- ⁷³ Местнический справочник XVII века. Вильно, 1910. С. 66–67.
- ⁷⁴ Цит. по: *Соловьёв* С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. М., 1960. С. 682.
- ⁷⁵ *Горсей* Дж. Записки о Московии XVI века. СПб., 1909. С. 60, 127, 133, 135.
- ⁷⁶ Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. С. 55.
- ⁷⁷ Писцовые книги XVI в. Т. 1. СПб., 1877. С. 1525; Акты Московского государства (далее — АМГ). Т. 1. СПб., 1890. С. 39.

- ⁷⁸ АМГ. С. 37.
- ⁷⁹ См.: *Кафамзин Н.М.* Указ. соч. Прим. 342.
- ⁸⁰ См., например, АМГ. С. 604, 608–611, 614, 656, 646.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 405; Д. 14. Л. 33, 154, 173, 194, 301 об.–326.
- ⁸² См., в частности, *Савва В.И.* Указ. соч. С. 118.
- ⁸³ См.: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1888. С. 36.
- ⁸⁴ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 646.
- ⁸⁵ Там же. С. 662.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 18. Л. 221 об. — 223 об., 551–551 об.
- ⁸⁷ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 4. С. 304.
- ⁸⁸ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 241–242.
- ⁸⁹ См.: *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 42.
- ⁹⁰ См.: *Скрынников Р.Г.* Россия накануне Смутного времени. М., 1981. С. 57.
- ⁹¹ АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. С. 348.
- ⁹² *Лихачёв Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 226.
- ⁹³ Автор признателен Д.В. Лисейцеву за представленные сведения об И.Т. Грамотине. См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. Справочник. Вып. 2. М., 1983. С. 347.
- ⁹⁴ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 129.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 320.
- ⁹⁷ Там же. С. 358.
- ⁹⁸ *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории (1883–1912 гг.). Т. 1. СПб., 1912. С. 343–344.
- ⁹⁹ *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVIII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 22.
- ¹⁰⁰ *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 81–87.
- ¹⁰¹ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 42.
- ¹⁰² Там же. С. 110.
- ¹⁰³ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- ¹⁰⁴ *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. М., 1992. С. 59.
- ¹⁰⁵ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- ¹⁰⁶ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 110. См.: также *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- ¹⁰⁷ *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 10. С. 457.
- ¹⁰⁸ *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых. С. 390.
- ¹⁰⁹ *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. III. М., 1988. С. 314, 315.
- ¹¹⁰ Там же. С. 319.

¹¹¹ Цит. по: Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Отв. ред. Е.В. Чистякова; Сост. Н.М. Рогожин. М., 1989. С. 112.

¹¹² *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. VI. М., 1991. С. 386.

¹¹³ Об А.Л. Ордин-Нащокине см.: *Чистякова Е.В.* Социально-экономические взгляды А.Л. Ордин-Нащокина (XVIII век). Труды. Т. XX. Воронеж: Воронежский Государственный университет, 1950; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 317.

¹¹⁴ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 381.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. С. 69.

¹¹⁷ Там же. С. 69–71.

¹¹⁸ *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 58, 117, 359, 387.

¹¹⁹ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 46.

¹²⁰ Русская старина. 1883. № 11. С. 298.

¹²¹ О Матвееве см.: История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева (далее — История). М., 1785; *Львов П.* Боярин Матвеев. СПб., 1848; *Матвеев П.* Артамон Сергеевич Матвеев в приказе Малой России и его отношение к делам и людям этого края // Русская мысль. Кн. 8–9. М., 1901; *Малиновский И.Ф.* Боярин, дворецкий и наместник серпуховской Артамон Сергеевич Матвеев, начальник государственного приказа посольской печати // Труды и летописи МОИДР. Т. 7. М., 1837; *Суворин А.* Боярин Матвеев. М., 1804; *Щепотьев Л.* Ближний боярин А.С. Матвеев...

¹²² *Малиновский А.* Биографические сведения об управляющих в России иностранными делами министрах. М., 1816. С. 27.

¹²³ Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной Е.А.В. канцелярией. Т. III. СПб., 1852. Стб. 234.

¹²⁴ История. С. 128.

¹²⁵ Там же. С. 59.

¹²⁶ Московский театр при царях Алексее и Петре. Сборник материалов / Изд. С.М. Богоявленский. М., 1914. С. 1.

¹²⁷ Там же. С. 30.

¹²⁸ АЮЗР. Т. 8. СПб., 1863. Стб. 369.

¹²⁹ История. С. 66.

¹³⁰ Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной Е.И.А. канцелярией. Т. III. Стб. 1378.

¹³¹ История. С. 11.

¹³² Там же. С. 4.

¹³³ Там же. С. 5.

¹³⁴ Там же. С. 374.

¹³⁵ Там же. С. 411, 414.

¹³⁶ Там же. С. 425.

Оглавление

От редколлегии	5
Предисловие (Г.А. Санин)	7
Глава I. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века (А.Н. Сахаров)	11
Глава II. Международные связи России в 70-е годы XV — первой половине XVI века (М.Е. Бычкова, А.В. Виноградов)	104
Глава III. Внешняя политика Ивана IV Грозного (А.В. Виноградов)	132
1. Внешняя политика России в период присоединения Нижнего и Среднего Поволжья	133
2. От противостояния с Крымом к борьбе за Ливонию	143
3. Дипломатическая подготовка Ливонской войны	158
4. Русская дипломатия на начальном этапе борьбы за Прибалтику	165
5. Русская дипломатия в разгар Ливонской войны	177
6. Русская дипломатия в период конфронтации с Крымом и Османской империей	196
7. Русская дипломатия в заключительный период борьбы за Ливонию	203
8. Внешнеполитическое положение русского государства в последние годы правления Ивана Грозного после завершения Ливонской войны	228
Итоги внешней политики Ивана IV Грозного	234
Глава IV. Смута. Иностранные интервенции и их последствия (конец XVI — первая половина XVII в.) (Е.И. Кобзарева)	238
1. Наследие Ивана IV и внешняя политика Бориса Годунова	239
2. Ажедмитрий в России. Его внешняя политика	245
3. Внешняя политика при Василии Шуйском	248
4. Проекты колонизации России и исход междоусобицы	251
5. Первые годы правления Михаила Романова: урегулирование отношений с Речью Посполитой и Швецией	257
6. Внешняя политика России в период Тридцатилетней войны	264
Глава V. Движение России на восток и Нерчинский договор с Китаем (Г.В. Мелихов)	288
Глава VI. Внешняя политика России во второй половине XVII века (Г.А. Санин)	318
1. Воссоединение Украины с Россией. Поиски союзников	318
2. Тревога в Бахчисарае. Несостоявшийся союз России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века	334
3. Начало русско-польской войны. От Смоленска до Каунаса и от Дрижиополя до Львова	339

4. Конец идеи союза со Швецией. Смерть Богдана Хмельницкого	345
5. «Смута» на Украине и политика России в 60-х годах XVII века	353
6. Международное положение и внешняя политика России после Андрусовского перемирия 1667 года	363
7. Россия, Османская империя и Крымское ханство в 1667–1672 годах. Русско-турецкая война. Вечный мир 1686 года	371
Глава VII. Посольский приказ и его роль в проведении внешней политики России (Н.М. Рогожин)	384
1. Боярская дума и ее внешнеполитические функции	384
2. Возникновение Посольского приказа. Его состав и деятельность	389
3. Посольства	393
4. Делопроизводство в Посольском приказе	395
5. Руководители Приказа, его видные сотрудники	412
Заключение (Г.А. Санин)	449
Примечания	454

Научное издание

**История внешней политики России
Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига
до Северной войны)**

Корректор: Иванченко С.Ю.
Компьютерная верстка: Крылов К.А.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Исакова Т.В.
Коновалова Т.Ю.

Подписано в печать 15.10.2018. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»,
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

ООО «Парадигма»,
адрес: 141070, Московская обл., г. Королев,
ул. Мичурина, д. 21, кв. 372

Отпечатано в областной типографии «Печатный двор»
(открытое акционерное общество),
адрес: 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academprom.ru.
